Изданіе редакціи журнала „ОБРАЗОВАНІЕ"

ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ НА ЗАПАДѢ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

П. Берлина,
Г. Гроссмана,
П. Зайдлича,
Д. Сатурина,
А. Лабріола
[illegible]
[illegible]
[illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Н. П. Собко. Почтамтская, 15.
1904.

Изданіе редакціи журнала „ОБРАЗОВАНІЕ“

ПЕРІОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ НА ЗАПАДѢ.

—

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

П. Берлина,
Г. Гроссмана,
П Звѣздича,
Д. Сатурина,
А. Лабріола,
Е. Смирнова,
И. Гурвича,
Э. Пименовой.

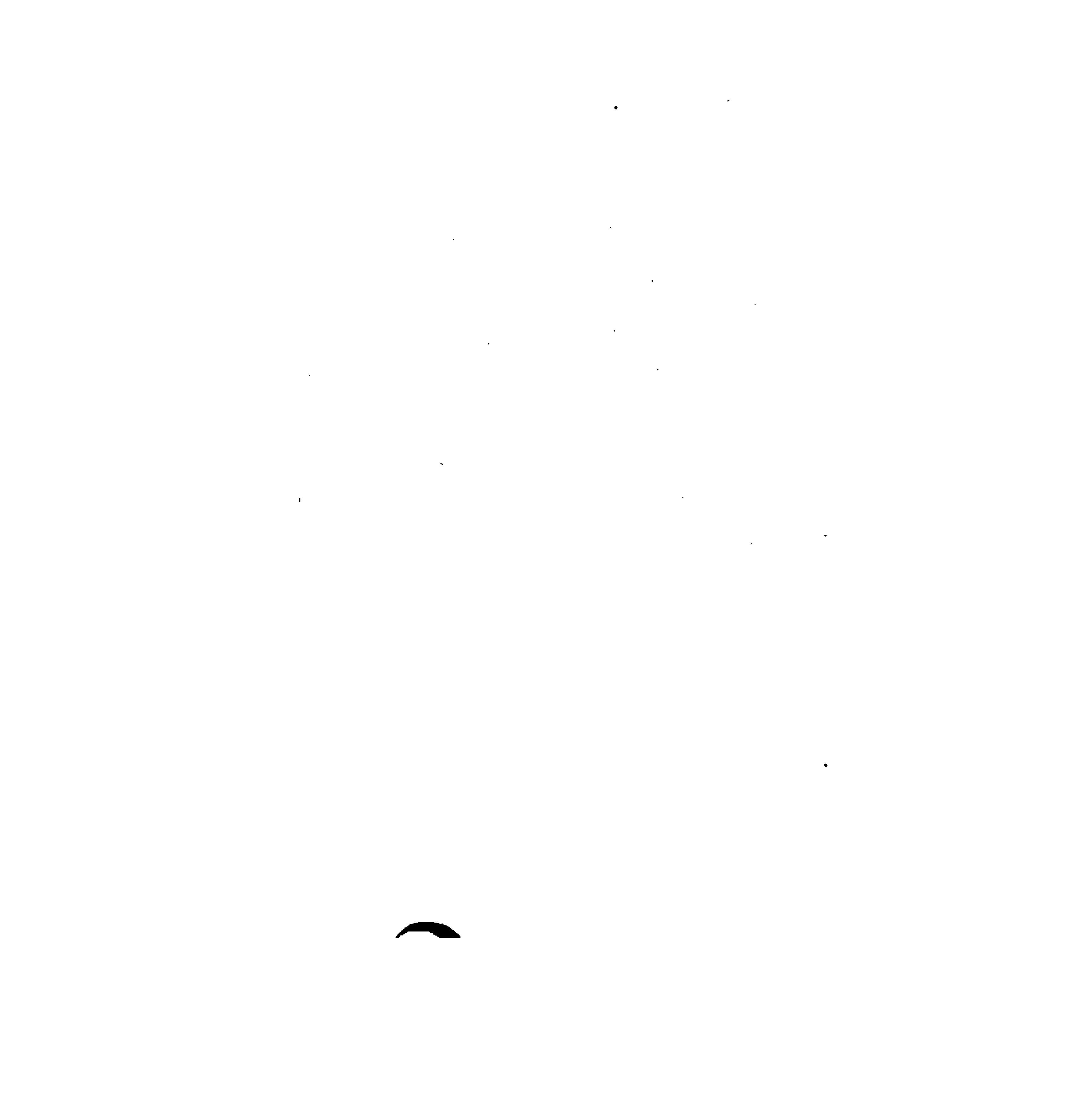
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Н. П. Собко. Почтамтская, 13.
1904.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Начало нынѣшняго года, на который пришлось празднованіе двухсотлѣтія періодической печати въ Россіи, ознаменовалось проявленіемъ въ русскомъ обществѣ большого интереса ко всему, что касается исторіи и положенія печати вообще. На этой почвѣ среди нѣкоторыхъ сотрудниковъ журнала «Образованіе» возникла мысль изданія сборника статей съ цѣлью ознакомленія русской читающей публики съ современнымъ положеніемъ періодической печати на Западѣ, уже много пережившей и достигшей большой высоты.

Настоящій сборникъ является осуществленіемъ этой мысли. Большая часть статей написана спеціально для «Сборника», нѣкоторыя же главы, напр. II и VII представляютъ переработку статей, ранѣе напечатанныхъ въ журналѣ «Образованіе». Къ нимъ же относится статья г-жи Пименовой, помѣщенная нами въ приложеніи къ «Сборнику». Намъ казалось полезнымъ присоединить этотъ чисто историческій очеркъ, такъ какъ онъ даетъ много интересныхъ указаній для уясненія прошлыхъ и будущихъ судебъ печати въ Россіи—что и составляетъ главную цѣль настоящаго «Сборника».

20 ноября 1903 г.
Спб.

Очерки современной журналистики.

Происхожденіе и эволюція газеты.—Газеты новѣйшей формаціи.—Искусство современнаго репортера. — Успѣхи газетной техники.—Издержки современныхъ газетъ.—Ростъ объявленій въ нихъ.—Капитализмъ въ печати.—Газетный пролетаріатъ.—Литературный бойкотъ.—Школы журнализма.—Общественное значеніе газеты.—Соціальное и правовое положеніе печати въ Западной Европѣ и Америкѣ.

I.

Филологи еще до сихъ поръ ведутъ нескончаемый споръ о происхожденіи слова газета. Иные филологи учено и упорно доказываютъ, что слово газета происходитъ отъ итальянскаго слова gazza, означающаго названіе мелкой монеты, выражавшей нѣкогда стоимость газетнаго номера, другіе же филологи столь же учено и столь же упорно доказываютъ, что слово газета произошло отъ итальянскаго глагола gazettare или garrulare, что означаетъ болтать, шумѣть. Обѣ спорящія стороны наваливаютъ груду матеріала, отъ котораго столбомъ поднимается пыль вѣковъ.

Я не знаю, кто правъ, кто неправъ въ этомъ спорѣ, но я твердо знаю, что современная дѣйствительность печатнаго слова одинаково хорошо подтверждаетъ и первое, и второе толкованіе слова газета.

Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, бросивъ взглядъ на такъ называемое литературное поприще, вы не найдете живого подтвержденія мертвеннымъ филологическимъ раскопкамъ и не воскликнете, что да, слово газета происходитъ отъ слова монета, выражающаго всю сокровенную сущность столь многихъ и столь почтенныхъ органовъ печати? Но, съ другой стороны, и

другая филологическая теорія, выводящая слово газета отъ слова болтать, тоже, конечно, не почувствуетъ недостатка въ подтвержденіяхъ, такъ какъ, что что, а ужъ искусство болтовни иные современные органы, и опять-таки весьма многіе и почтенные, изучили въ совершенствѣ.

Итакъ, ни филологическія изысканія, ни современность не даютъ намъ окончательнаго рѣшенія вопроса, откуда заимствовала свое имя газета. Но, памятуя восклицаніе Шекспира: «Что въ имени! Развѣ роза не также бы благоухала и подъ другимъ именемъ?», мы оставимъ въ покоѣ вопросъ о происхожденіи слова газета и познакомимся съ происхожденіемъ самой газеты.

И въ этой области далеко еще не все освѣщено свѣтомъ положительнаго знанія, и опять таки ведутся упорные и ученые споры о томъ, гдѣ, когда и у кого появились первыя газеты. Иные заглядываютъ въ сѣдую старину, за тысячелѣтія назадъ, и указываютъ на существованіе газеты у древнихъ китайцевъ, другіе считаютъ изобрѣтателями газеты древнихъ римлянъ (Моммсенъ, Бюхеръ и др.), третьи, наконецъ, ведутъ родословную газетъ лишь отъ изобрѣтенія книгопечатанія.

Если понимать подъ газетой только современную газету, регулярно въ очень короткіе сроки сообщающую печатными буквами на бѣлой бумагѣ различныя новости, то тогда, конечно, надо признать, что возможность появленія такого рода газеты была дана только съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія. Но есть ли какая нибудь надобность такъ суживать понятіе газеты и приноравливать его къ современному виду газетнаго дѣла? Мы думаемъ, что такого рода надобности рѣшительно нѣтъ. Газета, какъ и всѣ стороны и проявленія человѣческой жизни, развивалась и измѣнялась и лишь постепенно пріобрѣла такой видъ, какой она имѣетъ теперь.

Мы не станемъ заглядывать въ очень далекую старину и тревожить древнихъ китайцевъ, чтобы разспросить у нихъ о томъ, какія газеты у нихъ существовали. Всѣ относящіяся сюда мнѣнія представляютъ лишь догадки, весьма щедро разукрашенныя фантазіей современныхъ и древнихъ историковъ. Оставимъ ихъ поэтому въ покоѣ и обратимся къ болѣе достовѣрнымъ даннымъ.

Газета, въ широкомъ смыслѣ этого слова, могла возникнуть только тогда, когда, такъ сказать, районъ общественной жизни человѣка раздвинулся за узкіе предѣлы его семьи, его знакомыхъ, его касты. Пока не было въ наличности этого условія, пока люди жили совершенно замкнутыми группами, совершенно обособленными интересами, до тѣхъ поръ между ними могла существовать еще, пожалуй, въ томъ или иномъ видѣ переписка, но никакой газеты быть не могло. Газета прежде и раньше всего призвана удовлетворить, такъ сказать, соціальное любопытство, соціальную любознательность. Пока интересы человѣка были ограничены узкимъ кругомъ небольшой группы лицъ, не могло быть никакой ни нужды, ни потребности въ газетѣ. Бѣдная событіями жизнь этой группы была насквозь видна и извѣстна каждому ея участнику, и еслибы и появился среди нихъ какимъ нибудь чудомъ газетный предприниматель, то онъ бы не нашелъ матеріала для пополненія своего номера.

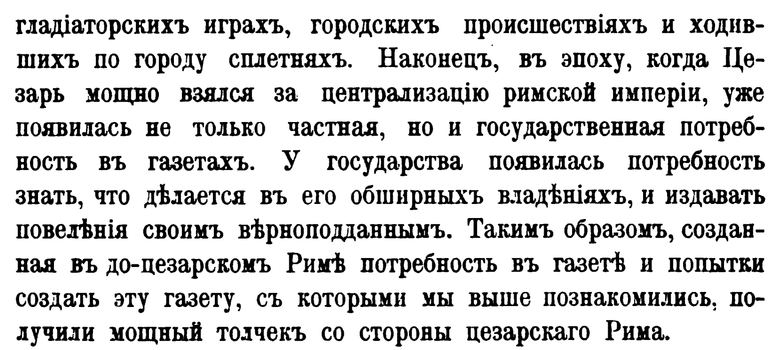
Газета могла возникнуть и возникла только тогда, когда общественная жизнь разрослась за предѣлы узко-кастовой, когда создалась близость общественныхъ убѣжденій, интересовъ, инстинктовъ на ряду съ географической разобщенностью людей. Когда по обширному пространству разселились люди, отдѣленные другъ отъ друга большими разстояніями и тѣсно связанные общностью интересовъ, узами родства и т. п., тогда у нихъ явилась потребность знать, что дѣлается въ ихъ родномъ городѣ, родной общинѣ или родномъ государствѣ. Кромѣ того, центральная государственная власть должна была постоянно внимательно слѣдить за жизнью въ своихъ колоніяхъ и окраинахъ. Вотъ почему потребность въ газетѣ или ея суррогатѣ выросла не изъ нужды членовъ одной территоріальной единицы—города, общины и т. д., а изъ нужды установить общеніе между отдѣленными другъ отъ друга территоріальными единицами—между городами, между государствомъ и его колоніями, наконецъ, между государствами. Для удовлетворенія этихъ потребностей служила раньше, конечно, переписка между частными лицами и учрежденіями и всякіе доклады, отчеты, отношенія и предписанія между офиціальными учрежденіями.

И первая газета была не чѣмъ инымъ, какъ этимъ офиціаль-

нымъ отношеніемъ, изготовленнымъ лишь въ нѣсколькихъ экземплярахъ и предназначеннымъ для опубликованія во всеобщее свѣдѣніе. Древніе города-республики, жившіе совершенно обособленной жизнью, не чувствовали рѣшительно никакой надобности въ газетѣ. Имъ совершенно достаточно было гонцовъ, глашатаевъ или надписей, доводившихъ до ихъ свѣдѣнія приказы попечительнаго начальства. Но когда при Цезарѣ римская имперія была строго централизована и зажила общею жизнью, тогда получилось для римлянъ весьма широкое поле общественныхъ интересовъ, и тогда то впервые обнаружилась потребность въ газетѣ и у римлянъ.

Мы уже замѣтили выше, что потребность въ газетѣ возникла тогда, когда многіе люди были географически сильно отдалены отъ того города или государства, съ которыми были связаны прочными интересами и симпатіями. А это случилось тогда, когда быстро разроставшаяся римская имперія забросила многихъ своихъ гражданъ въ далекія провинціи — колоніи. Жители этихъ колоній, конечно, очень живо интересовались всѣмъ тѣмъ, что творится въ ихъ столицѣ—Римѣ. Частная переписка и частныя свѣдѣнія, въ силу своей неполноты и нерегулярности, не удовлетворяли. Нужно было лицо, которое взяло бы на себя спеціальную обязанность слѣдить за всѣми событіями жизни Рима и сообщать о нихъ въ колоніи.

На первыхъ порахъ каждый порѣшилъ этотъ вопросъ лично для себя. Богатые люди, жившіе въ колоніяхъ, позаботились о томъ, чтобы завести въ Римѣ своихъ личныхъ корреспондентовъ-хроникеровъ, которые должны были держать ихъ au courant всего происходящаго въ столицѣ. Большинство этихъ древнихъ репортеровъ рекрутировалось изъ интеллигентныхъ рабовъ, которые должны были исполнять прихоть своего любознательнаго господина. Постепенно большинство римскихъ гражданъ, жившихъ въ провинціяхъ, обзаводились въ столицѣ подобнаго рода корреспондентами. Былъ такой корреспондентъ у Антонія, который получалъ черезъ него всѣ отчеты о государственныхъ дѣлахъ и политическихъ преніяхъ. Когда Цицеронъ былъ проконсуломъ, то и онъ не преминулъ завести себѣ корреспондента въ Римѣ, нѣкоего Хреста, сообщавшаго ему политическія новости, дававшаго отчеты о

гладіаторскихъ играхъ, городскихъ происшествіяхъ и ходившихъ по городу сплетняхъ. Наконецъ, въ эпоху, когда Цезарь мощно взялся за централизацію римской имперіи, уже появилась не только частная, но и государственная потребность въ газетахъ. У государства появилась потребность знать, что дѣлается въ его обширныхъ владѣніяхъ, и издавать повелѣнія своимъ вѣрноподданнымъ. Такимъ образомъ, созданная въ до-цезарскомъ Римѣ потребность въ газетѣ и попытки создать эту газету, съ которыми мы выше познакомились, получили мощный толчекъ со стороны цезарскаго Рима.

Чѣмъ же была римская газета эпохи Цезаря? Римская газета эпохи Цезаря представляла нѣчто вродѣ современныхъ официальныхъ указателей. На бѣлой, гипсомъ покрытой, доскѣ дѣлались публикаціи, которыми правительство древняго Рима доводило до свѣдѣнія общества все, что считало нужнымъ. Эти доски были весьма сходны съ современными афишами, расклеиваемыми на столбахъ. Съ этихъ то официальныхъ досокъ и дѣлали копіи многочисленные писцы, изготовляя, такимъ образомъ, древнѣйшую римскую газету. Копіи изготовлялись въ многочисленныхъ экземплярахъ и разсылались всѣмъ заказчикамъ, оригиналъ же, провисѣвъ нѣкоторое время, сдавался въ государственный архивъ.

Современные археологи раскопали образцы подобныхъ римскихъ досокъ, служившихъ прототипомъ римскихъ газетъ. По этимъ раскопкамъ можно довольно отчетливо возстановить характеръ римской газеты и ея обычный репертуаръ. Такихъ газетъ современная археологія розыскала нѣсколько. Одна изъ нихъ называлась «Acta diurna Urbis» и имѣла обширное распространеніе. Въ репертуаръ этой газеты входилъ обычный матеріалъ, публикуемый въ теперешнихъ официальныхъ органахъ; въ ней печатались официальные указы императоровъ, распоряженія сената, всяческія назначенія, награжденія и т. д., замѣтки о жертвоприношеніяхъ, свадьбахъ, зрѣлищахъ и наиболѣе крупные факты текущей жизни. Газетныя сообщенія носили сухо-официальный характеръ, свѣдѣнія сообщались безъ всякой системы, пестро слѣдуя одно за другимъ. Вотъ, напр., нѣкоторыя извѣстія, опубликованныя въ древней римской газетѣ и переведенныя современными археологами:

«Консулъ Савиній вступилъ сегодня въ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей».

«Вчера надъ городомъ разразилась сильная гроза. Недалеко отъ Веліи молніей зажгло дубъ».

«Въ винномъ погребѣ произошла драка. Хозяинъ лавки опасно раненъ».

«Мѣняла Анзидій бѣжалъ, захвативъ съ собой большую сумму денегъ. Онъ былъ задержанъ, и всѣ деньги найдены при нёмъ».

«Разбойникъ Деніофанъ, недавно пойманный, сегодня утромъ былъ казненъ».

Въ древнѣйшей газетѣ мы находимъ далѣе тѣ же свѣдѣнія, которыми такъ часто пеститъ свѣжій номеръ теперешней газеты. Мы читаемъ, наприм., что «Титаній приговорилъ къ наказанію мясниковъ, продававшихъ мясо, не предъявленное предварительно къ освидѣтельствованію». Такія-то вотъ пестрыя репортерскія замѣтки и составляли, наряду съ официальными указами, предписаніями и назначеніями, обычное содержаніе древней римской газеты. Современный газетный работникъ можетъ съ гордостью сказать, что въ числѣ его родоначальниковъ были такіе люди, какъ знаменитый Плиній. Перу Плинія принадлежитъ цѣлый рядъ замѣтокъ въ римской газетѣ. Онъ изложилъ на страницахъ «Acta» легенду о томъ, какъ во время процесса Милоса, обвинявшагося въ убійствѣ Клавдія, въ различныхъ частяхъ Рима выпалъ градъ изъ кирпичей.

Драгоцѣннымъ матеріаломъ, собраннымъ въ древнихъ римскихъ газетахъ и рисующимъ повседневную жизнь римлянъ, прекрасно воспользовались уже древніе историки. Светоній пользовался этими газетами, когда составлялъ жизнеописанія двѣнадцати императоровъ, когда устанавливалъ день рожденія Тиберія и Калигулы и эпизодъ изъ царствованія Домиціана. Знаменитый Тацитъ тоже широко пользовался этими газетами въ своихъ историческихъ трудахъ. Онъ черпалъ изъ нихъ матеріалы, когда описывалъ смерть Германика и апоѳеозъ Клавдія, и, благодаря отчетамъ въ этихъ газетахъ, онъ могъ почти дословно воспроизвести дебаты, происходившіе въ римскомъ сенатѣ по поводу предложенія построить храмъ въ честь Нерона.

Такова была прародительница современной газеты, поскольку, конечно, ее могутъ возстановить современныя изслѣдованія.

Историки культуры и, въ частности, историки журнализма весьма различно относятся къ оцѣнкѣ значенія этихъ газетъ. Знаменитый историкъ Рима Моммсенъ говоритъ, что въ древнемъ Римѣ существовала уже современная газета «для интеллигентныхъ читателей». Съ этимъ полнымъ отожествленіемъ древней римской газеты съ современною едва-ли кто нибудь теперь согласится. Но противоположною крайностью является утвержденіе другихъ изслѣдователей этого вопроса (наприм. Якоби), доказывающихъ, что римскія «газеты» на самомъ дѣлѣ ничего общаго съ газетой не имѣли. Конечно, если сравнить писанную римскую газету съ современной, то мы скорѣе найдемъ въ ней сходство съ письмомъ, чѣмъ съ газетой, но вѣдь если грубо-внѣшне сравнить коконъ съ бабочкой, то мы между первымъ и второй найдемъ не больше сходства, чѣмъ между яблокомъ и книгой, но это не мѣшаетъ кокону и бабочкѣ быть лишь различными формами, различными звеньями въ одномъ и томъ же ходѣ развитія. То же самое и древняя римская газета; она представляетъ первый, но рѣшительный шагъ отъ частной переписки къ опубликованію для общества свѣдѣній и разсужденій. Кругъ лицъ и интересовъ, который ею охватывался, былъ до убогости узокъ и бѣденъ, но онъ все же былъ уже шире круга лицъ и интересовъ, который захватывала частная переписка. Поэтому то и современная газета должна признать въ древней римской газетѣ свою родоначальницу.

Собственно говоря, римскія газеты еще стояли на рубежѣ между частной перепиской и правительственнымъ указомъ, съ одной стороны, и газетой, съ другой. Но ихъ ясно выраженный общественный характеръ и то обстоятельство, что онѣ обращались не къ данному, конкретному лицу, а къ неопредѣленной, безличной публикѣ, заставляетъ видѣть въ нихъ предтечу періодической печати, зародышевыя формы соціальнаго общенія помощью письма. Вбирая въ себя всѣ дальнѣйшія завоеванія культуры и техники, эти зародышевыя формы послѣдовательнымъ и правильнымъ ходомъ развились въ со-

временную періодическую печать. Не слѣдуетъ однако думать, что какъ только культура выростила сѣмя періодической печати, эта послѣдняя начала быстро и неуклонно развиваться. Развитіе періодической печати было столь же обрывисто и неравномѣрно, какъ и весь ходъ историческаго развитія, судьбы котораго всегда точно и вѣрно отражала журналистика въ своей эволюціи.

Разгромъ римской имперіи надолго прервалъ дальнѣйшее развитіе газетнаго дѣла. На развалинахъ утонченной римской имперіи усѣлись, какъ извѣстно, варварскія германскія племена, которымъ совершенно ни на что не нужна была газета. И затѣмъ въ теченіе всего ранняго средневѣковья газета не появлялась вновь, и тѣ ея зародыши, съ которыми мы уже встрѣчаемся въ древнемъ Римѣ, какъ будто совсѣмъ заглохли, заглушенные грубыми варварскими формами жизни. Жизнь снова была загнана въ мелкія, обособленныя и враждебныя другъ другу ячейки, кругозоръ человѣка снова былъ ограниченъ частоколомъ его дома или его маленькой группы. Люди раздробленно жили по своимъ маленькимъ соціальнымъ клѣткамъ, кругъ интересовъ былъ крайне ограниченъ, всякій насквозь видѣлъ жизнь своей группы,—какая же при этомъ могла быть надобность въ газетѣ?

Лишь въ болѣе позднія эпохи средневѣковой жизни, когда начался сильный процессъ усложненія и развитія соціальной жизни, снова пробудилась временно замершая потребность въ газетѣ. Для широкаго, массоваго удовлетворенія этой потребности недоставало не только книгопечатанія, но и быстрыхъ, надежныхъ путей сообщенія, безъ чего, конечно, невозможно было организовать правильную и регулярную доставку новостей. Отсюда понятно, почему развитіе газетнаго дѣла шло рука объ руку съ развитіемъ и усовершенствованіемъ путей сообщенія, причемъ представители этихъ путей сплошь и рядомъ являлись организаторами газетныхъ предпріятій. Необходимость поддерживать сообщенія между городами и между отдаленными пунктами государства заставляла правительство, учрежденія и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ заводить особыхъ спеціальныхъ гонцовъ, которые постоянно ѣздили между опредѣленными пунктами, передавая отъ одного

въ другой различнаго рода сообщенія. Въ концѣ XV вѣка для поддержанія постояннаго обмѣна извѣстіями между различными пунктами, усиленно начинаютъ пользоваться этими гонцами правительственныя учрежденія, монастыри, князья, университеты. Съ теченіемъ времени между наиболѣе центральными и оживленными пунктами установился чрезвычайно дѣятельный и вполнѣ урегулированный обмѣнъ извѣстіями. Сначала извѣстія эти были не чѣмъ инымъ, какъ сообщеніями частныхъ лицъ частнымъ лицамъ, т. е. простою перепискою или же правительственными циркулярами. Но постепенно все большій кругъ лицъ начиналъ интересоваться всевозможными вѣстями, привозимыми гонцами, вѣсти эти стали распространяться среди лицъ, для которыхъ онѣ представляли уже не личный, а общественный интересъ. Письма, адресованныя частному лицу, но представлявшія общій интересъ, начали переписываться въ нѣсколькихъ экземплярахъ и разсылаться знакомымъ. Такимъ путемъ частная переписка постепенно развивалась въ общественную рукописную газету.

Въ постепенномъ ходѣ развитія и сообщающій извѣстія начиналъ уже писать не для частнаго конкретнаго лица, какъ прежде, а для безыменной публики, придавая вслѣдствіе этого своимъ извѣстіямъ все болѣе общественный характеръ. Постепенно, какъ мы увидимъ, вырабатывалась и группа лицъ, избиравшая своею профессіей составленіе и разсылку этихъ извѣстій, т. е. постепенно вырабатывалась профессія журналистовъ.

Подобный ходъ развитія частной переписки въ общественную рукописную газету могъ произойти лишь въ центрахъ наиболѣе интенсивной и далеко подвинувшейся соціальной жизни. Въ средніе вѣка такимъ центромъ была, какъ извѣстно, Италія и въ частности Венеція. Чрезвычайно обширная торговля Венеціи со всѣми тогдашними государствами дѣлала ее средоточіемъ извѣстій, приходившихъ со всѣхъ концовъ свѣта. Торговцы, гости, послы, канцлеры и агенты, постоянно пріѣзжавшіе въ Венецію и уѣзжавшіе изъ нея, привозили съ собой груду свѣжихъ извѣстій и постоянно старались поддерживать сношенія со всею страною, интересовались всѣмъ въ ней происходящимъ. На встрѣчу удовлетворенію этихъ потребностей

и шла средневѣковая рукописная газета. Уже въ XV вѣкѣ магистратъ Венеціи взялся за собираніе и опубликованіе безчисленныхъ извѣстій, которыя стекались со всѣхъ сторонъ въ Венецію. Эти извѣстія разсылались всѣмъ посламъ венеціанской республики, чтобы держать ихъ au courant всѣхъ событій.

Очень скоро и стороннія лица стали дѣлать копіи съ этихъ магистратскихъ газетъ и разсылать эти копіи различнымъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Въ XVI вѣкѣ въ Венеціи среди мѣнялъ и ювелировъ организовывались самостоятельныя бюро, которыя брали на себя доставку всевозможныхъ извѣстій, преимущественно торговыхъ. Кругъ лицъ, заинтересованныхъ въ полученіи подобнаго рода извѣстій, постепенно расширялся, благодаря чему получалась возможность для цѣлаго ряда лицъ избрать себѣ, какъ профессію, составленіе и доставку этихъ извѣстій, и такимъ путемъ начало складываться въ Венеціи сословіе первыхъ журналистовъ. Согласно духу тогдашней жизни оно образовываетъ вскорѣ свой самостоятельный цехъ Scrittori d'avvisi. Въ непродолжительномъ времени возникаютъ подобныя же газеты и въ другихъ городахъ, а вскорѣ появляется на свѣтъ Божій и цензура.

Власти, и прежде всего духовныя власти, начинаютъ подозрительно коситься на новаго пришельца—газету, поднимающаго шумъ, доводящаго до людского свѣдѣнія то, о чемъ лучше бы было умолчать, и смѣющаго свое сужденіе имѣть. За рукописными газетами начинаютъ зорко присматривать; а затѣмъ прибѣгаютъ и къ болѣе рѣшительному образу дѣйствій и прямо запрещаютъ изданіе этой дьявольской выдумки. Въ XVI вѣкѣ папа Пій V и папа Григорій XIII издаютъ спеціальныя буллы, которыми строго на-строго и разъ на всегда запрещается изданіе какихъ бы то ни было рукописныхъ газетъ, и профессія журналистовъ уничтожается папскимъ велѣніемъ. Въ то время римскіе папы шутить не любили и, предавъ анаѳемѣ газету и ея работниковъ, они заявили, что всякій, кто осмѣлится издавать газеты или писать въ нихъ, будетъ жестоко клейменъ и сосланъ на галеры.

Такимъ образомъ, едва только возникла газета, едва только начала образовываться профессія журналистовъ, какъ на ея

голову началъ сыпаться рядъ репрессивныхъ мѣръ, которыя должны были стереть ее съ лица земли. Но, увы, всѣ эти мѣры могли лишь задержать ходъ развитія, принести тяжкій вредъ отдѣльнымъ лицамъ, но задушить самую потребность въ общеніи посредствомъ слова онѣ не могли. Газета не явилась, какъ выдумка какого-либо геніальнаго человѣка, она, какъ мы видѣли, была выращена всѣмъ ходомъ культурнаго развитія, и для того, чтобы ее уничтожить, надо было уничтожить всю эту культуру, разрушить всѣ ея формы, разселить людей по узкимъ соціальнымъ клѣткамъ, ограничить ихъ кругозоръ частоколомъ ихъ дома, тогда у нихъ, само собою, умерли бы потребности соціальнаго общенія, и газета, само собою, перестала бы существовать. Но сдѣлать все это не могли даже всесильныя тогда папскія буллы, а потому газетное дѣло, несмотря на угрозы клейменіемъ и галерами, продолжало развиваться.

Грозныя папскія буллы не задушили живого развитія газетнаго дѣла, уходившаго своими корнями въ общую почву культурнаго развитія; вслѣдъ за Италіей и въ Германіи начинають развиваться рукописныя газеты. Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ библіотекахъ еще сохранились экземпляры газетъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ XVI-го вѣка. Древнѣйшая изъ нихъ носитъ названіе: «Новыя извѣстія сколько ихъ получено отъ 26 октября 87 г. (1587) по 26-е октября 88-года (1588) изъ Нюрнберга».

Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, развитіе газетнаго дѣла тѣсно зависѣло отъ развитія и улучшенія путей сообщенія. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ существовали постоянныя и быстрыя сообщенія, живо устанавливалась сначала оживленная частная переписка, а затѣмъ и рукописная газета. Лица, служившія въ узловыхъ пунктахъ путей сообщенія между крупными центрами, выступили въ Германіи первыми организаторами регулярныхъ газетныхъ сообщеній, въ этой же роли выступають управители почты, содержатели почтовыхъ гонцовъ. Къ нимъ со всѣхъ сторонъ стекались изустныя и письменныя сообщенія, и имъ легче, чѣмъ другимъ, было установить регулярное полученіе извѣстій, по крайней мѣрѣ, изъ болѣе крупныхъ центровъ. Неудивительно поэтому, что они первые берутся за дѣло собиранія стекающихся къ нимъ извѣстій, за

дѣло систематизаціи этихъ извѣстій и разсылки ихъ абонентамъ. Нѣкоторыя богатыя и высокопоставленныя лица, не довольствуясь выходящими рукописными газетами, заводили, для личнаго потребленія, собственные органы, для этого они у профессіональныхъ журналистовъ абонировались на непосредственное полученіе для нихъ спеціально составленныхъ извѣстій. Напр., саксонскій курфюрстъ Христіанъ II заключилъ договоръ съ фонъ-Бальцгеймомъ, который обязанъ былъ за ежегодный гонораръ въ 100 гульденовъ доставлять курфюрсту извѣстія о всѣхъ происшествіяхъ въ Швейцаріи, Франціи и Саксоніи. Своего собственнаго газетчика содержалъ и саксонскій дворъ, и городъ Галле, и городъ Деличъ. Многіе же изъ князей предпочитали абонироваться на рукописныя газеты у почтмейстеровъ, уплачивая имъ подписную плату.

Крупныя торговыя фирмы, столь нуждавшіяся въ регулярномъ полученіи извѣстій, нерѣдко основывали собственныя газеты; изъ нихъ особенно прославилась замѣчательная для того времени рукописная газета, издававшаяся Ротшильдами среднихъ вѣковъ—Фуггерами. Фуггеровская газета выходила подъ названіемъ «Ordinari-Zeitungen», отдѣльный номеръ стоилъ 4 крейцера, подписная годовая плата съ доставкою на домъ — 25 гульденовъ. Фуггеровскія газеты наполнены регулярными извѣстіями изъ различныхъ мѣстъ Европы, Персіи, Китая, Японіи и т. д. Репертуаръ газеты очень разнообразенъ, онъ пестритъ коммерческими указаніями, политическими извѣстіями и даже рецензіями на новыя литературныя произведенія. Благодаря своимъ огромнымъ связямъ и своему богатству, Фуггеры сумѣли завести себѣ агентовъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Ихъ газета, какъ и всѣ тогдашнія газеты, была конечно распространена въ очень ограниченномъ кругу, но она была безспорно самой замѣчательной рукописной газетой.

Общественная жизнь въ эпоху изобрѣтенія книгопечатанія была уже настолько широко развита, ея интересы были настолько разнообразны, а районъ ихъ дѣйствія настолько обширенъ, что потребность въ періодическихъ органахъ очень ясно чувствовалась и сознавалась. Однако печатный станокъ на первыхъ порахъ своего возникновенія не могъ удовлетворить этой потребности; для этого онъ былъ еще слишкомъ до-

рогъ, и кругъ лицъ. на которыхъ могла расчитывать печатная газета, былъ еще слишкомъ ограниченъ. Поэтому-то на ряду съ дѣйствовавшимъ печатнымъ станкомъ продолжаютъ еще долгое время сохраняться рукописныя газеты, дѣятельнѣйшими сотрудниками которыхъ выступаютъ крупнѣйшіе дѣятели реформаціи. Здѣсь особенно слѣдуетъ упомянуть о Меланхтонѣ, знаменитомъ дѣятелѣ эпохи реформаціи; онъ усердно поддерживалъ, составлялъ и получалъ рукописныя газеты. Его выдающееся общественное положеніе давало ему возможность поддерживать тѣсныя связи съ наиболѣе интересными пунктами и людьми, и благодаря этому онъ могъ сообщать для газеты массу интереснѣйшаго матеріала. Всѣ эти писанныя газеты продолжались, какъ мы уже замѣтили, развиваться при существованіи книгопечатанія, причемъ потребовалось еще очень и очень много времени прежде, чѣмъ газета стала печататься. Необходимымъ предварительнымъ условіемъ для этого была демократизація образованія, да и всей вообще культуры, необходимо было, чтобы въ газетѣ были заинтересованы гораздо болѣе широкіе слои населенія, чѣмъ кучка гуманистовъ и князей.

Печатная газета могла существовать только при условіи обезпеченія болѣе или менѣе широкаго сбыта, а этого-то условія не было въ наличности въ теченіе долгаго времени и послѣ изобрѣтенія книгопечатанія. Любопытно, что рукописныя газеты возродились въ девятнадцатомъ вѣкѣ въ новыхъ колоніяхъ Австраліи и Америки. Среди немногочисленныхъ кучекъ колонистовъ стали циркулировать (въ 1830 г.) небольшія рукописныя газеты; печатныя газеты, конечно, не могли существовать для нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ онѣ не оправдали бы даже расходовъ на ихъ воспроизведеніе. Попытки печатать газеты начинаются съ конца пятнадцатаго вѣка, причемъ на первыхъ порахъ печатаются лишь отдѣльные нумера газеты, и только тѣ изъ нихъ, которые по тѣмъ или инымъ особымъ причинамъ могли расчитывать на очень широкій сбытъ. Подобныя небольшія газетки печатались обыкновенно по какому-нибудь особому поводу—случалось-ли событіе, которое захватывало, заинтересовывало всѣхъ, или же просто происходило большое скоп-

леніе людей въ одномъ мѣстѣ (ярмарки, базары); въ такихъ случаяхъ и появляется небольшой отпечатанный листокъ подъ названіемъ «Новая Газета».

Газетка эта довольно бойко составлялась и раскупалась и приносила своему издателю кой-какіе барыши. Существованіе ея было мимолетное, проходилъ базаръ или ярмарка, жизнь входила въ обычное русло, интересъ къ газетѣ быстро шелъ на убыль,—и печатная газета исчезала, уступая снова свое мѣсто рукописной. Эти эфемерныя печатныя газетки сохранились до сихъ поръ въ довольно большомъ количествѣ въ богатыхъ книгохранилищахъ западно-европейскихъ центровъ. Самая древнѣйшая изъ подобныхъ газетъ, насколько это удалось установить, относится къ 1493 году. Она наполнена подробнымъ отчетомъ о похоронахъ императора Фридриха Ш. Затѣмъ число этихъ газетъ начинаетъ возрастать, онѣ выходятъ подъ очень прихотливыми и крикливыми названіями, пока, наконецъ, въ восемнадцатомъ вѣкѣ ихъ не вытѣсняетъ регулярная, появляющаяся въ болѣе или менѣе короткіе промежутки времени, а затѣмъ и ежедневная газета, газета въ современномъ смыслѣ этого слова. Содержаніе первыхъ печатныхъ газетъ было довольно разнообразно, въ большинствѣ случаевъ онѣ наполнялись пестрыми и шумными событіями текущаго дня. Сообщались по преимуществу политическія извѣстія, причемъ разсужденія обыкновенно отсутствовали.

Первая періодически выпускаемая печатнымъ станкомъ газета появилась въ Германіи. Сначала (въ XVI-мъ вѣкѣ) газета выходила одинъ разъ въ годъ, представляя собой систематическій обзоръ событій, преимущественно политическихъ, за истекшій годъ; во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка подобнаго рода извѣстія начинають уже выходить два раза въ годъ. Эти полугодовыя газеты составляли весьма важную статью торговли на знаменитыхъ осеннихъ и весеннихъ ярмаркахъ въ Франкфуртѣ и Лейпцигѣ.

Первая еженедѣльная газета начала печататься въ Страсбургѣ, причемъ по своему содержанію она рѣшительно ничѣмъ не отличалась отъ прежнихъ рукописныхъ газетъ—въ ней сообщались тѣ же самыя пестрыя и несистематизированныя извѣстія, которыя составляли неизмѣнное содержаніе руко-

писныхъ газетъ. Въ концѣ шестнадцатаго и началѣ семнадцатаго вѣка газетное дѣло начинаетъ быстро развиваться. Тридцатилѣтняя война, давая богатый матеріалъ для сообщеній. возбуждавшихъ общій интересъ, содѣйствовала сильному росту еженедѣльной періодической печати. Въ началѣ XVII вѣка въ тогдашней Германіи насчитывали уже двѣ дюжины печатныхъ еженедѣльныхъ газетъ. Издавались эти газеты или содержателями типографій или же почтмейстерами. Надо вообще замѣтить, что въ дѣлѣ развитія газеты почтмейстеры сыграли очень крупную роль. При отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, почты служили наиболѣе оживленными пунктами, куда со всѣхъ сторонъ стекались самыя различныя вѣсти. Почтмейстеръ крупныхъ почтовыхъ трактовъ имѣлъ благодаря этому возможность получать подробныя и обильныя свѣдѣнія изъ самыхъ различныхъ концовъ міра; кромѣ того, живя въ центрѣ оживленнаго движенія, онъ могъ быстро передавать всякія извѣстія во всѣ концы, съ которыми онъ также былъ связанъ почтовыми сообщеніями. Неудивительно, поэтому, что во многихъ мѣстахъ піонерами газетнаго дѣла выступаютъ почтмейстеры. Особенно значительна была ихъ роль въ дѣлѣ составленія и разсылки рукописныхъ газетъ. Когда возникли печатныя газеты, т.-е. къ тому времени, когда темпъ общественной жизни сталъ значительно быстрѣе, когда сношенія между различными государствами, городами и людьми стали легче и оживленнѣе, когда печатный станокъ далъ возможность быстро, во многихъ экземплярахъ изготовить газету, тогда монопольное положеніе почтмейстеровъ въ дѣлѣ организаціи газетъ начинаетъ падать, и въ роли газетныхъ предпринимателей выступаютъ сначала владѣльцы типографій, а затѣмъ и частныя лица.

Какъ мы уже неоднократно замѣчали, развитіе газетнаго дѣла находилось всегда въ тѣсной и неразрывной связи съ развитіемъ средствъ сообщенія. Плохія и медленныя средства сообщенія не давали возможности ни регулярно и быстро получать извѣстія, ни регулярно и быстро доставлять подписчикамъ газету. Вотъ почему, какъ справедливо замѣчаатъ Бюхеръ, первыя печатныя газеты сначала выходили одинъ, затѣмъ два раза въ годъ, а затѣмъ стали сразу выходить еженедѣльно,—ежемѣсячныя печатныя газеты намъ не извѣстны.

Это на первый взглядъ странное явленіе объясняется очень просто. Одинъ или два раза въ годъ газеты выходили приспособляясь къ крупнымъ ярмаркамъ тогдашняго времени, происходившимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ежегодно, а въ нѣкоторыхъ два раза въ годъ. На эти ярмарки со всѣхъ сторонъ стекалась масса народу, съ самыми различными интересами, и вотъ къ этимъ то ярмаркамъ и приспособили выпускъ своихъ номеровъ первые организаторы печатныхъ газетъ. Позднѣе, когда общественные интересы сильнѣе развились, давая большій матеріалъ газетамъ и вызывая на нихъ большій спросъ, когда газетныя предпріятія начали прививаться, выпускъ газетъ сталъ пріурочиваться къ отправкѣ почты, почта же отправлялась изъ крупныхъ центровъ разъ въ недѣлю; вотъ почему въ теченіе долгаго времени существовали лишь еженедѣльныя газеты. Плохія средства сообщенія еще въ теченіе долгаго времени не давали возможности появиться ежедневнымъ газетамъ. Первая ежедневная газета появилась въ Германіи, въ Лейпцигѣ въ 1661 г., и носила названіе «Leipziger Zeitung» (Лейпцигская газета); затѣмъ въ 1702 г. появляется первая ежедневная газета въ Англіи, а въ 1777 г.— во Франціи.

Содержаніе первыхъ ежедневныхъ газетъ не многимъ отличалось отъ содержанія рукописныхъ газетъ—въ нихъ сообщались все тѣ же пестрыя извѣстія, съ которыми мы уже познакомились. Типографскій станокъ предавалъ тисненію всякаго рода вѣсти, приходившія изъ разныхъ концовъ, причемъ редакціонная работа по систематизаціи приходящаго матеріала, по его провѣркѣ, на первыхъ порахъ совершенно отсутствовала, не говоря уже о пропагандѣ своихъ убѣжденій путемъ подбора извѣстій и ихъ истолкованія. Первыя печатныя газеты не преслѣдовали пропаганды своихъ идей и не выражали собою рѣшительно никакого политическаго направленія; цѣль ихъ была болѣе скромная и менѣе почетная—онѣ просто шли навстрѣчу спроса занимательныхъ или полезныхъ новостей. Въ одной изъ старыхъ газетъ мы находимъ описаніе новѣйшихъ небесныхъ знаменій и предсказаній на ихъ основаніи близкой гибели міра, здѣсь же повѣствуется о найденной около Зонденбурга селедкѣ, на чешуѣ которой были напи-

саны какія-то знаменательныя слова. Газеты эпохи знаменитой тридцатилѣтней войны подробно разсказываютъ о событіяхъ войны, о томъ, какъ провинившихся солдатъ наказывали, вѣшая ихъ за пальцы рукъ, о томъ, что война высасывала народное благосостояніе, и народъ бѣдствовалъ. Предержащія власти, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе косо и недружелюбно стали смотрѣть на новую силу—печать. Пока печать сообщала лишь болѣе или менѣе замѣчательныя новости, ее терпѣли и даже поощряли, но когда она стала смѣть свое сужденіе имѣть, за ней учредили строгій надзоръ. Первыми всполошились католическія власти; какъ мы уже замѣтили, крупнѣйшіе дѣятели Реформаціи были ревностными сотрудниками рукописныхъ газетъ. Уже одно это обстоятельство заставило католическія власти увидѣть въ газетѣ своего врага. Правда, первыя печатныя газеты въ этомъ отношеніи рѣшительно не подавали поводовъ къ преслѣдованію и подозрѣнію въ измѣнѣ католичеству, уступая по содержательности даже рукописнымъ газетамъ, которымъ сильно примѣшанный элементъ переписки придавалъ все-таки характеръ обмѣна мнѣніями, попытки убѣдить своего корреспондента и выслушать его убѣжденія.

Но и печатныя газеты постепенно научились не только давать пестрыя свѣдѣнія, но и высказывать свои мнѣнія, дѣйствовать своимъ убѣжденіемъ. Да и кромѣ того католическимъ властямъ совсѣмъ было неудобно, чтобы всѣ факты доходили до общаго свѣдѣнія. Даже маленькія и скромныя первыя газетки, выходившія изъ-подъ печатнаго станка, какъ никакъ, а все-таки служили гласности, а многимъ власть имущимъ это было неудобно. Уже въ 1479 г. появляется распоряженіе духовной власти наблюдать за всѣми типографіями, а въ 1486 г. курфюрстъ майнцскій впервые вводитъ въ Германіи цензуру. Почти одновременно съ первыми газетами появляются и памфлеты, жестоко нападающіе на періодическую печать, въ которой они почуяли громадную силу. Въ этомъ отношеніи весьма любопытно латинское сочиненіе «Usus et abusus novellarum», авторъ котораго нѣкій, Каспаръ Шлибекъ, приходилъ въ ужасъ, какъ это власти спокойно относятся къ появленію на свѣтъ газетъ. Онъ рекомендовалъ обратить на это серьезнѣйшее вниманіе и немедленно принять мѣры про-

тивъ «зловредныхъ новаторовъ»-почтмейстеровъ, выдумавшихъ глупую моду бесѣдовать съ «толпой» и совать свой носъ, «куда не слѣдуетъ». Какъ видите, уже первыя газеты не чувствовали недостатка во врагахъ.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ своего развитія газета точно отражала ходъ развитія общественной жизни. Если эта жизнь бурлила и кипѣла, если на очередь дня, вызывая сильнѣйшую борьбу направленій, выдвигались важные общественные вопросы, то оживала и газета, число органовъ печати начинало быстро увеличиваться, статьи становились жизненнѣе, ярче, сильнѣе вліяли на умы читателей. У журналовъ и газетъ росло число читателей-друзей, которые, «волнуясь и спѣша», набрасывались на статьи любимыхъ публицистовъ по жгучимъ вопросамъ дня.

А когда общественная жизнь мельчала и ея теченіе усыхало, когда общественные интересы замирали, тогда и газета обезцвѣчивалась, становилась безсодержательной, перья публицистовъ вяло, точно мухи осеннія, бродили по бумагѣ и что-то о чемъ-то писали, не вызывая ни гнѣва, ни воодушевленія, ни печали, ни радости въ сердцахъ равнодушныхъ читателей. Словомъ, употребляя выраженіе безсмертнаго сатирика, наступало то тяжелое и тоскливое время, когда читатель почитывалъ, а писатель пописывалъ...

Конечно, не только одна жизнь или, точнѣе, безжизненность, дѣлали печать безцвѣтной и тусклой; въ исторіи печати нерѣдко бывали и такіе моменты, въ минуты общественнаго броженія, когда печати было о чемъ говорить, въ это самое время она вдругъ оказывалась сугубо скучной и безсодержательной и говорила что-то темное, какимъ-то рабьимъ языкомъ. Это дѣйствовали «независящія обстоятельства»...

Изъ этого уже очевидна тѣсная, неразрывная связь, уничтожаемая лишь внѣшнимъ механическимъ образомъ, между жизнью и печатью, и, очевидно, что исторія газеты есть лишь незначительная часть исторіи общественной жизни, и дать исчерпывающую картину эволюціи газеты, это значитъ изобразить весь ходъ развитія общества. Такой огромной задачи мы въ этихъ очеркахъ, конечно, не преслѣдуемъ, и для нашей цѣли вполнѣ достаточно будетъ обрисовать лишь наиболѣе рельефныя черты въ эволюціи газеты.

Въ былое время, когда пульсъ общественной жизни бился значительно слабѣе и ровнѣе, чѣмъ теперь, весь механизмъ газеты работалъ какъ-то тяжеловѣснѣе и медленнѣе. На полученіе извѣстій и ихъ передачу читателямъ требовалось, по сравненію съ теперешними условіями, очень много времени. Общественная жизнь была значительно проще, однообразнѣе, бѣднѣе содержаніемъ и не волновала читателя такой массой вопросовъ, какъ теперь. Борьба за существованіе не была такою ожесточенною и напряженною, и у тогдашняго читателя газетъ, вообще говоря, было больше свободнаго времени, чѣмъ теперь. Онъ, этотъ читатель, любилъ коротать долгое время за чтеніемъ газеты, читая ее «съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой». Онъ любилъ солидныя и длинныя разсужденія газетъ, любилъ и самъ солидно и длинно разсуждать по поводу газетныхъ статей со своими друзьями, чадами и домочадцами. Газета обыкновенно прочитывалась отъ доски до доски и усердно комментировалась. Эта солидная газета старой формаціи любила «наставлять» своего читателя длинными и степенными разсужденіями, пріучая его смотрѣть «въ корень». Погоня за лихорадочно-быстрымъ тисненіемъ сенсаціонныхъ извѣстій была чужда этой старой солидной газетѣ, «разсужденія» занимали въ ней бо̀льшее мѣсто, чѣмъ извѣстія. Соотвѣтственно съ этимъ, и весь механизмъ этой старой солидной газеты очень сильно отличался отъ механизма современной. Роль маховаго колеса, съ широкимъ и скрипучимъ размахомъ, игралъ тяжеловѣсный передовикъ, а репортеръ изображалъ маленькое, съ потѣшной быстротой поспѣвающее за большимъ, колесико, которому приходилось больше всѣхъ суетиться и меньше всѣхъ влiять на общій ходъ работы механизма. Репортеры въ старой солидной газетѣ были паріями, которые въ потѣ всего тѣла своего добывали факты въ нѣсколько нищенски оплачивавшихся строкъ. Ихъ жалкое существованіе поддерживалось сообщеніями о недостаткахъ мостовой да мелкой уголовщиной.

Съ тѣхъ поръ времена перемѣнились. Общественная жизнь необычайно усложнилась, ея темпъ сталъ биться быстро, лихорадочно понижаясь и повышаясь, а параллельно съ этимъ сталъ быстро и безнадежно вымирать нарисованный выше

типъ старой солидной газеты. Борьба за существованіе необычайно усложнилась и обострилась, деньги стали дешевле, жизнь дороже, и время сдѣлалось деньгами. Современному западно-европейскому и, въ особенности. американскому человѣку совершенно нѣтъ времени на такое «баловство», какъ долгое, основательное чтеніе газеты. Если прежній солидный читатель «короталъ» время съ газетой въ рукахъ, то теперешній читатель «проглатываетъ» газетныя извѣстія въ немногія минуты бездѣлья. Необычайно трудная и сложная жизнь переживаемой эпохи навалила на современнаго человѣка столько заботъ и хлопотъ, что ему всегда некогда. Совсѣмъ не читать газеты онъ не можетъ, ему газета рѣшительно необходима, необходимѣе, чѣмъ кому бы и когда бы то ни было. Необходима она ему отчасти и въ силу культурнаго безсознательнаго инстинкта соціальнаго любопытства и соціальной любознательности, отчасти въ силу сознательнаго желанія знать, куда и какъ онъ можетъ лучше приложить свои капиталы и труды, гдѣ онъ можетъ выгоднѣе продать и купить, какъ ему лучше воспользоваться благопріятнымъ экономическимъ моментомъ и т. д.; наконецъ, газета ему рѣшительно необходима, чтобы «поддерживать въ обществѣ разговоръ». Но для всего этого ему вовсе не нужны разсужденія «газетныхъ писакъ», которыхъ онъ иногда очень презираетъ; ему нужны факты, нужна хроника изъ безусловно свѣжихъ фактовъ.

Современный, по горло занятый, читатель обыкновенно «пробѣгаетъ» газету за стаканомъ утренняго чая, на сонъ грядущій или въ вагонѣ трамвая. Такой читатель равнодушно скользитъ глазами, не прочитывая, мимо всѣхъ длинныхъ статей, о чемъ-то разсуждающихъ, и читаетъ лишь телеграммы, хронику различныхъ извѣстій, да, пожалуй, фельетонъ, возбуждающій легкое движеніе мыслей, но вмѣстѣ съ тѣмъ не заставляющій самостоятельно думать. Фельетонъ этотъ долженъ быть обязательно приправленъ острымъ соусомъ остроумія, пряностями дерзкихъ афоризмовъ, разоблаченій, пахнущихъ скандаломъ, или же представлять собою беллетристическую вещицу, которая очень легко прочитывается и еще легче забывается.

Таковы несложные запросы, предъявляемые читателями

такъ-называемыхъ «распространенныхъ» газетъ къ своимъ органамъ. Органы эти, у которыхъ лишь одна цѣль—улавливать подписчиковъ, очень аккуратно выполнили вышеприведенныя требованія своихъ покупателей, то есть, читателей. Наиболѣе распространенныя газеты новѣйшей формаціи изгнали со своихъ столбцовъ всѣ серьезныя статьи и разсужденія, поставивъ себѣ главною цѣлью улавливать возможно точнѣе и быстрѣе всѣ мало-мальски сенсаціонныя извѣстія и передавать ихъ, пользуясь для этого всѣми средствами, даваемыми современною газетною техникою, возможно быстрѣе. Гнаться, точно гончая, по горячимъ слѣдамъ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ и немедленно пропускать всѣ интересные факты черезъ печатный станокъ — такова программа этихъ новѣйшихъ газетъ, программа, выполняемая ими съ удивительною настойчивостью, мастерствомъ и успѣхомъ. Для достиженія этой цѣли газета располагаетъ огромнымъ штатомъ превосходно подготовленныхъ «нашихъ собственныхъ корреспондентовъ» и репортеровъ. Многочисленные, разсѣянные по всему свѣту, «наши собственные корреспонденты» и репортеры большой современной газеты служатъ какъ-бы щупальцами огромнаго газетнаго организма, съ помощью которыхъ онъ улавливаетъ и притягиваетъ къ печатному станку всѣ сенсаціонныя вѣсти. Издатели не жалѣютъ никакихъ средствъ для того, чтобы раньше другихъ газетъ получать и сообщать крупныя сенсаціонныя извѣстія. Затраты, которыя дѣлаютъ для этого газеты, прямо колоссальны. Американская газета «Sour» тратила 10.000 руб. на одну телеграмму съ Дальняго Востока, и, благодаря такой организаціи, получила извѣстіе о побѣдѣ американцевъ при Манильѣ раньше, чѣмъ морское министерство.

Параллельно съ этой эволюціей газеты необычайно разрослось значеніе репортера и репортажа въ современной періодической печати. Изъ жалкаго чернильнаго кули старыхъ солидныхъ органовъ печати, не гнавшихся за сенсаціонными извѣстіями, а длинно и подолгу разсуждавшими объ одномъ и томъ же, репортеръ сдѣлался persona grata въ современной газетѣ и рѣшительно вытѣсняетъ оттуда мало подвижного, сравнительно съ нимъ, передовика и обозрѣвателя. Онъ накладываетъ свою печать на всю газету: передовыя статьи и

статьи по отдѣльнымъ вопросамъ пріобрѣтаютъ легкій, отрывочный, репортерскій характеръ. Отъ хорошей организаціи репортажа зависитъ весь успѣхъ газетъ новѣйшей формаціи. Подъ вліяніемъ этихъ условій выработался удивительно смѣлый, подвижной и предпріимчивый типъ современнаго репортера. По этой части побили рекордъ, несомнѣнно, американскіе репортеры. Они почти осуществили идеалъ репортера—являться, за пять минутъ до начала событій, такъ какъ они вездѣсущи. Съ подонками и верхами общества у нихъ имѣются тѣснѣйшія связи и «своя рука», щедро ими оплачиваемая, которая проводитъ ихъ во всѣ тайники интересующей ихъ области. Не довольствуясь схватываніемъ еще горячихъ событій на лету и лихорадочно быстрымъ тисненіемъ ихъ въ живой легкой формѣ въ газетѣ, репортеры американскихъ газетъ ежеминутно изъ пассивныхъ зрителей переходятъ въ энергично-активныхъ дѣятелей совершающихся событій, становятся,—по выраженію покойнаго Успенскаго,—«въ числѣ драки». Принимая энергичное участіе въ совершающихся событіяхъ, они успѣваютъ проникать лучше судебныхъ слѣдователей во всѣ подробности дѣла и дать до удивительности подробное описаніе, съ сообщеніемъ интимнѣйшихъ вещей. Когда кубинскія событія волновали всю Америку, и совершаемыя тамъ гнусности приводили всѣхъ въ негодованіе,—американскіе репортеры приняли самое дѣятельное участіе во всемъ, тамъ происходившемъ, а одинъ изъ нихъ, въ 1897 г., сдѣлалъ даже дерзкую, вполнѣ ему удавшуюся попытку: выкралъ изъ кубинской тюрьмы молодую дѣвушку Еванжелику Цисперосъ, заключенную въ тюрьму за отказъ сдѣлаться любовницей одного испанскаго офицера... Въ томъ же самомъ году, при крайне загадочныхъ обстоятельствахъ, былъ убитъ въ Нью-Iоркѣ нѣмецъ Гульдензуппе. Это убійство волновало весь Нью-Iоркъ, поставивъ на ноги всю полицію, которая тщетно разыскивала убійцу. Репортеры, конечно, выбивались изъ силъ, чтобы держать публику au courant всѣхъ фактовъ и слуховъ, но, не довольствуясь этимъ, они сами добровольно организовали сыскъ, и черезъ нѣкоторое время убійца былъ открытъ, но не полиціей, а тоже репортеромъ одной газеты.

Не довольствуясь обширнымъ штатомъ собственныхъ юркихъ

репортеровъ, вмѣшивающихся во всѣ общественныя дѣла и принимающихъ въ нихъ самое дѣятельное участіе, американская печать новѣйшей формаціи постоянно взываетъ еще къ репортерамъ добровольцамъ, которые и приглашаются за очень крупныя-вознагражденія сообщать всѣ сенсаціонные факты и разоблаченія. За нахожденіе преступниковъ какихъ либо крупныхъ, взволновавшихъ общество, злодѣяній она назначаетъ добровольцамъ колоссальныя суммы въ нѣсколько тысячъ рублей.

Однако, даже самымъ идеальнымъ образомъ организованный репортажъ не могъ бы все таки справиться съ тѣми безконечно усложнившимися задачами, которыя приходится выполнять современной прессѣ, если бы на помощь ему не пришли поразительныя завоеванія техники полученія и тисненія вѣстей. Вплоть до начала девятнадцатаго вѣка техника печатанія все еще стояла почти на томъ же самомъ низкомъ уровнѣ, на которую она была поставлена Гуттенбергомъ. Печатаніе производилось съ помощью деревяннаго пресса. Въ 1800 г. изобрѣтается ,вмѣсто этого деревяннаго, желѣзный прессъ, давшій возможность отпечатывать въ одинъ разъ цѣлый печатный листъ, тогда какъ до сихъ поръ это дѣлалось въ два раза. Огромнымъ толчкомъ впередъ было примѣненіе силы пара къ печатанію и изобрѣтеніе скоропечатни, сдѣланное Фридрихомъ Кенигомъ.

28 ноября 1814 г. вышелъ номеръ «Таймса», гдѣ заявлялось, что отнынѣ газета будетъ печататься «безъ помощи человѣческихъ рукъ», посредствомъ машины, изготовляющей въ часъ 1000 печатныхъ листовъ. Безконечныя частичныя изобрѣтенія затѣмъ въ теченіе всего времени улучшали технику печатанія, дѣлая ее все болѣе производительной — прежняя доска была замѣнена валикомъ, печатаніе между двухъ валиковъ дало возможность сразу отпечатывать обѣ стороны листа и т. д.

Изобрѣтеніе ротаціонной машины въ связи съ изобрѣтеніемъ стереотипіи поставило технику печатанія на ея современную высоту.

Наконецъ, и техника набора дѣлала столь же быстрыя завоеванія, приведя къ изобрѣтенію набирающей машины. Машина эта была изобрѣтена въ 1854 году Мергенталеромъ.

Устроенная на подобіе пишущихъ машинъ, эта набирающая машина управляется съ помощью клавіатуры. Машинный наборъ производится гораздо быстрѣе, чѣмъ ручной, и обходится дешевле. Хорошій наборщикъ можетъ набрать въ часъ приблизительно 30 печатныхъ строкъ, тогда какъ на машинѣ можно набрать въ этотъ же промежутокъ времени отъ 150 до 170 строкъ, т. е. въ пять разъ больше.

Однако, несмотря на всѣ эти техническія преимущества, наборъ посредствомъ машины очень туго распространяется. Объясняется это тѣмъ, что при машинномъ наборѣ всякое исправленіе статьи послѣ ея отпечатанія причиняетъ большія хлопоты и значительные расходы. Машинный наборъ идетъ гладко и быстро, обходясь дешевле ручного, только при условіи, если въ печать сдаются совершенно готовыя, безо всякихъ ошибокъ и пропусковъ, рукописи и если при печатаніи тоже не дѣлаются эти пропуски и ошибки. Но при спѣшной газетной работѣ, на корректурныхъ листахъ постоянно приходится дѣлать исправленія, добавленія, примѣчанія, а все это значительно удорожаетъ и затрудняетъ наборъ посредствомъ машинъ. Достаточно сказать, что при машинномъ наборѣ исправленіе хотя бы одной буквы въ уже напечатанной статьѣ требуетъ непремѣнно, чтобы была снова набрана вся строка, что при сложной структурѣ машины отнимаетъ очень много времени.

Для иллюстраціи техническихъ завоеваній газетной индустріи достаточно будетъ указать на то, что полъ-вѣка тому назадъ съ помощью ручного пресса можно было отпечатать 100—150 экземпляровъ газеты въ часъ, или тысячи полторы въ день. Изобрѣтеніе двойной скоропечатной машины и стереотипіи дало возможность отпечатывать уже 3000 экземпляровъ въ часъ, а въ настоящее время двойная ротаціонная машина, одновременно отпечатывающая, разрѣзающая и складывающая газетные листы, доставляетъ въ одинъ часъ 30000 экземпляровъ газеты.

Значеніе этого быстраго техническаго прогресса сыграло рѣшающую роль въ постановкѣ современнаго газетнаго дѣла, такъ какъ только благодаря ему, и развитію техники сообщеній и передвиженій, получилась возможность удовлетворенія массоваго спроса на газеты. Затѣмъ только эти завоеванія

техники дали возможность крайне удешевить газету, сдѣлали ее доступной широкой массѣ народа.

Прогрессъ техники человѣческихъ сношеній и сообщеній—почта, телеграфъ, телефонъ,—сдѣлали районъ интересовъ газеты необычайно обширнымъ, включивъ въ него весь міръ и давъ возможность съ необычайною быстротою доводить до свѣдѣнія читателей о крупныхъ событіяхъ всѣхъ пяти частей свѣта. Современныя ходкія газеты съ необычайною щедростью пользуются телеграфомъ, тратя на это бѣшеныя суммы и достигая дѣйствительно блестящихъ результатовъ. Во время китайскихъ событій американская газета «Journal» тратила тогда до 20 тысячъ рублей за телеграммы съ дальняго Востока въ одномъ номерѣ.

Корреспондентъ «Herold'a» во время грандіознаго пожара 1876 г. въ Чикаго, истребившаго весь городъ, держалъ у своихъ дверей день и ночь осѣдланную лошадь и всадника, чтобы отвозить его телеграммы, а когда изъ Чикаго перестали принимать телеграммы, то онъ отсылалъ эти телеграммы со спеціальнымъ экстреннымъ поѣздомъ въ ближайшій городъ.

Корреспондентъ же «New-York Tribune» въ 1873 г., во время столкновенія Соединенныхъ Штатовъ съ Испаніей, для того, чтобы слѣдить за ходомъ событій, нанялъ собственное судно, платя его владѣльцу 1.000 рублей въ день!

Тратя бѣшеныя деньги на то, чтобы возможно скорѣе раздобыть сенсаціонное событіе и передать его въ газету, корреспонденты крупныхъ газетъ въ то же время не жалѣютъ никакихъ средствъ для того, чтобы помѣшать конкуррирующимъ органамъ передать событіе раньше.

Напр., корреспондентъ «Herold'a», посланный въ одинъ городъ, гдѣ ожидалось сенсаціонное событіе, передъ самымъ началомъ этого событія явился на единственный, имѣвшійся въ городѣ, телеграфъ и велѣлъ телеграфисту передавать по телеграфу... библію! Этимъ путемъ онъ хотѣлъ завладѣть телеграфомъ и не дать возможности другимъ корреспондентамъ послать во время телеграмму. Цѣль его была вполнѣ достигнута, но обошлось это ему въ полторы тысячи рублей.

Вотъ такимъ-то путемъ большія газеты новѣйшей формаціи и довели до степени совершенства аппаратъ полученія и

тисненія извѣстій. Подобная постановка газетнаго дѣла требуетъ колоссальныхъ расходовъ, и бюджеты современныхъ крупныхъ газетъ разрослись необычайно. Для того чтобы издавать теперь на Западѣ или въ Америкѣ крупную газету, которая могла бы расчитывать на широкій успѣхъ, необходимо вложить въ дѣло милліонное состояніе—обстоятельство, не мало посодѣйствовавшее процессу капитализаціи прессы, принявшему теперь, какъ мы увидимъ ниже, необычайно широкіе размѣры.

Мы приведемъ кое-какія цифровыя данныя объ издержкахъ газетнаго производства. Для того, чтобы основать крупный органъ печати въ Лондонѣ, надо имѣть милліонное состояніе. «Таймсъ», напр., поглощаетъ еженедѣльно до восьмидесяти тысячъ рублей, «Daily Telegraph»—до 60 тысячъ. Каждая изъ этихъ газетъ тратитъ 2,500 фунтовъ сажи для печатной краски. За свои парламентскіе отчеты «Таймсъ» уплачиваетъ 2,000 руб. еженедѣльно. За телеграммы крупныя газеты ежегодно уплачиваютъ бюро Рейтера, исключая, слѣдовательно, собственныя телеграммы, 12 тысячъ рублей. Главный редакторъ «Таймса» получаетъ 30,000 руб. въ годъ, передовикъ—15 тысячъ и мѣстный («городской») редакторъ—6—8 тысячъ.

Расходы американскихъ газетъ выражаются въ столь же колоссальныхъ цифрахъ. Такъ, напр., одинъ наборъ обходится крупнѣйшимъ органамъ въ 300 тысячъ въ годъ, спеціальныя телеграммы обходятся въ 200 тысячъ руб. въ годъ. Годовой расходъ большой американской газеты достигаетъ свыше двухъ милліоновъ рублей.

Ясное дѣло, что подобные колоссальные расходы можетъ нести только очень крупный «предприниматель», и неудивительно, что крупныя газеты почти безъ исключенія принадлежатъ акціонернымъ обществамъ или крупнымъ дѣльцамъ.

Колоссальные расходы требуютъ, конечно, и колоссальныхъ приходовъ, и приходы крупныхъ газетъ удовлетворяютъ этому требованію. Какъ ни огромно распространеніе подобнаго рода газетъ, однако деньги, поступающія отъ подписки и розничной продажи, покрываютъ лишь незначительную долю всѣхъ расходовъ газеты, большая же часть ихъ покрывается доходами

съ объявленій. Въ этомъ отношеніи современныя ходкія газеты самымъ рѣзкимъ образомъ отличаются отъ газетъ прежней формаціи. Небольшая историческая справка изъ области эволюціи издержекъ газетнаго производства отлично пояснитъ намъ эту перемѣну.

Лѣтописи старѣйшей ежедневной газеты «Leipziger Zeitung» сохранили намъ любопытную схему расходовъ газеты, выходившей въ 1668 году. «Лейпцигская газета» печаталась тогда въ 204 экземплярахъ, при подписной цѣнѣ въ 10 талеровъ (т.-е. 15 рублей, по теперешнему курсу). Такимъ образомъ, валовой доходъ равнялся 2,040 талерамъ въ годъ. Расходы же распредѣлялись по слѣдующимъ статьямъ: печать и бумага—379 талеровъ, плата за корреспонденціи и почтовые расходы—300 талеровъ, прочіе расходы—500 талеровъ и общая сумма расходовъ—1179 талеровъ. Такимъ образомъ, газетѣ оставался чистый доходъ въ 861 талеръ, сумма хотя съ абсолютной стороны и ничтожная, но съ относительной точки зрѣнія, т.-е. по отношенію къ величинѣ затраченнаго капитала представлявшая весьма крупный доходъ—чистый доходъ составилъ 42% валового дохода.

Изъ этой схемы видно, что въ былое время подписная плата—правда, бывшая, принимая во вниманіе тогдашнюю дороговизну денегъ, очень высокой—не только покрывала всѣ издержки газеты, но сверхъ того оставляла еще значительный чистый доходъ. Объявленій первыя газеты совсѣмъ не знали.

Теперь сравнимъ эту смѣту первой еженедѣльной газеты со смѣтами теперешнихъ крупныхъ газетъ. Крупнѣйшая австрійская газета «Neue Freie Presse» опубликовала въ 1873 году основныя статьи своихъ расходовъ и приходовъ. Мы узнаемъ, что газета печаталась въ 35,000 экземпляровъ, причемъ ея годовыя издержки составляли 1¼ милліона гульденовъ; такимъ образомъ, каждый годовой экземпляръ газеты обходился въ 34 гульдена, между тѣмъ какъ подписная цѣна равнялась 18 гульденамъ, т.-е. подписная цѣна могла покрыть лишь немногимъ болѣе половины расходовъ. Возьмемъ болѣе свѣжія данныя. Крупнѣйшая баварская газета «Münchener Neuesten Nachrichten» въ своемъ юбилейномъ номерѣ (1900 г.) опубликовала смѣту своихъ расходовъ и приходовъ. Ежеднев-

ные расходы этой газеты превышали 7.400 марокъ, подписная же плата за четверть года равнялась 2,5 марки, т.-е. каждый экземпляръ приносилъ ежедневно въ среднемъ 2,75 пфеннига. Такъ какъ газета издавалась въ 95.000 экземпляровъ, то, слѣдовательно, подписная сумма и розничная продажа приносили въ среднемъ въ день 2612 марокъ. Слѣдовательно, въ мюнхенской газетѣ подписная плата и розничная продажа покрывали лишь одну треть всѣхъ расходовъ, всѣ же остальные расходы и весь чистый доходъ покрывался доходами съ объявленій.

Въ дешевыхъ, но очень распространенныхъ газетахъ новѣйшей формаціи подписная плата и розничная торговля часто едва покрываютъ расходы на типографіи и бумагу, и для такихъ газетъ дальнѣйшій ростъ подписчиковъ самъ по себѣ не только не приноситъ денежныхъ выгодъ, но даже уменьшаетъ чистый доходъ. И если, несмотря на это, газеты эти всѣми мѣрами стараются увеличить число своихъ читателей, то это только потому, что дальнѣйшій ростъ распространенности газетъ влечетъ за собою притокъ объявленій, на доходахъ съ которыхъ и строятъ все свое благополучіе воротилы газетной отрасли промышленности. Какихъ колоссальныхъ цифръ достигаютъ доходы съ объявленій, показываетъ то обстоятельство, что «Таймсъ» въ одинъ счастливый день отмѣтилъ у себя 17 тысячъ руб. дохода съ объявленій, а берлинская газета въ первыя три недѣли до Рождества — свыше 150 тысячъ рублей! Въ среднемъ объявленія приносятъ «Таймсу» 10,000 руб. въ день, менѣе же крупнымъ газетамъ отъ 3 до 5 тысячъ въ день.

Такимъ образомъ, веденіе крупнаго «распространеннаго» органа печати представляетъ въ настоящее время очень сложную и обширную отрасль промышленности, вызвавшей къ себѣ значительный приливъ капиталовъ. Процессъ капитализаціи печати въ настоящее время такъ далеко зашелъ и такъ ярко выразилъ одно изъ основныхъ теченій переживаемой нами эпохи, что намъ представляется необходимымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на его характеристикѣ.

II.

Одною изъ характернѣйшихъ и, прибавимъ, печальнѣйшихъ чертъ переживаемой нами эпохи является процессъ постепеннаго втягиванія въ область капиталистическаго хозяйства самыхъ различныхъ фактовъ и отношеній, до сихъ поръ не носившихъ не только капиталистическаго, но и вообще экономическаго характера.

Капиталистическое хозяйство расширяетъ районъ своей дѣятельности, не только капитализируя докапиталистическія формы хозяйства, но и создавая совершенно новые объекты хозяйственной дѣятельности, вовлекая въ хозяйственный оборотъ многочисленныя «нематеріальныя» блага.

«По образу мѣновыхъ цѣнностей,—говоритъ Марксъ въ «Капиталѣ»,—выражающихъ общественную организацію производительнаго труда, облекаются въ ф о р м у мѣновыхъ цѣнностей объекты, таковой организаціи сами по себѣ не выражающіе: товарную форму пріобрѣтаютъ такія, напр., «нематеріальныя блага, какъ совѣсть, честь и т. д., отчуждаемыя за деньги». «Всюду, гдѣ она достигла господства,—говоритъ Марксъ въ другомъ мѣстѣ,—буржуазія разрушила всѣ старыя патріархально идиллическія отношенія. Она безжалостно разорвала пестрыя феодальныя нити, связывавшія человѣка съ его повелителемъ, и не оставила между людьми никакой связи, кромѣ голаго интереса, безсердечнаго чистогана. Въ холодной водѣ эгоистическаго расчета потопила она порывы набожной мечтательности, рыцарскаго воодушевленія и мѣщанской сентиментальности. Она превратила въ мѣновую цѣнность личное достоинство человѣка, и на мѣсто безчисленнаго множества видовъ благопріобрѣтенной и патентованной свободы поставила одну, чуждую идеальныхъ соображеній, свободу торговли».

Этотъ процессъ установленія хозяйственнаго отношенія къ нехозяйственнымъ фактамъ, процессъ хозяйственной эксплоатаціи нематеріальныхъ благъ, принялъ въ настоящее время необычайно широкіе размѣры, разлившись «холодною водой эгоистическаго расчета» по всему лицу земли капиталистической...

Трудно подыскать какое бы то ни было явленіе современной жизни въ Западной Европѣ и, въ особенности, въ Сѣверной Америкѣ, которое бы косвенно или прямо не было превращено въ объектъ хозяйственной эксплоатаціи, не облеклось бы въ форму мѣновыхъ цѣнностей.

Экономистамъ добраго стараго времени этотъ процессъ созданія ложныхъ экономическихъ цѣнностей былъ совершенно неизвѣстенъ. Они любили обсуждать и нерѣдко осуждать экономическія явленія съ нравственной точки зрѣнія, а теперь установилась эксплоатація нравственныхъ явленій съ экономическими цѣлями.

Одинъ изъ первыхъ нашихъ экономистовъ, Ив. Посошковъ, сердился даже за такія выраженія, какъ «подушная подать», находя, что «душа» никакого касательства къ хозяйственной жизни не имѣетъ и имѣть не должна. «Во исчисленіи душевномъ», писалъ онъ по этому поводу, — «не чаю проку быти, понеже душа не осязаемая и умомъ не постижимая и цѣны не имущая; надлежитъ цѣнить вещи грунтовыя». Какими наивными кажутся намъ теперь эти слова! Увы, теперь многія качества души, «не осязаемой, умомъ не постижимой и цѣны не имущей», превратились въ обычный товаръ.

Въ ихъ числѣ превратилось въ товаръ и печатное слово. Слово, обращаясь къ которому въ восторженномъ гимнѣ, К. Аксаковъ говорилъ:

Ты чудо изъ Божьихъ даровъ!
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя,
Ты гонишь невѣжество, ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ правдѣ, ты къ благу ведешь!

Это самое слово, «даръ Бога святой», «духа единственный мечъ», самымъ широкимъ образомъ эксплоатируется теперь капитализмомъ, сдѣлавшись чрезвычайно ходкимъ товаромъ, производимымъ по тѣмъ же самымъ законамъ капиталистическаго хозяйства, какъ и всѣ прочіе товары. Язва литературнаго капитализма все разростается и грозитъ на практикѣ жизни полнѣйшею гибелью элементарному, сформулированному

Гоголемъ требованію—съ печатнымъ словомъ надо обращаться честно...

Такъ называемое литературное поприще въ настоящее время довольно густо застроилось литературными фабриками и лавками, торгующими печатнымъ словомъ распивочно и на выносъ. Развращающее вліяніе капитализма въ печати сказывается прежде всего въ томъ, что онъ ведетъ къ полнѣйшему забвенію развивающей, пропагандистской роли печати, крѣпко внѣдряя, вмѣсто этой благородной задачи, единый руководящій принципъ — «чего изволите?». Для капиталистической печати читатель служитъ по-просту покупателемъ, капризнымъ вкусамъ котораго надо потрафить. Отсюда и «направленіе» капиталистическаго органа опредѣляется исключительно спросомъ. Если либеральное направленіе обѣщаетъ нашему литературному купцу бо́льшій доходъ, то онъ издаетъ либеральныя книжки и газеты, если же квартальное направленіе обѣщаетъ ему еще бо́льшій доходъ, то онъ начинаетъ квартальничать; если появится спросъ на конституцію, онъ станетъ преподносить своимъ читателямъ богатый выборъ конституцій новѣйшихъ фасоновъ, а если обнаружится большая склонность почтеннѣйшей публики къ севрюжинѣ, то онъ поспѣшитъ убрать конституцію, такъ чтобы и духу ея не осталось, и аппетитно расположить севрюжину.

Ниже, изъ статьи г. Гурвича, читатель познакомится съ многочисленными фактами, рисующими капиталистическое грѣхопаденіе печати. Эти очень печальные факты газетной дѣйствительности Запада уже давно эксплоатируются нашей охранительной печатью съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ доказать тлетворность свободы печати.

Но существуетъ ли на самомъ дѣлѣ какая либо причинная зависимость между свободою печати и ведущимъ къ безпринципности и продажности капитализмомъ въ печати? У всякаго человѣка, привыкшаго разсматривать всѣ крупныя общественныя явленія въ извѣстной исторической перспективѣ, на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ — рѣзко отрицательный.

Прежде всего, самая поверхностная историческая справка показываетъ, что, напримѣръ, позорная продажность печати

отлично существовала тогда, когда о свободѣ печати нельзя было и заикаться.

Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, достаточно вспомнить хотя бы нашу «Пчелу» и знаменитаго Булгарина.

Наоборотъ, при отсутствіи свободы печати на такъ называемомъ литературномъ поприщѣ происходитъ искусственный подборъ органовъ и публицистовъ, пишущихъ больше за страхъ, чѣмъ за совѣсть, и идеи этихъ публицистовъ получаютъ въ обществѣ принудительный курсъ обращенія.

Если же при свободѣ печати на Западѣ мы наблюдаемъ гораздо больше фактовъ продажности печати, чѣмъ у насъ, то это объясняется отчасти не чѣмъ инымъ, какъ благодѣтельнымъ дѣйствіемъ свободной печати, выводящей всѣ эти факты на свѣтъ гласности, тогда какъ, при отсутствіи свободы печати, факты эти, существуя, остаются скрытыми, заживо похороненными.

Здоровый режимъ свободы печати оказывается, напротивъ, настолько благодѣтельнымъ, что онъ до извѣстной степени парализуетъ, обезвреживаетъ развращающее дѣйствіе капитализма и продажности въ печати. Обезвреживаетъ до извѣстной степени тѣмъ, что создаетъ внимательный общественный контроль надъ всѣми отправленіями общественной жизни и мысли, создаетъ ту чистую, здоровую атмосферу гласности, въ которой трудно развиться темнымъ явленіямъ газетной дѣйствительности. При свободномъ режимѣ факты продажности печати раньше или позже, а попадаютъ въ широкую, свѣтлую полосу гласности, которая распространяется свободною печатью. И если указываютъ на позорную роль, сыгранную печатью въ такихъ дѣлахъ, какъ Панама, какъ дѣло Дрейфуса, то пусть не забываютъ, что въ этихъ дѣлахъ темная роль иныхъ органовъ печати и общественныхъ дѣятелей никогда не могла бы быть разоблачена безъ помощи свободной печати. Подобнаго рода скандалы могли происходить, да происходили и происходятъ и безъ свободы печати, и вся то разница лишь въ томъ, что въ этомъ случаѣ все осталось бы шито-крыто, и честная печать, если бы она и была освѣдомлена объ этихъ скандалахъ, принуждена была бы изображать собою глухонѣмую.

Отсюда понятно, что капитализмъ и продажность въ печати дѣйствуютъ несравненно менѣе губительно при свободѣ печати, чѣмъ при отсутствіи ея; и въ частности развитіе журнальнаго капитализма у насъ, въ Россіи, грозитъ намъ значительно болѣе губительнымъ дѣйствіемъ, чѣмъ на Западѣ. А у насъ журнальный капитализмъ дѣлаетъ большіе успѣхи.

Въ свое время Герценъ, быть можетъ, еще имѣлъ основаніе писать:

«Въ бѣдной и обиженной литературѣ до послѣдняго времени было множество всякихъ чудаковъ, но большею частью это были люди чистые, люди честные... Аферисты, плуты, дѣлатели фальшивыхъ векселей и истинныхъ доносовъ, если и попадались, то они шныряли гдѣ то по подваламъ и никогда не лѣзли на видныя мѣста, точно лондонскіе тараканы, держащіеся въ кухнѣ и не являющіеся въ салонъ. Такимъ образомъ сохранилась у насъ наивная вѣра въ поэта и писателя. Мы не привыкли къ тому, что можно лгать духомъ и торговать талантомъ такъ, какъ продажныя женщины лгутъ тѣломъ и продаютъ красоту; мы не привыкли къ барышникамъ, отдающимъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданіи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію доходную статью. И въ этомъ довѣріи, давно не существующемъ на Западѣ, бездна хорошаго, и намъ всѣмъ слѣдуетъ поддерживать его».

Увы, эти прекрасныя слова Герцена звучатъ теперь грустнымъ анахронизмомъ: ежедневно продающіеся органы у насъ теперь быстро плодятся, множатся и населяютъ литературное поприще. Въ чемъ, въ чемъ, а въ этомъ мы быстро догоняемъ Европу, совершенно не вырабатывая при этомъ тѣхъ условій, которыя до извѣстной степени парализуютъ въ Европѣ губительное дѣйствіе капиталистической постановки газетнаго дѣла.

Въ силу особыхъ условій, на нашей прессѣ лежитъ гораздо болѣе всеобъемлющая и отвѣтственная роль, чѣмъ на европейской или американской прессѣ. Какъ ни «исправлено и дополнено» отражаетъ русская печать русскую жизнь, какъ ни тѣсенъ отведенный ей районъ, какъ ни царитъ въ ней «шопотъ, робкое дыханье», все же печать служитъ у насъ единственной каѳедрой, съ которой можно услышать хотя бы какой

нибудь голосъ общественнаго мнѣнія. На Западѣ, при поразительномъ богатствѣ и разнообразіи формъ общественной и политической жизни, пресса уже утратила свое былое значеніе единственной трибуны общественнаго мнѣнія. Парламенты, политическія собранія, партійныя организаціи взяли на себя огромную часть тѣхъ общественныхъ задачъ, которыя лежали прежде на печати.

Отсюда понятно, что идейное паденіе печати, подъ вліяніемъ проникшаго въ нее капитализма, не можетъ имѣть на Западѣ такихъ вредныхъ для общества послѣдствій, какъ у насъ, въ Россіи: на Западѣ и помимо печати открыта широкая возможность произнести и выслушать общественную проповѣдь на любыя темы; у насъ же если эта проповѣдь и можетъ раздаваться, то только со страницъ печати. И если въ нашей печати дозволенная ей робкая общественная проповѣдь, больше похожая на пантомиму, будетъ заглушена еще и внутренними капиталистическими вліяніями, то ее негдѣ будетъ произнести и выслушать на всемъ необъятномъ пространствѣ матушки-Россіи...

Въ виду всего этого намъ не приходится особенно хвалиться передъ Западомъ отсталостью нашего газетнаго капитализма и газетной продажности. Какъ далеко ни зашло въ этомъ отношеніи дѣло въ Зап. Европѣ и Сѣв. Америкѣ, все таки никто не станетъ утверждать, что тамъ совсѣмъ исчезла некапиталистическая, идейная пресса, играющая, благодаря свободному режиму, огромную просвѣтительную роль, превратившаяся въ могущественный факторъ всей общественной и политической жизни страны.

Никакая общественная работа на Западѣ не мыслима безъ косвенной или прямой поддержки печати... Даже крупныя, геніальныя отвлеченныя идеи могутъ получить въ настоящее время широкое распространеніе въ значительной степени только благодаря печати, подхваченныя ею, принятыя ею къ размѣну.

Несмотря на широкое проникновеніе въ западную печать капитализма, тамъ, въ особенности въ Англіи и въ Германіи, существуютъ многочисленные органы лишь съ технической стороны пошедшіе на выучку къ капитализму и сохранившіе полнѣйшую независимость и неподкупность направленія. Всю

могучую прессу Запада подкупить невозможно и всегда при свободномъ режимѣ тотъ или иной органъ печати выведетъ темныя дѣла на чистую воду.

При свободномъ режимѣ даже жалкая продажная пресса порою служитъ орудіемъ общественнаго прогресса. Если не по убѣжденію, то въ виду расхожденія интересовъ, въ виду конкурренціи, если не за совѣсть, то за страхъ, эта пресса разоблачаетъ всяческіе темные дѣла и замыслы и несетъ такимъ образомъ службу великому дѣлу гласности. Даже среди жалкихъ газетъ всегда найдется, если и продажный, то не купленный органъ печати, который съ наслажденіемъ бросится на разоблаченія, на которыя такъ падка публика, и хотя бы съ бутафорскимъ негодованіемъ раскроетъ тѣ или иныя темныя продѣлки. Присмотритесь, въ самомъ дѣлѣ, къ крупнымъ скандаламъ послѣднихъ лѣтъ и вы убѣдитесь, что, несмотря на всю щедрость, на огромный фондъ для пресмыкающейся прессы, крупнымъ дѣятелямъ этихъ скандаловъ никогда не удавалось вполнѣ подкупить прессу, и раньше или позже, даже въ рядахъ пресмыкающейся прессы, всегда находился органъ, который выводилъ дѣло на чистую воду.

Такимъ образомъ, свобода печати не только не порождаетъ продажности печати, но, наоборотъ, сильно обезвреживаетъ губительное дѣйствіе послѣдней. Капитализмъ же въ печати порождается тѣми общими условіями развитія капиталистическаго строя, о которыхъ мы выше говорили.

III.

Появленіе капитализма въ печати вызвало, конечно, появленіе газетнаго пролетаріата. Трудно и придумать что либо болѣе тяжкое, чѣмъ положеніе литературнаго пролетаріата, этихъ жалкихъ чернильныхъ кули. Сплошь и рядомъ въ кадры литературнаго пролетаріата попадаютъ люди съ очень большимъ самолюбіемъ и порою большимъ талантомъ. люди пишущіе «сокомъ нервовъ своихъ и кровью сердца своего» и получающіе за это лишь нищенское вознагражденіе, принимающее во вниманіе не цѣнность этихъ драгоцѣнныхъ соковъ нервовъ и крови сердца, а цѣну чернилъ по 5 коп. за цѣлый флаконъ.

Въ прекрасной драмѣ Фрейтага «Журналисты», не устарѣвшей несмотря на свое полувѣковое существованіе, выведенъ, въ лицѣ Шмока, типичный представитель журнальнаго пролетарія.

«Мой редакторъ, жалуется полковнику Шмокъ, несправедливый человѣкъ. «Обращайте вниманіе на стиль, хорошій стиль главное; пишите глубокомысленно. Шмокъ, теперь отъ газетъ требуютъ, чтобы онѣ были глубоки»,—говоритъ мнѣ редакторъ. Хорошо, я пишу глубоко, стараюсь быть логичнымъ и приношу ему работу. «Это что такое?» кричитъ онъ и бросаетъ манускриптъ: «не годится! тяжеловѣсно, педантично... Вы должны писать блестяще, Шмокъ, геніально, теперь читатель требуетъ, чтобы ему давали пріятное чтеніе». Что мнѣ тутъ дѣлать? Ну, я пишу геніально, вставляю въ статью много блестящаго. Мой редакторъ беретъ красный карандашъ и вычеркиваетъ все обыкновенное, оставляя одни бриллiанты. Такъ мнѣ нельзя существовать. Какъ писать одни бриллiанты по двѣ копѣйки за строчку?»

Эти слова несчастнаго Шмока, обыкновенно вызывающія улыбку у зрителей, хорошо вскрываютъ передъ нами большую душевную драму маленькихъ работниковъ печати, нерѣдко одаренныхъ талантомъ, который имъ приходится размѣнивать по двѣ коп. за строку въ тяжелой литературной поденщинѣ. Литературный пролетаріатъ лишенъ даже тѣхъ орудій обороны, которыми, хорошо-ли, плохо-ли, но все таки вооруженъ западно-европейскій фабричный пролетаріатъ — сплоченныхъ профессіональныхъ союзовъ, законодательства объ охранѣ труда, точно опредѣленнаго рабочаго договора. Обыкновенно, между журналистами, работающими «сдѣльно», и капиталистами печати не заключается никакого юридически-оформленнаго договора, въ силу чего первые въ любую минуту могутъ быть выброшены на улицу и оставлены буквально безъ куска хлѣба. Найти новую работу крайне трудно. такъ какъ предложеніе мелкаго литературнаго труда всегда значительно превышаетъ спросъ на него.

Трудно себѣ и представить, какимъ нищенскимъ вознагражденіемъ готовы довольствоваться впроголодь живущіе литературные пролетаріи. Пеллутье въ своей книгѣ «Жизнь ра-

бочихъ во Франціи» (Спб. 1901 стр. 234) разсказываетъ: «Мы слышали отъ одного магистра словесности, лишившагося всякой протекціи, что самыя скромныя и совершенно невѣроятныя по своему характеру занятія переполнены; онъ самъ предлагалъ одному журналу работать въ немъ и хорошо работать за вознагражденіе, равняющееся лишь платѣ за обѣдъ». Въ «Національной Библіотекѣ» Парижа имѣется книга, куда вносятъ предложенія своего труда лица либеральныхъ профессій. О какой нищетѣ и безвыходности положенія литературнаго пролетаріата разсказываютъ иныя изъ этихъ записей! Одинъ, напримѣръ, заявляетъ: «Я дѣлаю все: исправляю романы, драмы, комедіи, историческіе труды; беру переписку, переводы, составляю каталоги по цѣнамъ исключительно дешевымъ»... А вотъ какая то дама ищетъ литературнаго труда и въ крайнемъ случаѣ готова пойти въ гувернантки... Вотъ другой литераторъ, готовый продать свою рукопись вмѣстѣ со своею славою другому лицу, онъ «уступаетъ въ собственность пьесу въ трехъ актахъ съ анализомъ ея въ предисловіи, или другую трехактную пьесу съ замѣчательными законченными діалогами. Спѣшно».

Года два тому назадъ одесскіе репортеры одной крупной газеты устроили стачку и въ числѣ своихъ требованій выдвинули... требованіе, чтобы издатель не обращался къ нимъ съ площадной бранью. Этотъ фактъ достаточно хорошо рисуетъ моральное положеніе газетнаго пролетаріата.

Какъ мы видѣли выше, капитализмъ въ печати является лишь одною изъ струекъ того общаго процесса проникновенія капитализма во всѣ поры современнаго общества, которымъ ознаменована вторая половина покойнаго и начало новорожденнаго вѣка. Отсюда понятно, что никакихъ специфическихъ мѣръ борьбы противъ газетнаго капитализма у современнаго общества нѣтъ. Для того, чтобы совсѣмъ исчезла капиталистическая печать, само современное общество должно перестать быть капиталистическимъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что нѣтъ никакихъ средствъ, чтобы смягчить это зло, уменьшить его вліяніе. По существу здѣсь необходимо прибѣгнуть къ тѣмъ же самымъ средствамъ, которыя съ успѣхомъ были использованы въ борьбѣ съ промышленнымъ

капитализмомъ. Въ ряду этихъ мѣръ первая принадлежитъ развитію профессіональной организаціи и профессіональнаго образованія. Дѣло организаціи литературнаго пролетаріата обстоитъ изъ рукъ вонъ плохо и едва начинаетъ дѣлать первые шаги. А между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что хорошо организованные журналисты сумѣли бы дать прекрасный отпоръ поползновенію капитала привести «сочинителей» «къ подножію ногъ своихъ», какъ выражается одинъ изъ персонажей Лейкина.

Перифразируя знаменитую фразу, надо сказать: «Пролетаріи литературнаго поприща, соединяйтесь!»

Въ дѣлѣ борьбы съ капитализмомъ въ печати, общество располагаетъ еще однимъ очень сильнымъ и дѣйствительнымъ оружіемъ—литературнымъ бойкотомъ.

Въ «Словарѣ юридическихъ и государственныхъ наукъ» мы находимъ слѣдующее опредѣленіе общественныхъ бойкотовъ:

«Всѣ партійные, общественные бойкоты являются дѣломъ всего общества; это судъ общественной совѣсти надъ возмутившимъ ее образомъ своего поведенія индивидомъ. Общественные бойкоты имѣютъ, такимъ образомъ, черты сходства съ судомъ Линча, отъ котораго отличаются тѣмъ, что тамъ общественная реакція обрушивается на физическое, здѣсь на соціально-экономическое благосостояніе личности. Несмотря на отсутствіе строгой организаціи, общественные бойкоты, вслѣдствіе своей стихійной силы, представляютъ собою очень острое орудіе борьбы».

Намъ думается, что это «очень острое орудіе борьбы» можетъ быть съ большимъ успѣхомъ направлено на борьбу съ литературными промышленниками. И при томъ, именно по отношенію къ этимъ промышленникамъ это орудіе борьбы является какъ нельзя болѣе сильнымъ и какъ нельзя болѣе вѣрнымъ.

Литераторъ убѣжденный, журналистъ честный не торгуетъ своими произведеніями, его цѣль будить «чувства добрыя» и ради этой цѣли онъ готовъ одиноко нести крестъ страданія. Его интересуетъ не сбытъ «экземпляровъ», а распространеніе идей. Столкнувшись съ равнодушіемъ публики, онъ не продастъ «правды чистыя ученія», не измѣнитъ имъ, или употребитъ всю силу находящагося въ его распоряженіи красно-

рѣчія, всю заразительность своего искренняго убѣжденія для того, чтобы переубѣдить читателей, предпочтетъ остаться нищимъ и одинокимъ, устремитъ всѣ свои надежды на потомство, или, наконецъ, сломаетъ свое перо, но не станетъ подлаживаться подъ спросъ.

А литературному промышленнику на подобные сантименты вполнѣ и исключительно наплевать. Его интересуетъ не пробужденіе чувствъ добрыхъ, а лишь подписная плата. Если послѣдняя поступаетъ въ исправности—значитъ дѣло хорошо налажено и онъ, пожалуй, готовъ на радостяхъ прибавить въ мѣсяцъ двугривенный сочинителю, сумѣвшему потрафить такой взбалмошной дамѣ, какъ читающая публика. Но, а ежели подписная плата не идетъ въ кассу, то стало быть дѣло изъ рукъ вонъ плохо, надо, значитъ, его на другой манеръ поставить, да получше принюхаться, чего эта публика желаетъ.

И будьте увѣрены, что какъ только публика хотя немного отвернется отъ «органа», такъ тотчасъ же нашъ предприниматель самъ не свой всполошится, заерзаетъ, заходитъ и всею своею физіономіей и фигурою изобразитъ вопросъ: «Чего изволите?»

Изъ этой зависимости отъ подписной платы и проистекаетъ вся уязвимость литературнаго промышленника и вся сила по отношенію къ нему литературнаго бойкота. Объявите противъ него литературный бойкотъ и будьте увѣрены, что завтра же онъ перемѣнитъ въ какую угодно сторону свое направленіе и запоетъ изъ какой угодно оперы.

На Западѣ, какъ мы выше видѣли, сила капитализма въ печати опирается на прочный спросъ со стороны общества на подобнаго рода прессу, но и тамъ, какъ мы увидимъ ниже, попытки литературнаго бойкота, оставшіяся, къ сожалѣнію, совершенно разрозненными, дали блестящіе итоги. У насъ же, въ Россіи, капитализмъ въ печати держится помимо «независящихъ обстоятельствъ» еще въ значительной степени благодаря дряблости и мягкотѣлости нашей читающей публики, совершенно не сознающей своей власти надъ эксплуатирующими ее литературными промышленниками.

У насъ сплошь и рядомъ говорятъ:

— Да, правда, такая то газета завѣдомо продажная, она совершенно развращаетъ читателя.

Но позвольте, зачѣмъ же вы въ такомъ случаѣ ее выписываете и читаете, вѣдь общественное мнѣніе должно бы насъ привлечь къ своей отвѣтственности за участіе въ развращеніи публики, такъ какъ, поддерживая своими подписными деньгами и своими объявленіями эту газету, вы тѣмъ самымъ поддерживаете и то богомерзкое дѣло, которому она служитъ которымъ вы такъ краснорѣчиво и справедливо возмущаетесь.

— Такъ то это такъ, да что подѣлаешь, когда эта газета самая распространенная, полная и освѣдомленная. Изъ нея полнѣе, чѣмъ изъ всякой другой можно все узнать: кто умеръ, гдѣ что у кого украли, гдѣ убили, гдѣ концертъ, что происходитъ на всемъ свѣтѣ. Поэтому и приходится читать ее, да и объявленія несешь въ нее же, такъ какъ она вѣдь самая распространенная, поэтому и объявленія достигаютъ въ ней наибольшаго распространенія. Никакъ безъ нея не обойдешься. Да, и помилуйте, что я одинъ подѣлаю. Вѣдь извѣстно, что одинъ въ полѣ не воинъ. Ну хорошо, откажусь я отъ подписки на эту газету, будетъ однимъ подписчикомъ у нея меньше, для меня вѣдь это, какъ ни какъ, лишеніе, а она и не замѣтитъ.

У насъ очень принято такъ разсуждать, а между тѣмъ все это разсужденіе основано на гражданской дряблости и мистическомъ представленіи о какихъ-то «всѣ», представляющихъ не слагаемое изъ Иванова, Петрова, меня, васъ и т. д., а какое-то миѳическое лицо. Если бы многочисленныя лица, негодующія на продажную прессу, вмѣсто трусливыхъ ссылокъ на то, что одинъ въ полѣ не воинъ, дѣйственно выразили бы свой гнѣвъ, т.-е. отказалась бы отъ всякаго касательства къ данной газетѣ, то тогда бы многія продажныя газеты перестали быть «распространенными»...

Намъ думается, что литературный бойкотъ, получивъ прочную общественную организацію, разрушитъ до извѣстной степени возможность существованія и процвѣтанія органовъ печати, которыхъ всѣ ругаютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ читаютъ.

Въ силу этого, значеніе литературнаго бойкота велико и обильно.

Онъ уже былъ испробованъ противъ нѣкоторыхъ органовъ, такъ напр. во Франціи подверглись бойкоту нѣсколько лѣтъ

тому назадъ газеты «Rappel» и «XIX Siècle», случаи бойкотированія газетъ происходили и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Наконецъ, любопытнѣйшій и поучительный случай литературнаго бойкота произошелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ по отношенію къ типичной капиталистической газетѣ «Lokal-Anzeiger», издаваемой крупнымъ газетнымъ промышленникомъ Августомъ Шерлемъ. Шерль безстыдно эксплоатировалъ своихъ типографскихъ рабочихъ и, кромѣ того, совершенно лишилъ ихъ права коалиціи. Когда же, несмотря на это, наборщики устроили собраніе, то Августъ Шерль немедленно уволилъ 24 человѣка.

Возмущенное трудящееся населеніе Берлина немедленно постановило отказаться отъ абонемента на «Lokal-Anzeiger» и кромѣ того объявлялось, чтобы никто и ничего не покупалъ въ тѣхъ торговыхъ фирмахъ, которыя будутъ помѣщать свои объявленія въ «Lokal-Anzeiger'ѣ». Шерль несъ, конечно, огромные убытки и черезъ самый короткій срокъ принужденъ былъ пойти на мировую и удовлетворить всѣ требованія возмущенныхъ подписчиковъ. Тогда говорили, что онъ потерялъ благодаря литературному бойкоту до 80 тысячъ подписчиковъ, не говоря уже о потерѣ объявленій.

IV.

Развитіе всяческихъ профессіональныхъ организацій и тѣсно съ нимъ связанное развитіе профессіональнаго образованія составляетъ, безспорно, одну изъ характернѣйшихъ чертъ переживаемой нами эпохи.

Наука уже давно перестала развиваться «вдали отъ суетнаго свѣта», теперь день ото дня разростается ея такъ сказать повседневное значеніе, укрѣпляется ея свѣтлая роль въ темной и тяжелой практикѣ людской жизни. Въ Западной Европѣ нѣтъ теперь, кажется, такой профессіи. представители которой не сознавали бы этого громаднаго практическаго значенія знанія, и соотвѣтственно съ этимъ не стремились бы организовать широкое профессіональное образованіе.

Въ сторонѣ отъ этого движенія оставалась до самаго послѣдняго времени лишь та профессія, представители которой

съ наибольшимъ жаромъ и убѣжденностью проповѣдывали всю пользу профессіональнаго образованія. Говоримъ о братьяхъ-писателяхъ.

Проповѣдуя трудящимся слоямъ населенія принципъ — «въ единеніи сила», доказывая, что внѣ профессіональной организаціи и безъ профессіональнаго образованія нѣтъ путей для серьезнаго улучшенія матеріальнаго и моральнаго положенія, журналисты въ это самое время являли собою примѣръ удивительной разрозненности, удивительнаго отсутствія профессіональной сплоченности. Причиной ли тому характеръ литературнаго труда, затрагивающій такую интимную и щекотливую сторону, какъ убѣжденія, и тѣмъ самымъ мѣшающій работникамъ пера—мы совсѣмъ оставляемъ здѣсь и ниже въ сторонѣ разбойниковъ пера—сорганизоваться въ профессіональный союзъ, въ которомъ были бы замирены всѣ внутреннія разногласія и вся освобожденная этимъ энергія была бы устремлена на борьбу съ эксплоататорами литературнаго поприща и на подъемъ умственнаго и матеріальнаго уровня пишущей братіи, или же сказался здѣсь тотъ фактъ, что люди интересовъ вообще легче организуются, чѣмъ люди убѣжденій. По той или иной причинѣ это происходитъ, а журналисты представляютъ наименѣе организованную профессію. Что умственный цензъ въ особенности мелкой газетной братіи оставляетъ желать очень и очень многаго, объ этомъ едва ли станетъ спорить всякій мало-мальски знакомый съ дѣйствительностью газетнаго дѣла. Нѣмецкій императоръ Вильгельмъ замѣтилъ какъ-то, что журналисты рекрутируются изъ выгнанныхъ гимназистовъ, а Бисмаркъ указалъ на еще одну категорію людей, поставляющихъ кадры журналистовъ—это люди, которымъ не повезло въ избранной ими профессіи, и, оставшись безъ дѣла, они и взялись за журналистику. Эти раздраженныя замѣчанія Вильгельма и Бисмарка, конечно, несправедливо было бы принять во всемъ ихъ объемѣ, но за всѣмъ тѣмъ приходится сознаться, что среди современныхъ работниковъ журналовъ и, въ особенности, газетъ не мало людей принадлежатъ и къ первой, и ко второй категоріи, т.-е. не мало людей, вступающихъ на «оный путь, журнальный путь» съ самымъ элементарнымъ образованіемъ,

легкимъ «научнымъ» багажемъ, состоящимъ изъ умѣнья читать и писать (сплошь и рядомъ безграмотно), да вдобавокъ еще изъ элементарныхъ письменныхъ принадлежностей. Не говоримъ уже о полномъ отсутствіи спеціальной, профессіональной подготовки для журналистской дѣятельности.

Въ послѣднее время на Западѣ очень много говорятъ о насущной необходимости поднятія образовательнаго уровня журналистовъ. И насущность этого подъема растетъ вмѣстѣ съ ростомъ соціальнаго значенія и отвѣтственности великой шестой державы — державы печатнаго слова. Но если теперь почти никто не оспариваетъ необходимость подъема общаго образованія журналистовъ, то вопросъ о необходимости и даже желательности профессіональнаго, спеціальнаго образованія журналистовъ вызываетъ до сихъ поръ сильнѣйшія разногласія, и число рѣшительныхъ противниковъ идеи профессіональнаго образованія для журналистовъ значительно превышаетъ число ея сторонниковъ. Послѣдней апелляціонной инстанціей въ этомъ спорѣ является практика, опытъ, въ настоящее время зарегистровавшій уже не одну попытку организаціи профессіональнаго образованія для журналистовъ. Къ этимъ-то практическимъ попыткамъ мы и обратимся теперь, а познакомившись съ ними, мы затѣмъ уже попытаемся выяснить вопросъ, насколько для журналистовъ нужно и возможно профессіональное образованіе.

Профессіональныя школы журнализма существуютъ въ настоящее время въ двоякомъ видѣ — или какъ особые курсы журналистики при одномъ изъ существующихъ факультетовъ, или же въ видѣ совершенно самостоятельныхъ «высшихъ школъ журналистики». Сначала были устроены перваго рода курсы, причемъ первые курсы появились въ Америкѣ, при университетахъ въ Чикаго, Филадельфіи и Колумбіи. Здѣсь курсы журналистики читались въ видѣ особаго курса при юридическомъ факультетѣ. Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ развитія дѣла профессіональнаго журналистскаго образованія къ программѣ юридическаго факультета былъ присоединенъ курсъ журналистики, прослушавъ который, юристы получали кое-какую профессіональную подготовку на тотъ случай, если пойдутъ въ журналистику. Подготовка эта была очень скудна.

Факультетъ давалъ недурное общее образованіе, значительно болѣе разностороннее, чѣмъ включенное въ обычныя программы юридическихъ факультетовъ, но профессіональная подготовка для журналистской дѣятельности была поставлена въ немъ, повторяю, весьма скудно.

Но на сказанномъ дѣло не остановилось, и курсы журнализма стали быстро развиваться въ Америкѣ. Въ скоромъ времени при университетѣ въ Филадельфіи проф. Джонсономъ были основаны превосходно организованные курсы журналистики, дававшіе своимъ слушателямъ очень хорошую профессіональную подготовку. Въ программу этихъ курсовъ входили слѣдующіе предметы:

1) Исторія періодической печати, въ особенности въ новѣйшее время. Сравнительное изученіе газетъ различныхъ странъ. Усвоеніе основныхъ принциповъ и обязанностей журналиста. Изученіе организаціи объявленій, управленія газетнымъ дѣломъ и т. д.

2) Изученіе законодательства о печати.

3) Практическія занятія по составленію репортерскихъ отчетовъ и рецензій. Выработка умѣнія сжато и ярко излагать.

4) Практическія занятія по составленію хроникъ, художественной и литературной критики, журнальныхъ статей и т. д.

Курсъ расчитанъ на четыре года, причемъ для всѣхъ слушателей обязательны посѣщенія цѣлаго ряда другихъ общеобразовательныхъ лекцій по исторіи, литературѣ и т. д.

Какъ мы видимъ, курсъ проф. Джонсона преслѣдуетъ цѣль — дать достаточное профессіональное, а не только общее, образованіе для будущихъ дѣятелей журналистики.

Изъ Америки идея профессіональнаго образованія журналистовъ перенеслась въ Европу, и теперь во всѣхъ странахъ Европы организованы или курсы журнализма при университетѣ, или же отдѣльныя «высшія школы журналистики». Изъ курсовъ журнализма, читаемыхъ при университетахъ, прежде всего должны быть отмѣчены превосходные курсы, читаемые при Гейдельбергскомъ университетѣ проф. Кохомъ. Проф. Кохъ читаетъ свои курсы для студентовъ всѣхъ факультетовъ, на его лекціи записываются и юристы, и филологи, и философы,

расчитывающіе впослѣдствіи избрать дѣятельность журналиста, или же просто интересующіеся современной постановкой газетнаго дѣла. Курсы проф. Коха распадаются на двѣ части — практическую и теоретическую. Въ теоретическомъ курсѣ проф. Кохъ знакомитъ своихъ слушателей съ исторіей періодической печати въ различныхъ странахъ и въ особенности въ Германіи, съ отношеніемъ, которое занимаетъ журналистика къ литературѣ, искусству и политикѣ. Изучается при этомъ законодательство о печати въ различныхъ странахъ, организація корреспондентскихъ бюро и телеграфныхъ агентствъ и, наконецъ, слушатели подробно знакомятся съ обычнымъ содержаніемъ газетнаго нумера и его составленіемъ. съ организаціей печатанія объявленій и т. д.

Но главное значеніе лекцій проф. Коха въ ихъ практической части. Профессоръ, самъ состоящій редакторомъ одной нѣмецкой газеты, старается ввести своихъ учениковъ, такъ сказать, въ мастерскую газетнаго дѣла и на практикѣ ознакомить ихъ со всею сложною работою газетнаго механизма. Съ этою цѣлью проф. Кохъ постоянно посѣщаетъ со своими учениками редакціи и типографіи различныхъ газетъ и внимательно прослѣживаетъ съ ними весь процессъ изготовленія газетнаго нумера съ самаго начала до самаго конца. Благодаря подобной постановкѣ дѣла, слушатели проф. Коха получаютъ хорошую не только теоретическую, но и практическую профессіональную подготовку. Съ цѣлью улучшить эту подготовку, проф. Кохъ организовалъ, такъ сказать, журналистскія экстемпораліи. При практическихъ занятіяхъ, проф. Кохъ задаетъ своимъ слушателямъ составленіе телеграммъ, отчетовъ, разсужденій по поводу тѣхъ или иныхъ событій общественной и политической жизни. Благодаря этому, слушатели развиваютъ у себя столь необходимый для журналиста навыкъ быстро и въ литературной формѣ откликаться на злобы дня. На ряду съ этими экстемпораліями существуютъ еще домашнія письменныя работы. Работы эти раздаются по понедѣльникамъ и должны быть представлены въ пятницу. Предметомъ работъ являются фельетоны и передовыя статьи по самымъ различнымъ, преимущественно злободневнымъ вопросамъ. Наиболѣе интересныя работы прочитываются вслухъ, вызывая оживленные дебаты.

Курсы проф. Коха, благодаря очерченной выше превосходной организаціи, пользуются очень большимъ успѣхомъ: число слушателей доходитъ до 150, среди которыхъ нѣсколько женщинъ. Въ настоящее время нѣкоторые изъ бывшихъ слушателей Коха уже сдѣлались дѣятельными работниками нѣмецкой прессы, иные изъ нихъ даже заняли редакторскія мѣста.

Мы познакомились теперь въ общихъ чертахъ съ постановкой курсовъ журнализма при университетахъ, намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ объ отдѣльныхъ спеціальныхъ школахъ журналистики.

Подобныя «высшія школы журналистики» существуютъ въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ и др. столицахъ.

Берлинская «Journalisten Hochschule» находится подъ руководствомъ редактора нѣмецкаго журнала «Die Kritik»—Рихарда Вреде. Курсъ ученія расчитанъ на 2 года, въ программу его входятъ слѣдующіе предметы:

1) Исторія и техника газетнаго дѣла.

2) Законодательство о печати.

Кромѣ того читаются «privatim» еще нѣсколько курсовъ по болѣе общимъ предметамъ—исторіи, литературѣ и т. д. Главный центръ преподаванія перенесенъ на практическіе курсы, гдѣ внимательно проходится, путемъ частыхъ упражненій, составленіе передовыхъ статей, рецензій, отчетовъ, вырабатывается живой и сжатый стиль, вырабатывается умѣніе быстро схватить и популярно изложить суть даннаго животрепещущаго вопроса.

На тѣхъ же основахъ организована «школа журнализма» въ Парижѣ при «высшей школѣ соціальныхъ наукъ». Въ парижской школѣ журнализма лекторами состоятъ такіе крупные ученые, какъ извѣстный историкъ Сеньобосъ, а въ практическихъ занятіяхъ принимаютъ участіе видные журналисты и среди нихъ одинъ изъ редакторовъ крупнѣйшей французской газеты—«Temps».

Несмотря на то, что, какъ мы видѣли, школы и курсы журнализма существуютъ уже лѣтъ десять и что они привлекаютъ все большее число слушателей, несмотря на то, что теперь уже не одинъ десятокъ лицъ, прошедшихъ эти школы,

вступилъ въ качествѣ дѣятельнаго и замѣтнаго работника на журнальное поприще, несмотря на все это, очень многіе журналисты и по сей часъ еще усердно доказываютъ полную безплодность и даже вредность профессіональнаго образованія для журналистовъ. Русскій читатель имѣлъ недавно случай выслушать всѣ эти усердныя доказательства, по поводу возникшаго среди московскихъ журналистовъ проекта учредить у насъ въ Москвѣ высшую школу журналистики. Русская печать, за очень немногими исключеніями, отнеслась къ этому проекту отрицательно и старательно высмѣивала его. А между тѣмъ намъ думается, что десятилѣтняя практика западноевропейскихъ высшихъ школъ журнализма, да и такъ сказать теоретическія соображенія потребовали бы отнестись къ дѣлу организаціи профессіональнаго журналистскаго образованія нѣсколько посерьезнѣе. Не надо только думать, какъ, очевидно по отсутствію времени для обдумыванія, подумали иные наши публицисты, что дѣло идетъ здѣсь о фабрикаціи журналистовъ, объ искусствѣ превратить въ блестящаго журналиста всякаго косноязычнаго господина, поступающаго въ школу журналистики. Такой непосильной и неисполнимой задачи школы журнализма на себя не берутъ, цѣль ихъ гораздо скромнѣе—онѣ стремятся не фабриковать журналистовъ, а развивать уже имѣющіяся на лицо способности къ журналистской дѣятельности и выпускать людей на журналистское поприще уже обладающими извѣстными техническими навыками и извѣстнымъ объемомъ профессіональнаго образованія.

Рихардъ Вреде, директоръ берлинской школы журналистовъ, замѣчаетъ по этому поводу въ статьѣ, помѣщенной въ «Настольномъ словарѣ журналистики» («Handbuch der Journalistik»): «Конечно, чтобы быть журналистомъ, нужно дарованіе, но на ряду съ нимъ необходимъ и техническій навыкъ. Необходимо, чтобы журналистъ умѣлъ управлять своимъ талантомъ». Авторъ справедливо замѣчаетъ далѣе, что вѣдь никому не приходитъ въ голову сомнѣваться въ пользѣ профессіональной подготовки для скульптора, художника, музыканта. Конечно, для того, чтобы быть художникомъ, нуженъ раньше и прежде всего талантъ, но развѣ же наличность таланта

исключаетъ необходимость долгой и упорной подготовки, развѣ самому талантливому, самому геніальному художнику не нужны годы профессіональной подготовки, чтобы овладѣть техникой своего труда? Конечно, по всему своему характеру журналистика не требуетъ такой долгой и сложной подготовки, какъ художество и музыка, конечно, техника, нужная журналисту, гораздо проще и легче, чѣмъ техника, которою долженъ владѣть музыкантъ и художникъ, но вѣдь все таки техника эта какъ ни какъ существуетъ, и овладѣть ею журналисту надо. Для того, чтобы быть хорошимъ журналистомъ, сплошь и рядомъ оказывается недостаточной наличность способностей и письменныхъ принадлежностей. Мы знаемъ многихъ талантливыхъ людей, у которыхъ есть что сказать читателю, но которые не умѣютъ этого сказать, исключительно по непривычкѣ выражать свои мнѣнія. Такіе люди, выступая на литературное поприще, терпятъ обезкураживающія неудачи часто только благодаря невыработанности своей техники, благодаря неумѣнію, по отсутствію упражненія, письменно, въ той формѣ, какая подходитъ къ данному предмету, выражать свои мысли.

Теперешнему журналисту приходится вырабатывать всѣ практическіе навыки, необходимые для журналиста, такъ сказать ощупью, кусками, среди поспѣшной работы, профессіональная же подготовка призвана дать ему эти навыки въ болѣе систематическомъ видѣ, позволить ему изучить ихъ прежде, чѣмъ онъ вступитъ на и безъ того тяжелый, требующій много силъ и выдержки, путь журналиста. Кромѣ этой технической задачи, профессіональное образованіе призвано выполнить и болѣе широкую и общую задачу—поднять образовательный цензъ журналистовъ.

Если профессіональныя школы журналистики и не въ состояніи значительно поднять общій уровень образованія журналистовъ, то онѣ могутъ по крайней мѣрѣ дать своимъ ученикамъ знаніе того круга предметовъ, въ которомъ, по самому роду литературнаго труда, приходится вращаться журналисту. И мы видимъ, что школы журнализма вводятъ въ свою программу лекціи по исторіи, исторіи литературы, искусству, по правовѣдѣнію и т. д.

Мнѣ думается, что приведенныя строки уже достаточно

выяснили скромную, но плодотворную роль профессіональнаго образованія для журналистовъ. Приходится, въ виду непрекращающихся недоразумѣній, паки и паки твердить, что школы журнализма отнюдь не претендуютъ, или по крайней мѣрѣ не должны претендовать, на роль питомниковъ для искусственнаго разведенія журналистовъ, что онѣ отнюдь не собираются превратить въ талантливыхъ журналистовъ людей, у которыхъ по отношенію къ журналистикѣ лишь охота смертная, да участь горькая. Вся цѣль этихъ школъ можетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы дать людямъ, обладающимъ призваніемъ къ журналистикѣ, теоретическую и практическую профессіональную подготовку для болѣе успѣшнаго выполненія своей журналистской работы.

Къ сожалѣнію, въ послѣднее время, въ особенности въ Англіи, проявилось стремленіе превратить школы журнализма въ государственные факультеты, гдѣ былъ бы установленъ государственный экзаменъ съ выдачею диплома на званіе журналиста. Этимъ путемъ нѣкоторые англійскіе журналисты расчитываютъ поднять образовательный цензъ журналистовъ, искусственно загородивъ доступъ на литературное поприще всѣмъ недипломированнымъ журналистамъ. Противъ подобныхъ поползновеній школъ журнализма долженъ горячо протестовать всякій кровный журналистъ, ибо подобнаго рода стремленіе означаетъ покушеніе—къ счастью, съ негодными средствами, выражаясь языкомъ юристовъ,—на свободу журнальной профессіи, означаетъ попытку внести въ великую республику слова духъ чиновничества и карьеризма и оказать давленіе государства на свободную мысль журналиста. Извѣстный нѣмецкій популяризаторъ Бельше, привѣтствуя въ общемъ идею основанія школъ или, какъ онъ выражается, свободныхъ университетовъ журнализма, однако горячо протестуетъ противъ установленія государственныхъ экзаменовъ и государственныхъ дипломовъ на званіе журналиста; онъ справедливо замѣчаетъ, что этимъ будетъ нанесенъ тяжелый ударъ свободѣ журналистской дѣятельности. Подобное поднятіе образовательнаго уровня журналистовъ, справедливо замѣчаетъ Бельше, встрѣтитъ, конечно, дружный протестъ всѣхъ, кому дорога свобода и независимость работниковъ пера (ср. W. Bölsche. Hinter der Weltstadt. Leipzig 1901. стр. 123 и слѣд.).

V.

Отношеніе современнаго общества къ печати отличается крайнею противорѣчивостью. Печати приходится постоянно убѣждаться въ справедливости словъ, что отъ Капитолія до Тарпейской скалы всего одинъ шагъ, и современное общество постоянно дѣлаетъ этотъ шагъ взадъ и впередъ.

Современную печать то превозносятъ выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго, то смѣшиваютъ ее съ грязью. Въ этомъ отношеніи характерный примѣръ покойнаго Зола, который сначала не находилъ достаточно мрачныхъ красокъ, для того, чтобы изобразить всѣ грѣхи и бѣды современной политики и современной журналистики. Онъ предостерегалъ молодежь отъ участія въ первой и второй и совѣтовалъ лучше уже кутить съ кокотками и пить вино. А потомъ онъ самымъ крутымъ образомъ измѣнилъ свое отношеніе къ печати и произнесъ слѣдующій горячій панегирикъ журналистской дѣятельности:

«Всякому молодому писателю, который ко мнѣ обратится за совѣтомъ, я скажу: «Бросьтесь въ прессу очертя голову, какъ бросаются въ воду, когда хотятъ научиться плавать». Это, въ настоящее время,—единственная школа мужества; въ ней сталкиваются съ людьми и въ ней крѣпнутъ, въ ней одной только, на ужасной наковальнѣ ежедневной статьи, выковывается стиль. Я хорошо знаю, что журнализмъ обвиняютъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ пустыми людей, что онъ отклоняетъ ихъ отъ серьезнаго изученія, отъ болѣе высокаго литературнаго честолюбія. Конечно, онъ дѣлаетъ пустыми людей, у которыхъ ничего нѣтъ за душою, онъ сдерживаетъ лѣнивцевъ и пустоцвѣтовъ, честолюбіе которыхъ легко удовлетворяется. Но что изъ того! Я не говорю о посредственностяхъ,—эти погрязнутъ въ болотѣ прессы, подобно тому, какъ они погрязли бы въ болотѣ торговли или чиновничества,—я говорю о сильныхъ, о тѣхъ, которые работаютъ и хотятъ. Пусть эти безбоязненно вступаютъ въ прессу: они выйдутъ—подобно тому, какъ солдаты возвращаются послѣ битвы—воинственными, покрытыми ранами, господами своего положенія, выйдутъ мужественными. Не прошли ли лучшіе изъ насъ черезъ это испытаніе? Мы

всѣ—дѣти прессы. Мы всѣ получили въ ней первые знаки отличія. Пресса создала намъ слогъ, и она дала намъ большинство «документовъ». Нужно имѣть достаточно солидные бока, чтобы пользоваться ею, вмѣсто того, чтобы она пользовалась вами.

Но это тѣ практическіе уроки, которые болѣе энергичнымъ стоятъ дорого. Я говорю о себѣ, я часто проклиналъ прессу—настолько раны, наносимыя ею, жгучи. Сколько разъ я ловилъ себя на томъ, что подымалъ противъ нея обвиненія моихъ старшихъ собратьевъ! «Ремесло журналиста — послѣднее изъ ремеслъ». И эти жалобы возвращались всякій разъ, когда передъ внезапно открывающейся грязью чувство тошноты сжимало мнѣ горло. Въ такіе дни вамъ кажется, что справедливость погибла навсегда; мечтаешь о томъ, чтобы уединиться въ тиши рабочаго кабинета, хорошо закрытаго, куда бы не долеталъ никакой шумъ и звонъ и въ которомъ мирно будешь писать, вдали отъ людей, безпристрастныя произведенія.

Но отвращеніе и гнѣвъ проходятъ—пресса остается всемогущей. Возвращаешься къ ней, какъ къ первой любви. Она—жизнь, дѣйствіе, все, что возбуждаетъ и торжествуетъ. Когда ее покидаешь, нельзя поклясться, что это навсегда, потому что она сила, въ которой всегда нуждаются съ того момента, когда взвѣсишь все ея значеніе. Пусть она васъ заставила пройти тернистый путь, она остается тѣмъ не менѣе однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ въ нашъ вѣкъ орудій, и тотъ, кто энергично взялся за работу своего времени, вмѣсто того, чтобы питать къ ней злобу, при каждой необходимости борьбы обращается къ ней вновь за содѣйствіемъ».

Въ этихъ прекрасныхъ словахъ Зола хорошо охарактеризована та гамма настроеній, которую испытываетъ къ печати какъ пишущая, такъ и читающая братія.

Преувеличенныя, и хвалебныя и хулительныя, мнѣнія о печати вытекаютъ обыкновенно изъ одной и той же коренной ошибки—взгляда на печать, какъ на нѣчто, стоящее надъ обществомъ и способное, такъ сказать, самопроизвольно создавать общественныя явленія и настроенія. На самомъ же дѣлѣ печать есть дѣтище общества, плоть отъ его плоти, кровь отъ его крови. Форму и содержаніе своего воздѣйствія на обще-

ство она черпаетъ изъ самого же общества, являясь лишь выразительницей общественнаго мнѣнія, или по крайней мѣрѣ мнѣнія той или иной группы общества.

И жалкое общество, приписывающее дурныя, нездоровыя общественныя теченія развращающему вліянію газетъ, напоминаетъ субъектовъ, которые, не слушаясь пословицы, пеняютъ на зеркало, коли рожа крива.

Не развратныя, публичныя газеты вызываютъ на свѣтъ развратныя общественныя теченія, а наоборотъ, развращающія теченія въ самомъ обществѣ вызываютъ на свѣтъ появленіе грязныхъ, продажныхъ газетъ. Эти газеты порождаются общественными недостатками и лишь затѣмъ, въ свою очередь, питаясь ими, усиливаютъ ихъ, доставляютъ имъ подходящую литературную пищу и содѣйствуютъ ихъ развитію.

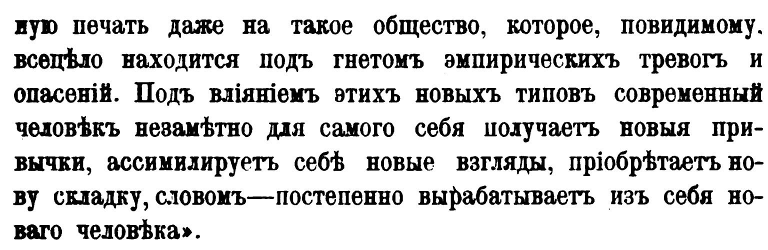
Спросъ на подобную развращенную газетную пищу идетъ со стороны самого общества, и лишь въ видѣ предложенія на этотъ готовый спросъ возникаютъ продажныя газеты.

Всѣмъ сказаннымъ мы не оправдываемъ, конечно, продажныхъ газетъ, мы лишь объясняемъ, откуда онѣ появляются.

Но если печать сама по себѣ не въ силахъ насаждать и создавать крупныя общественныя теченія, то изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что газета должна ограничиться скромною ролью простого фонографа общества; нѣтъ, честная, идейная, убѣжденная печать имѣетъ передъ собою несравненно болѣе благодарную и благородную задачу—задачу вести общество впередъ, уяснять самосознаніе широкой массы народа, раскрывать и изобличать общественное зло. Газета ни на минуту не должна довольствоваться мелкими и быстро проходящими злобами сегодняшняго дня, она должна постоянно говорить и думать о будущемъ, объ идеалѣ, который подлежитъ реализаціи лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Относительно задачи газеты можно повторить превосходныя слова Щедрина:

«Литература проводитъ законы будущаго, воспроизводитъ образъ будущаго человѣка. Утопизмъ не пугаетъ ее, потому что онъ можетъ запугать и поставить въ тупикъ только массу. Типы, созданные литературой, всегда идутъ далѣе тѣхъ, которые имѣютъ ходъ на рынкѣ, и потому-то кладутъ извѣст-

ную печать даже на такое общество, которое, повидимому, всецѣло находится подъ гнетомъ эмпирическихъ тревогъ и опасеній. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ типовъ современный человѣкъ незамѣтно для самого себя получаетъ новыя привычки, ассимилируетъ себѣ новые взгляды, пріобрѣтаетъ нову складку, словомъ—постепенно вырабатываетъ изъ себя новаго человѣка».

Мы отлично знаемъ,—и выше мы стремились это показать—что современная пресса—тѣмъ дальше—тѣмъ больше, отказывается отъ этой благородной своей роли, но съ тѣмъ большею энергіей приходится подчеркивать ея истинное призваніе. На почетномъ поприщѣ служенія обществу, газета можетъ выполнить по истинѣ гигантскую работу, ту работу, которая совершенно не подъ силу тяжеловѣснымъ журналамъ и книгамъ.

Журналы и книги лишены того систематическаго, изо дня въ день вліянія, которое составляетъ силу газеты.

Читая газету изо дня въ день, изо дня въ день подвергаясь дѣйствію ея «точки зрѣнія», знакомясь съ приложеніемъ этой точки зрѣнія рѣшительно ко всѣмъ областямъ человѣческой жизни, газетный читатель незамѣтно для себя начинаетъ усваивать тотъ кругъ идей, который проповѣдуетъ читаемый имъ органъ. Газета вліяетъ медленно, но постоянно; ни на одинъ день, «исключая послѣ праздничныхъ», не покидая своего педагогическаго занятія, изо дня въ день она является къ вамъ, принося цѣлый ворохъ свѣжихъ вѣстей, группируетъ эти вѣсти сообразно со своею точкою зрѣнія, съ этой точки зрѣнія освѣщаетъ ихъ и незамѣтно отлагаетъ въ вашемъ сознаніи крупицы своей истины; на завтра она снова принимается за ту же самую задачу, и такъ тянется ея занятіе съ вами изо дня въ день цѣлые годы.

Газетный читатель незамѣтно и невольно усваиваетъ себѣ извѣстные взгляды и теоріи, развиваемые газетою. И именно благодаря тому, что газета ведетъ пропаганду своихъ идей ежедневно, на примѣрахъ тысячи и одного случая изъ повседневной жизни, именно благодаря этому, такъ огромно воспитательное значеніе газеты. Огромное большинство современныхъ образованныхъ людей, по горло занятыхъ всяческими дѣлами и заботами, поддерживаютъ, развиваютъ и пополняютъ

свое образованіе исключительно путемъ чтенія газетъ, изъ которыхъ они черпаютъ всѣ свои знанія, а нерѣдко и всѣ «свои» взгляды на окружающую жизнь. Никакой ливень не въ состояніи размыть камня, а капля воды, непрерывно падающая, размываетъ его. Точно также и газета: —дѣйствуя непрерывно изо дня въ день, она можетъ постепенно достигнуть того, что не достижимо для нѣсколько тяжеловѣсной пропаганды книгою и журналомъ.

Иному нетерпѣливому газетному работнику можетъ показаться скучной и безплодной эта проклятая необходимость повторять и повторять то, о чемъ уже столько разъ твердили міру. Но эта скучная необходимость постоянныхъ повтореній не должна пугать журналиста, такъ какъ его власть и сила опираются именно на этотъ аппаратъ безконечнаго повторенія. Если же газета избѣгала повтореній тѣхъ же мыслей въ разныхъ только формулировкахъ, то читатели ея весьма же скоро позабыли то, что съ такимъ трудомъ удалось ввести въ ихъ сознаніе, и безъ повтореній въ тысячу и первый разъ одного и того же педагогическая роль прессы свелась бы къ нулю.

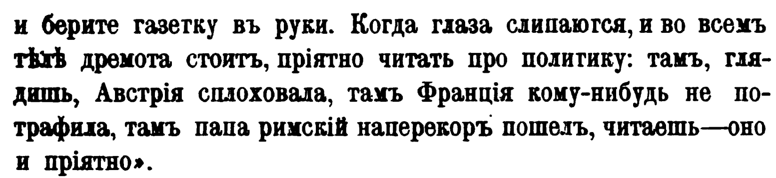
Въ сущности говоря, не такъ-то много на свѣтѣ читателей-друзей, которые, волнуясь и спѣша, набрасываются на «свою» газету не для того, чтобы наскоро проглотить и быстрѣе другихъ растрезвонить какую-либо сенсаціонную вѣсть, а для того, чтобы побесѣдовать съ газетой, узнать, какъ она смотритъ на волнующее читателя событіе,

Но большинство газетныхъ читателей-покупателей съ совершенно иными требованіями подходитъ къ газетному листу; каковы эти требованія, мы уже видѣли выше.

На первомъ планѣ стоятъ поиски сенсаціоннаго, прянаго, интригующаго, стоитъ требованіе, чтобы газета не воспитывала, не «научала», а забавляла. Для иныхъ современныхъ просвѣщенныхъ читателей - лакомокъ чтеніе газеты, въ сущности говоря, такая же забава, какъ чесаніе пятокъ для ихъ менѣе цивилизованныхъ предковъ.

Вотъ, напр., какъ смотритъ на газетное чтеніе секретарь суда въ разсказѣ Чехова «Сирена»:

— «Да-съ! Покуривши, подбирайте полы халата и гай-да къ постелькѣ! Этакъ ложитесь на спинку, животикомъ вверхъ,

и берите газетку въ руки. Когда глаза слипаются, и во всемъ тѣлѣ дремота стоитъ, пріятно читать про политику: тамъ, глядишь, Австрія сплоховала, тамъ Франція кому-нибудь не потрафила, тамъ папа римскій наперекоръ пошелъ, читаешь—оно и пріятно».

Никакимъ самымъ горячимъ словомъ убѣжденія такого читателя-лакомку не прошибешь, но и онъ доступенъ ежедневной газетной пропагандѣ, взгляды которой онъ незамѣтно вбираетъ въ себя.

Отсюда, полагаемъ, очевидно, какая огромная и отвѣтственная роль лежитъ на современной газетѣ.

Но, конечно, все то вліяніе, которое открыто честной идейной журналистикѣ и о которомъ мы только что говорили, открыто въ то же время и для подкупной корыстной журналистики, служащей узкимъ интересамъ мелкой группы общества или по просту интересамъ улавливанія подписныхъ денегъ; и трудно подсчитать все то губительное вліяніе на общество, которое оказано этою печатью. Изо дня въ день цѣлые годы и десятки лѣтъ она отравляетъ мозгъ читателей грубою и пряною пищей сенсацій, явно лжетъ, фальсифицируетъ факты, пріучаетъ читателя цѣнить газету не выше балагана, развращаетъ его литературные вкусы, заставляя его искать въ газетѣ лишь пряное, пахнущее скандаломъ, содержаніе, щекочетъ его дурные вкусы и инстинкты.

Для борьбы съ этими грязными продажными газетами у честной газеты есть лишь одно средство. Средство это—всѣми въ ея распоряженіи находящимися силами способствовать развитію общественнаго самосознанія, литературныхъ вкусовъ, чистыхъ и широкихъ общественныхъ идеаловъ. Это медленный путь, но онъ вѣрно ведетъ къ цѣли, ибо справедливо сказалъ Гете, что надо раньше уничтожить болото, тогда исчезнутъ и гады, населяющіе его.

VI.

Свобода слова, печати не есть какое-либо особливое, суверенное право, она—лишь частное проявленіе свободы человѣка и гражданина. Это превосходно понялъ и отмѣтилъ Ак-

саковъ, писавшій въ «Днѣ» отъ 23-го января 1863 г.: «Мысль, слово! Это та неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное. Безсмысленны и безсловесны только скоты, и только разумъ, иначе слово, уподобляетъ человѣка Богу. Мы, христіане, называемъ самого Бога Словомъ. Посягать на жизнь разума и слова въ человѣкѣ — не только совершать святотатство Божьихъ Даровъ, но посягать на божественную сторону человѣка, на самый Духъ Божій, пребывающій въ человѣкѣ, на то, чѣмъ человѣкъ—человѣкъ. Свобода жизни, разума и слова — такая свобода, которую по настоящему даже смѣшно и странно формулировать юридически или называть правомъ. Это такое же право, какъ право быть человѣкомъ, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая-либо политическая, а есть необходимое условіе человѣческаго житія—при нарушеніи этой свободы нельзя и требовать отъ человѣка никакихъ правильныхъ отправленій человѣческаго духа, ни вмѣнять что-либо ему въ преступленіе; умерщвленіе жизни, мысли и слова—самое страшное изъ всѣхъ душегубствъ.»

Ошибка Аксакова состояла лишь въ томъ, что свободу слова онъ ошибочно считалъ не «политической». Между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она, эта свобода, есть твердыня политическихъ правъ.

Правовое положеніе печатнаго слова въ ходѣ своего историческаго развитія всегда точно отражало и выражало основныя теченія общественной жизни, правового положенія человѣка и гражданина. Этотъ неоспоримый историческій фактъ обязывалъ къ принятію двухъ выводовъ. Выражая собою, прежде всего, одно изъ существенныхъ правъ человѣка и гражданина, печатное слово и условія его произнесенія не нуждаются ни въ какомъ особомъ законодательствѣ, и, такъ-называемые, проступки печати должны караться на основаніи общихъ законовъ. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ печать дѣйствительно свободна, тамъ, собственно говоря, никакого спеціальнаго законодательства о печати не существуетъ.

Во-вторыхъ же, тѣсная связь печати съ теченіями и настроеніями общественной жизни заранѣе обрекала на историческую безплодность спеціальныя мѣры борьбы съ печатью.

Разъ въ обществѣ назрѣли извѣстныя идеи и настроенія, то оно такъ или иначе, прямымъ или эзоповскимъ языкомъ, выскажетъ ихъ. На Западѣ на основаніи достаточнаго историческаго опыта даже реакціонные публицисты должны были согласиться съ этой истиной. Вотъ что говоритъ такой шовинистскій и реакціонный публицистъ-историкъ, какъ Трейчке, объ эпохѣ борьбы въ Германіи съ печатью:

«Дворъ, король и бюрократія, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя противъ печати, были въ сущности совершенно беззащитны. Цензора не могли задушить воздухъ и то, что въ немъ бродило. Въ сентябрѣ 1847 г. министръ внутреннихъ дѣлъ Бодельшвингъ уже читалъ цензурѣ отходную. Цензура—признавался онъ—страдаетъ старческою слабостью, ея пѣсня спѣта. Весь вопросъ только въ томъ, что ее замѣнить.»

Другой нѣмецкій публицистъ—Т. Циглеръ—говоритъ, что эта эпоха борьбы съ печатью «ввела въ давно уже навострившейся и привыкшей къ борьбѣ съ цензурою литературѣ ту виртуозную манеру говорить иносказательно, которая нашла себѣ остроумное и достойное примѣчаніе въ книгѣ Д. Штраусса «Юліанъ Отступникъ, романтикъ на тронѣ цезарей». Писатели все болѣе привыкали такъ или иначе обходить цензуру, считая по отношенію къ ней дозволенною всякую уловку и видя въ этомъ лишь военную хитрость и пріемъ самозащиты. Такимъ образомъ, оппозиція росла и принимала все болѣе страстный и злобный характеръ.» (Теобальдъ Циглеръ. Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка. Спб. 1901 г. стр. 224).

Въ Западной Европѣ и Америкѣ уже давно сознали, на основаніи долгаго историческаго опыта, вышенамѣченную истину и на практикѣ сдѣлали изъ нея тѣ два неотразимыхъ вывода, о которыхъ мы говорили.

П. Берлинъ.

Періодическая печать въ Германіи.

Зачатки развитія нѣмецкой печати совпали съ началомъ религіозныхъ движеній; это обстоятельство имѣло для нея чрезвычайно роковое значеніе. Религіозные новаторы не замедлили воспользоваться могучимъ средствомъ печати, чтобы распространять въ народѣ свои реформаторскія, враждебныя традиціонной церковности, идеи, и этимъ путемъ имъ, дѣйствительно, удавалось достигать такихъ массовыхъ успѣховъ, о какихъ нельзя было раньше и мечтать. Для существовавшаго церковнаго строя этотъ новый способъ распространенія ереси былъ тѣмъ опаснѣе, что механическое умноженіе всякаго рода умственныхъ произведеній съ большею противъ прежняго легкостью прикрывалось анонимами и псевдонимами, затрудняя тѣмъ самымъ репрессивныя мѣры противъ дѣйствительныхъ виновниковъ. Чтобы противодѣйствовать этой опасной для церковныхъ властей агитаціи, имъ необходимо было, прежде всего, бороться противъ новаго способа распространенія еретическихъ взглядовъ. Онѣ поэтому сочли нужнымъ присвоить себѣ право надзора надъ всею печатью и издали запрещеніе печатать какія-либо произведенія, если ихъ правовѣрность не была удостовѣрена церковнымъ начальствомъ.

Такимъ образомъ, католическая церковь первая положила начало книжной цензурѣ, какъ оборонительному средству противъ растущаго реформаторскаго движенія. Зачатки такой цензуры встрѣчаются именно въ самой Германіи, въ рейнскихъ епископствахъ; уже въ 70-хъ и 80-хъ годахъ 15-го вѣка дѣйствуютъ здѣсь духовныя цензурныя коммиссіи. Папа Александръ VI Борджіа издалъ затѣмъ двѣ буллы (1496 и 1501 г.г.), которыми утвердилъ духовную цензуру, какъ постоянное учрежденіе католической церкви, при чемъ и въ этомъ случаѣ

имѣлись въ виду условія нѣмецкой жизни. Дальнѣйшія цензурныя предписанія были изданы папой Львомъ X и послѣдующими папами, были затѣмъ утверждены Тридентскимъ соборомъ и еще до сихъ поръ остаются въ силѣ для католической церкви. Еще энциклика Пія IX отъ 1861 года объявляетъ свободу печати гибельнымъ заблужденіемъ и безуміемъ (deliramentum) нашихъ дней.

Всѣ эти репрессивныя мѣропріятія не въ силахъ были, однако, задержать распространеніе и побѣду реформаціоннаго движенія. Побѣда реформаціи надъ папствомъ, вѣроятно, даже упразднила бы примѣненіе и дѣйствіе этихъ мѣропріятій въ Германіи, если бы религіозное движеніе не перешло и въ сферу политической жизни и тѣмъ самымъ не побудило свѣтскія власти къ подражанію папскимъ образцамъ.

Реформація была поприщемъ, на которомъ мѣрялись силами императоръ и протестантскія сословія. До тѣхъ поръ, покуда императорская власть не чувствовала себя достаточно сильною по сравненію съ противной стороной и нуждалась въ ея поддержкѣ разнымъ политическимъ своимъ начинаніямъ, ея усилія были направлены къ улаженію религіозныхъ споровъ. Тѣмъ временемъ она старалась о сохраненіи status quo и всячески парализовала пропаганду новой вѣры и связанное съ этимъ взаимное ожесточеніе. Но главнымъ средствомъ такой пропаганды была, наряду съ устнымъ словомъ, также печать.

Въ 20-хъ годахъ 16-го вѣка вся Германія была наполнена произведеніями по вопросамъ вѣры, и въ нихъ, конечно, не было недостатка въ самыхъ ожесточенныхъ полемическихъ нападкахъ и оскорбленіяхъ. Эпоха Реформаціи есть, между прочимъ, время крайняго расцвѣта пасквильной литературы въ Германіи. Противъ этого и было направлено съ самаго начала открытое папами орудіе борьбы.

Первое постановленіе въ этомъ смыслѣ заключено въ указѣ имперскаго сейма въ Шпейерѣ отъ 1529 года. Этимъ «временнымъ» указомъ, подъ угрозой большого штрафа, воспрещается печатать что-либо безъ предварительнаго просмотра начальства. Въ 1530 и 1542 годахъ послѣдовали новые указы такого же рода, при чемъ на послѣднемъ имѣется вполнѣ откровенная отмѣтка: «Geschehen auf Anhalten der Pfaffen».

т. е. по внушенію священниковъ. Но въ 1548 году силою особаго «имперскаго полицейскаго устава» временная цензура превращается въ постоянное учрежденіе имперіи съ явно выраженною тенденціей служить не только къ защитѣ католической церкви и вѣры, но и къ охранѣ утвердившейся императорской власти.

Какъ ни сильно давала себя порой чувствовать эта новая цензурная власть, въ большей части Германіи положеніе вещей въ этой области, по окончаніи религіозныхъ смутъ и до французской революціи, было все-таки довольно сносное. Съ одной стороны, это объясняется тѣмъ, что за весь этотъ періодъ не возникало ни одного сколько нибудь серьезнаго политическаго, соціальнаго или религіознаго движенія, которое заставило бы правительства прибѣгнуть къ усиленнымъ преслѣдованіямъ. Въ большинствѣ протестантскихъ и въ нѣкоторыхъ католическихъ земляхъ цензура дѣйствовала въ предѣлахъ умѣренности и толерантности. Съ другой стороны, раздробленность имперіи на массу крупныхъ и мелкихъ территорій и взаимная зависть и недовѣріе между разными территоріальными властями дѣлали еще невозможнымъ позднѣйшую солидарность реакціонныхъ интересовъ и довольно благопріятно отражались на судьбахъ печати. Чего нельзя было печатать въ Штутгартѣ, можно было безнаказанно печатать въ Веймарѣ и т. д. Такимъ образомъ,—говоритъ одинъ историкъ,—трудно было найти предметъ, о которомъ нельзя было бы, по крайней мѣрѣ, въ одной какой-нибудь мѣстности Германіи, говорить съ полной откровенностью.

Къ этому присоединялось еще, что въ то время для руководства цензурой призывались не подчиненные, невѣжественные полицейскіе чиновники, какъ это дѣлалось въ реакціонную эпоху 19-го вѣка, а люди съ образованіемъ: ученые, высокопоставленныя должностныя лица и т. п. Очень часто цензура отдавалась въ вѣдѣніе университетскихъ факультетовъ. Въ этомъ же смыслѣ и Фридрихъ Великій, реформировавшій въ 1749 году прусскую цензуру, издалъ приказъ, чтобы «для такой цензуры изыскивался и назначался вполнѣ разумный человѣкъ, который не придирался бы ко всякимъ мелочамъ»... Академіи и университеты во многихъ нѣмецкихъ земляхъ были

вообще освобождены отъ всякой цензуры. Такою свободой пользовались и отдѣльные профессора, такъ что извѣстный геттингенскій историкъ Шлецеръ открылъ на страницахъ своихъ «Staatsanzeigen» почтовый ящикъ, куда поступали и оглашались жалобы на общественныя неурядицы, злоупотребленія властей и несправедливыя дѣйствія правительствъ въ разныхъ частяхъ Германіи.

Такое положеніе вещей могло, конечно, длиться только до тѣхъ поръ, покуда нѣмецкое общество и народъ оставались въ летаргическомъ покоѣ касательно ихъ общественныхъ и государственныхъ отношеній. Какъ только наступило пробужденіе отъ этой летаргіи, какъ только пробудилась потребность въ измѣненіи старыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ и протестъ противъ всемогущества господствовавшихъ въ странѣ силъ, то и эти послѣднія неизбѣжно должны были прибѣгнуть къ крайнему употребленію имѣвшейся въ ихъ распоряженіи цензурной власти, чтобы задержать дальнѣйшій ростъ новыхъ идей и охранить за собою господство. При такихъ условіяхъ цензура уже не могла не влiять, какъ несносныя, задерживающія всякій прогрессъ, цѣпи,—и это тѣмъ болѣе, что пробудившееся въ тогдашней Германіи движеніе имѣло цѣлью демократизацію государственнаго устройства и всей государственной жизни.

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій 18-го вѣка назрѣвали постепенно совершенно новыя теченія и стремленія. Зародившись первоначально во Франціи, новые взгляды на государство, свободу, право, общественную жизнь вообще, нашли и въ Германіи такой восторженный откликъ, что вскорѣ вся ея духовная жизнь всецѣло была охвачена французскими идеями. Господствовавшіе до тѣхъ поръ чисто литературные интересы были отодвинуты на задній планъ, и на аренѣ появился цѣлый рядъ періодическихъ изданій, въ которыхъ все болѣе и болѣе сказывалась политическая тенденція. Переходомъ отъ прежнихъ литературныхъ журналовъ къ новымъ политическимъ послужилъ основанный Виландомъ «Deutscher Mercur». Онъ началъ выходить въ Веймарѣ въ 1773 году и сдѣлался любимымъ журналомъ тогдашняго образованнаго общества благодаря тому, что, кромѣ лучшихъ произведеній

самого Виланда, въ немъ печатались также статьи и на разныя политическія темы. Въ этихъ политическихъ статьяхъ новый журналъ съ энтузіазмомъ становился на сторону французской революціи, а въ критикѣ внутреннихъ отношеній шелъ даже такъ далеко, что требовалъ присоединенія Пруссіи къ французской республикѣ на правахъ филіальной державы. Журналъ Виланда продержался до 1810 года, но еще раньше былъ вытѣсненъ разными изданіями Шубарта, Векерлина, Шлецера и др. Въ своемъ журналѣ «Deutsche Chronik», особенно распространенномъ въ южной Германіи, Шубартъ въ популярной формѣ пропагандировалъ обновленіе общихъ условій нѣмецкой жизни, но, несмотря на всю свою сдержанность, все таки навлекъ на себя гнѣвъ Вюртембергскаго герцога и былъ имъ заключенъ на 10 лѣтъ въ крѣпость. Идеи Векерлина и созданныхъ имъ журналовъ особенно популярны были въ среднихъ классахъ, потому что эти послѣдніе находили въ Векерлинѣ заступника ихъ непосредственныхъ реальныхъ интересовъ. Мы должны,—твердилъ онъ неустанно,—дѣйствовать въ томъ направленіи, чтобы платить поменьше пошлинъ и разныхъ повинностей; только тогда мы сможемъ проникнуться общегражданскими стремленіями и идеалами. Гораздо шире смотрѣлъ на вещи Шлецеръ, издававшій въ Геттингенѣ отъ 1783 по 1794 годъ «Staatsanzeigen». Шлецеръ былъ человѣкъ съ универсальнымъ образованіемъ и сообразно съ этимъ игралъ доминирующую роль въ тогдашней публицистикѣ. Онъ энергично отстаивалъ идею гармонически сложенной государственной жизни и, въ противоположность Векерлину, говорилъ, что всякому человѣку государство должно быть чѣмъ то бо̀льшимъ, чѣмъ стойло для коровы, и что въ каждой странѣ, рядомъ съ волей правителя, должна имѣть мѣсто и воля народа. О разныхъ недостаткахъ и неурядицахъ въ практикѣ нѣмецкихъ правительствъ онъ говорилъ съ осторожностью, но и съ большимъ мужествомъ. Въ своихъ «Staatsanzeigen» знаменитый геттингенскій историкъ открылъ особый почтовый ящикъ, куда поступали и оглашались жалобы на общественные непорядки, злоупотребленія властей и несправедливыя дѣйствія правительствъ. Его мнѣніе имѣло такую силу, что Марія Терезія отклонила однажды предложеніе своего совѣтчика сло-

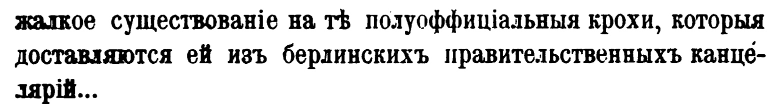
вами: «Это не годится, что скажетъ на это Шлецеръ!» Но съ теченіемъ времени онъ все таки нажилъ такую массу вліятельныхъ враговъ, что, по ихъ настоянію, Ганноверское правительство придралось къ обидѣ, нанесенной Шлецеромъ одному ненавистному почтмейстеру, и закрыло его журналъ.

На ряду съ довольно многочисленными и разносторонними журналами того времени существовало лишь немного политическихъ газетъ, не отличавшихся, къ тому же, выдающимися качествами. Въ теченіе всего 18-го вѣка нѣмецкая политическая пресса въ общемъ находилась подъ очень тяжелымъ гнетомъ. Нѣмецкія правительства строго слѣдили за тѣмъ, чтобы изъ печати не выходило ни одного сколько нибудь откровеннаго слова, и газеты болѣе, чѣмъ всякія иныя публикаціи, чувствовали на себѣ неумолимую строгость цензурнаго режима. Поэтому то въ 18-мъ вѣкѣ не возникло въ Германіи ни одной крупной газеты, ни одна газета не возвысилась до болѣе широкой точки зрѣнія и не вышла за узкія рамки простой передачи извѣстій. Не многимъ лучше обстояло дѣло и въ самой Пруссіи, хотя со вступленіемъ на престолъ Фридриха II наступилъ извѣстный подъемъ политической жизни и патріотическихъ интересовъ. Самъ Фридрихъ выражалъ даже желаніе, чтобы въ его государствѣ былъ предоставленъ печати большій просторъ, и чтобы спеціально «берлинскимъ газетчикамъ» дана была «неограниченная. свобода», такъ какъ «газеты, чтобы быть интересными не должны быть женированы». Но уже черезъ нѣсколько лѣтъ «великій» король нашелъ, что съ прессой лучше не женироваться, и, возвратившись къ цензурной системѣ, сталъ такъ ее тѣснить, что газеты потеряли всякое значеніе. О его военныхъ операціяхъ могли появляться только тѣ отчеты, которые составлялъ или доставлялъ самъ король; о военныхъ событіяхъ сообщались очень запоздалыя свѣдѣнія съ особаго разрѣшенія. Въ 1751 году Лессингъ пишетъ своему отцу: «я охотно бы прислалъ вамъ здѣшнія политическія газеты, но не думаю, чтобы это было вамъ интересно: вслѣдствіе строгой цензуры онѣ большей частью такъ безсодержательны и сухи, что не могутъ удовлетворить ни чьей пытливости»...

Условія политической и экономической жизни Германіи въ

послѣднія десятилѣтія XVIII вѣка становились все невыносимѣе. Многочисленныя мелкія государственныя территоріи, особенно въ западной части, тормозили сколько-нибудь свободное развитіе промышленныхъ и торговыхъ сношеній. Таможенныя заставы и безконечныя пошлины душили всякую предпріимчивость. Повсюду царилъ полный застой. Понятно поэтому, что на Францію, съ ея болѣе свободными взглядами на жизнь и людей, стали смотрѣть, какъ на спасительницу, и никто ни однимъ звукомъ не протестовалъ, когда въ 1795 и 1797 году весь нѣмецкій лѣвый берегъ Рейна отошелъ къ французамъ. Каждый ожидалъ наступленія лучшихъ временъ, и, дѣйствительно, съ началомъ французскаго режима тотчасъ сталъ замѣчаться подъемъ торговли и общихъ сношеній.

И газеты того времени ждали отъ вторженія французовъ начала новой эры. У нихъ не было, правда, той свободы печати, которая была провозглашена французской республикой; но улучшенныя французами условія почтовыхъ сообщеній облегчили и распространеніе прессы, а оживленіе интереса къ міровымъ событіямъ повело къ увеличенію числа читателей и подписчиковъ на нѣмецкія газеты. Изданія, совершенно было прекратившіяся, снова возобновились и не только въ оккупированныхъ французами областяхъ, но и въ прочихъ частяхъ Германіи. Къ тому времени относится, между прочимъ, и основаніе существующей по сіе время «Allgemeine Zeitung» извѣстнымъ издателемъ Котта. Въ редакторы этой газеты приглашался Коттой Фридрихъ Шиллеръ, но, за отказомъ поэта, редакція была поручена другимъ выдающимся публицистамъ того времени: сначала—Поссельту, потомъ Губеру и Штегману. Странная судьба этой газеты, хоть и не единственная въ своемъ родѣ: она начала выходить въ Тюбингенѣ, но, запрещенная вюртембергскимъ правительствомъ, перекочевала въ г. Ульмъ, еще принадлежавшій тогда къ Баваріи; съ переходомъ Ульма къ Вюртембергу, газета поспѣшила перекочевать въ Аугсбургъ, гдѣ послѣ сверженія французскаго владычества получила широкое распространеніе. Ея популярности сильно содѣйствовалъ своимъ сотрудничествомъ Генрихъ Гейне, посылавшій туда свои парижскія письма. Впослѣдствіи «Allgemeine Zeitung» переселилась въ Мюнхенъ и теперь влачитъ

жалкое существованіе на тѣ полуоффиціальныя крохи, которыя доставляются ей изъ берлинскихъ правительственныхъ канцелярій...

Французскія вольности не замедлили обратиться для Германіи въ тяжелое ярмо. Всѣ газеты въ занятыхъ французами земляхъ были взяты подъ надзоръ полиціи.

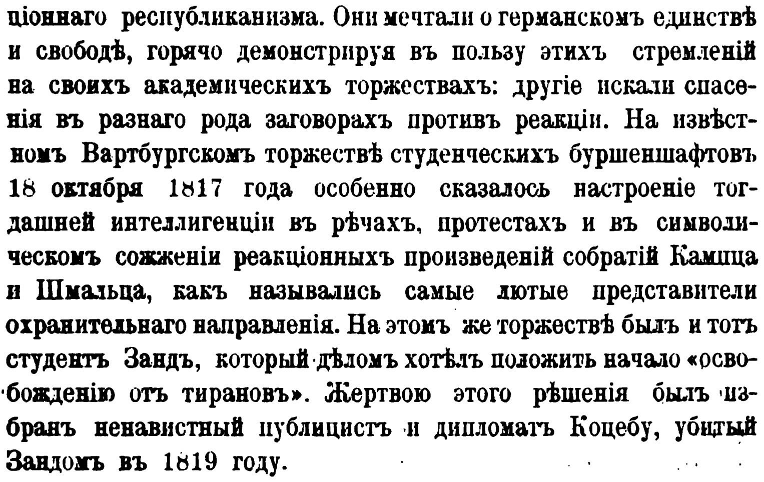
Отъ газетъ Рейнскаго Союза и Пруссіи также требовалось, чтобы онѣ отстаивали французскую политику. Въ 1809 году Наполеонъ декретировалъ: «Не разрѣшается употреблять въ газетахъ рѣзкія формы выраженія и незаслуженныя нападки на общественныхъ и частныхъ лицъ», а въ 1811 году онъ предписалъ нѣмецкимъ газетамъ оккупированныхъ областей: «Прекращеніе грозитъ каждой газетѣ, которая свои политическія сообщенія будетъ заимствовать изъ иного источника, кромѣ «Moniteur'a»; сверхъ того редакторы будутъ подлежать за это личной отвѣтственности...»

При такихъ условіяхъ во всей прессѣ не могла не воцариться полная мерзость запустѣнія. Всѣ газеты, въ томъ числѣ и «Allgemeine Zeitung», должны были замалчивать политическія событія и вмѣсто того заполняли свои столбцы отчетами о придворныхъ торжествахъ, ранговыхъ отличіяхъ или авантюрахъ г-жи Бланшаръ, а когда родился римскій король, то газеты въ чрезвычайномъ восторгѣ оповѣщали міру, что «Е. В. римскому королю благоугодно было безъ всякихъ стѣсненій принять грудь своей кормилицы». Неудивительно, что такая пресса потеряла всякое значеніе и убила всякую охоту къ газетному чтенію. Согласно одному статистическому сообщенію отъ 1811 года, въ городахъ Эссенѣ, Дуисбургѣ и Мюльгеймѣ было не болѣе одного десятка подписчиковъ на газеты, а согласно одному оффиціальному опросу отъ 1813 года, оказалось, что многія мѣстности Вестфаліи и герцогства Бергъ совсѣмъ не получали никакихъ газетъ.

Освободительныя войны внесли нѣсколько болѣе свѣжую струю въ умственную жизнь Германіи. Въ широкихъ слояхъ нѣмецкаго общества ждали осуществленія тѣхъ обѣщаній, которыя даны были правительствами въ горькую годину наполеоновскаго нашествія. Но тщетны были всѣ надежды. Оправившись нѣсколько отъ своего потрясенія, закоренѣлая реакція

нѣмецкой бюрократіи снова выступила во всей своей грозной силѣ и обрушилась какъ разъ на тѣхъ же передовыхъ людей, которые пробудили «освободительное» движеніе въ народѣ, спасши тѣмъ самымъ отъ гибели и прусскую корону. Согласно стародавней испытанной практикѣ, реакція обратилась прежде всего противъ оппозиціонной прессы, во главѣ которой, по своему вліянію на общественное мнѣніе, стоялъ тогда «Rheinischer Merkur». Самымъ выдающимся публицистомъ этой газеты былъ Іоганнъ Герресъ, въ прежнее время фанатическій сторонникъ французской революціи, обратившійся затѣмъ, во время наполеоновскихъ завоевательныхъ войнъ, въ врага Франціи и возбуждавшій народное возмущеніе противъ Наполеона. Когда послѣ заключенія мира нѣмецкія правительства не выполнили своихъ обѣщаній на счетъ предоставленія народу политическихъ правъ, то онъ обратилъ противъ нихъ свои ядовитыя стрѣлы и скоро навлекъ на себя жестокія гоненія. Его газета послѣдовательно была изъята изъ обращенія въ Баваріи, Вюртембергѣ и Баденѣ, а затѣмъ въ 1816 году окончательно запрещена по собственному указу Фридриха-Вильгельма III. Германія потеряла свою лучшую и талантливѣйшую газету, что послужило, между прочимъ, началомъ общихъ преслѣдованій всѣхъ вольнодумныхъ стремленій. Реакція стала свирѣпствовать по всей линіи, и ее не въ силахъ были сдержать также пламенныя, «кровью сердца и сокомъ нервовъ» писанныя филиппики Людвига Берне въ его журналахъ «Zeitschwingen» и «Wage». Она распространялась все шире и шире и нашла себѣ формальную поддержку въ созданной въ Пруссіи въ 1819 году «Верховной цензурной коллегіи», превращенной впослѣдствіи (въ 1843 году) въ «Верховный цензурный судъ».

Недоставало только благовиднаго предлога, чтобы открыть массовое гоненіе на «демагоговъ», какъ реакціонная пресса того времени окрестила всѣхъ друзей свободы. Такой предлогъ не замедлилъ явиться среди все растущаго ожесточенія общества. Носителями идей свободы и стремленій къ національному объединенію были идеологи, по преимуществу профессора и студенты. Въ ихъ представленіяхъ романтическія тенденціи всякаго рода соединялись съ идеями револю-

ціоннаго республиканизма. Они мечтали о германскомъ единствѣ и свободѣ, горячо демонстрируя въ пользу этихъ стремленій на своихъ академическихъ торжествахъ: другіе искали спасенія въ разнаго рода заговорахъ противъ реакціи. На извѣстномъ Вартбургскомъ торжествѣ студенческихъ буршеншафтовъ 18 октября 1817 года особенно сказалось настроеніе тогдашней интеллигенціи въ рѣчахъ, протестахъ и въ символическомъ сожженіи реакціонныхъ произведеній собратій Кампца и Шмальца, какъ назывались самые лютые представители охранительнаго направленія. На этомъ же торжествѣ былъ и тотъ студентъ Зандъ, который дѣломъ хотѣлъ положить начало «освобожденію отъ тирановъ». Жертвою этого рѣшенія былъ избранъ ненавистный публицистъ и дипломатъ Коцебу, убитый Зандомъ въ 1819 году.

Такимъ образомъ представился предлогъ для дальнѣйшаго разгула реакціонныхъ гоненій. Въ силу послѣдовавшихъ вскорѣ «Карлсбадскихъ постановленій» особой центральной слѣдственной коммиссіи были поручены функціи политической полиціи, которая занялась отыскиваніемъ корней и нитей. Жертвой этихъ исканій сдѣлался и Герресъ, который въ своей книгѣ «Deutschland und die Revolution» горячо возмущался похожденіями бюрократіи. Его книга была конфискована, а самъ онъ долженъ былъ быть посаженъ въ Шпандаускую крѣпость, но спасся бѣгствомъ въ Швейцарію. Даже такіе скромные и умѣренные патріоты, какъ Іонъ и Арндтъ были заключены въ тюрьму. Десятки юныхъ идеалистовъ бросались въ тюрьмы и крѣпости только за то, что въ качествѣ буршеншафтеровъ, носили нѣмецкіе цвѣта. Преслѣдованіе демагоговъ увѣнчалось полнымъ успѣхомъ; въ Германіи снова царили тишина и спокойствіе кладбища.

Послѣ іюльской революціи и вслѣдствіе нея постановленія о періодической прессѣ сдѣлались еще болѣе строгими. Въ силу кабинетнаго указа газетамъ было даже воспрещено помѣщать сообщенія о революціонныхъ событіяхъ. Приказъ о томъ, что высшая цензурная коллегія немедленно должна освѣдомляться на счетъ содержанія всѣхъ газетъ, былъ невыполнимъ и невыполняемъ. Болѣе суровый тонъ проникъ въ коллегію съ назначеніемъ новыхъ членовъ въ 1830 году, среди

которыхъ самымъ вліятельнымъ и дѣятельнымъ былъ извѣстный цензоръ Цшоппе (Tzschoppe). Историкъ Фридрихъ фонъ-Раумеръ (въ коллегіи было два члена съ этой фамиліей), который послѣ запрещенія его ректорской рѣчи въ 1822 году посѣщалъ засѣданія коллегіи очень неправильно, въ 1831 году подалъ въ отставку, рѣшительно осудивъ господствовавшій въ коллегіи духъ, и получилъ эту отставку лишь въ 1833 г. въ сопровожденіи особеннаго кабинетнаго указа, строго порицавшаго его образъ дѣйствій по отношенію къ коллегіи... Самымъ неистовымъ и безпощаднымъ среди цензоровъ высшей коллегіи былъ упомянутый только-что Цшоппе, организаторъ преслѣдованія демагоговъ, послѣ десятилѣтія своей безславной дѣятельности умершій отъ помраченія ума. Послѣ цѣлаго ряда попытокъ Цшоппе видоизмѣнить цензурные порядки въ томъ или иномъ, но всегда въ возможно болѣе реакціонномъ, направленіи, цензурное законодательство, которое застали при своемъ первомъ выступленіи писатели «молодой Германіи», сводилось въ общемъ къ старому эдикту 1788 года съ дополненными строгостями 1819 года и съ разными репрессивными постановленіями исключительнаго свойства, введенными въ началѣ тридцатыхъ годовъ, вслѣдъ за тревожными событіями того времени. Институтомъ, прежде всего призваннымъ карать за литературныя прегрѣшенія «молодой Германіи», была высшая цензурная коллегія.

Съ восшествіемъ на прусскій престолъ въ 1840 году «короля-романтика» Фридриха-Вильгельма IV, всѣ ждали начала либеральной эры. Въ началѣ общественное мнѣніе было и въ самомъ дѣлѣ удовлетворено рѣшеніемъ короля возвратить свободу бывшимъ еще въ живыхъ жертвамъ преслѣдованія демагоговъ. Однимъ изъ замѣчательныхъ драматическихъ эффектовъ всемірной исторіи можетъ служить тотъ фактъ, что самый жестокій гонитель демагоговъ, извѣстный цензоръ Цшоппе, узнавъ объ освобожденіи своихъ жертвъ, впалъ въ сумасшествіе и вскорѣ умеръ... Но отъ короля ждали не только такихъ милостей, всѣ надѣялись, что онъ выполнитъ наконецъ обѣщаніе своего отца на счетъ конституціи, что онъ даруетъ столь вожделѣнную свободу печати.

Но Фридрихъ-Вильгельмъ IV, вмѣсто дарованія свободы

печати, вошелъ сперва въ соглашеніе съ Меттернихомъ на счетъ возобновленія Карлсбадскихъ постановленій, изгналъ изъ прусскихъ предѣловъ лучшій журналъ того времени «Гальскіе Ежегодники» Арнольде Руге, наложилъ свою руку на академическую свободу въ лицѣ доцента Бруно-Бауера и даже университетскихъ профессоровъ продолжалъ держать подъ цензурнымъ присмотромъ, такъ какъ, по внушенію придворной клики, именно въ нихъ видѣлъ главныхъ носителей преступнаго радикализма. Тѣмъ временемъ новый министръ юстиціи Савиньи усердно работалъ надъ проектомъ соединенія свободы печати съ цензурой, чтобы хоть сколько-нибудь удовлетворить крылатыя надежды населенія. Въ январѣ 1842 года была опубликована цензурная инструкція, въ которой король рѣшительно осуждалъ несправедливыя стѣсненія писательской дѣятельности, признавалъ все значеніе и потребность смѣлой и приличной публицистики и предписывалъ цензорамъ надлежащее соблюденіе цензурнаго эдикта отъ 1819 года.

Въ неоднократно разочаровывавшемся населеніи эта инструкція снова вызвала большую радость. Несмотря на очень неопредѣленный и двусмысленный характеръ инструкціи, многіе тѣмъ не менѣе утѣшали себя надеждой, что она-де допускаетъ и вполнѣ удовлетворительное толкованіе. Людвигъ Буль (Buhl), другъ Бруно Бауера, въ особой книжкѣ, посвященной инструкціи, писалъ: «Насъ совершенно не интересуютъ положительныя постановленія новыхъ цензурныхъ инструкцій: наша единственная и главная гарантія—это выраженный въ нихъ образъ мыслей короля. Все дѣло сводится къ толкованію инструкціи, и это опять зависитъ отъ высшей воли».

Этотъ оптимизмъ раздѣляли однако далеко не всѣ писатели той эпохи. Среди нихъ началъ тогда заявлять о себѣ молодой д-ръ Карлъ Марксъ, заслужившій свои первыя публицистическія шпоры на подробномъ разсмотрѣніи новой цензурной инструкціи. Свою критику онъ намѣревался помѣстить въ Ежегодникахъ Арнольда Руге, но ей суждено было увидѣть свѣтъ лишь послѣ того, какъ дѣйствительный ходъ вещей оправдалъ поставленный имъ въ его статьѣ діагнозъ новой цензурной реформы. Въ то самое время какъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV такъ сердечно ратовалъ за «смѣлую и приличную публици-

стику», онъ не преминулъ однако воздѣйствовать на саксонское правительство въ томъ смыслѣ, чтобы окончательно упразднить «Ежегодники», сбѣжавшіе отъ прусскихъ цензоровъ въ Дрезденъ.

Въ февралѣ 1842 года Арнольдъ Руге писалъ Марксу: «Дорогой другъ! Одновременно съ вашей критикой цензуры вступила въ дѣйствіе и прусская цензура надъ нашими Ежегодниками. Въ теченіе восьми дней цензоръ вытравляетъ наши «дурныя тенденціи». Вы можете себѣ представить, какъ это случилось. Ваша статья стала теперь совершенно невозможной. Все, что пахнетъ Бауеромъ, Фейербахомъ и мною, рѣшительно отклоняется. Я имѣю цѣлый букетъ милыхъ и пикантныхъ вещей, предназначенный дать изрядную нахлобучку и цензурѣ, и спрашиваю васъ, согласны ли вы, чтобы я вашу статью съ прочими недозволенными работами напечаталъ въ Швейцаріи подъ названіемъ Anecdota philosophica...»

Въ мартѣ 1843 года дѣйствительно появились за границей два тома «Анекдотовъ о новѣйшей нѣмецкой философіи и публицистикѣ». Въ первомъ томѣ помѣщена была и статья Маркса о цензурной инструкціи. Въ недавно изданномъ Францомъ Мерингомъ «Литературномъ наслѣдіи Маркса, Энгельса и Лассаля» можно встрѣтить и этотъ классическій анализъ парадоксальной проблемы такъ-называемой либеральной цензуры.

Анекдоты тотчасъ послѣ ихъ появленія были запрещены нѣмецкой цензурой. Около того же времени были закрыты и Ежегодники. Тогда же была пріостановлена и лучшая газета начала 40-хъ годовъ: «Neue Rheinische Zeitung», въ которой писали Германъ Беккеръ, Фридрихъ Энгельсъ, Ф. Лассаль, Фрейлигратъ, Бюргеръ и мн. др. и въ которой ея редакторъ (въ 1842 и 1843 годахъ) Карлъ Марксъ помѣстилъ также серію критическихъ статей по поводу дебатовъ о свободѣ печати въ рейнскомъ ландтагѣ.

Такъ скоро сбылись тѣ горькія слова римскаго историка, которыми Марксъ заканчиваетъ свою статью о цензурной инструкціи: Rara temporum felicitas, ubi quae velis sentire et quae sentias licet...

Но въ сердцахъ громадной массы нѣмецкаго народа жило горячее убѣжденіе, что такое положеніе вещей не можетъ

долѣе продолжаться. Въ широкихъ кругахъ образованнаго общества развилось рѣзкое оппозиціонное настроеніе. Университеты были въ общемъ проникнуты вольнолюбивымъ духомъ; еще въ свѣжей памяти были у нихъ преслѣдованія демагоговъ. Это сказалось между прочимъ въ 1837 году, когда семь геттингенскихъ профессоровъ энергично протестовали противъ нарушенія конституціи явившимся изъ Англіи Ганноверскимъ королемъ Эрнстомъ Августомъ. Они были прогнаны со службы, но торжественно привѣтствованы во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ. Тѣмъ временемъ начала расправлять свои крылья и народившаяся буржуазія. Въ виду своей громадной роли въ экономической жизни она вдвойнѣ ощущала свое безсиліе въ государствѣ, въ которомъ отсталая знать и заскорузлая бюрократія подѣлили между собою всю власть. Особенно рѣзко обнаружились эти противорѣчія въ Пруссіи, гдѣ сильно развившаяся рейнская буржуазія и промышленный пролетаріатъ, проникнутые идеями французской революціи, не выносили болѣе государственный порядокъ, опиравшійся на восточно-прусское юнкерство. Но и въ остальной Германіи, не смотря на болѣе льготныя условія политической жизни, пробудилось настойчивое стремленіе стряхнуть съ себя иго закоренѣлаго бюрократическаго режима. Даже крестьянство и мѣщанство были въ широкихъ массахъ заражены духомъ недовольства.

Парижская катастрофа, происшедшая 24 февраля 1846 года, оглушающимъ образомъ подѣйствовала на нѣмецкія правительства, воспламенивъ въ то же время все нѣмецкое общество и народъ. Со всѣхъ сторонъ и концовъ Германіи внезапно обрушился цѣлый градъ самыхъ категорическихъ требованій на головы ошеломленныхъ властей. Политики изъ среды передового бюргерскаго сословія, руководившіе и раньше оппозиціей въ провинціальныхъ ландтагахъ и въ печати, были и въ этомъ случаѣ главными застрѣльщиками общественнаго движенія. Къ нимъ съ энтузіазмомъ присоединились всѣ элементы: купцы и фабриканты, врачи и адвокаты, профессора и студенты, учителя, художники, писатели и даже громадная часть чиновничества. Для этихъ круговъ на первомъ планѣ стояли требованія національнаго единства, слѣдовательно пре-

жде всего—германскаго парламента и рядомъ съ этимъ—требованіе свободы умственной жизни, т. е. свободы печати, союзовъ и собраній. Но и массы трудящагося населенія не замедлили явиться на сцену. Провозглашеніе суверенныхъ правъ народа, равноправности всѣхъ людей, освобожденія отъ податныхъ и военныхъ тяготъ,—все это съ страшной силой увлекало всѣ такъ или иначе наболѣвшія сердца.

Движеніе началось уже 28 февраля въ южной Германіи и съ необыкновенной быстротой распространялось по всей средней Германіи, покуда наконецъ не дошло и до сердца прусской монархіи. Ходъ происшествій повсюду былъ приблизительно одинъ и тотъ же. Громадныя массовыя народныя собранія выставляли главныя требованія того времени. Массовыя петиціи въ категорической формѣ доводили до свѣдѣнія правительства и правителей желанія свободнаго народа. Съ особеннымъ возмущеніемъ устраивались повсюду демонстраціи противъ ненавистной полиціи и всяческихъ формъ полицейскаго произвола.

1-го марта 1848 года громадныя массы баденскаго населенія со всѣхъ концовъ стекались въ свою столицу Карлсруэ, чтобы передать «Sturmpetionen» различныхъ баденскихъ городовъ. Зданіе баденскаго ландтага было окружено народомъ, всѣ галлереи были переполнены, когда вождь баденскихъ радикаловъ Струве сообщалъ засѣданію народныя петиціи. Результатомъ этой манифестаціи было немедленное рѣшеніе баденскаго правительства ввести свободу печати. Спустя двадцать дней и берлинская «Фоссова Газета», послѣ бурныхъ событій 18-го марта, съ ликованіемъ сообщала въ «экстренномъ листкѣ радости» (Extrablatt der Freude) о томъ, что печать получила свободу...

1848-й годъ въ Германіи, собственно говоря, принесъ окончательное рѣшеніе какъ вопроса о борьбѣ между абсолютистскимъ и конституціоннымъ режимомъ, такъ равно и тѣсно связаннаго съ этимъ вопроса о борьбѣ между цензурой и свободой печати. Свобода печати, будучи первоначально однимъ изъ первыхъ требованій, стала теперь одной изъ первыхъ гарантій, которую напуганныя правительства предоставляли своимъ подданнымъ. Уже 3-го марта 1848 года Союзный Сеймъ

предоставлялъ на усмотрѣніе отдѣльныхъ правительствъ учреждение цензуры и введеніе свободы печати подъ условіемъ лишь извѣстныхъ гарантій противъ ея злоупотребленій. Тогда то въ числѣ этихъ гарантій былъ между прочимъ введенъ и институтъ отвѣтственности редакторовъ періодическихъ изданій. При дальнѣйшемъ ходѣ событій «Національное Собраніе» во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ своей прокламаціи «Основныхъ нѣмецкихъ правъ» выставило слѣдующій принципъ, напоминающій «права человѣка» 1789 года; прокламація отъ 21 декабря 1848 года гласитъ между прочимъ:

«Каждый нѣмецъ имѣетъ право словомъ, письмомъ, въ печати и во всякомъ изобразительномъ произведеніи свободно выражать свое мнѣніе. Свобода печати не можетъ быть ни ограничена, ни задержана, ни упразднена никакими предупредительными мѣрами, каковы цензура, концессіи, ограниченіе печатанія и книжной торговли, стѣсненіе почтовыхъ и иныхъ способовъ сношенія.»

Пятидесятые годы принесли однако съ собой еще разъ нѣкоторыя реакціонныя теченія, нашедшія себѣ главное выраженіе въ союзномъ постановленіи отъ 6 іюня 1854 года касательно предупрежденія злоупотребленій свободой печати. Цензура же съ тѣхъ поръ осталась навсегда упраздненной въ Германіи. Ужъ слишкомъ она была ненавистна народу, чтобы даже самая лютая реакція подумала о ея возобновленіи. Къ тому же она именно въ 1848 г. оказалась безсильной задержать естественный ходъ событій. Непоколебимымъ результатомъ этихъ событій и было убѣжденіе, проникшее и въ правящія сферы, что Германія находится въ процессѣ формированія новыхъ общественныхъ отношеній, для рѣшенія котораго необходимо активное участіе населенія, а слѣдовательно, и извѣстная свобода и независимость въ выраженіи общественнаго мнѣнія.

II.

Объединеніе Германской Имперіи и связанное съ этимъ объединеніе правовыхъ основъ государства не могли не отразиться и на судьбахъ нѣмецкой печати. Принципъ «что го-

жде всего—германскаго парламента и рядомъ съ этимъ—требованіе свободы умственной жизни, т. е. свободы печати, союзовъ и собраній. Но и массы трудящагося населенія не замедлили явиться на сцену. Провозглашеніе суверенныхъ правъ народа, равноправности всѣхъ людей, освобожденія отъ податныхъ и военныхъ тяготъ,—все это съ страшной силой увлекало всѣ такъ или иначе наболѣвшія сердца.

Движеніе началось уже 28 февраля въ южной Германіи и съ необыкновенной быстротой распространялось по всей средней Германіи, покуда наконецъ не дошло и до сердца прусской монархіи. Ходъ происшествій повсюду былъ приблизительно одинъ и тотъ же. Громадныя массовыя народныя собранія выставляли главныя требованія того времени. Массовыя петиціи въ категорической формѣ доводили до свѣдѣнія правительства и правителей желанія свободнаго народа. Съ особеннымъ возмущеніемъ устраивались повсюду демонстраціи противъ ненавистной полиціи и всяческихъ формъ полицейскаго произвола.

1-го марта 1848 года громадныя массы баденскаго населенія со всѣхъ концовъ стекались въ свою столицу Карлсруэ, чтобы передать «Sturmpetionen» различныхъ баденскихъ городовъ. Зданіе баденскаго ландтага было окружено народомъ, всѣ галлереи были переполнены, когда вождь баденскихъ радикаловъ Струве сообщалъ засѣданію народныя петиціи. Результатомъ этой манифестаціи было немедленное рѣшеніе баденскаго правительства ввести свободу печати. Спустя двадцать дней и берлинская «Фоссова Газета», послѣ бурныхъ событій 18-го марта, съ ликованіемъ сообщала въ «экстренномъ листкѣ радости» (Extrablatt der Freude) о томъ, что печать получила свободу...

1848-й годъ въ Германіи, собственно говоря, принесъ окончательное рѣшеніе какъ вопроса о борьбѣ между абсолютистскимъ и конституціоннымъ режимомъ, такъ равно и тѣсно связаннаго съ этимъ вопроса о борьбѣ между цензурой и свободой печати. Свобода печати, будучи первоначально однимъ изъ первыхъ требованій, стала теперь одной изъ первыхъ гарантій, которую напуганныя правительства предоставляли своимъ подданнымъ. Уже 3-го марта 1848 года Союзный Сеймъ

предоставлялъ на усмотрѣніе отдѣльныхъ правительствъ учреждевіе цензуры и введеніе свободы печати подъ условіемъ лишь извѣстныхъ гарантій противъ ея злоупотребленій. Тогда то въ числѣ этихъ гарантій былъ между прочимъ введенъ и институтъ отвѣтственности редакторовъ періодическихъ изданій. При дальнѣйшемъ ходѣ событій «Національное Собраніе» во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ своей прокламаціи «Основныхъ нѣмецкихъ правъ» выставило слѣдующій принципъ, напоминающій «права человѣка» 1789 года; прокламація отъ 21 декабря 1848 года гласитъ между прочимъ:

«Каждый нѣмецъ имѣетъ право словомъ, письмомъ, въ печати и во всякомъ изобразительномъ произведеніи свободно выражать свое мнѣніе. Свобода печати не можетъ быть ни ограничена, ни задержана, ни упразднена никакими предупредительными мѣрами, каковы цензура, концессіи, ограниченіе печатанія и книжной торговли, стѣсненіе почтовыхъ и иныхъ способовъ сношенія.»

Пятидесятые годы принесли однако съ собой еще разъ нѣкоторыя реакціонныя теченія, нашедшія себѣ главное выраженіе въ союзномъ постановленіи отъ 6 іюня 1854 года касательно предупрежденія злоупотребленій свободой печати. Цензура же съ тѣхъ поръ осталась навсегда упраздненной въ Германіи. Ужъ слишкомъ она была ненавистна народу, чтобы даже самая лютая реакція подумала о ея возобновленіи. Къ тому же она именно въ 1848 г. оказалась безсильной задержать естественный ходъ событій. Непоколебимымъ результатомъ этихъ событій и было убѣжденіе, проникшее и въ правящія сферы, что Германія находится въ процессѣ формированія новыхъ общественныхъ отношеній, для рѣшенія котораго необходимо активное участіе населенія, а слѣдовательно, и извѣстная свобода и независимость въ выраженіи общественнаго мнѣнія.

II.

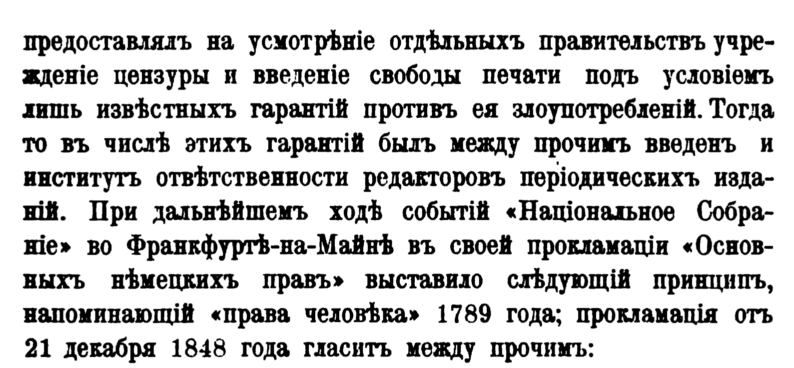
Объединеніе Германской Имперіи и связанное съ этимъ объединеніе правовыхъ основъ государства не могли не отразиться и на судьбахъ нѣмецкой печати. Принципъ «что го-

жде всего—германскаго парламента и рядомъ съ этимъ—требованіе свободы умственной жизни, т. е. свободы печати, союзовъ и собраній. Но и массы трудящагося населенія не замедлили явиться на сцену. Провозглашеніе суверенныхъ правъ народа, равноправности всѣхъ людей, освобожденія отъ податныхъ и военныхъ тяготъ,—все это съ страшной силой увлекало всѣ такъ или иначе наболѣвшія сердца.

Движеніе началось уже 28 февраля въ южной Германіи и съ необыкновенной быстротой распространялось по всей средней Германіи, покуда наконецъ не дошло и до сердца прусской монархіи. Ходъ происшествій повсюду былъ приблизительно одинъ и тотъ же. Громадныя массовыя народныя собранія выставляли главныя требованія того времени. Массовыя петиціи въ категорической формѣ доводили до свѣдѣнія правительства и правителей желанія свободнаго народа. Съ особеннымъ возмущеніемъ устраивались повсюду демонстраціи противъ ненавистной полиціи и всяческихъ формъ полицейскаго произвола.

1-го марта 1848 года громадныя массы баденскаго населенія со всѣхъ концовъ стекались въ свою столицу Карлсруэ, чтобы передать «Sturmpetitionen» различныхъ баденскихъ городовъ. Зданіе баденскаго ландтага было окружено народомъ, всѣ галлереи были переполнены, когда вождь баденскихъ радикаловъ Струве сообщалъ засѣданію народныя петиціи. Результатомъ этой манифестаціи было немедленное рѣшеніе ба[illegible]денскаго правительства ввести свободу печати. Спустя двадцат[illegible]ь дней и берлинская «Фоссова Газета», послѣ бурныхъ событ[illegible]й 18-го марта, съ ликованіемъ сообщала въ «экстренномъ лист[illegible]ѣ радости» (Extrablatt der Freude) о томъ, что печать получи[illegible]ла свободу...

1848-й годъ въ Германіи, собственно говоря, прин[illegible]съ окончательное рѣшеніе какъ вопроса о борьбѣ между абсо[illegible]ю-тистскимъ и конституціоннымъ режимомъ, такъ равно и тѣ[illegible]но связаннаго съ этимъ вопроса о борьбѣ между цензурой и с[illegible]вободой печати. Свобода печати, будучи первоначально одн[illegible]мъ изъ первыхъ требованій, стала теперь одной изъ первыхъ [illegible] гарантій, которую напуганныя правительства предоставляли [illegible]воимъ подданнымъ. Уже 3-го марта 1848 года Союзный Се[illegible]мъ

предоставлялъ на усмотрѣніе отдѣльныхъ правительствъ учреждение цензуры и введеніе свободы печати подъ условіемъ лишь извѣстныхъ гарантій противъ ея злоупотребленій. Тогда то въ числѣ этихъ гарантій былъ между прочимъ введенъ и институтъ отвѣтственности редакторовъ періодическихъ изданій. При дальнѣйшемъ ходѣ событій «Національное Собраніе» во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ своей прокламаціи «Основныхъ нѣмецкихъ правъ» выставило слѣдующій принципъ, напоминающій «права человѣка» 1789 года; прокламація отъ 21 декабря 1848 года гласитъ между прочимъ:

«Каждый нѣмецъ имѣетъ право словомъ, письмомъ, въ печати и во всякомъ изобразительномъ произведеніи свободно выражать свое мнѣніе. Свобода печати не можетъ быть ни ограничена, ни задержана, ни упразднена никакими предупредительными мѣрами, каковы цензура, концессіи, ограниченіе печатанія и книжной торговли, стѣсненіе почтовыхъ и иныхъ способовъ сношенія.»

Пятидесятые годы принесли однако съ собой еще разъ нѣкоторыя реакціонныя теченія, нашедшія себѣ главное выраженіе въ союзномъ постановленіи отъ 6 іюня 1854 года касательно предупрежденія злоупотребленій свободой печати. Цензура же съ тѣхъ поръ осталась навсегда упраздненной въ Германіи. Ужъ слишкомъ она была ненавистна народу, чтобы даже самая лютая реакція подумала о ея возобновленіи. Къ тому же она именно въ 1848 г. оказалась безсильной задержать естественный ходъ событій. Непоколебимымъ результатомъ этихъ событій и было убѣжденіе, проникшее и въ правящія сферы, что Германія находится въ процессѣ формированія новыхъ общественныхъ отношеній, для рѣшенія котораго необходимо активное участіе населенія, а слѣдовательно, и извѣстная свобода и независимость въ выраженіи общественнаго мнѣнія.

II.

Объединеніе Германской Имперіи и связанное съ этимъ объединеніе правовыхъ основъ государства не могли не отразиться и на судьбахъ нѣмецкой печати. Принципъ «что го-

жде всего—германскаго парламента и рядомъ съ этимъ—требованіе свободы умственной жизни, т. е. свободы печати, союзовъ и собраній. Но и массы трудящагося населенія не замедлили явиться на сцену. Провозглашеніе суверенныхъ правъ народа, равноправности всѣхъ людей, освобожденія отъ податныхъ и военныхъ тяготъ,—все это съ страшной силой увлекало всѣ такъ или иначе наболѣвшія сердца.

Движеніе началось уже 28 февраля въ южной Германіи и съ необыкновенной быстротой распространялось по всей средней Германіи, покуда наконецъ не дошло и до сердца прусской монархіи. Ходъ происшествій повсюду былъ приблизительно одинъ и тотъ же. Громадныя массовыя народныя собранія выставляли главныя требованія того времени. Массовыя петиціи въ категорической формѣ доводили до свѣдѣнія правительства и правителей желанія свободнаго народа. Съ особеннымъ возмущеніемъ устраивались повсюду демонстраціи противъ ненавистной полиціи и всяческихъ формъ полицейскаго произвола.

1-го марта 1848 года громадныя массы баденскаго населенія со всѣхъ концовъ стекались въ свою столицу Карлсруэ, чтобы передать «Sturmpetionen» различныхъ баденскихъ городовъ. Зданіе баденскаго ландтага было окружено народомъ, всѣ галлереи были переполнены, когда вождь баденскихъ радикаловъ Струве сообщалъ засѣданію народныя петиціи. Результатомъ этой манифестаціи было немедленное рѣшеніе баденскаго правительства ввести свободу печати. Спустя двадцать дней и берлинская «Фоссова Газета», послѣ бурныхъ событій 18-го марта, съ ликованіемъ сообщала въ «экстренномъ листкѣ радости» (Extrablatt der Freude) о томъ, что печать получила свободу...

1848-й годъ въ Германіи, собственно говоря, принесъ окончательное рѣшеніе какъ вопроса о борьбѣ между абсолютистскимъ и конституціоннымъ режимомъ, такъ равно и тѣсно связаннаго съ этимъ вопроса о борьбѣ между цензурой и свободой печати. Свобода печати, будучи первоначально однимъ изъ первыхъ требованій, стала теперь одной изъ первыхъ гарантій, которую напуганныя правительства предоставляли своимъ подданнымъ. Уже 3-го марта 1848 года Союзный Сеймъ

предоставлялъ на усмотрѣніе отдѣльныхъ правительствъ учреждение цензуры и введеніе свободы печати подъ условіемъ лишь извѣстныхъ гарантій противъ ея злоупотребленій. Тогда то въ числѣ этихъ гарантій былъ между прочимъ введенъ и институтъ отвѣтственности редакторовъ періодическихъ изданій. При дальнѣйшемъ ходѣ событій «Національное Собраніе» во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ своей прокламаціи «Основныхъ нѣмецкихъ правъ» выставило слѣдующій принципъ, напоминающій «права человѣка» 1789 года; прокламація отъ 21 декабря 1848 года гласитъ между прочимъ:

«Каждый нѣмецъ имѣетъ право словомъ, письмомъ, въ печати и во всякомъ изобразительномъ произведеніи свободно выражать свое мнѣніе. Свобода печати не можетъ быть ни ограничена, ни задержана, ни упразднена никакими предупредительными мѣрами, каковы цензура, концессіи, ограниченіе печатанія и книжной торговли, стѣсненіе почтовыхъ и иныхъ способовъ сношенія.»

Пятидесятые годы принесли однако съ собой еще разъ нѣкоторыя реакціонныя теченія, нашедшія себѣ главное выраженіе въ союзномъ постановленіи отъ 6 іюня 1854 года касательно предупрежденія злоупотребленій свободой печати. Цензура же съ тѣхъ поръ осталась навсегда упраздненной въ Германіи. Ужъ слишкомъ она была ненавистна народу, чтобы даже самая лютая реакція подумала о ея возобновленіи. Къ тому же она именно въ 1848 г. оказалась безсильной задержать естественный ходъ событій. Непоколебимымъ результатомъ этихъ событій и было убѣжденіе, проникшее и въ правящія сферы, что Германія находится въ процессѣ формированія новыхъ общественныхъ отношеній, для рѣшенія котораго необходимо активное участіе населенія, а слѣдовательно, и извѣстная свобода и независимость въ выраженіи общественнаго мнѣнія.

II.

Объединеніе Германской Имперіи и связанное съ этимъ объединеніе правовыхъ основъ государства не могли не отразиться и на судьбахъ нѣмецкой печати. Принципъ «что го-

родъ то норовъ» по отношенію къ правовому положенію печати не уживался болѣе съ наступившимъ соціально-политическимъ единствомъ объединеннаго государства. Еще съ введеніемъ промысловаго устава 1869 года печатное дѣло было изъято изъ числа тѣхъ промысловъ, занятіе которыми требуетъ особаго разрѣшенія. Имперское уголовное уложеніе 1870 года установило далѣе общія нормы наказуемости содержанія печатныхъ произведеній. Имперская конституція сверхъ того объявила наказуемость точной передачи отчетовъ о засѣданіяхъ рейхстага и ландтаговъ союзныхъ государствъ. Имперское правительство сознало, наконецъ, необходимость выработать и представить рейхстагу проектъ общаго закона о печати. Такой проектъ былъ выработанъ въ 1874 году и, въ окончательной принятой рейхстагомъ редакціи, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующіе существенные пункты:

Статья 1-ая закона гласитъ: «Свобода печати подлежитъ лишь тѣмъ ограниченіямъ, которыя предписаны или допущены настоящимъ закономъ». По статьямъ 6 и 7 закона на каждомъ нумерѣ періодическихъ изданій должны быть обозначены имена и мѣста жительства издателя, типографщика и отвѣтственнаго редактора. Отвѣтственнымъ редакторомъ, назначеніе и смѣна котораго не зависитъ отъ усмотрѣнія властей, можетъ быть всякое лицо, не лишенное гражданскихъ правъ и проживающее въ Германіи. Ни администрація, ни судъ не могутъ воспретить кому-либо издательскую и редакторскую дѣятельность (ст. 4 и 8). Статья 9 закона предписываетъ издателю періодическаго изданія, при началѣ разсылки новыхъ нумеровъ, одинъ безплатный экземпляръ изданія представлять въ мѣстную полицію. Отъ этой обязанности избавлены изданія, преслѣдующія исключительно научныя, художественныя цѣли и цѣли торговли и промышленности. Не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ закона о печати періодическія изданія, предназначенныя исключительно для редакцій общихъ изданій (ст. 13). Въ этомъ случаѣ имѣются въ виду литографическія, гектографическія и прочія корреспондентскія бюро.

Въ военное время или въ періоды, угрожаемые войной, имперскій канцлеръ можетъ, согласно ст. 15 закона, воспре-

тить опубликованіе свѣдѣній относительно передвиженія войскъ и средствъ. По ст. 17 не могутъ появляться въ печати обвинительные акты и прочіе оффиціальные акты уголовнаго процесса раньше, чѣмъ они сдѣлались извѣстны изъ гласнаго судопроизводства или по окончаніи производствомъ самого дѣла. Статьи 18 и 19 устанавливаютъ наказанія въ размѣрѣ до 1,000 марокъ штрафа и 6 мѣсяцевъ заключенія за нарушеніе постановленій въ приведенныхъ статьяхъ. Что касается срока давности для всѣхъ проступковъ печати, то по ст. 22 закона онъ сокращенъ до полугода.

Статьи 20 и 21, устанавливающія случаи отвѣтственности издателей и типографщиковъ, служатъ поводомъ для безконечныхъ жалобъ и тяжбъ. Усердіе прокуратуры, питаемое политическими тенденціями, распространяетъ часто вину соучастія въ проступкѣ и на лицъ, которыя вѣдаютъ лишь техническую часть и ни въ какой тѣсной связи съ редакціей не состоятъ.

Такимъ же досаднымъ пунктомъ въ этой области была судебная практика, преслѣдовавшая проступки въ печати не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они совершались, но рѣшительно повсюду, куда попадало или читалось данное изданіе. Усиленной агитаціи и хлопотамъ писательскихъ обществъ удалось недавно добиться значительныхъ сокращеній этого судебнаго произвола. Изъятыми остались лишь личныя оскорбленія въ печати, подлежащія дѣйствію стараго порядка. Значеніе этого пункта будетъ понятно, если мы припомнимъ, что не для всѣхъ преступленій въ печати установлена закономъ юрисдикція суда присяжныхъ. Въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ эти дѣла подлежатъ коронному суду и суду шеффеновъ: только Баварія, Вюртембергъ, Баденъ и Ольденбургъ пользуются привилегіей суда присяжныхъ.

Ст. 23 устанавливаетъ три случая, когда безъ предварительнаго судебнаго постановленія администрація можетъ конфисковать печатное произведеніе. Это, во 1-хъ, когда оно нарушило указанныя въ статьяхъ 6 и 7 постановленія объ издателѣ, типографщикѣ и редакторѣ. Во-2-хъ, если нарушена ст. 15 и напечатаны свѣдѣнія о передвиженіи войскъ. Наконецъ, въ-3-хъ, если печатное произведеніе заключаетъ въ себѣ признаки преступленія противъ статей уголовнаго кодекса: а) под-

стрекательство къ государственной измѣнѣ (ст. 85); б) оскорбленіе монарха (ст. 95); в) возбужденіе къ нарушенію законовъ (ст. 111), г) возбужденіе различныхъ классовъ общества къ насильственнымъ дѣйствіямъ другъ противъ друга (ст. 130). Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ конфискація должна быть произведена лишь тогда, если замедленіе такой мѣры можетъ вести къ немедленному преступленію. Подлежащій судъ долженъ дать окончательное заключеніе объ утвержденіи или отмѣнѣ предварительной конфискаціи. Сначала прокуроръ, въ теченіе 24 часовъ послѣ совершенія конфискаціи, представляетъ на этотъ счетъ свое заключеніе суду, а судъ, въ свою очередь, обязанъ сдѣлать свое заключеніе въ теченіе 24 часовъ послѣ поступленія къ нему прокурорскаго предложенія. Таковъ порядокъ, если конфискація состоялась по распоряженію прокурора. Если же она была произведена полиціей безъ такого распоряженія, то не позже 12 часовъ, протекшихъ со времени конфискаціи, полиція должна дать знать объ этомъ прокурору, который можетъ отмѣнить конфискацію немедленно или же въ теченіе 12 часовъ внести въ судъ предложеніе объ утвержденіи полицейской мѣры. Черезъ 24 часа послѣ этого должно состояться постановленіе суда. Если этотъ послѣдній конфискацію утвердилъ, но въ теченіе двухъ недѣль не возбуждаетъ преслѣдованія противъ отвѣтственныхъ лицъ, то конфискація тѣмъ самымъ отмѣняется (ст. 26).

Таковы въ общемъ основныя постановленія дѣйствующихъ нынѣ въ Германіи законовъ о печати. Ихъ крайняя растяжимость, ихъ, какъ тамъ выражаются, гуттаперчевый характеръ, къ сожалѣнію, въ достаточной степени засвидѣтельствованы разнаго рода отсебятиной и хитроумными интерпретаціями административной и судебной практики. Но, съ другой стороны, также очевидно и ихъ преимущество передъ нормами добраго стараго времени. А это засвидѣтельствовано фактомъ чрезвычайнаго развитія и роста нѣмецкой періодической печати за немногія десятилѣтія ея сравнительныхъ вольностей. Иллюстраціей того громаднаго вліянія, какое имѣетъ на развитіе прессы смѣна общественно-политическихъ условій даже въ теченіе самаго короткаго промежутка времени, можетъ служить хотя бы одинъ примѣръ кельнской газеты (Kölnische

Zeitung). Число абонентовъ этой газеты въ февралѣ 1848 г. составляло 9,500, но уже въ апрѣлѣ того же года оно возросло до 17,400; достаточно было двухъ-трехъ лѣтъ наступившей вскорѣ послѣ того реакціи, чтобы снова понизить это число до 9,000.

Но и число самихъ періодическихъ изданій въ Германіи стало быстро расти съ устраненіемъ главнѣйшихъ оковъ печати. Само собою разумѣется, что при наличности значительной свободы для развитія печати, всякая снаряженная въ этой области статистика очень скоро утрачиваетъ характеръ точнаго отраженія подлиннаго состоянія печати, благодаря исчезновенію нѣкоторыхъ старыхъ и возникновенію многихъ новыхъ изданій. Такъ, напр., согласно оффиціальнымъ спискамъ германской почты за 1902 годъ, число періодическихъ изданій на нѣмецкомъ языкѣ равнялось 8.668, между тѣмъ какъ въ предыдущемъ 1901 году оно составляло еще 7,082. Сюда входятъ, конечно, тѣ изданія, которыя можно выписывать черезъ посредство почты, а это далеко не всѣ существующіе въ Германіи органы періодической печати.

На ряду съ политическою печатью имѣется масса другихъ изданій болѣе спеціальнаго характера: мѣстные листки, листки для объявленій, изданія для легкаго чтенія, спеціальная пресса. Нѣтъ ни одного класса, ни одного промысла, почти ни одной отрасли человѣческой дѣятельности, которые не имѣли бы большее или меньшее число своихъ органовъ. Достаточно указать хотя бы на необыкновенный ростъ органовъ всевозможныхъ родовъ спорта.

Въ Берлинѣ издается особая брачная газета (Heiratszeitung), въ Гардесгеймѣ съ 1901 года издается общенѣмецкая сырная газета (Allgemeines Deutsches Käseblatt).

Останавливаясь прежде всего на изданіяхъ, выходящихъ не рѣже одного раза въ недѣлю и причисляемыхъ въ категоріи «газетъ», мы, на основаніи данныхъ за 1901 годъ, получимъ слѣдующую таблицу:

457	газетъ	появляются	1	разъ	въ	недѣлю
618	»	»	2	»	»	»
979	»	»	3	»	»	»
106	»	»	4	»	»	»

12	газетъ	появляются	5	разъ	въ	недѣлю
1100	»	»	6	»	»	»
87	»	»	7	»	»	»
1	»	»	11	»	»	»
73	»	»	12	»	»	»
11	»	»	13	»	»	»
6	»	»	18	»	»	»
1	»	»	19	»	»	»
1	»	»	20	»	»	»

Всего 3452 газеты.

Изъ этого числа 3452 газетъ 1087 причисляются къ различнымъ партіямъ, 792 газеты сами себя называютъ безпартійными, остальныя же умалчиваютъ о своемъ партійно-политическомъ направленіи.

Для болѣе детальнаго статистическаго анализа нѣмецкой прессы намъ приходится обратиться къ изслѣдованію Гальмара Шахта, которое опубликовано было еще въ 1898 году въ Conrad's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik и въ общемъ еще до сихъ поръ можетъ считаться удовлетворительною цифровою картиной нѣмецкой прессы.

Оставляя въ сторонѣ періодическія изданія беллетристическаго, научнаго и спеціальнаго характера, такъ-называемыя Korrespondenz и Korrespondenzblätter различныхъ партій и профессіональныхъ организацій, музыкальныя, театральныя и всякаго рода «сезонныя» изданія, наконецъ, журналы, выходящіе рѣже чѣмъ одинъ разъ въ недѣлю,—тогда мы получимъ приблизительную цифру подлинныхъ газетъ. Эта цифра въ изслѣдованіи Шахта составляетъ 3.405, изъ которой слѣдуетъ еще вычесть 68 изданій: на польскомъ (39), датскомъ (19), французскомъ (7) и литовскомъ (3) языкахъ. Получается, такимъ образомъ, 3.337 нѣмецкихъ газетъ, издающихся въ 1884 мѣстахъ, такъ что на каждый издательскій пунктъ приходится нѣсколько менѣе 2 газетъ, именно 1,8.

Для особыхъ любителей статистики приведу здѣсь слѣдующія цифровыя данныя: при 540.657 кв. километрахъ, составляющихъ территорію Германіи, и 52.280 тысячахъ душъ

населенія, одна газета въ среднемъ приходится на 159 кв. килом. территоріи и 15.354 душъ населенія; 1 издательскій пунктъ приходится на районъ въ 287 кв. килом. территоріи и 27.749 душъ населенія. Общее число всѣхъ подписчиковъ (въ 1898 г.) на 3337 нѣмецкихъ газетъ составляло около 12.192.780; въ среднемъ на каждую газету приходится около 3660 подписчиковъ. Слѣдовательно, на газеты подписана почти 1/4 всего населенія (23,9%), число же газетныхъ читателей, конечно, значительно превышаетъ эту норму. Изъ 1884 издательскихъ пунктовъ 1370, т. е. 62,0%, имѣютъ по одной газетѣ, 573, т. е. 30,4%—по 2—3 газеты, 122, т. е. 6,5%—по 4—9 и, наконецъ, 19 пунктовъ, т. е. 1%—болѣе 9 газетъ. Изъ послѣдней группы три пункта—Берлинъ, Мюнхенъ и Познань—имѣютъ болѣе 20 газетъ. Интересно еще, что изъ 1884 издательскихъ пунктовъ 177, т. е. 9,4%, представляютъ собою мелкіе города и мѣстечки, имѣющіе не болѣе 2000 душъ населенія.

Посмотримъ теперь, какъ часто выходятъ нѣмецкія газеты и какъ опредѣляется ихъ стоимость (по даннымъ Шахта): *(См. стр. 80).*

Изъ приведенныхъ ниже таблицъ мы видимъ, что преобладаютъ газеты, выходящія 6 разъ въ недѣлю, т. е. по одному разу въ день, кромѣ понедѣльника, и выходящія по три раза въ недѣлю; далѣе слѣдуютъ газеты, выходящія по два раза и по одному разу въ недѣлю. По числу подписчиковъ почти половину составляютъ газеты съ 900—3000 подписчиковъ, затѣмъ слѣдуютъ газеты съ 500—900 и далѣе—съ 3000—7000 подписчиковъ. Болѣе 100.000 подписчиковъ имѣютъ лишь немногія берлинскія газеты, какъ извѣстный «Lokalanzeiger» (въ настоящее время свыше 200 тысячъ подписчиковъ) и «Berliner Morgenpost» (свыше 120 т. подписчиковъ),—единственная газета съ массовымъ распространеніемъ, которую еще не удалось поглотить газетному капиталисту и собственнику «Lokalanzeiger'a», Августу Шерлю.

Что касается стоимости газетъ, то средняя подписная плата составляетъ 1 м. 30 пфен. за четверть года. Въ частности же подписная плата колеблется между 1 и 9 марками за четверть года въ зависимости отъ того, какъ часто выходитъ

Число разъ выход. газетъ	1	2	3	4	5	6	7	11	12	13	14	18	19	Итого
Число газетъ	367	654	1018	88	13	1024	82	1	64	15	1	9	1	3337
въ %%	11,00	19,59	30,50	2,64	0,39	30,68	2,46	0,03	1,92	0,46	0,03	0,27	0,03	100
Подписн. плата за 1/4 г. въ марк.	0,77	1,00	1,77	1,15	1,36	1,61	2,02	1,50	3,80	3,63	7,50	5,73	9,00	1,30
Стоимость 1 номера въ пфен.	5,9	3,8	3,0	2,2	2,1	2,1	2,2	1,0	2,4	2,1	4,1	2,5	3,6	2,8

Данныя о газетахъ въ отношеніи числа ихъ подписчиковъ и стоимости подписки выразятся въ слѣдующей таблицѣ:

									более	Всего
Число подписчиковъ до	500	900	3.000	7.000	15.000	35.000	70.000	100.000	100.000	
Число газетъ въ %%	5,45	21,45	48,50	14,52	6,68	2,38	0,78	0,16	0,08	100
Подписн. плата за 1/4 г. въ марк.	0,92	1,08	1,26	1,63	1,60	2,22	2,30	2,00	2,55	1,30

Наконецъ, въ отношеніи распредѣленія по партіямъ нѣмецкія газеты представляютъ слѣдующую картину:

партіи:	правительств.	конс.	центръ.	нац.-либер.	либер.	соц.-демократ.	безпарт.	газеты для объявл.	Итого.	неизвѣстно.	Итого.
Число газетъ	486	321	318	300	356	54	900	58	2793	544	3337
%%	14,6	9,6	9,5	9,0	10,7	1,6	27,0	1,7	83,7	16,3	100
Стоимость подписки за 1/4 г. въ марк.	1,18	1,44	1,27	1,74	1,74	1,73	—	—	—	—	1,30

газета, насколько она солидна по своему характеру и содержанію и насколько велики ея доходы отъ объявленій. Наибольшею дешевизной отличаются правительственныя газеты и газеты католическаго центра. И та, и другая категорія не блещетъ журналистскими достоинствами, за то располагаетъ обильнымъ фондомъ для субсидій. То же самое можно сказать о консервативной прессѣ, которая, особенно въ провинціяхъ, тѣсно связана съ административными органами и учрежденіями и отъ нихъ въ значительной степени заимствуетъ свои жизненные соки. Либеральныя газеты въ своемъ большинствѣ стоятъ въ одной цѣнѣ съ соціалъ-демократическою прессой. Вообще можно сказать, что нѣмецкая газета по своей цѣнѣ вполнѣ доступна громадной массѣ читателей [1]). Да это и понятно: помимо того, что газета на добрую половину (иногда и вполнѣ) предпріятіе коммерческое и подвержена всѣмъ законамъ разумной коммерціи, нѣмецкая пресса отличается, сверхъ того, ярко-выраженнымъ партійно-политическимъ характеромъ и потому хорошо знаетъ, на кого и для кого она работаетъ. Въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія и широко разросшаяся въ послѣднее время такъ-называемая «безпартійная» пресса, которую, однако, можно считать партійной въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова. Съ обще-партійнымъ и «безпартійно»-партійнымъ характеромъ нѣмецкой прессы связано и то явленіе, которое многіе считаютъ большимъ зломъ: это именно то обстоятельство, что почти каждый нѣмецкій бюргеръ читаетъ обыкновенно только одну «свою газету». «Mein Blatt», «meine Zeitung», т. е. органъ одной его партіи, или облюбованный имъ «безпартійный» органъ принадлежитъ къ обиходу его жизни и опредѣляетъ якобы весь его житейскій, общественно-моральный и политическій кругозоръ.

Такого рода жалобы приходится теперь очень часто слышать. Но замѣчательно то, что исходятъ онѣ обыкновенно отъ людей, чурающихся политической и, тѣмъ болѣе, партійной жизни, признающихъ за партійною прессой такъ же мало резона,

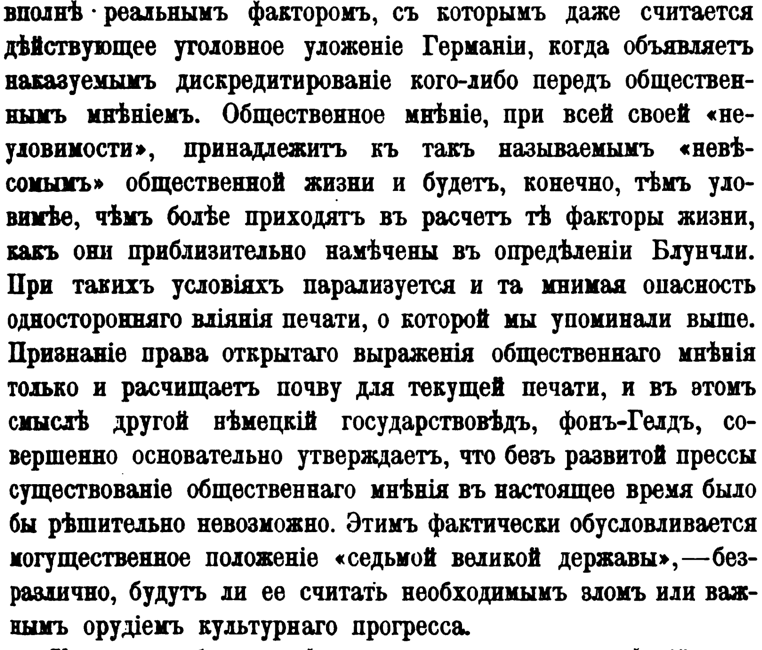
---

[1]) По расчетамъ Шахта, населеніе Германіи тратитъ на газеты болѣе 63 мил. марокъ, что составитъ около 1.2 марки (т. е. около 60 коп.) на душу.

какъ и за партійною группировкой общества, совершенно игнорирующихъ все сложное взаимодѣйствіе различныхъ факторовъ общественно-политическихъ отношеній, какія возникаютъ на почвѣ болѣе развитой соціальной жизни и культуры.

Первоначальная и еще понынѣ преобладающая задача текущей печати заключается въ передачѣ извѣстій и поясненіи ихъ значенія. Этою послѣднею своею задачей печать становится въ двоякое отношеніе къ общественному мнѣнію: она старается дать ему то или иное выраженіе и такъ или иначе вліять на него. Общественное мнѣніе!.. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ одинъ окружной судья, разбиравшій литературный процессъ, оборвалъ аргументацію обвинявшагося редактора окрикомъ: «О чемъ вы толкуете! Не существуетъ никакого общественнаго мнѣнія!» Во время скоро послѣдовавшей за процессомъ смерти судьи выяснилось, что онъ уже издавна страдалъ психическими дефектами... Но не только для берлинскаго судьи общественное мнѣніе было подъ большимъ сомнѣніемъ. Эта проблема уже издавна сильно занимала очень серьезныхъ политиковъ, психологовъ и теоретиковъ общественности. Гольцендорфъ, въ своей интересной книгѣ о «Сущности и значеніи общественнаго мнѣнія», опредѣляетъ его какъ «господствующее мнѣніе самого народа, поскольку такое мнѣніе не находитъ себѣ непосредственнаго выраженія въ точныхъ законахъ и начальственныхъ предписаніяхъ». Другой извѣстный государствовѣдъ, Блунчли, противопоставляетъ общественное мнѣніе правительственной власти какъ органъ народной власти, наряду съ прессой, союзными организаціями и народными собраніями. Шефле въ общественномъ мнѣніи видитъ психическій фактъ соціальной жизни или феноменъ народнаго духа, реакцію публики, народнаго разсудка, народнаго чувства, народной воли на извѣстные руководящіе взгляды, сужденія и мнѣнія. Нибуръ опредѣлялъ общественное мнѣніе какъ «гласъ Божій», а Гегель, отрицая за общественнымъ мнѣніемъ масштабъ для различеній, рекомендовалъ независимость отъ него, какъ первое формальное условіе всего великаго и разумнаго въ жизни и наукѣ...

Независимо отъ большей или меньшей опредѣленности той или другой формулировки, общественное мнѣніе можно признать

вполнѣ реальнымъ факторомъ, съ которымъ даже считается дѣйствующее уголовное уложеніе Германіи, когда объявляетъ наказуемымъ дискредитированіе кого-либо передъ общественнымъ мнѣніемъ. Общественное мнѣніе, при всей своей «неуловимости», принадлежитъ къ такъ называемымъ «невѣсомымъ» общественной жизни и будетъ, конечно, тѣмъ уловимѣе, чѣмъ болѣе приходятъ въ расчетъ тѣ факторы жизни, какъ они приблизительно намѣчены въ опредѣленіи Блунчли. При такихъ условіяхъ парализуется и та мнимая опасность односторонняго вліянія печати, о которой мы упоминали выше. Признаніе права открытаго выраженія общественнаго мнѣнія только и расчищаетъ почву для текущей печати, и въ этомъ смыслѣ другой нѣмецкій государствовѣдъ, фонъ-Гелдъ, совершенно основательно утверждаетъ, что безъ развитой прессы существованіе общественнаго мнѣнія въ настоящее время было бы рѣшительно невозможно. Этимъ фактически обусловливается могущественное положеніе «седьмой великой державы»,—безразлично, будутъ ли ее считать необходимымъ зломъ или важнымъ орудіемъ культурнаго прогресса.

Какъ уже было отмѣчено выше, передача извѣстій и въ настоящее время составляетъ еще главнѣйшую задачу текущей печати, и именно чрезвычайное развитіе этой функціи ясно показываетъ необычайный прогрессъ не только одного газетнаго дѣла, но и всей культурной жизни вообще. Сравнительно съ прежнимъ временемъ, дѣятельность газеты въ этой области разрослась и усовершенствовалась въ трояномъ направленіи: въ пріумноженіи тѣхъ сферъ, на которыя распространяется функція передачи извѣстій, въ увеличеніи той массы извѣстій, которая передается изъ каждой отдѣльной сферы, и въ той быстротѣ, съ которою совершается передача извѣстій читателямъ.

По части передачи извѣстій газета является хроникой дня, и старая газета этимъ ограничивалась. Но уже вскорѣ явилась потребность пояснять извѣстія, отмѣчать и оцѣнивать ихъ значеніе. И въ этой пояснительной дѣятельности заключена сила современной печати.

Конечно, газета можетъ уже оказать извѣстное вліяніе самимъ распространеніемъ даннаго извѣстія, или же его умол-

чаніемъ, какъ это тоже нерѣдко дѣлается. Въ общемъ же порядкѣ ея вліяніе скажется главнымъ образомъ въ ея отношеніи къ передаваемымъ извѣстіямъ. Идетъ-ли рѣчь объ оцѣнкѣ новаго законопроекта или о событіи изъ внѣшней политики, о разоблаченіи и осужденіи какой-нибудь общественной неурядицы, или критики промышленнаго предпріятія, о разборѣ новаго литературнаго произведенія или сценическихъ дарованіяхъ того или иного артиста,—во всѣхъ такихъ случаяхъ на первый взглядъ голосъ печати представляется субъективнымъ выраженіемъ мнѣній отдѣльнаго лица. А, между тѣмъ, и сама печать нерѣдко претендуетъ въ такихъ случаяхъ быть выразительницею общественнаго мнѣнія, да и читатели видятъ обыкновенно въ сужденіяхъ газеты нѣчто большее, чѣмъ частное мнѣніе отдѣльнаго лица.

Это, конечно, далеко не значитъ еще, что пресса и общественное мнѣніе противостоятъ другъ другу или другъ на друга вліяютъ, какъ абсолютныя величины. Общественное мнѣніе только въ очень рѣдкихъ случаяхъ будетъ совпадать съ общимъ мнѣніемъ народа; обыкновенно же оно означаетъ мнѣніе большинства или даже мнѣніе какого-нибудь большинства, т. е. большинства опредѣленнаго класса или народнаго слоя. Въ виду этого понятно, что нерѣдко въ публичныхъ сужденіяхъ сталкиваются между собою различныя мнѣнія, изъ которыхъ каждое претендуетъ быть выразителемъ «общественнаго мнѣнія».

Въ этомъ коренится упомянутый уже нами и довольно распространенный также въ Германіи упрекъ по адресу политической прессы, что она разсматриваетъ вещи съ односторонней точки зрѣнія данной партіи, что она вліяетъ на читателя въ тенденціозномъ смыслѣ, затрудняетъ ему составленіе себѣ самостоятельнаго мнѣнія и тѣмъ самымъ фальсифицируетъ общественное мнѣніе.

Но мыслима ли политическая жизнь безъ партій? Въ рамкахъ этой статьи нельзя, конечно, и думать о томъ, чтобы сколько-нибудь подробно останавливаться на этой сложной проблемѣ. Но нѣсколько краткихъ замѣчаній помогутъ намъ иллюстрировать все праздномысліе апостоловъ безпартійности. Не даромъ же еще великій аѳинскій законодатель объявлялъ

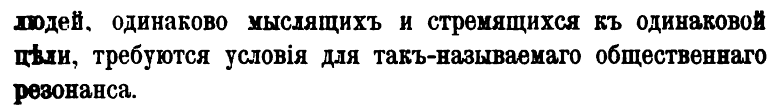
лишеннымъ гражданскихъ правъ и безчестнымъ каждаго, кто вздумаетъ соблюсти безпартійность въ періодъ сильнаго возбужденія государственной жизни. Партіи суть необходимый аттрибутъ политической жизни, — по преимуществу политической, такъ какъ онѣ присущи и другимъ формамъ общественной жизни, напримѣръ церковной. Въ отличіе отъ котерій, кликъ и т. п., партіями принято называть группировку большихъ, широкихъ слоевъ народа, объединенныхъ общими интересами, взглядами, идеями и стремленіями. Цѣлью каждой такой партіи является стремленіе добиться преобладающаго вліянія въ государствѣ. Отсюда жизненною формой существованія и дѣятельности партій служитъ партійная борьба.

Партіи и партійная борьба имѣютъ въ Германіи сравнительно недавнюю исторію. Онѣ не идутъ въ сущности далѣе 19-го вѣка. Только послѣ Вѣнскаго мира выступили на арену борющіяся партіи. Либеральная и консервативная партіи, бывшія долгое время единственными нѣмецкими партіями, возникли въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Въ 1848 году партійная борьба приняла формы открытой войны. Къ политической группировкѣ присоединилась, часто переплетаясь съ нею, партійность и на церковной почвѣ. Старые вѣроисповѣдные споры, почти потухшіе въ концѣ 18-го вѣка, снова разгорѣлись съ большою силой и постепенно послужили основою для новыхъ партійныхъ группировокъ въ нѣмецкихъ государствахъ. Съ 60-хъ годовъ стали затѣмъ организоваться въ враждебныя партіи различные соціальные классы; классовая борьба есть тотъ преобладающій лозунгъ, который налагаетъ свою печать на политическіе конфликты послѣднихъ десятилѣтій. Одновременно съ этимъ старыя политическія партіи подвергаются внутреннимъ видоизмѣненіямъ; новая формація государственной организаціи лишила ихъ главнѣйшей ихъ подкладки, снявъ со сцены вопросъ о политическомъ укладѣ Германіи. Вмѣсто этого все болѣе расширяющаяся дѣятельность государства на экономической почвѣ, въ области таможенной, торговой и промысловой политики, повела къ тому, что большія промышленныя группы въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ стали соединяться въ прочныя организаціи для защиты своихъ интересовъ въ экономической политикѣ. Старыя политическія партіи пре-

образуются постепенно въ организаціи съ преобладаніемъ экономическихъ интересовъ. Изъ нѣдръ народной жизни, подъ преобладающимъ вліяніемъ такихъ же интересовъ, нарождались новыя партіи и группировки, не устранивъ, однако, политической тенденціи, которая въ конечномъ результатѣ сводится къ борьбѣ за политическое вліяніе въ государствѣ.

Въ Германіи нѣтъ, конечно, недостатка въ людяхъ, которые призываютъ громы и молніи на партійную разрозненность и разорванность страны. Моралисты, какъ они представлены въ нѣмецкихъ этическихъ обществахъ, не идутъ такъ далеко и хлопочутъ лишь о томъ, чтобы «этизировать» партійную борьбу и отношенія. Къ сожалѣнію, это имъ очень плохо удается. Они часто забываютъ самую этико-психологическую подкладку партійныхъ образованій, забываютъ, что партійныя образованія суть чисто произвольно возникающія въ массахъ организаціи, прямо неизбѣжныя для того, чтобы сдѣлаться вообще способными на активныя дѣйствія. Онѣ суть средство привести въ дѣйствіе и движеніе всѣ заключенныя въ народѣ жизненныя силы и жизненные интересы и тѣмъ самымъ обезпечить народу въ цѣломъ нормальное развитіе. Въ этомъ коренится также смыслъ идеи всеобщаго избирательнаго права, которое уже свыше трехъ десятилѣтій составляетъ достояніе всего нѣмецкаго народа.

Съ развитіемъ общественно-политической жизни Германіи шла параллельно и эволюція нѣмецкой печати. Если политическая жизнь невозможна была безъ возникновенія партій, то, съ другой стороны, и партіи не могли обойтись безъ одного изъ самыхъ важныхъ средствъ вліянія на общественное мнѣніе и на общественныя дѣла, т. е. безъ партійно-политической прессы. Отдѣльные органы печати не могутъ оставлять своихъ читателей въ неизвѣстности на счетъ тѣхъ принциповъ, которые они исповѣдуютъ, и на счетъ тѣхъ партій, сторону которыхъ они держатъ въ борьбѣ различныхъ контрастовъ общественной жизни. Политическія «одиночки» какъ среди общественныхъ дѣятелей, такъ и въ средѣ печати, особенно при наличности парламентарнаго строя государственной жизни, лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ могутъ пользоваться дѣйствительнымъ вліяніемъ. Обыкновенно требуется для такого вліянія общность

людей, одинаково мыслящихъ и стремящихся къ одинаковой цѣли, требуются условія для такъ-называемаго общественнаго резонанса.

Приведенная выше таблица касательно партійной группировки нѣмецкой прессы въ дѣйствительности не исчерпываетъ всѣхъ ея оттѣнковъ. Мы не видимъ тамъ ни оффиціальной прессы, которая частью вошла въ рубрику правительственныхъ газетъ, мы не видимъ далѣе «свободно-консервативной» печати, такъ-называемой Reichspartei, заключенной въ консервативной рубрикѣ; туда же вошла и аграрная пресса извѣстнаго «Союза сельскихъ хозяевъ»; не отмѣчена особо и демократическая печать, слитая съ органами либеральной партіи, которая, въ свою очередь, имѣетъ различные оттѣнки; мы не видимъ, наконецъ, указаній на существованіе газетъ новой политической группы, такъ называемой партіи націоналъ-соціаловъ съ извѣстнымъ и очень даровитымъ пасторомъ Науманомъ во главѣ. Быстрый ходъ общественной дифференціаціи въ Германіи способенъ опередить всякій статистическій подсчетъ, какъ онъ опередилъ упомянутое изслѣдованіе д-ра Шахта.

Мы не можемъ, конечно, вдаваться здѣсь въ детальную характеристику каждой отдѣльной группы нѣмецкой политической прессы, такъ какъ для этого было бы необходимо и подробное разсмотрѣніе соотвѣтствующихъ политическихъ партій. Приходится поэтому ограничиться болѣе общею, суммарной оцѣнкой, тѣмъ болѣе, что состояніе той или иной партіи, ея внутренній строй, ея текущія судьбы не представляютъ твердаго status quo, а это въ свою очередь отражается и на состояніи ея прессы.

Громадное вліяніе европейской печати на современную жизнь сдѣлалось уже тривіальнымъ ходячимъ мнѣніемъ, въ сущности не требующимъ никакихъ доказательствъ. Въ частности и широкое вліяніе нѣмецкой печати на всю жизнь страны—фактъ слишкомъ очевидный, несмотря на то, что политическое развитіе Германіи еще во многомъ уступаетъ болѣе передовымъ государствамъ. Всѣ сильные міра, люди разныхъ званій и состояній добиваются благоволенія печати, всѣ они подвержены ея критикѣ, она денно и нощно стоитъ на стражѣ всѣхъ общественныхъ и государственныхъ начинаній.

Печальной памяти прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Келлеръ, будучи еще у власти, явился на банкетъ журналистовъ во время празднествъ по открытію Кильскаго канала. Упоенный общимъ приподнятымъ настроеніемъ, онъ провозгласилъ тостъ за печать и ея представителей...

«Мы призваны править дѣлами страны,—заключилъ свой тостъ расчувствовавшійся ораторъ,—а ваша обязанность критиковать наше правленіе!..» Такъ запанибратски чокавшійся «правитель» и не предчувствовалъ, что черезъ два-три мѣсяца ему придется, при дѣятельномъ участіи печатной критики, убѣдиться въ сомнительности своего министерскаго призванія и уступить мѣсто другому.

Любопытно, между прочимъ, что паденіе Келлера совершилось по поводу имъ же вдохновленнаго законопроекта, предназначеннаго подтянуть и прессу, и общественное мнѣніе, и встрѣтившаго именно съ этой стороны энергическій отпоръ... Такой же увѣнчанный успѣхомъ отпоръ оказала нѣмецкая печать и извѣстному законопроекту министра Цедлица, замышлявшаго въ союзѣ съ реакціей полную клерикализацію прусской народной школы. Участь келлеровской Umsturzvorlage раздѣлилъ затѣмъ не менѣе злокозненный «каторжный проектъ». За нимъ послѣдовалъ въ Лету забвенія пресловутый «Lex Heinze», посягавшій на самыя сокровенныя пружины литературнаго и художественнаго творчества.

На такого рода крупныхъ законодательныхъ актахъ и проектахъ особенно рельефно выступаетъ доминирующая роль печати, отражающей немедленно, точно на экранѣ, преобладающее настроеніе народа въ данный моментъ и по данному вопросу «общественное мнѣніе» страны. Она безостановочно питаетъ трибуны народныхъ собраній, трибуну парламента, диктуя свои рѣшенія, свои выводы изъ столкновенія различныхъ явленій жизни и различныхъ взглядовъ на жизнь.

Особенно любопытно наблюдать упорный процессъ просачиванія печатью наиболѣе твердыхъ и застарѣлыхъ наслоеній жизненнаго порядка. Капля за каплей подтачиваетъ она эти твердыни, покуда, наконецъ, не убѣдитъ общее сознаніе въ ихъ затхлости и гнили.

Чтобы не ходить далеко за примѣромъ, достаточно указать

на недавнія пренія въ германскомъ рейхстагѣ. Рѣчь шла о самомъ элементарномъ условіи благоустроеннаго правового строя и о самомъ вопіющемъ по своей элементарности недугѣ военно-полицейскаго режима, угнетающаго еще гордый народъ мыслителей и поэтовъ. Еще какихъ-нибудь два-три года тому назадъ одинъ министръ на нападки парламентской оппозиціи съ апломбомъ отвѣтилъ, что ни въ какой другой странѣ не гарантирована въ такой степени личная свобода и личная неприкосновенность, какъ въ Германіи. Это завѣреніе было съ ликованіемъ встрѣчено охранительными партіями, совѣсть которыхъ была нѣсколько успокоена авторитетнымъ апломбомъ высшей власти. Успокоена была на время и совѣсть тѣхъ, которые призваны служить гарантіи общественной и личной свободы и вмѣсто того самымъ безцеремоннымъ образомъ попираютъ ее своими громадными ножищами. И вотъ, только теперь, послѣ долгихъ тщетныхъ попытокъ, нѣмецкой печати удалось нагромоздить такой ворохъ вопіющихъ «человѣческихъ документовъ», что прозрѣли даже самые слѣпые охранители и ужаснулось даже самое высокое начальство. Это произошло по случаю внесенной соціалъ-демократической фракціей рейхстага интерпеляціи, въ которой имперскій канцлеръ приглашался заявить, что онъ намѣренъ предпринять въ виду все усиливающейся эпидеміи полицейскаго произвола и административно-судебныхъ злоупотребленій властью надъ гражданами страны. Фракціонный представитель-депутатъ и извѣстный адвокатъ. Гейне, обосновывавшій интерпеляцію, взошелъ на трибуну съ кипами газетъ и газетныхъ вырѣзокъ, которыя однѣ уже вызвали нѣкоторую панику на министерскихъ скамьяхъ и въ рядахъ парламентскаго большинства. Въ рѣчи, длившейся около трехъ часовъ, ораторъ, на основаніи газетныхъ разоблаченій, нарисовалъ картину «вырожденія нѣмецкаго чиновничества» и пламенный обвинительный актъ противъ него. Здѣсь невозможно, конечно, передать всю эту оргію нарушеній и издѣвательствъ надъ личностью произвольно арестуемаго и звѣрски истязуемаго. Въ рѣчахъ всѣхъ послѣдующихъ ораторовъ до крайней правой включительно слышался сплошной стонъ и возмущеніе тѣмъ, что подчасъ творится надъ беззащитными жертвами полицейской разнузданности. Даже из-

вѣстный аграрій, д-ръ Эртель,—вообще говоря, апостолъ кнута, школьныхъ сѣченій и прочихъ пріемовъ патріотическаго вразумленія,—съ паѳосомъ провозгласилъ громадную заслугу печати въ этомъ дѣлѣ, иначе, какъ онъ выразился, полиція грозитъ стать вмѣсто опоры опасностью для государственнаго порядка. Главнѣйшимъ же эффектомъ интерпеляціи былъ тотъ фактъ, что само имперское правительство бросило, наконецъ, свои иллюзіи на счетъ пресловутой гарантіи. Имперскій канцлеръ, графъ Бюловъ, черезъ посредство имперскаго министра юстиціи, торжественно заявилъ рейхстагу, что онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ всѣ обнаруженныя въ послѣднее время злоупотребленія властей—безразлично, произошли ли они вслѣдствіе небрежности, чиновной волокиты, безтактности, высокомѣрія, невѣжества или грубости. Имперскій канцлеръ требуетъ отъ всѣхъ властей ни на минуту не забывать, что личная свобода и неприкосновенность суть высшія блага каждаго гражданина, и обѣщаетъ принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы эта точка зрѣнія сдѣлалась руководящимъ принципомъ полицейской и судебно-административной дѣятельности.

Характерною особенностью нѣмецкой прессы является тотъ фактъ, что ея наиболѣе вліятельные органы разсѣяны по разнымъ провинціямъ Германіи. Нѣмецкая провинція, прожившая вѣка самостоятельною и независимою жизнью, имѣетъ за собою длинную исторію, прочныя традиціи и продолжаетъ претендовать на званіе самостоятельнаго центра культурной и политической жизни. Поэтому-то не въ новорожденной германской столицѣ, а въ старыхъ провинціяхъ выходятъ наиболѣе выдающіяся и руководящія изданія повседневной печати. Достаточно назвать «міровую газету» «Kölnische Zeitung», стоящую въ тѣсной связи съ высшими правительствующими сферами. Покойный второй канцлеръ германской имперіи, графъ Каприви, былъ даже удаленъ съ своего поста за то, что былъ заподозрѣнъ въ авторствѣ одной статьи въ «Кельнской газетѣ», чрезъ которую хотѣлъ проводить свои собственные, отъ Вильгельма II независимые взгляды. Желѣзный канцлеръ былъ послѣ своей отставки негласнымъ редакторомъ другой провинціальной газеты «Hamburger Nachrichten». Демократическая «Frankfurter Zeitung» пользуется громаднымъ вліяніемъ, осо-

бенно въ средней и южной Германіи, а ея берлинскій представитель,—желанный гость у графа Бюлова. Рядомъ съ этими газетами можно еще назвать большія газеты Магдебурга, Мюнхена, Бреславля, Лейпцига и др. Многія изъ нихъ имѣютъ въ Берлинѣ отдѣленія своихъ редакцій; а нѣкоторыя даже соединены съ нимъ собственною телеграфною проволокой.

Въ государственныхъ бюджетахъ Германіи имѣются многочисленные «диспозиціонные» и тайные фонды, куда не въ состояніи проникнуть око парламентскаго контроля и о которыхъ каждый знаетъ, что они предназначены для «цѣлей печати». Извѣстная исторія съ 12.000 марокъ, доставленными правительству союзомъ крупныхъ промышленниковъ на предметъ агитаціи въ пользу желательнаго для нихъ «каторжнаго законопроекта», показала однако, что въ правительственныхъ сферахъ при случаѣ не гнушаются и частной субсидіей. Эта исторія показала сверхъ того, что въ настоящее время не только правительство въ цѣломъ поддерживаетъ извѣстныя отношенія къ прессѣ, но и каждый отдѣльный членъ его, каждый крупный и не столь крупный «правитель» на собственный страхъ занимается газетной политикой. Такая система служитъ, конечно, лишнимъ доказательствомъ силы и вліянія повседневной печати.

Можно быть разнаго мнѣнія на счетъ того, нуждается ли правительство, кромѣ оффиціальныхъ своихъ органовъ, еще въ т. н. органахъ оффиціозныхъ. Многіе полагаютъ, что лойяльное правительство можетъ ощущать потребность высказаться, не беря на себя формальную отвѣтственность въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такая потребность обыкновенно признается по отношенію къ вопросамъ внѣшней политики, но вошла въ практику и въ дѣлахъ внутреннихъ.

Уже при Бисмаркѣ была основана особая «Provinzial-Correspondenz», редактируемая въ литературномъ бюро государственнаго министерства и служившая приложеніемъ ко всѣмъ «Окружнымъ газетамъ» (Kreisblätter) прусской монархіи. Къ тому же времени нѣкогда республикански настроенная «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» такъ радикально преобразилась, что правительство стало ей доставлять свои статьи и замѣтки въ полномъ расчетѣ, что все это найдетъ гостепріимный от-

кликъ въ Allgemeine, или, какъ ее вскорѣ окрестили, «gemeine» (подлая) Zeitung. «Провинціальная корреспонденція» возбудила всеобщее негодованіе за то, что свое чрезвычайно одностороннее и предвзятое освѣщеніе политической жизни такъ безцеремонно навязывала всѣмъ послушнымъ органамъ губернской и уѣздной печати. Въ 1883 году, послѣ двадцати лѣтъ своего сомнительнаго публицистическаго служенія, «Корреспонденція» прекратилась, Сѣверо-нѣмецкая газета вступила въ права оффиціозной монополіи. Она, какъ выражался кн. Бисмаркъ, «предоставляла въ распоряженіе правительства извѣстное количество бѣлой бумаги», т. е. она заранѣе соглашалась печатать все, что ей подсунетъ правительство, не сообразуясь со своими собственными взглядами и убѣжденіями, которыя въ этомъ случаѣ вообще не могутъ имѣть мѣста. Недаромъ тотъ же Бисмаркъ въ одну откровенную минуту воскликнулъ по поводу своихъ собственныхъ оффиціозовъ: «Порядочные люди не пишутъ для меня!» Въ общемъ отношенія перваго канцлера къ оффиціозной прессѣ еще не имѣли широко развѣтвленнаго характера. Его сомнительная заслуга передъ нѣмецкой печатью заключается не столько въ созданіи оффиціозной прессы, сколько въ насажденіи съ помощью рептильнаго фонда особой «правительственной» прессы.

Послѣ смерти Бисмарка связь между Nord. A. Z. и вѣдомствомъ имперскаго канцлера значительно ослабѣла. Джентельменъ по всей своей натурѣ, гр. Каприви и въ качествѣ канцлера не выносилъ всей нечистоплотности оффиціозныхъ сферъ и ему противна была мысль управленія имперской политикой съ помощью темныхъ дѣльцовъ оффиціозной прессы. Человѣкомъ такого же пошиба былъ и ближайшій сотрудникъ Каприви, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ баронъ Маршалль, теперешній посолъ при турецкомъ султанѣ. Но и онъ не уберегся отъ оффиціозной и даже оффиціозно-полицейской интриги, отъ которой онъ вынужденъ былъ спасаться, обратившись къ защитѣ гласности въ надѣлавшемъ много шуму процессѣ.

Съ началомъ «Зигъ-Заговаго курса» при князѣ Гогенлоэ оффиціозныя отношенія получили широкое развитіе. Каждый министръ и каждое вѣдомство на свой собственный страхъ

завязывало особыя отношенія къ той или иной газетѣ. Вся эта сфера отношеній есть, конечно, результатъ общей правительственной системы. При отсутствіи у правительства тѣсной органической связи съ парламентомъ ему приходится тайными путями пролагать себѣ путь къ общественному мнѣнію, чтобы подготовить для своихъ проектовъ и начинаній хоть какой нибудь «резонансъ» въ народѣ.

Ходъ экономическаго и соціальнаго развитія Германіи, выразившійся въ грандіозномъ развитіи нѣмецкой фабрично-заводской промышленности, повелъ къ громадному скопленію рабочихъ массъ въ промышленныхъ центрахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ возникновенію такъ называемаго рабочаго движенія. Это движеніе съ первыхъ шаговъ своего сознательнаго и организованнаго существованія нуждалось въ особыхъ литературныхъ органахъ. И вотъ, въ противуположность прежнимъ временамъ, а также въ противуположность другимъ странамъ съ неразвитымъ или съ менѣе развитымъ рабочимъ движеніемъ, мы видимъ въ Германіи обширную, своеобразную рабочую печать, литературу, или, какъ ее здѣсь называютъ, рабочую прессу. Эта рабочая или соціалъ-демократическая пресса, являясь очень вліятельнымъ факторомъ въ нѣмецкой печати вообще, является еще болѣе важнымъ факторомъ въ умственной жизни самихъ рабочихъ массъ, для которыхъ она служитъ, конечно, преимущественнымъ средствомъ и развлеченія и развитія. Поэтому не лишне будетъ обратить вниманіе на развитіе, распространеніе и характеръ этой любопытной рабочей литературы.

Центральный органъ этой прессы, выходящая въ Берлинѣ ежедневная газета «Vorwärts», каждую четверть года (обыкновенный подписной срокъ въ Германіи) опубликовываетъ «состояніе» рабочей прессы. Сверхъ того на годичныхъ конгрессахъ нѣмецкой рабочей партіи вопросъ о «партійной прессѣ» служитъ всегда предметомъ болѣе или менѣе серьезныхъ обсужденій. Если мы возьмемъ данныя о состояніи рабочей печати начиная съ 1891 года, то получимъ слѣдующую таблицу:

Вся рабочая пресса распадается на двѣ большія категоріи: 1) Политическія изданія и 2) Изданія различныхъ профессіо-

нальныхъ рабочихъ организацій. Первыя называются «Politische Blätter», вторыя «Gewerkschaftsblätter».

А. Политическія изданія:

Срокъ выхода:	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1902	
	ГОДА.								
Въ недѣлю 6 разъ [1])	27	32	32	37	39	41	39	54	Число издан.
» 3 »	23	20	25	20	20	17	15	10	
» 2 »	7	6	7	9	8	9	9	4	
» 1 »	10	12	11	8	9	6	5	7	
Каждыя двѣ недѣли	1	—	—	—	—	—	—	1	
Каждый мѣсяцъ.	—	—	—	—	—	—	1	2	
	68	70	73	74	76	73	69	78	

Б. Изданія профессіональныхъ организацій:

Срокъ выхода:	1891	1892	1893	1894	1985	1896	1897	1902	
	ГОДА.								
Въ недѣлю 3 раза:	1	1	1	1	1	1	1	1	Число изданій.
» 2 »	—	1	—	—	—	—	—	—	
» 1 »	24	28	28	27	27	27	28	32	
Въ мѣсяцъ 3 »	3	3	2	2	2	—	1	2	
Каждыя 2 недѣли:	22	20	19	19	18	19	22	21	
» 3 »	—	—	—	—	—	1	—	—	
» Мѣсяцъ.	4	3	5	4	5	2	3	11	
	54	56	55	53	53	50	55	67	

Изъ приведенной таблицы А, видны перемѣны въ срокѣ выхода, а также сокращенія числа изданій. Это объясняется, конечно, требованіями цѣлесообразности и относящимися къ этому резолюціями годичныхъ конгрессовъ. Въ таблицѣ Б. замѣтно, напротивъ того, увеличеніе числа изданій, что объясняется возникновеніемъ новыхъ профессіональныхъ организацій. Въ первой таблицѣ мы видимъ также возникшій въ 1897 г. новый мѣсячный органъ. Названіе его «Bauernfreund» и предназначенъ онъ исключительно для сельскохозяйственнаго населенія. Само собою разумѣется, что потребность въ та-

[1]) Въ Германіи всѣ газеты (за однимъ-двумя печальными исключеніями), въ интересахъ воскреснаго и праздничнаго отдыха, не выходятъ въ понедѣльникъ и послѣпраздничные дни.

комъ изданіи слѣдуетъ отнести на счетъ обострившагося въ послѣднее время значенія аграрнаго вопроса въ Германіи.

Къ партійной рабочей прессѣ слѣдуетъ также отнести еженедѣльный научный журналъ «Die Neue Zeit», выходящій въ Штутгартѣ, и два юмористическихъ двухнедѣльныхъ журнала: «Der wahre Iakob» (въ Штутгартѣ) и «Der süddeutsche Postillon» (въ Мюнхенѣ). Наконецъ изъ періодическихъ изданій этого рода должно упомянуть иллюстрированное беллетристическо-научное приложеніе «Neue Welt» къ воскреснымъ нумерамъ всѣхъ ежедневныхъ рабочихъ газетъ.

Литература нѣмецкихъ рабочихъ организацій не исчерпывается этой періодической прессой: у нихъ имѣются свои книжные склады и магазины, свои книгоиздательскія фирмы. Поэтому производство, распространеніе, а слѣдовательно и потребленіе книжной и брошюрной литературы этими учрежденіями достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Не слѣдуетъ, конечно, понимать эту процедуру въ узко-партійномъ смыслѣ: выходящія изъ партійныхъ фирмъ книги и брошюры находятъ себѣ распространеніе далеко за предѣлами самой рабочей партіи, и такая, напр., фирма, какъ Штутгартская фирма Дитца, та самая, въ которой выходитъ и научный журналъ «Die Neue Zeit»,—пользуется репутаціей одной изъ крупнѣйшихъ научныхъ издательскихъ фирмъ Германіи.

Изъ партійныхъ фирмъ болѣе соціальнаго характера всего популярнѣе книжный складъ и издательская фирма «Vorwärts», находящаяся въ Берлинѣ при центральномъ органѣ того же названія. Обороты, дѣлаемые этимъ складомъ и фирмой по части изданія и сбыта рабочей литературы, достигаютъ очень крупной цифры. Эта литература большею частью состоитъ изъ брошюръ соціально-политическаго характера и предназначена служить преимущественно политическому развитію и просвѣщенію трудящихся массъ. Но въ книжномъ складѣ «Vorwärts» имѣется также и громадный выборъ изящной литературы всѣхъ странъ, въ томъ числѣ и всѣ переводы нашихъ русскихъ болѣе старыхъ и болѣе молодыхъ авторовъ.

Для удовлетворенія растущей потребности рабочихъ массъ въ повѣствовательной литературѣ издательская фирма «Vorwärts» съ начала 1897 года приступила къ изданію въ видѣ

недѣльныхъ выпусковъ наиболѣе извѣстныхъ произведеній европейской литературы. Эти недѣльные выпуски (подъ общимъ названіемъ: «In Freien Stunden», снабженные иллюстраціями, стоятъ всего 10 пфенниговъ, и уже опытъ перваго года показалъ, что предлагаемыя въ нихъ произведенія Виктора Гюго, Эркмана-Шатріана и т. п. служатъ хорошимъ противодѣйствіемъ той литературной гнили т. н. Schundliteratur; которую разнаго рода спекулянты норовятъ распространять въ рабочихъ массахъ [1]).

Рабочія газеты общаго характера по внѣшнему своему виду не отличаются отъ прочихъ ежедневныхъ «органовъ политики, литературы и общественной жизни». Здѣсь имѣются всѣ непремѣнные отдѣлы такихъ «органовъ» до фельетоннаго романа или повѣсти включительно, которые, въ противуположность русскимъ газетамъ, составляютъ непремѣнную принадлежность каждой нѣмецкой газеты (за немногими исключеніями) и тянутся обыкновенно на протяженіи цѣлой четверти года. Нѣмецкій читатель, въ особенности нѣмецкая читательница изъ низшихъ и среднихъ классовъ народа, послѣ мѣстной хроники придаетъ наибольшее значеніе der Geschichte unter dem Strich, т. е. фельетонному разсказу, и потому эти Geschichten и должны быть recht spannend, т. е. написаны съ захватывающимъ интересомъ. Ни одна газета, расчитывающая на вниманіе читателей, не можетъ поэтому обходиться безъ такого захватывающаго фельетона, который со дня на день возбуждаетъ читателя и заинтриговываетъ его любопытство на счетъ окончательнаго исхода интересной исторіи.

Со стороны внутренней рабочую прессу слѣдуетъ поставить во многихъ отношеніяхъ выше т. н. буржуазной. Она призвана служить прежде всего интересамъ рабочаго класса, не гонится за тѣми барышами, которые имѣются преимущественно въ виду прочими газетными издателями, а потому избѣгаетъ той неразборчивости въ средствахъ, какая необхо-

[1]) Съ 1901 года началъ сверхъ того выходить въ Дрезденѣ двухнедѣльный литературный и популярно-научный журналъ «Die Hütte», очень скоро завоевавшій себѣ широкія симпатіи. Сюда же можно отнести и различныя календарныя изданія, представляющія обыкновенно интересные литературно-научные сборники.

дима для газетной рекламы и газетнаго успѣха. Въ доказательство моральныхъ преимуществъ рабочей прессы передъ буржуазной можно привести отзывы такихъ безпристрастныхъ въ отношеніи къ пролетаріату судей, какъ извѣстный придворный пасторъ въ отставкѣ Штеккеръ и одинъ бреславльскій прокуроръ. И тотъ и другой публично заявили, что рабочая пресса чище, нравственнѣе, имѣя при этомъ въ виду два главныхъ отличительныхъ преимущества этого рода прессы. Во первыхъ, качество фельетонныхъ романовъ и повѣстей, для которыхъ выбираются не «захватывающія исторіи» во что бы ни стало, такъ называемые Schundroman'ы Schundverfasser'овъ, а произведенія признанныхъ корифеевъ литературы. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ не гонятся за новинками и нерѣдко печатаютъ въ фельетонѣ произведенія хотя и не молодыхъ, но безусловно извѣстныхъ авторовъ... При оцѣнкѣ моральной чистоты рабочей прессы принимается въ расчетъ во вторыхъ: крайне разборчивое отношеніе къ печатаемымъ объявленіямъ. Легко себѣ представить, до какого азарта доходитъ погоня за объявленіями буржуазной прессы! Въ виду этого отдѣлъ объявленій у многихъ газетъ представляетъ собою торжище самой бѣшеной рекламы, самаго безстыднаго спроса и самыхъ внушительныхъ предложеній. Здѣсь въ формѣ объявленій публично ведется самая нескромная переписка, а отдѣлъ такъ называемыхъ Heiratsanträge — брачныхъ предложеній, покрытыхъ инкогнито, ужъ поэтому самому внушаетъ еще большее отвращеніе къ единственно отвѣтственнымъ лицамъ—господамъ газетнымъ издателямъ. Извѣстно, что объявленія вообще, а такія объявленія въ частности, составляютъ золотое дно всякой газеты. Тѣмъ въ большую заслугу слѣдуетъ поставить органамъ рабочей прессы возведенное ими въ принципъ правило не принимать въ газету сомнительныхъ объявленій и безусловно не принимать брачныхъ объявленій.

Какъ бы въ противовѣсъ строго принципіальной и рѣзко опредѣленной соціалъ-демократической прессѣ сильно развилась въ послѣднія 10—15 лѣтъ въ Берлинѣ такъ-называемая безпартійная печать. Мы видѣли, что изъ 3.337 нѣмецкихъ газетъ 900 называли себя въ 1898 году безпартійными. Раз-

витіе этого рода печати находится, несомнѣнно, въ зависимости отъ все болѣе растущей партійно-политической дифференцировки нѣмецкаго народа. Чѣмъ мельче становится та или иная партійная группа, тѣмъ болѣе суживается и кругъ ея сторонниковъ, а слѣдовательно и читателей даннаго партійнаго органа. Это обстоятельство было очень тонко подмѣчено ловкими газетными дѣльцами, положившими начало безпартійнымъ органамъ. Главнымъ воротилой въ этой области является уже извѣстный намъ берлинскій газетный фабрикантъ Августъ Шерль; его «заведенія» приняли чисто-американскіе размѣры и въ короткое время доставили ему милліонныя богатства. Безпартійность такихъ изданій въ сущности отличается самою гибельною партійностью и служитъ школою политической безхарактерности и прихлебательства.

Сильно разрослась въ послѣднія 25—30 лѣтъ и нѣмецкая журнальная печать въ Германіи. Изъ болѣе чѣмъ 1400 недѣльныхъ и мѣсячныхъ журналовъ всякаго рода около 100 изданій носятъ общій литературно-политическій характеръ. Такіе мѣсячники, какъ «Deutsche Rundschau», «Neue Deutsche Rundschau», «Deutsche Revue», «Deutschland», «Der Türmer», «Monatschrift für das gesammte Leben», «Preussische Jahrbücher» и нѣкоторые другіе, напоминаютъ наши толстые журналы. Изъ недѣльныхъ журналовъ «Nation», «Gegenwart», «Zukunft» пользуются особою популярностью и распространеніемъ. Сюда же можно отнести «Neue Zeit», редактируемый Каутскимъ и «Socialistische Monatshefte», представляющіе оба борющіяся теченія въ соціалъ-демократической публицистикѣ.

Въ нѣмецкой драматической литературѣ, представляющей, какъ извѣстно, преобладающій жанръ художественнаго творчества въ современной Германіи, есть, между прочимъ, и двѣ пьесы, являющіяся яркою драматизаціей идеи и содержанія журнализма. Первая изъ нихъ болѣе старая—это «Die Journalisten» Густава Фрейтага, вторая же — самая новая комедія извѣстнаго и у насъ въ Россіи Отто Эрнста «Die Gerechtigkeit» (справедливость). Въ «Журналистахъ» Густавъ Фрейтагъ вывелъ, между прочимъ, характерный типъ чернильнаго кули въ лицѣ журналиста Шмока, ставшаго съ тѣхъ поръ нарицательнымъ именемъ для извѣстной категоріи публицистовъ.

Но тамъ же онъ съ полнымъ правомъ указывалъ и на ту громадную и почти безъименную массу работниковъ печати, которымъ современный культурный человѣкъ безконечно обязанъ. Стоять изо дня въ день на стражѣ всего, что творится на бѣломъ свѣтѣ, изо дня въ день доводить до свѣдѣнія народа событія культурной и общественно-политической жизни всего міра, истолковывать ему значеніе этихъ событій,—такая работа требуетъ большого напряженія мозговыхъ силъ, подкапываетъ нерѣдко здоровье журналиста раньше времени и далеко не всегда вознаграждаетъ его по заслугамъ. Въ первую пору своего правленія, Вильгельмъ II какъ-то назвалъ журналистовъ Hunger-Kandidaten; недавно-же, по поводу поѣздки своего брата въ Америку, сравнилъ ихъ съ «командующими генералами» своей арміи. Есть, конечно, и въ томъ и въ другомъ приговорѣ доля правды. Нужда и голодъ нерѣдко являются удѣломъ представителей этой свободной профессіи, этой новой державы среди всѣхъ прочихъ міровыхъ державъ. Нѣмецкая печать, особенно въ своей безпартійной части, вступила уже на широкій путь капитализаціи газетнаго промысла. Издатель и редакторъ уже не совпадаютъ болѣе въ одной персонѣ, и если на долю шефъ-редактора и перепадаетъ еще подчасъ изрядный кушъ, то на долю рядовыхъ сотрудниковъ печати достаются лишь однѣ крохи. Журналисты Фрейтага въ этомъ отношеніи уже устарѣли, а заслуга новой комедіи Отто Эрнста въ томъ и заключается, что она отражаетъ въ себѣ новѣйшую эволюцію буржуазной печати.

Противъ посягательства на доброе имя журналиста, противъ его безцеремонной эксплуатаціи капиталистически-журнальнымъ предпринимательствомъ, противъ загрязненія самой печати нечистыми элементами—нѣтъ другого средства, кромѣ уже испробованнаго другими профессіональными группами. Это именно—организація. Такихъ организацій въ средѣ работниковъ нѣмецкой печати довольно много, но эта множественность и есть ихъ слабая сторона и большой недостатокъ. Въ 1895 году была сдѣлана попытка объединить всѣ писательскія организаціи въ одинъ союзъ подъ названіемъ Verband deutscher Journalisten- und Schriftstellervereine. Во главѣ этого союза стоятъ Фр. Шпильгагенъ и редакторъ журнала «Preussische

Jahrbücher» проф. Дельбрюкъ. Въ 1900 году были основаны два союза для защиты юридическихъ правъ писателей и журналистовъ: Litterarischer Rechtschutz-Verein для охраны журналистовъ отъ такихъ, напр., полицейскихъ и судебныхъ капризовъ, какъ сковываніе арестованнаго журналиста съ уголовными арестантами, лишеніе его права собственнаго продовольствія и занятій въ тюрьмѣ, и тому подобныя милыя шутки; другой юридическій ферейнъ, Urheberschutz охраняетъ права литературной собственности. Укажу еще на «Пенсіонную кассу нѣмецкихъ журналистовъ и писателей», основанную въ Мюнхенѣ въ 1893 году, насчитывающую теперь свыше 600 членовъ и располагающую фондомъ въ 700.000 марокъ. Мы видимъ, что главнѣйшія организаціонныя начинанія среди нѣмецкихъ писателей и журналистовъ очень недавняго происхожденія, потому что и самая печать въ Германіи сравнительно недавно вступила въ фазисъ «современнаго» развитія.

Когда организуются работники печати, то не удивительно, что организуются и ея хозяева: въ 1894 г. основался ферейнъ газетныхъ издателей—Verein Deutscher Zeitungsverleger. Если эта организація и имѣетъ въ виду прежде всего интересы хозяевъ, то она все-таки не можетъ не отразиться на упроченіи организаціонной сплоченности и солидарности громадной массы тружениковъ пера. Многочисленные примѣры наглядно показали, что только благодаря организованнымъ усиліямъ и тактикѣ растетъ общественное уваженіе къ печати и ея представителямъ.

Г. Гроссманъ.

Развитіе печати въ Австріи.

«Истинную исторію страны можно найти въ ея прессѣ», говоритъ въ одномъ мѣстѣ Маколей. Если знаменитый англійскій писатель имѣлъ въ виду этимъ сказать только то, что пресса, отражающая, словно фотографическій аппаратъ, весь день жизни страны, является наиболѣе удобнымъ пособіемъ для ознакомленія съ бытомъ, нравами, идеями и взглядами, господствовавшими въ данной странѣ въ извѣстный историческій моментъ, то можно это изреченіе понимать и въ другомъ еще смыслѣ: а именно, въ томъ, что истинную исторію страны можно узнать по *исторіи* ея прессы, по тѣмъ тенденціямъ, которыя въ каждый данный моментъ проникали законодательство о печати, и отношенію къ ней со стороны тѣхъ, отъ которыхъ зависѣла ея судьба.

Всѣ главные этапы въ эволюціи политической мысли, въ расширеніи пониманія задачъ политическаго управленія, всѣ приливы и отливы въ процессѣ медленнаго завоеванія обществомъ права участвовать въ руководительствѣ своею собственною судьбою, права, которое въ теченіе столѣтій узурпировалось нерѣдко отдѣльными лицами или группами общества, — всѣ эти скачки взадъ и впередъ, которыми ознаменовался этотъ долгій процессъ, отражались раньше всего и чувствительнѣе всего на печати, которая оказывалась въ этомъ отношеніи удивительно чуткимъ барометромъ, отмѣчавшимъ даже едва замѣтныя колебанія въ давленіи общественной атмосферы.

Печать, по самой природѣ своей являвшаяся всегда рупоромъ, въ который говорило общество, и, подобно рупору, передававшая этотъ «гласъ народа» болѣе сильнымъ резонансомъ, становилась то предметомъ жесточайшихъ, безпощадныхъ го-

ній, то объектомъ ухаживаній и поощреній. Ея то боялись (самъ Наполеонъ, знавшій, какъ извѣстно, толкъ въ военномъ дѣлѣ, выразился: четыре враждебныя газеты могутъ нанести болѣе чувствительный уронъ, чѣмъ 100,000 солдатъ въ открытомъ полѣ), то считали желаннымъ союзникомъ (тому же Наполеону приписывается сдѣлавшаяся ходячею фраза о печати, какъ о «великой державѣ»; извѣстно во всякомъ случаѣ, что по поводу возникновенія газеты: «Der Rheinische Mercur», онъ выразилъ надежду, что она будетъ пятою въ «союзѣ державъ»), то считали въ высшей степени вреднымъ и ненужнымъ элементомъ. И должно было пройти много десятилѣтій со времени появленія печати, раньше чѣмъ къ ней установилось болѣе ровное отношеніе, раньше чѣмъ за нею признаны были права на существованіе и въ ней увидѣли то, что она есть, т. е., огромный «учительскій организмъ», читающій милліонамъ лекціи по всѣмъ отраслямъ знанія, пріобщающій эти милліоны къ источникамъ мысли, занимающійся ихъ гражданскимъ и политическимъ развитіемъ. Лишь постепенно въ прессѣ начинаютъ видѣть важное и необходимое дополненіе къ тому элементарному образованію, дать которое своему населенію европейскія государства сочли своею важнѣйшею обязанностью; начинаютъ понимать, что сотни милліоновъ, затрачиваемыя на это элементарное образованіе, могли бы считаться непроизводительнымъ расходомъ, если бы только этою простою грамотностью и ограничивалось воспитаніе населенія, если бы на нее нельзя было смотрѣть только какъ на основу, получающую свое дополненіе и развитіе въ возможности пріобщить это грамотное населеніе къ пріобрѣтеніямъ культуры, къ завоеваніямъ человѣческой мысли, о которыхъ это населеніе можетъ узнавать главнымъ образомъ изъ газетъ, говорящихъ съ нимъ о народномъ хозяйствѣ, о нормахъ права, объ исторіи, искусствѣ, этнографіи, успѣхахъ естествознанія, промышленности, финансахъ, отвлеченномъ знаніи и т. д.

Въ этомъ смыслѣ пресса—самый обширный народный университетъ, могуче содѣйствующій цѣлямъ самообразованія. И именно эта сторона дѣятельности прессы заставила, вѣроятно, философа Шлэцера сказать: «газеты — съ чувствомъ глубокаго почтенія произношу это слово — газеты это есть одно

изъ тѣхъ великихъ культурныхъ средствъ, благодаря которымъ мы, европейцы, сдѣлались европейцами».

Потребовалось, однако, много времени, много жертвъ и терзаній, раньше чѣмъ эта мысль, высказанная еще въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія (въ 1804 г.), сдѣлалась достояніемъ общества и тѣхъ, которые распоряжались судьбою прессы.

Еще долго послѣ этого прессу продолжали держать въ «черномъ тѣлѣ», то нѣсколько ослабляя, то еще туже затягивая узду, въ которой ее держали, то позволяя ей горѣть яркимъ свѣтомъ, то задувая этотъ свѣточъ.

Въ этой атмосферѣ неувѣренности и неожиданностей, строгихъ каръ и насильственныхъ воздѣйствій и пришлось развиваться прессѣ во всѣхъ европейскихъ странахъ, изъ коихъ однѣ раньше, другія позже, усвоили себѣ истину, высказанную Шлэцеромъ; однѣ имѣли мужество, признавъ эту истину, руководиться ею даже тогда, когда истины, высказываемыя прессою, оказывались горькими, другія, не смѣя отрицать истину шлэцеровскаго положенія, все-таки спѣшили зажимать ей въ подобныхъ случаяхъ ротъ, предпочитая тьмѣ «низкихъ истинъ» «насъ возвышающій обманъ».

Положеніе прессы, отношеніе законодательства къ ней и ея развитіе могутъ поэтому считаться однимъ изъ наиболѣе безошибочныхъ критеріевъ для опредѣленія духовнаго роста данной страны и ея мѣста среди остальныхъ культурныхъ странъ.

I.

Съ этой точки зрѣнія, различные фазисы жизни австрійской прессы и исторія ея развитія представляютъ много знаменательнаго и интереснаго не только для исторіи прессы, но и для исторіи Австріи.

Именно въ гордой монархіи Габсбурговъ, игравшей въ теченіе вѣковъ роль самаго сильнаго государственнаго организма въ Европѣ, появляются первые зачатки сначала не-періодической, а потомъ и періодической печати въ формѣ «Neue Zeitungen», «Ordinari Zeitungen», «Posttägliche Mercurius», «Ordentliche Zeitungen aus Wienn», «Reichsblätte», «Wiener Blätte» и т. п. Въ этомъ смыслѣ для исторіи евро-

пейской печати вообще не лишено интереса указаніе на то, что первая привилегія на изданіе газеты была дана именно въ Вѣнѣ. До недавняго еще времени этою первою газетною привилегіею считалась та, которая была выдана въ 1603 г. въ Антверпенѣ издателю книгъ, Абрагаму Вангелену (Van-Ghelen). Но, какъ оказывается, еще въ 1540 г., т.-е. за 63 года до того, такая же привилегія «опубликовыванія всѣхъ новостей, касающихся имперіи», была дана въ Вѣнѣ книгопечатнику Гансу Зингринеру.

Точно также и выходящая періодически газета появляется въ монархіи Габсбурговъ раньше, чѣмъ въ Антверпенѣ. Послѣдній получилъ свою первую періодическую газету въ 1621 г., а еще за 6 лѣтъ до того въ Вѣнѣ начали выходить «Ordinari Zeitungen».

Любопытно еще отмѣтить, что вообще старѣйшая изъ найденныхъ до сихъ поръ газетъ, составленная въ стихахъ и носившая названіе «Hofmär aus dem Niederland» (въ этой «Zeyttung», относящейся къ 1488 г., разсказаны были приключенія захваченнаго въ плѣнъ въ Брюгге короля Макса I), вышла изъ печатни Гана Винтербургера въ Вѣнѣ. Слѣдующія двѣ старѣйшія газеты появились: одна («L'Entrée du roy nostre sire à Romme») въ 1492 г. во Франціи, другая («Bedenknus kaiserlicher Majestät», описывающая похороны императора Фридриха III) въ 1493 г. въ Вѣнѣ. Если Германія, ссылаясь на появившуюся въ 1709 г. въ Страссбургѣ старѣйшую періодическую газету на нѣмецкомъ языкѣ («Relation aller Fürnemmen und gedenckwürdigen Historien»), и можетъ оспаривать у Австріи честь обладанія первою періодическою газетою, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что главный толчекъ для своего развитія пресса получила не въ Германіи, а въ Австріи, гдѣ можно отмѣтить первые проблески дѣйствительнаго нарожденія періодической печати.

Уже въ 1615 г. (этотъ годъ считается годомъ рожденія австрійской прессы) вѣнскому печатнику, Грегору Гельбгару, а вслѣдъ за нимъ въ томъ же году и Матіасу Формикѣ, дана привилегія «печатать прибывающія еженедѣльно ordinari und extra ordinari Zeitungen»; а въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія мы видимъ уже въ Вѣнѣ сразу три періодическихъ органа:

«Ordentliche Postzeitungen auss Wien», издававшіяся придворнымъ почтовымъ вѣдомствомъ въ видѣ еженедѣльной газеты и содержавшія свѣдѣнія о событіяхъ въ Вѣнѣ и Австріи; «Ordinari Zeitungen», появлявшіяся также еженедѣльно размѣромъ въ полъ-листа и содержавшія исключительно иностранныя извѣстія; и «Ordentliche Zeitungen auss Wien». приносившія также еженедѣльно главнымъ образомъ придворныя извѣстія.

И самый фактъ появленія этихъ газетъ именно въ Вѣнѣ, да и характеръ этихъ первыхъ періодическихъ газетъ вполнѣ объясняются тою ролью, которую тогда играла въ политической жизни Европы Вѣна, бывшая самою блестящею европейскою столицею, мѣстомъ частыхъ съѣздовъ коронованныхъ особъ и европейской аристократіи, рѣшавшихъ здѣсь судьбы Европы, городомъ съ богатымъ бюргерствомъ, стоявшимъ близко къ общественнымъ событіямъ того времени.

Но это блестящее (для того времени) начало мало соотвѣтствовало дальнѣйшему развитію печати въ Австріи, гдѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, ощущалось отсутствіе главнаго условія, необходимаго для такого развитія: почвы для самодѣятельности и самостоятельности.

Австрійская печать, какъ въ самомъ началѣ своего появленія, такъ и много времени спустя, была насажденіемъ придворнаго вѣдомства и оффиціальныхъ сферъ, которыя считали поэтому себя вправѣ распоряжаться этимъ своимъ дѣтищемъ по своему усмотрѣнію; то баловали ее и поощряли привилегіями, то сурово наказывали. Газетѣ свыше предначертано было, о чемъ писать и какъ писать, чего касаться и чего не касаться. Независимыхъ отъ этихъ придворныхъ вліяній проявленій жизни Австрія того времени и совсѣмъ не знала: ни тѣхъ начатковъ парламентаризма, которые были живы въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, ни начатковъ городского самоуправленія, ни публичныхъ засѣданій земскихъ чиновъ, ни гласнаго суда. И подобно тому, какъ австрійское населеніе вообще пріучено было во всемъ полагаться на милость и гнѣвъ высшаго начальства и жить подъ постоянною опекою, такъ и печать австрійская съ самаго начала своего существованія пріучилась «кормиться изъ рукъ» своихъ благодѣтелей. Грозы.

разразившіяся надъ нею въ видѣ немилости благодѣтелей и цензурныхъ каръ, были для нея поэтому тѣмъ страшнѣе и способны были совершенно заглушить ея слабый голосъ. Но поэтому же и въ тѣ благопріятные для печати промежутки, когда начальство по тѣмъ или инымъ соображеніямъ къ ней «благоволило», не могла появиться сознательная, сильная печать, у которой хватило бы силы устоять передъ набѣгавшей черезъ нѣкоторое время бурею.

Въ теченіе долгаго времени въ Австріи существовала поэтому только та печать, которую взрастило правительство, проявлявшее особыя заботы объ этомъ въ началѣ XVIII в.

Газетнымъ предпринимателямъ тогда дѣлались весьма щедрые посулы, и въ 1703 г. фирма Гелена (Ghelen) въ Вѣнѣ начинаетъ издавать газету: «Posttäglicher Mercurius», выходившій правильно примѣнительно къ «почтовымъ днямъ», которыхъ тогда было два въ недѣлю, вслѣдствіе чего и газета выходила два раза въ недѣлю.

Въ томъ же году владѣлецъ придворной типографіи, Шенветтеръ, начинаетъ издавать газету «Wienerischer Diarium», которая въ 1724 г. получаетъ характеръ оффиціальнаго органа и переименовывается въ 1789 г. въ «Wiener Zeitung», подъ каковымъ названіемъ она существуетъ до сихъ поръ въ качествѣ оффиціальнаго органа вѣнскаго правительства.

Правительствомъ же основаны и многіе провинціальные органы, какъ «Linzer Zeitung», «Innsbrucker Zeitung», «Laibacher Zeitung», «Prager Zeitung», «Osservatore Triestino», «Grazer Zeitung» и др.

Но само собою разумѣется, что этими оффиціальными органами, въ которыхъ проводились только взгляды и желанія правительства, далеко не всѣ круги общества могли удовлетвориться. На подмогу имъ поэтому появились уже довольно скоро главнымъ образомъ «рукописныя газеты», получившія довольно сильное развитіе. Но еще болѣе сильное развитіе получили журналы, которые могли выбирать менѣе опасныя въ цензурномъ отношеніи формы для проведенія въ общество взглядовъ и понятій, считавшихся вредными съ точки зрѣнія политической и, еще болѣе, духовной цензуры того времени.

Уже въ 1727 г. начинаетъ издаваться журналъ «Das Merkwürdige Wienn», введшій въ кругъ обсужденія «достопримѣчательностей» самыя разнообразныя стороны жизни и пропагандировавшій въ этихъ обсужденіяхъ философскіе взгляды современниковъ и научные выводы того времени.

Эту же цѣль преслѣдовали журналы: «Wienerische gelehrte Nachrichten», «Oesterreichischer gelehrte Anzeiger», издававшійся франк-масонской ложею журналъ «Работы въ области физики». Особенно большія услуги въ этомъ направленіи оказала «Realzeitung der Wissenschaften, Künste und Commerzien», которая помѣщала на своихъ столбцахъ работы выдающихся ученыхъ по всѣмъ областямъ знанія и практической жизни.

Въ болѣе популярной формѣ преслѣдовали ту же цѣль распространенія просвѣщенныхъ взглядовъ и здравыхъ понятій различные беллетристическіе журналы. какъ «Spectator» (въ 1752 г.), «Der Mann ohne Vorurtheil», «Die Welt» и др., въ которыхъ выдающійся публицистъ того времени, Зонненфельзъ, уже повелъ борьбу противъ привилегій аристократіи, противъ отношеній феодаловъ къ закрѣпощенному крестьянству, противъ цеховыхъ стѣсненій; въ этихъ еженедѣльникахъ уже начали раздаваться требованія освобожденія крестьянъ; въ нихъ же популяризировались новые взгляды на искусство, мораль общественныя отношенія.

Но если и эти періодическія изданія, не касавшіяся самыхъ жгучихъ вопросовъ, оказывались въ конфликтахъ съ цензурою, то для газетъ, которыя желали бы касаться интересовавшихъ многихъ политическихъ вопросовъ, совсѣмъ не было мѣста въ это время. Отвѣтъ на эти запросы можно было найти, какъ уже упомянуто, только въ «рукописныхъ газетахъ», которыя имѣли достаточно широкій кругъ читателей и продолжали существовать, несмотря на строгія наказанія, постигавшія издателей этихъ газетъ, и высокія награды, которыя обѣщаны были «вмѣстѣ съ сокрытіемъ именъ» доносчикамъ, наводившимъ администрацію на слѣдъ этихъ газетъ.

Существованіе этого суррогата политической печати, знаменующее на самомъ дѣлѣ отсутствіе дѣйствительной политической печати, было все, въ чемъ могла проявиться политическая мысль.

Такъ продолжалось до наступленія эпохи «просвѣщеннаго абсолютизма», явившагося новою эрою и для прессы.

Въ 1781 г. появился знаменитый патентъ о цензурѣ императора Іосифа II, нѣкоторыя узаконенія котораго, относящіяся къ первому періоду его царствованія и впослѣдствіи отмѣненныя, и теперь еще являются лишь pia desideria для австрійской печати.

«Критики, если это только не грубые памфлеты, не могутъ быть запрещаемы, кого бы онѣ ни касались, начиная съ главы государства и кончая послѣднимъ подданнымъ, ибо всякій, желающій знать правду, можетъ только радоваться, узнавая ее этимъ путемъ», говорилось въ этомъ патентѣ. «Цѣлыя сочиненія и періодическія изданія не могутъ быть запрещаемы изъ-за отдѣльныхъ признаваемыхъ неудобными мѣстъ». «...Газеты... должны подвергаться совѣтомъ только краткому просмотру и снабжаться разрѣшеніемъ на печатаніе».

Конфискація газеты подлежала обжалованію, и если конфискація газеты признавалась высшею инстанціею недостаточно обоснованною, то цензоръ, распорядившійся конфисковать газету, присуждался къ возмѣщенію убытковъ, нанесенныхъ этою конфискаціею издателю.

Прежніе цензурные комитеты въ отдѣльныхъ областяхъ были уничтожены, и дѣла о цензурѣ (книгъ по преимуществу) подчинены центральнымъ учрежденіямъ, получившимъ точныя инструкціи относительно предѣловъ принадлежащей имъ власти.

Черезъ 6 лѣтъ новымъ декретомъ разрѣшено печатать книги безъ предварительной цензуры, и признано право свободнаго распространенія произведеній печати; право, впослѣдствіи отмѣненное вмѣстѣ съ другими правами и до сихъ поръ не возстановленное, несмотря на всѣ домогательства австрійской печати.

Результатъ этихъ вѣяній не заставилъ себя долго ждать. Уже въ 1782 г. появляется въ Вѣнѣ первая *ежедневная* газета («Auszug Aller Europäischen Zeitungen»); въ 1786 г. двѣ такихъ газеты, изъ коихъ одна, выходившая даже два раза ежедневно («Wiener Früh- und Abend-Blatt), обѣщаетъ ежедневно давать извлеченія изъ 22 главныхъ европейскихъ га-

зетъ того времени, издававшихся уже въ Франкфуртѣ, Аугсбургѣ и др.

Не менѣе 90 газетъ было основано въ теченіе 9 лѣтъ послѣ появленія этого знаменитаго патента въ Австріи, въ которой вдругъ появилось 50 политическихъ газетъ и множество журналовъ и газетъ безъ политической окраски.

Но эта «эра ликованій» продолжалась недолго. Изъ Франціи начали доноситься извѣстія, заставившія насторожиться остальныя европейскія правительства. Право «свободной критики», въ которой императорскій рескриптъ 1781 г. видѣлъ еще такое цѣнное пособіе для общественнаго развитія, начинаетъ казаться чрезвычайно опаснымъ оружіемъ, которое необходимо изъять изъ рукъ, пользовавшихся имъ. Это право начинаетъ постепенно ограничиваться, при чемъ правительство ссылается на злоупотребленіе печатнымъ словомъ. Нѣкоторая доля справедливости была, нужно сознаться, въ этихъ ссылкахъ, такъ какъ внезапно освобожденная отъ оковъ австрійская печать, можетъ быть, и не умѣла правильно пользоваться ею въ первый моментъ.

Во всякомъ случаѣ вѣрно, что привычная ходить «на помочахъ» австрійская печать оказалась не совсѣмъ способною двигаться самостоятельно на первыхъ порахъ и не создала ничего крупнаго, породивъ въ то же время множество эфемерныхъ и легкомысленныхъ изданій.

Однако, на основаніи этого опыта, трудно было бы сказать что-нибудь опредѣленное о жизнеспособности австрійской печати, такъ какъ продолжался этотъ опытъ слишкомъ недолго.

Уже въ 1790 г. появляется императорскій декретъ, опредѣляющій, что «все, способное нарушить покой, вызвать заблужденіе, разъединеніе, расколъ, ослабить чувство повиновенія къ монарху, вызвать менѣе ревностное отношеніе къ гражданскимъ и религіознымъ обязанностямъ, всякія книги и сочиненія подобнаго содержанія... должны быть скорѣе запрещаемы, чѣмъ разрѣшаемы. Сообразно съ этими основными положеніями должны быть впредь запрещаемы всѣ сочиненія, подвергающія критикѣ или порицанію правительственныя распоряженія... отнюдь не должны быть разрѣшаемы книги, не-

почтительно говорящія о церкви, ея служителяхъ и религіозныхъ учрежденіяхъ.

Декретомъ придворной канцеляріи (1792 г.) вновь возстановлена цензура въ ея прежнихъ формахъ; послѣ чего слѣдуетъ одинъ за другимъ множество декретовъ. все болѣе и болѣе ограничивающихъ область вопросовъ, которыхъ можетъ касаться печать. Къ 1795 г. этихъ запретительныхъ распоряженій накопилось такъ много, что правительство сочло нужнымъ издать особый «Указатель запрещеннаго», который могъ бы служить путеводною нитью въ лабиринтѣ запрещенныхъ вопросовъ. Но запрещенія продолжали и послѣ этого сыпаться, какъ изъ рога изобилія.

Общій тонъ отношенія къ печати въ то время лучше всего характеризуется мотивами, сопровождающими одинъ изъ декретовъ того-же императора Іосифа, который такъ недавно еще видѣлъ въ печати возможность приходить въ соприкосновеніе съ правдою, которую нерѣдко стараются скрыть. Мотивы эти приведены въ декретѣ, повелѣвающемъ обложить газеты налогомъ въ размѣрѣ полу-крейцера на каждый экземпляръ газеты, и гласятъ, что мѣра эта принимается для того «чтобы поумѣрить *писакъ* (die Scribler), наплодившихъ со времени объявленія свободы печати столько безсмыслицъ и нелѣпаго вздора...»

Въ виду такого отношенія къ печати всѣ мѣры, способныя нанести ей ущербъ, считались теперь допустимыми; газетамъ не только запрещено было новымъ декретомъ въ 1803 г. избѣгать даже упоминаній о правительственныхъ дѣйствіяхъ безъ особаго на то разрѣшенія или приглашенія, но имъ старались нанести матеріальный ущербъ; этой цѣли должно было служить запрещеніе владѣльцамъ кофеенъ держать газеты (кофейни уже въ то время были въ Вѣнѣ главными читальнями), равно какъ и вышеупомянутый налогъ на газеты. Кромѣ того, частныя газеты лишены были права печатать объявленія.

Не трудно себѣ представить, какъ всѣ эти мѣры отразились на и безъ того чахлой прессѣ того времени. Даже тѣ немногія газеты, которыя увидѣли свѣтъ въ періодъ примѣненія «просвѣщеннаго абсолютизма», начали быстро хирѣть. Только пара-другая степенныхъ ежемѣсячниковъ могли еще кое-какъ существовать.

Безпечальное житье вели исключительно изданія и изданьица, ушедшія всецѣло въ болтовню и сплетню на тему о театрѣ, артистахъ и артисткахъ, легко прохаживавшіяся насчетъ искусства и литературы. Эти газеты, развлекавшія и забавлявшія, главнымъ-же образомъ отвлекавшія вниманіе отъ общественной и политической жизни, были въ особомъ фаворѣ, и лукавый, мрачный Меттернихъ впослѣдствіи на примѣрѣ этихъ понижавшихъ духовный уровень читателей изданій поучалъ своихъ коллегъ, германскихъ министровъ, какъ нужно взяться за дѣло, чтобы умѣючи держать населеніе въ сторонѣ отъ насущныхъ для него вопросовъ политической и общественной жизни.

Съ этимъ зломъ, корни котораго нужно искать въ этой умышленной деморализаціи населенія, серьезной части австрійской прессы пришлось потомъ вести долгую борьбу, борьбу, которая до сихъ поръ еще не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ нездоровое любопытство, стремленіе разнюхивать тайны закулисной жизни, будуаровъ и альковъ, и интересоваться только этимъ, сдѣлалась второй натурой австрійцевъ, характеръ которыхъ систематически растлѣвала нездоровая, деморализованная пресса эпохи «гоненій на печать».

Роль общественно-политическихъ газетъ исполняли въ теченіе всего этого времени оффиціальные органы Вѣны и главныхъ областныхъ городовъ (родъ казенныхъ «губернскихъ вѣдомостей»), которые старались искупить скуку своего содержанія и привлекать къ себѣ читателей, недовѣріе которыхъ къ казенной лирикѣ и оффиціальному паѳосу ни для кого не было тайною, неоффиціальными литературными прибавленіями, которыя являлись самою интересною частью этихъ газетъ и сдѣлались даже любимымъ чтеніемъ для многихъ.

Политическое любопытство населенія опять должны были удовлетворять рукописныя газеты.

Лишь жестокій разгромъ при Ваграмѣ, заставившій правительство искать сближенія и болѣе тѣснаго общенія съ народомъ, вызвалъ снова благоволеніе къ загнанной и поруганной прессѣ, въ которой опять увидѣли незамѣнимаго посредника между правительствомъ и народомъ.

Въ исторіи австрійской печати 1810-ый годъ отмѣченъ поэтому весьма лестнымъ для прессы рескриптомъ.

«Ни одинъ лучъ свѣта, откуда-бы онъ ни исходилъ, говорится въ этомъ декретѣ, не долженъ впредь оставаться незамѣченнымъ въ монархіи; сочиненія (на этотъ разъ говорится уже о *Schriften*, а не о Scribler'ахъ), занимающіяся вопросами государственнаго управленія вообще, равно какъ и отдѣльными отраслями его, вскрывающія ошибки и неудачи, указывающія улучшенія и намѣчающія пути для достиженія государствомъ выгодъ, освѣщающія событія прошлаго, не должны быть запрещаемы «безъ достаточнаго на то основанія», даже если основные взгляды и мнѣнія автора не совпадаютъ съ взглядами и мнѣніями администраціи».

«Безъ достаточныхъ на то основаній». Это одинъ изъ тѣхъ коварныхъ оборотовъ, которыми уснащаются почти всегда самые лучшіе австрійскіе законопроекты и которыми сводится «на нѣтъ» все прекраснодушіе, вложенное въ эти благія намѣренія.

И въ данномъ случаѣ оговорка «безъ достаточныхъ на то основаній» открывала широкія двери административному произволу, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за этимъ благолѣпнымъ декретомъ, всенародно опубликованнымъ, полетѣли негласныя предписанія въ соотвѣтствующія учрежденія съ напоминаніями о необходимости зорко слѣдить за печатью.

Но какъ-бы то ни было, печать могла все таки легче вздохнуть.

Оставить прессу безъ опеки правительство и теперь не думало; оно, наоборотъ, имѣло въ виду воспользоваться печатью для оказыванія давленія на общественное мнѣніе. Но оно сознавало уже, что для этого необходимо, чтобы печать имѣла, по крайней мѣрѣ, видъ свободной и независимой, такъ какъ въ противномъ случаѣ населеніе будетъ относиться къ ней съ вполнѣ понятнымъ недовѣріемъ.

И тотъ-же самый Меттернихъ, который относился съ величайшимъ презрѣніемъ къ общественному мнѣнію и его выразителю, прессѣ, старается теперь создать съ виду независимый, на самомъ-же дѣлѣ инспирируемый правительствомъ, органъ.

Дѣло это Меттернихъ поручаетъ своему фактотуму, извѣстному тогда публицисту фонъ-Генцу, который былъ правою

рукою Меттерниха, составлялъ для него его знаменитыя exposés и памятныя записки европейскимъ кабинетамъ и т. п. При содѣйствіи фонъ-Генца и основывается въ 1810 г. газета «Oesterreichischer Beobachter», первая въ Вѣнѣ въ настоящемъ смыслѣ слова крупная политическая газета подъ редакторствомъ Фридриха Шлегеля, имѣвшаго своими сотрудниками извѣстныхъ ученыхъ и писателей.

Около этого времени возникаютъ въ Вѣнѣ и другія газетныя предпріятія; даже въ провинціи публицистика дѣлаетъ первые серьезные шаги.

Мы уже говорили, что очень долгое время провинціи пришлось довольствоваться почти исключительно оффиціальными органами, основанными правительствомъ въ столицахъ разныхъ областей. Нужно еще указать на тѣ особенности этой провинціальной прессы, которыя были вызваны исключительными условіями Австріи, въ составъ которой вошло нѣсколько народностей, т. е. на національный характеръ этой провинціальной прессы.

Въ Прагѣ, гдѣ уже въ началѣ XVI в. появлялись всевозможныя не періодическія «Neue Zeitungen» и «Relationen» на нѣмецкомъ языкѣ, мы видимъ въ XVII в. чешскую газету «Pražské Poštovské Noviny», издававшіяся въ пятидесятыхъ годахъ этого вѣка (первые слѣды этой газеты затерялись) на основаніи спеціальной привилегіи, выданной Седльчанскому и перешедшей потомъ къ фонъ-Доброславину. Другою старѣйшею пражскою газетою считается нѣмецкая «Prager Zeitung», первые нумера которой относятся къ 1744 г., когда она называлась еще «Prager Postzeitung» (предполагаютъ, что газета эта начала издаваться значительно раньше вмѣстѣ съ вышеупомянутою чешскою).

Лишь въ 1789 г. появляется вторая газета на чешскомъ языкѣ подъ названіемъ «Wlastenské Noviny», Изъ замѣтныхъ газетъ на чешскомъ языкѣ (до 1848 г.) слѣдуетъ еще указать на издававшіяся въ Вѣнѣ Громадкою «Widenské Noviny» и «Pražský Posel» въ Прагѣ.

Болѣе сильное развитіе получила итальянская печать; языкъ этотъ пользовался фаворомъ при дворѣ и въ высшей аристократіи, и среди первыхъ вѣнскихъ газетъ мы видимъ уже

итальянскую газету: «Il corriere ordinaro», начавшую выходить въ 1671 г. (два раза въ недѣлю). Впослѣдствіи въ Вѣнѣ же издавалась «Foglietto di Vienna».

Изъ издававшихся на польскомъ языкѣ газетъ (до 1848 г.) можно отмѣтить «Goniec Krakowski» и «Kurjer Krakowski», равно какъ и издававшійся въ Львовѣ портнымъ Кульчицкимъ «Dziennik mód paryskiech», который умѣлъ подъ этимъ невиннымъ флагомъ говорить не только о литературныхъ, но и о политическихъ злобахъ дня.

На русинскомъ языкѣ до 1848 г. никакихъ политическихъ газетъ не было.

Зато въ Вѣнѣ издавалось нѣсколько газетъ на сербскомъ («Novine Srbske») и на греческомъ языкахъ, отстаивавшихъ національные интересы этихъ народностей.

Эти зародыши публицистики, которые, можетъ быть, оказались-бы въ состояніи пустить глубокіе корни и дать всходы, не получили, однако, дальнѣйшаго развитія.

Успокоившись послѣ разгрома 1810 г., правительство опять начало зажимать ротъ печати и всячески донимать ее. Налогъ на газеты (штемпель) былъ поднятъ до 1, 2 и 3 крейцеровъ съ каждаго экземпляра газеты; запрещеніямъ не было конца. Кое-какъ могли еще существовать литературные и профессіональные журналы, не касавшіеся прямо политическихъ темъ, но говорившіе на эти темы «эзоповскимъ языкомъ», и этимъ не дававшіе окончательно заглохнуть интересу къ вопросамъ общественности.

Вольготно жилось въ это время только такимъ изданіямъ, какъ «Theater-Zeitung» Бейерле (Bäuerle) и «Humorist» Сафира, пошлымъ и безцеремоннымъ, потакавшимъ низменнымъ вожделѣніямъ улицы. Политическимъ газетамъ пришлось совершенно почти исчезнуть съ австрійскаго горизонта. Въ 1829 г. Австрія могла уже имѣть около 50 политическихъ газетъ, расходившихся въ количествѣ $3^1/_2$ милліоновъ экземпляровъ ежегодно, согласно оффиціальнымъ даннымъ (не считая оффиціальныхъ органовъ).

Черезъ 50 лѣтъ, въ 1897 г., въ Австріи было, благодаря заботливымъ попеченіямъ цензуры, всего только 79 періодическихъ изданій, изъ коихъ лишь 19 политическихъ, да и изъ

этихъ 19 политическихъ органовъ 12 были оффиціальными органами, какъ утверждаетъ историкъ австрійской печати. Е. Ценкеръ. По другимъ же указаніямъ (Винклеръ), всѣ эти 19 политическихъ органовъ носили оффиціальный характеръ, и развѣ только два изъ нихъ—«Oesterreichischer Beobachter» и «Journal des oesterreichischen Lloyd» въ Тріестѣ—замаскировавши свою зависимость отъ правительства, могли казаться независимыми органами.

Въ этомъ немощномъ и изуродованномъ видѣ австрійская печать доплелась до 1848 г., давшаго Австріи вмѣстѣ съ новыми устоями политической и общественной жизни и новую печать.

II.

«Если-бы мы писали наши анналы фигурными изображеніями, говоритъ авторъ одного очерка, посвященнаго австрійской прессѣ, Г. Рихтеръ, то иллюстраціею къ положенію домартовской прессы въ Австріи могла-бы служить фигура журналиста, брошеннаго со скованными руками и ногами въ казематъ крѣпости».

«Вѣнская журналистика до-мартовскаго періода и та же журналистика въ 1848 г.—вещи столь-же различныя, сколь механическая игрушка и органъ съ сотнями шумящихъ и играющихъ валиковъ, сколь искусственно запруженный мельничный прудъ и дикій горный потокъ», говоритъ Ценкеръ.

А въ другомъ мѣстѣ этотъ же писатель замѣчаетъ: «Если подъ прессою понимать не просто листъ бумаги съ напечатанными извѣстіями, а органъ общественнаго мнѣнія, какъ мы привыкли понимать, то дѣйствительно датою рожденія австрійской прессы должно считать, несмотря на ея древнее прошлое, всего только мартъ 1848 г.».

Съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ согласны и всѣ другіе историки австрійской прессы (Winckler, Helfert и др.), ведущіе лѣтопись современной печати въ Австріи отъ 1848 г., несмотря даже на то, что свобода, дарованная печати въ 1848 г., еще въ томъ же году была и отмѣнена.

Но, подобно тому какъ и весь государственный строй Австріи, несмотря на всѣ вспышки реакціи послѣ 1848 г.,

вспышки, иногда горѣвшія очень долго зловѣщимъ свѣтомъ, не могъ уже вернуться къ до-мартовскому режиму, а продолжалъ развиваться въ направленіи, данномъ толчкомъ 1848 г.,— такъ и печать австрійская, несмотря на всѣ невзгоды, которыя ей пришлось испытать послѣ 1848 г., не могла уже быть окончательно стерта съ лица земли и, поваленная на земь сегодня, поднималась съ удвоенною силою завтра.

Уже за долго до бурныхъ событій 1848 г. въ Австріи поднимался громкій ропотъ по поводу стѣсненій печати, лишавшихъ возможности гласно и всесторонне обсуждать выдвинутые жизнью на очередь вопросы. Среди всѣхъ классовъ общества, въ томъ числѣ и среди высшей аристократіи было не мало лицъ, предостерегавшихъ правительство и напоминавшихъ ему, что именно въ автократической странѣ печать является наиболѣе удобнымъ мостомъ для сношеній между правительствомъ и населеніемъ; что гоненія на печать именно и вызываютъ широкое распространеніе запрещенной литературы; что идеи и программы, пропагандируемыя этими запрещенными изданіями, остаются безъ возраженій со стороны людей, практически участвующихъ въ общественной жизни; что, поэтому, въ интересахъ же государственнаго порядка необходимо допустить свободное обсужденіе общественныхъ вопросовъ.

Но правительство, напуганное событіями во Франціи, не хотѣло слышать ни о какихъ реформахъ, видѣло даже въ самыхъ умѣренныхъ, съ необходимостью вытекавшихъ изъ окружающихъ условій требованіяхъ реформъ предтечу революціи. Оффиціальнымъ органамъ поручено было освѣщать европейскія событія такимъ образомъ, чтобы для всякаго ясно было, какое счастье быть австрійско-подданнымъ и не знать бурь, пронесшихся надъ другими странами.

И оффиціозы такъ усердствовали въ этомъ направленіи, что правительство само начинало вѣрить въ эти фальсифицированныя реляціи, неизмѣнно гласившія, что въ Австріи «все благополучно». За то тѣ, которые понимали и чувствовали, что далеко не «все благополучно», тѣмъ настойчивѣе домогались предоставленія печати права освѣщать общественныя явленія не только съ этой односторонней точки зрѣнія. И чѣмъ болѣе свирѣпствовалъ Меттернихъ, душившій всякое проявленіе сво-

бодной мысли внутри самой Австріи и окружившій ее кордономъ, за который не пропускались ни Берне, ни Гейне, ни Гервегъ, ни издававшаяся въ то время въ Германіи «всемірная исторія» или «энциклопедическій словарь», тѣмъ громче становилось требованіе: свобода печати! Это требованіе повторяется въ цѣломъ рядѣ петицій, обращенныхъ къ монарху; въ резолюціяхъ, принимавшихся въ различныхъ областныхъ сеймахъ; оно выставляется, какъ первое и главное, въ день 13-го марта, которымъ начинается движеніе 1848 г. въ Австріи.

Уже въ 1845 г. группа вѣнскихъ журналистовъ обращается къ императору съ петиціею въ этомъ смыслѣ, подъ которою подписались 29 извѣстныхъ писателей, въ томъ числѣ такіе представители высшей аристократіи, какъ графъ Ауерспергъ, князь Шварценбергъ, графъ Коллоредо, которыхъ трудно было заподозрить въ увлеченіи крайними идеалами.

Въ 1847 г. съ подобною же петиціею обращаются «земскіе чины» Богеміи, указывающіе, что «свободное, серьезное и достойное обсужденіе всѣхъ вопросовъ внутренней жизни страны... несомнѣнно становится все болѣе настоятельною необходимостью; несомнѣнно также, что это—единственный и самый вѣрный путь для того, чтобы пріучить населеніе къ ясному и самостоятельному сужденію, которое вмѣстѣ съ довѣріемъ, поселяемымъ такимъ порядкомъ вещей, составитъ самый сильный оплотъ противъ неосновательной и клеветнической критики».

Такія же резолюціи принимаетъ и нижне-австрійскій сеймъ «земскихъ чиновъ».

Въ отвѣтъ на всѣ эти петиціи устанавливается декретомъ отъ 14 янв. 1848 г. новый законъ о цензурѣ, коимъ учреждается: оберъ-дирекція цензуры и верховная цензорская коллегія. Эта послѣдняя, въ которую входятъ представители высшей администраціи (по вѣдомству полиціи, министерства двора и министерства юстиціи), облекается полномочіями высшей инстанціи, разбирающей жалобы на постановленія низшей инстанціи.

Но даже эта ничтожная уступка сейчасъ-же ограничивается дополнительными постановленіями, въ силу которыхъ не принимаются во вниманіе такія жалобы, которыя касаются

1) статей, предназначенныхъ для журналовъ, ежедневныхъ газетъ и летучихъ листковъ не чисто-научнаго характера 2) или отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій, не пропущенныхъ цензурою 3) или когда не представлено достаточно вѣскихъ доводовъ въ пользу желательности опубликованія запрещеннаго.

Немногіе, какъ изъ этого видно, могли воспользоваться этою милостью законодателя. Вслѣдъ за опубликованіемъ этого закона, вѣнскіе книгоиздатели и обращаются поэтому немедленно къ императору съ новою петиціею, на этотъ разъ составленною въ формѣ: «Отче нашъ». Къ этой петиціи снова присоединяются вѣнскіе журналисты и писатели.

6-го марта того же года съ петиціею, въ которой на первомъ планѣ выставлено требованіе свободы печати, обращается къ «земскимъ чинамъ» вѣнскій «ремесленный ферейнъ»; 11-го марта подаютъ «земскимъ чинамъ» подобнаго же рода массовую петицію вѣнскіе бюргеры, покрывшіе эту петицію множествомъ подписей; въ этотъ же день петиція въ этомъ смыслѣ подается депутаціею отъ имени студентовъ эрцгерцогу Людвигу.

Этотъ же вопросъ рѣшили поставить на очередь и созванные на 13-е марта на обычную сессію въ Вѣнѣ «земскіе чины».

Адресъ этотъ составленъ въ самыхъ глубокихъ вѣрноподданническихъ выраженіяхъ и указываетъ на примѣръ императора Іосифа II, который «разрѣшилъ открытое, свободное обсужденіе всѣхъ, въ томъ числѣ и государственныхъ, отношеній, откровенныя заявленія относительно имъ самимъ созданныхъ учрежденій, критику его законовъ, даже порицаніе его правительственной системы, такъ какъ признавалъ основной принципъ, согласно которому вѣчная истина выходитъ побѣдительницей изъ всякой борьбы, что доброе, несмотря даже на ядовитѣйшія нападки, не можетъ быть надолго подавлено»... «Ваше величество! продолжаетъ адресъ, это болѣе свободное развитіе прессы не ослабило любви и привязанности австрійцевъ къ вашему царствующему дому и къ государству... Даже времена тяжелыхъ испытаній и несчастій, постигшихъ страну, не поколебали этой вѣрности и преданности. Ваше величество! ваши австрійцы—вѣрный, испытанный въ вѣрности

народъ, достойный вашей любви, достойный также вашего довѣрія. Тѣмъ болѣзненнѣе должны они ощущать, тѣмъ глубже должно ихъ оскорблять, что они не вполнѣ осчастливлены такимъ довѣріемъ. Мы. вѣрноподданные «чины» вашего величества, изъ практики знающіе желанія вашего народа, знакомые съ нуждами этого народа, среди котораго мы живемъ, раздѣляющіе его интересы, осмѣливаемся откровенно повергнуть къ стопамъ трона заявленіе, что въ распоряженіяхъ вашихъ правительственныхъ органовъ относительно тщательнаго контроля надъ всякимъ проявленіемъ дѣятельности, хотя бы касающимся содѣйствія общеполезнымъ учрежденіямъ, въ неослабномъ надзорѣ за ихъ жизнью, въ узкихъ границахъ, отмежеванныхъ свободѣ движенія, и раньше всего въ запрещеніи живого духовнаго общенія посредствомъ стѣснительной цензурной системы, — въ этомъ ваши подданные видятъ проявленіе недовѣрія. которому никогда не должно было бы быть мѣста между вашимъ трономъ и сердцами вашего народа... Болѣе высокая культура нашего времени сблизила отдѣльныя сословія, которыя раньше были отдѣлены другъ отъ друга, сдѣлала богатыхъ болѣе чувствительными къ нуждѣ бѣдныхъ, привела къ тому, что мѣсто грубой силы начинаетъ занимать власть разума, и всѣ вопросы, разрѣшавшіеся раньше силою оружія, начинаютъ получать мирное рѣшеніе.

«Но способность къ воспріятію такого участливаго отношенія и укрѣпленіе этихъ чувствъ существенно зависитъ отъ возможности свободно пропагандировать ихъ словомъ и печатью... Ваше величество! Мы не отрицаемъ, что при такой свободѣ возможны злоупотребленія... Но предвѣчные законы природы необходимо таковы. что въ самомъ злѣ скрыто и исцѣленіе, что злое побѣждается благимъ... Если при современномъ положеніи дѣлъ обсужденіе общественныхъ вопросовъ, возможное только въ запрещенной прессѣ. сопровождается чрезмѣрными нападками, то это извращеніе, а не необходимое слѣдствіе свободы печати, извращеніе возможное лишь тогда, когда разумная и умудренная опытомъ часть населенія, истинные друзья отечества. лишены возможности принимать участіе въ борьбѣ словомъ и перомъ...

«Всемилостивѣйшій императоръ! Ваши вѣрноподчиненные

«чины» позволяютъ себѣ выразить откровенное заявленіе, заявленіе, основанное на опытѣ десятилѣтій, раздѣляемое государственными дѣятелями и писателями, спокойными учеными и непредубѣжденными бюргерами, — а именно, что цензурная система задерживаетъ свободное развитіе духовной дѣятельности, ограничиваетъ проявленіе любви къ отечеству, уничтожаетъ возможность основательнаго обсужденія важнѣйшихъ интересовъ; и, къ тому же, эта система нисколько не приводитъ къ намѣченной цѣли, т.-е., къ устраненію возможности злоупотребленій неблагонамѣренной прессой... Ни одно государственное учрежденіе не лишено въ такой мѣрѣ возможности установить границы между законностью и произволомъ; ни одно не предоставлено въ такой мѣрѣ вліянію личныхъ взглядовъ, ни одно не вынуждено такъ часто наносить ущербъ благому, при всемъ желаніи устранять лишь злое, какъ институтъ цензуры; ни одно не осуждено на столь незначительный успѣхъ при преслѣдованіи своихъ цѣлей, какъ именно цензура, несмотря на обширныя мѣры, предоставленныя въ ея распоряженіе. Ибо фактъ, что запрещенныя сочиненія всюду печатаются, всѣми читаются и неудержимо распространяются... Давно уже дознано, что запрещеніе книгъ не оказываетъ моральнаго давленія на населеніе, что нарушеніе этого запрещенія совершается съ совершенно спокойною совѣстью... Ваше величество! Трудности, возникающія при желаніи удержать цензурную систему или дать ей цѣлесообразную организацію, увеличиваются съ каждымъ моментомъ... Никогда не оказалось еще возможнымъ сильное развитіе умственной и духовной жизни тамъ, гдѣ перемѣнчивыя вліянія вызываютъ то болѣе свободное, то болѣе крутое натягиваніе поводьевъ, при помощи которыхъ желаютъ направлять печать... Окруженные странами, давно уже руководствующимися другими принципами, мы должны признать, что наша система цензуры не имѣетъ болѣе подъ собою почвы, что необходимо отказаться отъ предварительной цензуры печати и передать проступки послѣдней вѣдѣнію общаго уголовнаго законодательства... Это—не просто теоретическія разсужденія. Могущественное островное королевство уже столѣтія не знаетъ цензуры, и ни въ одной странѣ вѣрность и почтеніе къ королю и уваженіе къ закону

не столь сильны, какъ въ Великобританіи... Большинство союзныхъ германскихъ государствъ давно уже отказалось отъ узко-ограничительныхъ мѣръ противъ прессы, и нигдѣ спокойствіе не было нарушено, нигдѣ любовь къ монарху не была ослаблена, нигдѣ не пострадалъ государственный кредитъ, не пострадало благосостояніе народа...

«Да благоугодно будетъ вашему величеству присоединить къ другимъ своимъ благотворнымъ начинаніямъ и почтительнѣйше испрашиваемое нами сегодня... Оно откроетъ новый періодъ духовной культуры нашего дорогого отечества...»

Адресъ этотъ, въ подлинникѣ значительно болѣе пространный, долженъ былъ подвергнуться обсужденію «сословныхъ представителей» 13-го марта. Но событія этого дня помѣшали совѣщанію добраться до этого пункта, ибо засѣданіе было прервано ворвавшеюся во дворъ зданія, гдѣ засѣдали «сословные представители», толпою, которая громко излагала свои требованія реформъ; во главѣ требованій стояло: «отмѣна цензуры, т.-е. тотъ самый пунктъ, который значился въ числѣ очередныхъ этого дня засѣданія «сословныхъ представителей»...

Послѣдовали извѣстныя уже изъ исторіи событія 13-го и 14-го марта, закончившіяся сдѣланнымъ въ этотъ день всенародно заявленіемъ: «Его величество соблаговолили сдѣлать постановленіе объ отмѣнѣ цензуры и объ опубликованіи въ самомъ непродолжительномъ времени закона о печати». Радость по поводу этого манифеста была такъ велика, что на первыхъ порахъ не обратили даже вниманія на отсутствіе въ этомъ манифестѣ выраженія: «свобода печати».

Это слово было только на знамени, которымъ ликовавшій народъ украсилъ памятникъ императора Іосифа.

Чтобы успокоить ропотъ, поднявшійся, какъ только былъ замѣченъ этотъ интересный пропускъ, правительство на слѣдующій день, 15-го марта, опубликовало новый императорскій патентъ, гласившій: «Нашимъ заявленіемъ объ отмѣнѣ цензуры свобода печати гарантирована въ той же мѣрѣ, въ какой она существуетъ во всѣхъ странахъ, гдѣ признана свобода печати».

Это опять-таки былъ не законъ, которымъ можно было бы

руководствоваться, а только указаніе на отсутствіе закона. Правительство, повидимому, разсчитывало, что при выработкѣ законныхъ нормъ для печати удастся свести «на нѣтъ» это составленное въ общихъ выраженіяхъ обѣщаніе.

Дѣйствительно, уже 11-го апрѣля, когда правительство полагало, что населеніе достаточно успокоилось, появляются временныя правила о печати, предписывающія такія формы примѣненія принципа «свободы печати», при которыхъ никакихъ слѣдовъ «свободы» больше не оставалось.

Населеніе ни за что не хотѣло признать этихъ правилъ; къ министру внутреннихъ дѣлъ снова была отправлена депутація съ протестомъ противъ этихъ правилъ, и министръ обѣщалъ, что правила эти примѣняться не будутъ.

Правда, оффиціально эти правила не были опубликованы административными учрежденіями. Зато въ оффиціальной части оффиціальной «Wiener Zeitung» было опубликовано распоряженіе министра юстиціи о порядкѣ примѣненія этихъ правилъ.

Теперь уже рѣшительно никто не зналъ, гдѣ начинается и гдѣ кончается законъ. Даже оффиціальная «Wiener Zeitung» не знала, чего держаться; и, напечатавъ на своихъ столбцахъ мнѣніе своего сотрудника, согласно которому «законъ этотъ, разъ опубликованный и не отмѣненный, долженъ считаться въ силѣ», редакція этой газеты сопровождаетъ это разсужденіе замѣчаніемъ: «при всемъ уваженіи къ мнѣніямъ нашего сотрудника, мы, какъ журналисты, охотнѣе соглашаемся съ неоднократно повтореннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ заявленіемъ, что законъ этотъ, какъ не опубликованный оффиціально черезъ административные органы, не имѣетъ обязательной силы».

Съ своей стороны, группа наиболѣе извѣстныхъ журналистовъ выпустила воззваніе, въ которомъ предлагала «вступить фактически во владѣніе свободою печати», чтобы положить конецъ теоретическимъ спорамъ на эту тему.

Этотъ хаосъ, порожденный главнымъ образомъ неискреннимъ поведеніемъ правительства и его колебаніями, вызвалъ множество нежелательныхъ явленій въ жизни прессы этого періода, съ которыми потомъ пришлось вступить въ борьбу

вышедшимъ, наконецъ, 18-го мая того же года узаконеніямъ о печати, введшимъ гласное судопроизводство съ участіемъ присяжныхъ по дѣламъ о печати, отмѣнявшимъ обязательный для издателей газетъ залогъ, разрѣшившимъ свободную продажу газетъ и вообще проникнутымъ тѣмъ прогрессивнымъ духомъ, которымъ отличались тогда законы о печати и въ остальныхъ европейскихъ странахъ.

Новая эра, наступившая для печати, ознаменовалась раньше всего появленіемъ множества газетъ и журналовъ и совершеннымъ измѣненіемъ тона уже существовавшихъ газетъ.

227 новыхъ газетъ возникло въ тотъ годъ въ одной только Вѣнѣ. Появилась цѣлая плеяда новыхъ журналистовъ, занявшихъ мѣста извѣстныхъ писателей до-мартовскаго періода, изъ коихъ одни сами сознавали, насколько они дискредитировали себя отсутствіемъ убѣжденій, и поспѣшили предать себя временно забвенію; другіе стараются, по крайней мѣрѣ, замѣнить старую оболочку новою, болѣе подходящею къ обстоятельствамъ, какъ напр. пустозвонъ Бейерле, перекрестившій свою сплетническую «Theater-Zeitung» въ «Wiener Courrier»; или беззастѣнчивый сатирикъ, Сафиръ, переименовавшій своего «Humorist'a» въ «Politischer Horizont»; и «Wanderer», превратившійся въ «Demokrat'a».

Особенно любопытна была эволюція, которую приходилось въ это время продѣлывать оффиціальной «Wiener Zeitung». Еще 29-го февраля ея депеши изъ Парижа гласили: «Парижъ совершенно спокоенъ»; хотя въ это время тамъ уже вспыхнула революція. «Мы вполнѣ согласно съ истиною и подробно ознакомили нашихъ читателей съ положеніемъ дѣлъ въ Парижѣ», увѣряла она невозмутимо и въ теченіе слѣдующихъ дней.

Это было въ началѣ марта. Въ серединѣ марта эта же газета по поводу императорскаго декрета о цензурѣ уже пишетъ, что величіе этой императорской милости могутъ соизмѣрить лишь «тѣ, которые сами чувствовали тяжесть этого кошмара, который съ такою силою давилъ на собственный умъ и собственное перо, и отъ котораго мы теперь, къ счастью, уже освобождены». И она спѣшитъ заднимъ числомъ ознакомить своихъ читателей съ истиннымъ характеромъ послѣднихъ событій въ Парижѣ.

Въ той же «Wiener Zeitung» появляются въ теченіе марта полныя огня статьи въ пользу широкой свободы печати, введенія представительныхъ учрежденій, организаціи «національной гвардіи» изъ гражданъ, освобожденія крестьянъ, эмансипаціи евреевъ; и мы видѣли уже, какъ храбро она совѣтовала толковать временныя правила о печати въ томъ смыслѣ, что странѣ предоставлена свобода печати.

На цензуру, конфликтовъ съ которою онъ прежде такъ боялся, теперь обрушивается со всею силою своего сарказма Сафиръ; либеральничаетъ Бейерле; распинаются за право и свободу благоразумно избѣгавшіе еще недавно разговоровъ на эту тему: «Wiener Zeitschrift» и «Wanderer».

Но руководительство общественнымъ мнѣніемъ не могло оставаться въ такой моментъ въ этихъ рукахъ, которыя еще недавно «прикладывались» къ чему-то совершенно иному. Трудно было продолжать вливать «вино новое въ мѣха старые». И руководительство довольно скоро окончательно перешло къ явившимся смѣнить стариковъ новымъ органамъ: «Constitutionelle Donauzeitung», «Constitution», «Allgemeine oesterreichische Zeitung», «Der Freimüthige», «Gradaus» (Впередъ), «Radical», а позже «Ostdeutsche Post», «Die Presse» и множество другихъ, сыгравшихъ такую видную роль въ этотъ годъ «бури и натиска».

Въ Богеміи въ это время вырастаетъ около 40 газетъ на чешскомъ языкѣ, среди которыхъ наибольшее вліяніе выпадаетъ на долю газеты: «Narodni Noviny», редактируемой выдающимся публицистомъ, Карломъ Гавличкомъ, который игралъ видную роль въ панславистскомъ движеніи и въ созванномъ тогда въ Прагѣ всеславянскомъ конгрессѣ.

Этимъ же духомъ чешскаго національзма и панславизма были проникнуты даже ультра-радикальныя и демократическія чешскія газеты, какъ «Večerni List», «Slovanské Lipy», «Občanské Noviny» и др., раздѣлявшія взгляды и теоріи жившаго тогда въ Прагѣ и ведшаго съ ними переговоры Бакунина.

Національный же характеръ носили и возникшія тогда въ Галиціи польскія газеты — «Dziennik Narodowy», «Postęp», «Kurjer Lwowsky», «Rada Narodowa», «Polska» и др., отстаивавшія въ то же время необходимость введенія конституціон-

ныхъ учрежденій въ Австріи и переустройства ея на національно-автономистскихъ началахъ.

Получаютъ свою первую газету на родномъ языкѣ въ этомъ году и русины (Dnewnyk russkij»).

Къ словинской «Novice» прибавляется въ Люблянахъ новая газета: «Slovenija», отстаивающая національное объединеніе словинцевъ.

Сильное развитіе получаетъ итальянская печать («Il libero Triestino», «Il Constituzionale» и др.), при чемъ итальянская печать въ Далмаціи *) беретъ на себя защиту славянскихъ интересовъ и даетъ мѣсто для пропаганды идеи созданія самостоятельной «Великой Илліріи».

Извѣстное оживленіе замѣчается и въ нѣмецкой провинціальной печати...

Эта юная, сейчасъ только народившаяся, не имѣвшая, можно сказать, никакихъ традицій печать сразу очутилась передъ цѣлою сѣтью сложнѣйшихъ вопросовъ государственнаго быта, возникшихъ сразу, поставленныхъ жизнью на разрѣшеніе вдругъ и всѣ вмѣстѣ. Нужно было выяснить положеніе, которое должна занять Австрія въ союзѣ германскихъ государствъ, въ который она еще входила, занять позицію въ вопросѣ о Венгріи.

Еще сложнѣе были вопросы внутренней политики, требовавшіе, къ тому же, болѣе неотложнаго, немедленнаго рѣшенія: вопросы конституціоннаго устройства страны, реформы административнаго управленія, судебныя реформы, способовъ гарантированія правъ гражданъ, признанія свободы вѣроисповѣданій и равноправности всѣхъ религій; все вопросы, не искусственно придуманные, а поставленные на очередь самимъ фактомъ созыва учредительнаго собранія, а вслѣдъ за этимъ и парламента; вопросы, споръ о которыхъ не могъ поэтому носить чисто академическаго характера; а къ этимъ вопросамъ не замедлили присоединиться неотдѣлимые отъ нихъ

*) Нѣкоторыя газеты здѣсь издавались на итальянскомъ и на славянскомъ языкѣ, какъ, напр., «La Dalmazia» въ Задрѣ, «Rimembranza della settimana» въ Дубровникѣ и «L'Avvenire» Клаича, помѣстившаго извѣстное письмо Бакунина къ славянству.

вопросы соціальнаго характера: объ освобожденіи крестьянъ, объ улучшеніи положенія ремесленниковъ и рабочихъ.

Уже въ этотъ моментъ извѣстный въ то время публицистъ, фонъ-Штифтъ, поднимаетъ вопросъ о введеніи прогрессивно-подоходнаго налога. Радикалы «Constitution», въ которой работали наиболѣе выдающіеся журналисты, Гефнеръ, Ландштейнеръ, Бергеръ (впослѣдствіи министръ), Штифтъ, выставляетъ въ своемъ заголовкѣ, считаясь съ запросами времени, лозунгъ: «Свобода и работа!»

Цѣлый рядъ возникшихъ чисто рабочихъ органовъ («Arbeiter-Zeitung», «Wiener Arbeiter-Courier», «Concordia» и т. д.) ставитъ, въ виду открывшейся безработицы, вопросъ о «правѣ на трудъ» и организаціи общественныхъ работъ.

Прибавьте къ этому, что всѣ эти вопросы приходится разрѣшать, такъ сказать, въ пороховомъ дыму, подъ гулъ вспыхнувшей революціи и отголоски грозныхъ приготовленій къ усмиренію ея.

Можно ли послѣ этого удивляться, что нѣкоторыя газеты при этомъ рядили вкривь и вкось, смѣшивали нужное съ ненужнымъ, вели дебаты слишкомъ возбужденно и возбуждающе, какъ на это потомъ указывалось?

Скорѣе можно удивляться, наоборотъ, тому, что даже въ моментъ такого осложненія политико-общественныхъ отношеній нашлись органы и публицисты съ столь ясными взглядами и чутьемъ, что они тогда уже сумѣли намѣтить на много лѣтъ впередъ ligne de conduite, которой должна держаться Австрія къ своей политикѣ.

Тогда уже «Presse», въ противоположность «Ostdeutsche Post», толкавшей австрійскую политику на путь пангерманизма, доказывала, что Австрія должна выйти изъ состава Германскаго союза и устремить все свое вниманіе на Балканскій полуостровъ, т. е. тотъ путь, который она признала для себя единственнымъ лишь послѣ ряда катастрофъ, превратившихъ этотъ добровольный выходъ Австріи, какъ ей рекомендовалось, въ насильственный.

Тогда-же нѣкоторымъ газетамъ (особенно «Der Freimüthige») удалось привлечь всеобщее вниманіе къ крестьянской реформѣ и такъ громко говорить о ней, что однимъ изъ первыхъ дѣлъ

парламента было принятіе предложенія депутата-журналиста Кудлиха объ окончательномъ раскрѣпощеніи крестьянъ, предложенія, оставшагося главнымъ памятникомъ дѣятельности недолго успѣвшаго поработать и вскорѣ разогнаннаго парламента.

«Медовый мѣсяцъ» печати на этотъ разъ продолжался совсѣмъ не долго; «свобода прессы» просуществовала такъ мало, что никакихъ заключеній изъ этого прерваннаго вскорѣ опыта выводить нельзя было.

13-го марта 1848-го г. пресса въ Австріи была объявлена свободною, 23-го октября Вѣна лежала уже у ногъ взявшаго ее штурмомъ кн. Виндшигреца, который объявилъ городъ на военномъ положеніи и, въ качествѣ диктатора, запретилъ всѣ вѣнскія газеты, кромѣ одной: оффиціальной «Wiener Zeitung», да и ей позволено помѣщать только оффиціальныя сообщенія.

Черезъ нѣкоторое время сочтено было возможнымъ позволить печати «дышать» съ особаго каждый разъ на то разрѣшенія коменданта Вѣны. Но для серьезной печати въ находившейся на положеніи осаднаго города Вѣнѣ не было мѣста. Ее, словно помеломъ, вымело на время, «и полѣзли изъ щелей мошки да букашки».

Опять наступило время, благопріятное для «Ванькиной литературы», и Ваньки не замедлили воспользоваться этимъ. Сафиръ благополучно перелицевалъ свой «Politischer Horizont» въ до-мартовскаго «Humorist'a», «Wanderer», превратившійся въ «Democrat'a», снова принялъ свое прежнее наименованіе.

Наступила тишина, тишина кладбища.

Только въ провинціи кое-гдѣ продолжала шевелиться печать. Но вскорѣ осадное положеніе было распространено на всю Галицію и Буковину (Прага еще ранѣе была объявлена на такомъ положеніи); кромѣ того, предписано было ограничить свободу продажи газетъ, требовать представленія на просмотръ обязательныхъ экземпляровъ газеты и т. п.

Печать затихла и въ провинціи.

Въ день годовщины монифеста о «свободѣ печати», 14-го марта 1849 г. изданы новые законы о печати, коими издатели газетъ обязывались представлять залогъ, установленъ снова родъ цензуры, которой должны были посылаться обяза-

тельные экземпляры выходящаго нумера газеты, устанавливались новыя понятія о проступкахъ и преступленіяхъ печати.

Въ этомъ запретительно-ограничительномъ духѣ развивалось законодательство о печати вплоть до новой военной катастрофы 1859 г.

Закономъ, изданнымъ въ 1851 г., вводится система «предостереженій», которая снова вполнѣ возстановила прежній административный произволъ. Получившая предостереженіе газета могла, при навлеченіи на себя снова гнѣва администраціи, быть пріостановлена на 3 мѣсяца. А между тѣмъ опредѣленныхъ, установленныхъ мотивовъ, которыми должна была-бы руководствоваться администрація для объявленія предостереженія, не существовало.

Вскорѣ была окончательно отмѣнена конституція, а вмѣстѣ съ этимъ послѣдовали и новыя ограниченія печати, и судопроизводство по дѣламъ о печати было изъято изъ вѣдѣнія присяжнаго суда.

Въ 1852 г. вводится новая категорія преступленій: внушеніе ненависти и презрѣнія, кодифицированная въ знаменитомъ «Hass-und Verachtungsparagraph». Въ 1857 и въ 1858 гг. снова вводится газетный штемпель, и кромѣ того налогъ съ каждаго напечатаннаго въ газетѣ объявленія поднимается съ 10 до 15 крейцеровъ.

Печать, такимъ образомъ, ожесточенно били «и дубьемъ, и рублемъ», и не трудно себѣ представить, какъ ей жилось въ это время. Достаточно сказать, что въ это время даже такія газеты, какъ «Lloyd», считавшаяся въ 1848 г. ультра-реакціонной, или «Ostdeutsche Post» Куранды, считавшаяся подозрительно-умѣренною, теперь попали въ число опасныхъ и то и дѣло пріостанавливались выходомъ. Основанной Цангомъ газетѣ «Presse» пришлось перекочевать въ Брюннъ.

Даже такія безхарактерныя и полушутовскія изданія, какъ «Hans Iörgerl» и Сафировскій «Humorist», интересовавшійся только литературными и театральными скандалами, подвергались преслѣдованіямъ, запрещеніямъ; и журналисты самыхъ противоположныхъ направленій, ведшіе другъ съ другомъ ожесточенную борьбу, нерѣдко оказывались добрыми сосѣдями по тюремной кельѣ.

Все, что мечтало о быстрой карьерѣ, неустанно изощрялось въ придумываніи новыхъ путей для печати; съ церковныхъ каѳедръ велась систематическая пропаганда противъ печати.

Благонамѣренными считались лишь тѣ, которые могли доказать, что они не читаютъ, въ рукахъ не держатъ либеральныхъ газетъ, не посѣщаютъ кофеенъ и общественныхъ мѣстъ, въ которыхъ получаются эти газеты. Лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, строжайше запрещено было принимать участіе въ газетахъ...

И все-таки печать продолжала неустанно и неудержимо развиваться даже при этихъ столь неблагопріятныхъ условіяхъ, развиваться и въ смыслѣ углубленія своего содержанія, и въ смыслѣ совершенствованія газетной техники, превращаясь все болѣе изъ газетныхъ листковъ въ крупные и солидные органы печати.

Бросая теперь ретроспективный взглядъ на этотъ мрачный періодъ, иной Несторъ вѣнской печати, пожалуй, даже не безъ основанія скажетъ, что тогдашняя печать болѣе достойно выполняла свое назначеніе и имѣла болѣе высокое представленіе объ этомъ назначеніи, чѣмъ многіе и очень многіе представители прессы настоящаго. «Годы мученичества», которые ей пришлось пережить, наложили на нее вмѣстѣ съ печатью страданія и печать особаго благородства. Она чувствовала сама свою духовную близость съ читателемъ, который ей сочувствуетъ, принимаетъ близко къ сердцу ея страданія, но въ то же время смотритъ на нее вопрошающе, недоумѣвающе, съ несходящимъ съ устъ вопросомъ: «что-же дѣлать?»

И съ этимъ читателемъ она сама не могла говорить въ томъ беззаботно-фривольномъ тонѣ легкаго, ни къ чему не обязывающаго балагурства, или въ тонѣ полнаго самодовольства и «je m'en foutte»'изма, въ которомъ очень часто позволяютъ себѣ говорить съ читателемъ многія нынѣшнія газеты.

Какъ-бы отвѣчая запросамъ этого читателя, тогдашняя печать мужественно борется за высшіе идеалы гуманизма и прогресса, не даетъ заглохнуть рѣчамъ на тему объ этихъ идеалахъ, будитъ политическую мысль, воспитываетъ населеніе въ духѣ гражданственности, является въ это время, когда

никакихъ представительныхъ учрежденій не было, единственнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія, единственнымъ защитникомъ народныхъ правъ и борцомъ за эти права.

И читатель чувствуетъ это и привязывается все больше къ своей прессѣ. Число газетъ и журналовъ подъ вліяніемъ репрессивныхъ мѣръ сильно рѣдѣетъ: изъ 388 журналовъ къ концу этого періода остается только 172, изъ 306 политическихъ газетъ—только 59.

Но оставшіяся и пережившія гоненія газеты пускаютъ тѣмъ болѣе прочные корни, и число ихъ читателей быстро ростетъ. Въ 1848 г. изъ Вѣны отправлялось всего 1.189,934 газеты въ теченіе года; въ 1851 г. вѣнская почта экспедировала 10.262,814 газетъ; въ 1855 г.—свыше 15 милліоновъ.

Въ очеркѣ, посвященномъ исторіи развитія прессы въ Австріи, необходимо хоть вкратцѣ упомянуть о нѣкоторыхъ изъ органовъ того времени.

Мы уже упоминали нѣсколько разъ имя Игнаца Куранды въ связи съ его «Ostdeutsche Post».

Этотъ пользовавшійся огромною популярностью журналистъ сыгралъ очень видную роль въ исторіи австрійской публицистики. Въ до-мартовской Австріи онъ не находилъ приложенія своимъ публицистическимъ стремленіямъ и выѣхалъ изъ предѣловъ Австріи, чтобы жить то въ Германіи, то во Франціи, то въ Бельгіи. Здѣсь (въ Брюсселѣ) онъ и основалъ свой журналъ: «Die Grenzboten» («Пограничныя извѣстія») въ 1841 г., чтобы перенести ихъ потомъ въ Лейпцигъ, гдѣ его журналъ сдѣлался заграничнымъ органомъ для тѣхъ австрійскихъ публицистовъ и общественныхъ дѣятелей, которые хотѣли сказать больше, чѣмъ имъ позволяла тяжелая Меттерниховская цензура.

Въ этомъ органѣ опубликовывала свои статьи оппозиція въ лицѣ ландмаршала Пражскаго сейма кн. Ламберта, барона Добльгофа будущаго министра, графа Вурмбранта, фонъ-Штифта; сюда посылала свои статьи высшая бюрократія, желавшая указать на необходимость тѣхъ или иныхъ реформъ. Въ этомъже журналѣ помѣщала свои произведенія «молодая Австрія», поэты Мейсснеръ, Горнъ, Гартманъ и др.

Куранда, бывшій близкимъ другомъ лучшихъ писателей того

времени, Ленау, Гриллыпарцера, и говорившій о себѣ самъ: «я— только честный, откровенный парень, но ни въ какомъ случаѣ не «революціонеръ и даже радикаломъ не хочу прослыть», сумѣлъ и журналу своему придать такую-же физіономію. Онъ старался даже такихъ публицистовъ, какъ Гервегъ, Лаубе, впадавшихъ въ нѣсколько радикальный тонъ, пускать порѣже на страницы своего журнала.

Можетъ быть, именно поэтому зеленыя тетрадки «Grenzboten», говорившія то, что пріятно было слышать огромному контингенту читателей, не забѣгавшихъ слишкомъ далеко впередъ въ своихъ желаніяхъ и чаяніяхъ, и пользовались такою любовью въ Австріи. Когда черезъ нѣкоторое время цензура запретила пропускъ этого журнала въ Австрію, читатели его измышляли тысячи средствъ для контрабанднаго провоза этихъ книжекъ, и онѣ начали расходиться, можетъ быть, еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ до запрещенія. Изъ этихъ «зеленыхъ» тетрадей населеніе Австріи уже за долго до того, какъ сдѣлалось возможнымъ публичное обсужденіе общественныхъ дѣлъ, узнавало о дебатахъ, происходившихъ въ закрытыхъ засѣданіяхъ областныхъ сеймовъ, такъ какъ Куранда, благодаря своимъ вліятельнымъ друзьямъ и сторонникамъ, былъ поставленъ въ возможность печатать точные отчеты объ этихъ дебатахъ, въ которыхъ уже подняты были вопросы о введеніи обязательнаго обученія въ народныхъ школахъ, объ отмѣнѣ послѣднихъ остатковъ крѣпостничества и т. п. Какъ только въ Вѣнѣ вспыхнула революція, Куранда прибылъ сюда, чтобы основать здѣсь свою «Ostdeutsche Post», къ которой онъ привлекъ лучшія силы и создалъ цѣлую школу журналистовъ *).

Вторымъ отцомъ современной австрійской журналистики считается Эрнестъ фонъ-Шварцеръ, удивительно дѣятельная и энергичная натура. Онъ перебывалъ и живописцемъ вывѣсокъ, и пивоваромъ, и агрономомъ; въ то же время онъ былъ знатокомъ классическихъ языковъ и вообще человѣкъ широкаго образованія и въ то же время практикъ, успѣвшій объ-

*) Куранда вскорѣ былъ избранъ депутатомъ въ франкфуртскій парламентъ; впослѣдствіи онъ былъ безсмѣннымъ депутатомъ австрійскаго рейхсрата до конца своей жизни, въ 1884 г.

ѣздить Англію, Францію, Швейцарію и присмотрѣться къ жизни этихъ странъ.

Въ 1848 г. онъ былъ избранъ депутатомъ и вошелъ въ министерство Доблъгофа въ качествѣ перваго министра общественныхъ работъ. Организація общественныхъ рабтъ для доставленія занятій нуждающимся въ работѣ окончилась въ этотъ бурный годъ полною неудачею, и это обстоятельство подало поводъ къ различнымъ и самымъ противоположнымъ характеристикамъ дѣятельности Шварцера. Во всякомъ случаѣ, какъ журналистъ, онъ имѣлъ крупныя заслуги передъ австрійскою прессою.

Покинувъ вскорѣ кабинетъ Доблъгофа, Шварцеръ сдѣлался редакторомъ «Allgemeine Oesterreichische Zeitung», а черезъ нѣсколько времени основалъ собственную газету «Donau» съ замѣчательнымъ научно-литературнымъ отдѣломъ, въ которомъ работали извѣстнѣйшіе ученые и писатели. Памятникомъ дѣятельности Шварцера, которому неоднократно приходилось оставлять редакціонный столъ для тюрьмы, осталась важная въ техническомъ отношеніи реформа газетнаго дѣла. До него телеграфъ доставлялъ извѣстія только оффиціальнымъ учрежденіямъ; Шварцеръ же заставилъ телеграфъ обслуживать въ этомъ отношеніи и газеты.

Но наиболѣе интереснымъ порожденіемъ этого времени была газета: «Die Presse», основанная Августомъ Цангомъ. Это была первая въ Австріи газета въ стилѣ большихъ европейскихъ органовъ, сдѣлавшаяся типомъ австрійскихъ газетъ. Цангъ былъ не столько журналистъ, сколько предпринимательскій геній въ области издательства. До 1848 г. онъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ служенія въ австрійской арміи, въ качествѣ офицера, открылъ «вѣнскую хлѣбопекарню» и распространялъ вѣнскія булочки, чѣмъ нажилъ большое состояніе (одинъ изъ образчиковъ его предпринимательской дѣятельности). Въ Парижѣ онъ познакомился съ Жирардэномъ, который своею газетою «La Presse» тогда произвелъ цѣлый переворотъ въ газетно-издательскомъ дѣлѣ. Цангъ внимательно присматривался къ дѣятельности Жирардэна, и, когда въ Вѣнѣ оказалась удобная почва для газетнаго издательства, онъ поспѣшилъ въ родной городъ и основалъ свою

«Presse» (3-го іюля 1848 г.). Онъ вѣрилъ, что газета, помимо своихъ литературныхъ достоинствъ, должна раньше всего блистать своей чисто газетной стороной жизни, т.-е. доставленіемъ самыхъ разнообразныхъ и разностороннихъ, но интересныхъ свѣдѣній и извѣстій, и притомъ свѣдѣній свѣжихъ, полученныхъ въ наикратчайшій срокъ.

Въ то время, какъ другіе журналисты этого періода были энтузіасты своего дѣла въ смыслѣ идейномъ, видѣли въ газетѣ средство для борьбы за свои идеалы, но оставались диллетантами въ смыслѣ газетныхъ профессіоналистовъ, пренебрегали формою и печатали извѣстія, давно уже бывшія общимъ достояніемъ, — Цангъ, будучи диллетантомъ или даже индифферентистомъ въ области идейной журналистики, былъ энтузіастомъ газетнаго «дѣлечества».

Онъ первый далъ за ничтожную плату объемистую газету, организовалъ доставку газеты на домъ, обзавелся корреспондентами и т. п. Благодаря этой технической организаціи, выигрывали еще больше въ своемъ значеніи и литературныя достоинства этого органа. Объ этой сторонѣ дѣла Цангъ тоже позаботился. Считаясь съ духомъ времени, Цангъ помѣстилъ въ подзаголовкѣ своей газеты изреченіе: «Gleiches Recht für Alle», пригласивъ въ число сотрудниковъ пользовавшихся тогда извѣстностью журналистовъ, какъ Hieronymus Lorm, Ландштейнеръ, Бауерншмидтъ, Лакенбахеръ и др.

Въ жгучихъ вопросахъ того времени газета его держалась умѣряющаго тона, отвергавшаго ненужныя сантиментальности, отстаивала умѣренный либерализмъ, призывала къ культурной работѣ, чуть-ли не первая, напр., заговорила о муниципальномъ хозяйствѣ и т. п. Если не въ бурный 1848 г., то позже нѣсколько, когда установилось болѣе спокойное отношеніе, газета эта, повидимому, оказалось наиболѣе удовлетворяющею вкусамъ большой публики. Впослѣдствіи она была самымъ распространеннымъ и вліятельнымъ органомъ, вокругъ котораго создалась современная школа австрійскихъ журналистовъ со всѣмъ хорошимъ и дурнымъ, ее характеризующимъ.

Изъ нѣдръ этой редакціи вышла послѣ раскола и та группа, которая основала наиболѣе распространенную и извѣстную въ Австріи и всюду за границею газету: «Neue Freie Presse».

Провинція въ теченіе 50-хъ годовъ большой продуктивности въ области газетнаго дѣла не проявляла.

Въ Богеміи было основано, чтобы вскорѣ исчезнуть, нѣсколько газетъ. Роль руководящаго органа постепенно переходитъ тамъ къ газетѣ «Bohemia», отстаивающей нѣмецкіе интересы въ той формѣ, которую дала имъ программа нѣмецколиберальной партіи.

Чешская публицистика ограничивалась въ это время почти исключительно оффиціальными и оффиціозными органами.

Въ польской публицистикѣ главную роль игралъ консервативный «Czas», долго бывшій единственнымъ въ Галиціи политическимъ органомъ, если не считать оффиціальныхъ.

Военная катастрофа 1859 г. (пораженіе австрійской арміи при Сольферино) оказалось катастрофой и для господствовавшаго режима. Необходимо было пріоткрыть клапанъ и дать выходъ накопившемуся недовольству противъ военнаго и гражданскаго управленія. Къ тому-же среди австрійскихъ народностей усилились теченія, на которыя печать не могла не отзываться. Вопросъ объ отношеніяхъ Венгріи къ Австріи грозно требовалъ своего разрѣшенія, шли споры о преимуществахъ централистской и федералистской системъ управленія; само правительство проявляло склонность прислушаться къ общественному мнѣнію.

И если въ законодательномъ порядкѣ для печати пока еще не дѣлалось никакихъ облегченій, то фактически ей разрѣшали говорить о многомъ. А если и не разрѣшали, то само собой выходило, что въ той или иной формѣ обсужденіе этихъ вопросовъ въ печати все-таки происходило.

Такъ, когда въ 1860 г. было созвано совѣщаніе именитыхъ гражданъ для обсужденія вопроса о созывѣ парламента, газетамъ запрещено было опубликовывать дебаты. Точно также газетамъ не разрѣшено было говорить о финансовомъ exposé, впервые за много лѣтъ доложенномъ собранію свѣдущихъ лицъ. Но тутъ уже выручила венгерская печать, опубликовавшая рѣчи представителей Венгріи, засѣдавшихъ въ этомъ Совѣтѣ; многіе австрійскіе депутаты также воспользовались этимъ

путемъ, чтобы со столбцовъ венгерскихъ газетъ говорить съ австрійскимъ населеніемъ. Запрещеніе становилось иллюзорнымъ.

Наконецъ, чего нельзя было сказать въ печати, то говорилось на публичныхъ собраніяхъ по поводу различныхъ торжествъ, какъ, напр., это было по поводу чествованія памяти Шиллера, которое всколыхнуло всю Вѣну.

Въ 1860 г. у власти становится министерство Шмерлинга, того самаго Шмерлинга, который еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ считался опаснымъ человѣкомъ и который обѣщаетъ прислушиваться къ голосу общественнаго мнѣнія.

Вскорѣ опубликовывается февральская конституція. Предстоятъ выборы въ парламентъ, и печать, даже при желаніи ограничиться лишь служебною ролью, должна была заниматься обсужденіемъ этихъ выборовъ, растолковывать сущность выборной системы и избирательнаго акта. Въ 1861 г. Вѣна имѣетъ уже въ своихъ стѣнахъ засѣдающій парламентъ, и печать должна давать отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ.

Фактически поэтому нѣтъ уже никакой возможности считаться съ неотмѣненными еще суровыми ограничительными законами о печати, и въ Австріи вдругъ появляются органы всѣхъ направленій и всѣхъ партійныхъ оттѣнковъ, ведущихъ другъ съ другомъ ожесточенную борьбу: газеты націоналистскія и антинаціоналистскія, консервативныя и либеральныя, централистскія и федералистскія.

Въ Вѣнѣ къ прежнимъ главнымъ органамъ либеральнаго направленія—«Presse» и «Ostdeutsche Post»—присоединяются «Morgenpost» «Vorstadt-Zeitung» и «Fortschritt», рѣшающіяся заговорить въ тонѣ нѣсколько дальше идущаго радикализма.

Газета «Wanderer» выступаетъ въ защиту федералистскихъ принциповъ, предоставляя свои столбцы борцамъ за возстановленіе Венгріи; въ «Ost und West» защищаютъ свои автономистскія требованія славяне.

Сильнымъ оживленіемъ публицистики отмѣченъ этотъ моментъ и въ провинціи. На чешскомъ языкѣ возникаетъ руководимый братьями Греграми «Čas», смѣло поднимающій знамя борьбы за интересы чешской національности; возникаетъ вслѣдъ за этимъ газета: «Národní Listy», выдвигающая необходимость

демократической основы для успѣшности національной борьбы и рѣзко нападающая поэтому на привилегіи чешскихъ феодаловъ и на ихъ програму дѣйствій.

Въ Галиціи консервативный «Czas» получаетъ дополненіе въ либеральномъ «Dziennik polski». Въ Далмаціи Клаичъ оказывается въ состояніи создать свой органъ для защиты славянскихъ интересовъ. Нѣмецкая провинціальная пресса также проявляетъ признаки быстраго роста. Въ Прагѣ, Ольмюцѣ, Тешенѣ, Грацѣ, Иннсбрукѣ и др. городахъ возникаетъ цѣлый рядъ органовъ печати, придерживающихся почти всѣ либерально-централистскихъ тенденцій.

Къ концу 1861 г., которымъ заканчивается періодъ систематическихъ гоненій на прессу, въ Австріи было уже 310 газетъ, изъ коихъ 98 политическихъ, въ то время какъ въ 1855 г. число политическихъ газетъ равнялось 58.

Но настоящее развитіе австрійской печати, идущее безъ прежнихъ заминокъ, начинается лишь съ 1863 г.,когда вступилъ въ силу принятый 17 декабря 1862 г. новый законъ о печати.

Этотъ новый законъ—первый, еще не рѣшительный шагъ на пути освобожденія печати отъ прежнихъ оковъ; шагъ, уже тѣмъ важный въ исторіи печати, что если имъ не были отмѣнены всѣ препоны, то за то съ этого времени отмѣненное исчезло навсегда, и къ нему больше не возвращались.

Закономъ 1862 г. дѣла о печати изъяты принципіально изъ вѣдомства политическихъ органовъ, и всѣ дѣла о печати признаны подвѣдомственными только судебнымъ учрежденіямъ. Этимъ же закономъ отмѣнена система предостереженій и концессіонная система, т. е.. необходимость полученія спеціальнаго разрѣшенія на изданіе газеты.

За то правительство снабдило свои органы правомъ конфискаціи газетъ (конфискація, однако, постигаетъ только данный выпускъ газеты, признанный вреднымъ, а не газету вообще), правомъ пріостанавливать на время выходъ газеты (послѣ трехъ конфискацій); оставлено также правило объ обязанности представленія издателемъ періодическаго изданія извѣстнаго залога. Кромѣ того, правительство позаботилось и о томъ, чтобы не имѣть надобности прибѣгать постоянно къ суду по дѣламъ о печати. Судъ, какъ показала практика, да-

леко не всегда становился на точку зрѣнія правительственныхъ органовъ въ этого рода дѣлахъ, и правительство находило неудобнымъ всегда обращаться къ нему въ подобныхъ случаяхъ.

Чтобы избѣжать этого, придумана была система «объективнаго преслѣдованія»; предметомъ преслѣдованія является не редакторъ, и не авторъ, а только статья. Государственный прокуроръ, усмотрѣвъ въ той или другой статьѣ нарушеніе закона, можетъ наложить запрещеніе на эту статью, т. е. конфисковать номеръ газеты, въ которомъ она появилась, но не обязанъ возбуждать судебнаго преслѣдованія противъ автора.

Это «упрощенное производство», оказавшееся весьма удобнымъ оружіемъ въ рукахъ прокуратуры, сдѣлалось самымъ излюбленнымъ средствомъ для преслѣдованія несимпатичныхъ администраціи органовъ печати; безъ всякаго шума прокуратура можетъ этимъ путемъ донимать газету конфискаціями, и въ Австріи не безъ основанія эту «объективную» систему называютъ ультра-объективною, зависящею отъ объективныхъ симпатій представителей прокурорскаго надзора.

Правда, такія конфискаціи могутъ быть обжалованы, и прокуратура обязана тогда возмѣстить убытки, причиненные конфискаціею. Но обращеніе къ суду съ такого рода жалобами оказывается (особенно оказывалось въ то время) безполезнымъ въ большинствѣ случаевъ.

Впослѣдствіи найденъ былъ другой способъ борьбы съ этими конфискаціями, о чемъ мы еще будемъ имѣть случай говорить.

Лишь въ 1868 г. отмѣнено было право временной пріостановки газетъ, благодаря чему и самыя конфискаціи потеряли свой прежній угрожающій смыслъ.

Въ 1869 г. преступленія по дѣламъ о печати снова признаются подсудными только суду присяжныхъ. Въ 1874 г. отмѣняется законъ о налогѣ на объявленія; въ 1884 г. отмѣняется обязанность представлять залогъ; въ 1900 г. послѣ долгихъ колебаній отмѣняется наконецъ и законъ о газетномъ штемпелѣ, облагавшій каждый экземпляръ газеты налогомъ въ размѣрѣ одного крейцера.

Неотмѣненными до сихъ поръ остались еще: законъ, вос-

прещающій свободную продажу газетъ (Colportage) и законъ объ «объективномъ преслѣдованіи».

Противъ обѣихъ этихъ мѣръ печать ведетъ неустанную борьбу и теоретическими, и практическими аргументами; особенно послѣдними стараются доказать абсурдность этихъ мѣръ.

Для борьбы, напр., съ конфискаціями придумана слѣдующая мѣра. Конфискованная статья передается редакторомъ газеты депутату близкой къ направленію этой газеты партіи. Депутатъ обращается тогда въ парламентѣ къ министру юстиціи съ запросомъ: на какомъ основаніи статья такая-то была подвергнута конфискаціи? При этомъ онъ читаетъ отъ слова до слова конфискованную статью, разукрашивая ее къ тому-же рѣзкими выходками противъ ограниченности, скудоумія или партійности прокурора, запретившаго статью.

Послѣ этого статья получаетъ силу иммунизированной, неприкосновенной, ибо каждое слово, произнесенное въ парламентѣ, подлежитъ опубликованію въ газетахъ, и ни одинъ прокуроръ въ Австріи не осмѣлится теперь конфисковать эту статью; запретившій ее раньше прокуроръ вынужденъ теперь пропустить ее въ газетѣ вмѣстѣ со всѣми сопровождающими ее вылазками по его личному адресу.

Правительство поэтому теперь уже само прониклось сознаніемъ нецѣлесообразности существованія такого закона въ странѣ съ парламентскими учрежденіями, равно какъ и существованія закона, запрещающаго колпортажъ, такъ какъ и этотъ законъ на каждомъ шагу нарушается (само правительство поощряетъ, напр., раздачу и разсылку брошюръ и книгъ, направленныхъ противъ пьянства, противъ пренебреженія правилами гигіены и т. п., между тѣмъ какъ по закону лица, распространяющія подобныя произведенія, подлежатъ строгимъ наказаніямъ).

Въ настоящее время правительство поэтому само вошло въ парламентъ съ законопроектомъ, отмѣняющимъ эти два постановленія дѣйствующихъ законовъ о печати.

Съ отмѣной этихъ законовъ падутъ послѣднія законодательныя препятствія, прямо направленныя противъ развитія печати, которой, какъ достаточно видно изъ предыдущаго, пришлось преодолѣть не мало препятствій на пути своего развитія.

Этихъ моментовъ въ исторіи австрійской печати нельзя упускать изъ виду при сопоставленіи успѣховъ австрійской журналистики съ успѣхами ея болѣе счастливыхъ сосѣдей.

Наглядное изображеніе этихъ успѣховъ можетъ дать слѣдующая табличка постепеннаго роста австрійской печати съ того момента, какъ начинаютъ отмѣняться ограничительные законы.

	Было всѣхъ газетъ.	Въ томъ числѣ политическихъ.
Въ 1861 году	310	98
» 1865 »	474	156
» 1870 »	678	229
» 1875 »	876	293
» 1880 »	1121	367
» 1885 »	1292	429
» 1890 »	1801	495
» 1894 »	2137	566
» 1895 »	2255	622
» 1896 »	2386	673
» 1897 »	2523	738
» 1898 »	2673	771

Общее число издававшихся въ 1899 г. въ Австріи газетъ достигало 2849. Изъ нихъ 10 выходили два раза ежедневно, 10—одинъ разъ въ день (въ Вѣнѣ). Въ 19 остальныхъ городахъ Австріи, имѣющихъ ежедневныя газеты, 12 выходили два раза въ день; 56 газетъ—разъ въ день.

О количествѣ расходившихся экземпляровъ можно судить по тому, что газетный штемпель (съ правительственныхъ газетъ не взимавшійся) доставилъ въ этомъ году казнѣ 2¹/₂ милліона гульд., которые могли быть собраны съ 225 милліоновъ вышедшихъ въ свѣтъ экземпляровъ газетъ.

III.

Обращаясь къ состоянію австрійской прессы въ самое послѣднее время, мы должны раньше всего остановиться на руководящихъ органахъ Вѣны, какъ на наиболѣе близко соприкасающихся съ господствующими теченіями и настроеніями и вынужденными немедленно реагировать на нихъ.

Самый крупный и наиболѣе извѣстный изъ этихъ органовъ—это «Neue Freie Presse». Газета эта основана была въ 1864 г. послѣ раскола, происшедшаго въ редакціи старой «Presse». Почти вся редакція отказалась тогда отъ дальнѣйшей совмѣстной работы съ основавшимъ «Presse» Цангомъ, нажившимъ на газетѣ много-милліонное состояніе и потому усвоившимъ себѣ манеры маленькаго, а то и большого, тирана. Ушедшіе сотрудники, съ главными редакторами—д-ромъ Максомъ Фридлендеромъ (двоюроднымъ братомъ Лассаля) и Михаэлемъ Этьенномъ—во главѣ, основали новую газету подъ именемъ «Neue Freie Presse», которая вскорѣ сдѣлалась лейбъ-органомъ высшихъ и среднихъ круговъ Вѣны. Литературная сторона дѣла была обставлена блестяще. Лучшія имена Австріи и Германіи появлялись подъ статьями, помѣщавшимися въ этой газетѣ. Главные отдѣлы поручались людямъ, пользовавшимся огромнымъ авторитетомъ въ этихъ областяхъ, благодаря чему публика постепенно привыкла прислушиваться къ передовой статьѣ, музыкальной и драматической критикѣ, появлявшейся въ этой газетѣ, интересоваться ея фельетономъ (достаточно назвать Ауербаха и Шпильгагена въ фельетонѣ, Ганслика и Шпейделя въ отдѣлахъ музыкальной и драматической критика).

Въ теченіе многихъ лѣтъ газета эта, неуклонно отстаивавшая принципы нѣмецко-прогрессивной партіи (вѣрность конституціи и правовымъ началамъ государственнаго строя, но въ то-же время признаваніе Австріи нѣмецкою страною, а не славянскою или полу-славянскою), являлась поэтому политическимъ и литературнымъ оракуломъ для огромной массы читателей. Даже теперь еще, когда авторитетъ этой газеты значительно палъ, какъ и вообще престижъ нѣмецко-прогрессивной партіи, ея передовыя статьи остаются кладеземъ премудрости не только для множества читателей, но и для многихъ депутатовъ, оперирующихъ въ своихъ рѣчахъ аргументаціею этой газеты, въ ея фельетонѣ продолжаютъ появляться наиболѣе блестящія имена; а въ смыслѣ постановки технической стороны дѣла она продолжаетъ оставаться для многихъ недосягаемымъ идеаломъ.

Она, первая, замѣнила почтовыя корреспонденціи телеграф-

ными; можетъ позволять себѣ роскошь печатанія обширнѣйшихъ парламентскихъ и судебныхъ отчетовъ въ видѣ телеграммъ, занимающихъ цѣлыя страницы; щеголяетъ появленіемъ на ея столбцахъ одновременно съ появленіемъ ихъ на столбцахъ берлинскихъ или парижскихъ газетъ столь-же подробныхъ, а иногда и болѣе подробныхъ отчетовъ о наиболѣе крупныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Берлинѣ или Парижѣ. Нѣкоторыя рѣчи Бисмарка обходились ей въ 300—400 гульденовъ, но она печатала ихъ за то въ тотъ-же день, что и въ Берлинѣ; а общій расходъ ея на телеграммы превышаетъ весь бюджетъ многихъ газетъ средняго калибра.

Въ смыслѣ техническомъ пошла по стопамъ «N. Fr. Presse» другая распространенная въ Вѣнѣ газета «Neues Wiener Tageblatt»; но въ общемъ эта газета нѣсколько пожиже своего образца, которому она старается подражать. Въ видѣ подзаголовка газета эта носитъ названіе: «демократическій органъ». Но демократическаго въ ней только и есть, что эти два слова. На дѣлѣ-же она отличается огромною дозою вполнѣ добровольнаго подхалимства и угодливой лести по отношенію къ «Obere Zehntausend», спѣша знакомить своихъ читателей со всякими «радостными и счастливыми» событіями въ жизни аристократіи, любовно смакуя подробности этихъ событій, захлебываясь въ восторгѣ отъ видѣнныхъ туалетовъ и обстановки (всѣ эти замѣчанія могутъ быть, впрочемъ, отнесены и къ «N. Fr. Presse»).

И тѣмъ не менѣе, если закрыть на это глаза, то нужно будетъ признать, что политическій и литературный отдѣлы этой газеты, очень отзывчивой и живой, составляются довольно талантливо и могутъ читаться не безъ пользы читательскимъ кругомъ этой газеты, состоящимъ изъ средне-мѣщанской публики и мелкаго чиновничества.

Основана была эта газета извѣстнымъ вѣнскимъ журналистомъ, Морицомъ Шепсомъ, прозваннымъ вѣнскимъ Вильмеланомъ. При немъ газета эта пользовалась такимъ большимъ вліяніемъ, что и сильные міра сего въ области политики и биржи заискивали въ немъ. Онъ скоро довелъ газету до положенія крупнаго органа, который одна акціонерная компанія сочла для себя выгоднымъ пріобрѣсти за 1¹/₂ милліона. Самъ

Шепсъ вскорѣ послѣ этого основалъ «Wiener Tageblatt» съ тою-же слащаво-демократическою, на самомъ-же дѣлѣ лишь quasi-демократическою программою. Но газета эта довольно безцвѣтна и безсодержательна и ведетъ мало-замѣтное существованіе.

Среднее мѣсто между «N. Fr. Presse» и этими газетами занимаетъ «Fremdenblatt».

Газета эта основана была еще въ 1848 г. Густавомъ Гейне, братомъ поэта. Въ тяжкія для печати времена газета эта предпочитала туземной австрійской политикѣ политику какой-нибудь Патагоніи или Бухары, съ которою она знакомила своихъ читателей, не прощала ни одной ошибки правительству... Мароккскаго султана и шаха Персидскаго; за то догадалась пригласить фельетониста, тонко знавшаго «le monde où l'on s'amuse», и фельетоны изъ жизни этого круга, равно какъ изъ жизни театральныхъ сферъ, талантливо и пикантно составлявшіеся, доставили этой газетѣ обширный кругъ читателей.

Гейне, наживъ на своей газетѣ колоссальное состояніе, удалился отъ дѣлъ, и газета послѣ множества перипетій сдѣлалась оффиціознымъ органомъ министерства иностр. дѣлъ.

Нынѣ «Fremdenblatt» держится во всемъ аристократически-гладкаго тона и старается сохранить физіономію органа «верхнихъ десяти тысячъ», скучновата и нерѣшительна въ жгучихъ вопросахъ внѣшней и внутренней политики, консервативна въ вопросахъ литературы и искусства, но стоитъ на почвѣ строгой конституціональности и прогрессивныхъ началъ; щеголяетъ иногда изящнымъ во вкусѣ свѣтскихъ салоновъ фельетономъ.

Нужно сдѣлать большой скачекъ, чтобы отъ этой газеты перейти къ довольно распространенной «Arbeiter-Zeitung», органу соціалъ-демократической партіи, вдохновителемъ которой является организаторъ нынѣшняго рабочаго движенія въ Австріи, д-ръ Викторъ Адлеръ, а главнымъ редакторомъ— Аустерлицъ, которыхъ даже все и вся отрицающій берлинскій Максимиліанъ Гарденъ признаетъ выдающимися, чуть ли не лучшими въ Австріи журналистами. Газета эта, достаточно разносторонняя и отзывчивая, чтобы замѣнять вообще полити-

ческій органъ, охотно читается и не въ однихъ только рабочихъ кругахъ; съ программной точки зрѣнія своей партіи газета эта очень талантливо освѣщаетъ всѣ вопросы текущей политики; и такъ какъ она достаточно скромна и благоразумна, чтобы понимать, что еще не сегодня и не завтра представляемая ею партія можетъ быть призвана къ власти, то никакія соображенія партійнаго расчета и этикета не вынуждаютъ ее прикрывать истину того или другого оттѣнка флеромъ. Газета эта можетъ поэтому часто служить нитью Аріадны въ лабиринтѣ сложныхъ политическихъ и національныхъ распрей, которыми такъ богата австрійская жизнь.

Въ то время какъ всѣ вышеупомянутыя прогрессивныя, демократическія, quasi-демократическія и сухо-конституціонныя газеты относятся иногда даже сочувственно къ «Arbeiter-Zeitung», послѣдняя имѣетъ непримиримаго врага въ лицѣ антисемитской партіи, главными органами которой являются «Deutsches Volksblatt» и «Deutsche Zeitung».

Общая черта, свойственная всѣмъ этимъ органамъ христіанско-соціальной или антисемитской партіи, отстаивающей интересы клерикализма и поощряющей все, что носитъ печать реакціи,—это поразительно непристойный и вульгарный тонъ, въ которомъ эта печать ведетъ свою пропаганду.

То-ли обстоятельство, что эти газеты не обманываются на счетъ того, что ихъ партизанами могутъ быть только реакціонные отряды, боящіеся прогрессивнаго движенія и стремящіеся повернуть жизнь вспять (въ области соціальныхъ отношеній хр.-соціальная партія опирается на мелкое мѣщанство, мелкихъ лавочниковъ и ремесленниковъ и защищаетъ ихъ требованія о возстановленіи цеховыхъ порядковъ); то-ли, что онѣ сами не въ состояніи подняться выше прилавка,—во всякомъ случаѣ усвоенный ими тонъ разсужденій такъ претитъ своимъ мелко-мѣщанскимъ скудоуміемъ и филистерствомъ, своимъ злопыхательствомъ и своею узкосердечностью, что даже убѣжденнѣйшіе принципіальные противники прогрессивныхъ теченій и либеральной печати не могутъ, если они люди достаточно тонко чувствующіе, мириться съ этими грубыми защитниками мракобѣсія.

Въ наиболѣе рѣзкой формѣ проявляются эти особенности

въ лейбъ-органѣ антисемитской партіи «Deutsches Volksblatt». Вульгарный, пошлый тонъ, узость кругозора, претящій шовинизмъ празднуютъ здѣсь настоящія оргіи, pièce de résistance въ ежедневно подносимомъ газетою своимъ читателямъ варевѣ составляютъ ложные извѣты, заподозриванія, издѣвательства, облыжныя обвиненія. Лавочникамъ, кабатчикамъ и т. п. люду газета эта пришлась по-плечу, но, несмотря на то, что направленіе, защищаемое этою газетою, дало пышные всходы въ Вѣнѣ, оно не могло создать ни одного дѣйствительно-литературнаго органа, который могъ бы замѣнить сторонникамъ этого направленія презираемыя ими либеральныя газеты.

Довольствоваться тою «литературою», которую подноситъ своимъ читателямъ «Deutsches Volksblatt», не рѣшится уже даже мелкій чиновникъ, желающій прослыть образованнымъ, хотя въ общемъ радующійся успѣхамъ пропаганды такихъ органовъ, какъ Deutsches Volksblatt.

Этимъ и объясняется, почему довольно значительная распространенность антисемитской прессы ничѣмъ почти не отразилась на развитіи либеральной прессы: эта антисемитская пресса имѣетъ своего, спеціальнаго, читателя, которому и раньше были чужды напѣвы либеральной журналистики.

По стопамъ «Deutsches Volksblatt» старается идти и другая газета этого направленія: «Deutsche Zeitung». Газета эта была основана, чтобы служить рупоромъ нѣмецко-національной партіи, но вскорѣ подозрительные аллюры этой газеты заставили отшатнуться отъ нея людей, дорожившихъ своею репутаціею.

Въ настоящее время она влачитъ жалкое существованіе. Тотъ фактъ, что она когда-то зналась съ лучшими идеями и людьми, мѣшаетъ ей и теперь дѣлать тѣ «лихіе наѣзды» во всѣ области мысли и жизни, которые съ такою развязностью продѣлываетъ «Deutsches Volksblatt»; она поэтому безпомощно мямлитъ тамъ, гдѣ «Deutsches Volksblatt» дико завываетъ, и потому остается въ тѣни. Въ газетномъ мірѣ и читательской средѣ газета эта заслужила нелестную аттестацію «самой глупой газеты въ Вѣнѣ».

Честь эту, впрочемъ, оспариваетъ у нея «Reichspost», служащая соединительнымъ звеномъ между хр.-соціальными органами, не рѣшающимися открыто признать свой закулисный

союзъ съ клерикализмомъ, и органами откровенно-клерикальнаго направленія. Ординарный стиль и тонъ этой крайне безталанной газеты отпугиваетъ отъ нея даже ея сторонниковъ.

Роль главнаго органа клерикальной партіи играетъ газета «Vaterland», въ пользу которой нужно сказать раньше всего, что она имѣетъ «le courage de son opinion». Служа органомъ феодальной аристократіи и высшаго клеруса, она съ мужественною откровенностью отстаиваетъ всѣ взгляды и интересы этихъ круговъ, не дѣлая никакихъ уступокъ моднымъ теченіямъ, вродѣ демократическаго клерикализма и т. п. Наоборотъ, она не поколебалась даже однажды прямо заявить: «католическая религія, собственно говоря, никогда не была «народническою» и не стремится сдѣлаться таковою, ибо она довольствуется тѣмъ, что признана и почитаема благородными кругами; католическая религія есть религія высшихъ круговъ»... Застывшая на теоріяхъ и взглядахъ XV или XVI в., газета эта ведетъ свою линію безъ уклоненій въ сторону, стараясь спасти, что можно, и служа душеумилительнымъ чтеніемъ для людей своего круга, но вмѣстѣ съ тѣмъ и блестящею иллюстраціею для тѣхъ, которые считаютъ нужнымъ просвѣтить народъ на счетъ истинныхъ вожделѣній воинствующаго клерикализма.

Въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ теченій стоятъ: «Neues Wiener Journal», и «Reichswehr».

Первая изъ этихъ газетъ называетъ себя безпартійною и жаждетъ славы парижскаго «Gil Blas», но это остается для нея недосягаемымъ идеаломъ. Вѣна—не Парижъ, и «наука страсти нѣжной» не проявляется здѣсь въ столь филигранно-отдѣланныхъ и игривыхъ формахъ. Максимумъ того, что этотъ вѣнскій «Gil Blas» можетъ сдѣлать, это держать читателей au courant всѣхъ тайнъ театральныхъ кулисъ. Но на счетъ «monde»'а и «demi-monde»'а ему приходится спасовать передъ парижскимъ собратомъ; и отъ великосвѣтской «скандалезной хроники» этой газеты, которой въ лучшемъ случаѣ удается дотронуться до плеча биржевого туза, или барона, пахнетъ больше прачешной и кухней. Щеголяетъ эта газета interview'ами. Временами бываетъ недуренъ отдѣлъ передовыхъ

статей, въ которыхъ приводятся «трезвенные» взгляды на политическіе и общіе вопросы.

Своего рода unicum представляетъ вѣнская «Reichswehr». Оставаясь обще-политическою газетою, «Reichswehr» сдѣлалъ себѣ спеціальность изъ любви къ арміи, славословіе которой способно заставить ее подняться даже «сизымъ орломъ подъ облакы», хотя во всѣхъ остальныхъ вопросахъ газета ползетъ terre à terre.

Газету эту прозвали поэтому «револьверною»; но не только потому, что ее приводитъ въ умиленіе и способно загипнотизировать дуло револьвера, но и потому, что она прибѣгаетъ къ гипнотическимъ внушеніямъ при помощи дула револьвера.

«Revolver-Blatt»—это общее въ Австріи опредѣленіе для газетъ, умѣющихъ получать мзду за замалчиваніе того, разглашеніе чего было-бы неудобно для отдѣльныхъ группъ или лицъ (такимъ лицамъ приставляется, фигурально выражаясь, револьверъ къ груди съ требованіемъ выкупа). И въ этомъ то отношеніи «Reichswehr» обнаружилъ въ свое время «мужество», къ которому вполнѣ примѣнимы слова о «цинизмѣ, доходящемъ до граціи». Когда замѣнившій графа Бадени на посту министра-президента гр. Тунъ (въ 1897 г.) отказался платить этой газетѣ обусловленную сумму, редакторъ ея, оберълейтенантъ Дависъ, ничто-же сумняшеся, вчинилъ искъ къ правительству и представилъ документы, доказывавшіе, что за защиту газетою политики правительства послѣднее обязалось уплатить за 1896 г. 40.000 гульд., за 1897 г.—130.000 гульденовъ.

И Дависъ громко настаивалъ на уплатѣ ему этого содержанія изъ «рептильнаго фонда».

Погубила, видно, солдатская прямота и простота, не позволившая сообразить, что такого рода дѣла обдѣлываются келейно. Гражданскіе редакторы-издатели, какъ это каждому въ Австріи извѣстно, никогда такъ громко не требуютъ а... въ накладѣ не остаются.

Въ просторѣчіи первая изъ этихъ газетъ называется еще «Die blutige Hacke» («Кровавая мотыга») за ея страсть описывать всякія убійства, самоубійства, казни, грабежи со всѣми

кровавыми, подирающими морозомъ по кожѣ подробностями. Все это подается читателю «съ пылу горячимъ»; черезъ часъ-два послѣ убійства или катастрофы «Extrablatt» выходитъ уже съ иллюстраціею, воспроизводящею обстановку событія и его героевъ.

Въ дополненіе къ этой хроникѣ, помѣщающейся въ текстѣ, фельетонъ угощаетъ читателя уголовными романами съ страшными заглавіями, вродѣ «Черный діамантъ или любовникъ двухъ королевъ» и т. д.

Тѣмъ-же характеромъ отличается и конкуррирующая съ «Extrablatt» газета «Weltblatt», разница между которыми заключается въ томъ, что первая вращается въ орбитѣ либеральной журналистики, вторая—въ орбитѣ журналистики реакціонной. Указавъ еще на «Volkszeitung», самый тусклый органъ нѣмецко-прогрессивной партіи, скромной и въ добродѣтеляхъ своихъ и въ грѣхахъ, и отличающейся приличнымъ тономъ. да на «Ostdeutsche Rundschau», шумно, рѣзко и задорно выступающей подъ знаменемъ радикально-нѣмецкой (пангерманской) партіи, мы дали полный перечень всѣхъ замѣтныхъ органовъ вѣнской журналистики.

Кромѣ этихъ газетъ, въ Вѣнѣ еще издается нѣсколько иллюстрированныхъ еженедѣльныхъ изданій («Das interessante Blatt», «Illustrirte Zeitung», «Wiener Bilder» и др.), знакомство съ которыми, впрочемъ, не можетъ ослабить неблагопріятнаго впечатлѣнія, производимаго духовною физіономіею вѣнской журналистики.

Вздохъ облегченія вызоветъ только знакомство съ серьезнымъ еженедѣльникомъ: «Die Zeit», который, можетъ быть, придется признать единственнымъ праведникомъ въ этомъ грѣшномъ Содомѣ. Еженедѣльникъ этотъ довольно удачно замѣняетъ отсутствующіе въ Австріи ежемѣсячники, помѣщая довольно обстоятельныя статьи авторитетныхъ ученыхъ, политическихъ дѣятелей и писателей по отвлеченнымъ вопросамъ, равно какъ и по вопросамъ политическо-соціальной жизни. Если вопросы текущей политики въ Австріи и подвергаются здѣсь нѣсколько одностороннему освѣщенію, то статьи, посвящаемыя жизни другихъ странъ, спеціальнымъ и общимъ вопросамъ справедливо привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе

и должны считаться серьезнымъ вкладомъ въ обиходъ интеллектуальной жизни Вѣны [1]).

По стопамъ «Zeit» старается идти и другой еженедѣльникъ: «Die Waage», удѣляющій главное вниманіе вопросамъ литературы и искусства (редакторъ д-ръ Лотаръ, впослѣдствіи— Ценкеръ). Исключительно послѣднимъ посвященъ органъ: «Wiener Rundschau», пропагандирующій «новое направленіе» въ искусствѣ.

Ежемѣсячниковъ общаго характера (такъ называемыхъ толстыхъ журналовъ) на нѣмецкомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ въ Австріи. Отчасти это объясняется разношерстностью населенія Австріи въ національномъ отношеніи, благодаря чему такой журналъ на нѣмецкомъ языкѣ не можетъ расчитывать на обезпечивающій его существованіе контингентъ читателей; главнымъ-же образомъ объясняется конкурренціею германскихъ толстыхъ журналовъ, удовлетворяющихъ запросамъ нѣмецкаго населенія въ Австріи, которое въ культурномъ отношеніи (если ужъ не говорить о политическомъ) тяготѣетъ въ Германіи.

Отчасти возмѣщаетъ этотъ недостатокъ огромное множество спеціальныхъ и профессіональныхъ журналовъ, задѣвающихъ попутно и общіе вопросы и оказывающихъ, въ смыслѣ воспитательнаго воздѣйствія на населеніе, пожалуй гораздо большія услуги, чѣмъ руководящая политическая печать столицы.

Въ этомъ смыслѣ заслуживаетъ особаго вниманія и провинціальная печать Австріи. Она, можетъ быть, лишена тѣхъ величавыхъ замашекъ, которыми щеголяетъ столичная печать, менѣе блестяще выглядитъ, не захватываетъ такого обширнаго круга интересовъ; но воспитательное ея значеніе, ея роль въ смыслѣ руководительства читателемъ гораздо больше. Здѣсь газета еще является оракуломъ для читателя, который рѣдко имѣетъ случай приходить въ непосредственное соприкосновеніе съ политическою жизнью, съ устною агитаціею, и

---

[1]) Въ самое послѣднее время редакціею этого еженедѣльника (редакторы: проф. Зингеръ и д-ръ Каннеръ) основанъ крупный ежедневный политическій органъ, называющійся также: «Die Zeit», обѣщающій руководиться тѣми-же принципами, которые положены были въ основу еженедѣльника: «Die Zeit».

потому привыкаетъ искать только въ газетѣ указанія политическаго характера. Газеты къ тому-же здѣсь ближе къ читателю, больше на-виду, стоятъ нерѣдко подъ непосредственнымъ контролемъ мѣстной организаціи той политической партіи, выразителемъ мнѣній которой онѣ являются.

Въ общемъ провинціальная печать поэтому чище и опрятнѣе, больше заботится о своей духовной физіономіи, удѣляетъ меньше вниманія погонѣ за сенсаціею, которой печать большихъ городовъ отводитъ главное мѣсто, менѣе испорчена и менѣе доступна коррупціи.

О количествѣ обращающихся въ провинціи газетъ можно судить по тому, что согласно даннымъ 1897 г. (собраннымъ Э. Ценкеромъ) общее число политическихъ газетъ достигло 738 (на Вѣну изъ этого числа приходилось 19), число-же періодическихъ изданій вообще достигло цифры 2523.

Распредѣленіе этого количества періодическихъ изданій по отдѣльнымъ областямъ далеко не равномѣрно. Въ Нижней Австріи, напр., одна газета приходится на 17,750 человѣкъ, въ Богеміи—на 40,000, въ Буковинѣ—на 65,000, въ Галиціи—на 118,000.

Въ 90-ыхъ годахъ одна нѣмецкая газета приходилась на 6,136 человѣкъ; одна итальянская—на 9,004; одна чешская—на 13,187; одна словинская—на 30,171; одна польская—на 31,787; одна сербо-хорватская—на 33,943; одна русинская—на 135,009.

При этомъ нужно, однако, принять во вниманіе, что славянскія національности Австріи (кромѣ чешской) лишь послѣ 1848 г. начинаютъ вообще развивать свою собственную печать, въ то время какъ до тѣхъ поръ онѣ довольствовались нѣмецкими газетами. Въ виду этого обстоятельства появленіе за такой короткій срокъ (исходнымъ моментомъ нужно считать даже не 1848-ой, а 1862-ой годъ, когда вообще начала развиваться газетная дѣятельность въ Австріи) 117 польскихъ, 39 словинскихъ, 23 русинскихъ и 19 сербо-хорватскихъ газетъ можетъ быть признано даже очень быстрымъ ростомъ.

Обращаясь къ распредѣленію газетъ по отдѣльнымъ областямъ, мы должны раньше всего отмѣтить, что, послѣ Вѣны, Прага, несмотря на чрезвычайно быстрое усиленіе чешскаго

элемента въ этомъ городѣ, все еще является центромъ, гдѣ процвѣтаетъ провинціальная нѣмецкая журналистика. Объясняется это, конечно, прежде всего интенсивностью національно-политической борьбы, которая здѣсь ведется неустанно и въ которой сильнѣйшимъ образомъ заинтересована богатая нѣмецкая буржуазія Богеміи, отчаянно защищающая каждую пядь тѣхъ выгодныхъ позицій, которыя она нѣкогда занимала.

Главными органами богемскихъ нѣмцевъ въ Прагѣ является «Bohemia», служащая органомъ руководителей нѣмецкаго движенія въ этой странѣ. Это обстоятельство придаетъ «Богеміи» крупное политическое значеніе; но въ то-же время газета эта обращаетъ серьезное вниманіе на литературную сторону изданія, благодаря чему она охотно читается и въ тѣхъ нѣмецкихъ кругахъ, которые не столь систематически слѣдятъ за политикою.

Вторымъ распространеннымъ нѣмецкимъ органомъ Праги является «Prager Tagblatt», какъ и «Bohemia» принадлежащій къ прогрессивному направленію, несмотря на свой оффиціальный характеръ.

Въ остальныхъ городахъ Богеміи вліятельными органами являются «Reichenberger-Zeitung», «Leitmeritzer Zeitung», «Pilsener Zeitung» (по имени городовъ, въ которыхъ онѣ издаются); рядомъ съ этими газетами, выражающими взгляды прогрессивной партіи, въ послѣдніе годы пустили глубокіе корни газеты нѣмецко-народнаго направленія, мало чѣмъ отличающіяся въ политическомъ отношеніи отъ нѣмецко-прогрессивнаго (Deutschvölkliche выдвигаютъ на первый планъ нѣмецко-національныя требованія, почему они *въ теоріи не отвергаютъ* антисемитизма, хотя на практикѣ мало останавливаются на этомъ вопросѣ; въ области соціально-политической они отстаиваютъ аграрные интересы и склонны поддерживать соціально-политическое законодательство) и газеты нѣмецко-національнаго или радикально-нѣмецкаго (или пангерманистскаго, какъ ихъ называютъ) направленія.

Среди этихъ послѣднихъ своего рода уникумъ представляетъ газета «Unverfälschte deutsche Worte», органъ Шенерера, вожака пангерманской партіи въ Австріи. Послѣдній не довольствуется тѣмъ, чтобы нѣмцы были просто нѣмцами,

а требуетъ, чтобы они были «тевтонами» со всѣми признаками первобытнаго тевтонства. Для него «Deutschland, Deutschland über Alles», и онъ не совсѣмъ даже можетъ мириться съ мыслью, какъ это какіе-то чехи, поляки и т. п. «племена» могутъ требовать и для себя мѣста «на солнечной сторонѣ», когда на свѣтѣ есть «германы», претендующіе на это мѣсто.

Конечные его идеалы сводятся къ тому, чтобы Австрія развязалась со своими славянами (отказалась отъ Галиціи, подарила-бы южно-славянскія области Венгріи), онѣмечила тѣхъ славянъ, которыхъ выбросить нельзя, и растворилась-бы въ Германіи. Такъ какъ однимъ изъ препятствій для этого онъ считаетъ католицизмъ, отъединяющій австрійскихъ нѣмцевъ отъ германскихъ, то онъ открылъ походъ противъ Рима (пропаганда, извѣстная подъ кличкою: «Los von Rom!»). Охотнѣе всего онъ превратилъ-бы нѣмцевъ въ язычниковъ, чтобы уподобить ихъ древнимъ тевтонамъ. Въ своемъ органѣ онъ во всякомъ случаѣ не признаетъ христіанскаго календаря, называетъ мѣсяцы и дни ихъ древне-тевтонскими языческими именами (Горнунгъ, Гартунгъ и т. п.), празднуетъ языческіе праздники.

Но такъ какъ на полное возстановленіе язычества Шенерер, при всей своей самонадѣянности, все таки, видно, большихъ надеждъ не возлагаетъ, то онъ разрѣшаетъ пока ограничиться протестантизмомъ. Въ этомъ духѣ и въ соотвѣтствующемъ тонѣ и ведется органъ Шенерера. Эти-же темы развиваются и въ другихъ органахъ радикально-нѣмецкой печати, придерживающихся рѣзко-наступательной политики въ національныхъ вопросахъ; только форма, въ которой пропагандируются эти идеи, носитъ болѣе культурный отпечатокъ, когда приходится говорить съ горожанами, а не съ «полѣшуками», которыхъ имѣетъ въ виду самъ Шенереръ...

Какъ наиболѣе промышленный центръ Австріи, Богемія— и на первыхъ порахъ именно ея нѣмецкіе округи—должна была явиться удобной почвой для зарожденія довольно сильной рабочей прессы.

Такъ оно и было.

Зачатки рабочей прессы, какъ мы уже видѣли, были въ Австріи уже въ 1848 г., когда появились «Das Wiener Allgemeine Arbeiterblatt», «Arbeiter-Zeitung», «Wiener Arbeiter-

Courier» и др., выдвинувшіе вопросы о правѣ на трудъ, о высотѣ заработной платы и т. п.

Само собою разумѣется, что въ періодъ гоненій на прессу, этотъ видъ публицистики долженъ былъ раньше всего исчезнуть; и до 1858 года, когда пресса въ Австріи получила возможность дышать, Австрія никакой рабочей прессы не знаетъ. Около этого времени начинаютъ появляться въ Вѣнѣ еженедѣльныя и ежемѣсячныя изданія для рабочихъ; но это еще больше органы католическихъ и филантропическихъ союзовъ, имѣющихъ въ виду воспитательное воздѣйствіе на рабочую массу. Того, что теперь понимаютъ подъ рабочею прессою, т. е. органовъ, ведущихъ отъ имени рабочихъ защиту интересовъ рабочей массы, и тогда еще не было. Этого рода пресса становится возможною лишь послѣ введенія въ Австріи парламентскихъ учрежденій и особенно послѣ признанія закономъ права коалиціи, учрежденія рабочихъ союзовъ для защиты интересовъ рабочаго класса.

Въ 1867 г. появляются одновременно въ Вѣнѣ, Прагѣ и Тріестѣ органы саморазвитія рабочихъ-печатниковъ: «Vorwärts»-«Dělnik», «L'Operaio», за которыми слѣдуетъ множество такихъ-же органовъ, основанныхъ въ послѣдующіе годы. Всѣ они стоятъ пока исключительно на почвѣ умственнаго и моральнаго воздѣйствія на рабочихъ и увлекаются Шульце-Деличевскими программами самопомощи.

Въ 70-тыхъ годахъ почти всѣ рабочіе органы проникаются идеями Лассаля и начинаютъ разрабатывать въ дѣйствительномъ смыслѣ программы рабочихъ партій. Въ 80-ыхъ годахъ принятыя правительствомъ репрессивныя мѣры противъ соціалъ-демократической партіи, вызвавшія разгромъ этого еле еще начавшаго складываться движенія, лишило рабочія массы прежняго руководительства, и на время усиливается вліяніе анархистскихъ тенденцій, которыя сюда занесъ извѣстный агитаторъ Мостъ. Вѣнскіе органы «Zukunft» и «Dělnické Listy», Пражскіе «Socialist» и «Communist», Рейхенбергскій «Der Radicale» и др. всѣ болѣе или менѣе заражены анархистской пропагандой.

Лишь къ концу 80-ыхъ годовъ эта волна улегается, и органы рабочей партіи снова входятъ въ соціалистическій

фарватеръ, сдѣлавъ исходнымъ пунктомъ своей критики и своей пропаганды положенія научнаго соціализма. Каждый такой органъ является центромъ, вокругъ котораго группируются мѣстныя организаціи и который вмѣстѣ съ тѣмъ стоитъ подъ контролемъ партіи.

Къ началу нынѣшняго столѣтія рабочая пресса Австріи насчитывала 72 органа, изъ коихъ 32—нѣмецкихъ, 29—чешскихъ, 7—польскихъ, 2—итальянскихъ, 1—русинскій, 1—словинскій. Центральный органъ партіи, «Arbeiter-Zeitung», издающійся въ Вѣнѣ, выходитъ въ видѣ крупнаго столичнаго ежедневнаго органа, отзывающагося на всѣ текущіе вопросы, и распространенъ поэтому не только въ рабочей средѣ...

Любопытно, что нѣмецкая печать въ Богеміи, будучи представлена органами всѣхъ оттѣнковъ, начиная съ умѣренно-прогрессивнаго и кончая соціалъ-демократическимъ, не выдвинула ни одного замѣтнаго органа нѣмецко-клерикальнаго характера, для котораго здѣсь какъ-то не оказалось мѣста: настолько, повидимому, здѣсь поглощаетъ вниманіе національная борьба, противоядіемъ противъ которой можетъ еще явиться развѣ соціалистическая пропаганда, дающая мысли другое направленіе.

Послѣ Богеміи нѣмецкая провинціальная печать процвѣтаетъ еще въ Верхней Австріи, насчитывающей 28 политическихъ органовъ.

За Верхнею Австріею слѣдуетъ Нижняя Австрія, которая, несмотря на страшную для остальныхъ городовъ этой области конкурренцію Вѣны, все-таки имѣетъ еще 18 ежедневныхъ газетъ въ своихъ провинціальныхъ городахъ, не говоря уже о множествѣ не-ежедневныхъ изданій. Объясняется это интенсивностью борьбы между хр.-соціальною и соціалъ-демократическою партіями въ этой области, гдѣ каждая изъ этихъ партій старается имѣть въ наиболѣе оживленныхъ пунктахъ (Modling, Wiener-Neustadt, Baden, St.-Pölten, Krems и др.), свой органъ.

Въ Штиріи борьба ведется между нѣмецко-народною, радикально-нѣмецкою и хр.-соціальною партіями—съ одной стороны и между всѣми ими съ словинскою партіею—съ другой стороны.

Нѣмецко-народная партія имѣетъ своего выразителя въ «Grazer Tageblatt»; радикально-нѣмецкая—въ «Deutsche Wacht».

Въ Тиролѣ, гдѣ клерикалы пользуются еще огромнымъ вліяніемъ на малокультурное и невѣжественное горное населеніе, процвѣтаетъ клерикальная журналистика («Tiroler Volksblatt», «Neue Tiroler Stimmen»), которая здѣсь отличается рѣзко-агрессивнымъ характеромъ.

Съ клерикальной фалангой ведетъ ожесточенную борьбу цѣлый рядъ органовъ либеральной журналистики («Innsbrucker Tagblatt», «Meraner Zeitung», «Pusterthaler Bote» и др.), изъ коихъ нѣкоторыя, какъ «Der Scherer», постоянно подвергаются конфискаціямъ за свои остроумныя нападки на патеровъ.

Уже въ Каринтіи и Крайнѣ, не располагающей, впрочемъ, вообще замѣтно развитой прессой, нѣмецкая журналистика представлена слабо; въ остальныхъ областяхъ она уже встрѣчается только спорадически, чтобы исчезнуть совсѣмъ въ Галиціи, хотя въ сосѣдней Буковинѣ и есть нѣсколько нѣмецкихъ органовъ.

Среди чешскихъ газетъ наиболѣе распространеннымъ органомъ является теперь «Národní Listy».

Нужно, впрочемъ, оговориться, что подъ чешскими газетами мы здѣсь понимаемъ исключительно газеты на чешскомъ языкѣ; ибо существуютъ и на нѣмецкомъ языкѣ газеты, служащія исключительно чешскими органами.

При обозрѣніи чешской журналистики нельзя умолчать объ одной изъ этихъ газетъ, а именно: «Politik», издающейся въ Прагѣ съ 1862 г. Газета эта, основанная въ стилѣ крупныхъ нѣмецкихъ органовъ печати, играла очень крупную роль въ то время, когда чешско-національнымъ движеніемъ руководила старочешская партія, опиравшаяся на чешское феодальное дворянство. Побѣда младочешскаго движенія, выступившаго на первыхъ порахъ съ прогрессивно-демократическою программою и рѣзко критиковавшаго политику феодаловъ, лишила «Politik» ея прежняго руководящаго значенія, перешедшаго къ органу младочеховъ «Národní Listy».

Тѣмъ не менѣе «Politik» продолжала играть замѣтную роль и тогда, когда старочешская партія уже совсѣмъ исчезла съ политической арены; а теперь, когда значительно сгладились

програмныя разнорѣчія между старочешскою и младочешскою партіею, сдѣлавшею много уступокъ въ вопросахъ тактики и программы своимъ прежнимъ соперникамъ, «Politik» снова пріобрѣла крупное вліяніе и пользуется большимъ распространеніемъ, тѣмъ болѣе, что эта газета очень литературно составляется, прекрасно поставлена, какъ информаціонный органъ, и отводитъ очень много мѣста самымъ разнообразнымъ проявленіямъ въ политической, общественной, соціальной и духовной жизни чешскаго народа. «Národní Listy», съ перваго-же момента своего появленія, начали играть очень видную роль. Эта газета, вокругъ которой сгруппировались самые видные дѣятели чешскаго движенія, не только отражала пульсъ общественной жизни, но и сама создавала его, служа главнымъ руководителемъ въ борьбѣ за политическое возрожденіе чешской національности. Здѣсь разрабатывались всѣ програмные вопросы, создавалась новая школа чешскихъ политическихъ дѣятелей; здѣсь, можно сказать, создавался чешскій литературный языкъ, и стиль этой газеты долго считался образцомъ для литературныхъ произведеній на чешскомъ языкѣ.

Постепенное измельчаніе фарватера младочешскаго движенія, многимъ поступившагося ради тактическихъ соображеній и минутныхъ успѣховъ, отразилось соотвѣтствующе и на физіономіи этой газеты, либеральному прошлому которой приходится, вѣроятно, нерѣдко краснѣть за тѣ мысли и взгляды, которые теперь часто попадаются на столбцахъ этой газеты.

Вліятельнымъ органомъ консервативнаго направленія является «Hlas Národa».

Особнякомъ отъ обоихъ этихъ направленій стоитъ «Czas», органъ проф. Масарика и группирующейся около него той части чешской интеллигенціи, которая не можетъ мириться съ компромиссами, вошедшими въ программу и тактику младочеховъ, слишкомъ уже увлекшихся профессіональнымъ политиканствомъ. Эта, не особенно большая группа, называющая себя «реалистами», старается удержать національно-чешское движеніе на извѣстной культурной высотѣ, предостерегаетъ противъ опасностей шовинизма и стремится поставить все движеніе на соотвѣтствующій современности соціально-культурный базисъ.

Довольно распространеннымъ органомъ является и органъ чешской соціалъ-демократіи «Právo Lidu».

Кромѣ этихъ существуетъ еще множество политическихъ органовъ почти во всякомъ значительномъ городкѣ Богеміи и Моравіи. Всѣхъ чешскихъ газетъ насчитывалось въ 1897 году 368 въ Богеміи, 23 въ Моравіи.

Интересно отмѣтить, что, въ то время какъ Австрія не имѣетъ ни одного ежемѣсячника на нѣмецкомъ языкѣ, посвященнаго общимъ вопросамъ, чехи успѣли создать очень солидный ежемѣсячный органъ въ лицѣ «Czeská Revue», отражающей всѣ достойныя вниманія теченія въ духовной жизни чешскаго народа, и прекрасно издаваемый иллюстрированный литературный органъ «Zlatá Praha».

Польская журналистика, начиная съ 1862 г., когда сдѣлалось возможнымъ появленіе политическихъ газетъ, успѣла выдвинуть нѣсколько крупныхъ органовъ, какъ «Gazeta Narodowa», которая сначала велась въ національно-демократическомъ духѣ и энергично выступала противъ нѣмецко-централистской системы, чтобы потомъ сдѣлаться органомъ польской шляхты и отражать католическо-консервативныя тенденціи.

Бурный для Польши 1863-ій годъ, принесшій осадное положеніе для Галиціи, не только прервалъ на время дальнѣйшее развитіе прессы, но и наложилъ сильный отпечатокъ на направленіе позже-возникающихъ новыхъ органовъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, пропагандируютъ необходимость заняться «реальной» политикой, вмѣсто того, чтобы, отворачиваясь отъ требованій переживаемаго момента, помнить только объ идеѣ возстановленія польской независимости.

Въ этомъ духѣ ведетъ, напр., пропаганду возникшій «Dziennik Polski», доказывающій необходимость и желательность появленія польскихъ депутатовъ въ центральномъ (вѣнскомъ) парламентѣ, противъ чего возставала «Gazeta Narodowa», проповѣдывавшая абсентеизмъ поляковъ.

Возникшая, какъ оппозиція всесильной въ Галиціи польской шляхтѣ, демократическая организація положила начало газетѣ: «Kurjer Lwowski», къ которой впослѣдствіи присоединилось: «Słowo Polskie», болѣе умѣреннаго, либерально-демократическаго оттѣнка. Въ качествѣ противовѣса тенденціямъ этихъ двухъ

распространенныхъ органовъ, польско-шляхетская партія создала органъ: «Przegląd», отстаивавшій политику «польскаго клуба» (станчиковъ).

Въ общемъ, къ 1897 г. въ Львовѣ издавалось 8 политическихъ газетъ, изъ коихъ 5—консервативныхъ, 1—либеральная, 1—радикальная.

Въ Краковѣ, гдѣ долго консервативный «Czas» являлся самымъ распространеннымъ органомъ, возникаетъ лишь въ 1881 г. либеральная «Reforma», рядомъ съ которой вскорѣ возникла либеральная-же «Nowa Reforma».

Демагогическій консерватизмъ въ формѣ антисемитизма получилъ свое выраженіе въ Краковскомъ «Glos Naroda». Соціалъ-демократическая партія имѣетъ здѣсь свой главный органъ: «Naprzed», редактируемый извѣстнымъ польскимъ агитаторомъ Дашинскимъ.

Кромѣ этихъ, издается не только въ Краковѣ и Львовѣ, но и въ небольшихъ по населенію городскихъ центрахъ, множество менѣе значительныхъ газетъ, большею частью еженедѣльныхъ, представляющихъ различные оттѣнки политическихъ партій и служащихъ органами мѣстныхъ организацій. Особенно много такихъ газетъ возникло подъ вліяніемъ агитаціи патера Стояловскаго, создавшаго партію «стояловщиковъ», которая представляетъ довольно мутную помѣсь демократизма, вѣрнѣе, демагогизма съ христіанскимъ соціализмомъ, не скупящимся на радикальныя фразы, но реакціоннымъ по существу.

Общее число польскихъ газетъ въ Галиціи и Буковинѣ, составляло въ 1897 г. 161.

Изъ журналовъ на польскомъ языкѣ нужно отмѣтить «Przegląd polski», отражающій консервативные взгляды польской аристократіи, и издающійся въ Краковѣ чисто-литературный органъ «Przegląd literacki».

Русинская пресса въ Галиціи и Буковинѣ, стоя на общей почвѣ борьбы съ польскимъ элементомъ въ интересахъ охраненія національно-русинскихъ интересовъ, въ то-же время распадается на два крайне враждебныхъ другъ другу лагеря, изъ коихъ каждый обвиняетъ своего противника во всѣхъ семи смертныхъ грѣхахъ.

Младорусинская партія, признающая національную само-

стоятельность русинскаго народа. (малороссовъ) въ культурномъ отношеніи и имѣющая талантливыхъ выразителей этого теченія въ лицѣ извѣстнаго писателя и общественнаго дѣятеля Ивана Франко, и беллетриста Павлюка, проводитъ свои взгляды и свою программу въ газетѣ «Діло», являющейся самымъ вліятельнымъ и распространеннымъ органомъ этой партіи.

Старо-русинская партія, отрицающая культурную самостоятельность русинскаго народа, видящая въ русинскомъ языкѣ

ОБЛАСТИ.	Общее число газетъ.	По содержанію.													
		Политическ.	Экономич.	Сельско-хозяйств.	Технич.-промышл.	Военн. Морск.	Медиц. Естествоз.	Юридическ.	Церковн. Епарх.	Педагог. Воспит.	Геогр. стат. ист.	Теат. Мод. Спорт.	Беллетр. Юмор.	Не-полит. мѣстн.	
Нижн. Австрія . . .	1245	220	198	48	199	19	64	26	30	47	28	130	81	32	1
Верхн. Австрія . . .	81	36	5	4	3	—	2	4	6	4	1	6	3	3	
Зальцбургъ	16	10	—	2	1	—	—	—	—	2	—	—	—	1	
Штирія	88	32	8	8	4	—	3	1	6	5	2	2	7	2	
Каринтія	17	11	—	1	1	—	1	—	1	—	—	—	—	1	
Крайна	32	7	3	4	—	—	1	1	5	6	1	3	1	—	
Берегов. зем. . . .	93	47	4	5	3	1	2	1	5	1	2	5	8	3	
Тироль	109	36	3	7	5	—	4	4	10	12	2	5	2	6	
Богемія	696	243	74	42	74	3	18	13	21	37	13	53	40	34	
Моравія	234	100	14	24	20	—	4	1	9	12	3	7	29	3	
Силезія	50	22	3	7	2	—	2	1	2	2	—	1	2	3	
Галиція	237	79	20	16	10	—	9	10	16	18	11	8	29	3	
Буковина	34	15	7	3	1	1	—	—	1	2	—	—	1	2	
Далмація	26	11	1	5	1	—	—	1	4	1	1	—	1	—	
Итого	2958	869	340	176	324	24	110	63	116	149	64	220	204	93	1

лишь діалектъ великорусскаго языка, отрицающая даже слово **«русинскій», которое она желала-бы видѣть замѣненнымъ словомъ «руській», сначала имѣла своимъ главнымъ органомъ «Слово», которое было замѣщено «Галицкою Русью»; нынѣ роль руководящаго органа досталась «Галичанину», мало напоминающему типъ современной европейской газеты своимъ содержаніемъ и болѣе похожимъ на мелкую провинціальную газету.**

По языкамъ.																По срокамъ выхода.									
																еженедѣльно					ежемѣсячно.				
На нѣмецк.	итальянск.	чешскомъ	польскомъ	словинск.	русинск.	сербо-хорватск.	еврейск.	греческ.	мадьярск.	румынск.	французск.	англійск.	русскомъ	латинск.	нѣскольк. язык.	6—7 разъ.	4 раза.	3 раза.	2 раза.	1 разъ.	4 раза.	3 раза.	2 раза.	1 разъ.	По четв. года.
1212	3	5	2	2	—	—	—	—	1	—	12	—	1	—	7	56	1	9	27	293	8	75	414	339	23
81	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	—	6	28	—	1	14	26	2
16	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	1	1	4	—	—	2	4	—
76	—	—	—	10	—	—	—	—	—	—		—	—	—	2	5	—	—	4	17	—	5	25	29	3
16	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2	5	—	—	6	1	1
7	—	—	—	25	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—	4	—	1	10	12	2
6	59	—	—	20	—	4	—	1	—	—	—	—	—	3	—	8	1	2	2	24	—	7	34	14	1
78	30	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	8	1	5	5	31	—	4	23	31	1
237	—	448	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	9	21	1	4	41	116	2	44	206	254	7
89	—	139	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	12	1	3	17	53	—	4	69	73	2
35	—	5	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	7	10	—	2	13	14	1
4	—	—	180	—	31	—	17	—	—	—	—	—	1	—	4	17	—	—	4	43	1	4	81	86	1
24	—	—	1	—	4	—	1	—	—	2	—	—	—	—	2	2	—	2	1	3	—	1	16	9	—
—	4	—	—	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—	1	1	1	—	1	6	2	—	1	9	8	—
1881	96	597	194	58	35	24	18	1	1	2	12	3	2	4	30	143	5	28	123	633	11	149	922	900	44

Литературнымъ ежемѣсячникомъ этой партіи служитъ «Научно-литературный сборникъ», издаваемой «Галицко-русскою матицею».

Въ соотвѣтствіи съ этими разногласіями на почвѣ чисто культурной распредѣляются и политическія симпатіи и тяготѣнія обоихъ этихъ направленій: всѣ симпатіи старорусской партіи принадлежатъ Россіи и «русскому духу» въ томъ видѣ, въ какомъ его понимаютъ нынѣшніе представители русскаго славянофильства; младорусинская партія отдаетъ свои симпатіи европеизму.

Сильнымъ препятствіемъ для развитія русинской прессы является малое распространеніе грамотности среди русинскаго населенія, въ примѣненіи къ которому дѣйствующій въ Австріи законъ объ обязательности первоначальнаго обученія остается, въ виду господствующей среди русинскаго населенія нищеты, мертвою буквой.

Рядомъ съ русинскою и польскою прессою въ Галиціи и Буковинѣ издается еще нѣсколько органовъ на еврейскомъ и румынскомъ языкахъ.

Сильное развитіе получила въ населенныхъ итальянцами австрійскихъ областяхъ итальянская пресса, выдвинувшая въ Далмаціи, Береговой землѣ и Тиролѣ нѣсколько крупныхъ органовъ, какъ «Piccolo» въ Тріестѣ, «Avvenire» въ Спалато.

Большинство итальянскихъ органовъ, отстаивая либеральную программу, ведетъ ожесточенную борьбу съ живущимъ бокъ-о-бокъ съ нимъ славянскимъ населеніемъ. Въ Тиролѣ итальянскіе органы энергично отстаиваютъ программу автономности итальянской части Тироля; итальянскіе органы Тріеста не всегда ограничиваются автономистскими требованіями и нерѣдко проявляютъ свои симпатіи ирредентистскому движенію, мечтающему о возсоединеніи этихъ областей съ Италіею...

Общее представленіе о состояніи печати въ послѣднее время можетъ дать прилагаемая таблица (см. стр. 158) о числѣ газетъ и журналовъ въ Австріи и ихъ распредѣленіи по различнымъ областямъ или «коронымъ землямъ» въ 1901 г.

* * *

Предложенный нами краткій очеркъ развитія австрійской прессы и ея положенія въ настоящемъ былъ бы не полонъ, если-бъ мы не остановились на тѣхъ нареканіяхъ, которыя она вызываетъ. Мы сочли болѣе удобнымъ сдѣлать это не примѣнительно къ отдѣльнымъ органамъ, противъ которыхъ раздаются эти нареканія, а въ заключительномъ словѣ, имѣющемъ въ виду общую характеристику.

Нареканія эти исходятъ изъ разныхъ сторонъ. Есть среди нихъ такія, которыя напоминаютъ ворчаніе и сердитое безсиліе Щедринскаго будочника, который никакъ не могъ взять въ толкъ, какъ это обывателю разрѣшается такое своеволіе, какъ право сворачивать, гдѣ ему угодно и когда ему угодно, то направо, то налѣво, то поворачивать назадъ, то даже идти впередъ, и которому очень хотѣлось построить всѣхъ обывателей въ ранжиръ и направлять всѣхъ мановеніемъ будочнической руки въ одну и ту-же сторону. Этимъ недовольнымъ можно было-бы отвѣтить словами австрійскаго министра-президента Кербера, который въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, по вопросу о возбужденіи преслѣдованій противъ органовъ печати, разъясняетъ представителямъ прокурорскаго надзора, что преслѣдованію не можетъ подвергаться серьезная критика общественныхъ явленій, даже если она составлена въ рѣзкой формѣ, «ибо что не можетъ устоять противъ критики, то, очевидно, обладаетъ недостаточною жизнеспособностью».

Но нареканія раздаются не только со стороны принципіальныхъ противниковъ свѣта и гласности, которые не могутъ мириться съ фактомъ существованія возможности для каждаго высказывать и отстаивать свои взгляды и мнѣнія и которые хотѣли-бы, чтобы все оставалось «шито-крыто».

Гораздо печальнѣе, что нареканія, и очень громкія нареканія, раздаются и со стороны искреннихъ друзей печати.

Нынѣшняя печать занимается фальсификаціею общественнаго мнѣнія ради партійныхъ или даже болѣе своекорыстныхъ побужденій; она вводитъ въ заблужденіе читателей, руководясь при оцѣнкѣ общественныхъ явленій не желаніемъ разъяснить истинный ихъ смыслъ, а сторонними соображеніями; она, въ погонѣ за читательскимъ пятакомъ, потворствуетъ нездоровымъ инстинктамъ массы; забывая свою просвѣтительную миссію, она

вѣчно гонится за сенсаціею, и подносить эту сенсацію въ пикантномъ видѣ, чтобы разжечь нездоровое любопытство читателя; она лицепріятна въ своихъ сужденіяхъ, подкупна, продажна; готова за деньги замалчивать то, о чемъ она обязана говорить, какъ выразительница общественныхъ интересовъ; за то способна погубить хорошее дѣло, если ее не расположили тѣми или иными средствами въ пользу этого дѣла и т. д., и т. д.

Кратко и ясно формулировала недавно всѣ эти обвиненія одна возникшая въ Вѣнѣ новая газета («Die Zeit»), которая въ своемъ циркулярѣ говоритъ: «въ Вѣнѣ до сихъ поръ существуетъ, можно сказать, только два типа изданій: богатыя газеты, живущія подкупомъ, и честныя газеты, умирающія отъ истощенія».

Чѣмъ вызвано это положеніе, являющееся такимъ тяжкимъ обвиненіемъ противъ печати, совсѣмъ не трудно прослѣдить.

Газета является теперь капиталистическимъ предпріятіемъ, для основанія котораго требуется крупный капиталъ, рѣдко находящійся въ распоряженіи дѣйствительныхъ профессіональныхъ журналистовъ, которые, повидимому, призваны своимъ горбомъ доказать справедливость жестокой ироніи, заключенной въ поговоркѣ: «отъ работы не будешь богатъ, а будешь горбатъ».

— Сколько, полагаете вы, нужно теперь для основанія газеты въ Вѣнѣ? спросилъ предсѣдатель суда во время разбирательства процесса одного вѣнскаго редактора-издателя.— Не меньше полу-милліона! отвѣтилъ экспертъ.

А болѣе компетентные эксперты увѣряютъ, что меньше, чѣмъ съ милліономъ, нельзя и приступить къ газетному предпріятію въ Вѣнѣ.

Въ Вѣнѣ, къ тому-же, были и еще спеціальныя условія, затруднявшія возникновеніе газеты безъ крупныхъ капиталовъ.

Сравнительно недавно еще отъ издателя требовался крупный залогъ, а газета была обложена налогомъ въ размѣрѣ 1 крейцера съ каждаго экземпляра, при чемъ налогъ взимался не съ проданнаго экземпляра, а съ вышедшаго изъ-подъ печатнаго станка, безразлично, будетъ-ли онъ проданъ или вернется въ экспедицію.

Новая газета, которой приходится раздавать на первыхъ

порахъ тысячи экземпляровъ даромъ, чтобы ознакомить публику съ газетою, и печатать на-рискъ тысячи экземпляровъ, вынуждена была, благодаря этому, уплачивать ежедневно фиску сотни и тысячи гульденовъ.

И всякое такое фискальное давленіе на газету обязательно приведетъ къ тому, что органы печати должны будутъ находиться въ зависимости отъ стороннихъ газетѣ, какъ органу чистой публицистики, элементовъ.

Но и при отсутствіи такихъ давленій газета теперь можетъ быть основываема, въ большинствѣ случаевъ, только финансистами, преслѣдующими при этомъ исключительно дѣлеческія задачи. Газета, поэтому, дѣлается зависимою и отъ основавшей ее денежной группы, и отъ давателей объявленій.

Только сильныя организаціи среди профессіональныхъ журналистовъ могли-бы избавить ихъ отъ необходимости поступать въ кабалу къ лицамъ и группамъ, которыя преслѣдуютъ, при посредствѣ газеты, стороннія и даже враждебныя истиннымъ задачамъ публицистики цѣли.

Въ силѣ останется, конечно, и тогда упрекъ въ односторонности, вытекающей изъ партійныхъ предубѣжденій. Но «это зло еще не такъ большой руки».

Это обвиненіе будетъ падать не столько на публицистику, сколько на самый фактъ существованія партій. Но это явленіе неизбѣжное, и недостатки партійной журналистики придется уже «in Kauf nehmen» вмѣстѣ съ тѣми услугами, которыя она, какъ выразительница мнѣній борющихся партій, оказываетъ общественному прогрессу, являющемуся результатомъ такой борьбы партій.

И если-бы только это обвиненіе тяготѣло надъ австрійскою журналистикою, то съ какою гордостью она могла-бы говорить о своихъ заслугахъ!

Ибо—при всѣхъ ея недостаткахъ— вѣнская журналистика нужно ей отдать справедливость, все таки обладаетъ и многими достоинствами. Раньше всего нужно сказать, къ ея чести, что она и теперь еще, при всей своей любви къ сенсаціи, далека отъ типа американской, напр., журналистики, превратившей газету въ листъ телеграммъ и извѣстій.

Вѣнская газета до сихъ поръ сохранила еще традиціи

«добраго, стараго времени», когда газета служила для чтенія, а не только для просмотра. Передовая статья и фельетонъ большинства вѣнскихъ газетъ и теперь еще носятъ характеръ публицистическихъ журнальныхъ статей, подвергающихъ обсуждаемый вопросъ тщательному и всестороннему разсмотрѣнію. Вѣнская журналистика сумѣла привлечь къ газетной работѣ такіе крупные таланты, какъ Шпейдель, Гансликъ, Виттманъ, Гевеши, Давидъ, Гроссъ, Герцль, Баръ, и воскресные или праздничные нумера вѣнскихъ газетъ даютъ за ничтожную цѣну (большинство австрійскихъ газетъ поступаетъ въ розничную продажу по цѣнѣ въ 3 и 4 копѣйки) такое обиліе даже чисто литературнаго чтенія, что такая газета въ извѣстной степени замѣняетъ даже журналъ и книгу.

И нельзя не видѣть большой заслуги въ томъ. что вѣнскія газеты сдѣлали доступнымъ каждому читателю, тратящему лишь грошъ на свои духовныя потребности, возможность знакомиться даже съ такими корифеями литературы, какъ Шпильгагенъ, Поль Гейзе и др., охотно помѣщающихъ свои произведенія въ главныхъ органахъ вѣнской печати.

Можно поэтому и по поводу вѣнской печати, несмотря на всѣ вызываемыя ею справедливыя нареканія, съ спокойною совѣстью воскликнуть: «E pur si muove!». И все таки она подвигаетъ впередъ процессъ общественнаго развитія! И все таки она достаточно выпукло отражаетъ общественное мнѣніе, которое, вѣдь, тоже не всегда можетъ вызывать сплошное одобреніе.

Не безъ основанія можно даже сказать, что часть упрековъ, которая падаетъ на печать, которая-де вводитъ иногда въ заблужденіе общественное мнѣніе, смѣло можетъ быть отнесена къ этому мнѣнію: вѣдь его давленіе и желаніе ему угодить нерѣдко заставляютъ печать сойти съ ея прямого пути.

Но точно такъ-же, какъ, несмотря на всѣ отрицательныя стороны, проявляемыя иногда игрой общественнаго мнѣнія, оно все таки остается могучимъ факторомъ общественнаго развитія, и печать тоже продолжаетъ играть эту роль, несмотря на сыплющіеся на нее упреки.

Мы теперь не можемъ жить безъ нея, какъ не можемъ жить внѣ давленія общественнаго мнѣнія, которое одинъ

ученый довольно удачно опредѣлилъ, сравнивъ его значеніе для индивидуальности и общества съ значеніемъ атмосферы, окружающей земной шаръ, мы не можемъ выбраться за предѣлы этой атмосферы безъ риска задохнуться въ разрѣженномъ воздухѣ; точно такъ же мы не можемъ высвободиться изъподъ давленія общественнаго мнѣнія, даже когда мы относимся къ нему съ тѣмъ презрѣніемъ, съ которымъ относился къ нему Лассаль, назвавшій его «вавилонскою блудницею» и призывавшій къ борьбѣ съ нимъ.

Откуда оно черпаетъ свою силу? какъ оно зарождается? Ниоткуда, а проникаетъ всюду, отвѣчаетъ академикъ Селлесъ; даже оттуда, гдѣ его не хотятъ видѣть. Гдѣ оно? Внѣ насъ и внутри насъ, ибо мы вдыхаемъ его вмѣстѣ съ воздухомъ. Изъ чего оно образуется? Изъ того, что вытекаетъ изъ головы и сердца человѣка. Въ него входятъ, какъ составныя части, согрѣвающая теплота новыхъ теченій мысли и отстатки идей отжившихъ, но еще не похороненныхъ; появленіе въ обществѣ новыхъ потребностей и существованіе въ немъ остатковъ старыхъ обычаевъ и суевѣрій; потъ работающихъ безъ достаточнаго вознагражденія и дыханіе пресытившихся жизнью; слезы невинно преслѣдуемыхъ и ростъ чувства сострадательности и милосердія и нравственнаго возмущенія несправедливостью; духъ истинной любви къ своей родинѣ и фразерство кичливаго шовинизма; зловоніе язвъ, трупный запахъ разлагающихся элементовъ, святое преклоненіе предъ высокимъ и благоуханія распускающейся жизни, все это вмѣстѣ создаетъ общественную атмосферу момента.

И развѣ не все это отражается и въ печати? Поэтому-то она—и въ добрѣ, и въ злѣ выразительница той или иной стороны общественной жизни. И въ этомъ-то кроется ея необычайная сила. Она могущественна, не будучи облечена общественною властью, отвѣчаетъ одинъ панегиристъ печатнаго слова. Она не издаетъ законовъ и декретовъ, не налагаетъ наказаній, не прибѣгаетъ къ мѣрамъ принужденія; ея судъ дѣйствителенъ только для желающихъ подчиниться ему. И все таки ей безъ зова слѣдуютъ, ей, не налагающей оковъ, подчиняются; ея похвалы добиваются, какъ высокой чести, ея осужденіе испытывается, какъ тяжкое наказаніе.

Ибо печатное слово, черезъ которое и въ которомъ получаетъ свое выраженіе общественное мнѣніе, какъ-бы собираетъ циркулирующіе въ обществѣ взгляды и идеи, закрѣпляетъ ихъ на вѣки и, можетъ быть, поэтому-то и обладаетъ такою поразительною силою вліянія.

И тѣ, которые именно въ виду этой силы вліянія печати относятся къ ней очень сурово «за грѣхи, за темныя дѣянія», ей присущія, должны, поэтому, помнить, что печать сама исцѣляетъ раны, которыя она наноситъ, что «оружіе свободныхъ людей—свободное слово», какъ выразился въ своемъ диѳирамбѣ «свободному слову» Аксаковъ, вѣрившій, что

«На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ-жъ и цѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,—
Свободное слово!

П. Звѣздичъ.

Очеркъ періодической печати въ Англіи.

Ай да свободная пресса!
Мало вамъ было хлопотъ?
Юное чадо прогресса
Рвется, брыкается, бьетъ,
Какъ забѣжавшій изъ степи
Конь, незнакомый съ уздой,
Или сорвавшійся съ цѣпи
Звѣрь нелюдимый, лѣсной...

Некрасовъ.

I.

— *Пресса* есть зеркало общественной жизни. Она непосредственный продуктъ послѣдней, ея отраженіе...

— *Пресса*—могущественное оружіе для выработки общественнаго мнѣнія, для приданія ему того или иного направленія. Кто имѣетъ въ своихъ рукахъ прессу, тотъ имѣетъ почти диктаторскую власть надъ страной...

— *Пресса*—это теперь седьмая великая держава, и, быть можетъ, болѣе вліятельная въ международной политикѣ, чѣмъ пресловутый концертъ другихъ шести державъ... Она—сильнѣйшій двигатель прогресса.

— *Пресса* превратилась въ чисто меркантильное явленіе, находящееся въ услуженіи у представителей капитала...

Таковы разнородные и противурѣчивые отзывы, которые вы услышите о періодической печати.

Какой же изъ этихъ отзывовъ справедливъ, какой заключаетъ наибольшую долю истины?

Мы отвѣчаемъ: всѣ они справедливы, рѣшительно всѣ.

— Но позвольте... Не можетъ же одинъ и тотъ же факторъ быть и продуктомъ общественной жизни и въ то же время орудіемъ

для выработки общественнаго мнѣнія, то есть директивой общественной жизни. Не можетъ пресса быть двигателемъ прогресса и въ то же время быть меркантильной и находиться въ услуженіи у капитала... Одно изъ двухъ: или она причина того или иного направленія общественной жизни, или она слѣдствіе этого направленія, или—она двигатель прогресса, или же—прислужница капитала. Но не можетъ же она быть и причиной и слѣдствіемъ, и прогрессивной и реакціонной силой?..

— Нѣтъ, она именно и то, и другое, и третье, и четвертое...

Если вы хотите понять періодическую печать какой либо страны, если вы стремитесь опредѣлить ея значеніе, изучайте ее въ связи со всѣмъ міромъ общественной жизни. Пресса—это нервная система общественнаго организма. Ея здоровое или болѣзненное состояніе отражается прямо или косвенно на функціонированіи всѣхъ другихъ органовъ общественнаго тѣла; но въ то же время сама пресса находится въ тѣсной зависимости отъ здороваго или болѣзненнаго состоянія всѣхъ общественныхъ органовъ и классовъ. И подобно тому, какъ въ біологіи вы не можете изучить исторіи развитія нервной системы безъ параллельнаго ознакомленія съ эволюціей живого организма, такъ и въ обществовѣдѣніи вы не можете получить вѣрнаго представленія о развитіи прессы даннаго общества безъ параллельнаго ознакомленія съ исторіей самого общества.

Вотъ почему въ нашемъ сжатомъ очеркѣ англійской прессы [1]) намъ придется удѣлить значительное мѣсто ознакомленію съ англійской жизнью вообще и отчасти съ новѣйшей исторіей этой жизни.

II.

Какая великая перемѣна произошла за послѣднее столѣтіе въ глубинахъ соціально-политической жизни Англіи, и въ то же время какъ мало замѣтна эта перемѣна при поверхностномъ

---

[1]) Въ виду обширности темы мы въ этомъ очеркѣ будемъ имѣть дѣло съ *газетой* и при томъ газетой по преимуществу *политической*. Объ англійскихъ журналахъ мы здѣсь говорить не будемъ; газетѣ же неполитической мы посвятимъ лишь нѣсколько страницъ.

наблюденiи! «Наши часы возвѣщаютъ громкимъ боемъ наступленiе каждаго новаго часа; но вы не услышите ударовъ молота въ исторiи вселенной, когда старая эра замѣняется новой эрой. Люди не понимаютъ того, что у нихъ подъ руками: *подобно тому, какъ спокойствiе есть характерное свойство силы, такъ наиболѣе важные факторы исторiи могутъ быть и наиболѣе молчаливыми»* [1]).

Взгляните на поверхность политической жизни Англiи,— какъ мало, повидимому, она измѣнилась! Сто двадцать лѣтъ тому назадъ англiйская передовая интеллигенцiя, съ Картрайтомъ, Горномъ Тукомъ и великимъ Фоксомъ во главѣ, выработала программу реформъ, представлявшую программу-минимумъ того времени. Палата общинъ, — заявили эти радикалы,—не можетъ сдѣлаться истинно-народнымъ учрежденiемъ, пока не будутъ установлены ежегодные всеобщiе выборы, всеобщее избирательное право, равные избирательные округа, тайное голосованiе при выборахъ, вознагражденiе членовъ парламента, и пока не будетъ отмѣненъ для послѣднихъ имущественный цензъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того вспыхнула французская революцiя, и въ сердцахъ передовой Англiи загорѣлись восторженныя надежды, засiяла свѣтлая вѣра.

«Bliss was it in that dawn to be alive;
«But to be young was very heaven»... [2])

— писалъ въ то время Уордсвортъ.

Прошло болѣе ста лѣтъ, программа радикаловъ 1780 года въ своихъ важнѣйшихъ пунктахъ давно осуществлена, а между тѣмъ въ парламентѣ по прежнему засѣдаютъ лишь одни богачи и миллiонеры, по прежнему политическая власть находится цѣликомъ въ рукахъ владѣющихъ классовъ, по прежнему среди трудящихся классовъ господствуетъ политическiй индифферентизмъ, и, какъ бы для полноты сходства, въ тотъ самый моментъ, когда пишутся эти строки, палата лордовъ занята разсмотрѣнiемъ билля о народномъ образованiи,—билля,

---

1) Thomas Carlyle. *Miscellaneous Essays.* T. II. p. 257 (*on History*).

2) «Видѣть ту зарю ужъ было счастьемъ;
«Но видѣть молодымъ—блаженствомъ было высшимъ».

устанавливающаго своеобразный налогъ со всего населенія въ пользу господствующей церкви... Формы нѣсколько измѣнились, духъ остался тотъ же. Болѣе того,—скажетъ пессимистъ,— духъ понизился, пошелъ въ сторону реакціи. Англія начала прошлаго вѣка напрягала всѣ свои силы, чтобы сокрушить тиранію Наполеона; теперь она напрягаетъ всю свою энергію, чтобы стереть съ лица земли двѣ крошечныя республики. Полвѣка тому назадъ англійская демократія носила на рукахъ Маццини и Гарибальди и отвѣчала возстаніемъ на всякую попытку правительства ограничить свободу митинговъ. Теперь она преклоняется передъ Чемберлэномъ-ренегатомъ и сама разноситъ митинги, лишь только кто либо рѣшается подвергнуть честной критикѣ политику Чемберлэна. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла все, что было прекраснаго въ Англіи, исчезло—исчезла честная пресса, испарились великіе люди, скрылись благородные борцы за великія идеи... И по неволѣ хочется повторить слова, сказанныя тѣмъ же Уордсвортомъ въ 1803 году, въ моментъ разочарованности, вызванной упадкомъ французской революціи.

«I find nothing great:
«Nothing is left which I can venerate;
«So that almost a doubt within me springs
«Of Providence, such emptiness at length
«Seems at the heart of all things»... [1])

Но этотъ дешевый пессимизмъ разсѣивается какъ дымъ, лишь только мы переходимъ отъ поверхностныхъ аналогій къ болѣе глубокому анализу англійской исторіи. Мы убѣждаемся тогда, что исторія XIX в. въ Англіи представляетъ собою стройную и непрерывную эволюцію всѣхъ сторонъ общественной жизни, и что эта эволюція неуклонно стремится въ сторону осуществленія тѣхъ высшихъ идеаловъ равенства и справедливости, которые теперь начертаны на знамени всей передовой Европы.

Безспорно, за послѣдніе годы число честныхъ органовъ

[1]) «Я не нахожу болѣе ничего великаго:
«Ничего, передъ чѣмъ я бы могъ преклоняться.
«И повсюду царитъ такая пустота,
«Что почти начинаешь сомнѣваться въ самомъ Провидѣньи»...

періодической печати значительно сократилось. Сознательная измѣна своему направленію такихъ газетъ какъ «Daily Chronicle», «Daily News», «Echo» [1]), и переходъ ихъ на сторону чемберлэновской политики представляютъ, несомнѣнно, грустные факты. Но они лишь показываютъ, насколько современная буржуазія чувствуетъ свою зависимость отъ трудящихся классовъ. Сто лѣтъ тому назадъ владѣющіе классы считали внѣшнюю политику своей монопольной собственностью, и имъ бы въ голову не пришло справляться у народа, что онъ думаетъ по поводу той или иной дипломатической ноты, одобряетъ ли онъ тѣ или иныя военныя дѣйствія. Народъ тогда читать не умѣлъ, да если бы и умѣлъ, для него газетъ не существовало. Свобода печати существовала лишь для имущихъ классовъ, для тѣхъ, кто могъ платить по 35 коп. за номеръ газеты. Народу же входъ въ храмъ печатнаго слова былъ закрытъ благодаря налогу въ 12 коп. на каждый фунтъ бумаги и въ 16 коп. на каждый номеръ газеты. Свобода печати, или точнѣе говоря, отмѣна «налога на знаніе» была, такимъ образомъ, въ интересахъ массъ. И массы, послѣ почти полувѣковой борьбы за народную прессу, добились, наконецъ, въ 1855 и 1861 гг., отмѣны ненавистныхъ налоговъ на знаніе.

Въ настоящее время всякій рабочій и всякій пахарь получаетъ свою ежедневную или еженедѣльную газету, и грамотность, благодаря школьному закону 1870 года, сдѣлалась всеобщей. Народныя полупенсовыя газеты расходятся теперь въ милліонахъ экземпляровъ. Правда, многія изъ этихъ газетъ въ состояніи скорѣе отравить, чѣмъ просвѣтить народные мозги, и эти газеты въ общемъ расходятся въ значительно большемъ количествѣ, чѣмъ газеты честнаго направленія. Но историческіе факты должно оцѣнивать не съ абсолютной точки зрѣнія, а съ относительной. И если мы сравнимъ число экземпляровъ демократической прессы, расходившихся въ первой половинѣ этого вѣка, съ количествомъ экземпляровъ однѣхъ только газетъ честнаго направленія, расходящихся нынѣ, мы убѣдимся, что сознательность народныхъ массъ за послѣдній

---

[1]) Послѣднія двѣ газеты, какъ мы увидимъ ниже, снова вернулись въ лоно гладстоновскаго радикализма.

вѣкъ сдѣлала громадный шагъ впередъ. Газета Фергюса О'Коннора—«Northern Star», основанная въ 1837 г. и имѣвшая наибольшій успѣхъ среди газетъ того времени, расходилась въ 60,000 экземпляровъ. Радикальныя газеты предыдущаго ей періода никогда не достигали такой распространенности. «Gauntlet», издававшаяся Карлейлемъ, продавалась въ 22,000 экз., «Crisis» Роберта Овена—въ 5,000 экз.; другія изданія для народа имѣли еще болѣе ограниченный кругъ читателей. Теперь же «Reynold's Newspaper», праздновавшая недавно свой 50-лѣтній юбилей и никогда не измѣнявшая своему демократическому и республиканскому направленію, расходится въ нѣсколькихъ стахъ тысячъ экземпляровъ; такое же широкое распространеніе имѣютъ двѣ другія демократическія газеты—«Weekly Echo» и «Morning Leader». Даже соціалистическая газета «Clarion» расходится теперь въ 60,000 экз. И, въ общемъ, чисто демократическіе органы имѣютъ по крайней мѣрѣ милліонъ читателей. Но даже продажныя дешевыя газеты такъ называемая «желтая» пресса, расходящіяся въ милліонахъ экземпляровъ, никоимъ образомъ не могутъ служить признакомъ паденія духовнаго уровня массъ. Такія газеты, какъ «Daily Mail», «Sun», «Daily Express», «Evening News», «Lloyd's Newspaper», «Weekly Despatch», «People» и т. д., служатъ орудіемъ, при помощи котораго господствующіе классы стараются привлечь представителей труда на сторону своей хищнической политики. И это лишь показываетъ, что въ Англіи правительство теперь не можетъ ничего предпринять, не заручившись одобреніемъ массъ, что голосъ народа завоевываетъ здѣсь все быстрѣе и быстрѣе принадлежащее ему мѣсто въ государственной жизни. Прикрываясь флагомъ равенства и братства людей и выставляя себя радѣтелемъ интересовъ труда, эти гешефтмахерскія газеты добиваются своихъ нечистыхъ цѣлей путемъ распространенія ложныхъ фактовъ. И непосредственный вредъ, приносимый ими, несомнѣнно великъ. Но онѣ приносятъ въ концѣ концовъ и свою крупную пользу. Онѣ знакомятъ народъ съ вопросами общественной и государственной жизни, съ бытомъ другихъ націй, будятъ мозги массъ, расширяютъ ихъ умственный горизонтъ, пріучаютъ ихъ интересоваться внутренней и

внѣшней политикой. Эти газеты играютъ въ Англіи ту же роль, какую въ Германіи или Австріи играетъ антисемитическая агитація. Маска лжи не можетъ долго затемнять однажды пробужденные мозги массъ, правда жизни въ концѣ концовъ выплываетъ наружу, и сегодняшній джинго или антисемитъ-пролетарій завтра проснется убѣжденнымъ демократомъ. Уже теперь можно замѣтить начало реакціи противъ южно-африканской войны. Нѣтъ сомнѣнія, что волна этой реакціи будетъ неудержимо расти и потопитъ творцовъ этой войны.

Еще менѣе опасеній должно внушать исчезновеніе великихъ людей, великихъ борцовъ за идеалъ. Герои подобны звѣздамъ. Они восходятъ и сіяютъ лишь на темномъ небѣ. Но они блѣднѣютъ, исчезаютъ, становятся ненужными тамъ, гдѣ свѣтъ широко разливается свободною волною и гдѣ массамъ живется сравнительно сносно. И именно таково положеніе дѣлъ въ Англіи. Если мы сравнимъ положеніе трудящихся классовъ въ Англіи, какимъ оно было въ началѣ XIX вѣка, и каково оно теперь, мы убѣдимся въ значительномъ и несомнѣнномъ прогрессѣ. Всѣ тѣ цѣпи, какія сковывали раньше мысль и дѣйствія рабочаго и пахаря, пали втеченіе этого вѣка одна за другой, и можно смѣло сказать, что борьба за свободу теперь въ Англіи немыслима,—немыслима просто потому, что самая широкая свобода здѣсь уже господствуетъ. Свобода печати здѣсь царствуетъ безграничная. Гоненій на прессу нѣтъ не только прямыхъ, но и косвенныхъ. Reynold's Newspaper и соціалистическія газеты, нападающія безпощадно на правительство и въ каждомъ номерѣ выясняющія всю преступность южно-африканской войны, школьнаго билля, ирландской политики и всѣхъ хищническихъ мѣръ послѣднихъ лѣтъ, имѣютъ вполнѣ свободный доступъ даже въ казармы. «Раньше это было воспрещено, — объяснилъ мнѣ офицеръ,—и солдаты читали эти газеты въ двадцать разъ больше именно потому, что онѣ были запретнымъ плодомъ. Послѣ отмѣны запрещенія онѣ стали читаться гораздо меньше». Въ Англіи народъ имѣетъ право устраивать митинги подъ открытымъ небомъ, чего не позволяется ни въ одной изъ крупныхъ странъ Европы. Джонъ Бэрнсъ, соціалистическій депутатъ одного изъ округовъ Лондона, устраивалъ за послѣд-

ніе годы каждое воскресенье митинги въ Бэттерси-паркѣ, на которые собиралось по нѣсколько тысячъ человѣкъ. Митинги эти направлены были противъ войны и правительства, и полиція охраняла Бёрнса отъ нападеній джинго. Примѣру Бёрнса слѣдуютъ многіе другіе соціалисты, и вездѣ полиція безстрастно слѣдитъ за порядкомъ на митингахъ [1]). Самое слово «соціалистъ» здѣсь не пользуется ни тѣмъ обаяніемъ среди однихъ слоевъ, ни той ненавистью среди другихъ, какіе мы видимъ на континентѣ. И это потому, что соціализмъ здѣсь не преслѣдуется. На устраиваемыхъ соціалистами митингахъ вы нерѣдко встрѣтите солдатъ среди публики. Многіе изъ чиновниковъ и въ особенности изъ народныхъ учителей открыто заявляютъ себя соціалистами, и это не мѣшаетъ имъ получать повышенія по службѣ. Основанная ученымъ соціалистомъ Сиднеемъ Веббомъ «Школа политической экономіи и политики» въ настоящее время включена въ качествѣ отдѣльнаго факультета въ новый лондонскій университетъ и пользуется правительственной субсидіей и привилегіями государственной школы. Соціалистъ Оливьé, членъ и одинъ изъ основателей Общества Фабіанцевъ, въ началѣ 1900 года получилъ назначеніе отъ Чемберлэна на важный постъ секретаря Ямайки. На другой день послѣ назначенія въ Обществѣ Фабіанцевъ былъ митингъ по вопросу о войнѣ, и самую страстную рѣчь противъ чемберлэновской политики произнесъ именно Оливьé.

О положеніи рабочаго класса въ Англіи, о его психической физіономіи и его завѣтныхъ думахъ я не могу говорить подробно въ этомъ очеркѣ. Здѣсь я отмѣчу только два несомнѣнные факта. Англійскій рабочій, на основаніи писаннаго и неписаннаго закона, пользуется самой широкой свободой, можно сказать всей той свободой, какая доступна индивидууму въ буржуазно-общественной организаціи. И, во-вторыхъ, матеріальное положеніе трудящихся классовъ непрерывно улучшалось втеченіе этого вѣка, и въ настоящій моментъ оно стоитъ на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ когда бы то ни было раньше

[1]) Въ самомъ началѣ войны полиція смотрѣла сквозь пальцы на нарушителей порядка на антиджингоистскихъ митингахъ. Но немедленно былъ сдѣланъ по этому поводу запросъ въ парламентѣ, и послабленіе полиціи исчезло.

за послѣднее столѣтіе, и значительно выше, чѣмъ положеніе трудящихся въ любой изъ странъ Европы [1]). Эти два факта объясняютъ намъ, почему англійскій рабочій проявляетъ такую политическую индифферентность въ послѣдніе годы. «Джонъ Булль,—говоритъ Холландъ Розе, [2])—является наиболѣе упорнымъ изъ недовольныхъ, когда у него нѣтъ ни гроша въ карманѣ; онъ тогда даже проявляетъ извѣстныя политическія убѣжденія, никогда, однако, не упуская изъ виду ближайшіе практическіе результаты. Но пока къ его услугамъ имѣется ростбифъ и пиво, онъ мало говоритъ объ абстрактныхъ вещахъ, его довольство тогда колоссально». Эти слова Розе вполнѣ справедливы по отношенію къ настоящему времени. На континентѣ рабочій классъ организуется во имя извѣстныхъ идеаловъ, стремится къ завладѣнію политической властью, борется за расширеніе свободы индивидуума. Въ основѣ этой борьбы и тамъ лежитъ стремленіе къ улучшенію своего матерьяльнаго положенія. Но тамъ связь между политической властью и экономическими интересами классовъ ясна всякому мыслящему рабочему. Прогрессъ совершался въ этихъ странахъ, и болѣе всего во Франціи, путемъ смѣны революцій и реакцій. Каждая революція носила въ себѣ зародыши реакціи, и всякая смѣнявшая революцію реакція, въ силу самой природы своей, обусловливала необходимость новой революціи. Иной процессъ прогресса мы видимъ въ исторіи Англіи.

Эсменъ, въ своихъ «Началахъ государственнаго права» [3]), указываетъ на слѣдующія причины отличія эволюціи государственныхъ учрежденій въ Англіи и во Франціи. Феодальная система была внесена въ Англію извнѣ, благодаря норманскому завоеванію, и сразу приняла форму правильной организаціи,

---

[1]) Еще разъ напоминаю читателямъ, что я разсматриваю вопросъ съ относительной, а не абсолютной точки зрѣнія. И теперь десятки тысячъ дѣвушекъ и подростковъ эксплуатируется безпощадно светерами; и теперь по улицамъ Лондона шатаются десятки тысячъ представителей Lumpenproletariat'а, основательно знакомыхъ съ голодомъ и преступленіемъ. Но статистика показываетъ, что *въ общемъ* светерство сократилось, заработная плата повысилась, ряды безработныхъ порѣдѣли, и преступность уменьшилась.

[2]) *The of Democracy.* By J. Holland Rose. London. 1897. Стр. 129.

[3]) Эсменъ. *Основныя начала государственнаго права.* Т. I, стр. 36—38.

при чемъ верховная власть сохранила всѣ прерогативы верховенства. Такимъ образомъ, у англичанъ отправнымъ пунктомъ была сильная королевская власть. Во Франціи, наоборотъ, феодализмъ возникъ самопроизвольно, среди всеобщей анархіи; и въ этомъ феодальномъ раздробленіи монархія оставлена была долгое время безъ тѣхъ прерогативъ, которыя позволили бы ей сдерживать въ должныхъ границахъ очень могущественныхъ сеньоровъ. Такое различіе обратилось въ пользу англійской свободы.

Островное положеніе Англіи создало для нея цѣлый рядъ преимуществъ, которыя и обусловили оригинальность и сравнительно мирный характеръ ея исторіи. Окружающая Англію со всѣхъ сторонъ капризная стихійная сила послужила для нея естественной и даровой защитой противъ вражескихъ нашествій, болѣе надежной, чѣмъ были для континентальныхъ державъ ихъ гигантскія и дорого стоющія крѣпости и постоянныя арміи. Въ то время, какъ во Франціи наиболѣе здоровые и сильные мужчины проводили свои лучшіе годы въ казармахъ или гибли на поляхъ сраженій, въ Англіи они принимали непрерывное участіе въ національномъ производствѣ и способствовали росту національнаго богатства. Съ другой стороны, то же островное положеніе побудило Англію обратить главное свое вниманіе на созданіе могущественнаго флота, благодаря которому она мало по малу сдѣлалась владычицей морей. Такимъ образомъ, торговая предпріимчивость Англійской націи, обусловленная тѣмъ же островнымъ положеніемъ, получила благодаря англійскому флоту, сильнѣйшій стимулъ къ развитію, и со времени открытія Америки Англія завоевывала все болѣе обширные и болѣе отдаленные рынки для сбыта англійскихъ продуктовъ.

Меньшая потребность страны въ военныхъ силахъ лишала въ значительной степени королевскую власть въ Англіи того страшнаго орудія порабощенія народа, какимъ въ рукахъ континентальныхъ королей являлись ихъ многочисленные батальоны солдатъ. И въ то время какъ во Франціи разыгрывалась кровавая трагедія борьбы народа, предводительствуемаго средними классами, противъ коалиціи европейскихъ королей, ихъ дворянъ и ихъ армій,—трагедія, длившаяся чет-

верть вѣка и поглотившая несмѣтное количество жизней,—въ Англіи благодаря изобрѣтеніямъ Аркрайта, Картрайта и Кромптона совершалась мирная промышленная революція, стоившая рабочему народу тоже немалыхъ страданій и жертвъ, но тѣмъ не менѣе въ конечномъ счетѣ задержавшая ростъ общественнаго организма въ гораздо меньшей степени, чѣмъ это сдѣлали во Франціи войны Великой революціи и наполеоновскія. Господство духа гражданственности надъ духомъ милитаристическимъ наложило свою печать на всю новѣйшую исторію Англіи. Лишь только вы покидаете континентъ и переправляетесь въ Англію, вы сразу чувствуете иную атмосферу гражданственности. Въ какой столицѣ Европы можете вы пройтись по улицамъ, не натыкаясь на каждомъ шагу на людей, вооруженныхъ съ ногъ до головы смертоноснымъ оружіемъ и глядящихъ на васъ взоромъ не то властелина, не то сыщика? Вооруженный солдатъ, полисмэнъ—необходимый элементъ европейской улицы. Въ Англіи строго запрещается офицерамъ, солдатамъ и городовымъ носить на улицѣ оружіе. Единственнымъ оружіемъ солдатъ и офицеровъ на улицахъ является коротенькая безвредная тросточка; городовымъ же дается короткая палка съ тяжелымъ набалдашникомъ,—оружіе, которымъ можно нанести чувствительный ударъ, но которое могутъ носить всѣ граждане. Лондонъ также не знаетъ консьержей, —этого отвратительнаго института, учрежденнаго во Франціи имперіей на подмогу институту сыщиковъ. Гражданская свобода въ Англіи развилась въ болѣе совершенной степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Западной Европѣ.

Бо́льшая степень внѣшней безопасности способствовала бо́льшему развитію гражданской свободы, бо́льшей обезпеченности личной неприкосновенности. Въ Англіи трудъ обставленъ бо́льшими гарантіями противъ насилій капитала, чѣмъ въ какой либо другой странѣ Европы; и эти гарантіи заключаются не столько въ завоеванныхъ рабочими и признанныхъ закономъ *правахъ*, сколько въ отсутствіи надежной вооруженной силы, на которую владѣющіе классы могли бы опираться во время конфликтовъ съ классами угнетенными. Вытекающая отсюда болѣе мягкая форма господства капитала надъ трудомъ устраняетъ также и со стороны рабочихъ склонность

къ насиліямъ надъ капиталистами, столь обычными во время столкновеній капитала съ трудомъ на континентѣ. И въ результатѣ у обѣихъ сторонъ выработалась въ Англіи постоянная готовность къ взаимнымъ уступкамъ, къ компромиссамъ, которыми и характеризуется вся новѣйшая англійская исторія. Когда, въ 1867 году, правительство запретило народу устроить въ Гайдъ-Паркѣ митингъ протеста подъ открытымъ небомъ,— запретило подъ тѣмъ предлогомъ, что Гайдъ-Паркъ составляетъ частную собственность королевы,—собравшаяся многотысячная толпа выломала чугунную ограду парка, и съ тѣхъ поръ право устраивать митинги въ Гайдъ-Паркѣ уже не оспаривалось правительствомъ. Народъ считалъ это запрещеніе насиліемъ, такъ какъ митинги устраивались въ Гайдъ-Паркѣ съ незапамятныхъ временъ, и отвѣтилъ на насиліе насиліемъ.

Помимо вышеуказанныхъ причинъ, обусловившихъ мирное развитіе гражданской исторіи Англіи, мы считаемъ необходимымъ упомянуть еще о двухъ важныхъ явленіяхъ, имѣвшихъ однородное вліяніе: мы говоримъ объ исчезновеніи крестьянства въ самой Англіи и о господствующей роли, которую англійская промышленность играла на международномъ рынкѣ вплоть до послѣднихъ двухъ десятилѣтій. Оба эти явленія суть черты высшаго развитія капитализма, и оба они усиливали значеніе рабочаго пролетаріата въ Англіи.

На континентѣ промышленный капиталъ, въ случаѣ конфликта съ рабочимъ классомъ, можетъ соединиться съ капиталомъ землевладѣльческимъ, за спиной котораго всегда стоитъ многочисленное и консервативное крестьянство. Поэтому континентальная буржуазія, чувствуя подъ ногами твердую почву, можетъ бравировать пролетаріатъ и относиться спокойно къ обостренію борьбы классовъ. Наоборотъ, въ Англіи, гдѣ крестьянства нѣтъ, буржуазіи приходилось относиться къ требованіямъ и настроенію рабочихъ съ гораздо большимъ вниманіемъ; а партія лэндлордовъ и епископовъ господствующей церкви, въ своей борьбѣ противъ промышленной буржуазіи и нонконформизма, могла добиваться политическаго господства *только* путемъ привлеченія симпатій пролетаріата на свою сторону, путемъ позированія въ роли радѣтелей рабочаго класса.

Въ то же время долгое и неоспоримое господство англійской промышленности на всемірномъ рынкѣ давало англійскимъ капиталамъ такія монополіи, обезпечивало такіе барыши, благодаря которымъ для англійской буржуазіи было гораздо выгоднѣе дѣлать уступки рабочимъ, повышать ихъ плату, сокращать рабочій день, улучшать условія работы на фабрикахъ и заводахъ, словомъ—«удовлетворять справедливыя требованія» рабочаго класса, чѣмъ доводить послѣдній до острыхъ и опасныхъ конфликтовъ, могущихъ потрясти самыя основы національнаго производства.

Всѣ эти обстоятельства способствовали тому, что антагонизмъ интересовъ капитала и труда въ теченіе всего 19 вѣка затушевывался всякаго рода компромиссами и уступками, бросаемыми пролетаріату то партіей лэндлордовъ, то буржуазіей. И такимъ то образомъ получилось то, что Англія,—пользуясь удачнымъ выраженіемъ г. М. Тугана-Барановскаго,—«представляетъ собой и самое совершенное, и самое уродливое созданіе капитализма». Нигдѣ концентрація капиталовъ и крупное производство не достигали такой высокой ступени развитія, какъ въ Англіи. Нигдѣ какъ представители труда, такъ и представители капитала не организованы для взаимной борьбы такъ превосходно, какъ въ Англіи.

Сказаннаго, надѣемся, достаточно, чтобы понять двѣ важныя черты, отличающія англійскую періодическую печать отъ континентальной,—а именно: *отсутствіе въ Англіи сколько нибудь вліятельной соціалистической прессы* (есть два—три еженедѣльныя изданія, изъ которыхъ только «Clarion» пользуется сравнительнымъ успѣхомъ; ежедневныхъ же соціалистическихъ газетъ совсѣмъ нѣтъ) *и специфически гуманитарный характеръ прессы буржуазной.* Буржуазная пресса Англіи является прямымъ отраженіемъ отношеній англійской буржуазіи къ трудящимся классамъ. Въ то же время она въ рукахъ буржуазіи служитъ орудіемъ для сглаживанія классовыхъ противорѣчій, для смягченія *классовой* борьбы пролетаріата противъ капитала. Не должно думать, что этотъ гуманитарный характеръ такихъ радикально-демократическихъ газетъ, какъ «Reynold's Newspaper», или такихъ буржуазно-демократическихъ газетъ, какъ «Daily News», «Mor-

ning Leader» или «Echo», есть лишь лицемѣрная личина, прикрывающая чисто корыстные расчеты. «Echo», годъ тому назадъ вернувшаяся изъ джингоистскаго въ радикальный лагерь, редактируется соціалистомъ Перси Олдейномъ; «Reynold's Newspaper» редактируется адвокатомъ Вильямомъ Томсономъ, основателемъ Національной Демократической Лиги, выставившей на своемъ знамени коренное преобразованіе парламента на началахъ чистаго демократизма и стремящейся къ образованію самостоятельной рабочей партіи. Въ «Daily News» и «Morning Leader» работаютъ многіе искренніе демократы. Вообще, среди сотрудниковъ этихъ газетъ вы найдете всѣ оттѣнки демократизма, начиная отъ вождей оффиціальной либеральной партіи и кончая такими атеистами-анархистами, какъ Моррисонъ-Дэвидсонъ (въ «Reynold's Newspaper»). Всѣхъ ихъ, несмотря на разницу ихъ міровоззрѣній, объединяетъ одно и то же *сознаніе необходимости реформъ для постояннаго улучшенія условій жизни трудящихся массъ*. Эти же гуманитарныя тенденціи воодушевляютъ значительную часть буржуазіи, убѣжденной въ гармоніи интересовъ труда и капитала и вѣрящей въ благодѣтельность основы современнаго строя—принципа частной собственности. И потому поддерживаемыя этой частью буржуазіи газеты берутъ на себя защиту *непосредственныхъ* интересовъ пролетаріата и агитируютъ за демократическія реформы, проведеніе которыхъ возможно безъ уничтоженія основъ буржуазнаго строя.

III.

Пять часовъ утра. Чудовищно-огромный Лондонъ закутанъ непроницаемымъ гнилымъ туманомъ и спитъ еще тяжелымъ предутреннимъ сномъ. Даже молочники еще не начали разъѣзжать по улицамъ и оглушать ихъ своимъ пронзительнымъ крикомъ: Milk! Milk! Но въ самомъ центрѣ столицы, въ Tudor Street, Fleet Street и прилегающихъ къ нимъ улицахъ, гдѣ размѣстились съ давнихъ временъ гигантскія газетныя фабрики, жизнь и движеніе не замирали втеченіе всей ночи ни на минуту, а къ пяти часамъ утра достигли своего высшаго напряженія. Усталые наборщики, вдоволь наглотавшіеся свинцовой

пыли, кончили наконецъ свой тяжелый «дневной» трудъ и толпами покидаютъ типографіи и расходятся по домамъ. На смѣну имъ нахлынули въ газетныя улицы тысячи разносчиковъ, разсыльныхъ, чернорабочихъ, съ повозками, на велосипедахъ, автомобиляхъ и т. п.

— Готово!—слышится облегченный вздохъ въ редакціяхъ, и главные редактора, убѣдившись, что ихъ фабричному издѣлію не грозитъ болѣе никакой опасности, что оно закончено и сейчасъ пойдетъ гулять по всему бѣлому свѣту, поспѣшно надѣваютъ пальто и цилиндръ, усаживаются въ кэбы и мчатся домой, чтобы поскорѣй вкусить свой короткій отдыхъ.

Огромные тюки газетъ выносятся изъ дверей экспедиціонныхъ конторъ и укладываются на повозки, ручныя тѣлежки, автомобили, распредѣляются между тысячами велосипедистовъ. Газетная кладь, въ количествѣ десятковъ тысячъ пудовъ, моментально развозится по многочисленнымъ желѣзнодорожнымъ станціямъ, гдѣ ею нагружаютъ спеціальные поѣзда и мчатъ ее съ головокружительной быстротой въ разные концы Соединеннаго Королевства. Къ 8—10 часамъ утра каждый житель Англіи или Шотландіи, въ какомъ бы отдаленномъ захолустьи онъ ни жилъ, имѣетъ возможность купить въ ближайшей лавочкѣ или на ближайшемъ желѣзнодорожномъ вокзалѣ любую лондонскую газету и при томъ по той самой цѣнѣ, по какой она продается въ самомъ Лондонѣ. Въ то же утро газетная кладь, предназначаемая за границу, доставляется скорыми поѣздами въ морскія гавани, гдѣ ее уже ждутъ гигантскіе пароходы, увозящіе ее въ Европу и въ заокеанскія страны.

Между тѣмъ въ самомъ Лондонѣ газетная жизнь продолжаетъ бить лихорадочнымъ пульсомъ. Сотни повозокъ и велосипедистовъ, получивъ каждый въ экспедиціонной конторѣ свою долю газетныхъ листовъ, разлетаются съ ней по всѣмъ концамъ необъятнаго Лондона и распредѣляютъ листы по газетнымъ лавкамъ («stationary»), которыхъ въ столицѣ имѣются многія тысячи. Къ семи часамъ утра газетные агенты, содержащіе эти лавки, уже заканчиваютъ разсортированіе полученныхъ газетъ и разсылаютъ своихъ служащихъ—мальчиковъ или молодыхъ дѣвушекъ—по окрестнымъ улицамъ своего района съ пачками газетъ. Снуютъ эти разсыльные по

улицамъ, неслышно отворяютъ калитки палисадниковъ и просовываютъ черезъ щели дверей въ домъ каждаго покупателя («customer») тѣ газеты, которыя онъ заказалъ у агента. И когда вы утромъ просыпаетесь, вы можете быть увѣрены, что въ столовой васъ уже ждетъ ваша утренняя газета; вашъ агентъ доставляетъ вамъ ее на домъ за ту же цѣну, за какую вамъ ее продаютъ на улицахъ, въ газетныхъ лавкахъ, въ конторѣ самой газеты. Черезъ этого же агента вы можете получать на домъ какую угодно англійскую газету, хотя бы изъ самаго отдаленнаго города, и опять таки за пересылку и доставку вы ничего не платите. Вы заказываете газету (или газеты, журналы, книги) своему агенту въ любой день мѣсяца и прерываете получку тоже въ любой день; вы расплачиваетесь только за полученные номера *въ розницу*. Подписка на газету, абонементъ въ англійской прессѣ почти не практикуется; она существуетъ только для лэндлордовъ мѣстностей, лежащихъ далеко отъ города, да для заграничныхъ читателей. При этомъ абонементъ оплачивается дороже, чѣмъ во сколько газета обходится при покупкѣ ея въ розницу, такъ какъ конторѣ приходится оплачивать почтовые расходы.

Но вотъ вы напились утренняго кофе, позавтракали и отправляетесь по своимъ дѣламъ. Вы пробѣжали многочисленные столбцы вашей газеты и теперь заняты своими мыслями, совершенно позабывъ о внѣшней и внутренней политикѣ и о разныхъ громкихъ рѣчахъ и дѣлахъ. Но не торопитесь! Вы не ускользнете отъ властной руки газетныхъ дѣлъ мастеровъ, которые сторожатъ васъ на каждомъ шагу. Прежде чѣмъ дойти до ближайшей желѣзнодорожной станціи или конки, вы натыкаетесь на поразительное множество газетныхъ лавочекъ, у дверей которыхъ на рядѣ досокъ наклеены большія афиши («posters»). Напрасно вы стараетесь пробѣжать мимо этихъ разноцвѣтныхъ афишъ. Онѣ уже съ давнихъ поръ пріобрѣли надъ вами властную силу. Своими огромными черными, красными или синими буквами онѣ неодолимо притягиваютъ къ себѣ вашъ разсѣянный взоръ, и вы совершенно безсознательно, по пріобрѣтенной машинальной привычкѣ, начинаете вчитываться въ ихъ содержаніе. А содержаніе это заключается въ перечисленіи главныхъ статей и сообщеній, напечатанныхъ

въ сегодняшнемъ номерѣ данной газеты; и не рѣдко перечисленіе это носитъ самыя заманчивыя формы. Каждая газета, въ лицѣ своихъ афишъ, какъ бы во весь голосъ расхваливаетъ свой товаръ и зоветъ къ себѣ читателей.

— Потрясающая сцена въ судѣ! — выкрикиваетъ «Daily Mail».—Героизмъ англійскихъ войскъ! Чемберлэнъ прибиваетъ къ позорному столбу пробоэровъ!..

— Интервью съ германскимъ императоромъ!—перебиваетъ «Daily Express». — Чемберлэнъ и «Daily Express» въ парламентѣ!..

— Клеветы Чемберлэна!—вопіетъ въ свою очередь радикальная «Morning Leader».—Новый шагъ къ объединенію либеральной партіи! Предсказанія «Morning Leader» сбываются!.

Съ особенной безцеремонностью выкрикиваютъ себя полупенсовыя газеты (2 копеечныя), читаемыя главнымъ образомъ трудящимися классами. Такихъ утреннихъ газетъ въ Лондонѣ всего три: двѣ консервативно-джингоистскія — «Daily Mail» и «Daily Express», и одна радикальная—«Morning Leader». Болѣе солидныя, пенсовыя (4 коп.) газеты рекламируютъ себя съ меньшею назойливостью и меньшимъ безстыдствомъ; ихъ въ Лондонѣ шесть (мы говоримъ, конечно, исключительно о ежедневныхъ *политическихъ* органахъ): двѣ либеральныя—«Daily News» и «Daily Chronicle», двѣ консервативныя—«Morning Post» и «Standard» и двѣ «независимыхъ» «Daily Telegraph» и «Daily Graphic» (иллюстрированная). Наконецъ, царица газетнаго міра — «Times», стоющая три пенса (около 12 коп.), совершенно не вывѣшиваетъ своихъ рекламныхъ афишъ въ мелкихъ газетныхъ лавочкахъ. Ея афиши встрѣчаются только на желѣзнодорожныхъ вокзалахъ, да въ немногихъ болѣе крупныхъ газетныхъ магазинахъ. Ее читаютъ только представители высшей денежной, литературной и родовитой аристократіи, и расчитывать на продажу въ мелкихъ лавкахъ внѣ центральныхъ лондонскихъ округовъ «Times» не можетъ.

Если вамъ удалось пройти по улицамъ, воздержавшись отъ покупки ненужной вамъ «не-вашей» газеты, вы этимъ еще не спаслись отъ криковъ газетныхъ зазываній. У вокзала васъ ждетъ еще масса газетныхъ разносчиковъ, громко выкрикивающихъ свой товаръ. На тротуарахъ рядами разло-

жены тѣ же афиши съ громкими фразами. Вы входите въ вокзалъ и, прежде чѣмъ купить билетъ, вамъ приходится пройти мимо стойки съ тѣмъ же газетнымъ товаромъ, увѣшанной тѣми же афишами. Купивъ билетъ, вы спускаетесь въ подземный корридоръ, чтобы сѣсть въ поѣздъ, и вы снова натыкаетесь на такую же стойку съ тѣми же газетами и кричащими афишами. Вы ѣдете въ Сити и, проѣзжая каждыя 2—3 минуты черезъ подземную станцію, вы выглядываете въ окно вагона и снова вездѣ вы видите тѣ же стойки съ газетами, тѣ же легіоны кричащихъ афишъ.

Но вотъ вы, наконецъ, въ Сити, этомъ сердцѣ міровой столицы, гдѣ на пространствѣ одной квадратной версты въ безчисленныхъ находящихся тамъ банкахъ и центральныхъ конторахъ и магазинахъ сосредоточено больше богатствъ, чѣмъ во многихъ обширныхъ странахъ. Вы выходите изъ удушливой атмосферы подземелья на вольный свѣтъ, тусклый свѣтъ Банковой площади.

Бьетъ полдень. Періодъ господства утренней газеты кончается. Начинается наплывъ вечерней прессы. Одно за другимъ начинаютъ выходить изданія девяти лондонскихъ вечернихъ газетъ—«Globe», «St. James Gazette», «Pall-Mall-Gazette», «Evening Standard», «Evening News», «Sun», «Westminster Gazette», «Star», «Echo»; только три послѣднія изъ перечисленныхъ выходятъ подъ либеральнымъ флагомъ, остальныя—консервативны. Опять тѣ же тележки съ газетами, велосипедисты, такія же кричащія афиши. Но вечернія газеты распродаются главнымъ образомъ на улицахъ, и потому главную роль здѣсь играютъ разнощики, мальчишки, женщины, безработные, въ общемъ десятки тысячъ продавцовъ. Вотъ парень вынесъ на плечѣ изъ экспедиціонной конторы узелъ съ пуками газеты, сѣлъ на велосипедъ и помчался. За нимъ бѣжитъ цѣлая толпа мальчишекъ-разнощиковъ, и велосипедистъ, *продолжая свою ѣзду*, вынимаетъ изъ узла и бросаетъ то тому, то другому мальчику предназначающійся ему для продажи пукъ газеты. Мальчишки, на бѣгу, ловятъ свой товаръ и моментально разсѣиваются по прилегающимъ улицамъ, выкрикивая своими пронзительными голосами: «Star»! Послѣднее изданіе «Star»! Пятое изданіе «Star»! «Свѣжія новости»!..

IV.

Такъ совершается распредѣленіе газетнаго товара между его потребителями. Мы видимъ, что распредѣлительная машина чрезвычайно сложна, требуетъ въ одномъ Лондонѣ многихъ десятковъ тысячъ рабочихъ рукъ и большого знакомства съ рынкомъ. Для успѣшнаго своего функціонированія эта машина требуетъ величайшей точности и исполнительности какъ со стороны руководителей ея, такъ и со стороны исполнителей. Опоздай «Daily Mail» къ выходу на полчаса, и ея конкуренты «Daily Express» или «Morning Leader» заполонятъ рынокъ раньше ея, и она лишится десятковъ, быть можетъ сотенъ тысячъ читателей. Остановись велосипедистъ, везущій «Sun», на четверть часа для раздачи газеты своему отряду мальчишекъ-разнощиковъ, и онъ и его разнощики потеряютъ дневной заработокъ, такъ какъ они будутъ опережены въ ихъ раіонѣ велосипедистомъ и разнощиками конкуррирующей вечерней газеты «Star» или «Echo».

Жизнь газеты поэтому въ высшей степени лихорадочна, да и какъ можетъ быть иначе, когда приходится распродать сотни тысячъ и въ иныхъ случаяхъ даже свыше милліона экземпляровъ въ одинъ день, безъ чего газетѣ нѣтъ возможности работать безъ крупныхъ убытковъ. Чтобы дать понятіе о степени распространенности англійскихъ газетъ, мы приведемъ нѣкоторыя цифры, конечно приблизительныя. «Times» расходится въ количествѣ свыше 100.000 экз.; «Daily Chronicle»—около 150.000 экз.; «Daily Telegraph»—свыше четверти милліона; въ такомъ же приблизительно количествѣ расходится «Standard», а также и «Morning Post»; продажа «Daily News» превышаетъ 300.000 экземпляровъ; «Daily Mail», двухкоп. газета, основанная въ маѣ 1896 г., достигла въ первый же мѣсяцъ своего появленія продажи въ 171.000 экз. Наканунѣ южно-африканской войны (въ сент. 1899 г.) «Daily Mail», всячески разжигавшая джингоистскіе инстинкты толпы, продавалась уже въ 600.000 экз. Во время войны эта цифра удвоилась и нерѣдко переваливала за 1.250.000 экз. Но за послѣдніе два года, со времени появленія конкуррирующей съ ней и вполнѣ однородной съ ней по духу двухкоп. «Daily

Express», продажа «Daily Mail» стала понижаться; но все таки она еще расходится въ 700—800.000 экз. Какъ велика продажа «Daily Express», трудно опредѣлить. По словамъ ея основателя Пирсона, *полтора милліона* экземпляровъ были у него затребованы въ первый день ея появленія; машины успѣли отпечатать только 800.000 экз. «Имѣть 500 агентовъ, стоящихъ за дверьми и нетерпѣливо ждущихъ газету, разсказываетъ самъ Пирсонъ,—и видѣть, какъ ваши машины, все время работавшія прекрасно, вдругъ остановились на цѣлыхъ двадцать пять минутъ,—этого достаточно, чтобы сдѣлать васъ сѣдымъ» («Review of Reviews», 1900 г., за май, стр. 427). Къ словамъ и цифрамъ газетныхъ дѣлъ мастера Пирсона слѣдуетъ, однако, относиться съ извѣстной осторожностью.

Упомянемъ еще о двухкопеечной радикальной «Morning Leader», расходящейся въ 300.000 экземпляровъ. Еженедѣльныя политическія газеты имѣютъ неменьшее распространеніе. «Lloyd'Newspaper», по свѣдѣніямъ «Encyclopedia Britannica», достигла уже въ 1879 году продажи въ 612.902 экз.; въ настоящее время эта цифра перевалила за милліонъ. Обѣ радикальныя ежен. газеты—«Reynold's Newspaper» и «Weekly Times and Echo» продаются каждая по нѣсколько сотъ тысячъ экземпляровъ. Огромное распространеніе имѣютъ также «People», «Weekly Despatch», «Referee». Въ самое послѣднее время «Daily Telegraph» и «Daily News» стали выпускать еженедѣльныя изданія, и эти «Weekly Daily Telegraph», «Weekly Daily News» также стали расходиться въ массовыхъ количествахъ.

V.

Изъ того, что нами сказано о гигантскихъ размѣрахъ распредѣлительной машины продуктовъ газетныхъ фабрикъ, легко будетъ понять, что политическая печать въ Англіи давно уже вышла изъ стадіи кустарнаго промысла. Чтобы газета могла продаваться по всей Великобританіи въ самый день своего появленія, чтобы эта газета въ 8 страницъ (56 большихъ столбцовъ) могла продаваться всего за 2 копѣйки, и чтобы эта цѣна за лондонскую газету была одинакова

какъ для Лондона, такъ и для отдаленнаго уголка Шотландіи, - для этого необходима высокая степень концентраціи газетной промышленности, для этого необходима продажа не иначе, какъ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Именно этотъ фактъ концентраціи газетнаго дѣла и является причиной того, что въ Лондонѣ, съ его 6-ти милліоннымъ населеніемъ, такое ничтожное количество ежедневныхъ политическихъ газетъ: ихъ было въ 1855 году—15, въ 1883 году ихъ было 18, и въ настоящее время ихъ насчитывается 19. Чтобы основать новую газету, нужно сразу затратить сотни тысячъ, если не милліоны; а охотниковъ рискнуть такимъ крупнымъ капиталомъ на такое ненадежное дѣло, какъ газета, конечно находится очень мало. Вотъ, между прочимъ, почему въ Англіи до сихъ поръ нѣтъ ежедневной соціалистической газеты.

Но оцѣнить вполнѣ степень капитализаціи газетной промышленности можно, лишь ознакомившись съ процессомъ производства газеты. Заглянемъ же и мы туда, на газетную фабрику, и ознакомимся съ производствомъ величайшей въ Европѣ газеты, съ «Times».

Что же собой преставляетъ эта чудовищная фабрика, именуемая издательствомъ «Times»?

Это, во-первыхъ, сама газета «Times», состоящая изъ 20—28 огромныхъ страницъ; среднее число словъ, находящихся въ текстѣ этой газеты, опредѣляется цифрой 113.000 (согласно вычисленіямъ «Hazell's Annual», за 1902 г., стр. 678); въ этотъ счетъ не входятъ объявленія, которыхъ въ каждомъ номерѣ газеты имѣется отъ 60 до 80 столбцовъ. Кромѣ самой ежедневной «Times», эта фабрика печатаетъ связанныя съ этой газетой изданія: «The Mail» (цѣна 2 пенса—8 коп.), выходящее 3 раза въ недѣлю и представляющее какъ бы конспектъ «Times'a» за 2 дня; «Times Weekly Edition» (ц. 2 пен.), выходящее разъ въ недѣлю и заключающее наиболѣе важныя замѣтки и статьи, помѣщенныя въ теченіи недѣли въ «Times»; и, наконецъ, «Literature» (ц. 6 пен.), представляющее еженедѣльный критическій обзоръ міровой литературы. Сверхъ того, побочными изданіями «Times'a» являются: «Times Law Reports», то есть судебная газета; двѣ полугодичныхъ книги—«Issues», то есть перечисленіе всѣхъ новыхъ

акціонерныхъ обществъ. и «Financial Half Year», то есть финансовый шестимѣсячникъ. Наконецъ, этой же газетой изданы: «Times Atlas», вликолѣпный атласъ въ 26 выпускахъ; спеціальное изданіе «Encyclopedia Britannica», вышедшее въ 1899 году и проданное въ теченіе перваго же года въ два раза большемъ количествѣ, чѣмъ было продано этой гигантской энциклопедіи за всѣ девять предыдущихъ лѣтъ; «Ceintury Dictionnary», затѣмъ «History of the War in South Africa», въ шести томахъ и т. д. Десятое изданіе *Британской Энциклопедіи,* въ 35 огромныхъ томахъ, тоже печатается въ типографіи «Times».

Легко понять, какъ велика должна быть типографія и контора «Times», чтобы справиться со всей этой массой печатной и издательской работы. Прибавимъ къ этому, что «Times» (фирма) сама изготовляетъ въ стѣнахъ своихъ зданій усовершенствованныя ею печатныя машины, шрифтъ, словомъ все, что нужно для изданій, исключая лишь бумагу.

Газета «Times» (или вѣрнѣе «The Times») соединена собственной телеграфной проволокой съ Берлиномъ и Парижемъ. Такъ называемыя корреспонденціи «Times'а» изъ Европы, Америки, Южной Африки, Австраліи, въ сущности представляютъ собою монстръ-телеграммы, обходящіяся газетѣ въ огромныя деньги. Такъ напримѣръ берлинскій договоръ (1878 г.) былъ напечатанъ въ «Times» тотчасъ же послѣ того, какъ представители великихъ державъ подписали въ Берлинѣ этотъ договоръ. Телеграмма, въ которой былъ посланъ въ «Times» этотъ договоръ, стоила газетѣ 8.000 руб. Парижскій корреспондентъ «Times'а» г. Бловицъ (цит. въ La Grande Encyclopédie Française) разсказываетъ, что въ 1882 г. одна телеграмма изъ Коломбо обошлась этой газетѣ въ 40.000 фр. Въ томъ же году телеграммы изъ одного только Египта стоили полмилліона франковъ. Но всѣ эти цифры кажутся ничтожными въ сравненіи съ тѣмъ, что «Times» и другія крупныя лондонскія газеты тратили на телеграммы изъ Южной Африки во время послѣдней войны. Каждый день печатали онѣ монстръ-телеграммы отъ «собственныхъ корреспондентовъ» съ различныхъ театровъ дѣйствій, и каждое слово этихъ телеграммъ оплачивалось въ три шиллинга. Къ этимъ

расходамъ нужно прибавить издержки на содержаніе военныхъ корреспондентовъ, издержки огромныя, такъ какъ англійскіе военные корреспонденты привыкли не жалѣть денегъ, разъ дѣло идетъ о томъ, чтобы добыть свѣдѣнія и послать ихъ въ свою газету раньше конкуррентовъ.

Въ англійскомъ парламентѣ «Times» имѣетъ 16 стенографовъ. Надо замѣтить, что здѣсь парламентъ не печатаетъ собственныхъ стенографическихъ отчетовъ, и этотъ пробѣлъ съ давнихъ поръ уже заполняется благодаря предпріимчивости «Times». Во время засѣданій парламента 16 стенографовъ этой газеты работаютъ посмѣнно отрядами. Каждыя 15 минутъ стенографъ подходитъ къ телефону, соединенному съ типографіей «Times», и развертываетъ вслухъ записанную имъ часть дебатовъ. Въ типографіи наборщики, отдѣленные другъ отъ друга особенными приспособленіями — антифонами, заглущающими звуки, неустанно набираютъ часть за частью дебаты, передаваемые по телефону стенографами [1]). По мѣрѣ набора эти дебаты передаются главному редактору, который тутъ же сообщаетъ передовикамъ планы желательныхъ по его мнѣнію передовицъ для набираемаго номера газеты. Передовики съ 12 часовъ ночи сидятъ каждый въ своемъ отдѣльномъ бюро и составляютъ передовыя статьи, которыя частями каждыя 10 минутъ передаются черезъ мальчиковъ-курьеровъ въ типографію, гдѣ работаютъ непрерывно четыре спеціальныхъ группы наборщиковъ для четырехъ обычныхъ передовицъ. Засѣданія въ парламентѣ нерѣдко затягиваются далеко за полночь, отчеты о нихъ и телеграммы нерѣдко приходятъ въ 2—2$^1/_2$ часа утра, и все таки они уже въ 5 часовъ утра въ 1-омъ изданіи «Times» мчатся спеціальными поѣздами въ Бирмингамъ, Ливерпуль, Манчестеръ, Гласго, Эдинбургъ и т. п.

Приведемъ пару фактовъ, показывающихъ, какъ велика предпріимчивость англійскихъ газетъ.

Въ 1810 году Питтъ велѣлъ задержать на почтѣ всю корреспонденцію газеты «Times», пришедшую съ континента, для того, чтобы министерскіе органы могли напечатать новости

[1]) Введеніе одного только этого усовершенствованія обошлось «Times» въ милліонъ рублей.

раньше. Тогда редакторъ «Times», Джонъ Вальтеръ завелъ собственную почту, свой телеграфъ, своихъ курьеровъ, свои пароходы и такимъ образомъ обезпечилъ свою независимость отъ правительства.

Въ первую половину XIX вѣка благодаря существованію «налоговъ на знаніе» и въ особенности благодаря уже тогда развившейся капитализаціи газетнаго дѣла, появленіе новыхъ ежедневныхъ политическихъ газетъ было обставлено большими трудностями. Изъ всѣхъ появившихся тогда новыхъ газетъ только одна «Daily News» сумѣла укрѣпиться. Она сначала (въ 1846 году) печаталась въ 8-ми стр., какъ и другія утреннія газеты. Но такъ какъ ей приходилось завоевывать себѣ читателей, то она проявляла настоящія чудеса энергіи. Такъ, во время знаменитаго засѣданія въ палатѣ общинъ, когда излагался проектъ отмѣны хлѣбныхъ пошлинъ, Робертъ Пиль кончилъ свою рѣчь къ 2$^1/_2$ часамъ по полуночи. И хотя телефоновъ тогда еще не существовало, въ 5 часовъ утра «Daily News» уже продавалась на улицахъ Лондона съ рѣчью Пиля in extenso, въ 8 часовъ газета была уже доставлена спеціальными поѣздами въ Бристоль и Ливерпуль, въ 12 часовъ она уже была въ Шотландіи, а на слѣдующее утро въ Парижѣ (тогда еще не было Chemin de Fer du Nord). Это былъ первый случай такой быстроты. Черезъ шесть мѣсяцевъ, когда «Daily News» стала прочно на ноги, она вдругъ задумала революцію: сокративъ свой размѣръ до 4 страницъ, на которыхъ она, при помощи весьма убористаго шрифта, продолжала помѣщать прежнее количество печатнаго матеріала, она уменьшила свою цѣну также вдвое, т. е. вмѣсто прежнихъ 5 пенсовъ она стала продаваться за 2$^1/_2$ пенса (всѣ другія газеты стоили 5 пенсовъ, а «Times» 7 п.). Эта попытка вызвала настоящую бурю со стороны другихъ газетъ, что еще болѣе увеличило популярность «Daily News». «Times» принялась доказывать подробными вычисленіями, что при такой цѣнѣ «Daily News» непремѣнно должна разориться. И, дѣйствительно, «Daily News» уже 27 января 1847 года подняла свою цѣну до 3 пенсовъ. На этой цѣнѣ она держалась еще цѣлыхъ 2 года, несмотря на всѣ козни своихъ соперницъ, и достигла распространенія въ 83.000 экз. Но вслѣдствіе компактности шрифта, число объ-

явленій стало уменьшаться, и это подрывало рессурсы газеты. Сверхъ того, «Daily News» начала печататься въ благопріятное время, когда между «Times» и «Herald» шла ожесточенная война. Въ то время «Times», послѣ долгихъ изслѣдованій и крупныхъ затратъ, добилась того, чего не сумѣло еще сдѣлать тогдашнее британское правительство: она организовала ежемѣсячное курьерское сообщеніе между Индіей и Англіей черезъ Суэцъ и Александрію. Это обходилось ей въ 125.000 фр. въ годъ, и чтобы сократить расходы, «Times» вошла съ «Chronicle» и «Post» въ соглашеніе, по которому она сообщала этимъ газетамъ за изложенное вознагражденіе получаемыя изъ Индіи извѣстія. «Herald», исключенная изъ этого договора, немедленно рѣшилась организовать еще болѣе быстрое сообщеніе съ Индіей—черезъ Марсель и Булонь; это ей удалось благодаря помощи французскаго правительства. «Herald» купила лучшій изъ пароходовъ Ondine, который днемъ и ночью стоялъ подъ паромъ въ Булони, всегда готовый пуститься черезъ Ламаншъ, несмотря ни на какую погоду, съ привезенными изъ Индіи депешами. Благодаря этому, «Herald'у» удавалось нѣсколько разъ печатать такія извѣстія раньше «Times'а». Но въ виду тяжести расходовъ «Herald» дѣлился извѣстіями съ «Daily News», что было послѣдней въ большую помощь. Но когда «Daily News» стала выходить по дешевой цѣнѣ, «Times» заключила тайный союзъ съ «Herald», и «Herald» стала передавать неаккуратно свои извѣстія изъ Индіи въ «Daily News», вслѣдствіе чего послѣдняя опаздывала со своими депешами. Это заставило «Daily News» сдаться, и 1 февраля 1849 года она снова повысила свою цѣну до 5 пенсовъ. Между всѣми газетами тогда водворился миръ [1]).

Подобно Times организованы и другія большія лондонскія газеты. И тамъ также основнымъ условіемъ для газетнаго работника является точность и исполнительность. Какого рода типы вырабатываются при такой постановкѣ дѣла, можно видѣть на примѣрѣ Джона Делэйна, который за все время своего 37 лѣтняго редактированія «Times», *ни разу* не оставилъ ре-

---

[1]) Заимствуемъ этотъ фактъ изъ книги: «Histoire de la presse en Angleterre et aux Etats-Unis», par Cucheval-Clarigny. Paris, 1857. Pp. 147—150.

дакціи. не прочитавъ всего номера [1]) и не увидѣвъ его цѣликомъ отпечатаннымъ. И этимъ высоко усовершенствованнымъ газетнымъ машинамъ платится весьма таки высокое жалованье. Такъ постоянные сотрудники въ «Times» получаютъ 7—15 тысячъ рублей; редакторы отдѣловъ 30—40 тысячъ руб., а главный редакторъ получаетъ конечно еще большій гонораръ.

Если лондонская газетная работа вырабатываетъ героевъ усидчивости и аккуратности, то совсѣмъ иныя качества требуются для иностранныхъ и въ особенности военныхъ корреспондентовъ. Эти корреспонденты нерѣдко создаютъ славу газеты, удваиваютъ и утраиваютъ число ея читателей, а чтобы добиться этого, необходимо быть способнымъ на чудеса смѣлости, изобрѣтательности, находчивости. Такъ О'Рейли переплылъ ночью 24 февраля 1848 года въ утлой лодкѣ Ламаншъ, чтобы первому привезти въ Англію вѣсть о французской революціи. Отчеты военныхъ корреспондентовъ «Daily News», во время франко-прусской, египетской, южно-африканской войнъ и, въ особенности, телеграммы Макъ-Гахана, сумѣвшаго проникнуть въ 1876 г. въ Болгарію и первому разсказать міру о звѣрствахъ, совершенныхъ турками въ этой странѣ. создали репутацію этой газеты и обусловили въ значительной степени ея широкій сбытъ. «Daily Telegraph», соединенный теперь своимъ собственнымъ кабельнымъ и проволочнымъ телеграфомъ съ Нью-Іоркомъ, Парижемъ и Вѣной. отправилъ на свой счетъ путешественника Смита въ Абиссинію. а въ 1876 г., вмѣстѣ съ «New York Herald», командировалъ корреспондента Стэнли въ Центральную Африку для отысканія Ливингстона.

Для иллюстраціи, какого рода люди нужны для должности лондонскихъ военныхъ корреспондентовъ, мы здѣсь разскажемъ вкратцѣ о жизни и дѣятельности Джона Диллона, состоящаго еще и нынѣ корреспондентомъ «Daily Telegraph» и бывшаго нѣкогда профессоромъ восточныхъ языковъ въ Харьковскомъ университетѣ [2]).

[1]) Каждый номеръ Times по количеству буквъ равенъ книгѣ in 8° въ 300—400 стран.

[2]) Заимствуемъ факты о жизни г. Диллона изъ его біографіи. помѣщенной Вильямомъ Стэдомъ въ «Review of Reviews», за іюль 1901 г.

VI.

Въ 1894—95 г. онъ отправился по предложенію своей газеты «Daily Telegraph» въ Арменію, съ цѣлью провѣрить на мѣстѣ тѣ неясные слухи о звѣрствахъ турокъ, которые къ тому времени носились въ Европѣ.

Послушаемъ его собственный разсказъ объ этомъ путешествіи (цит. въ «Review of Reviews», за іюль 1901 г.).

«Получивъ предложеніе ѣхать въ Арменію, я отправился въ путь безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій. Прибывъ въ Турцію, я былъ хорошо принятъ великимъ визиремъ, который и предложилъ мнѣ тутъ же ознакомиться съ матеріалами. Я попросилъ аудіенціи у султана. Визирь отвѣтилъ, что сдѣлаетъ для меня все возможное; но черезъ пару дней онъ послалъ за мной и сказалъ мнѣ, что султанъ не можетъ принять меня, такъ какъ, давъ аудіенцію мнѣ, онъ этимъ самымъ обязалъ бы себя давать аудіенціи и другимъ корреспондентамъ»...

Великій визирь снова предложилъ Диллону изучить письменные документы и даже предложилъ дать ихъ на просмотръ англійскому посланнику для удостовѣренія ихъ подлинности. Но Диллонъ отказался наотрѣзъ.

— Мнѣ нужно видѣть все собственными глазами, а не изъ вторыхъ рукъ. Я желалъ бы ѣхать въ Арменію,—отвѣтилъ рѣшительный корреспондентъ, который въ то время, однако, и мало не вѣрилъ слухамъ о турецкихъ жестокостяхъ въ Арменіи.

Турецкій министръ предложилъ ему вмѣсто поѣздки въ Арменію орденъ, но Диллонъ отказался отъ этой милости и заявилъ, что ѣдетъ въ Арменію.

— Но мы послали приказъ, чтобы васъ не пропустили черезъ границу...

— Несмотря на это, я ѣду...—спокойно отвѣтилъ Диллонъ.

— Но васъ не пропустятъ,—возразилъ великій визирь.

— Не бѣда, не безпокойтесь...

Въ тотъ же вечеръ Диллонъ покинулъ Константинополь, никому не сказавъ, куда онъ ѣдетъ.

«Я отправился въ Тифлисъ, посѣтилъ кавказскаго намѣ-

стника, съ которымъ я былъ знакомъ лично, и отъ него я получилъ *пропускъ*, давшій мнѣ возможность проѣхать черезъ всѣ военные округа Кавказа и Закавказья. Прибывъ въ Карсъ, я остановился тамъ на нѣсколько дней, чтобы приготовить все къ тайному переходу черезъ горы въ Арменію. Но эти приготовленія оказались излишними, такъ какъ еще до назначеннаго срока мнѣ удалось, переодѣвшись казачьимъ офицеромъ, проѣхать туда открыто. На границѣ турки встрѣтили меня съ военными почестями, а армянскія женщины съ проклятіями».

Такимъ то путемъ добрался онъ до Эрзерума, гдѣ его прибытіе возбудило величайшую тревогу. Его потребовали къ губернатору города. «Когда я явился къ нему,—разсказываетъ Диллонъ, онъ держалъ въ рукахъ длинную телеграмму изъ Константинополя, въ которой на турецкомъ языкѣ значилось мое имя. Папироса чуть не выпала изъ его рукъ, когда я ему назвалъ мое имя. Онъ спросилъ меня, когда я уѣзжаю. Я отвѣтилъ, что не намѣренъ торопиться».

Арестовать и выслать британскаго гражданина турецкое правительство не рѣшалось, такъ какъ Англія умѣетъ защищать свободу своихъ гражданъ. Поэтому великій визирь обратился къ британскому посланнику въ Константинополѣ съ просьбой выслать Диллона изъ предѣловъ Турецкой имперіи. Посланникъ конечно отказалъ. Пока шла эта переписка, Диллонъ не терялъ времени. По ночамъ, черезъ крыши зданій, переодѣтый то женщиной, то курдомъ, пробирался онъ въ жилище знакомаго армянскаго семейства и оттуда отправлялся на розыски армянскихъ бѣглецовъ, семьи которыхъ были перерѣзаны курдами или турками. Показанія этихъ бѣглецовъ онъ записывалъ и посылалъ въ «Daily Telegraph», а самихъ бѣглецовъ отправлялъ въ Мýшу, гдѣ тогда засѣдала слѣдственная коммисія. Въ то время особенно прославился одинъ вождь курдовъ, о звѣрствахъ котораго, совершенныхъ надъ армянами, ходили самые ужасные разсказы. Диллонъ рѣшилъ розыскать курда, чтобы провѣрить разсказы. Но оказалось, что онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, ожидая исполненія надъ нимъ смертнаго приговора за нападеніе на турецкій постъ и оскорбленіе жены турецкаго полковника. Это однако не остановило Диллона. «Я

сдѣлалъ нѣсколько попытокъ войти въ сношенія съ этимъ курдомъ, но это оказалось чрезвычайно труднымъ. Тогда я подкупилъ начальника тюрьмы съ тѣмъ, чтобы онъ позволилъ мнѣ побыть съ курдомъ втеченіе пары часовъ. Въ условленное время мнѣ дано было знать, что я далъ слишкомъ мало, такъ какъ рискъ великъ, но что если я дамъ больше денегъ и двухъ заложниковъ, то курдъ будетъ у меня. Я исполнилъ требованіе, и курдъ пришелъ. Я не отпускалъ его отъ себя цѣлую ночь, такъ какъ опасался, что въ Европѣ мнѣ не повѣрятъ, что я его видѣлъ. Утромъ, послѣ того, какъ мнѣ удалось получить фотографію, на которой курдъ былъ изображенъ вмѣстѣ со мной, я его отпустилъ въ его камеру. Основываясь на показаніяхъ этого курда, Гладстонъ и произнесъ свою рѣчь въ Честерѣ, въ которой онъ бросилъ Турціи вызовъ доказать неправильность упомянутыхъ въ рѣчи фактовъ. Время отъ времени мнѣ также приходилось устраивать съ армянами свиданія въ турецкихъ домахъ, куда я являлся переодѣтымъ. Въ одномъ изъ этихъ домовъ турки должно быть провѣдали, кто я, потому что предложенное мнѣ кофе оказалось отравленнымъ. Къ счастью, я сдѣлалъ только пару глотковъ; но все таки я заболѣлъ и пролежалъ въ постели въ опасномъ состояніи около трехъ недѣль. Мой слуга тоже былъ отравленъ, но и онъ остался въ живыхъ. Нѣсколько разъ меня предупреждали—и не разъ оффиціально,—что меня не выпустятъ изъ страны живымъ. Тѣмъ не менѣе я вернулся въ цивилизованный міръ безъ серьезныхъ испытаній, хотя *и не безъ* приключеній».

Благодаря статьямъ Диллона, напечатаннымъ въ «Daily Telegraph» и «Contemporary Review», невѣроятно жестокія дѣянія Турціи въ Арменіи были разоблачены передъ цивилизованнымъ міромъ. Въ самой Англіи онѣ подняли такую бурю негодованія, возбудили до такой степени общественное мнѣніе, предводимое Гладстономъ, что тогдашній премьеръ лордъ Сольсбэри готовъ былъ потребовать отъ Турціи освобожденія Арменіи. Къ несчастію, распри великихъ державъ обезсилили голосъ сходящаго тогда въ могилу Гладстона и дали возможность Сольсбэри умыть свои руки Пилата и забыть, вмѣстѣ съ другими тогдашними руководителями международной поли-

тики, про обязательства передъ Арменіей державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ. Но хотя героизмъ корреспондента Диллона и не далъ прямыхъ результатовъ самой Арменіи, онъ все таки сослужилъ немалую службу дѣлу цивилизаціи тѣмъ, что далъ возможность всѣмъ людямъ прогресса оцѣнить по достоинству мотивы, руководящіе международной дипломатіей.

Изъ Арменіи Диллонъ, по порученію того же Daily Telegraph'а, ѣдетъ въ Испанію, какъ разъ наканунѣ испано-американской войны. Здѣсь онъ проводитъ нѣсколько мѣсяцевъ, бесѣдуя на испанскомъ языкѣ съ кровавымъ генераломъ Вейлеромъ, изучая испанскую политику и знакомя съ ней Англію. Изъ Испаніи онъ отправляется въ возставшій Критъ, куда доступъ иностранцамъ былъ тогда воспрещенъ по рѣшенію адмираловъ европейскихъ судовъ, блокировавшихъ островъ. Чтобы пробраться на островъ, Диллонъ переодѣвается греческимъ монахомъ—монахи боролись въ рядахъ инсургентовъ—и присоединяется къ лидерамъ, вызваннымъ адмиралами для переговоровъ. Адмиралы поручили семи лидерамъ передать критскому народу о томъ, что ему будетъ дана автономія (а критяне желали присоединенія къ Греціи). и новоиспеченный греческій монахъ съ ружьемъ за плечами и поясомъ патроновъ успѣваетъ убѣдить критскихъ вождей, чтобы они взяли его съ собой на островъ. Само собой, онъ старался не попадаться на глаза адмираламъ. Но «къ несчастью,—разсказываетъ Диллонъ,—итальянскій адмиралъ вздумалъ посѣтить насъ въ одно воскресенье утромъ, когда мы были въ нашей лодкѣ на якорѣ въ нашей бухтѣ, и сказалъ, что онъ желалъ бы поговорить съ нами по поводу всего вопроса; онъ и австрійскій адмиралъ имѣли послѣ того длинную бесѣду съ нами, и я служилъ между ними посредникомъ. Адмиралъ Каневаро взялъ мое ружье, повелъ насъ къ себѣ и угостилъ кофе. Я отъ имени критянъ отвергъ автономію и отстаивалъ присоединеніе. Разставаясь съ нами, Каневаро сказалъ мнѣ, что онъ очень любитъ священство и монаховъ, и когда онъ подавалъ мнѣ мое ружье, я благословилъ его настолько набожно, насколько у меня хватило умѣнья».

Вскорѣ послѣ того Диллонъ присутствуетъ въ Гагѣ на

знаменитой «мирной конференціи» державъ, затѣмъ шлетъ изъ Парижа и Реннъ въ «Daily Telegraph» отчеты о процессѣ Дрейфуса; а въ концѣ XIX в. входитъ вмѣстѣ съ войсками союзныхъ державъ въ Пекинъ, откуда онъ шлетъ въ «Contemporary Review» статью, въ которой даетъ міру неприглядную картину тѣхъ ужасныхъ варварствъ, какими ознаменовали свое вступленіе въ беззащитную восточную страну войска цивилизованныхъ западныхъ народовъ.

Такова карьера одного изъ англійскихъ военныхъ корреспондентовъ. Добавимъ, въ заключеніе, что во время процесса Дрейфуса Диллонъ посылалъ ежедневно въ «Daily Telegraph» отчеты длиной въ 3—6 печатныхъ столбцовъ, т. е. отъ 10—20 печатныхъ страницъ. Такова работоспособность англійскаго корреспондента.

VII.

Если англійская пресса достигла такого замѣчательнаго развитія, если она пріобрѣла огромное вліяніе не только на жизнь самой Англіи, но и на международныя дѣла, то прежде всего она этимъ конечно обязана той безграничной свободѣ мысли, какая царствуетъ въ Англіи съ давнихъ поръ.

Значеніе свободы мысли было уже прекрасно понято Мильтономъ. «Дайте мнѣ свободу познавать, высказывать свои мысли и обсуждать дѣла сообразно съ моей совѣстью,—эту свободу, стоящую выше всѣхъ другихъ свободъ!»—восклицаетъ онъ въ своей *Ареопагитикѣ*. По странной ироніи судьбы, Томасъ Моръ, потерявшій свою голову на плахѣ за свои убѣжденія. въ своей Утопіи считаетъ необходимымъ сохранить цензуру и наказываетъ смертью частныхъ лицъ за критику правительственныхъ дѣйствій. Въ стародавнія времена цензурныя условія были весьма тяжелы въ Англіи, и хотя наканунѣ первой революціи значительно улучшилось положеніе печати, «Долгій парламентъ» снова (въ 1643 году) возстановилъ многія стѣснительныя мѣры, затормозившія развитіе печати. При Кромвелѣ въ Англіи были только двѣ дозволенныя газеты «Mercurius Politicus» и «Public Intellingencer». Съ реставраціей Стюартовъ положеніе прессы не улучшилось; но. «съ цѣлью

предупредить распространеніе ложныхъ извѣстій», правительство само основываетъ нѣсколько оффиціальныхъ органовъ. Всѣ газеты того времени впрочемъ представляли собой жалкіе еженедѣльные листки съ немногими скудными извѣстіями, преимущественно изъ иностранной жизни.

Только послѣ второй революціи исчезаетъ цензура (въ 1695 году), и начинается быстрое развитіе печати. Въ 1709 году въ Лондонѣ издавалось уже 18 газетъ, выпускавшихъ въ совокупности 35 нумеровъ въ недѣлю. Улучшилось и расширилось также содержаніе газетъ, и въ нихъ начинаютъ принимать близкое участіе такіе выдающіеся люди, какъ Даніель Дефое (авторъ Робинзона Крузо), Свифтъ, Аддисонъ, Попъ. Но уже съ 1712 года скорпіоны исчезнувшей цензуры возрождаются въ видѣ бичей штемпельныхъ сборовъ. Въ этомъ году всякая газета была подвержена штемпельному сбору въ 1/2 пенса съ каждаго экземпляра въ 1/2 листа бумаги, и, сверхъ того, каждое объявленіе было обложено налогомъ въ 1 шиллингъ. Результатомъ этой мѣры было исчезновеніе нѣсколькихъ газетъ. Тѣмъ не менѣе штемпельный сборъ далеко не имѣетъ такого вліянія на прессу, какъ цензура и административныя распоряженія. Послѣднія дѣлаютъ невозможнымъ развитіе прессы или, по крайней мѣрѣ, ставятъ это развитіе въ зависимость отъ усмотрѣнія цензоровъ и властей, тогда какъ штемпельный сборъ дѣлаетъ невозможнымъ лишь появленіе дешевой, народной прессы. Вотъ почему англійская печать продолжала развиваться, несмотря на то, что налогъ на газеты все болѣе и болѣе возвышался и достигъ въ 1815 году 4 пенсовъ штемпельнаго сбора на каждый экземпляръ газеты и 3 1/2 шиллинговъ на каждое объявленіе. Несмотря на этотъ налогъ газетное дѣло достигло такого развитія, что въ 1820 году было оплочено болѣе 29 милліоновъ штемпелей, а 1836 году—болѣе 39 милліоновъ.

Таками-то мѣрами правительство старалось задержать развитіе дешевой легальной прессы для народа. Но въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ Англіи все болѣе разросталось рабочее движеніе, вылившееся въ знаменитый «чартизмъ». Дешевая пресса сдѣлалась насущной потребностью; и какъ это всегда бываетъ, когда ставятся преграды законному удовлетворенію назрѣвшей

въ народѣ потребности, эти потребности ищутъ другихъ путей къ своему удовлетворенію; на мѣсто легальной съ неодолимой силой распространилась въ Англіи пресса нелегальная. Въ укромныхъ мѣстахъ стали устраиваться тайныя типографіи, и люди, не боявшіеся платить за свою отвагу тюрьмой. стали невѣдомыми путями наводнять улицы массой дешевыхъ нелегальныхъ, то есть неуплатившихъ штемпельнаго сбора, газетъ. Въ промежутокъ между 1831—1835 гг. десятки такихъ новыхъ газетъ стали выходить въ свѣтъ и находить широкій сбытъ. Правительство отвѣтило преслѣдованіями, и сотни лицъ были посажены въ тюрьму по приговору суда за нарушеніе несправедливаго закона. Но чѣмъ ожесточеннѣе становились преслѣдованія, тѣмъ болѣе революціоннымъ становился тонъ этихъ все умножающихся народныхъ газетъ. Въ этой борьбѣ правительства съ народомъ за свободу печати уступить пришлось правительству.

«Министры,—писалъ Францисъ Плейсъ, тогдашній вождь демократіи,—и люди, стоящіе у власти, вмѣстѣ почти со всѣми богатыми людьми боятся послѣдствій просвѣщенія народа болѣе, чѣмъ результатовъ народнаго невѣжества» («The Life of Francis Place», by Graham Wallace. London. 1898. P. 338). Буржуазныя газеты того времени были противъ отмѣны штемпельнаго сбора, хотя имъ самимъ приходилось платить огромныя суммы; и «Times» даже обвинялъ Плэйса въ составленіи заговора, направленнаго противъ широкаго распространенія этой газеты, которое сдѣлалось бы невозможнымъ при появленіи дешевой прессы.

Въ 1835 году пало консервативное министерство Пиля, и его мѣсто занялъ Мельбурнъ, опиравшійся на союзную партію виговъ и радикаловъ. Въ этомъ году и въ первые два мѣсяца 1836 г. число нарушеній закона о печати продолжало быстро рости, и министерство было вынуждено понизить штемпельный сборъ съ 4 пенсовъ до 1 пенса. Этимъ фактически была обезпечена свобода печати. Въ 1855 г. штемпельный сборъ былъ уничтоженъ окончательно, а въ 1853 г. и въ 1861 г. были отмѣнены налоги на объявленія и на бумагу. Такимъ то образомъ исчезъ «налогъ на знаніе» («Taxes on Knowledge»), и немедленно по отмѣнѣ этого налога начала

выходить однопенсовая «Daily Telegraph», и всѣ большія газеты понизили свои цѣны до одного пенса (исключая «Times»).

Какъ быстро росла печать въ Англіи и Уэльсѣ, покажетъ слѣдующая таблица (заимствуемъ ее изъ «La Grande Encyclopédie Française»)

Въ Англіи и Уэльсѣ (не считая Шотландіи и Ирландіи) было газетъ:

Въ 1782 г.	— 50	Въ 1874 г.	— 973
» 1795 »	— 72	» 1876 »	— 1047
» 1846 »	— 228	» 1878 »	— 1075
» 1866 »	— 773	» 1879 »	— 1088
» 1868 »	— 797	» 1880 »	— 1130
» 1870 »	— 848	» 1881 »	— 1163
» 1872 »	— 948	» 1883 »	— 1219

По даннымъ «Newspaper Press Directory» (за 1901 г.) во всемъ Соединенномъ Королевствѣ было въ 1846 году **551** газета (изъ нихъ 14 ежедн.); въ 1901 году ихъ печаталось **2491** (изъ нихъ 247 ежедн.); изъ числа этихъ газетъ въ Лондонѣ издается 456 (включая еженед.), въ остальной Англіи 1488, въ Уэльсѣ—108, въ Шотландіи—235, въ Ирландіи—181 и на мелкихъ островахъ—20. Сверхъ того журналовъ и обозрѣній, недѣльныхъ, мѣсячныхъ и трехмѣсячныхъ въ Соединенномъ королевствѣ издавалось въ 1901 году **2446** (изъ нихъ 536 изданій было религіозныхъ); въ 1846 году журналовъ издавалось всего 200.

VIII.

Мы видѣли. что окончательная эмансипація [1]) англійской

[1]) Послѣднимъ пережиткомъ цензуры въ Англіи является законъ королевы Викторіи, по которому новыя пьесы не могутъ поступить на сцену безъ предварительнаго одобренія гофмейстера двора; за нарушеніе этого закона полагается штрафъ не свыше 50 фунтовъ ст. Но разъ новая пьеса имъ пропущена, она уже не можетъ быть болѣе запрещена. Законъ этотъ, впрочемъ, въ жизни примѣняется чрезвычайно мягко, и намъ не приходилось слышать, чтобы «экзаминаторъ пьесъ» пользовался своимъ правомъ выбрасывать тѣ или иныя мѣста иначе, какъ въ «интересахъ общественной морали и стыдливости».

прессы отъ законодательныхъ стѣсненій относится къ тому же самому 1861 году, когда въ Россіи совершилась эмансипація крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Свобода, полная свобода печати сдѣлалась незыблемо-установленнымъ условіемъ общественной жизни, глубоко внѣдрилась въ самые нравы англичанъ. Но если бы мы пожелали узнать, какими законами гарантируется въ Англіи свобода печати, то на этотъ вопросъ было бы довольно трудно найти отвѣтъ. Въ Англіи нѣтъ спеціальныхъ законовъ, устанавливающихъ свободу печати; эта свобода основана на традиціяхъ, на обычаѣ, на отсутствіи законодательнаго стѣсненія печати и, болѣе всего, на сознаніи всего народа, что свобода мысли есть его неотъемлемое право, что безъ этой свободы немыслима мирная и правильная общественная жизнь. Чтобы найти формулировку англійской свободы печати, приходится обратиться къ рѣшеніямъ судей, которыя впрочемъ въ Англіи пользуются огромнымъ авторитетомъ. Наиболѣе удачное опредѣленіе далъ судья Винфоръ (въ дѣлѣ короля противъ Бэрдетта и др.). Вотъ оно: «По моему мнѣнію, свобода прессы заключается въ томъ, чтобы всякій могъ передавать свои знанія своимъ согражданамъ, чтобы всякій могъ безбоязненно излагать въ печати любую новую доктрину, подъ условіемъ, конечно, почтительнаго отношенія къ религіи и правительству страны. Необходимо, чтобы всякій могъ указывать на ошибочность мѣропріятій общественныхъ дѣятелей, но онъ не долженъ приписывать имъ уголовныхъ дѣяній. Свобода прессы не можетъ заходить такъ далеко, такъ какъ иначе она была бы нарушеніемъ не менѣе важнаго права, права неприкосновенности личной чести. Это право можетъ подвергнуться нападенію только передъ лицомъ суда, гдѣ обвиняемый имѣетъ равные съ обвинителемъ способы защиты. Гдѣ начинается свобода голословной хулы, тамъ кончается свобода прессы».

Почтительное отношеніе—respect—къ религіи и правительству въ Англіи понимается, такимъ образомъ, не въ смыслѣ запрещенія критики этихъ учрежденій, а лишь въ смыслѣ неупотребленія кощунственныхъ и безчестящихъ эпитетовъ. И въ этомъ же смыслѣ предѣломъ свободы прессы является *честь* частныхъ лицъ. Для иллюстраціи приведемъ имѣвшій

недавно мѣсто процессъ писателя Дж. Кенворси противъ газеты «Sun», относящейся къ такъ называемой «yellow» или «gutter-press», т. е. прессѣ подонковъ, грязной прессѣ.

Вскорѣ послѣ убійства президента Макъ-Кинли, въ «Sun» отъ 20 декабря 1901 года, была напечатана статья, озаглавленная: «*Среди анархистовъ. Евангеліе ножа, револьверовъ, факела и бомбы. Приверженцы бомбъ въ качествѣ редакторовъ*». Въ этой статьѣ между прочимъ говорится: «Въ настоящее время въ Лондонѣ издается пять анархическихъ органовъ. Старѣйшій изъ нихъ, и занимающій среди нихъ безспорно первое мѣсто, «Freedom» (Свобода) называетъ себя журналомъ «анархическаго коммунизма». Этотъ органъ выходитъ разъ въ мѣсяцъ, размѣромъ въ восемь страницъ и расходится въ количествѣ одной тысячи экземпляровъ. Изъ другихъ органовъ отмѣтимъ «New Order» (Новый Порядокъ), редактируемый Дж. Кенворси, послѣдователемъ толстовскаго анархизма и членомъ «Братской Церкви».

Истецъ Кенворси счелъ свою честь затронутой этой статьей, указавъ, что слова «приверженцы бомбъ въ качествѣ редакторовъ» относятся, повидимому, къ нему, такъ какъ въ статьѣ далѣе онъ упоминается въ качествѣ редактора «New Order». Между тѣмъ во всемъ, что онъ когда либо писалъ, онъ не только не высказывался никогда за бомбы, но наоборотъ постоянно предостерегалъ анархистовъ отъ насилій и проповѣдывалъ толстовскую теорію непротивленія злу. Поэтому онъ считаетъ инкриминируемую статью покушеніемъ на его доброе имя.

Съ своей стороны, представитель газеты «un» оправдывался тѣмъ, что истецъ въ статьѣ былъ упомянутъ лишь какъ «толстовскій анархистъ». И, сверхъ того, отвѣтчикъ упомянулъ о томъ, что между «Sun» и Кенворси уже раньше состоялось частное соглашеніе, согласно которому въ «Sun» была помѣщена просмотрѣнная самимъ Кенворси пояснительная къ инкриминируемой статьѣ замѣтка. По этому же соглашенію «Sun» долженъ былъ помѣщать статьи Кенворси, уплачивая ему 2 фунта ст. гонорара за столбецъ; этотъ пунктъ соглашенія также выполненъ былъ отвѣтчикомъ, такъ какъ въ «Sun» помѣщались два раза въ недѣлю статьи истца.

Истецъ, однако, возразилъ, что послѣдній пунктъ соглашенія не былъ выполненъ отвѣтчикомъ, такъ какъ пунктъ этотъ обязывалъ послѣдняго помѣстить втеченіе перваго же года въ «Sun» или въ связанныхъ съ нимъ изданіяхъ статей истца на сумму не менѣе 1000 фун. ст., чего не было сдѣлано.

Присяжные вынесли приговоръ въ пользу истца, и отвѣтчикъ былъ присужденъ къ уплатѣ г. Кенворси «убытковъ» въ размѣрѣ 140 фунтовъ ст.

Такого рода процессы въ Англіи довольно обыденны, и мы выбрали именно этотъ процессъ потому, что онъ весьма рельефно проявляетъ нѣкоторыя типичныя черты англійской прессы. Мы видимъ изъ этого процесса, что ограниченіями свободы англійской прессы являются не какія либо спеціальныя узаконенія, не «законы о печати», а общіе уголовные и гражданскіе законы, передъ которыми равны всѣ—нищій и король, писатель и министръ. Нищій, если газета взведетъ на него обвиненіе, марающее его честь и, вслѣдствіе этого, угрожающее подорвать его нищенскій заработокъ, можетъ по суду потребовать возстановленія своего добраго имени и взысканія съ газеты «dammages», т. е. убытковъ, понесенныхъ имъ вслѣдствіе взведенной на него клеветы. Точно также только этотъ путь открытъ министру или королю. если они сочтутъ себя оклеветанными или оскорбленными печатью: закона о lése-Majesté въ Англіи нѣтъ, представителямъ верховной власти, какъ и самымъ обыкновеннымъ гражданамъ приходится прибѣгать къ общему суду и доказывать, что взведенное на нихъ обвиненіе составляетъ клевету. что оно ложно. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ, въ первый же годъ основанія газеты «Times», ея редакторъ Джонъ Вальтеръ былъ присужденъ къ 16-ти мѣсячному тюремному заключенію за то, что онъ рѣшился подвергнуть порицанію поведеніе сыновей короля. Теперь такой приговоръ совершенно невозможенъ. Такъ. въ послѣднемъ номерѣ «Reynold's Newspaper» (отъ 21 дек. 1902 г.) мы читаемъ въ передовой статьѣ, озаглавленной «Our Aristocracy (Наша Аристократія), между прочимъ такую фразу: «... это именно въ домѣ одного изъ родственниковъ лэди Хартоппъ нашъ король, бывшій тогда еще принцемъ Уэльскимъ, оказался замѣшаннымъ въ позорномъ скандалѣ объ игрѣ въ

баккара». Согласно англійскимъ законамъ, король безсиленъ наказать газету за эту фразу. Если бы онъ вздумалъ преслѣдовать судомъ газету, онъ навѣрное проигралъ бы процессъ и былъ бы присужденъ къ уплатѣ судебныхъ издержекъ, такъ какъ газетѣ не трудно было бы доказать, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ принцъ Уэльскій дѣйствительно былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля въ «позорномъ» процессѣ объ игрѣ въ баккара, и что судья ему даже сдѣлалъ тогда публичный выговоръ за то, что «будущій король Англіи выступаетъ въ такой позорной компаніи». Такимъ образомъ, англійская пресса вполнѣ гарантирована противъ всякихъ преслѣдованій, разъ она говоритъ вещи,—противъ кого бы это ни было,—которыя она можетъ доказать на судѣ. Но, съ другой стороны, если газета взводитъ обвиненіе, котораго она доказать не можетъ, тогда лицо, честь котораго задѣта этимъ обвиненіемъ, имѣетъ къ своимъ услугамъ весь арсеналъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, — и горе тогда газетѣ!..

Вотъ именно благодаря этимъ то условіямъ англійская пресса отличается тѣмъ тономъ независимости и вмѣстѣ съ тѣмъ джентльмэнскаго приличія въ выраженіяхъ, котораго мы не находимъ въ прессѣ, напр., французской.

Въ вышеприведенномъ процессѣ Кенворси противъ газеты «Sun» проявляется еще одна характерная черта англійской прессы: это — отсутствіе или вѣрнѣе неопредѣленность границъ, отдѣляющихъ газеты одного лагеря отъ газетъ другихъ политическихъ лагерей. «New Order» — газета, борющаяся противъ всякихъ войнъ, всякаго насилія, проповѣдующая христіанскую мораль и толстовское «непротивленіе злу насиліемъ». «Sun»— представительница крайняго джингоизма, разжигавшая во время послѣдней войны кровожадность толпы до бѣлаго каленія, питающая своихъ читателей главнымъ образомъ описаніемъ кровавыхъ драмъ, сенсаціонныхъ убійствъ и не останавливающаяся ни передъ какими преувеличеніями, ни передъ какой ложью. И тѣмъ не менѣе г. Кенворси — редакторъ «New Order»—не стѣсняется навязывать свои статьи газетѣ «Sun»; и при этомъ онъ имѣетъ въ виду не просто пропаганду своихъ идей въ грязной газетѣ, сплошь переполненной восхваленіями идей противуположныхъ, но онъ стремится также нажиться

на сотрудничествѣ въ этой «помойной» газетѣ и выговариваетъ себѣ заработокъ въ 1000 фун. ст. (около 9700 р.) въ теченіи перваго же года.

Замѣтимъ, что образъ дѣйствій г. Кенворси представляетъ собою явленіе не исключительное, а, наоборотъ, самое обыденное, типичное. Въ этой же самой газетѣ «Sun» мы въ прошломъ году встрѣчали передовыя статьи популярнаго беллетриста Джерома К. Джерома,—статьи крайняго прогрессивнаго направленія. Къ статьямъ этимъ, подписаннымъ полнымъ именемъ автора, было сдѣлано примѣчаніе редакціи, гласившее, что она «не отвѣчаетъ за взгляды автора». Какимъ образомъ попали эти статьи въ «Sun»? Тѣмъ же ли путемъ, какимъ попали туда статьи г. Кенворси, или же предпріимчивая газета, ради рекламы, сама пригласила популярнаго беллетриста, предложивъ ему крупный гонораръ, и беллетристъ соблазнился выгоднымъ предложеніемъ? Мы не можемъ съ увѣренностью отвѣтить на этотъ вопросъ. Но съ увѣренностью можемъ сказать, что умершій на дняхъ д-ръ теологіи Паркеръ не могъ имѣть другихъ мотивовъ, кромѣ чисто матеріальныхъ, когда онъ согласился въ послѣдній годъ своей жизни редактировать «Sun» въ теченіе *одной только недѣли* [1]). Д-ръ Паркеръ, диссидентскій священникъ, въ теченіе почти цѣлаго полувѣка проповѣдывалъ съ каѳедры одной и той же лондонской церкви чистѣйшую христіанскую мораль, и эти проповѣди завоевали ему почетную славу не только въ Англіи, но и во всѣхъ христіанскихъ странахъ культурнаго міра. И вотъ этотъ священнослужитель соглашается, за соотвѣтственное конечно вознагражденіе, чтобы джингоистская газета «Sun» развѣшивала по всему Лондону широковѣщательную рекламу: «Въ теченіе слѣдующей недѣли Д-ръ Паркеръ будетъ редактировать «Sun». И въ теченіе этой слѣдующей недѣли «Sun» вполнѣ сохраняла свою обычную физіономію, за исключеніемъ редакторской статейки, содержаніе которой не могло конечно не быть безцвѣтнымъ.

Такого рода факты на первый взглядъ намъ кажутся не-

---

[1]) Въ 1898 г. д-ръ Паркеръ также согласился редактировать одинъ номеръ «Illustrated Weekly News», газету К. А. Пирсона, о которомъ рѣчь ниже.

понятными, особенно потому, что въ самой Англіи они не привлекаютъ ничьего вниманія. Въ самый разгаръ джингоистской вакханаліи, вызванной южно-африканской войной, Вильямъ Стэдъ,—редакторъ журнала «Review of Reviews»,—боровшійся всѣми силами, нерѣдко съ опасностью для своей жизни, противъ этой войны и джингоизма, этотъ Вильямъ Стэдъ не задумывается написать и помѣстить въ своемъ журналѣ необычайно хвалебную статью о Пирсонѣ и его только что начавшей выходить новой газетѣ «Daily Express». Эта новая полупенсовая газета съ самаго начала проявила свое крайнее джингоистское направленіе, и она не только пошла по стопамъ своего старшаго собрата «Daily Mail» по части всякаго рода ложныхъ сообщеній, но еще и далеко обогнала его по части самаго беззастѣнчиваго рекламированія себя и по полному отсутствію какой бы то ни было идейной подкладки въ своей программѣ. Самъ г. Кирилъ Артуръ Пирсонъ—редакторъ-издатель «Daily Express»—типичный газетный дѣлецъ, нажившій на изданіи разныхъ газетокъ и пустыхъ журнальчиковъ огромное состояніе, лишенъ всякаго образованія и не имѣетъ никакихъ принциповъ за душой. И такой то газетѣ, такому то человѣку В. Стэдъ посвящаетъ большую хвалебную статью въ самый разгаръ войны!

Извѣстная англійская романистка Мэри Корелли передаетъ въ своей книгѣ «The sorrows of Satan» какъ несомнѣнный фактъ, что одно весьма извѣстное лондонское агентство берется за 40 фун. ст. помѣстить minimum въ 400 англійскихъ газетахъ *любую* статью, если только она не заключаетъ въ себѣ наказуемой закономъ клеветы. Такое явленіе несомнѣнно указываетъ на широкое развитіе продажной прессы, готовой за деньги печатать все, что угодно. Но причислить статью Стэда о Пирсонѣ къ числу продажныхъ статей нельзя уже потому, что «Review of Reviews» есть журналъ болѣе или менѣе идейный, выгодно отличающійся отъ «gutter-press». Да если бы мы и могли объяснить одними корыстными мотивами появленіе статьи Стэда о Пирсонѣ, то нельзя все таки объяснить этими мотивами другихъ однородныхъ фактовъ, какъ, напримѣръ, слѣдующіе. Одинъ изъ субъ-редакторовъ «Evening News»,—газеты, по своимъ тенденціямъ и по своей

нравственной физіономіи ничѣмъ не отличающейся отъ вышеупомянутой «Sun», — выразилъ желаніе сдѣлаться членомъ полусоціалистическаго Фабіанскаго общества, имѣющаго въ своей средѣ такихъ лицъ, какъ извѣстные ученые Сидней Веббъ, Грэгемъ Уоллесъ и др. Противъ его вступленія не оказалось никакихъ препятствій, и онъ былъ принятъ въ члены. Мало того, вскорѣ послѣ того этотъ господинъ выставляетъ свою кандидатуру въ члены центральной комиссіи Фабіанскаго общества и, чтобы склонить голоса въ свою пользу, гордо заявляетъ о своемъ высокомъ положеніи въ «Evening News». Другой редакторъ этой уличной газеты нѣкто Гармсворсъ, состоящій также редакторомъ-издателемъ другой уличной джингоистской газеты «Daily Mail», принялся года два тому назадъ издавать новый либеральный журналъ и даже не задумался на послѣднихъ общихъ выборахъ въ парламентъ выставить свою кандидатуру въ качествѣ либерала. И либеральные лидеры не оттолкнули отъ себя этого человѣка, продолжавшаго въ своихъ газетахъ ратовать за чемберлэновскую политику въ то самое время, какъ публично онъ произносилъ рѣчи противъ Чемберлэна. Этому же г. Гармсворсу принадлежитъ также нѣсколько еженедѣльныхъ газетъ. Незадолго до выборовъ 1900 г., на собраніи акціонеровъ газеты «Evening News», предсѣдателемъ было заявлено, что, въ интересахъ *справедливаго дѣла*, газеты «Evening News» и «Daily Mail», соединившись, будутъ въ состояніи во время ближайшей избирательной агитаціи заправлять выборами въ большинствѣ лондонскихъ округовъ (Лондонъ посылаетъ 62 членовъ въ палату общинъ). А главнымъ распорядителями этихъ двухъ газетъ состоятъ Гармсворсъ и его братья; имя этого же самаго благороднаго рыцаря «справедливаго дѣла» упоминалось въ разбиравшемся незадолго передъ тѣмъ скандальномъ процессѣ тогдашняго лондонскаго лорда-мэра Ньютона: Гармсворсу, равно какъ и рыцарямъ шестнадцати другихъ мелкихъ лондонскихъ газетъ, были посланы чеки въ вознагражденіе за напечатаніе похвальныхъ отзывовъ о пущенномъ въ ходъ дутомъ акціонерномъ предпріятіи.

IX.

Всѣ эти странныя явленія становятся однако понятными, когда мы вспомнимъ, что англійская политическая печать, достигшая, какъ отрасль національнаго производства, высокой степени капитализаціи, отражаетъ въ то же время на себѣ тѣ особыя буржуазныя отношенія, какія развились въ Англіи подъ вліяніемъ условій, указанныхъ нами въ началѣ нашихъ замѣтокъ. Вы не можете искать глубокихъ принципіальныхъ различій въ политической прессѣ общества, составные элементы котораго сами другъ отъ друга не отличаются противоположностью или хоть рѣзкимъ расхожденіемъ своихъ убѣжденій. Классы трудящіеся, какъ мы видѣли, еще не доразвились до яснаго сознанія интересовъ труда, еще въ массѣ не усвоили себѣ основъ того общественнаго идеала, который одушевляетъ значительную часть рабочаго класса на континентѣ. Англійскій рабочій стремится не къ замѣнѣ существующаго строя новымъ, а лишь къ внесенію тѣхъ или иныхъ поправокъ къ установившимся общественнымъ отношеніямъ. Его идеалы, такимъ образомъ, пока ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ идеаловъ владѣющихъ классовъ, и потому въ политической прессѣ Англіи, равно какъ и въ ея политической жизни, рабочій классъ пока *самостоятельной* роли не играетъ. Поскольку интересы труда нуждались въ защитѣ путемъ печати, эту защиту брали на себя газеты той части буржуазіи, которая въ данное время находила для себя единеніе съ рабочимъ классомъ наиболѣе выгоднымъ. И пока англійская буржуазія распадалась на два рѣзко отличныхъ по своимъ интересамъ и, слѣдовательно, по своему міровоззрѣнію элемента, на представителей капитала землевладѣльческаго и капитала промышленнаго, до тѣхъ поръ борьба политическихъ партій, торіевъ и виговъ, консерваторовъ и либераловъ, носила принципіальный характеръ. Такъ было во второй и третьей четверти прошлаго (XIX) вѣка; въ то время борьба эта отражалась и въ политической печати, распадавшейся на два лагеря, реакціонный и прогрессивный, и моральный обликъ у каждаго изъ этихъ лагерей былъ свой особенный. Но когда, вслѣдствіе отмѣны хлѣбныхъ законовъ, земля перестала при-

носить достаточный доходъ, и лэндлордамъ, для удержанія своего соціальнаго положенія, пришлось все болѣе и болѣе направлять свою предпріимчивость на обрабатывающую промышленность, когда капиталъ землевладѣльческій и капиталъ промышленный стали другъ съ другомъ переплетаться и перемѣшиваться, тогда политическія партіи и, слѣдовательно, различные органы политической прессы стала раздѣлять не непримиримость ихъ міровоззрѣній, а лишь чисто временные, случайные и часто неважные вопросы. И благодаря этому болѣе внѣшнему, чѣмъ внутреннему раздѣленію англійской буржуазіи на партіи, ея органы печати въ послѣднюю четверть XIX в. стали отличаться тѣмъ страннымъ нравственнымъ индифферентизмомъ, той преувеличенной другъ къ другу терпимостью, образчики которыхъ мы указали въ предыдущихъ главахъ.

Но къ концу XIX в. народился и окрѣпъ еще другой факторъ, получившій огромное и весьма часто развращающее вліяніе на англійскую политическую жизнь и на ея печать: мы говоримъ о денежномъ и *биржевомъ* капиталѣ. За послѣднія 3—4 десятилѣтія все новыя и новыя страны стали переходить къ крупному производству, и эти страны для своей промышленной экипировки нуждались въ крупныхъ капиталахъ. Съ другой стороны, въ самой Англіи, вслѣдствіе все возрастающей конкурренціи, оказываемой ея продуктамъ на всемірномъ рынкѣ вновь выступившими капиталистическими странами, все труднѣе и труднѣе становилось употреблять вновь накопляющуюся прибавочную стоимость на расширеніе производства; и потому освобождающіеся англійскіе капиталы направлялись въ все возростающей массѣ за границу и помѣщались тамъ въ видѣ государственныхъ займовъ, акцій и облигацій. Такимъ то образомъ Англія постепенно взяла на себя роль всеміркаго ростовщика, и въ Англіи къ группамъ представителей землевладѣльческаго и промышленнаго капиталовъ присоединились: группа представителей денежнаго капитала и ея прямое порожденіе—группа биржевиковъ.

Для этихъ новыхъ элементовъ англійской буржуазіи политика, организованная государственною властью, является уже не столько орудіемъ для охраны установившихся соціальныхъ

отношеній, сколько средствомъ для выгоднаго и гарантированнаго помѣщенія своихъ капиталовъ за границей. Ихъ интересы уже не находятся въ прямой связи съ тѣми или иными принципами, съ протекціонизмомъ или свободой торговли, съ охраной труда или свободой эксплуатаціи, а лишь въ случайной зависимости отъ того или иного положенія международныхъ отношеній. Мораль. развитіе гражданственности, поддержаніе добрыхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ,—все это для нихъ лишь пустые звуки, которыми они пользуются лишь для отвода глазъ. Подобно Шейлоку, они ставятъ передъ своими должниками неумолимую дилемму: деньги или живое мясо изъ твоего тѣла.

Все куплю!—сказало злато,
Все возьму!—сказалъ булатъ.

И тамъ, гдѣ алчныя притязанія денежнаго и биржевого капитала встрѣчаютъ сопротивленіе, онъ скупаетъ парламенты, правительства, прессу, направляетъ войска одной обманутой націи на другія и цѣною рѣкъ пролитой человѣческой крови добивается своихъ корыстныхъ цѣлей. Таково именно происхожденіе южно-африканской войны; такую же подкладку имѣла и послѣдняя война державъ съ Китаемъ и недавнее поведеніе ихъ по отношенію къ греко-турецкой войнѣ и къ Криту.

Для представителей биржевого капитала затратить нѣсколько милліоновъ рублей на скупку акцій большинства вліятельныхъ газетъ данной страны является нерѣдко весьма выгоднымъ помѣщеніемъ денегъ. При помощи прессы они направляютъ общественныя симпатіи въ сторону предпріятія, обѣщающаго имъ десятки и сотни милліоновъ. И лишь только поставленная цѣль этими финансистами достигнута, они сбываютъ свои газетныя акціи и избавляются такимъ образомъ отъ риска убытковъ. Такъ именно поступила партія Сесиля Родса и Чемберлэна въ Англіи для подготовленія недавняго взрыва джингоизма.

Наиболѣе грустной страницей въ новѣйшей исторіи англійской прессы является переходъ либеральныхъ и радикальныхъ газетъ въ джингоистскій лагерь. Когда большинство газетъ подпало вліянію небольшой группы безпринципныхъ людей, независимому слову стало трудно сохранять свои по-

зиціи, и добросовѣстность и серьезность, бывшія отличительными чертами англійской прессы, начали подвергаться остракизму и вытѣсняться ложью и клеветами, диктуемыми корыстными вожделѣніями. Лица, дорожащія своими убѣжденіями и свободой критики, стали изгоняться изъ редакцій. Врядъ ли когда либо вся закулисная исторія этого перехода газетъ въ руки капиталистовъ Іоганнесбурга сдѣлается вполнѣ извѣстной. Но уже тѣ факты, которые дошли до нашего свѣдѣнія, достаточно характерны.

Либеральная «Daily News» упорно и энергично осуждала набѣгъ Джемсона и всѣхъ лицъ, прямо или косвенно замѣшанныхъ въ этомъ набѣгѣ, между прочимъ и Чемберлэна. Но вотъ партія Сесиля Родса скупила большинство акцій этой газеты, редакторъ былъ смѣненъ, и «Daily News» сразу принялась за реабилитацію Джемсона, Родса и ихъ соумышленниковъ. И съ тѣхъ поръ «Daily News» въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была болѣе ярой джингоистской газетой, чѣмъ сами газеты консервативнаго лагеря. Но за эти годы распространеніе «Daily News» все болѣе и болѣе сокращалось, и газета стала приносить крупные убытки. И вотъ къ концу войны, въ началѣ 1902 года, приверженцы южноафриканской войны сбываютъ акціи ненужной имъ больше газеты, и «Daily News» снова возвращается въ лоно стараго манчестерскаго либерализма. Ея акціи были скуплены милліонеромъ-квакеромъ Кэдбури, владѣльцемъ гигантскихъ шоколадныхъ и конфетныхъ фабрикъ, которому вновь установленные налоги на сахаръ приносятъ большіе убытки. И распространеніе газеты снова расширяется теперь.

Радикальная газета «Daily Chronicle» имѣла своимъ редакторомъ Массингэма, и благодаря ему «Daily Chronicle» отличалась замѣчательнымъ единствомъ направленія и убѣжденностью. Массингэмъ подвергалъ горячей критикѣ политику Чемберлэна по трансваальскому вопросу и неустанно разоблачалъ всю несправедливость, безнравственность и ненужность войны. Гарольдъ Спендеръ велъ блестяще отдѣлъ House and Lobby (т. е. «изъ палаты общинъ»), и Нэшъ писалъ талантливыя статьи по рабочему вопросу. Благодаря этимъ тремъ убѣжденнымъ и талантливымъ радикаламъ, «Daily Chro-

nicle» сидѣла гвоздемъ въ горлѣ Чемберлэна и биржевиковъ. И вотъ въ 1900 году удалось парализовать и эту газету.

Хозяиномъ «Daily Chronicle» состоитъ нѣкій Ллойдъ, собственникъ громадной писче-бумажной фабрики, купившій для сбыта своей бумаги пару газетъ, точно такъ же, какъ скотоводъ здѣсь открываетъ мясныя лавки для сбыта убойнаго скота. Ллойдъ издаетъ также чрезвычайно распространенный еженедѣльный джингоистско-консервативный органъ «Lloyd's Newspaper». Наконецъ, этотъ же Ллойдъ состоитъ въ близкихъ дѣловыхъ сношеніяхъ съ вышеупомянутыми Гармсворсомъ и Пирсономъ, и всѣ газеты этихъ издателей печатаются на бумагѣ Ллойда. Эти два издателя покупаютъ у Ллойда на нѣсколько милліоновъ рублей бумаги въ годъ. Понятно, что для Ллойда оказалось болѣе важнымъ удержать за собой этихъ выгодныхъ покупателей, чѣмъ сохранить за «Daily Chronicle» ея радикальное направленіе. Ллойдъ потребовалъ отъ Массингэма, чтобы «Daily Chronicle» прекратила до окончанія войны свои нападки на чемберлэновскую политику. Массингэмъ вмѣстѣ съ Спендеромъ и Нэшемъ немедленно удалились изъ редакціи, и газета превратилась сразу въ ничтожество, изъ котораго она не вышла до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ одной полупенсовой «Morning Leader», *всѣ* лондонскія утреннія газеты превратились во время войны въ джингоистскія и ничѣмъ не отличались другъ отъ друга.

Изъ лондонскихъ вечернихъ газетъ противъ политики Родса-Чемберлэна въ началѣ войны боролись «Westminster Gazette», «Star» и имѣющая широкое распространеніе радикальная «Echo»—старѣйшая изъ полупенсовыхъ газетъ. Редакторомъ «Echo» долгіе годы состоялъ Крукъ, высказавшійся противъ трансваальской войны еще съ большей горячностью, чѣмъ Массингэмъ. Въ концѣ 1899 года Крукъ получилъ по этому поводу предостереженіе отъ издателя, а съ начала 1900 года Крукъ пересталъ участвовать въ «Echo», и газета принялась апплодировать чемберлэновской политикѣ. Но вотъ кончилась война, и «Echo» снова вернулась къ идеаламъ стараго радикализма.

Что же касается до такъ называемыхъ «независимыхъ» газетъ, то ихъ поголовный переходъ въ джингоистскій лагерь

объясняется не только тѣмъ, что партія Родса «повліяла» на нихъ, но и тѣмъ, что война своими трагическими событіями сулила имъ усиленный сбытъ. Я уже упоминалъ выше, что, напр., «Daily Mail» во время войны расходилась въ удвоенномъ количествѣ экземпляровъ.

«Times», сдѣлавшаяся во время войны главнымъ органомъ чемберлэновской политики, была всегда выразительницей интересовъ крупнаго и въ особенности денежнаго капитала. Поэтому ея джингоизмъ послѣднихъ лѣтъ естественъ. Но что этотъ джингоизмъ обусловливается не убѣжденіями, а диктуется интересами биржевиковъ, можно видѣть изъ того негодованія, съ какимъ на дняхъ «Times» и «Daily Mail» осуждали вызывающее поведеніе англійскаго правительства по отношенію къ Венецуэлѣ. Уничтоженіе или ослабленіе Венецуэльской республики грозитъ цѣлости помѣщенныхъ въ этой странѣ англійскихъ капиталовъ, тогда какъ уничтоженіе южно-африканскихъ республикъ лишь очистило тамъ арену для безконтрольнаго господства биржевиковъ.

Только «Morning Post» и «Standard» изъ всѣхъ консервативныхъ органовъ сохраняютъ сколько нибудь опредѣленную физіономію. На первой страницѣ этихъ газетъ вы всегда найдете цѣлый рядъ объявленій конторъ всякаго рода «private detectives»—частныхъ сыщиковъ, предлагающихъ свои услуги для выслѣживанія невѣрныхъ женъ или мужей и для собиранія уликъ, необходимыхъ въ процессахъ о разводѣ и т. п. дѣлахъ. Эти два органа читаются главнымъ образомъ членами старой аристократіи, той аристократіи, которая болѣе всего привержена къ «свободной», хотя и тайной любви. Вы нигдѣ не найдете такой страстной защиты привилегій господствующей церкви, какъ въ «Standard», такихъ краснорѣчивыхъ статей въ пользу сохраненія ирландскаго лэндлордизма, какъ въ «Morning Post».

X.

Въ нашемъ очеркѣ имя Пирсона встрѣчалось довольно часто, и мы считаемъ умѣстнымъ обрисовать здѣсь издательскую дѣятельность этого человѣка, который сумѣлъ занять своимъ именемъ всякій уголокъ, имѣющій малѣйшую реклам-

ную цѣнность. Не говорить въ очеркѣ англійской періодической печати о такихъ лицахъ, какъ Пирсонъ, Гармсворсъ, Ньюнесъ, О'Конноръ и др., невозможно уже потому, что каждымъ изъ нихъ еженедѣльно пускаются въ обращеніе милліоны экземпляровъ всякаго рода періодическихъ изданій, которыя, какъ бы они безцвѣтны ни были, уже въ силу своего огромнаго распространенія занимаютъ крупное мѣсто въ ряду органовъ, вліяющихъ тѣмъ или инымъ образомъ на выработку народнаго міросозерцанія. Каждый изъ издателей этой группы имѣетъ свои личныя особенности, свои индивидуальныя черты; но въ ихъ издательской дѣятельности ими всѣми одинаково руководитъ одинъ и тотъ же стимулъ,—жажда наживы, жажда матеріальнаго успѣха своихъ газетныхъ предпріятій. Точно также и каждое изъ ихъ многочисленныхъ изданій [1]) имѣетъ свою индивидуальную физіономію; но всѣ они проявляютъ одну и ту же типичную черту, отсутствіе всякой глубокой идеи, которая лежала бы въ основѣ изданія, стремленіе всѣми допустимыми закономъ и общественнымъ мнѣніемъ средствами привлечь къ себѣ читателя. Поэтому достаточно получить представленіе объ одномъ изъ этихъ издателей и объ одномъ изъ ихъ изданій, чтобы понятными стали какъ характеръ издательской дѣятельности всей этой группы издателей, такъ и физіономія всѣхъ ихъ изданій.

Старѣйшимъ изъ этихъ издателей является Ньюнесъ со своей еженедѣльной газетой «Tit-Bits». Но такъ какъ объ нихъ уже говорилось подробно въ русской печати, то мы остановимся на дѣятельности Пирсона, воспитаннаго именно на «Tit Bits»; при чемъ мы будемъ пользоваться матеріаломъ, приведеннымъ въ статьѣ В. Стэда (въ «Review of Reviews», за май 1900 г.).

Первымъ самостоятельнымъ изданіемъ. съ какимъ выступилъ Пирсонъ на газетный рынокъ (въ 1890 г.), была еже-

[1]) Пирсонъ издаетъ ежедн. газету «Daily Express»; еженед. газеты - «Pearson's Weekly», «Illustrated Weekly News», «Short Stories», «Home Notes», ежемѣсячный литературный журналъ «Pearson's Magazine» и болѣе полудюжины другихъ мелкихъ періодическихъ изданій. Точно также Гармсворсъ издаетъ «Daily Mail», «Answers» и множество другихъ газетъ и журналовъ.

недѣльная газетка «Pearson's Weekly», которая нынѣ расходится въ нѣсколькихъ стахъ тысячъ экземпляровъ. Эта газетка создала матеріальное благополучіе Пирсона, какъ «Tit-Bits» создала богатства Ньюнеса, «Answers»—гигантскіе капиталы Гармсворса, «М. А. Р.»—О'Коннора и т. п. «Pearson's Weekly», «Tit-Bits», «Answers»,—всѣ эти еженедѣльныя газетки походятъ другъ на друга, какъ родныя сестры, и куда бы вы ни поѣхали, вы всегда въ вагонѣ, омнибусѣ, трамваѣ найдете англійскихъ мальчиковъ и юношей, углубленныхъ въ чтеніе той или другой изъ этихъ газетокъ. Возьмемъ любой номеръ «Pearson's Weekly». Это газетка въ 20 страницъ размѣра немного меньше «Нивы». Четыре страницы посвящены объявленіямъ, ими же покрыта обертка. Четыре страницы заключаютъ беллетристическіе очерки или вѣрнѣе фельетоны, занимательно и легко написанные, свободные отъ грязи и сальности французскихъ газетныхъ фельетоновъ, но въ художественномъ отношеніи безцвѣтные, какъ наша лубочная литература. Сюжеты этихъ очерковъ и повѣстей взяты по большей части изъ военной жизни, какъ имѣющей наиболѣе очарованія для молодого ума. Далѣе слѣдуетъ пара страницъ, посвященныхъ описанію малоизвѣстныхъ странъ и народовъ. Нѣсколько слѣдующихъ страницъ посвящены маленькимъ статейкамъ и замѣткамъ на самыя разнообразныя темы, иногда болѣе или менѣе серьезныя, по большей же части пустыя или даже нелѣпыя, какъ напр.: «объ антипатіи, которая, какъ говорятъ, существуетъ между гиппопотамомъ и лошадью», «о выгодахъ замѣны лакеевъ-мущинъ особами женскаго пола». Затѣмъ, имѣется одинъ столбецъ, озаглавленный — «съ днемъ рожденія», въ этомъ отдѣлѣ даются кой какія свѣдѣнія о выдающихся людяхъ, день рожденія которыхъ выпадаетъ на текущую недѣлю. Таково, въ нѣсколькихъ словахъ, содержаніе такъ сказать «литературныхъ» отдѣловъ газетки «Pearson's Weekly». Приблизительно тотъ же характеръ носятъ и всѣ другія сотни газетокъ той же группы, имѣющей во главѣ «Tit-Bits», «Answers», «М. А. Р.» и т. д. Всѣ эти газетки избѣгаютъ обсужденія вопросовъ какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ, потому что этимъ обсужденіемъ онѣ могли бы оттолкнуть отъ себя ту или иную группу читателей, несогласныхъ съ взглядами

газеты. Газетки эти, какъ мѣтко выражается Стэдъ, такъ же лишены всякой доктрины, какъ меню ресторана. Онѣ только даютъ болѣе или менѣе интересные факты.

Такимъ образомъ газетки такого типа представляютъ своего рода маленькія энциклопедіи, въ которыхъ среди массы ненужнаго хлама встрѣчается не мало полезныхъ статеекъ. Въ этихъ то энциклопедіяхъ вся англійская молодежь черпаетъ дополнительное свое образованіе по выходѣ изъ первоначальной школы. И поскольку эти газетки расширяютъ умственный кругозоръ своихъ читателей, постольку за ними нельзя не признать полезной роли.

Къ сожалѣнію, газетки эти не ограничиваются перечисленными отдѣлами. Этими только отдѣлами онѣ не завоевали бы себѣ милліоновъ читателей. Чтобы заманить читателей, эти газетки прибѣгаютъ ко всевозможнымъ уловкамъ, отчасти безобиднымъ, но нерѣдко и весьма вреднымъ. Такъ, напримѣръ, почти каждая изъ этихъ газетокъ является своеобразнымъ страховымъ обществомъ. Если въ карманѣ человѣка, потерявшаго жизнь на желѣзной дорогѣ, будетъ найденъ страховой купонъ, безплатно прилагаемый къ каждому номеру «Pearson's Weekly», то законнымъ наслѣдникамъ убитаго будетъ выдано изъ конторы этой газетки 2.000 ф. ст. (около 20,000 руб.). Конечно, купонъ этотъ долженъ быть вырѣзанъ изъ послѣдняго вышедшаго до катастрофы номера. Точно также наслѣдники человѣка, убитаго во время велосипедной ѣзды или игры въ футболлъ, получаютъ 1000 р. изъ конторы «Pearson's Weekly», если въ карманѣ убитаго будетъ найденъ страховой купонъ изъ послѣдняго номера этой газетки. Такихъ страховыхъ премій «Pearson's Weekly» уплатила уже около 500 за первыя 10 лѣтъ своего существованія. Другія газетки этой категоріи варіируютъ всевозможными путями предложенія такихъ премій, и такъ какъ цѣна номера этихъ газетокъ равна лишь 1 пенсу (около 4 коп.), то легко понять, какое множество читателей покупаютъ эти газетки лишь ради того, чтобы имѣть страховой купонъ. Замѣтимъ, что обмана здѣсь нѣтъ: добросовѣстные англичане перестраховываютъ въ свою очередь выдачу премій своимъ читателямъ въ настоящихъ страховыхъ обществахъ.

Въ концѣ «Pearson's Weekly» имѣется рядъ шарадъ на половинѣ страницы, и всякій, кто пришлетъ правильную разгадку всѣхъ шарадъ даннаго номера, получаетъ отъ Пирсона банковый билетъ въ 50 ф. ст. Развитіемъ шараднаго отдѣла является такъ называемый отдѣлъ «Вопросовъ, заслуживающихъ отвѣта», и этотъ то отдѣлъ создалъ карьеру Пирсона и служитъ до сихъ поръ главнымъ орудіемъ заманиванія читателей. Инціатива введенія этого отдѣла принадлежитъ Ньюнесу, издателю «Tit-Bits», но Пирсонъ довелъ его до совершенства.

Въ 1884 году въ «Tit-Bits» было напечатано 10 вопросовъ съ заявленіемъ редактора, что въ теченіе 13 недѣль въ газетѣ будутъ печататься по 10 вопросовъ, и что кто лучше всѣхъ отвѣтитъ на эти 130 вопросовъ, получитъ въ конторѣ «Tit-Bits» должность съ вознагражденіемъ въ 100 ф. ст.—за первый же годъ. Три тысячи человѣкъ отозвалось на предложеніе редакціи, и по окончаніи конкурса пальма первенства оказалась за восемнадцатилѣтнимъ юношей К. Пирсономъ, сыномъ деревенскаго священника. Втеченіе 13 недѣль, по полученіи свѣжаго номера «Tit-Bits», юноша этотъ каждый разъ отправлялся на велосипедѣ изъ дому за 45 верстъ въ ближайшую публичную библіотеку, рылся въ разныхъ энциклопедіяхъ и справочныхъ книгахъ и писалъ отвѣты на помѣщенные въ «Tit-Bits» мудреные вопросы. Вотъ, для примѣра, нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ:

Сколько многозначительныхъ словъ можетъ быть сдѣлано изъ слова Mediterranean?

Какія «восемь бѣдъ» постигли Ирландію?

Кто изобрѣлъ геліографъ?

Какой городъ сдался мертвому генералу?

Назвать имена 10 животныхъ (не человѣческой семьи), которыя, какъ говорятъ, были допущены въ рай?

Кто, по преданію, былъ удержанъ на горѣ Идѣ за гвозди сапогъ?

Какой возрастъ имѣетъ земля?

Когда начинается эра *современной* исторіи? и т. п.

Своими быстрыми и удачными отвѣтами на эти вопросы Пирсонъ завоевалъ себѣ должность конторщика въ «Tit-Bits», а черезъ полгода этотъ 18-ти лѣтній дѣлецъ сдѣлался уже

завѣдывающимъ хозяйственнымъ отдѣломъ этого огромнаго издательскаго предпріятія, съ жалованьемъ въ 300 ф. ст. Въ то же самое время другой юнецъ, Альфредъ Гармсворсъ, состоялъ сотрудникомъ той же «Tit-Bits». Черезъ три года Гармсворсъ начинаетъ печатать свою собственную газету «Answers» (т. е. *Отвѣты*), а черезъ 5 лѣтъ Пирсонъ бросаетъ «Tit-Bits» и основываетъ свою «Pearson's Weekly» (*Еженедѣльникъ Пирсона*); обѣ эти газетки во всемъ стали подражать своему первоисточнику «Tit-Bits», стараясь лишь изобрѣтать все болѣе и болѣе острые крючки для улавливанія читателей.

Черезъ годъ послѣ своего основанія «Pearson's Weekly» распространялась уже въ количествѣ 200.000 экземпляровъ. Но Пирсонъ не довольствовался этимъ,—«Tit-Bits» все еще была далеко распространеннѣе его газетки,—и онъ продолжалъ изобрѣтать все новыя и новыя преміи для приманки читателей. Однажды корректируя газетку, Пирсонъ сталъ придумывать слово для заполненія оказавшагося пустымъ мѣста въ концѣ страницы. Это обстоятельство натолкнуло его на новый планъ шарады. Въ ближайшемъ номерѣ «Pearson's Weekly» была напечатана статейка съ предложеніемъ отъ редакціи прислать въ закрытомъ конвертѣ «недостающее слово», опущенное въ статейкѣ, а также и почтовый мандатъ на 1 шиллингъ. При этомъ редакція обѣщала общую сумму полученныхъ шиллинговъ черезъ недѣлю раздѣлить поровну между тѣми, кто отгадаетъ опущенное слово. Если «вопросы, заслуживающіе отвѣта» все таки требуютъ со стороны читателя опредѣленныхъ знаній, то «опущенное слово» не требуетъ ничего, кромѣ простого отгадыванія. А гадать всякій мальчикъ способенъ. И вотъ на новую приманку накинулась масса охотниковъ. Продажа газетки стала рости съ чрезвычайной быстротой. Когда же на долю счастливыхъ отгадчиковъ стало попадать по 70 ф. ст. изъ стекавшихся въ контору шиллинговъ, то англійская молодежь совершенно потеряла головы. Продажа «Pearson's Weekly» стала увеличиваться каждую недѣлю на сотни тысячъ экземпляровъ, печатныхъ силъ типографіи оказалось слишкомъ мало, приходилось стереотипировать газету и разсылать по провинціаль-

нымъ типографіямъ для печатанія за бѣшенную плату, на рынкѣ не хватало бумаги, и ее приходилось привозить издалека и оплачивать втридорога, въ почтовомъ вѣдомствѣ не хватило шиллинговыхъ мандатовъ, а при конторѣ Пирсона пришлось отвести мѣсто для 500 сортировщиковъ, которые вскрывали получаемыя «опущенныя слова» съ шиллингами и сортировали ихъ на удачныя и неудачныя. Но здѣсь дѣло шло уже не о ростѣ числа читателей газетки, а о разожженной жадности молодежи, надѣявшейся выиграть сравнительно крупную сумму въ новоизобрѣтенную лотерею. Одно и то же лицо покупало десятки, нерѣдко сотни экземпляровъ «Pearson's Weekly» и, вырѣзавъ нужный параграфъ каждаго номера, вписывало самыя разнообразныя «опущенныя слова» и отсылало эти вырѣзки вмѣстѣ съ шиллингами въ контору газетки, въ надеждѣ, что какое нибудь изъ «опущенныхъ словъ» окажется счастливымъ и принесетъ отгадчику крупную сумму. Сама же газета, послѣ вырѣзанія нужнаго параграфа, выбрасывалась вонъ.

Около двухсотъ газетъ принялось немедленно подражать Пирсону, и лотерейная эпидемія приняла такіе угрожающіе размѣры, что судъ наконецъ вмѣшался въ дѣло и объявилъ «опущенное слово» запрещенной закономъ азартной игрой. Это прекратило практику «опущеннаго слова», и въ моментъ прекращенія у Пирсона на рукахъ оказалось около 400.000 руб.,— сумма стекшихся за послѣднюю недѣлю 800.000 шиллинговъ. Его газетка въ это время распространялась въ 1.250.000 экземпляровъ; но по прекращеніи «опущеннаго слова» продажа сразу сократилась почти на цѣлый милліонъ экземпляровъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ эти газетки отъ сравнительно невинныхъ пріемовъ завлеченія читателей (шарады, страховыя преміи, «вопросы, заслуживающіе отвѣта» [1]) и т. п.)

[1]) Въ послѣднемъ номерѣ соц.-демократической газеты «Justice» приводятся такіе перлы изъ области «вопросовъ, заслуживающихъ отвѣтовъ» и т. п. отдѣловъ:

«Счастливѣе ли женщины мущинъ?»

Изъ «Pearson's Weekly».

«Мужья, которыхъ никогда не цѣлуютъ?»

Изъ «Tit-Bits».

незамѣтно переходятъ къ развращающимъ пріемамъ азартной игры. Запрещеніе судомъ «опущеннаго слова» конечно не въ силахъ остановить изобрѣтательность издателей, и каждый разъ въ массу закидывается новая и новая приманка, разсчитанная на разжиганіе низменныхъ страстей толпы.

Такова смѣсь добра и зла, посѣваемаго этими неполитическими газетками-журнальчиками въ головахъ и сердцахъ подростающихъ поколѣній англійскаго народа. Учесть теперь результаты этого посѣва еще невозможно, такъ какъ литература этого рода стала сильно распространяться лишь за послѣдніе два десятка лѣтъ. Можно, конечно, поставить въ связь съ вліяніемъ этой литературы такіе печальные факты, какъ джингоистская вакханалія послѣднихъ лѣтъ или же все усиливающаяся въ англійскомъ народѣ эпидемія такъ называемаго «betting and gambling» (пари при всякаго рода спортахъ, азартныя игры). Съ другой стороны, можно указать и на такія отрадныя явленія, какъ необычайно широкое распространеніе въ дешевыхъ изданіяхъ лучшихъ англійскихъ писателей (въ почти каждой рабочей семьѣ вы теперь здѣсь найдете недурно составленныя маленькія домашнія библіотечки). Но правильнѣе всего будетъ поставить въ зависимость какъ эти перечисленные печальные и отрадные факты, такъ и характеръ самой

«Когда дѣвушка становится старой дѣвой?»
Изъ «Pearson's».

«Жить при посредствѣ прислушиванія»
Изъ «Answers».

«Что женщина можетъ сдѣлать изъ-за любви?»
Изъ «Pearson's».

«Какъ порвать съ помолвкой?»
Изъ «Answers».

«Выгодны ли хорошенькія жены?»
Изъ «Pearson's».

Замѣтимъ, однако, что среди вопросовъ Пирсона встрѣчается немало и такихъ, которые въ состояніи вызвать любознательность въ читателѣ, какъ напр.:

«Есть ли основанія предполагать, что Америка въ доисторическія времена была обитаема націей, находившейся на сравнительно высокой ступени цивилизаціи?»

«Какое колоніальное предпріятіе было наиболѣе разорительнымъ для Шотландіи?» и т. п.

политической и неполитической прессы отъ той формы капиталистическаго строя, о которой мы говорили въ началѣ нашего очерка.

И мы не сомнѣваемся, что когда дальнѣйшее развитіе капиталистическихъ отношеній повыситъ классовое самосознаніе труда до той ступени, до какой уже достигла здѣсь классовая организація, тогда и пресса Англіи получитъ необходимую политическую опредѣленность и сама общественная жизнь приметъ иной характеръ. Исторія ведетъ Англію именно по этому пути. Монопольное положеніе англійской промышленности на всемірномъ рынкѣ теперь, благодаря конкурренціи молодыхъ капиталистическихъ странъ, отходитъ все болѣе и болѣе въ область преданій. Прибыль промышленнаго капитала начинаетъ падать, и сокращающуюся норму прибыли капиталисты стараются возмѣстить путемъ сокращенія заработной платы. И въ настоящее время, какъ это показалъ въ самые послѣдніе годы рядъ нападеній англійской буржуазіи на права трэдъ-юніоновъ, капиталисты уже начинаютъ взирать съ вожделѣніемъ на ту самую почву, которую они уступили рабочимъ десятилѣтія тому назадъ. Въ силу этого рабочій классъ начинаетъ живѣе чувствовать антагонизмъ интересовъ труда и капитала и начинаетъ сознавать необходимость созданія своей собственной рабочей политической партіи. А разъ такая партія будетъ сформирована, на сцену выступитъ самостоятельная рабочая пресса, а съ ней исчезнетъ и нынѣшняя нравственная физіономія англійской печати.

Д. Сатуринъ.

Періодическая печать въ Италіи.

Въ своемъ сочиненіи «Origine de l'imprimerie et propagation de l'imprimerie dans differentes parties du monde» («Происхожденіе и распространеніе печатнаго искусства въ различныхъ странахъ міра») Людовикъ Лаланнъ замѣчаетъ, что искусство книгопечатанія было перенесено въ Италію тотчасъ же послѣ того, какъ оно было изобрѣтено въ Германіи. Швейгеймъ и Панартцъ, два извѣстныхъ пропагандиста изобрѣтенія Гуттенберга, были приглашены итальянскимъ королемъ въ Римъ. гдѣ и была ими основана въ великолѣпномъ княжескомъ замкѣ первая итальянская типографія. Первымъ произведеніемъ, отпечатаннымъ въ Италіи, было посланіе Цицерона, выпущенное въ 1468 году. Съ этой эпохи начинаетъ быстро распространяться по всей Италіи искусство книгопечатанія, въ Болоньѣ появляется первое печатное произведеніе въ 1471 г., въ Генуѣ и Туринѣ—1474 г., въ Палермо—1477 г. Къ 1500 г. уже въ самыхъ маленькихъ городахъ Италіи имѣлись типографскія заведенія.

Любопытно, что въ тѣхъ областяхъ Италіи, которыя не находились въ непосредственной власти церкви, цензура была введена почти исключительно благодаря настояніямъ самихъ типографщиковъ, да по соображеніямъ экономическаго протекціонизма. Намъ, напр., извѣстна «Петиція книгопродавцевъ и типографовъ» города Милана испанскому королю, подъ властью котораго находилась тогда Ломбардія, въ которой, обращая вниманіе на возрастаніе числа книгъ, несогласныхъ съ духомъ католической религіи—Италія переживала тогда періодъ возрожденія.—они просили испанскаго короля установить строгую цензуру по отношенію ко всѣмъ книгамъ, которыя продолжали выпускаться, несмотря на то, что католическая церковь внесла ихъ въ списокъ запрещенныхъ. Сія почтенная

корпорація типографовъ и книгопродавцевъ въ Миланѣ объясняла это послѣднее явленіе свободою для каждаго открывать типографію, въ виду чего она и хлопочетъ о томъ, чтобы для пресѣченія зла число типографій впредь было ограничено, чтобы имена типографовъ вносились въ особый списокъ и чтобы надъ всѣми печатными произведеніями была установлена цензура.

По вопросу о цензурѣ между реакціей и вожделѣніями экономически сильныхъ группъ царило тогда ненарушимое согласіе.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія книгоиздательства стали выпускаться уже и періодическія изданія, а наконецъ и настоящія газеты. И уже 18 августа 1688 года по настоянію испанскихъ вице-королей было опубликовано дономъ Антоніо-Маріа-Эрба строгое запрещеніе печатать періодическое изданіе «Отчеты о новыхъ событіяхъ и фактахъ», появлявшееся въ итальянскихъ округахъ, подчиненныхъ власти испанскаго короля. Эти «Отчеты» навлекли неудовольствіе главнымъ образомъ за то, что они имѣли «дурную привычку» давать свѣдѣнія о передвиженіи итальянскихъ войскъ, давая этимъ драгоцѣнныя свѣдѣнія въ руки враговъ.

Въ это же время въ Римѣ выходили «Римскія Извѣстія», содержавшія хронику городскихъ фактовъ и не затрогивавшія политическихъ и военныхъ вопросовъ. Подобнаго же рода газеты появлялись и въ Неаполѣ и, по всей вѣроятности, и въ Испаніи, впрочемъ ни въ одной изъ библіотекъ не сохранились экземпляры этихъ послѣднихъ газетъ.

Постепенно правительства Испаніи и Италіи утрачивали свою былую непріязнь къ періодической печати, пріучившейся къ простому изложенію фактовъ. Возникаютъ «Mercurii», «Gazzette», «Gallerie» и т. д. Особенностью всѣхъ этихъ органовъ было ихъ почти абсолютное молчаніе о внутреннихъ вопросахъ тогдашней Италіи. Въ одной комедіи Гольдони, итальянскаго Мольера, одинъ изъ персонажей весь поглощенъ чтеніемъ газеты, расписывающей, что китайскій императоръ женится на дочери великаго Могола. Эта сценка какъ нельзя лучше рисуетъ положеніе тогдашней прессы, которая принуждена была заниматься экстравагантными свѣдѣніями, относя-

щимися къ самымъ отдаленнымъ странамъ, не смѣя упомянуть ни словомъ о событіяхъ, происходившихъ въ родной и сосѣдней странахъ.

Изъ массы органовъ, появлявшихся въ Италіи между концомъ XVIII и началомъ XIX в. стоитъ упомянуть «Caffe», который началъ выходить въ Миланѣ въ 1764 г. и издавалась братьями Верри и Беккаріа, знаменитымъ юристомъ. «Caffe» представляло собою родъ энциклопедическаго обозрѣнія. Въ ней была опубликована первая въ Европѣ попытка математическаго метода въ политической экономіи, статья Беккаріа «Saggio sui controbandi», въ которой авторъ аналитическимъ путемъ пытается разрѣшить вопросъ о томъ, до какого пункта должна дойти система налоговъ, для того чтобы по необходимости вызвать среди народа развитіе контрабанды.

Къ этой же эпохѣ относится появленіе двухъ замѣчательныхъ органовъ итальянской печати—«Литературный Бичъ» Баретти и «Наблюдатель» Гоцци, повліявшихъ весьма сильно на направленіе итальянской литературы, находившейся въ теченіе долгаго времени въ младенческомъ состояніи, вслѣдствіе продолжительнаго иностраннаго владычества надъ Италіей, одинаково пагубно отозвавшагося и на матеріальномъ и на умственномъ развитіи Италіи. Баретти, подъ псевдонимомъ Аристарха Сканабуэ, рѣзко раскритиковалъ всю періодическую печать своего времени. Онъ показалъ при этомъ, въ какое ужасное положеніе была приведена національная культура Италіи. Не вскрывъ истинной причины этого печальнаго положенія дѣла (т. е. господства иностранцевъ и церковно-политической цензуры), онъ въ то же время мастерски бичевалъ всѣ порожденныя имъ явленія. Изъ всѣхъ своихъ современниковъ онъ считалъ достойнымъ политикомъ традиціи классической Италіи лишь Парини, тонкаго миланскаго сатирика, настроеннаго на соціалистическій ладъ.

Великая французская революція вызвала въ Италіи достопамятныя событія, низвергнувшія старый режимъ. Наполеонъ изгналъ изъ Италіи австрійскую династію, разрушилъ вѣковую подгнившую республику Венеціи, которая въ эту эпоху пала до постыдной олигархіи кучки вырождающихся нобилей, и изгналъ изъ Рима Папу.

Одновременно съ этимъ Неаполь изгналъ Бурбоновъ и основалъ Партенопейскую республику. Паденіе стараго режима повлекло за собою и уничтоженіе всѣхъ тѣхъ законовъ, которые держали въ оковахъ свободную мысль. Все это, по французской модѣ, сопровождалось настоящимъ наводненіемъ альманаховъ и памфлетовъ.

Послѣ объявленія конституціи въ Цизальпинской республикѣ начали выходить двѣ ежедневныя газеты: «Обозрѣватель итальянской республики» и «Миланскій Курьеръ». Въ это же время стали появляться и въ Неаполѣ нѣсколько новыхъ газетъ, среди которыхъ надо отмѣтить «Указатель Партенопейской республики». издателемъ котораго была героическая донна Элеонора Пиментель, позже, въ эпоху наступившей монархической реакціи, гильотинированная на рыночной площади въ Неаполѣ за приверженность къ республиканскимъ идеямъ.

Послѣ битвы подъ Ватерло, Италія испытываетъ реакціонное воздѣйствіе наступившей реставраціи. Созданное Наполеономъ итальянское королевство лопнуло, какъ мыльный пузырь; австрійцы возвратились въ Ломбардію, Папа—въ Римъ, а Бурбоны — въ Неаполь. Свобода печати исчезла, и печать снова попала въ рабское положеніе. Снова политика сдѣлалась запрещеннымъ плодомъ, и цензура стала преслѣдовать прессу. Научныя и литературныя изданія снова начинаютъ борьбу за единство Италіи и политическую свободу, дѣйствуя однако крайне осторожно и мягко, чтобы избѣгнуть преслѣдованій энергичной и грубой цензуры.

Въ Миланѣ появляются «Австрійскій Наблюдатель», «Эхо Милана», «Газета высшаго свѣта» и «Дамскій Курьеръ». одни ежедневные, другіе еженедѣльные. всѣ безцвѣтные, лишенные всякаго политическаго направленія, распѣвающіе надутые диѳирамбы властелинамъ и занимающіеся легкомысленными вопросами моды.

Въ это же время въ Миланѣ начали появляться «Курьеръ обѣихъ Сицилій». «Оффиціальная газета», «Вселенная».

Мы не станемъ перечислять всѣхъ появившихся органовъ печати, составлявшихъ цѣлыя горы бумаги.

То самоудовлетвореніе, которое въ настоящее время итальянская молодежь находитъ главнымъ образомъ въ политикѣ,

по тогдашнимъ временамъ она должна была искать въ литературѣ и ея различныхъ направленіяхъ. Подобно тому, какъ въ Германіи и во Франціи, и въ Италіи борьба между консервативнымъ и либеральнымъ направленіями въ этотъ періодъ (1810—1848 г.) выразилась въ видѣ борьбы между классиками и романтиками. Сильвіо Пеллико, тюремный узникъ Шпильберга, авторъ небольшой книжки, сомнительнаго достоинства, но пользующійся міровою извѣстностью, писалъ своему другу Порро въ Миланъ: «Въ Туринѣ вмѣсто того, чтобы сказать «либералъ», говорятъ «романтикъ», а «классика» превратили въ синонимъ ультрамонтана, шпіона и инквизитора. Борьба между классиками или консерваторами и романтиками или либералами выражалась въ борьбѣ между «Итальянскою Библіотекою», органомъ классиковъ, и «Посредникомъ», органомъ романтиковъ. «Посредникъ» началъ выходить 3 сентября 1818 г., а 17 октября 1819 г. онъ уже прекратился. Журналъ этотъ пользовался европейской извѣстностью, въ числѣ его сотрудниковъ былъ Сисмонди и Росси и самые крупные тогдашніе писатели Италіи. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ экономиста Пеккіа, великаго юриста Романьози, химика Дехристофорисъ и цѣлую плеяду писателей отъ Манцони до Николини, Пеллико и т. д.

Борьба между «Итальянской Библіотекой» и «Посредникомъ» кончилась совсѣмъ не литературно. Трусливая австрійская полиція усмотрѣла въ послѣднемъ органѣ страшную угрозу общественному спокойствію, и хотя въ немъ не принимали участія никто изъ принадлежавшихъ къ карбонаріямъ или другимъ тайнымъ обществамъ и хотя онъ держался въ области вопросовъ, какъ будто бы не затрогивавшихъ партійные вопросы, и говорилъ при этомъ очень сдержанно, все таки власти предупредили, чтобы или направленіе было измѣнено или же органъ будетъ закрытъ и редакція арестована. Послѣ тщетныхъ попытокъ избѣгнуть кары путемъ измѣненія тона, редакція вынуждена была сама прекратить свое изданіе. Немного времени спустя редакторы «Посредника», Сильвіо Пеллико, Конфалоніери и Марончелли уже сидѣли въ мрачной Шпильбергской тюрьмѣ, обвиненные въ заговорѣ противъ государства.

Послѣ исчезновенія «Посредника» не было недостатка въ патріотическихъ итальянскихъ органахъ, которые защи-

щали возвышенные идеалы, но тонъ ихъ по необходимости былъ еще болѣе робокъ, чѣмъ прежде. Три итальянскихъ журнала «Raccoglitore», «Cosmorama» и «Enciclopedia italiana» защищали итальянскую народность, не выходя при этомъ изъ сферы литературно-философскихъ разсужденій. Послѣ итальянской конфедераціи (1796 г.) раздѣленная Италія не могла бы болѣе поддерживать чувство своего единства, если бы это единство не находило своего выраженія въ литературѣ; итальянцы и послѣ раздѣленія продолжали писать на одномъ и томъ же языкѣ, сосредоточивая вниманіе на необходимости политическаго объединенія страны, но въ это же время практическіе вопросы уже не объединяли ихъ.

Писатели съ развитымъ національнымъ чувствомъ принуждены были ограничиться въ своей защитѣ единства Италіи только ссылками на общность языка и классическую литературу, такъ какъ болѣе широкая и энергичная защита подвергалась суровымъ преслѣдованіямъ.

Слѣдовало бы посвятить особую главу нелегальной республиканской печати, получившей въ это время сильное распространеніе въ Италіи, но мы ограничимся немногимъ. Въ то время, какъ цензура изгоняла самые робкіе намеки политическаго характера, подпольная печать, распространяемая по странѣ въ огромныхъ количествахъ членами тайныхъ обществъ, позволяла себѣ прямо высказывать самыя радикальныя сужденія о политическомъ положеніи страны.

Душою этой литературы былъ Джузеппе Мадзини, который регулярно направлялъ въ Италію, то изъ Лондона, то изъ Лугано (Швейцаріи) газеты патріотически-республиканскаго характера, печатавшіяся за границей подъ охраной мѣстныхъ законовъ. Таковы были «Богъ и Народъ», «Народъ-Правитель», «Справедливость и Свобода».

Каттанео, Чернускій, Маури, Саффи, Гарази были въ числѣ главныхъ редакторовъ этихъ республиканскихъ газетъ, которыя представляли собою отдѣльные органы одной и той же организаціи, выходившіе подъ нравственною отвѣтственностью Мадзини, а нѣкоторые независимо отъ него. Обособленность эта обусловливалась тѣмъ, что Мадзини боролся за единую итальянскую республику и вмѣстѣ съ нимъ республиканца-

ми-уніатами были: Гарибальди, Саффи, Квадріо, Оннисъ и др. агитаторы и борцы. Наоборотъ, Каттанео, Чернускій, Маріо и другіе знаменитые агитаторы были федералистами и боролись за итальянскую федеральную республику.

На долю итальянской печати въ 1848 г. выпалъ моментъ непривычной для нея политической свободы, благодаря тому, что миланцы изгнали австрійцевъ изъ всей Ломбардіи, изгнали австрійцевъ также и венеціанцы, возставшій Неаполь заставилъ своего короля объявить конституцію, папа Пій IX-ый въ Римѣ и Карлъ-Альбертъ въ Пьемонтѣ добровольно объявили конституцію.

Подъ вліяніемъ всего этого была установлена общая политическая свобода и свобода печати въ частности. Съ этого времени уже невозможно было болѣе сдерживать свободное высказываніе мнѣній въ печати, и каждая партія обзаводится собственнымъ органомъ.

Мадзини переѣзжаетъ въ Миланъ, и подъ его редакторствомъ начинаетъ выходить «Народная Италія».

Но однако 1848 г. принесъ рѣзкое измѣненіе политическаго положенія страны лишь на короткое время, вскорѣ австрійцы снова захватываютъ все въ свои руки, папа, недавно благословлявшій итальянское оружіе, которымъ была добыта свобода отечества отъ чужеземнаго ига, теперь отнялъ данную имъ конституцію. То же самое продѣлалъ и неаполитанскій король, несмотря на кровопролитное безрезультатное возстаніе. Лишь въ одномъ Пьемонтѣ была сохранена свобода печати, и лишь здѣсь продолжалась пропаганда итальянскихъ патріотовъ.

Въ Ломбардіи печатались слѣдующія газеты, продолжавшія борьбу съ австрійцами: «Зеленое Знамя» и «Вѣсы»; прибѣгая къ аллегорическому языку, эти газеты старались поддерживать идею объединенной Италіи. Руководящая роль принадлежала здѣсь Канту, автору «Универсальной исторіи», пользовавшейся довольно большою популярностью въ Италіи и доставившей богатство автору, что въ Италіи случается весьма рѣдко, затѣмъ Корренти, не лишенному значенія экономисту, могущественному и краснорѣчивому оратору, сдѣлавшемуся позднѣе министромъ возстановленной единой Италіи,

Цанарделли, теперешнему президенту совѣта, юристу большой извѣстности, но сомнительнаго направленія, Габріэлю Роза, послѣднему изъ мучениковъ Шпильбергской тюрьмы, человѣку весьма обширнаго ума, сыгравшему, однако, очень скромную роль.

Въ Неаполѣ цензура была не столько строга, сколько глупа: всякій намекъ политическаго характера тотчасъ же вычеркивался, для запрещенія статьи вполнѣ достаточно было, чтобы въ ней упоминались слова «нація», «свобода», «конституція» и т. п. Подобнаго рода цензурныя мѣры въ концѣ концовъ обезкураживали и приводили въ отчаяніе только посредственностей. Наиболѣе сильные и глубокіе писатели, которыхъ было не мало въ Неаполитанскомъ государствѣ, какъ, напр., Щіалоя, Конфорти, Зупета, замѣчательный экономистъ Феррара, Манчини, Роко, положившій начало наукѣ международнаго права, всѣ они эмигрировали въ Пьемонтъ, во Францію и въ Англію, гдѣ вскорѣ заняли видныя мѣста въ области литературной и педагогической дѣятельности.

Событія, послѣдовавшія послѣ 1848 г., слишкомъ извѣстны для того, чтобы стоило упоминать о нихъ здѣсь. Послѣ сраженій подъ Маджентой и Сольферино, происшедшихъ благодаря великодушному вмѣшательству Франціи въ пользу Италіи, событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Знаменитая легендарная экспедиція Гарибальди въ Сицилію навсегда положила конецъ господству Бурбоновъ. Цѣлый рядъ итальянскихъ областей добровольно присоединился къ Пьемонтскому государству. Савойскій домъ фактически оказался во главѣ возстановленнаго итальянскаго государства, и конституція Пьемонта была постепенно распространена на всю Италію.

Съ паденіемъ власти временщиковъ проблема національнаго объединенія Италіи была разрѣшена. Внѣ великаго національнаго объединенія остались только двѣ области. Національная честь итальянцевъ, конечно, требовала, чтобы и эти части Италіи, еще занятыя чужеземцами, были присоединены къ объединенной Италіи, но, однако, никто не предполагалъ, что это можетъ случиться такъ скоро и благодаря войнѣ, и всѣ свои надежды итальянскіе патріоты возлагали на будущее политическое распаденіе Австріи.

III.

Политическое законодательство Пьемонта и Сардиніи распространилось на всю Италію и тѣмъ самымъ была объявлена во всей Италіи свобода печати и вообще свободное выраженіе мнѣній, при чемъ было признано за гражданами ненарушимое право на устройство всяческихъ союзовъ и собраній. Въ особомъ параграфѣ однако дѣлается примѣчаніе, что злоупотребленія правомъ свободы слова, союзовъ и собраній подвергнутся законодательному регулированію въ особой статьѣ свода законовъ. И дѣйствительно, въ самомъ непродолжительномъ времени былъ опубликованъ спеціальный законъ о печати, въ которомъ излагались мѣры пресѣченія злоупотребленій печати. По отношенію же къ праву союзовъ и собраній никакого спеціальнаго закона издано не было, благодаря чему это право оказалось менѣе стѣсненнымъ, чѣмъ свобода печати. Но однако и здѣсь на практикѣ полиція могла закрыть публичныя собранія, если находила, что они угрожаютъ «общественному порядку». Никакая апелляція къ закону о свободѣ собраній не помогала дѣлу, такъ какъ полиція подводила это подъ «злоупотребленіе правомъ собраній» [1]). Въ противоположность праву собраній, право союзовъ пользовалось дѣйствительной охраной закона и функціонировало вполнѣ свободно, полиція даже не требовала заявленій объ образованіи тѣхъ или иныхъ союзовъ и совершенно не вмѣшивалась въ ихъ жизнь.

Итальянскій законъ о печати распространяется лишь на періодическую печать. всѣ же иныя произведенія печати (книги, ученыя сочиненія и т. д.) находятся внѣ законодательнаго регулированія: издатель, но не авторъ, обязанъ лишь представить три экземпляра этихъ произведеній въ королевскую прокуратуру. Нарушеніе этой послѣдней обязанности влечетъ за собою для издателя штрафъ въ сто лиръ. Изъ трехъ экземпляровъ одинъ остается въ архивахъ королевской прокуратуры, другой отдается въ мѣстную публичную библіотеку, третій же отсылается въ національную библіотеку Флоренціи, которая

[1]) Въ настоящее время право союзовъ и собраній несравненно лучше охранено. Полиція присутствуетъ на собраніяхъ, но не прибѣгаетъ на практикѣ къ распущенію собраній.

считается центральной библіотекой Италіи, и, при соблюденіи закона, должна была бы вмѣщать въ себѣ всѣ печатныя произведенія, вышедшія въ Италіи. Но на дѣлѣ королевская прокуратура не выказываетъ очень большой заботливости къ національной литературѣ, въ силу чего мѣстныя и центральная библіотеки принуждены бываютъ сами заботиться о пріобрѣтеніи многихъ книгъ.

Всякаго рода летучіе листки, воззванія и объявленія находятся въ особомъ положеніи: они одновременно подвержены и закону о печати, и закону объ общественной безопасности. Послѣдній же налагаетъ обязанность подвергать этого рода произведенія печати предварительному просмотру полиціи, которая можетъ его конфисковать, исходя изъ мотивовъ общественнаго спокойствія; кромѣ того, за каждый листокъ, расклеиваемый по городу, платится особый налогъ въ пять сантимовъ. Освобождаются отъ этого закона лишь избирательныя воззванія, не требующія ни предварительнаго просмотра полиціи, ни уплаты налога. Пользуясь, однако, эластичностью итальянскихъ законовъ о печати и крайне неопредѣленнымъ понятіемъ «избирательнаго воззванія», многіе подъ формой избирательныхъ воззваній выпускаютъ, съ цѣлью избавиться отъ налога и полицейской цензуры, всевозможные листки, часто носящіе чисто коммерческій характеръ; здѣсь, для отвода глазъ полиціи, достаточно бываетъ часто напечатать сверху обращеніе «Избиратели!». Но не всегда это проходитъ незамѣченнымъ, и часто полиція возбуждаетъ преслѣдованіе противъ издателей листковъ за обманное названіе своего листка «избирательнымъ» и причиненіе тѣмъ самымъ убытка государственной казнѣ.

Всякій предпринимающій изданіе какого-либо періодическаго органа обязанъ извѣстить на гербовой бумагѣ объ этомъ королевскую прокуратуру, объявивъ о названіи изданія, о его собственникѣ и отвѣтственномъ редакторѣ. Отвѣтственный редакторъ обязанъ представить удостовѣреніе о томъ, что онъ никогда не былъ подъ судомъ, о своемъ безупречномъ моральномъ поведеніи, о томъ, что за веденіе органа онъ дѣйствительно отвѣтственъ. По закону ни одна газета не можетъ издаваться безъ отвѣтственнаго редактора, но на дѣлѣ законъ

этотъ толкуется болѣе широко, и газета можетъ выходить въ продолженіи мѣсяца съ простымъ указаніемъ имени отвѣтственнаго редактора, безъ исполненія всѣхъ тѣхъ формальностей, на которыя мы только что указывали. Этою особенностью юридической практики пользовались въ эпоху усиленныхъ преслѣдованій революціонныя изданія, которымъ легче было найти временнаго отвѣтственнаго редактора, чѣмъ постояннаго, которому раньше или позже по необходимости грозила тюрьма.

По итальянскимъ законамъ о печати подлежатъ судебному преслѣдованію: оскорбленія королевскаго величества и членовъ его семьи, прославленіе въ печати формъ правленія, не согласныхъ съ конституціонною монархіей [1]), превознесеніе какихъ-либо проступковъ, наказуемыхъ уголовнымъ законодательствомъ, воззваніе къ классовой борьбѣ, призывъ къ междоусобной войнѣ, призывъ къ вмѣшательству иностраннаго государства во внутреннія дѣла Италіи. Всякій номеръ газеты или журнала, повинный въ нарушеніи одного изъ этихъ установленій, подвергается конфискаціи, и кромѣ того возбуждается преслѣдованіе противъ отвѣтственнаго редактора и автора, въ томъ случаѣ, если статья не анонимна. Въ случаѣ анонимности статьи, къ судебной отвѣтственности можетъ быть привлеченъ только редакторъ. Въ Италіи никогда еще не было случая, чтобы власти употребляли какія-либо мѣры для раскрытія лица инкриминируемой анонимной статьи. Исключеніе представляетъ лишь недавній случай съ анархистомъ Бреши, убившимъ короля Гумберта. Власти обратили вниманіе на статью одного органа, по истолкованію полиціи, оправдывавшей Бреши ссылкою на крайнюю реакціонность правительства Гумберта. Статья эта была конфискована, и власти всячески пытались установить личность анонимнаго автора инкриминируемой статьи. Попытка эта кончилась ничѣмъ и была встрѣчена единодушнымъ отпоромъ печати, указывавшей на полную беззаконность подобной попытки.

Послѣ конфискаціи какого-либо номера начинается судеб-

[1]) По этому закону въ Италіи преслѣдуются восхваленія автократической формы правленія. Многія газеты навлекли на себя преслѣдованіе за агитацію противъ парламента.

ный процессъ, причемъ онъ долженъ быть начатъ не позже, чѣмъ черезъ три мѣсяца послѣ появленія статьи. Въ силу послѣдняго обстоятельства въ девяти случаяхъ изъ десяти судебнаго разбирательства не происходитъ, такъ какъ обыкновенно прежде, чѣмъ оно будетъ начато, истекаютъ три мѣсяца—срокъ давности. Дѣло въ томъ, что преступленія по дѣламъ печати, по итальянскому закону, подвластны суду присяжныхъ, а производство этого суда, его функціонированіе настолько сложно, что трехъ мѣсяцевъ для судебной процедуры всегда оказывается слишкомъ мало.

По итальянскому закону, далѣе, за проступки печати никто не можетъ быть подвергаемъ предварительному аресту, и въ силу этого всякій имѣетъ полную возможность скрыться за границу прежде, чѣмъ онъ будетъ осужденъ. Однако въ послѣдніе годы царствованія Гумберта, отмѣченные рѣзкою печатью реакціи, итальянское правительство придумало хитроумные пріемы для фактическаго и вѣрнаго привлеченія редакторовъ революціонныхъ органовъ къ судебной отвѣтственности. Придравшись къ тому факту, что въ 1889 г. было издано «Уложеніе о наказаніяхъ», по которому измѣняется наказуемость нѣкоторыхъ преступленій въ печати, предусмотрѣнныхъ въ изданномъ въ 1849 г. «Законѣ о печати», итальянское правительство стало подводить извѣстные проступки печати не подъ спеціальный законъ о печати, а подъ это новое «Уложеніе о наказаніяхъ». Подъ этимъ предлогомъ самые распространенные проступки печати (превозносеніе преступленій, проступокъ, за который чаще всего приходится отвѣчать анархистской прессѣ, и возбужденіе къ классовой борьбѣ, проступокъ, за который чаще всего приходится отвѣчать соціалистической прессѣ) были переданы отъ суда присяжныхъ коронному суду, который оказался по отношенію къ проступкамъ печати значительно болѣе суровымъ, чѣмъ судъ присяжныхъ, обнаруживъ при этомъ мягкую угодливость правительству.

По вопросу о томъ, могутъ-ли подвергаться конфискаціи непеpіодическія изданія (книги), практика часто расходится съ юридическимъ толкованіемъ. По мнѣнію итальянскихъ юристовъ, книги, по духу закона, не могутъ быть подвергнуты

конфискаціи, но на самомъ дѣлѣ анархистскія и соціалистическія брошюры и книги весьма часто конфискуются. Научныя произведенія, не расчитанныя на широкую массу, пользуются, однако, и фактически почти абсолютной свободой. Такою же свободою пользуются формально и книги, отпечатанныя за границей, вслѣдствіе чего итальянскіе анархисты печатаютъ обыкновенно свои изданія въ Швейцаріи или Соединенныхъ Штатахъ. Но, несмотря на это, итальянская полиція все таки попросту конфискуетъ на границѣ эти произведенія.

Въ общемъ нельзя назвать итальянскій законъ о печати широко-либеральнымъ. Право конфисковать нумеръ газеты принадлежитъ произволу королевскаго прокурора. Благодаря тому, что эта конфискація не регулирована вполнѣ точными, не допускающими разныхъ толкованій формами, часто случается, что какое-либо произведеніе конфискуется въ одномъ мѣстѣ и подвергается судебному преслѣдованію, въ другомъ мѣстѣ оно свободно пропускается, и въ немъ не находятъ ничего, нарушающаго итальянскіе законы. Доказательствомъ того, насколько обширенъ бываетъ въ этомъ отношеніи произволъ, могутъ служить многочисленные случаи, когда одна и таже статья однимъ прокуроромъ преслѣдуется, а другимъ оставляется безо всякаго вниманія, бываютъ даже такіе случаи, что уже напечатанная и не возбудившая преслѣдованія статья преслѣдуется при ея перепечатаніи въ другомъ мѣстѣ.

Нѣкоторые прокуроры, какъ напр. Лина Ферріани, находящіе, что право конфискаціи есть нравственный и юридическій абсурдъ, публично заявляли, что они никогда не прибѣгнутъ къ конфискаціи какого либо произведенія. И среди прокуроровъ есть люди съ очень прогрессивными взглядами, сотрудничающіе въ республиканскихъ журналахъ. Такіе прокуроры, конечно, не только не злоупотребляютъ, но и вообще не пользуются своимъ правомъ конфискаціи.

Но, съ другой стороны, напр., Скальфати, королевскій прокуроръ въ Неаполѣ, публично заявилъ въ одной изъ своихъ рѣчей, что недопустимо, чтобы въ монархическомъ государствѣ терпѣлись явно-республиканскія газеты.

Всѣ эти примѣры отлично показываютъ, какъ неопредѣ-

лены въ Италіи тѣ критеріи, которыми руководствуются по отношенію къ проступкамъ печати.

Однако, несмотря на многіе недостатки закона о печати въ Италіи, республиканскіе и соціалистическіе депутаты до сихъ поръ воздерживались отъ внесенія въ палату новаго законопроекта. Руководствовались они при этомъ съ одной стороны тѣмъ, что при итальянскихъ порядкахъ не трудно установить извѣстный modus vivendi съ прокурорами, отъ которыхъ, какъ мы видѣли, такъ много зависитъ, и тѣмъ самымъ устранить придирчивую конфискацію, съ другой же стороны, всѣмъ было извѣстно, что консервативные элементы, въ особенности въ эпоху царствованія Гумберта, воспользовались бы пересмотромъ законодательства о печати для того, чтобы сдѣлать его еще менѣе либеральнымъ. Въ виду послѣдняго то обстоятельства необходимо было, конечно, воздерживаться отъ того, чтобы внесеніемъ новаго проекта дать консерваторамъ случай ухудшить положеніе печати.

Что же касается самихъ консерваторовъ, то они, конечно, недовольны теперешнимъ сравнительно либеральнымъ закономъ о печати, и въ 1899 г. они сдѣлали попытку перестроить итальянское законодательство и въ частности законодательство о печати на болѣе консервативныхъ началахъ.

Послѣ майскихъ волненій 1898 г. былъ призванъ къ власти генералъ Пеллу, который получилъ неограниченныя полномочія по части реакціонныхъ мѣръ. Генералъ Пеллу ввелъ усиленную охрану на весь 1899 г.

Въ началѣ 1899 г. Пеллу предложилъ палатѣ цѣлую серію проектовъ, покушавшихся на общественную свободу и въ томъ числѣ на свободу печати. По проекту Пеллу, всѣ газеты послѣ первой конфискаціи должны были внести извѣстный залогъ, который бы подлежалъ конфискаціи послѣ того, какъ газета навлекла бы на себя вторичное судебное преслѣдованіе. Послѣ третьей конфискаціи какого-либо номера газета должна была внести вдвое большій залогъ и т. д. Понятно, что такимъ путемъ были бы изведены постепенно всѣ республиканскія газеты, у которыхъ не хватило бы средствъ продолжать подобную борьбу.

Извѣстно, къ чему повели предложенія Пеллу. Крайняя

лѣвая прибѣгнула къ ожесточенной и успѣшной обструкціи, такъ что палата была распущена. А при новыхъ выборахъ было послано въ палату 100 республиканскихъ, радикальныхъ и соціалистическихъ депутатовъ и небывалое количество либеральныхъ. Генералъ Пеллу принужденъ былъ подать въ отставку, и снова должны были возвратиться къ либеральному режиму. Послѣ убійства короля Гумберта настали иныя времена. Теперешній король былъ извѣстенъ ясно выраженными либеральными идеями, онъ не замедлилъ воспользоваться министерскимъ кризисомъ, чтобы призвать къ власти наиболѣе либеральнаго представителя итальянской конституціонной партіи, Цанарделли, который придерживается самыхъ передовыхъ убѣжденій по вопросамъ внутренней политики.

Во время министерства Цанарделли въ палату былъ внесенъ республиканскимъ депутатомъ Мирабелли проектъ полнаго уничтоженія конфискаціи и, повидимому, проектъ этотъ теперь близокъ къ осуществленію.

III.

Изъ современныхъ итальянскихъ газетъ ни одна не пользуется такимъ широкимъ распространеніемъ, какъ крупныя англійскія или французскія газеты. Наиболѣе распространенной итальянской газетой является выходящая въ Миланѣ умѣренно-либеральная «Secolo» («Вѣкъ»). Газета эта расходится въ 100—120 тысячахъ экземпляровъ, самый крупный тиражъ, который только знаетъ Италія. Второй по распространенности служитъ выходящая въ Миланѣ же консервативная «Corriere della sera», печатающаяся въ 90.000 экземпляровъ. Третье мѣсто занимаютъ «Stampa» и «Tribuna» либеральные органы, съ тиражемъ въ 60.000 экземпляровъ.

Затѣмъ идутъ уже второстепенныя газеты съ тиражемъ въ 20—30 тысячъ экземпляровъ. Среди нихъ отмѣтимъ «Mattino», издаваемый въ Неаполѣ супругами Скарфоліо-Серао, «Roma»—тоже въ Неаполѣ, «Giornale di Sicilia»—въ Палермо, «Caffaro»—въ Генуѣ, «Gazetta del popolo» — въ Туринѣ, «Osservatore Cattolico»—въ Миланѣ, «Avanti!» — въ Римѣ, «Patria», «Messaggero», «Popolo romano»— въ Римѣ. О болѣе мелкихъ газетахъ не станемъ упоминать.

По распространенности итальянскія газеты можно раздѣлить на двѣ группы, къ первой относятся газеты, имѣющія менѣе 15, а ко второй—менѣе 5 тысячъ тиража. Большинство итальянскихъ газетъ принадлежатъ къ этой второй категоріи. Не слѣдуетъ удивляться, что большинство итальянскихъ газетъ имѣетъ такое слабое распространеніе, — въ Италіи жизнь очень децентрализована, и мѣстная муниципальная жизнь поглощаетъ очень много силы и вниманія. Каждый итальянскій городокъ, даже самый скромный, число жителей котораго не превышаетъ и 50 тысячъ, обыкновенно имѣетъ до трехъ ежедневныхъ газетъ. Напр. городъ Бергама, насчитывающій лишь 40 тысячъ жителей, имѣетъ три газеты, изъ которыхъ наиболѣе распространенная, «Eco di Bergamo», расходится всего въ 3.000 экземплярахъ. Въ силу этой децентрализаціи и поглощенія интересовъ читателей мѣстными городскими вопросами и понятно, почему итальянскія большія газеты не пользуются такимъ широкимъ распространеніемъ, какъ англійскія и французскія, не говоря уже объ американскихъ.

Слабая распространенность итальянскихъ газетъ зависитъ въ виду этого не только отъ большаго сравнительно процента безграмотныхъ въ Италіи, чѣмъ во Франціи и Англіи, но еще въ большей степени отъ отсутствія настоящаго центра національной жизни. Достаточно сказать для поясненія этого, что Римъ насчитываетъ всего 450 тысячъ жителей, а Миланъ — немного болѣе 500 т., Неаполь — 600 тысячъ. Отдѣльныя части Италіи живутъ какъ бы своею собственною замкнутою жизнью, духовно другъ съ другомъ мало связанныя. Объединенная всего какихъ нибудь сорокъ лѣтъ тому назадъ Италія еще и до сихъ поръ сохранила сильные слѣды своего былого разъединенія. Въ силу этихъ обстоятельствъ технически превосходно обставленныя крупныя газеты не въ состояніи вытѣснить мѣстныя мелкія газеты, обставленныя значительно хуже. Лишь большія римскія газеты имѣютъ довольно широкое распространеніе на югѣ Италіи, да и то онѣ обязаны этимъ тому, что посвящаютъ значительное мѣсто провинціальной хроникѣ изъ жизни юга. Сюда еще слѣдуетъ присоединить географическія неудобства Италіи, которая вытянулась въ длину значительно больше, чѣмъ въ ширину, и напр. изъ

Милана въ Неаполь газета достигаетъ лишь черезъ 36 часовъ по желѣзной дорогѣ, а изъ Милана въ Римъ—черезъ 24 часа, что значительно препятствуетъ возможности широкаго распространенія миланскихъ газетъ въ Неаполѣ или Римѣ. Изъ Неаполя до Палермо газета тоже идетъ 12 часовъ. Вслѣдствіе этого газеты могутъ расчитывать лишь на мѣстный сбытъ, что, конечно, очень сильно ограничиваетъ ихъ распространенность.

За исключеніемъ республиканцевъ, соціалистовъ и клерикаловъ, остальныя партіи не имѣютъ своихъ собственныхъ органовъ. Республиканская партія имѣетъ два ежедневныхъ органа: «Italia del Popolo», выходящую въ Миланѣ и «Giornale del Popolo». Соціалистическая партія располагаетъ двумя очень вліятельными органами — «Avanti» въ Римѣ, издаваемымъ соціалистическимъ депутатомъ Леонидо Биссолати и «Tempo»—въ Миланѣ, редактируемымъ адвокатомъ Клаудіо Тувесъ. Менѣе вліятельными являются «Verona del popolo» — въ Веронѣ и «Diritto» — въ Онеліа. Еженедѣльныхъ періодическихъ изданій соціалистической партіи — болѣе пятидесяти. Клерикалы располагаютъ почти въ каждомъ городѣ ежедневнымъ органомъ. Главнѣйшимъ изъ нихъ являются: «Osservatore Romano» въ Римѣ, органъ управленія святого трона (папы), «Osservatore Cattolico» — въ Миланѣ, газета основанная и редактируемая священникомъ Давидомъ Альбертаріо, въ которомъ соединяются духъ проповѣдника съ духомъ журналиста редакторъ этотъ былъ арестованъ во время майскихъ безпорядковъ 1899 г.), «Liberta Cattolica» въ Неаполѣ, органъ архіепископальной куріи въ Неаполѣ, «Sole» въ Палермо и т. д.

Итальянская газета стремится соединить въ себѣ и типъ французской газеты, въ которой видное мѣсто отведено отдѣльнымъ статьямъ, и типъ англійской, въ которой хроника преобладаетъ надъ всѣмъ, при чемъ все таки и итальянская печать больше удѣляетъ мѣста хроникѣ, чѣмъ статьямъ. Такъ напр. въ «Corriere della sera» и «Secolo» отдѣлъ полученія извѣстій обставленъ лучше, чѣмъ въ парижской «Temps», одной изъ немногихъ французскихъ газетъ, гдѣ отводится преобладающее значеніе хроникѣ. Въ итальянскихъ газетахъ, выходящихъ вечеромъ, вы уже находите подробные стеногра-

[redacted]

фическіе отчеты, переданные по телеграфу, если газета выходитъ не въ Римѣ, послѣдняго засѣданія въ парламентѣ. Почти всѣ большія итальянскія газеты имѣютъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ главныхъ столицахъ. Одною изъ характерныхъ особенностей итальянской газеты является передовая статья. Передовая статья политическаго характера обыкновенно принадлежитъ перу редактора и появляется безъ подписи; за такого рода статьи несетъ отвѣтственность вся редакція. Кромѣ передовой статьи, обыкновенно въ газетѣ появляются статьи по отдѣльнымъ вопросамъ, подписанныя именемъ автора, который какъ бы является отвѣтственнымъ за ихъ содержаніе. Среди этихъ послѣдняго рода статей вы часто встрѣчаете статьи политическаго характера, статьи, за которыя по той или иной причинѣ редакція не хочетъ брать на себя отвѣтственность.

Почти всѣ итальянскіе общественные дѣятели въ большей или меньшей степени причастны къ журналистикѣ, напр. въ числѣ членовъ палаты депутатовъ имѣется по крайней мѣрѣ сто журналистовъ. Но помимо чисто политическихъ дѣятелей, надо замѣтить, что вообще большая часть итальянской интеллигенціи такъ или иначе причастна къ журналистикѣ.

Въ итальянскихъ политическихъ газетахъ вы часто встрѣчаете статьи по искусству, литературѣ, наукѣ, принадлежащія перу профессоровъ, и это, конечно, не мало способствовало подъему духовнаго уровня итальянской журналистики. Лѣтъ двадцать тому назадъ журналисты внушали къ себѣ несравненно меньшее довѣріе, чѣмъ теперь, и слово журналистъ было синонимомъ поверхностности и невѣжества, теперь же журналисты заслужили болѣе лестное къ себѣ отношеніе, и въ Италіи имѣются газеты, превосходно поставленныя не только въ техническомъ отношеніи и въ отношеніи полноты хроники, но и со стороны доброкачественности литературныхъ и научныхъ статей.

При разсужденіи о значеніи журналистики приходится особенно выдѣлить два пункта: вопросъ о политической и моральной роли журнализма и объ отношеніи общественнаго мнѣнія къ журналистикѣ. Здѣсь прежде всего отмѣтимъ, что журнальная дѣятельность не приноситъ въ Италіи крупныхъ заработковъ. Гонорары въ итальянской журналистикѣ отличаются

очень большою скромностью, и профессія журналиста не даромъ считается въ Италіи наиболѣе скудно вознаграждаемой, исключая, конечно, единичные случаи. Только въ Миланѣ и въ Римѣ оплата труда журналистовъ приближается къ нормѣ, существующей во Франціи и Россіи. Общая же масса итальянскихъ журналистовъ влачитъ нищенское существованіе, что ведетъ къ жалкому положенію, занимаемому журналистами въ обществѣ. Этой же матеріальной необезпеченностью объясняется тотъ фактъ, что во многихъ злоупотребленіяхъ и скандалахъ итальянскіе журналисты оказались далеко не на высотѣ своего положенія. При разслѣдованіи краха 1893 г., происшедшаго съ «Римскимъ Банкомъ», обнаружилось, что журналисты, самаго различнаго таланта и вліянія, не разъ запускали руки въ кассы банка. Были найдены векселя на суммы, достигающія 100 тысячъ лиръ, выданные журналистами этому банку, причемъ, конечно, журналисты не внесли ни копѣйки для погашенія долга. Эти журналисты въ союзѣ съ политическими дѣятелями буквально расхищали банкъ, пользуясь своимъ знаніемъ незаконности операцій банка.

Дознаніемъ было далѣе установлено, что при борьбѣ «Римскаго Банка» съ проектомъ Криспи, предлагавшимъ уничтожить всѣ частные комиссіонные банки и вмѣсто нихъ создать одинъ центральный правительственный, журналисты за деньги помѣщали въ видѣ собственныхъ статей простыя рекламы, которыя доставлялъ имъ банкъ. Продажность римскихъ журналистовъ была вполнѣ выяснена, но при этомъ никто не содѣйствовалъ столько раскрытію истиннаго положенія вещей и обличенію виновныхъ, сколько сами же журналисты. Цѣлый рядъ послѣдующихъ финансовыхъ и въ особенности муниципальныхъ скандаловъ обнаружилъ, что итальянскіе журналисты легко поддавались подкупамъ, и среди нихъ оказалась даже извѣстная писательница Матильда Серао.

Всѣ эти факты, однако, ни мало не опровергаютъ существованія среди итальянскихъ журналистовъ совершенно безкорыстныхъ, неподкупныхъ людей, высоко держащихъ знамя журналистики. Напр. при процессѣ противъ неаполитанскаго муниципалитета, процессѣ, въ которомъ была обнаружена подкупность журналистовъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ выяснено, что

обнаруженіе всѣхъ злоупотребленій городской клики было сдѣлано сотрудниками соціалистической «Propaganda» и демократической «Roma». Послѣдняя газета принадлежитъ къ числу наиболѣе старыхъ и справедливо уважаемыхъ неаполитанскихъ газетъ.

Примѣромъ подкупности извѣстной части итальянской печати можетъ служить случай, въ которомъ были замѣшаны очень высокопоставленныя лица Италіи. Одинъ изъ извѣстныхъ итальянскихъ журналистовъ, талантъ и образованность котораго доставляютъ ему много читателей, но низкое нравственное поведеніе котораго вызываетъ къ нему презрѣніе, Эдуардъ Скарфоліо, редактирующій съ Матильдой Серао «Mattino», открылъ внезапно въ своемъ журналѣ, носившемъ всегда строго консервативный характеръ, свирѣпую кампанію противъ высокопоставленныхъ лицъ Италіи. Всѣ ожидали, что послѣдуетъ разоблаченіе интимныхъ фактовъ жизни людей, стоящихъ во главѣ государства, послѣ того, какъ Скарфоліо подъ видомъ короля Чиличіа прозрачно началъ выводить высокопоставленное лицо Италіи. Статьи эти вызвали огромную сенсацію, всѣхъ возбуждали интимнѣйшія подробности, которыя сообщалъ Скарфоліо, и публика жадно набрасывалась на «Mattino», но внезапно Скарфоліо умолкъ, не добравшись до наиболѣе серьезныхъ разоблаченій. Черезъ нѣкоторое время въ политическихъ сферахъ начали упорно поговаривать о какихъ то крупныхъ суммахъ, полученныхъ «Mattino». и дѣйствительно, со времени прекращенія обличительныхъ статей, Скарфоліо внезапно разбогатѣлъ. До этого болѣе чѣмъ скромный журналистъ. онъ заводитъ себѣ теперь собственную яхту и радикальнымъ образомъ измѣняетъ образъ жизни.

Всѣ подобнаго рода факты не могли, конечно, способствовать подъему нравственнаго престижа итальянской печати въ глазахъ общественнаго мнѣнія, которое усвоило себѣ скептическое отношеніе къ мнѣніямъ печати. Широкому вліянію газетъ на итальянскій народъ мѣшаетъ, конечно, также невѣжественность широкой массы, которая предъявляетъ широкій спросъ на тѣ газеты, которыя, какъ напр. «Messagero» въ Римѣ, неаполитанская «Roma», венеціанская «Gazzettino», отводятъ главнѣйшее мѣсто хроникѣ преступленій, убійствъ

и т. д. Что же касается политическаго направленія этого рода газеты, то имъ совсѣмъ не интересуются.

Съ другой же стороны, въ политическомъ мірѣ придаютъ весьма большое значеніе мнѣніямъ печати. Утверждаютъ, что такія газеты, какъ «Tribuna» и «Corriere della Sera», если онѣ откроютъ кампанію противъ министерства, могутъ вызвать политическій кризисъ. Король Гумбертъ очень чувствительно относился ко всѣмъ отзывамъ журналистовъ о его личной особѣ и о его министрахъ, и монархическіе журналисты, зная эту его слабость, усердно прославляли его высокій умъ. И когда Скарфоліо началъ свою упомянутую кампанію, то Гумбертъ принялъ энергичныя мѣры для прекращенія дальнѣйшихъ нападокъ. Увѣряютъ, что онъ дважды (въ 1894—1899 гг.) возбуждалъ вопросъ о созданіи исключительнаго закона противъ соціалистовъ, раздраженный тѣмъ, что соціалисты неуважительно относятся къ его особѣ.

Повидимому, съ новымъ царствованіемъ условія измѣнились, и теперешній король относится болѣе безпристрастно и терпимо къ сужденіямъ печати.

На итальянской журналистикѣ отражаются тѣ контрасты, которые замѣчаются въ итальянской жизни — сравнительное богатство и высокій нравственный уровень на сѣверѣ и бѣдность и невѣжество на югѣ. На югѣ населеніе отличается большею живостью, остроуміемъ, но и болѣе низкимъ интеллектуальнымъ уровнемъ, на сѣверѣ же характерною особенностью населенія является положительность, серьезность и суровость. На сѣверѣ современная жизнь сдѣлала гораздо большіе успѣхи, демократизмъ здѣсь больше развитъ, сильнѣе сказываются либерализмъ, позитивизмъ и... дѣловитость. На югѣ же, еще крѣпки вѣковыя монархическія традиціи, прочнѣе держится старый режимъ и нравственныя особенности, привитыя испанцами. Тамъ еще сильно преклоняются передъ родовитою аристократіей, съ презрѣніемъ относясь къ демократическимъ нововведеніямъ, увлекаются пышностью монархіи. Газеты юга всегда пишутся болѣе блестящимъ стилемъ, чѣмъ газеты сѣвера, и всегда обнаруживаютъ возбужденіе автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ не пользуются моральнымъ и политическимъ вліяніемъ,

исключая нѣкоторыя неаполитанскія газеты. Съ цѣлыми сотнями южныхъ газетъ совершенно не считаются.

Итальянскія газеты теперь стремятся удовлетворить всѣмъ требованіямъ, которыя можно предъявить къ современной газетѣ, и нѣкоторымъ изъ нихъ это удалось. И такія газеты, какъ «Secolo», «Corriere della Sera», «Tribuna», «Stampa» и «Mattino», могли бы послужить украшеніемъ печати любой страны.

А. Лабріола.

Періодическая печать во Франціи.

«Une gazette libre est une sentinelle
qui veille sans cesse pour le peuple».
D-r. Jebb.

I.

Когда Артуръ Юнгъ совершалъ свое знаменитое путешествіе по Франціи, онъ часто просилъ, чтобы ему показали какую-нибудь мѣстную газету. На это ему неизмѣнно отвѣчали, что газеты слишкомъ дороги, и потому ихъ нѣтъ никакой возможности выписывать, но еще чаще его просьбу совсѣмъ оставляли безъ отвѣта,—быть можетъ, потому, что не имѣли даже представленія о томъ, что такое газета; и возмущенный англичанинъ отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ: «Невѣжество и тупость этихъ людей прямо невѣроятны». А еще черезъ нѣсколько лѣтъ, когда онъ ближе присмотрѣлся къ Франціи, онъ писалъ въ своей книгѣ объ этой странѣ: «Никто не можетъ сомнѣваться, что это ужасающее невѣдѣніе народа относительно событій, которыя особенно должны его интересовать, порождено старымъ режимомъ. Можно сказать, что паденіе короля, двора, дворянства, духовенства и парламентовъ вызвано отсутствіемъ сообщеній о томъ, что происходитъ изо-дня въ день, и, слѣдовательно, должно быть приписано вліянію того рабства, въ которомъ держали народъ». [1])

Такое-же «ужасающее невѣдѣніе» французскаго народа относительно того, что его «особенно должно интересовать», констатируется и другими, современными Артуру Юнгу, наблюдателями.

---

[1]) «Voyage en France pendant les années 1787, 1788 et 1789.» Paris, 1856, 2 vol.

Но вотъ, подъ вліяніемъ причинъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, изъ Парижа приходитъ распоряженіе, чтобы сословія выбрали своихъ депутатовъ, которые должны упорядочить разстроенныя дѣла страны. Повсюду долго и горячо обсуждаютъ, какія реформы слѣдуетъ произвести, какія учрежденія слѣдуетъ уничтожить, какія вновь создать. Наконецъ, депутатъ отправляется въ Парижъ, сопровождаемый надеждами однихъ, опасеніями другихъ. Теперь уже всѣ жаждутъ знать о малѣйшемъ фактѣ изъ дѣятельности генеральныхъ штатовъ, засѣдающихъ въ Версалѣ: тамъ рѣшается *ихъ* судьба. И среди другихъ обязательствъ, которыя возлагаются на депутатовъ ихъ избирателями, не послѣднее мѣсто занимаетъ обязательство присылать ежедневно, послѣ каждаго засѣданія генеральныхъ штатовъ, письменный отчетъ обо всемъ, что тамъ будетъ происходить.

Исторія повѣствуетъ намъ, съ какимъ жгучимъ нетерпѣніемъ ожидались въ провинціи эти письменные отчеты депутатовъ. Они адресовались на имя наиболѣе вліятельныхъ избирателей, которые созывали населеніе въ наиболѣе помѣстительныя залы своего города и деревни, гдѣ съ понятной жадностью читались и обсуждались, иногда далеко за полночь, малѣйшіе факты изъ дѣятельности генеральныхъ штатовъ. Такъ устанавливалась дѣйствительно *національная* политическая жизнь страны, которая долгое время служила образцомъ для многихъ другихъ народовъ. Такъ постепенно создавалась французская политическая пресса. Письменные отчеты депутатовъ скоро перестали удовлетворять избирателей, да и составленіе ихъ отнимало слишкомъ много времени у депутатовъ — и депутаты одной и той-же провинціи стали вмѣстѣ составлять и печатать свои отчеты. Такъ возникъ цѣлый рядъ политическихъ газетъ, изъ которыхъ нѣкоторыя пользовались огромнымъ вліяніемъ на послѣдующій ходъ событій, а другія, какъ «Journal des Débats», играли крупную политическую роль въ теченіе почти всего XIX ст. [1]).

1789-й годъ можно, такимъ образомъ, считать дѣйстви-

[1]) См. чрезвычайно интересныя подробности по этому вопросу въ «Livre du centenaire du Journal des Débats», Paris, 1899 (статья сенатора Барду).

тельной колыбелью французской періодической политической печати. Правда, и въ до-революціонную эпоху существовала во Франціи, главнымъ образомъ въ столицѣ, періодическая печать. Такъ извѣстно, что первый періодическій органъ, «La Gazette», сталъ выходить въ свѣтъ еще 1-го мая 1631 года; редакторомъ его былъ извѣстный Теофрастъ Ренодо. За этимъ первымъ органомъ, въ которомъ сотрудничали самъ Людовикъ XIII и всемогущій Ришелье (найденныя недавно рукописи Людовика XIII показываютъ даже, что Теофрастъ Ренодо часто безцеремонно сокращалъ и исправлялъ статьи и корреспонденціи своего высокопоставленнаго сотрудника),—за этимъ первымъ органомъ послѣдовало много другихъ, которые были настолько прибыльными предпріятіями, что правительство облагало ихъ налогомъ, иногда превышавшимъ даже 100,000 ливровъ, въ пользу угодныхъ ему «gens de lettres». Но газеты въ дореволюціонную эпоху имѣли обыкновенно очень ограниченный кругъ абонентовъ (иногда онѣ принадлежали какому-нибудь феодалу и только для него и для его семьи и составлялись), которыхъ они и освѣдомляли о всякихъ новостяхъ и сплетняхъ изъ свѣтской и придворной жизни и которымъ разсказывали болѣе или менѣе пикантные анекдоты изъ театральнаго и литературнаго міра. И только начиная съ 1789 г. газета превращается въ трибуну, съ которой публицисты всѣхъ партій говорили все болѣе и болѣе расширяющемуся кругу читателей о текущихъ общественныхъ и политическихъ вопросахъ.

Было-бы также невѣрно думать, что до великой революціи не было во Франціи политической литературы. Наоборотъ, она зарождается во Франціи очень рано. Еще средневѣковыя пѣсни менестрелей и трубадуровъ нерѣдко представляли собою сатиры и обличенія на религіозныя и политическія темы. Позже, въ періодъ болѣе или менѣе острыхъ общественныхъ движеній (эпоха религіозныхъ войнъ, фронда и т. п.), различныя партіи выступали съ брошюрами, цѣлыми книгами, памфлетами и воззваніями, которые въ иные изъ этихъ періодовъ появлялись въ огромныхъ количествахъ. Но только съ того времени, какъ начинается острая, непрекращающаяся борьба общественно-политическихъ партій, какъ въ эту борьбу втяги-

ваются все болѣе и болѣе широкія народныя массы, возникаетъ потребность въ постоянныхъ орудіяхъ воздѣйствія на эти народныя массы, въ свободной ежедневной трибунѣ, какою можетъ быть только газета. Книга, брошюра, памфлетъ оказались слишкомъ тяжеловѣсными, слишкомъ малоподвижными орудіями, между тѣмъ какъ жизнь била ключемъ и требовала постоянныхъ, въ легкой и доступной формѣ, отвѣтовъ на жгучіе вопросы дня.

Но газета можетъ быть такимъ орудіемъ постояннаго воздѣйствія на народныя массы лишь въ томъ случаѣ, когда она *свободна*, а старый режимъ держалъ печать въ желѣзныхъ тискахъ произвольной,—иной она ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть.—и безтолковой цензуры. И вотъ, еще при старомъ режимѣ начинается все болѣе рѣшительная, ожесточенная борьба литературы съ цензурой: растетъ число сжигаемыхъ послѣднею произведеній. все чаще запрещаемыя цензурою произведенія печатаются за-границею и ввозятся въ страну контрабанднымъ путемъ, умножается число тайныхъ типографскихъ станковъ внутри самой страны.

Естественно, поэтому, что когда различные слои населенія получили возможность формулировать свои пожеланія въ наказахъ избраннымъ ими депутатамъ, то одно изъ важныхъ мѣстъ въ этихъ наказахъ было удѣлено ихъ отношенію къ свободѣ печати. Естественно также и то, что и отношеніе къ этому вопросу было различно у различныхъ классовъ этого населенія [1]). Такъ, духовенство, въ общемъ, высказалось противъ всякой свободы печати и требовало сохраненія предварительной цензуры въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала при старомъ режимѣ. Дворянство-же и третье сословіе рѣшительно требовали свободы печати. высказываясь въ то же время, въ видѣ гарантіи, за то, чтобы авторы и содержатели типографій подписывали выпускаемыя ими произведенія и были лично отвѣтственны за нихъ предъ судомъ [2]). Огромное большинство наказовъ этихъ двухъ сословій высказывается въ

---

[1]) Ср. Albert Desjardin. «Les cahiers des Etats Généraux en 1789 et la législation criminelle». Paris. 1883.

[2]) См. H. Avenel. «Histoire de la presse française depuis 1789 jusqu'à nos jours». Paris. 1900, pp. 41—43.

томъ смыслѣ, «что полная свобода, данная печати, можетъ только принести двойную выгоду—просвѣщеніе для гражданъ и постоянную дѣятельную критику для министровъ, дѣйствія которыхъ были бы достойны порицанія».

Нѣкоторые журналисты пытались было фактически осуществить пожеланія третьяго сословія и дворянства въ области свободы печати еще до того, какъ собрались генеральные штаты, но цензура, уже въ предсмертной агоніи, подавила эти попытки. Такъ было, напр., съ проектировавшейся ежедневной газетой «Le Patriote français». Но какъ только генеральные штаты собрались, волна общественнаго мнѣнія сразу, почти не встрѣтивъ сопротивленія, смыла много устарѣвшихъ учрежденій, въ томъ числѣ и предварительную цензуру, и свобода печати была осуществлена, почти безъ борьбы. Такъ, уже 4 мая 1789 г. Мирабо сталъ выпускать газету подъ названіемъ «Les Etats Généraux», первые номера которой разошлись въ количествѣ свыше 12.000 экземпляровъ (что для тогдашняго времени было почти невѣроятнымъ тиражемъ) и въ которой знаменитый трибунъ открыто нападалъ на министровъ. Послѣдніе попытались было бороться. Въ двухъ послѣдовательныхъ постановленіяхъ министерство Неккера запретило рядъ изданій, въ томъ числѣ и газету Мирабо. Тогда засѣдавшее еще собраніе парижскихъ избирателей почти единогласно (противъ одного голоса, который былъ поданъ не кѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ оставшихся еще въ живыхъ сотрудниковъ «Энциклопедіи», Мармонтелемъ!) протестовало противъ этого произвольнаго акта министерства и потребовало немедленнаго осуществленія полной свободы печати. Мирабо же замѣнилъ свою газету другою, которую назвалъ, чтобы прикрыть её своей неприкосновенностью, въ качествѣ депутата, «Письма графа Мирабо къ своимъ довѣрителямъ». Колеблющаяся монархія чувствовала себя безсильной въ этой борьбѣ— и уступила. Уже 19 мая генеральный директоръ книгоиздательства разослалъ редакторамъ находившихся въ рукахъ правительства періодическихъ органовъ циркуляръ, въ которомъ сказано было, что «король... уступая справедливому нетерпѣнію публики... счелъ за благо» разрѣшить газетамъ говорить обо всемъ, что просиходитъ въ Генеральныхъ Шта-

тахъ, причемъ онѣ должны «ограничиваться сообщеніемъ однихъ лишь голыхъ фактовъ, не позволяя себѣ прибавлять никакихъ соображеній и поясненій» [1]). Циркуляръ этотъ, повидимому, ограничивалъ независимость газетъ весьма узкою сферою, но въ дѣйствительности онъ довольно слабо маскировалъ полное отступленіе побѣжденнаго правительства. И это настолько было ясно для всѣхъ, что отнынѣ политическія газеты были фактически вполнѣ свободны, создавались безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія и печатали все, что имъ угодно было, безъ всякой предварительной цензуры. Вся разнообразная дѣятельность генеральныхъ штатовъ, а потомъ національнаго собранія (Конституанты) стала предметомъ самаго горячаго обсужденія все болѣе увеличивавшагося съ каждымъ днемъ числа газетъ, къ голосу которыхъ общественное мнѣніе прислушивалось съ жадностью. Свободная политическая печать фактически существовала.

Оставалось санкціонировать эту свободу законодательнымъ порядкомъ. И это было сдѣлано въ знаменитой «Декларацін правъ человѣка и гражданина», 11-я статья которой, принятая національнымъ собраніемъ 24 августа 1789 г., гласитъ: «Свободное выраженіе мысли и мнѣній является однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ правъ человѣка. Каждый гражданинъ въ правѣ, слѣдовательно, свободно говорить, писать и печатать, отвѣтствуя за злоупотребленіе этой свободой въ опредѣленныхъ законами случаяхъ». Этотъ параграфъ «Декларацін» почти буквально воспроизводитъ текстъ предложенія герцога Рошфуко, который сдѣлалъ при этомъ восторженный панегирикъ прессѣ, сказавъ между прочимъ: «Это она разрушила деспотизмъ; это она еще раньше разрушила фанатизмъ».

Но эта статья «Декларацін» представляла собою пока только голый принципъ. Подобно всей «Декларацін», она формулировала «естественное» право «человѣка» и «гражданина» вообще. А между тѣмъ свобода печати есть учрежденіе общественное, и, какъ таковое, оно должно быть *организовано*. Мало торжественно объявить, что каждый гражданинъ имѣетъ право свободно говорить, писать и печатать свои мнѣнія,

---

[1]) H. Avenel, l. c., p. 48.

«отвѣтствуя за злоупотребленіе этой свободой въ опредѣленныхъ законами случаяхъ». Нужно точно регулировать пользованіе этимъ торжественно провозглашеннымъ правомъ, нужно точно опредѣлить границы права и злоупотребленія.

II.

Революціонный періодъ вообще и—особенно—революціонный періодъ первой половины девяностыхъ годовъ 18-го столѣтія во Франціи былъ крайне неблагопріятенъ для *организаціи* всякаго права вообще—и права «свободно говорить, писать и печатать свои мнѣнія» въ особенности. Революціи предстояло перестроить все общественно-политическое зданіе Франціи, перестроить безъ всякаго, предварительно выработаннаго, плана. Это былъ, въ сущности, рядъ революцій, рядъ острыхъ столкновеній общественныхъ силъ, столкновеній, осложнявшихся массою внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненій. Гдѣ тутъ было заботиться о правильной организаціи свободы печати. Шла борьба, борьба жестокая и непрекращающаяся ни на минуту, между новымъ и старымъ міромъ,—въ пору-ли было заботиться о томъ, что, конечно, имѣетъ огромное значеніе въ мирномъ общежитіи, но что въ то бурное время казалось мелочью, пустякомъ?

Въ первые два года революціи свобода печати была безграничная. Дѣло доходило до того, что крайніе элементы обоихъ лагерей,—сторонники стараго режима, съ одной стороны, и ультрареволюціонеры—съ другой,—открыто призывали въ своихъ органахъ къ насилію, убійствамъ, насильственному распущенію представительнаго учрежденія и т. п. Не разъ раздавались голоса и въ Конституантѣ, и въ законодательномъ собраніи о необходимости положить конецъ этимъ эксцессамъ, — депутаты соглашались съ этимъ, принимали тѣ или другія постановленія, на основаніи которыхъ даже привлекались къ суду тѣ или другіе журналисты, но новая волна борьбы, болѣе жгучіе и жизненные вопросы скоро заставляли забыть объ этихъ мелочахъ—и эксцессы въ печати продолжались попрежнему въ теченіе нѣкотораго времени, пока какой-нибудь депутатъ (чаще всего изъ монархической партіи) снова поднималъ этотъ

вопросъ. Парламентъ снова принималъ какое-нибудь ограничительное постановленіе, снова предавалъ какого-нибудь журналиста суду, но чаще всего вотировалъ простой переходъ къ очереднымъ дѣламъ; случалось также, что въ отвѣтъ на предложеніе объ ограниченіи свободы печати кто-нибудь прочитывалъ приведенную выше 11-ую статью «Деклараціи правъ», и предложеніе это проваливалось путемъ голосованія «question préalable» (т. е. парламентъ отказывался даже приступать къ обсужденію предложенія по существу). Острая борьба общественныхъ силъ требовала полной свободы печати, въ которой одинаково нуждались всѣ партіи; поэтому всѣ онѣ отказывались жертвовать ею изъ-за того только, что извѣстные органы, въ пылу борьбы, позволяли себѣ тѣ или другіе эксцессы.

Но внутреннія и внѣшнія затрудненія все болѣе усложнялись, борьба обострялась, новому обществу приходилось отстаивать самое право свое на существованіе—создается диктатура «комитета общественнаго спасенія», возникаетъ кровавая эпоха террора. Одно за другимъ, гибнутъ «права человѣка и гражданина», гибнетъ, между прочимъ, и свобода печати. Не то, чтобы свобода печати была формально уничтожена,—она продолжала красоваться въ конституціи 93-го года; попрежнему каждый гражданинъ имѣлъ «неотъемлемое» право писать и печатать все, что ему угодно было, но каждое слово, не нравившееся диктаторамъ, оплачивалось гильотиной. И такова ужъ была эпоха, что люди, прекрасно знавшіе, что за данное слово имъ придется заплатить самою жизнью, все-таки говорили или писали его и потомъ умирали за него на эшафотѣ, съ гимнами свободѣ на устахъ.

Извѣстно, какъ уставшее и обезсилѣвшее общество бросилось въ объятія другой диктатурѣ. Возникаетъ Директорія—и опять писатели умираютъ на эшафотѣ [1]. Директорія смѣ-

---

[1]) Декретомъ 18 фруктидора V года Директорія установила смертную казнь для всѣхъ журналистовъ, «конспирирующихъ» въ пользу возстановленія старой монархіи или въ пользу конституціи 1793 г. Тотъ-же декретъ повелѣвалъ арестовать и предать суду за «конспирацію» редакторовъ, сотрудниковъ и типографщиковъ *тридцати двухъ* газетъ.—Закономъ 19 фруктидора установлена предварительная цензура (на одинъ годъ) и штемпельный сборъ съ

няется консульствомъ, консульство—имперіей. Писатели больше не умираютъ подъ ударами гильотины, но за то и въ конституціи нѣтъ уже ни слова о свободѣ печати, и рядомъ декретовъ перваго консула уничтожаются, одни за другими, десятки газетъ и журналовъ, другія могутъ выходить въ свѣтъ, только подчиняясь требованіямъ назначаемыхъ правительствомъ редакторовъ, а третьи должны, сверхъ того, отдавать правительству до половины своихъ доходовъ.

Возникаетъ реакція, подобную которой трудно указать въ какой-либо цивилизованной странѣ. «Газеты не только не должны дѣлать зла,—говоритъ Наполеонъ,—онѣ должны дѣлать добро, и только подъ этимъ условіемъ я буду ихъ терпѣть». Другими словами, газетамъ не только не позволялась хотя-бы самая легкая, самая невинная критика правительственныхъ дѣйствій,—имъ не позволялось даже обходить молчаніемъ тотъ или другой актъ деспота. «Journal des Débats» не проявляетъ достаточно энтузіазма, — пишетъ Наполеонъ своему министру полиціи, Фуше, изъ Пруссіи,—скажите Бертену (редакторъ «Journal des Débats), что я этого не потерплю». И дѣйствительно «не терпитъ»: редакторомъ газеты назначается одинъ

газетъ. — Постановленіемъ 16 фруктидора VII года (2 сентября 1799 г.) сосланы на о. Олеронъ «собственники, предприниматели, директора, авторы, редактора» *тридцати пяти* газетъ (всего свыше 70-ти лицъ).

Два мѣсяца спустя послѣ своего coup-d'Etat, первый консулъ (Наполеонъ) опубликовалъ свой знаменитый декретъ 27 нивоза VIII года (17 января 1800 г.), въ силу котораго однимъ росчеркомъ пера закрывались *всѣ политическія газеты, выходившія въ Парижѣ за исключеніемъ тринадцати,* поставленныхъ подъ контроль самой строгой цензуры, причемъ 2-ая ст. декрета уполномочивала министра полиціи представить докладъ о провинціальной печати (которую, какъ мы увидимъ, постигла впослѣдствіи та-же участь), а 3-ая воспрещала созданіе какихъ бы то ни было новыхъ газетъ какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи. Въ то время издавалось въ Парижѣ 72 политическія газеты, такъ что декретъ 27 нивоза сразу закрылъ навсегда *пятьдесятъ девять* газетъ. — Вскорѣ послѣ того опубликована была (22 фримера) конституція VIII года, въ которой не было уже ни одного слова о свободѣ печати. Въ странѣ наступила могильная тишина, длившаяся цѣлыхъ полтора десятка лѣтъ.

изъ «тайныхъ корреспондентовъ» императора, Фьеве, который, впрочемъ, черезъ нѣкоторое время оказывается также слишкомъ «вольнодумнымъ». Да и трудно было не казаться вольнодумнымъ Наполеону, ибо «систему» свою онъ самъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ: «Когда получается какое-нибудь извѣстіе, *непріятное правительству*, его нельзя печатать до тѣхъ поръ, пока достовѣрность его будетъ настолько несомнѣнна, что его уже не будетъ надобности печатать, потому что оно и безъ того уже будетъ всѣмъ извѣстно». Произволъ, какъ видите, былъ уже настолько необузданъ и циниченъ, что доходилъ прямо до издѣвательства!

Историкъ цензуры при первой имперіи, Вельшенжеръ (Welschinger, «Histoire de la censure», p. 82 и слѣд.), приводитъ рядъ фактовъ, показывающихъ, за что иногда закрывались тогда газеты. Приведемъ, для характеристики, два изъ нихъ. «Le Républicain démocrate d'Auch» имѣетъ неблагоразуміе констатировать фактъ, что цѣны на хлѣбъ вздорожали. Тотчасъ-же министръ внутреннихъ дѣлъ, Люсьенъ Бонапартъ, пишетъ префекту: «необходимо *безъ отлагательства* вырвать изъ рукъ агитаторовъ такое опасное орудіе»—и несчастная газета закрывается. Газета «L'Amis des lois», не обнаруживавшая даже и тѣни оппозиціонныхъ поползновеній, закрывается за то, что позволила себѣ пошутить надъ «Академіей» безсмертныхъ, съ которой, однако, самъ деспотъ расправлялся, какъ извѣстно, не совсѣмъ галантно. До чего доходила придирчивость цензуры, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что, по ея требованію, названіе «Journal des Débats» было замѣнено названіемъ «Journal de l'Empire», ибо «Débats» напоминало о томъ времени, когда происходили какія-то публичныя обсужденія государственныхъ дѣлъ, въ которыхъ принимали участіе какіе-то революціонеры.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ газеты, что называется, и пикнуть не смѣли. Самая смѣлая фраза заключалась въ умѣньи «краснорѣчиво молчать» (но мы видѣли, что и это вмѣнялось въ преступленіе), и любимымъ занятіемъ «фрондирующихъ умовъ» было «читать между строкъ» и «дешифрировать бѣлыя мѣста». Шатобріанъ иной разъ позволялъ себѣ такія проявленія «оппозиціи». Такъ, въ отчетѣ объ

одной книгѣ онъ говорилъ о Неронѣ: «Когда, среди всеобщаго молчанія, слышны только звонъ цѣпей раба и голосъ доносчика, когда все дрожитъ предъ тираномъ, и столь же опасно пользоваться его милостью, какъ и заслужить его немилость,—на долю историка выпадаетъ задача отомстить за народъ. Тщетно Неронъ благоденствуетъ,—Тацитъ уже родился въ его имперіи... Скоро всѣ ложныя добродѣтели будутъ раскрыты... скоро онъ покажетъ, что боготворимый тиранъ — не больше, какъ скоморохъ, поджигатель и отцеубійца» и т. д. Это простое указаніе на то, что, быть можетъ, въ царствованіе Наполеона уже родился его будущій историкъ, какъ свидѣтельствуетъ Гизо въ своихъ «мемуарахъ», произвело рѣзкое и глубокое впечатлѣніе на всѣхъ современниковъ, а разгнѣванный Наполеонъ назначилъ особаго цензора для «Mercure» (въ которомъ была напечатана рецензія Шатобріана), и сверхъ того, заставилъ принять трехъ сотрудниковъ, достаточно доказавшихъ свои пресмыкательскія способности.

Наконецъ тремя послѣдовательными ударами Наполеонъ почти совсѣмъ уничтожилъ политическую печать во Франціи. Декретомъ 6 ноября 1807 г. запрещается *всѣмъ провинціальнымъ газетамъ* печатать какія бы то ни было статьи по политическимъ вопросамъ, за исключеніемъ тѣхъ статей, которыя онѣ будутъ перепечатывать изъ оффиціальнаго правительственнаго «Moniteur'а»; тотъ-же декретъ установилъ налогъ съ газетъ въ пользу казны въ размѣрѣ 1/6 ихъ дохода. Въ 1809 г. министръ полиціи постановилъ, что въ каждомъ департаментѣ должна существовать только одна политическая газета [1]).

Но Наполеонъ находилъ, что все еще оставалось слишкомъ много газетъ. И вотъ, декретами 8 февраля и 17 сентября 1811 г. уничтожены *всѣ парижскія газеты,* за исключеніемъ *четырехъ*. а всѣ газеты, со всей ихъ кассовой наличностью, со всѣмъ ихъ имуществомъ, объявлены собственностью казны, на томъ, молъ, основаніи, что за свое долгое существованіе онѣ принесли уже достаточно дохода ихъ собственникамъ, а

---

[1]) До этого декрета (въ 1807 г.) всѣхъ провинціальныхъ газетъ насчитывалось 170. Cp. Welschinger, «La censure sous le Premier Empire», p. 104.

самымъ существованіемъ своимъ онѣ обязаны были лишь долготерпѣнію правительства.

Въ странѣ наступило по истинѣ гробовое молчаніе...

III.

Желѣзная рука Наполеона сломлена. Наступаетъ первая реставрація, потомъ періодъ Ста Дней. Наполеонъ—повидимому вполнѣ искренно—начинаетъ понимать все великое значеніе свободы печати для самого правительства. Во всякомъ случаѣ, въ теченіе этого короткаго періода печать пользовалась такой неограниченной свободой, примѣръ которой мы видимъ только въ первые два года великой революціи. Въ газетахъ открыто призывали къ убійству императора; онѣ свободно печатали всѣ воззванія Людовика XVIII и коалиціонной арміи. Но было поздно: вторично вернулся, подъ охраной иноземныхъ войскъ, король, и Бонапартъ окончательно сошелъ со сцены.

Какъ ни были тяжелы цѣпи, которыми зазнавшійся деспотъ сковалъ французскій народъ, онъ прекрасно понималъ одно: что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ пытаться возстановить въ свою пользу старый режимъ, т. е. тотъ сословный строй, при которомъ во главѣ страны находились дворянство и духовенство. Да и не въ его интересахъ это было: онъ ни съ кѣмъ не желалъ дѣлить власть и, сверхъ того, онъ зналъ, что такая попытка подниметъ на ноги всю среднюю и мелкую буржуазію; онъ предпочиталъ постепенно создавать свою аристократію, всецѣло ему обязанную своимъ благополучіемъ, и одинаково давить въ своихъ желѣзныхъ тискахъ всѣ сословія. Быть можетъ, подобную же политику желалъ-бы продолжать и вернувшійся во Францію Людовикъ XVIII, но для него это было невозможно. Партія эмигрантовъ, оставшееся въ странѣ старое дворянство, воинствующее духовенство и родственники короля, въ томъ числѣ и его братъ, будущій Карлъ X, во что бы то ни стало хотѣли реставрировать старый режимъ. Все, что произошло за двадцать пять лѣтъ, протекшихъ со времени созыва генеральныхъ штатовъ, они считали несуществующимъ. Но въ странѣ за это время выросло и воспиталось новое поколѣніе, для котораго старый режимъ былъ далекимъ пере-

житымъ уже прошлымъ, возвратъ къ которому былъ для него невозможнымъ; за это время окрѣпла средняя буржуазія, требовавщая себѣ участія въ управленіи страною. Завязалась борьба, составляющая все содержаніе соціально-политической исторіи Франціи въ эпоху реставраціи. Извѣстно, что борьба эта закончилась пораженіемъ аристократіи и побѣдой буржуазіи.

Такъ какъ въ странѣ не было еще организованныхъ политическихъ партій, то главнымъ центромъ борьбы оказалась литература и, въ особенности, періодическая политическая печать. Этимъ объясняется та крупная роль, которую послѣдняя играла въ эпоху реставраціи; этимъ же объясняется и та измѣнчивость, которую можно прослѣдить въ политикѣ правительства по отношенію къ печати.

Сентъ-уанская декларація (2 мая 1814 г.) и конституціонная хартія 4-го іюня (ст. 8-ая) провозгласили свободу печати: «Французы имѣютъ право печатать и публиковать свои мнѣнія, соблюдая при этомъ законы, долженствующіе преслѣдовать злоупотребленія этимъ правомъ». Но какъ только нужно было выразить этотъ голый принципъ въ опредѣленныхъ законодательныхъ нормахъ, возрождена была для періодической печати какъ система предварительной цензуры, такъ и система предварительнаго разрѣшенія короны (законъ 21 октября 1814 г.). Эта система стала примѣняться съ особенной жестокостью послѣ окончательнаго пораженія Наполеона. Эпоха бѣлаго террора уничтожаетъ фактически всѣ конституціонныя гарантіи неприкосновенности личности, создаетъ спеціальные законы о «неблагонадежныхъ», «подозрительныхъ», о «косвенныхъ», о «косвенномъ поощреніи» къ преступленіямъ противъ господствующаго режима,—и вмѣстѣ съ указанными гарантіями фактически уничтожается всякая свобода печати. Опять печать должна говорить эзоповскимъ языкомъ, часто не можетъ позволять себѣ даже и такой сравнительно-невинной «оппозиціи»,— и во всей современной періодической печати нельзя найти даже и слѣда той по-истинѣ ужасающей жестокости, которою ознаменованъ періодъ «бѣлаго террора» [1]).

[1]) Подробности о французскомъ законодательствѣ о печати см. въ моихъ «Очеркахъ изъ исторіи періодической печати во Франціи» («Образованіе» за 1903 г.).

Въ современномъ законодательствѣ о печати намъ необходимо отмѣтить законы 17, 26 и 30 мая 1819 г. Крайняя правая такъ далеко заходила въ своихъ реакціонныхъ стремленіяхъ, что правительство Людовика XVIII ни въ какомъ случаѣ не могло слѣдовать за нею. Поэтому крайняя правая очутилась поневолѣ въ оппозиціи и, какъ таковая, нуждалась въ орудіи для своей агитаціи, т. е. въ свободной отъ цензурной опеки печати. Такъ какъ правительство отказывалось снять съ печати свою опеку, то крайняя правая вынуждена была соединить свои усилія съ другими флангами оппозиціи Постепенно образовалась, такимъ образомъ, коалиція изъ крайней правой и конституціонной лѣвой, изъ роялистовъ и бывшихъ бонапартистовъ, коалиція, непрестанно и энергично боровшаяся за расширеніе свободы печати. Послѣ продолжительной борьбы правительство вынуждено было уступить, и такимъ образомъ выработаны были, при участіи видныхъ членовъ оппозиціи, законы 1819 г., составившіе самое либеральное законодательство о печати, какое съ того времени существовало во Франціи вплоть до окончательнаго установленія третьей республики. Въ основѣ этихъ законовъ лежалъ тотъ принципъ, что если печать можетъ служить *орудіемъ* для совершенія преступленій, то она *не создаетъ новыхъ* преступленій, которыхъ не предвидѣло бы общее уложеніе о наказаніяхъ. «Точно такъ-же,—заявлялось въ мотивировкѣ закона, — какъ изобрѣтеніе пороха доставило людямъ новыя средства совершать убійства, не создавъ, однако, тѣмъ самымъ новаго преступленія, которое нужно было бы внести въ уложеніе о наказаніяхъ, точно такъ-же изобрѣтеніе книгопечатанія создало лишь новое орудіе возмущенія, диффамаціи, оскорбленія и другихъ правонарушеній, которыя всегда вѣдались и карались законами». Изъ этого положенія логически слѣдовало, что никакого спеціальнаго законодательства *противъ* печати не нужно, а слѣдовательно, нѣтъ никакой надобности и въ предварительной цензурѣ.

Второй законъ (26 мая 1819 г.) отдавалъ вѣдѣнію суда присяжныхъ засѣдателей всѣ преступленія по печати. Этотъ законъ вызвалъ ожесточенную оппозицію. И въ этомъ случаѣ правительство выступило наиболѣе рѣшительнымъ защитни-

комъ свободы. «Опасаются,—сказалъ министръ юстиціи, де Серръ,—опасаются, что присяжные не обнаружатъ достаточной подготовки къ пониманію подобныхъ процессовъ. Но политическія преступленія, совершаемыя путемъ печати, наоборотъ, могутъ лучше всего оцѣниваться именно присяжными засѣдателями. Ибо къ кому, въ самомъ дѣлѣ, обращаются привлекаемые къ суду писатели? На чьи умы хотятъ они воздѣйствовать? Развѣ не на публику, на ту самую публику, изъ среды которой рекрутируются присяжные? Кто-же, какъ не сама эта публика, можетъ вѣрнѣе всего судить, достигнута-ли была преступная цѣль, имѣлась-ли она дѣйствительно въ виду и, слѣдовательно, имѣетъ-ли дѣйствительно инкриминируемое произведеніе печати характеръ провокаціи или диффамаціи?»

Но и правительство, и поддерживавшая его въ этомъ случаѣ значительная часть оппозиціи хотѣли, чтобы свободная печать находилась только въ рукахъ сословій, представляющихъ достаточную гарантію своей умѣренности самымъ своимъ соціальнымъ положеніемъ. Поэтому законъ требовалъ отъ издателей періодическихъ и «болѣе или менѣе періодическихъ»[1]) политическихъ изданій представленія залога, размѣръ котораго зависѣлъ отъ мѣста и срока выхода изданія и который доходилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 10.000 франковъ годовой ренты или 140.000 франковъ капитала. Этотъ законъ вызвалъ наиболѣе ожесточенныя нападки со стороны лѣваго крыла либеральной партіи. «Разъ пресса,—сказалъ Бенжаменъ Констанъ,—является только орудіемъ, она должна подчиняться дѣйствію общаго права. Но общее право не допускаетъ, чтобы тотъ, кто пользуется какимъ-либо орудіемъ, давалъ залогъ въ обезпеченіе того, что онъ не будетъ злоупотреблять имъ. Съ

[1]) Этимъ неопредѣленнымъ, съ юридической точки зрѣнія, терминомъ имѣлось въ виду подвергнуть контролю и такъ называемые «непеpіодическіе сборники». Дѣло въ томъ, что въ предшествовавшій изданію закона періодъ предварительная цензура распространялась только на періодическія изданія. Тогда оппозиція стала пользоваться болѣе или менѣе періодически выходившими сборниками, размѣромъ свыше 30 печатныхъ листовъ, которые оказывались, такимъ образомъ, свободными отъ всякой цензуры. Нѣкоторые сборники этого рода пріобрѣли огромное политическое значеніе. Теперь правительство желало подвергнуть ихъ своему контролю.

этой точки зрѣнія, предлагаемый законъ будетъ закономъ исключительнымъ... ибо, исходя изъ того-же принципа, нужно было-бы требовать такихъ-же гарантій во всѣхъ рѣшительно профессіяхъ». Противъ Бенжамена Констана выступили вожди доктринальнаго либерализма (такъ называемые «доктринеры»), Гизо и Ройе-Колларъ, развившіе извѣстную «теорію гарантій» перваго. Газета представляетъ собою крупную политическую силу,—заявилъ Ройе-Колларъ. «А пользованіе политической силой требуетъ гарантій; политическая же гарантія заключается, по основнымъ положеніямъ нашей хартіи, въ извѣстномъ общественномъ положеніи, которое, въ свою очередь, опредѣляется собственностью или ея эквивалентами. Вотъ весь принципъ денежнаго залога, принципъ, имѣющій гораздо болѣе широкое и прочное основаніе, чѣмъ гарантія судебной отвѣтственности». Трудно было болѣе ясно выяснить классовой характеръ закона.

Несмотря на нѣкоторые крупные недостатки свои, законы 1819 г. дали возможность политическимъ партіямъ свободно пропагандировать свои программы, создали почву для открытой борьбы мнѣній и идей. Всѣ партіи поспѣшили воспользоваться добытой свободою. Одна за другой, возрождались закрытыя цензурою газеты, а за ними возникали и новыя. Физіономіи ихъ, подъ вліяніемъ самой борьбы, все болѣе опредѣлялись. Точно растерявшись отъ неожиданности, почувствовавшая себя свободною пресса сперва не рѣшалась ринуться въ бой и обнаруживала крайнюю осторожность и умѣренность въ своихъ выраженіяхъ. Но постепенно, подъ вліяніемъ враждебности и непримиримости интересовъ, представителями которыхъ были ультра-реакціонеры, съ одной стороны, и болѣе или менѣе либеральная буржуазія—съ другой, борьба между различными органами печати все болѣе и болѣе разгоралась, тонъ полемики становился все болѣе рѣзкимъ, нападки на министерство—болѣе ожесточенными. Правительство пыталось-было привлекать писателей къ суду, но присяжные засѣдатели, а вслѣдъ за ними даже и трибуналы исправительной полиціи почти неизмѣнно выносили имъ оправдательные вердикты.

Мы остановились съ нѣкоторой подробностью на законахъ 1819 г. потому, что это самые либеральные акты французскаго законодательства въ этой области вплоть до установленія демо-

кратическаго режима третьей республики, а для нѣкоторыхъ странъ они и по сію пору составляютъ pium desiderium. Впрочемъ, недолго пришлось въ то время французской печати пользоваться этимъ сравнительнымъ благополучіемъ. Убійство герцога Беррійскаго, имѣвшее мѣсто 13 февраля 1820 г., т. е. меньше, чѣмъ черезъ годъ послѣ изданія резюмированныхъ выше законовъ, бросило въ ряды реакціи значительную часть умѣренныхъ роялистовъ, и партія возстановленія дореволюціоннаго режима все болѣе и болѣе начинаетъ завладѣвать властью. Реакція проникаетъ во всѣ стороны правительственной дѣятельности, въ особенности, когда мѣсто нерѣшительнаго и колеблющагося Людовика XVIII занялъ на престолѣ Карлъ X, вождь ультра-реакціонеровъ. Формально цензура то отмѣнялась, то снова возрождалась, оппозиція то могла пользоваться орудіемъ ежедневной политической прессы, то снова должна была прибѣгать къ не-періодическимъ сборникамъ и брошюрной литературѣ; фактически-же въ области печати господствовалъ полнѣйшій произволъ администраціи, которая создавала странные процессы, ставшіе извѣстными въ исторіи подъ названіемъ «procés de tendance» и преслѣдовавшіе писателей за «духъ», за «тенденцію», за «вредное направленіе», которое доказывалось чаще всего какой-нибудь выхваченной изъ текста фразой, отдѣльнымъ словомъ, неясной мыслью. Но хотя дѣла по печати изъяты были изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и переданы были находившейся въ полной зависимости отъ правительства исправительной полиціи, однако даже и эта подневольная магистратура отказывалась слѣдовать за грубымъ произволомъ правительства и то-и-дѣло выносила оправдательные вердикты привлекаемымъ къ суду писателямъ. А политическими писателями были въ то время представители самыхъ различныхъ отраслей науки, литературы и искусства, не говоря уже о политическихъ дѣятеляхъ: за отсутствіемъ организованныхъ политическихъ партій, центромъ борьбы все еще продолжала оставаться, несмотря на всѣ преслѣдованія правительства, политическая печать.

Какъ извѣстно, реакціонная партія оказалась, въ концѣ концовъ, не болѣе счастливой въ парламентской борьбѣ. И здѣсь Карлъ X то какъ-бы уступалъ оппозиціи, то снова воз-

вращался къ непримиримой борьбѣ, но фактически онъ все время стремился къ торжеству ультра-реакціонной партіи. Борьба, наконецъ, достигла такой степени напряженія, что правительству оставалось или подчиниться, или отказаться отъ власти, или, наконецъ, вступить на путь государственнаго переворота. Реакція выбрала послѣднее средство, и такъ какъ первый ударъ ея (знаменитые ордоннансы 26-го іюля) былъ направленъ по адресу печати, то послѣдняя, въ лицѣ сорока четырехъ отвѣтственныхъ редакторовъ и сотрудниковъ разныхъ парижскихъ газетъ, отвѣтила призывомъ къ возстанію. Началось волненіе, которое закончилось іюльской революціей. И если въ рѣшительные іюльскіе дни народнымъ массамъ принадлежала вся слава побѣды, то прессѣ принадлежала честь командованія. Она вышла изъ этой побѣды болѣе вліятельною, болѣе сильною, чѣмъ когда-либо.

IV.

Іюльская монархія, обманувшая столько надеждъ, имѣла, съ точки зрѣнія развитія политическихъ партій, тотъ важный результатъ, что, ставъ режимомъ одного общественнаго класса противъ другихъ, она расколола дотолѣ почти объединенную оппозицію на нѣсколько частей, изъ которыхъ каждая являлась, не всегда, впрочемъ, опредѣленною, выразительницей интересовъ отдѣльной группы населенія. Народъ, который «дрался, какъ левъ», въ «славные іюльскіе дни», который обнаружилъ огромный интересъ къ тѣмъ самымъ «политическимъ учрежденіямъ, которыя имъ совершенно не интересовались», народъ, которому, по общему признанію, принадлежала «вся слава побѣды» надъ партіей возстановленія до-революціоннаго режима — оказался совсѣмъ выброшеннымъ за бортъ политической жизни, и въ теченіе іюльской монархіи въ немъ постепенно стало созрѣвать убѣжденіе, что онъ долженъ самъ принимать активное участіе въ управленіи дѣлами страны, что онъ долженъ составить свою особую политическую партію, потому что другія партіи, являющіяся выразительницами интересовъ другихъ слоевъ населенія, для него ничего не сдѣлаютъ. Мелкая буржуазія, которая также принимала

дѣятельное участіе въ борьбѣ и которую увѣряли, что новый тронъ, на который посадили «короля-гражданина», будетъ «окруженъ совсѣмъ-совсѣмъ республиканскими учрежденіями», оказалась въ такой же степени за бортомъ, какъ и пролетаріатъ, и постепенно стала образовывать свою особую партію. У власти оказалась одна только крупная, промышленная и финансовая, буржуазія. Борьба между этими различными элементами, къ которымъ иногда присоединялись оппозиціонные легитимисты и бывшіе бонапартисты, составляетъ все содержаніе общественно-политической жизни Франціи въ эпоху іюльской монархіи. Этимъ же содержаніемъ опредѣляется и роль періодической прессы, какъ фактора политической жизни страны въ указанный періодъ, и отношеніе къ прессѣ господствовавшаго режима.

Обязанный, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, значительной долей своей побѣды именно печати, новый режимъ, на первыхъ порахъ, долженъ былъ выразить ей свою признательность. И эта признательность, дѣйствительно, была засвидѣтельствована печати—но въ какихъ скудныхъ размѣрахъ! Ордоннансомъ 2-го августа 1830 г., когда Луи-Филиппъ носилъ еще титулъ генеральнаго лейтенанта королевства, приговоры ниспровергнутаго режима по дѣламъ печати объявлялись недѣйствительными, а лица, содержавшіяся въ тюрьмахъ по такимъ приговорамъ, были освобождены. Хартія 1830 г. торжественно заявляла предъ лицомъ всего міра, что цензура во Франціи отмѣняется навсегда и что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, она не можетъ быть возстановлена; 69-я статья хартіи прибавляла, что «послѣдующіе законы урегулируютъ въ возможно скоромъ времени примѣненіе суда присяжныхъ къ преступленіямъ путемъ печати и къ политическимъ преступленіямъ», и, во исполненіе этого обѣщанія хартіи, законъ 8 октября 1830 г. дѣйствительно передалъ вѣдѣнію ассизныхъ судовъ, т. е. суда присяжныхъ, всѣ правонарушенія, совершаемыя путемъ печати. Наконецъ, опуская нѣкоторыя мелочи, отмѣтимъ, что, послѣ долгой борьбы въ парламентѣ, былъ значительно пониженъ залогъ, требуемый отъ собственниковъ періодическихъ изданій (законъ 14 декабря 1830 г.): для изданій, выходящихъ чаще, чѣмъ два раза въ

недѣлю, онъ былъ установленъ въ размѣрѣ 2.400 фр. годовой ренты (около 40.000 фр. капитала); для провинціальныхъ ежедневныхъ газетъ, выходившихъ въ городахъ съ населеніемъ свыше 50.000 жителей—800 фр. ренты, въ остальныхъ городахъ—500 фр. Когда въ парламентѣ потребовали полной отмѣны залога, Гизо. со своею обычною, часто граничившей съ цинизмомъ, откровенностью, заявилъ, что «залогъ долженъ быть сохраненъ, ибо онъ служитъ гарантіею, показывающею принадлежность людей, основывающихъ газету, къ опредѣленному классу общества», т. е. къ богатой буржуазіи. Чтобы исчерпать всѣ главныя «либеральныя» мѣропріятія новаго режима въ области печати, скажемъ еще, что закономъ 8 декабря 1831 г. установлено было, что за пересылку каждаго экземпляра газеты за предѣлы департамента отнынѣ должно было взиматься 4 сантима вмѣсто прежнихъ 5-ти. Штемпельный сборъ, продолжительные сроки тюремнаго заключенія, разорительные штрафы [1]), разныя другія затрудненія и ограниченія—все это осталось въ силѣ.

И тѣмъ не менѣе печать широко пользовалась эрой сравнительной свободы. Перегруппировка общественно-политическихъ силъ, о которой мы говорили выше, сопровождалась крайнимъ напряженіемъ научной и критической мысли. Все стало предметомъ горячихъ обсужденій; создавались планы переустройства общества, одна система смѣнялась другою, ставились и смѣло рѣшались самые сложные вопросы религіи, морали, семейныхъ отношеній, росла и ширилась индивидуальная предпріимчивость, смѣлѣе становился размахъ и отдѣльныхъ личностей, и цѣлыхъ группъ населенія. И все это находило себѣ откликъ въ періодической прессѣ, куда каждый приносилъ свои мысли, свой темпераментъ, свое желаніе борьбы. Въ то время,—свидѣтельствуетъ Альфредъ Нэтманъ, историкъ литературы и журналистики въ эпоху іюльской монархіи,—въ то время «всѣ становились журналистами: епископъ, крупный помѣщикъ, магистратъ, военный, бывшій членъ палаты пэ-

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. за оскорбленіе особы короля (на котораго жестоко нападали за совершенный обманъ), сроки тюремнаго заключенія и размѣръ штрафовъ были даже значительно увеличены (законъ 29 ноября 1830 г.).

ровъ, бывшій депутатъ, студентъ, едва сошедшій со школьной скамьи,—всѣ протягивали руки, чтобы схватить тогда столь могучій рычагъ періодической прессы».

Но эпоха «либерализма» длилась недолго. Уже въ 1830 году, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ переворота, извѣстный памфлетистъ того времени, Кормененъ (писавшій подъ псевдонимомъ Тимонъ) воскликнулъ: «Демократическія газеты будутъ уничтожены. Противъ нихъ гремитъ уже гнѣвный голосъ министровъ, и этотъ голосъ встрѣчаетъ сочувственное эхо какъ въ Бурбонскомъ дворцѣ (палата депутатовъ), такъ и въ Люксембургскомъ (палата пэровъ). Еще нѣсколько дней — и свободная журналистика исчезнетъ». Если для 1830 г. эти слова были явнымъ преувеличеніемъ памфлетиста, то они оказались пророческими для ближайшаго будущаго. Новое правительство ни въ какомъ случаѣ сразу и открыто не могло пойти по пути своего предшественника, да къ тому же оно наканунѣ только отмѣнило цензуру и торжественно провозгласило, что впредь она *никогда* не будетъ возстановлена во Франціи. Но если новый режимъ не рѣшался открыто прибѣгнуть къ этому излюбленному средству реакціи, то онъ, съ другой стороны, не намѣренъ былъ допустить дѣйствительной свободы печати, тѣмъ болѣе, что печать была могучимъ оружіемъ въ рукахъ все болѣе и болѣе ожесточавшейся оппозиціи. И вотъ, начинается эра законнаго устрашенія и преслѣдованій — эра судебныхъ процессовъ, которыми такъ богаты первые годы іюльской монархіи, въ особенности послѣ назначенія Казиміра Перье министромъ-президентомъ.

Одинъ историкъ іюльской монархіи составилъ любопытную таблицу процессовъ по дѣламъ печати за первые годы царствованія «короля-гражданина», и изъ этой таблицы [1]) видно, что въ теченіе 1831 и 1832 гг. журналисты были привлечены къ суду 411 разъ; обвинительные вердикты были вынесены въ 143 случаяхъ, и приговоры по нимъ равнялись — въ общей сложности—65-ти годамъ тюремнаго заключенія и 350.000 фр. штрафа. Разумѣется, гнѣвъ правительства вызывала больше всего демократическая печать. Такъ, одна только «Tribune»

---

[1]) Sarrans, «Louis-Philippe et la contre-Révolution de 1830», I, p. 306.

въ теченіе четырехъ лѣтъ была привлечена къ суду *111 разъ,* при чемъ она выиграла 81 процессъ и получила обвинительные вердикты въ 30-ти случаяхъ, но и по этимъ лишь дѣламъ она, въ лицѣ своихъ сотрудниковъ, высидѣла въ тюрьмѣ *49 лѣтъ* и *уплатила 157,630 фр. штрафа* [1]). Преслѣдовалась также и легитимистская печать. которая не могла простить «узурпатору» происхожденія его трона: главный органъ легитимистской партіи «La Gazette de France» выдержалъ во время іюльской монархіи не менѣе *шестидесяти* процессовъ и уплатилъ, въ общемъ, свыше *ста тысячъ франковъ штрафа.*

Изъ одного сопоставленія числа обвинительныхъ вердиктовъ съ числомъ привлеченій къ суду видно, что присяжные засѣдатели выносили въ огромномъ большинствѣ случаевъ оправдательные вердикты предаваемымъ ихъ суду журналистамъ. Бывали случаи упорнаго преслѣдованія со стороны правительства и столь же упорнаго оправданія присяжными. Такъ, редакторъ «Progrès du Pas-de-Calais» хвасталъ въ 1838 г., что привлекался къ суду 24 раза и столько же разъ былъ оправданъ; одна республиканская газета въ Пуатье, «Echo du Peuple», насчитывала въ 1835 г. 13 судебныхъ преслѣдованій и 13 оправданій и т. д.

На помощь газетамъ, систематически разоряемымъ правительственными преслѣдованіями, приходили всевозможныя просвѣтительныя и политическія общества, начало возникновенія которыхъ относится еще къ Реставраціи, но которыя особенно стали распространяться и крѣпнуть въ первые годы іюльской монархіи. Теперь газеты перестали уже быть единственными центрами, вокругъ которыхъ могли группироваться пробуждающіяся къ жизни общественныя и политическія силы. Эти силы искали другихъ средствъ для своего примѣненія, старались организовываться, искали себѣ сторонниковъ — и скоро вся страна покрылась сѣтью разныхъ обществъ. Организація силъ въ странѣ и литературная пропаганда и агитація допол-

---

[1]) Много подробностей о судебномъ преслѣдованіи печати въ разсматриваемую эпоху читатель найдетъ въ статьѣ Д. И. Писарева «Очерки изъ исторіи печати во Франціи» (во 2-мъ томѣ его «Сочиненій» въ изданіи Павленкова 1894 г.).

няли другъ друга. Но чѣмъ сильнѣе становилась правительственная реакція, тѣмъ большій успѣхъ начали имѣть въ организованныхъ обществахъ стремленія къ насильственнымъ средствамъ борьбы. Начались возстанія. Тогда правительство (законъ 1834 г. объ ассоціаціяхъ) отчасти совсѣмъ уничтожило эти общества, отчасти подчинило ихъ своему строгому контролю. Опять усилилось значеніе печати, потому что она снова стала главнымъ центромъ, вокругъ котораго могли группироваться общественно - политическія силы. Правительство отвѣтило на это извѣстными сентябрьскими законами *противъ* печати.

Эти законы, какъ министры откровенно заявляли, должны были не только сдѣлать невозможными нападки на особу короля и основы господствовавшаго режима, но и *совершенно уничтожить карлистскую и республиканскую печать*. Прежде всего, залогъ былъ увеличенъ почти вдвое: ежедневныя газеты должны были вносить 100.000 франковъ; газеты, выходящія два раза въ недѣлю, — 75.000 франковъ; еженедѣльныя газеты—50.000 франковъ; журналъ, выходящій два или три раза въ мѣсяцъ—25.000 франковъ; ежемѣсячныя изданія были по прежнему избавлены отъ залога. Чтобы затруднить основаніе новыхъ газетъ, сентябрьскіе законы требовали, чтобы отвѣтственный редакторъ изданія лично владѣлъ, по меньшей мѣрѣ, третьею частью залога; каждый разъ, когда эта третья часть уменьшается вслѣдствіе ли личной сдѣлки или взысканнаго штрафа, отвѣтственный редакторъ обязанъ пополнить недостающую сумму: въ противномъ случаѣ, изданіе пріостанавливается; пріостанавливается оно и въ томъ случаѣ, если редакторъ сидитъ въ тюрьмѣ и не можетъ пріискать себѣ замѣстителя, который удовлетворялъ бы всѣмъ перечисленнымъ требованіямъ. Уже и въ этомъ отношеніи монархія «короля-гражданина» значительно уступала реставраціи съ ея законами 1819 г.; въ другихъ отношеніяхъ она уступала ей неизмѣримо больше. Такъ, новый законъ наказывалъ заключеніемъ въ крѣпости на срокъ отъ 5 до 20 лѣтъ и штрафомъ отъ 10.000 до 50.000 франковъ (по закону 1819 г., отъ 3 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ *тюрьмы* и отъ 50 до 6.000 франковъ) всякое оскорбленіе особы короля и нападки противъ

основъ государственнаго строя (attaque contre le principe du gouvernement), совершаемыя путемъ печати. Этотъ новый законъ воспрещалъ гражданамъ, подъ страхомъ поражающихъ своей суровостью наказаній (хотя и менѣе строгихъ, чѣмъ сейчасъ приведенныя), заявлять себя республиканцами, вмѣшивать особу короля въ обсужденіе правительственныхъ дѣйствій, выражать пожеланіе или надежду на низверженіе монархическаго или конституціоннаго строя, или на возстановленіе низложеннаго правительства, признавать право на тронъ за членами изгнанной королевской семьи, публиковать имена присяжныхъ засѣдателей до или послѣ суда, печатать отчеты о тайныхъ совѣщаніяхъ присяжныхъ засѣдателей, устраивать подписки въ пользу осужденныхъ газетъ. Кромѣ того, судебнымъ учрежденіямъ дано было право пріостанавливать на время до четырехъ мѣсяцевъ тѣ газеты, которыя въ теченіе одного года два раза подвергались осужденію. Наконецъ, рисунки, эмблемы, гравюры и литографіи могли быть выставляемы, издаваемы и продаваемы лишь съ предварительнаго разрѣшенія цензуры, которой, такимъ образомъ, снова открывались двери.

Это новое зданіе имѣло достойный вѣнецъ. Измѣняя въ корнѣ законодательство о печати, но не желая формально нарушать постановленія хартіи, отдававшей правонарушенія въ области печати вѣдѣнію суда присяжныхъ засѣдателей, и въ то-же время опасаясь мягкости этого института, который будетъ избавлять виновныхъ отъ заслуженной кары, правительство, а вслѣдъ за нимъ и парламентъ, прибѣгли къ слѣдующему средству: они возвели въ *покушенія* (attentats) нѣкоторыя правонарушенія въ области печати, а именно возбужденіе путемъ прессы къ ненависти или презрѣнію къ особѣ короля и возбужденіе къ возстанію, а покушенія, согласно той-же хартіи, могли быть отдаваемы на судъ палаты пэровъ.

Любопытны нѣкоторые эпизоды борьбы, вызванной изложенными законопроектами въ палатѣ депутатовъ. Въ мотивировкѣ законопроекта министръ юстиціи вполнѣ откровенно изложилъ намѣренія правительства: «Мы хотимъ полной свободы печати, но мы не допускаемъ никакой критики ни особы короля, ни династіи, ни конституціонной монархіи... Намъ скажутъ,—мы это предвидимъ,—что суровостью наказаній мы

хотимъ убить печать. Нужно отличать монархически-конституціонную прессу, оппозиціонную или нѣтъ, отъ республиканской, карлистской или *отстаивающей всякій государственный режимъ, кромѣ нашего* [1]). Эту послѣднюю—мы это не отрицаемъ — мы ни въ какомъ случаѣ не намѣрены терпѣть. Нашъ законъ не оправдалъ-бы своего назначенія, если-бы послѣ его изданія могла свободно существовать какая бы то ни была пресса, кромѣ монархически-конституціонной. Во Франціи нѣтъ и не можетъ быть ни республиканскаго, ни реставрированнаго легитимистскаго режима. Призываніе того или другого въ настоящее время было-бы правонарушеніемъ, преступленіемъ, а правонарушеніе и преступленіе не могутъ имѣть открытаго органа печати».

Гизо еще болѣе подчеркнулъ истинный характеръ закона: «Всеобщее и предупредительное устрашеніе — такова главная цѣль карательныхъ законовъ... Нужно, чтобы всѣ боялись, чтобы всѣ опасались общества и его законовъ. Нужно глубокое и постоянное сознаніе, что существуетъ верховная власть, всегда способная схватить и наказать... Кто ничего не боится, тотъ ничему не подчиняется».

Еще никогда система устрашенія не спасла ни одного реакціоннаго режима, а между тѣмъ реакція всегда и повсюду фатально вступаетъ на этотъ путь, который, рано или поздно, приводитъ ее къ гибели. Не спасла система «всеобщаго устрашенія» и іюльскую монархію. Если законъ 1834 г. противъ ассоціацій вызвалъ къ жизни тайныя заговорческія общества, то сентябрьскіе законы противъ печати послужили почвой для возникновенія подпольной прессы, которая отнынѣ не переводилась вплоть до февральской революціи.

Возстаніе 1839 г. послужило предлогомъ для новыхъ преслѣдованій печати, жертвою которыхъ пали, одна за другою, нѣсколько вліятельныхъ газетъ. Но если это видимое торжество реакціи заставило правое крыло республиканской партіи (партію «National») искать сближенія съ династической оппозиціей (Одилонъ-Барро, Тьеръ и т. п.), то оно-же содѣйствовало, съ одной стороны, сплоченію буржуазныхъ демократовъ

[1]) Курсивъ мой.

(партія «Réforme») и все большему проникновенію сознанія необходимости политической борьбы въ находившуюся подъ вліяніемъ разныхъ соціальныхъ реформаторовъ рабочую среду. Промышленный кризисъ, съ одной стороны, а съ другой—новый отказъ господствующей партіи произвести избирательную реформу, между тѣмъ какъ факты каждый разъ показывали, что цензитарный избиратель остается непоколебимо-вѣрнымъ гизотистамъ, создали благопріятную почву для взрыва, который и разразился при первомъ удобномъ случаѣ (въ февралѣ 1848 г.).

Въ эти послѣдніе дни іюльской монархіи роль печати оставалась такой-же, какъ мы ее охарактеризовали выше. Редакціи газетъ оставались единственными центрами, вокругъ которыхъ группировалась оппозиція [1]). Но если газеты выставили вожаковъ, то послѣдніе не были связаны никакими организаціонными узами съ массой. Поэтому въ рѣшительные дни руководителями движенія оказались не они, а народныя массы. Вожаки рѣшили, напр., уступить министерству и не устраивать кортежа въ 12-й округъ, гдѣ предполагался запрещенный правительствомъ банкетъ,—масса этой уступки не ратифицировала, и загорѣлась борьба. Когда эта борьба приняла неожиданные размѣры, вожаки стали вырабатывать проекты взаимныхъ уступокъ, — масса съ ними не считалась и сбрасывала, одинъ за другимъ, всѣ карточные домики, которые такъ старательно и обдуманно разсчетливо строились. И волны народнаго моря клокотали до тѣхъ поръ, пока мѣсто іюльскаго режима не заняла республика и во временное правительство не допущены были люди, которые пользовались большимъ или меньшимъ довѣріемъ массъ. Но, быть можетъ, именно это отсутствіе тѣсной связи между массой и вожаками, именно эта неорганизованность движенія и сдѣлали возможными тѣ событія, которыя разыгрались вслѣдъ за февральскимъ переворотомъ и въ значительной степени смыли достигнутые имъ результаты.

---

[1]) Политическія партіи носили даже имена этихъ газетъ: «партія National», «партія Réforme» и т. д.

V.

Газеты не только были центрами, вокругъ которыхъ группировалась оппозиція въ періодъ до февральской революціи,— онѣ (по крайней мѣрѣ, «National» и «Réforme») продолжали оставаться центрами и послѣ побѣды: изъ редакцій газетъ получались общіе лозунги, онѣ-же дали Франціи временное правительство. Естественно, что пресса прежде всѣхъ хотѣла воспользоваться плодами побѣды, и такъ какъ временное правительство само не торопилось съ реформами въ области печати, то послѣдняя сама, не дожидаясь ничьего разрѣшенія, сбросила съ себя всѣ цѣпи, сковывавшія ее при ниспровергнутомъ режимѣ. Каждый день основывались газеты всевозможныхъ направленій, при чемъ ихъ основатели и не думали исполнять предписываемыхъ законами условій для созданія новыхъ органовъ печати, не вносили никакого залога, не платили штемпельнаго сбора [1].

Но это положеніе было непрочно. Необходимо было его урегулировать, если не законодательнымъ порядкомъ (еще не было законодательнаго учрежденія), то, по крайней мѣрѣ, административнымъ. И вотъ, редакторы всѣхъ парижскихъ газетъ (за исключеніемъ одного лишь «Journal des Débats») собрались и рѣшили послать делегацію временному правительству. Послѣднее, по настоянію министра финансовъ, отвѣтило, что, въ виду затруднительнаго положенія, оно не можетъ отмѣнить ни одного налога, каковъ бы ни былъ его характеръ, и постановило, что со слѣдующаго дня (5 марта) штемпельный сборъ опять будетъ взиматься. Но въ этотъ первый періодъ второй республики печать была еще столь всесильна и всякая попытка стѣснить ее въ отправленіи ея соціально-политическихъ обязанностей встрѣчалась столь враждебно, что постановленія правительства относительно возстанов-

---

[1]) Д. Стернъ приводитъ въ своей «Исторіи революціи 1848 г.» списокъ *двухсотъ* политическихъ газетъ, издававшихся въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ новаго режима, пока господствовала неограниченная свобода печати. А Кастилль въ своей «Исторіи второй республики» насчитываетъ 789 политическихъ газетъ, издававшихся въ теченіе 1848, 1849, 1850 и 1851 гг.

ленія штемпельнаго сбора никѣмъ не исполнялись. Въ концѣ концовъ, послѣ ряда колебаній, правительство вынуждено было уступить и окончательно отмѣнить штемпельный сборъ, который—заявило оно—ни въ какомъ случаѣ нельзя разсматривать, какъ обыкновенную статью дохода фиска, а какъ налогъ исключительно политическаго характера.

Той-же фактической силой печати объясняется и неограниченная свобода, которою она фактически пользовалась въ первые мѣсяцы послѣ февральской революціи. Формально ея положеніе подверглось не особенно значительнымъ улучшеніямъ. Отмѣтивъ отмѣну сентябрьскихъ законовъ и возстановленіе суда присяжныхъ въ преступленіяхъ путемъ печати (декретъ временнаго правительства отъ 6 марта 1848 г.) и отмѣну раздачи судебными учрежденіями казенныхъ объявленій газетамъ по ихъ выбору (что служило средствомъ выдавать скрытыя субсидіи правительственнымъ органамъ), мы исчерпаемъ почти всѣ измѣненія, произведенныя въ то время въ формальномъ положеніи печати.

Но эта эра свободы длилась не долго: политическое положеніе страны измѣнилось очень скоро.

Политическая исторія второй республики можетъ быть разсказана въ нѣсколькихъ словахъ. Провозглашеніе республики было неожиданностью для всѣхъ, и всѣ ее сперва признали, потому что всѣ ея боялись. Какъ разсказываетъ Токвилль въ своихъ «Воспоминаніяхъ», у побѣжденныхъ замѣчалась «какая-то особая покорность; у нихъ не видно было никакой надежды, я скажу — почти никакой мысли о возвращеніи къ режиму, который, однако, только что оставили. Хотя февральская революція была наименѣе продолжительной и наименѣе кровавой изъ всѣхъ нашихъ революцій, она болѣе, чѣмъ какая либо другая, наполнила умы и сердца представленіемъ о своемъ всемогуществѣ» [1]). Но если всѣ «признавали» республику, то различные слои населенія предъявляли къ ней различныя требованія, и эти разногласія по самымъ основнымъ вопросамъ имѣли мѣсто даже среди самихъ членовъ временнаго правительства. Если «люди *National*», составлявшіе боль-

---

[1]) «Souvenirs», p. 114.

щинство, ставили себѣ главной задачей показать буржуазіи что республиканскій режимъ вполнѣ совмѣстимъ съ порядкомъ и государствомъ въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ тѣхъ-же принциповъ, которые лежали въ основѣ свергнутаго режима, то представители рабочихъ. Луи Бланъ и Альбертъ, не пользовавшіеся никакимъ авторитетомъ во временномъ правительствѣ, но зато представлявшіе собою значительную силу своимъ вліяніемъ на массы парижскихъ рабочихъ, требовали, чтобы тотчасъ-же было приступлено къ выработкѣ мѣръ, которыя такъ или иначе измѣнили бы отношенія между капиталомъ и трудомъ; что касается до «людей *Réforme*», то, съ одной стороны, раздѣляя нѣкоторыя идеи Луи Блана, они, съ другой стороны, не могли не признавать разумныхъ доводовъ «людей *National*». Отношенія особенно обострились, когда временное правительство, совершивъ свои три великія реформы (введеніе всеобщаго избирательнаго права, отмѣна смертной казни для политическихъ преступниковъ и уничтоженіе рабства въ колоніяхъ), остановилось, заявляя, что республиканская партія сдѣлала пока слишкомъ много и что пора передохнуть и набраться силъ для дальнѣйшихъ реформъ, о которыхъ говорились какія-то неопредѣленныя фразы. Рабочія же массы находили, что всеобщее избирательное право есть, конечно, прекрасное орудіе, пользуясь которымъ онѣ смогутъ въ будущемъ оказывать большое вліяніе на управленіе дѣлами страны, но, пока что, не приноситъ имъ ни малѣйшаго улучшенія въ ихъ положеніи. Извѣстно, что борьба этихъ враждебныхъ интересовъ привела, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ февральской революціи, къ жестокимъ іюньскимъ днямъ. Равнодушіе мелкой буржуазіи и ея политическихъ вождей къ кровавому подавленію пролетаріата, ихъ симпатія къ покорителямъ имѣли своимъ результатомъ то, что ровно черезъ годъ принцъ-президентъ Луи-Наполеонъ могъ, опираясь на «партію порядка», разбить политически всю радикальную буржуазію, а потомъ постепенно разбить и оба фланга партіи порядка и захватить власть въ свои руки.

Печать переживала съ поразительной быстротой всѣ метаморфозы, которыя мы только что прослѣдили въ области соціально-политическихъ отношеній страны. Съ февраля по

іюнь періодическая пресса пользовалась, какъ мы видѣли, почти неограниченной свободой. Іюньскіе дни, ознаменованные военной диктатурой, послужили исходнымъ пунктомъ для рѣзкой реакціи противъ свободы печати. Декретомъ отъ 25 іюня республиканская военная диктатура сразу отдѣлалась, запретивъ ихъ, отъ всѣхъ органовъ, выступавшихъ въ защиту интересовъ рабочаго класса, прихвативъ кстати и нѣсколько бонапартистскихъ и роялистскихъ газетъ (всего закрыто было 11 изданій), а когда редакторъ одной изъ закрытыхъ такимъ образомъ газетъ («La Presse») Эмиль де Жирарденъ протестовалъ въ рѣзкой статьѣ, то въ тотъ-же день Кавеньякъ арестовалъ его и предалъ военному суду; черезъ 10 дней онъ, впрочемъ, былъ освобожденъ, потому что обвиненіе не могло найти никакого преступленія въ дѣяніяхъ журналиста.

Когда черезъ нѣкоторое время послѣ этихъ событій Учредительное Собраніе приступило къ выработкѣ общаго закона о печати, никто уже даже не заикался о необходимости полной свободы для послѣдней. Дѣло ограничилось принятіемъ извѣстныхъ намъ уже законовъ 1819 и 1822 гг., при чемъ измѣнена была въ нихъ лишь редакція сообразно измѣнившимся политическимъ условіямъ: вмѣсто слова «монархія» всюду поставлено было слово «республика» и т. п. Правительство и Учредительное Собраніе даже не хотѣли утвердить декрета 5 марта объ отмѣнѣ залога и штемпельнаго сбора. Залогъ былъ возстановленъ, но въ значительно сокращенномъ размѣрѣ (максимальная сумма въ 24.000 фр. для сенскаго и двухъ другихъ департаментовъ понижалась послѣдовательно до 18.000, 12.000, 6.000 и т. д. въ зависимости отъ мѣста и срока выхода), и при этомъ стыдливо прибавлялось, что мѣра эта имѣетъ «временный характеръ» [1]). Эти «временныя правила» вызвали въ Учредительномъ Собраніи нѣкоторые протесты (въ общемъ, довольно слабые), въ особенности со стороны Луи Блана, который, признавая необходимость гарантій про-

[1]) Извѣстно, что во всѣхъ странахъ реакціонныя правительства любятъ проводить свои наиболѣе реакціонные законы подъ видомъ «временныхъ мѣръ», которыя живутъ обыкновенно такъ долго, какъ живетъ самъ создавшій ихъ режимъ, но все болѣе и болѣе ухудшаясь... Такъ было и съ интересующимъ насъ закономъ.

тивъ злоупотребленія свободой печати, вполнѣ основательно прибавлялъ: «Но вы не можете допустить, чтобы гарантія противъ злоупотребленія шла до уничтоженія самаго права... Ибо что такое залогъ? Его можно опредѣлить слѣдующей фразой, написанной въ вашемъ законѣ: свобода печати будетъ существовать для тѣхъ, кто будетъ въ состояніи уплатить опредѣленную сумму; она не будетъ существовать для всѣхъ остальныхъ». И хотя правительство устами Сената увѣряло, что возстановленіе залога ни въ какомъ случаѣ не будетъ служить препятствіемъ для существованія хотя-бы самыхъ бѣдныхъ органовъ печати, тѣмъ не менѣе непосредственнымъ результатомъ закона 12-го августа 1848 г. было исчезновеніе ряда газетъ, которыя не были въ состояніи внести требуемую сумму залога, въ томъ числѣ газеты Ламеннэ «Le Peuple Constituant» [1]). Послѣдній опубликовалъ въ прощальномъ номерѣ блестящій протестъ противъ новаго закона, заканчивавшійся слѣдующими, часто впослѣдствіи цитировавшимися, словами: «Въ настоящее время нужно золото, много золота, чтобы пользоваться правомъ слова,—мы недостаточно богаты. «Silence au pauvre!» [2]).

Но законъ о залогѣ дѣйствовалъ, повидимому, по мнѣнію правительства, недостаточно быстро, и генералъ Кавеньякъ, пользуясь своими правами диктатора, снова закрылъ, 22 и 24 августа, 5 газетъ крайней лѣвой и крайней правой.

И, какъ бы въ насмѣшку, конституція 4 ноября 1848 г., по примѣру своихъ предшественницъ, торжественно провозглашала, «предъ лицомъ Верховнаго Судьи и человѣчества», право *каждаго гражданина* «обнаруживать свои мысли путемъ печати или всякимъ другимъ способомъ»; ни въ какомъ случаѣ печать не могла быть подчинена цензурѣ, а всѣ политическія правонарушенія и всѣ правонарушенія, совершаемыя путемъ печати, должны были подлежать исключительно суду присяжныхъ.—Спеціальный законъ 11 декабря 1848 г. объявлялъ, что законъ, который, на основаніи конституціи, будетъ регулировать положеніе печати, будетъ считаться однимъ изъ органическихъ законовъ республики. Но такъ какъ

[1]) H. Avenel. «Histoire de la presse française», p. 425.

[2]) Ibid., p. 426.

Учредительное Собраніе «не имѣло времени» выработать и провотировать такой законъ, то, «пока что», продлили дѣйствіе упомянутыхъ выше «временныхъ правилъ» 9 августа.

Между тѣмъ Луи-Наполеонъ избранъ былъ президентомъ республики; конституанта, въ которой всѣ объявляли себя республиканцами, замѣнена была легислативой съ огромнымъ монархическимъ большинствомъ; республиканская партія превратилась изъ господствующей и правительственной въ «анархическую». Реакція торжествовала грубо, заносчиво, радикальная буржуазія поднялась, но, не поддержанная пролетаріатомъ, которому она годъ тому назадъ предательски измѣнила, она, въ свою очередь, была разбита. И буржуазно-демократическая печать послѣдовала за рабочей прессой: принцъ-президентъ однимъ декретомъ убилъ шесть радикальныхъ газетъ, въ томъ числѣ «Réforme» и «La Démocratie pacifique».

Путь для реакціи былъ теперь совершенно открытъ, и она покатилась внизъ по наклонной плоскости. Почти безъ борьбы, Законодательное Собраніе провотировало предложенный правительствомъ законъ о печати 27—29 іюля 1849 г., который не только возстановлялъ печальной памяти *сентябрьскіе* законы [1]), но и ухудшалъ еще во много разъ нѣкоторые ихъ пункты. Прежде всего, новый законъ создавалъ рядъ новыхъ преступленій, которыя могутъ быть совершаемы путемъ печати: оскорбленіе президента республики, призывы къ военнымъ съ цѣлью отвлечь ихъ отъ исполненія ихъ обязанности, публичныя подписки для возмѣщенія осужденнымъ взысканныхъ съ нихъ штрафовъ. Законъ также усиливалъ нормы наказаній за преступленія путемъ печати; сверхъ того, онъ снова отдавалъ въ руки администраціи (префектовъ) все дѣло публичной продажи печатныхъ произведеній.—Ст. 7-ая закона предписывала представлять прокурору республики всѣ произведенія, трактующія о политическихъ и соціально-экономическихъ вопросахъ, размѣромъ менѣе десяти печатныхъ листовъ, за 24 часа до ихъ выпуска въ свѣтъ. Такимъ образомъ, фактически возстановлялась для такихъ произведеній цензура, «которая никогда больше не могла быть возстановлена во Франціи», потому что

[1]) См. предыдущую главу.

прокуроръ могъ легко, конечно, прочесть небольшую книжку въ теченіе сутокъ и, въ случаѣ надобности, задержать ея выпускъ, возбудивъ процессъ и конфисковавъ всѣ напечатанные экземпляры.

Но правительство считало себя еще «недостаточно вооруженнымъ» противъ превратныхъ ученій («пресса,—заявилъ Руэръ,—со времени февральской революціи... занималась немного менѣе политическими вопросами, немного болѣе вопросами общественнаго устройства», въ чемъ «республиканскій» министръ и видѣлъ ея главное преступленіе [1]), и 21 марта 1850 г. министръ юстиціи внесъ законопроектъ, которымъ правительство требовало значительнаго увеличенія залога и новаго возстановленія штемпельнаго сбора. Парламентъ, разумѣется, поспѣшилъ дать ему удовлетвореніе по обоимъ пунктамъ, и если залогъ фактически не былъ увеличенъ, то лишь потому, что комиссія предложила другія средства, чтобы затруднить въ этомъ отношеніи положеніе прессы.

Вся оппозиціонная печать была, такимъ образомъ, постепенно уничтожена, а правительственная пресса говорила лишь то, что нужно было президенту, подготовлявшему свой государственный переворотъ. Періодическая печать, игравшая такую рѣшительную роль въ іюльской и февральской революціяхъ, не мало содѣйствовала и совершенію «18 брюмера Луи-Бонапарта».

VI.

Послѣдовательное сокрушеніе различныхъ фланговъ оппозиціи во время его президентства дало возможность Наполеону совершить свой coup-d'Etat, почти не встрѣтивъ сопротивленія. Вспыхнувшія кое-гдѣ, въ особенности въ провинціи, возстанія были подавлены имъ быстро и безпощадно. Франція была у его ногъ,—онъ могъ сковать ее какими угодно цѣпями; часто она сама, въ лицѣ буржуазіи, протягивала для этого свои руки, благодаря тирана за его деспотизмъ. И зазнавшійся деспотъ могъ черезъ два года съ нѣкоторымъ правомъ говорить одному англійскому дипломату: «Зачѣмъ мнѣ расширять свободу

[1] H. Avenel, «Histoire de la presse française», p. 433.

страны?... Она большаго не желаетъ, а представители ея (въ законодательномъ корпусѣ) и отъ этого готовы отказаться».

Отказывались представители перепуганной буржуазіи и отъ доставшейся съ такимъ трудомъ свободы печати, лишь-бы Наполеонъ «спасъ» общество отъ уже несуществовавшей опасности. И Наполеонъ сталъ спасать...

Почти сейчасъ-же послѣ переворота, печати наносится первый рѣшительный ударъ: декретомъ 31 декабря 1851 года всѣ правонарушенія, совершаемыя путемъ печати, отнимались отъ суда присяжныхъ и передавались вѣдѣнію лишенныхъ самостоятельности коронныхъ судей трибуналовъ исправительной полиціи. Но это былъ только еще первый шагъ; за нимъ вскорѣ послѣдовалъ другой. Въ выработанной «по порученію народа» и опубликованной 14 января 1852 года конституціи не было уже ни слова о свободѣ печати, которую «въ принципѣ» провозглашали всѣ конституціи и всѣ законы о печати со времени низверженія первой имперіи [1]).

Оставалось на мѣсто отмѣненной (фактически еще въ концѣ 1848 г., а формально въ началѣ 1852 г.) свободы печати поставить болѣе или менѣе организованный произволъ; эту задачу и выполнили декреты 17 и 23 февраля, которые регулировали положеніе печати во Франціи вплоть до 1868 г. и изъ которыхъ первый извѣстенъ въ исторіи подъ названіемъ Органическаго декрета.

Органическій декретъ прежде всего отмѣнялъ свободу основанія періодическихъ органовъ печати; отнынѣ ни одинъ политическій органъ не могъ быть созданъ безъ предварительнаго разрѣшенія правительства, и послѣднее въ своихъ дѣйствіяхъ въ этомъ отношеніи никому никакимъ отчетомъ не было обязано; равнымъ образомъ, требовалось разрѣшеніе правительства на всякое измѣненіе въ личномъ составѣ отвѣтственныхъ редакторовъ, собственниковъ, администраторовъ и жерановъ каждаго политическаго изданія. Въ этомъ отношеніи установленъ былъ, слѣдовательно, полный произволъ администраціи.

[1]) Одни только Бонапарты не считали нужнымъ дѣлать эту уступку «духу времени» даже на словахъ; какъ извѣстно, конституція VIII года (республиканской эры) тоже хранила полное молчаніе о свободѣ печати.

Затѣмъ уничтожена была одна изъ основныхъ гарантій независимости печати: всѣ правонарушенія, совершаемыя путемъ ея, отнимались (на этотъ разъ окончательно) у суда присяжныхъ и передавались вѣдѣнію судовъ исправительной полиціи. Чтобы еще болѣе стѣснить при этомъ положеніе оппозиціонной печати, декретъ постановлялъ, что штрафы, къ которымъ присуждаются газеты, должны уплачиваться въ трехдневный срокъ или вноситься въ видѣ залога въ случаѣ перенесенія дѣла въ кассаціонный судъ.

Но самымъ крупнымъ нововведеніемъ Органическаго декрета, которое съ полнымъ правомъ можно назвать la grande pensée du règne въ области законодательства о печати, было введеніе системы «предостереженій». Руэръ не сразу пришелъ къ этому «открытію»,—разсказываетъ Авенель въ уже не разъ цитированой нами работѣ [1]). Сперва въ правительственныхъ сферахъ думали «собрать, координировать и кодифицировать» всѣ законы о печати, чтобы изъ сшитыхъ кусковъ составить достаточно крѣпкую узду. Эта кодификаціонная работа была поручена Руэру. Но будущему вице-императору прежніе законы не нравились: ими, какъ показалъ опытъ, нельзя было сковать печать въ прошедшемъ,—почему-же ихъ примѣненіе будетъ болѣе успѣшнымъ въ будущемъ? Когда работа Руэра обсуждалась министрами, министръ юстиціи предложилъ возстановить предварительную цензуру для политической печати. Но Руэръ нашелъ и это слишкомъ vieux jeu и предложилъ «комбинацію, при которой отвѣтственные редактора изданій, формально сохраняя право говорить что угодно, фактически являлись бы своими собственными цензорами, дѣйствующими подъ постоянной угрозой послѣдовательныхъ предостереженій, изъ которыхъ третье влекло бы за собою пріостановку органа. Такимъ образомъ, ничто не подвергалось предварительной цензурѣ, но все находилось подъ строгимъ наблюденіемъ самихъ писателей, ибо безопасность газеты становилась уздой, сдерживавшей смѣлость журналиста» [2]). «Эта мѣра»—говоритъ одинъ публицистъ по этому поводу—«до такой степени соотвѣтствовала духу лицемѣрно-насильственнаго режима На-

[1]) «Histoire de la presse française», p.p. 450, 451.

[2]) Ibid., 450.

полеона, что автора ея обнимали и поздравляли члены государственнаго совѣта, ее одобрилъ глава государства, она послужила главной основой Органическаго декрета» и т. д. [1]).

На основаніи этого декрета, газета прекращала свое существованіе послѣ одного осужденія за преступленіе (crime), совершенное путемъ печати, или-же послѣ двукратнаго осужденія за проступки (délits) и правонарушенія (contraventions), совершенные на разстояніи двухъ лѣтъ. Но правительство оставляло за собою право пріостановить или даже совершенно прекратить существованіе изданія въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, протекшихъ и послѣ перваго осужденія за проступокъ или правонарушеніе. Газета могла быть пріостановлена (на срокъ, не превышающій двухъ мѣсяцевъ) и простымъ постановленіемъ министра, *даже если она и не подвергалась осужденію,* а послѣ двухъ *мотивированныхъ* предостереженій [2]). Наконецъ, газета могла быть совершенно закрыта либо послѣ одной пріостановки—по судебному рѣшенію или по административному постановленію, либо просто въ интересахъ общественной безопасности; въ послѣднемъ случаѣ необходимъ былъ спеціальный декретъ президента республики, опубликованный въ «Bulletin des Lois».

Уже это бѣглое изложеніе Органическаго декрета показываетъ, что каждый послѣдующій параграфъ расширялъ произ-

---

[1]) И., «Страница изъ исторіи печати» («Русск. Вѣдомости», 1903, № 138). Какъ извѣстно, именно изъ Органическаго декрета была заимствована система предостереженій и составителями нашего закона о печати, при чемъ она была еще осложнена цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ.

[2]) Въ первое время предостереженія мотивировались, но съ теченіемъ времени они стали ограничиваться указаніемъ на статью, которою вызвано данное предостереженіе, и простымъ, ничѣмъ рѣшительно не подкрѣпленнымъ, увѣреніемъ, что эта статья обнаруживаетъ «вредное направленіе» или «систематическое извращеніе истины» и т. п. Любопытно, что такова-же была судьба предостереженій и у насъ. Первыя предостереженія были подробно и основательно мотивированы; лишь потомъ они стали такъ скупы на слова и доказательства. См., напр., первое предостереженіе, данное «Пет. Вѣд.» (Корша) въ ст. В. Богучарскаго «Изъ исторіи русской журналистики въ эпоху реформъ» («Бакинск. Извѣстія», 1903, № 171).

волъ администраціи и уничтожалъ даже тѣнь гарантій (необходимость судебнаго постановленія и т. п.), которая заключалась въ предыдущихъ параграфахъ; такъ, послѣдній параграфъ давалъ право правительству закрыть газету безо всякихъ основаній, простой ссылкой на то, что мѣра эта была принята «въ интересахъ общественной безопасности» (mesure de sûreté générale).

Чтобы исчерпать всѣ постановленія Органическаго декрета. отмѣтимъ, что залогъ и штемпельный сборъ были сохранены; что запрещено было печатать самостоятельные отчеты о засѣданіяхъ законодательнаго корпуса, о которыхъ дозволялось помѣщать лишь коротенькіе оффиціальные отчеты, составляемые секретарями послѣдняго; что о засѣданіяхъ сената дозволялось лишь перепечатывать статьи и замѣтки изъ правительственнаго «Moniteur»; что запрещено было печатать какіе бы то ни было отчеты о судебныхъ преніяхъ по дѣламъ о печати, по которымъ можно было помѣщать лишь одни приговоры, и т. д.

Но законы, имѣющіе болѣе или менѣе политическій характеръ, можно въ достаточной степени оцѣнить лишь въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ они примѣняются на практикѣ; тѣмъ болѣе это вѣрно по отношенію къ такому политическому par excellence закону, какъ законъ о печати. Съ этой точки зрѣнія, пріобрѣтаетъ интересъ циркуляръ министра полиціи (извѣстнаго Мопа) отъ 30 марта 1852 года, въ которомъ интерпретировался «духъ закона» и объявлялись намѣренія правительства. «Дѣйствуя такимъ образомъ,—заявлялъ министръ полиціи,—правительство дало удовлетвореніе требованіямъ честныхъ людей и оно обнаружило строгость лишь по отношенію къ тѣмъ, кто желаетъ превратить прессу въ орудіе для разрушенія общественнаго строя. Общественное мнѣніе было ему благодарно за то, что оно не отступило предъ трудностями задачи и что оно стало выше традицій и предразсудковъ ложнаго либерализма... Вы будете помнить, что администрація измѣнила-бы тѣмъ интересамъ, которые поставлены подъ ея охрану, если бы она обнаруживала снисходительность и мягкость, которыхъ не было ни въ мысли, ни въ намѣреніи законодателя. Считаю лишнимъ больше настаивать на этомъ».

И дѣйствительно, «настаивать» больше не нужно было. Центральная власть въ столицѣ, префекты въ провинціи не «обнаруживали» ни малѣйшей «снисходительности» или «мягкости»,—и черезъ нѣсколько лѣтъ одинъ безпристрастный англійскій органъ могъ слѣдующимъ образомъ характеризовать положеніе французскаго общества вообще и литературы—въ частности: «На всей поверхности земного шара нѣтъ ничего подобнаго тому деспотизму, который тяготѣетъ надъ Франціей, и тому униженію, въ которое погружена эта страна. Права народа находятся подъ каблуками Наполеона, имя котораго—синонимъ угнетенія и тираніи... Литературные таланты преслѣдуются, какъ преступленіе; умы заключены въ оковы. Никто не смѣетъ разинуть ротъ на улицѣ, въ обществѣ, въ прессѣ...» [1])

Разумѣется, этотъ диктаторскій режимъ убилъ большинство политическихъ газетъ, и въ столицѣ вскорѣ осталось только 11 органовъ, которые, по направленію своему, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1 оффиціальный, 3 оффиціозныхъ, 1 клерикально-правительственный, 3 монархическихъ, 1 умѣренно-оппозиціонный («Journal des Débats»), два демократическихъ («La Presse» и «Le Siècle»). Что касается оффиціальной и оффиціозной печати, то, по свидѣтельству самихъ ея вождей (см., напр., «Souvenirs du second Empire» Гранье де Кассаньяка), она составлялась почти подъ диктовку приближенныхъ Наполеона, и дѣятели ея были настолько довольны своимъ положеніемъ, что восхваляли режимъ, какъ самый лучшій и свободный. Для этой печати предварительная цензура практиковалась, слѣдовательно, въ самомъ худшемъ видѣ своемъ. Но предварительная цензура существовала въ дѣйствительности и для оппозиціонной печати, даже самой умѣренной, несмотря на то, что система предостереженій была придумана Руэромъ именно для того, чтобы не нужно было прибѣгнуть къ формальному возстановленію ненавистной всѣмъ предварительной цензуры. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу одинъ изъ тогдашнихъ сотрудниковъ «Journal des Débats»: Нужно просмотрѣть коллекцію («Journal des Débats») за эту

[1]) Цитировано въ упомянутой выше статьѣ Писарева («Сочиненія», т. II, стр. 479).

эпоху, чтобы видѣть, въ какомъ положеніи мы находились. Газеты, не находившіяся на сторонѣ новой власти, должны были довольствоваться печатаніемъ оффиціальныхъ воззваній, декретовъ и оффиціальныхъ протоколовъ. Онѣ обязаны были каждый вечеръ посылать въ министерство внутреннихъ дѣлъ корректуру завтрашняго номера. Это была предварительная цензура во всемъ своемъ блескѣ. И вотъ, мы стали разсуждать объ иностранной политикѣ, о чужихъ дѣлахъ. Потомъ мы изобрѣли маленькій ежедневный бюллетень, безобидное резюмэ текущихъ новостей,—мелкая рыбешка, которая стала крупной къ тому времени, когда мы снова могли заговорить человѣческимъ языкомъ [1]).

Какъ примѣнялись драконовскія постановленія Органическаго декрета въ первую половину царствованія Наполеона—разсказываетъ подробно Леонъ Вентэнъ (Vingtain) въ своей книгѣ «La liberté de la presse» [2]). Предостереженія, пріостановки и даже закрытія сыпались на газеты по самымъ неожиданнымъ поводамъ. Въ теченіе, напр., четырнадцати мѣсяцевъ пребыванія Мопа въ должности министра полиціи было дано газетамъ *девяносто одно* предостереженіе, несмотря на фактическое существованіе предварительной цензуры и на строгое цензированіе газетъ ихъ отвѣтственными редакторами, а также и собственниками газетъ и содержателями типографій, въ которыхъ онѣ печатались, потому что и тѣмъ, и другимъ грозилъ огромный матеріальный ущербъ. Предостереженія давались и по политическимъ причинамъ, — за то, напр., что Наполеонъ I былъ названъ «миссіонеромъ революціи» (хотя въ свое время самъ онъ гордился этимъ названіемъ); но нерѣдко случалось, что та или другая газета получала предостереженіе за несовсѣмъ лестный отзывъ о талантахъ какой-нибудь звѣзды балета; одна газета получила даже предостереженіе за «вольныя мысли» по вопросу о химическихъ удобреніяхъ («Journal de Loudéac» въ департаментѣ Côtes-du-Nord), а другая за не менѣе опасное вольнодумство по такому важ-

[1]) Le livre du Centenaire du «Journal des Débats» (статья Джона Лемуана).

[2]) Цитировано у Авенеля «Histoire de la presse française», p. 491 и слѣд.

ному государственному вопросу, какъ распредѣленіе пастбищъ на Корсикѣ (L'Observateur de la Corse), ибо—сказано было въ текстѣ предостереженія—«эта полемика можетъ вызвать недовольство въ одномъ классѣ гражданъ».

Другимъ средствомъ противъ вольнодумства газетъ, средствомъ, которымъ правительство пользовалось очень часто, были такъ называемыя оффиціальныя сообщенія («communiqués»). Эти сообщенія должны были печататься впереди другихъ статей, при чемъ редакціи не имѣли права ничѣмъ отмѣчать, что это есть оффиціальное сообщеніе, а не ихъ собственныя статьи, даже если въ этихъ «сообщеніяхъ» развивались взгляды, которые рѣзко противорѣчили собственнымъ взглядамъ редакціи.

Положеніе печати временно еще болѣе ухудшилось послѣ покушенія Орсини (1858). Даже такъ называемая оппозиціонная пресса стала пресмыкаться. Одинъ только «Journal des Débats» хранилъ полное молчаніе, за что правительственная печать объявила его соумышленникомъ итальянскаго патріота. Реакція чувствовала себя настолько господиномъ положенія, что стала придумывать самые дикіе планы. Такъ, одни предлагали приводить къ спеціальной политической присягѣ всѣхъ редакторовъ, собственниковъ и жерановъ періодическихъ органовъ печати; другіе опасались даже такихъ «присяжныхъ журналистовъ» и потому требовали *закрытія всѣхъ газетъ*, за исключеніемъ одного только правительственнаго «Moniteur». Правительство, однако, такъ далеко не пошло, но, все-таки, воспользовалось случаемъ, чтобы закрыть нѣсколько непріятныхъ ему газетъ; въ длинномъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ, предшествовавшемъ декрету о закрытіи и служившемъ какъ-бы мотивировкой послѣдняго, можно было найти только одну фразу, которую можно было-бы признать нѣкоторой причиной этой жестокой мѣры: «это будетъ предостереженіемъ для другихъ»—заявлялъ министръ [1]).

Такъ какъ политика столь усердно преслѣдовалась въ печати, то, естественно, постепенно стала создаваться такъ называемая «литературная» пресса, въ которой литературой занимались, впрочемъ, очень мало, зато много мѣста удѣлялось

---

[1]) H. Avenel, op. cit., p. 497.

сплетнямъ, скабрезнымъ анекдотамъ и пр. «То было время расцвѣта «хроники», то фривольной, то скандальной, то подслушивающей за дверьми, то прокрадывающейся въ переднія и даже въ будуары, чтобы потомъ удовлетворять извращенное любопытство своихъ читателей». Этого рода «пресса» пользовалась особой симпатіей правительства, которое освободило ее отъ всякой цензуры, какъ и отъ штемпельнаго сбора, благодаря чему она могла широко распространяться по всей странѣ. И если такимъ газетамъ приходилось иногда имѣть дѣло съ правосудіемъ, то отнюдь не за политическое вольнодумство, а за слишкомъ откровенное описаніе нравовъ свѣтскаго и придворнаго общества второй имперіи. Вкусамъ и запросамъ этого то общества и отвѣчала подобная пресса, которую «необходимо было читать, чтобы быть au courant того, что говорилось и дѣлалось въ элегантныхъ салонахъ, чтобы знать, какіе новые костюмы появлялись въ Булонскомъ лѣсу, что происходило на сенсаціонныхъ premières въ театрахъ, на придворныхъ балахъ, на охотахъ въ Компьень и въ Фонтэнебло»...

* * *

Небывалый промышленный расцвѣтъ 50-хъ годовъ, успѣхи Наполеона въ области международной политики, продолжающееся недовѣріе другъ къ другу различныхъ партій, послѣдовательно павшихъ въ періодъ, предшествовавшій государственному перевороту,—все это придавало имперіи видъ прочнаго режима, которому, казалось, долго не могло угрожать никакой опасности. Вся крупная и средняя буржуазія, довольная блестящимъ расцвѣтомъ промышленности и торговли, приписывала это не кому иному, какъ Наполеону, которому она, сверхъ того, была признательна и за то, что онъ спасъ ее отъ надвигавшагося за февральской революціей кошмара; довольна была и значительная часть мелкой буржуазіи, въ особенности въ столицѣ, потому что «шелъ commerce», потому что въ Парижѣ празднества смѣнялись празднествами, отчего «commerce» шелъ еще лучше. Рабочіе получали хорошую заработную плату и, кромѣ того, относились съ полнымъ недовѣріемъ къ радикаламъ и республиканцамъ, которые въ страшные іюньскіе дни отдали ихъ въ жертву реакціи. Въ оппози-

ціи оставались, такимъ образомъ, небольшія группы республиканцевъ—съ одной стороны, легитимистовъ и орлеанистовъ—съ другой, группы, наиболѣе дѣятельные члены которыхъ находились за-границей или въ ссылкѣ, или подъ тѣснымъ надзоромъ полиціи, лишенные массы, лишенные послѣдователей, а потому способные въ лучшемъ случаѣ лишь на заговоры, которые одинъ за другимъ легко раскрывались полиціей.

Но вотъ начался хлопчатобумажный кризисъ, промышленный расцвѣтъ замѣнился «заминкой», «commerce» пересталъ «итти», стало расти число безработныхъ рабочихъ,—и всеобщее довольство смѣнилось всеобщимъ недовольствомъ, сперва глухимъ и смутнымъ, а потомъ все болѣе рѣзкимъ и сознательнымъ. Противъ Наполеона еще не было опредѣленной политической силы, но многіе симптомы заставляли думать, что сознаніе такой силы—вопросъ близкаго будущаго. Императоръ понялъ, что лучше заблаговременно сдѣлать нѣкоторыя уступки возникающей оппозиціи, но у деспотическихъ режимовъ въ такихъ случаяхъ именно на уступки не хватаетъ ни силы, ни умѣнья,—имъ кажется, что уступками они обнаружатъ малодушіе и безсиліе, между тѣмъ какъ опытъ показываетъ, что, наоборотъ, лишь увѣренная въ себѣ власть въ состояніи дѣлать своевременныя и необходимыя уступки «духу времени», выражающемуся въ требованіяхъ оппозиціи.

Такъ было и въ этотъ разъ съ правительствомъ Наполеона III. Разрѣшивъ сенату и законодательному корпусу вотировать ежегодно адресъ въ отвѣтъ на тронную рѣчь императора и постановивъ, что отнынѣ въ «Journal Officiel» будутъ печататься стенографическіе отчеты засѣданій обѣихъ палатъ (при чемъ частнымъ газетамъ разрѣшалось только либо воспроизводить цѣликомъ стенографическій отчетъ, либо печатать оффиціальные протоколы, составляемые подъ руководствомъ президентовъ обѣихъ палатъ), что̀ представляло собою первый шагъ къ возстановленію парламентскаго режима, Наполеонъ исчерпалъ всѣ «либеральныя усилія», на которыя онъ сейчасъ былъ способенъ. Разумѣется, эти ничтожныя подачки никого удовлетворить не могли. Въ законодательномъ корпусѣ постепенно образовалась «третья партія»,—между правой, сторонницей status quo, и непримиримой лѣвой, требовавшей рес-

публики,—которая все настойчивѣе требовала ряда либеральныхъ реформъ. Рабочій классъ, который, подъ вліяніемъ продолжавшагося промышленнаго кризиса, все болѣе волновался и организовывался—пока еще только на почвѣ чисто-профессіональныхъ требованій,—постепенно примирялся съ радикалами и буржуазными республиканцами, что обнаружилось въ цѣломъ рядѣ уличныхъ демонстрацій, на которыхъ выступали рядомъ учащаяся молодежь, рабочіе и нѣкоторые дѣятели 40-хъ и 50-хъ годовъ. Это примиреніе сказалось въ особенности на выборахъ 1863 г., когда въ Парижѣ прошелъ весь листъ оппозиціи, а въ провинціи избрано было около 45 депутатовъ «третьей партіи». Въ прессѣ стали слышаться независимые голоса, не робѣвшіе, несмотря на жестокія преслѣдованія. Во всемъ видно было, что власть начинаетъ теряться, а оппозиція становится все прочнѣе, все рѣшительнѣе, и, несмотря на это, правительство не могло не разрѣшать новыхъ оппозиціонныхъ газетъ, въ то же время всячески преслѣдуя существующія.

Но я пишу не политическую исторію второй имперіи, и потому не буду останавливаться на подробностяхъ загорѣвшейся борьбы. Извѣстно, что Наполеонъ, все болѣе теряя почву подъ ногами, рѣшилъ сдѣлать имперію «конституціонной» и «либеральной». Первымъ шагомъ его въ этомъ смыслѣ былъ его извѣстный манифестъ отъ 19 января 1867 года, въ которомъ онъ, среди другихъ обѣщаній, заявилъ, что необходимо «уничтожить дискреціонную власть правительства» въ области печати, изъять печать изъ-подъ административныхъ воздѣйствій и передать разсмотрѣніе всѣхъ правонарушеній въ области печати трибуналамъ исправительной полиціи. Итакъ, то, что считалось проявленіемъ крайней реакціи во время обѣихъ реставрацій и іюльской монархіи, служило торжественнымъ предзнаменованіемъ либерализма въ концѣ второй имперіи! [1]).

[1]) Насколько «независимы» были судьи трибуналовъ исправительной полиціи, видно изъ того (оглашеннаго во время дебатовъ въ законодательномъ корпусѣ) факта, что предсѣдатели 6-й камеры, въ которой разбирались дѣла о печати, почти всегда получали повышеніе черезъ годъ послѣ своего назначенія на постъ предсѣда-

Но даже и эта ничтожная реформа встрѣтила жестокую оппозицію среди депутатовъ правой, которые желали показать себя plus impérialistes que l'empereur lui-même, и понадобилось полтора года, чтобы обѣщаніе Наполеона было осуществлено въ формѣ дѣйствующаго закона (1-го іюля 1868 г.). А между тѣмъ новый законъ, въ сущности, сохранялъ въ силѣ весь прежній режимъ печати, измѣнивъ его лишь въ двухъ—правда, довольно существенныхъ—пунктахъ: отмѣнялось предварительное разрѣшеніе правительства на созданіе новыхъ политическихъ органовъ и вводился судъ исправительной полиціи въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ раньше распоряжался административный произволъ.

Главнымъ нововведеніемъ была, конечно, отмѣна предварительнаго разрѣшенія, которою оппозиція широко воспользовалась: менѣе, чѣмъ за годъ послѣ изданія новаго закона создано было въ одномъ только Парижѣ *сто сорокъ* новыхъ газетъ. Но зато и правительство жестоко примѣняло къ оппозиціонной печати всѣ предписанія закона: въ теченіе семи лишь мѣсяцевъ послѣ его изданія трибуналы исправительной полиціи вынесли газетамъ 64 обвинительныхъ приговора въ общей сложности на 66 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и свыше 120.000 франковъ штрафа.

Среди вновь созданныхъ газетъ особенно громкой извѣстностью пользовалась «La Lanterne» Анри Рошфора. Это была, въ сущности, не газета и не журналъ, а рядъ злыхъ памфлетовъ, въ которыхъ высмѣивались не только министры и власть имущіе, но и самъ императоръ. Были газеты, составлявшіяся несравненно болѣе талантливо и содержательно, были и революціонные памфлеты, болѣе талантливые, проникнутые куда

теля. Это было доказано по отношенію къ 6-ти предсѣдателямъ, назначеннымъ съ 1859 по 1865 годъ. Не мало услугъ предсѣдатели должны были оказывать правительству, которое такъ щедро вознаграждало ихъ. Поэтому оппозиція требовала, чтобы предсѣдатели 6-й камеры назначались по жребію, а не по выбору правительства.—Достоенъ быть отмѣченнымъ тотъ фактъ, что на слѣдующій день послѣ переворота 4 сентября (сверженіе имперіи и провозглашеніе республики) предсѣдатель 6-й камеры, грова оппозиціонной прессы, Дельво (Delesvaux) покончилъ самоубійствомъ, боясь справедливой мести республиканцевъ.

болѣе глубокимъ пониманіемъ политическаго положенія и требованій момента, но одни издавались за-границею и проникали въ страну въ небольшомъ числѣ, а другія говорили эзоповскимъ языкомъ и лишь въ исключительныхъ случаяхъ позволяли себѣ аттаковать того или другого приближеннаго императора. Рошфоръ же дерзалъ и, борясь самъ съ режимомъ, показывалъ всѣмъ, что съ нимъ бороться можно, что люди уже борются. И маленькій красный журнальчикъ, не блиставшій особенно ни формой, ни содержаніемъ, до того переполненный одними лишь мелкими анекдотами, что въ настоящее время скучно прочесть подрядъ двѣ его страницы, въ то время, по свидѣтельству историка, прямо измѣнилъ политическое положеніе: борьба стала открытой, рѣзкой, прямой. Извѣстно, что, послѣ нѣсколькихъ номеровъ, Рошфоръ былъ приговоренъ къ 13 мѣсяцамъ тюремнаго заключенія и 10.000 фр. штрафа. Рошфоръ бѣжалъ въ Бельгію, гдѣ продолжалъ издавать свои еженедѣльные памфлеты, которые пользовались такимъ огромнымъ успѣхомъ среди всѣхъ слоевъ населенія, что тайная перевозка ихъ въ страну и тайное распространеніе стало весьма прибыльнымъ дѣломъ.

Жестокую борьбу съ правительствомъ вели также «L'Electeur», въ которомъ работали, главнымъ образомъ, Жюль Фавръ и Жюль Ферри; «Le Réveil» Делькլюза, Ранка и др.; «Le Rappel» Виктора Гюго, его сыновей и ближайшихъ друзей и, наконецъ, «La Marseillaise» послѣ возвращенія Рошфора и избранія его депутатомъ. Разумѣется, правительство усиливало жестокости, но и тонъ оппозиціонной прессы становился все болѣе рѣзкимъ и рѣшительнымъ, при чемъ отъ явно-революціонной печати иногда не отставали и болѣе умѣренные органы, какъ «Le Temps», «Le Siècle», «Le Journal de Paris» и др. Такъ было, напр., въ извѣстномъ дѣлѣ съ подпиской на памятникъ убитому на баррикадѣ во время государственнаго переворота Луи-Бонапарта, Бодену.

Но своего апогея борьба печати противъ бонапартовскаго режима достигла послѣ предательскаго убійства Пьеромъ Бонапартомъ присланнаго къ нему секундантомъ молодого журналиста, Виктора Нуара. На слѣдующій день послѣ этого убійства въ «Marseillaise» появилась, за подписью Анри Рошфора.

замѣтка-воззваніе, въ которой, между прочимъ, было сказано: «Я имѣлъ слабость думать, что какой-нибудь Бонапартъ можетъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ какъ убійцей. Я смѣлъ воображать, что лойяльная дуэль возможна въ этой семьѣ, въ которой убійство и западня въ традиціи и обычаѣ... Вотъ уже восемнадцать лѣтъ, какъ Франція находится въ окровавленныхъ рукахъ этихъ бандитовъ... Французскій народъ, неужели же ты въ самомъ дѣлѣ не находишь, что пора положить этому конецъ?» Правительство стало, понятно, еще болѣе преслѣдовать журналистовъ. Не только Рошфоръ, но и всѣ сотрудники его газеты были арестованы, одинъ за другимъ, послѣ чего сама газета прекратила свое существованіе; другія газеты конфисковывались съ перваго же своего номера; тюрьма Сентъ-Пелажи, въ которой обыкновенно содержались журналисты и политическіе преступники, была переполнена; процессы смѣнялись процессами, въ особенности въ теченіе февраля, марта, апрѣля и мая 1870 года...

«Когда отношенія между правительствомъ и прессой,— говоритъ по этому поводу историкъ второй имперіи, Таксиль Делоръ [1],—доходятъ до такого положенія, что критика вырождается въ провокацію, а законное возмездіе превращается въ жестокое преслѣдованіе, почти всегда происходитъ такъ, что пресса крѣпнетъ въ борьбѣ, между тѣмъ какъ правительство, какъ бы оно ни было сильно, слабѣетъ. Впрочемъ, газеты доходятъ до такой степени рѣзкости, какую можно было видѣть въ концѣ имперіи, лишь тогда, когда ихъ подталкиваетъ политическое положеніе страны».

Послѣднюю крупную услугу оказала печать въ дѣлѣ борьбы съ режимомъ Бонапарта во время плебисцита 1870 г. Хотя Наполеонъ получилъ огромное число голосовъ, но именно благодаря энергичной агитаціи, въ которой пресса принимала живое участіе, императорскій режимъ не получилъ той моральной поддержки, которую онъ ожидалъ отъ плебисцита. И онъ ринулся въ военную авантюру, которая привела къ революціи 4 сентября, заслуженно названной нѣкоторыми историками «революціей презрѣнія» (Révolution du mépris)...

[1]) Taxile Delord, «Histoire du second Empire», VI, p. 43 (цит. у Авенеля, op. cit., p. 592).

VII.

Обойдемъ періодъ войны съ Пруссіей и гражданской войны и перейдемъ къ третьей республикѣ. Не то, чтобы эти періоды не представляли никакого интереса съ точки зрѣнія историческаго развитія французской періодической печати. Наоборотъ, съ этой точки зрѣнія, оба эти періода, а въ особенности періодъ коммуны, представляютъ матеріалъ интересный и поучительный. Но размѣры нашего очерка заставляютъ ограничить нашъ историческій обзоръ почти исключительно исторіей законодательства въ области печати и исторіей борьбы за освобожденіе печати отъ тяжелыхъ путъ цензуры. Съ этой-же спеціальной точки зрѣнія, время внѣшней и внутренней гражданской войны было скудно сколько-нибудь интересными событіями. Какъ только объявлена была война, министерство пожелало воспользоваться исключительнымъ положеніемъ, чтобы укрѣпить свою власть надъ печатью, но удары, посыпавшіеся на него со стороны непріятельской арміи, заставили его растеряться. Положеніе «правительства національной защиты» было настолько непрочно въ осажденномъ пруссаками Парижѣ, что у него не было силы бороться съ печатью,— и послѣдняя во время его «правленія» пользовалась неограниченной свободой [1]). Положеніе рѣзко измѣнилось, когда разразилась гражданская война: острое столкновеніе интересовъ, жестокая борьба между враждебными сторонами, естественно, заставляли обѣ стороны безпощадно преслѣдовать враждебную печать и даже закрывать всѣ оппозиціонныя газеты.

Еще до окончанія гражданской войны Національное собраніе голосовало (15 и 22 апрѣля 1871 г.) законы, которые отчасти воспроизводили извѣстное намъ уже законодательство 1819 и 1849 гг. и вновь передавали правонарушенія въ области печати вѣдѣнію суда присяжныхъ засѣдателей. Интересно отмѣтить, что защитниками суда присяжныхъ въ дѣлахъ о печати выступили теперь, мы увидимъ ниже почему, край-

---

[1]) Декретомъ отъ 10 октября 1870 г. правительство національной защиты отмѣнило залогъ съ политическихъ періодическихъ органовъ.

ніе монархисты, и ихъ докладчикъ, герцогъ Брольи (Broglie), будущій министръ-президентъ, произнесъ по этому поводу одну изъ лучшихъ рѣчей въ защиту предложенія правительства. «Главный аргументъ тотъ, что всякое преслѣдованіе правонарушеній въ области печати, чтобы быть цѣлесообразнымъ, должно быть заранѣе продиктовано или, по крайней мѣрѣ, post factum ратифицировано общественнымъ мнѣніемъ. Мы испытали во Франціи всѣ системы въ области печати. И что-же? Всѣ эти системы, милостивые государи, были успѣшны или безуспѣшны въ зависимости отъ того, пользовались-ли онѣ сочувствіемъ общественнаго мнѣнія или, наоборотъ, встрѣчали съ его стороны противодѣйствіе.—Всѣ системы, даже полная безнаказанность, были полезны и успѣшны, когда общественное мнѣніе, пробужденное общественной опасностью и формированное долгимъ политическимъ воспитаніемъ, само умѣло расправляться съ уклоненіями печати своимъ негодованіемъ или пренебреженіемъ. Наоборотъ, все, даже цензура, оказывалось безуспѣшнымъ, разъ общественное мнѣніе становилось сообщникомъ писателя, само пополняло то, что онъ обходилъ молчаніемъ, объясняло его намеки, толковало его эзоповскую рѣчь, словомъ—разъ оно помогало мысли пробивать себѣ путь черезъ всѣ препятствія, которыя законъ хотѣлъ ей ставить».

Трудно, съ правительственной точки зрѣнія, сильнѣе аргументировать необходимость полной свободы печати, чѣмъ это сдѣлалъ герцогъ Брольи въ цитированной рѣчи, которую можно назвать какъ-бы выводомъ изъ всей бурной исторіи французской печати, исторіи столь богатой всевозможными ограниченіями и преслѣдованіями, оказывавшимися, по убѣжденію бывшихъ ихъ сторонниковъ, ненужными, безполезными и, главное, нецѣлесообразными.

Но такова уже иронія исторіи—(которую мы могли-бы нѣсколько разъ отмѣтить и раньше): Брольи и его партія выступили ярыми защитниками свободы печати, — въ пользу которой они приводили самые сильные аргументы, какіе только можно привести, — лишь потому, что эта свобода, казалось имъ, лучше всего соотвѣтствуетъ временнымъ интересамъ ихъ партіи. Они думали (гражданская война, повторяемъ, тогда

еще не была кончена), что свободой печати воспользуются прежде всего сторонники крайнихъ теченій и что это настолько устрашитъ имущіе классы, что они бросятся въ объятія реакціи—и республика будетъ легко замѣнена монархіей. Но расчеты монархической партіи оказались ошибочными: несмотря на нѣкоторую свободу печати (или, можетъ быть, благодаря ей), страна на всѣхъ выборахъ—муниципальныхъ, департаментскихъ и законодательныхъ—отдавала предпочтеніе республиканцамъ, а присяжные засѣдатели, на судъ которыхъ отдавали республиканскія газеты, неизмѣнно выносили имъ оправдательные вердикты.

Тогда монархисты сразу и рѣзко измѣнили фронтъ и замѣнили «законность» произволомъ, что имъ тѣмъ легче было сдѣлать, что Парижъ и большинство департаментовъ были еще на военномъ положеніи, которое давало правительству право пріостанавливать и даже совсѣмъ прекращать изданія, которыя по той или другой причинѣ были ему непріятны. Скоро «новый курсъ» проявился и въ области законодательства: закономъ 6-го іюля 1871 года возстановленъ залогъ съ періодическихъ органовъ, при чемъ онъ сталъ обязательнымъ даже и для неполитическихъ изданій, выходящихъ чаще одного раза въ недѣлю; а закономъ 4—16 сентября того-же года установленъ былъ, сверхъ пошлины на производство всякаго рода бумаги, спеціальный вѣсовой (въ 20 фр. со 100 килограммовъ) налогъ на бумагу, употребляемую для вносящихъ залогъ періодическихъ изданій.

Парижъ потопленъ былъ въ рѣкахъ крови. Версальцы торжествовали и исподволь подготовляли монархическую реставрацію. Печать преслѣдовалась и монархистами, находившимися у власти, и военными начальниками, терроризировавшими всю страну военными судами, безпощадно посылавшими на эшафотъ и въ ссылку тысячи и тысячи людей,—печать преслѣдовалась и на основаніи дѣйствовавшихъ законовъ, и на основаніи административнаго произвола, который узаконивался все еще продолжавшимся военнымъ положеніемъ. За какую-нибудь статейку противъ засѣдавшаго въ Версалѣ военнаго суда редакторъ-издатель газеты «La Cloche» приговаривается, напр., къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ штрафу

въ 6.000 фр. Этотъ режимъ былъ такъ невыносимо тяжелъ, что въ Національномъ собраніи то и дѣло вносились предложенія о снятіи военнаго положенія; но монархическое большинство, которое никакъ не могло согласиться относительно способа возстановленія монархіи, дѣйствовало какъ одинъ человѣкъ, когда дѣло шло о подавленіи свободы—и предложеженія республиканцевъ неизмѣнно проваливались.

Жестокости военныхъ судовъ вызывали повсюду глубокое негодованіе, но еще болѣе глубокое негодованіе вызывала избранная Національнымъ собраніемъ «комиссія помилованій», по рѣшенію которой, послѣ долгихъ недѣль ожиданій, казнили, между прочимъ, генерала коммуны, Росселя, и его товарищей, а въ Марселѣ—блестящаго писателя и адвоката, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ, Гастона Кремьё. Даже привыкшая къ молчанію и терроризованная административнымъ произволомъ провинціальная печать не сдержалась и въ рядѣ статей оцѣнила по достоинству дѣйствія «комиссіи помилованій», которую одинъ депутатъ назвалъ въ самомъ Національномъ собраніи «комиссіей убійцъ». Правительство, испросивъ разрѣшенія собранія, привлекло къ отвѣтственности 11 провинціальныхъ газетъ. Всѣ онѣ черезъ нѣсколько недѣль были оправданы присяжными засѣдателями. Газеты смѣло выражали общественное мнѣніе—и судъ общественнаго мнѣнія поддерживалъ ихъ въ борьбѣ съ произволомъ.

Извѣстна борьба, загорѣвшаяся затѣмъ между стремившейся всѣми средствами и все-же не бывшей въ силахъ возстановить монархію реакціонной партіей и республиканцами, борьба, длившаяся вплоть до 1879 г. Періодическая печать, въ качествѣ объекта преслѣдованій и фактора общественно-политической борьбы, играла въ теченіе всего этого періода выдающуюся роль. Самое начало періода воинственной реакціи ознаменовалось разсылкой циркуляра, оглашеніе котораго на трибунѣ Національнаго собранія (Гамбеттою) вызвало немедленную отставку ея автора. Въ этомъ циркулярѣ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ (отъ имени министра) просилъ префектовъ прислать ему подробный отчетъ о финансовомъ положеніи всѣхъ газетъ и о томъ, во что бы каждая изъ нихъ «оцѣнила милостивое содѣйствіе администраціи»; сверхъ того,

предлагалось создать рядъ матеріальныхъ и моральныхъ привилегій для тѣхъ органовъ печати, которые откажутся отъ «систематической оппозиціи» и согласятся содѣйствовать режиму «24 мая».

Подкупъ, открытый и болѣе или менѣе замаскированный— съ одной стороны, и постоянныя жестокія преслѣдованія—съ другой, — этимъ исчерпывалась вся политика реакціи по отношенію къ печати за весь интересующій насъ періодъ. Въ особенности терпѣла провинціальная печать. Еще Поль-Луи Курье говорилъ: «il n'y a de lois qu'à Paris». И дѣйствительно, если въ столицѣ правительство сдерживало себя, потому что тамъ каждое беззаконіе могло стать предметомъ запроса въ парламентѣ, то въ провинціи администрація дѣйствовала безъ всякихъ стѣсненій: въ департаментахъ, еще находившихся на военномъ положеніи, она закрывала газеты, въ другихъ она, въ явно ложное и произвольное толкованіе закона 1849 г. (пунктъ, регулировавшій продажу на улицахъ книгъ, а не газетъ), воспрещала публичную продажу газетъ. Въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ правительство совсѣмъ закрыло, такимъ образомъ, пять газетъ, а 14-ти запретило розничную продажу на улицахъ. А когда республиканская оппозиція требовала снятія военнаго положенія въ 29-ти департаментахъ, въ которыхъ (да и во всей странѣ) уже не было ни одного непріятельскаго солдата, правительство ничего, въ сущности, не отвѣтило, но военнаго положенія не снимало.

Оно явно желало сохранить исключительный режимъ военнаго положенія до тѣхъ поръ, пока между реакціоннымъ большинствомъ Національнаго собранія и графомъ Шамборомъ состоится соглашеніе [1]). Для правительства, стоявшаго во главѣ республики, вопросъ о вступленіи Шамбора на французскій престолъ былъ до такой степени рѣшенный вопросъ, что его агенты въ цѣломъ рядѣ городовъ, въ томъ числѣ даже и въ Парижѣ, совсѣмъ закрывали газеты или запрещали ихъ розничную продажу на улицахъ за статьи, въ которыхъ под-

[1]) Какъ извѣстно, графъ Шамборъ желалъ возстановленія почти абсолютной монархіи съ бѣлымъ знаменемъ, между тѣмъ какъ огромное число монархистовъ требовало конституціонной монархіи съ трехцвѣтнымъ знаменемъ.

вергалась критикѣ личность претендента [1]). И рядомъ съ этимъ—вся реакціонная печать могла безнаказанно призывать каждый день къ кровавымъ расправамъ съ республиканцами, къ насильственному ниспроверженію республиканскаго режима; дѣло доходило даже до того, что въ этой печати открыто порицали президента республики Макъ-Магона, когда тѣ или другіе его поступки заставляли думать, что онъ самъ не будетъ прямо содѣйствовать подготовлявшемуся государственному перевороту. Разумѣется, такой произволъ возможенъ былъ при диктаторской власти, которую военное положеніе давало въ руки стоявшимъ на сторонѣ монархистовъ генераламъ,—и правительство неизмѣнно отвергало все чаще и чаще вносившіяся республиканцами предложенія о снятіи военнаго положенія.

Наконецъ, передъ самымъ своимъ распущеніемъ Національное собраніе голосовало новый законъ о печати, въ отмѣну исключительнаго режима осаднаго положенія, законъ 29 декабря 1875 г. Весь законъ составленъ былъ съ вполнѣ опредѣленной цѣлью. Предстояли всеобщіе выборы, отъ которыхъ въ значительной степени зависѣла будущая форма правленія страны, хотя незадолго до того принятая конституція установила республиканскую форму. И вотъ, реакціонное правительство, опираясь на реакціонное большинство Національнаго собранія, провело такой законъ о печати, который далъ бы ему возможность проявлять больше произвола во время избирательной кампаніи. Главныя статьи новаго закона имѣли цѣлью отнять у суда присяжныхъ и передать трибуналамъ исправительной полиціи всѣ дѣла, которыя такъ или иначе касались избирательной борьбы. Въ этомъ отношеніи Національное собраніе цѣликомъ отказывалось отъ основныхъ положеній, которыя

[1]) За 17 мѣсяцевъ, протекшихъ съ 24 мая 1873 г. до распущенія Національнаго собранія, 28 газетъ было совсѣмъ закрыто, 20 пріостановлено, 163 были лишены права розничной продажи на улицахъ. Изъ этихъ 211 правительственныхъ актовъ 191 были направлены противъ республиканскихъ органовъ. Даже въ теченіе 26 мѣсяцевъ президентства Тьера, которое, однако, тоже очень жестоко расправлялось съ печатью, на послѣднюю наложено было лишь 52 административныхъ взысканія (H. Avenel, «Histoire de la presse», p. 711).

оно-же провело въ изложенномъ въ началѣ этой главы законѣ 15 апрѣля 1871 г.,—что лишній разъ показываетъ намъ, въ какой мѣрѣ политическіе законы вообще и законы о печати въ частности являются лишь орудіемъ въ рукахъ господствующихъ партій противъ тѣхъ слоевъ населенія, представителями которыхъ являются партіи оппозиціонныя.

Законъ 29 декабря 1875 г. въ принципѣ устанавливалъ, правда, юрисдикцію суда присяжныхъ въ дѣлахъ о печати; но послѣ «принципіальнаго» параграфа слѣдовало цѣлыхъ восемь статей, въ которыхъ дѣлалось столько исключеній въ пользу трибуналовъ исправительной полиціи, что, въ концѣ концовъ, самъ «принципъ», по остроумному замѣчанію одного историка, являлся не больше, какъ исключеніемъ; трибуналамъ исправительной полиціи отданы были даже дѣла о диффамаціи чиновниковъ, между тѣмъ какъ со времени 1819 г. всѣ законы устанавливали въ такихъ дѣлахъ юрисдикцію присяжныхъ засѣдателей, и только вторая имперія, въ періодъ наиболѣе циничнаго своего деспотизма, позволила себѣ возстановить трибуналы исправительной полиціи въ дѣлахъ о диффамаціи чиновниковъ. Либеральнымъ нововведеніемъ закона былъ пунктъ III, запретившій правительству и его агентамъ (префектамъ) продолжать незаконно лишать права розничной продажи на улицахъ непріятные имъ органы печати.

Французской печати, до окончательнаго ея освобожденія, пришлось пережить еще одинъ періодъ беззаконій и жестокихъ изслѣдованій, періодъ «16 мая», когда реакція, видя, что республика пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все больше сторонниковъ въ странѣ, распустила палату, назначила новые выборы, открыла эру произвола и насилія, но все-же не могла найти въ себѣ ни силы, ни рѣшимости совершить полный государственный переворотъ. И теперь, какъ во время Національнаго собранія, реакція, однородная и единодушная, когда дѣло касалось преслѣдованія республиканцевъ, распадалась на нѣсколько непримиримыхъ частей, какъ только отъ отрицанія существующаго хотѣли перейти къ соглашенію относительно того строя, который долженъ былъ замѣнить республику. И безсильная выдвинуть какую-нибудь общую положительную программу, реакція вымѣщала свою безсильную злобу на демо-

кратическихъ партіяхъ. А послѣднія, выдвигая различные общественные идеалы, рѣзко борясь другъ съ другомъ въ области соціальныхъ вопросовъ, выступали, какъ одинъ человѣкъ, противъ общаго врага—воинствующей реакціи. Печать, къ чести ея, и въ этомъ отношеніи вѣрно отражала общественное мнѣніе. Начиная съ «Kapel» (крайне радикальный органъ), продолжая «République Française» (оппортунистскій органъ Гамбетты и его ближайшихъ сторонниковъ) и кончая «Journal des Débats» (органъ крупной буржуазіи, вчера еще монархическаго лѣваго центра)—вся республиканская печать стала сплошной стѣной противъ врага, оставивъ на время свою постоянную полемику. Даже принципіально-враждебная всей буржуазной печати соціалистическая пресса, даже «Lanterne», органъ такого неспособнаго къ дисциплинѣ человѣка какъ Рошфоръ, не отставали отъ всей печати, хотя при этомъ и отграничивали рѣзко свои партіи отъ буржуазныхъ. И республиканскія партіи побѣдили.

До какой степени безумствовала въ это время реакція, можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что за 3¹/₂ мѣсяца (съ 16 мая по 2 сентября) журналисты привлекались къ судебной отвѣтственности 85 разъ, а когда, послѣ побѣды надъ реакціею, палата вотировала амнистію по политическимъ преступленіямъ, совершеннымъ въ періодъ «16 мая» (т.-е. съ 16 мая по 14 декабря 1877 г.), то, несмотря на рядъ сокращеній и измѣненій, сдѣланныхъ реакціоннымъ сенатомъ, оказалось, что амнистія была примѣнена къ 2.700 приговорамъ, произнесеннымъ въ теченіе указаннаго времени, приговорамъ, изъ которыхъ 846 заключали тюремное заключеніе на разные сроки, а сумма штрафовъ достигала 321.000 фр. (не считая уже уплаченныхъ, такъ какъ на нихъ, по постановленію сената, съ которымъ, въ концѣ концовъ, вынуждена была согласиться и палата депутатовъ, амнистія не распространялась).

* * *

Монархическая реакція была, наконецъ, окончательно сокрушена. Республика восторжествовала. Однимъ изъ первыхъ ея начинаній въ области законодательства было рѣшеніе кодифицировать всѣ законы о печати, разсѣянные въ самыхъ раз-

личныхъ законодательныхъ актахъ [1]), въ одномъ законѣ, который окончательно освятилъ-бы полную свободу печати. Эта подготовительная работа длилась почти три года и закончилась изданіемъ закона 29 іюля 1881 г.; который одинъ историкъ справедливо называетъ «настоящимъ памятникомъ въ честь свободы печати» и который, съ нѣкоторыми измѣненіями, до настоящаго времени регулируетъ положеніе печати во Франціи. Мы изложимъ здѣсь главныя статьи этого закона, относящіяся къ періодической печати.

Основой закона 29 іюля является полное устраненіе всякихъ предварительныхъ мѣропріятій, такъ или иначе ограничивающихъ публичное выраженіе мнѣнія въ какой угодно формѣ (за исключеніемъ театральной сцены, которая регулируется особыми правилами) — въ формѣ-ли книги, газеты, журнала, афиши, гравюры и пр., и пр. Законъ лишь регулируетъ, нисколько не ограничивая ея, эту свободу выраженія и сообщенія обществу своего мнѣнія.

Регламентація типографскаго дѣла и книгоиздательства занимаетъ всего 4 коротенькихъ параграфа и можетъ быть резюмирована въ нѣсколькихъ словахъ: Типографское дѣло и книгоиздательство свободны; на каждой, выпущенной въ свѣтъ печатной вещи должны быть помѣчены имя и мѣстожительство типографа; два экземпляра ея должны быть представлены для національныхъ коллекцій.

Нѣсколько сложнѣе глава, касающаяся спеціально періодической печати, но и она состоитъ всего изъ десятка необыкновенно ясно и точно составленныхъ статей. «Всякая газета или другое періодическое изданіе могутъ быть издаваемы безъ предварительнаго разрѣшенія и безъ всякаго залога, послѣ заявленія, предписываемаго ст. 7-й»,—сказано въ 1-мъ параграфѣ этой главы (1-й парагр., ст. 5). А эта 7-ая ст. пред-

[1]) Докладчикъ (въ палатѣ депутатовъ) законопроекта, ставшаг потомъ закономъ 29 іюля 1881 г., говоритъ, что до изданія послѣдняго французское законодательство о печати состояло изъ 42 законовъ, декретовъ и ордоннансовъ самаго различнаго происхожденія, съ взаимно другъ друга исключающими постановленіями, такъ что даже опытные юристы часто не могли съ увѣренностью сказать, отмѣненъ-ли данный законъ или ордоннансъ, или-же находится еще въ силѣ.

писываетъ, что передъ тѣмъ, какъ приступить къ изданію газеты, издатель долженъ представить прокурору республики заявленіе, въ которомъ должны быть указаны: названіе газеты, срокъ ея выхода, имя и адресъ типографа, имя и адресъ жерана [1]), который обязательно долженъ быть въ каждой газетѣ. Если мы прибавимъ къ этому, что при выпускѣ каждаго номера газеты или другого періодическаго изданія должны быть представлены два подписанные жераномъ экземпляра прокурору республики и въ министерство внутреннихъ дѣлъ (въ провинціи и въ городахъ, гдѣ нѣтъ прокуроровъ, — въ мѣстную мерію), то мы исчерпаемъ всѣ формальности, которыя должны быть соблюдены лицомъ или группою лицъ, желающихъ создать органъ, чтобы высказывать свои мнѣнія о какихъ имъ угодно вопросахъ текущей жизни и сообщать эти мнѣнія своимъ согражданамъ, при чемъ никто не имѣетъ права ставить имъ въ этомъ отношеніи какія бы то ни было препятствія. Но предоставляя такую широкую свободу публицистамъ, законъ обязанъ оградить интересы гражданъ, которые при этомъ могутъ страдать. Поэтому каждое лицо, названное или указанное въ данной газетѣ, имѣетъ право отвѣтить, и редакція обязана напечатать его отвѣтъ не позже, чѣмъ черезъ три дня на томъ же мѣстѣ и тѣмъ-же шрифтомъ, гдѣ и какимъ напечатана была вызвавшая его статья. Редакція также обязана напечатать во главѣ изданія, въ ближайшемъ номерѣ, поправку всякаго агента публичной власти по поводу дѣйствій по его

---

[1]) Жеранъ (gérant) обыкновенно не принимаетъ никакого участія въ редактированіи газеты; часто это даже не литераторъ. Но онъ является отвѣтственнымъ предъ судомъ за всѣ правонарушенія; допущенныя въ газетѣ. Жеранъ и авторъ — вотъ единственныя лица, отвѣчающія предъ закономъ. Редакторъ-же газеты (rédacteur en chef) и ея политическій руководитель (directeur politique), являющійся обыкновенно главнымъ лицомъ въ газетѣ, не несутъ никакой судебной отвѣтственности. Жерану часто приходится отсиживать за статьи (въ особенности за статьи диффамаціоннаго характера, потому что за другія статьи крайне рѣдко привлекають къ отвѣтственности), которыхъ онъ до ихъ появленія въ газетѣ даже не видѣлъ. Поэтому его называютъ «редакторомъ для отсидки»,—терминъ, имѣющійся, кажется, на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

должности, эта поправка не можетъ превышать двойного размѣра статьи, на которую она отвѣчаетъ.

Переходя къ карательной сторонѣ закона 29 іюля 1881 г., необходимо отмѣтить прежде всего, какъ самое важное его нововведеніе, что для французскаго законодателя совершенно не существуетъ «преступныхъ мнѣній», т.-е. именно того, на почвѣ чего могутъ создаваться такъ называемые «procés de tendance». Французскій законъ не караетъ такъ называемыхъ «нападокъ» на основы государственнаго строя: на конституцію, на принципъ народнаго суверенитета, на всеобщее избирательное право; онъ не караетъ «нападокъ» на существующіе законы, на свободу религіи, на семью, на собственность; онъ не знаетъ преступленія, называемаго «возбужденіемъ къ ненависти и къ презрѣнію правительства» или «оскорбленіемъ публичной или религіозной морали». Когда обсуждались соотвѣтствующія статьи закона, нѣкоторые республиканцы требовали, чтобы законъ каралъ всякое нападеніе на принципъ республики и ея основы; республика, говорили они, не можетъ позволить, чтобъ ее могли безнаказанно оскорблять; она имѣетъ право жить и, слѣдовательно, имѣетъ право заставить уважать себя; разрѣшеніемъ нападать на республику и оскорблять ее подготовятъ лишь ея паденіе и т. д. Побѣда досталась противникамъ этихъ опасеній, среди которыхъ первое мѣсто занимали Мадье де Монжо и Клемансо. «Республика—возражали они—можетъ жить только свободой [1]) и должна научиться вѣрить въ свои силы. Въ странѣ, которая дѣйствительно хочетъ сама управлять собою, право критики и обсужденія дѣйствій правительства должно быть полнымъ и ненарушимымъ. Конечно, было-бы желательно, чтобы республику нельзя было оскорблять. Но такъ какъ нѣтъ никакой возможности точно опредѣлить, когда критика становится оскорбительной, указать, гдѣ кончается обсужденіе и гдѣ начинается нападеніе, то приходится по необходимости установить или безнаказанность оскорбленія или правительственный произволъ. Еще старикъ Ройе-Колларъ сказалъ, что въ области законодательства о

[1]) Много свѣдѣній о подготовительныхъ парламентскихъ работахъ къ закону 29 іюля 1881 г. можно найти у Georges Barbier, «Code expliqué de la presse», 2 тома.

печати «нѣтъ выхода между слѣдующими двумя положеніями: безнаказанность и произволъ». Монархическое правительство можетъ выбрать произволъ, но правительство республиканское должно высказаться за безнаказанность... Впрочемъ, правительству, основанному на всеобщемъ избирательномъ правѣ, нечего опасаться этой безнаказанности, — оно, прежде всего, должно полагаться на общественное мнѣніе, которое, конечно, лучше всего отомститъ за наносимыя ему оскорбленія. Къ тому-же, развѣ опытъ не показалъ, что карательные законы никогда не были въ состояніи спасти правительства, которыя не были достаточно сильны, чтобы допускать всякую критику и презирать всякія оскорбленія; а карательные законы не были бы ли еще болѣе гибельны для республики, чѣмъ для всякаго другого правительства?» — И къ чести французскаго законодателя 1881 г. нужно отмѣтить, что между произволомъ и безнаказанностью онъ предпочелъ выбрать послѣднее [1]).

И теперь, послѣ двадцатилѣтней практики неограниченной свободы критики, «нападеній», «оскорбленій» и пр. — приходится ли сожалѣть объ этомъ рѣшеніи законодателя? На этотъ вопросъ необходимо, безъ всякаго колебанія, отвѣтить отрицательно. Что касается положительной стороны, положительнаго вліянія неограниченной свободы печати, то врядъ-ли есть какая-нибудь надобность въ настоящее время доказывать, что въ этомъ отношеніи режимъ 1881 г. оказалъ неисчислимыя услуги какъ государству въ цѣломъ, такъ и частнымъ интересамъ гражданъ; къ тому же, объ этомъ мы будемъ отчасти говорить въ послѣдней главѣ нашего очерка. Но близорукіе наблюдатели французской общественной жизни обыкновенно забываютъ положительное вліяніе неограниченной свободы критики и видятъ только тѣ злоупотребленія этой неограниченной свободой, образцы которыхъ каждый день приносятъ намъ «Libre Parole» Дрюмона, «L'Intransigeant» Рошфора, «L'Autorité» Кассаньяка и т. п. Да, конечно, извѣстная часть печати, все болѣе и болѣе принижаясь и приспособляясь къ грубымъ вкусамъ читателей, переходитъ легко отъ «нападеній» на учрежденія къ нападкамъ на личностей, ихъ представляющихъ,

---

1) См. Avenel, op. cit. 769, 770.

и съ теченіемъ времени «спеціализируется» именно на этомъ. Но развѣ кто-нибудь хоть на одну секунду повѣритъ «Intransigeant»' у Рошфора, когда онъ утверждаетъ, что Вальдекъ-Руссо давно продался Англіи или Германіи, что Камилль Пельтанъ поддѣлываетъ чужія подписи на векселяхъ, или Кассаньяку, когда онъ злобно заявляетъ, что «шлюху» («la gueuse»,—такъ Кассаньякъ неизмѣнно называетъ республику на своемъ галантномъ аристократическомъ языкѣ) держатъ въ своихъ рукахъ (т.-е. стоятъ во главѣ правительства) бѣглые каторжники, отцеубійцы, поджигатели и т. д., что Жюль Гедъ или Поль Лафоргъ закоренѣлые преступники, достойные висѣлицы, или шантажисту Дрюмону, когда онъ чернитъ и грязнитъ все, что попадается ему подъ руку?!... Нѣтъ, политически воспитанная публика знаетъ цѣну этимъ людямъ и ихъ «литературѣ», и если въ толпѣ находятся еще, къ сожалѣнію, легковѣрные люди, способные повѣрить какому-нибудь Жюде, Дрюмону, Рошфору, то только свободой можно бороться противъ такого злоупотребленія свободой, только свобода, по выраженію одного французскаго историка, можетъ залечивать раны, причиняемыя свободой. Здѣсь какъ нельзя болѣе вѣрно приведенное выше положеніе Ройе-Коллара: законодательство въ области печати должно выбирать между безнаказанностью и произволомъ. Попробуйте заставить замолчать какимъ-нибудь закономъ перечисленныхъ выше «журналистовъ»,—и другіе, пользуясь вашимъ закономъ, зажмутъ ротъ убѣжденнымъ писателямъ, для которыхъ публицистика есть служеніе обществу. Но зачѣмъ же,—можетъ спросить читатель, — позволять такимъ борзописцамъ клеветать? Конечно, очень легко было бы привлечь къ отвѣтственности и добиться осужденія Рошфора или Дрюмона, когда они заявляютъ, напр., что Вальдекъ-Руссо продался Англіи за сто тысячъ франковъ или что Камилль Пельтанъ торгуетъ фальшивыми векселями, но это значило бы унижать себя и унижать республиканское правительство, а главное—это значило бы создавать прецедентъ, которымъ другое, болѣе реакціонное правительство будетъ пользоваться для преслѣдованія своихъ политическихъ враговъ. И во Франціи настолько считаются съ послѣднимъ соображеніемъ, что присяжные засѣдатели лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ

выносятъ обвинительные вердикты привлекаемымъ правительствомъ къ суду журналистамъ. Поэтому и правительства рѣшаются на судебное преслѣдованіе лишь крайне рѣдко, когда оно вызывается политической необходимостью; они знають, что атмосфера судебныхъ преслѣдованій крайне неблагопріятна для ихъ собственнаго существованія, потому что ничто такъ не возбуждаетъ и такъ не раздражаетъ общественное мнѣніе, какъ частые политическіе процессы. Только свободой можно бороться съ злоупотребленіемъ свободой въ области печати,—въ этомъ опытъ исторіи одинаково убѣдилъ, кажется, всѣ политическія партіи во Франціи.

Вернемся, однако, къ закону 29 іюля 1881 г. Отмѣтимъ прежде всего ст. 23 (глава IV, § 1), по которой караются, какъ соучастники преступленія, тѣ, кто путемъ рѣчей въ публичныхъ собраніяхъ или путемъ публичнаго распространенія письменныхъ или печатныхъ произведеній прямо призывалъ виновника указаннаго преступленія (убійство, грабежъ или преступленіе противъ безопасности государства) къ его совершенію и если этотъ призывъ вызвалъ его совершеніе; въ такой же мѣрѣ карается виновный, если призывъ не возымѣлъ своего дѣйствія. Карается также оскорбленіе иностранныхъ государей, ихъ дипломатическихъ представителей, президента республики, диффамація и оскорбленіе частныхъ лицъ и пр.

Если прибавимъ, что съ этого момента каждый гражданинъ могъ стать публичнымъ продавцомъ или разносчикомъ газетъ, сдѣлавъ о томъ простое заявленіе въ префектурѣ или въ меріи, то мы исчерпаемъ всѣ главныя предписанія этого важнѣйшаго законодательнаго акта начала третьей республики.

* * *

Быть можетъ, лучшимъ доказательствомъ цѣлесообразности закона 29 іюля 1881 г. служитъ то, что ни формально, ни—особенно—на практикѣ онъ почти не подвергался измѣненіямъ за все время своего существованія, а за это время Франціи пришлось пережить рядъ острыхъ общественно-политическихъ столкновеній (буланжизмъ, дѣло Дрейфуса и пр.), сопровождавшихся значительной перегруппировкой общественно-поли-

тическихъ силъ (разрывъ между радикалами и оппортунистами, сближеніе послѣднихъ съ клерикально-монархической партіей, сближеніе радикаловъ съ появлявшейся на политической аренѣ новой партіей—соціалистической), когда смѣнявшія другъ друга министерства могли, въ пылу борьбы, пожелать измѣнить законъ о печати, чтобы, подобно прежнимъ режимамъ, сдѣлать ее орудіемъ господства и преслѣдованія враждебныхъ направленій.

Измѣненія, которыя были внесены въ законъ 29 іюля, въ сущности, имѣли мало отношенія къ печати въ собственномъ смыслѣ слова, а поскольку они такое отношеніе дѣйствительно имѣли, они почти не примѣнялись, ибо примѣненія ихъ (въ особенности во время пребыванія у власти реакціоннаго министерства Мелина) всегда крайне враждебно встрѣчались общественнымъ мнѣніемъ. Что же касается многочисленныхъ предложеній объ ограниченіи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ собственно свободы печати, предложеній, которыя почти каждый годъ вносились реакціонерами то въ палатѣ депутатовъ, то въ сенатѣ,—то парламентъ принципіально отвергалъ ихъ, иногда даже не желая входить въ ихъ обсужденіе по существу.

Первое измѣненіе, внесенное въ законъ 1881 г., было направлено противъ порнографической печати. Особенное развитіе получила эта спеціальная «пресса» во время второй имперіи, которая, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, спеціально къ ней благоволила. Удешевленіе бумаги и усовершенствованіе типографской техники дало еще бо́льшій толчекъ развитію порнографическихъ газетъ. Появились предприниматели, для которыхъ эта спеціальная пресса́ стала чрезвычайно выгоднымъ дѣломъ. Особенный урожай былъ на неё въ 1880 году, когда чуть не каждый мѣсяцъ возникали все новыя и новыя «иллюстрированныя» изданія, спеціальная откровенность которыхъ стала переходить всякія границы. Несмотря на то, что французы излишней pruderie никогда не грѣшили, прокурорскій надзоръ, по жалобамъ многихъ читателей, рѣшилъ привлекать такія «газеты» къ судебной отвѣтственности. Нѣкоторыя изъ нихъ были въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ осуждены по 6—8 разъ. Въ общемъ, за 4—5 мѣсяцевъ «фабриканты порнографическихъ газетъ» были при-

говорены почти къ десятилѣтнему тюремному заключенію и къ уплатѣ свыше 10.000 фр. штрафа. Но зато, по расчету Авенеля, они въ этой «кампаніи» «заработали» свыше *трехсотъ тысячъ франковъ*, съ которыми они и уѣхали за границу, чтобы избавиться отъ тюрьмы и штрафовъ.

Законодатель 1881 г. позабылъ подчинить достаточно строгой регламентаціи эту своеобразную печать, и едва только этотъ законъ былъ опубликованъ, какъ посыпался новый дождь порнографическихъ изданій. Тогда министръ юстиціи предложилъ выдѣлить изъ спеціальнаго закона 1881 г. такъ называемыя «оскорбленія добрыхъ нравовъ», въ какой-бы формѣ они ни были произведены, и подвергнуть ихъ дѣйствію общаго уголовнаго права. Парламентъ, однако, отказался сдѣлать, вслѣдъ за министромъ, такое обобщеніе, которое могло стѣснить свободу печати, и остановился на слѣдующемъ рѣшеніи: оставивъ въ компетенціи закона о печати «оскорбленія добрымъ нравамъ», производимыя путемъ книгъ, афишъ, рисунковъ, гравюръ, живописи и изображеній, онъ подвергъ дѣйствію общаго уголовнаго права такія «оскорбленія», производимыя *всякимъ другимъ путемъ*. Истинная литература и истинное искусство, такимъ образомъ, нисколько не стѣснены (законъ 1881 г. даетъ имъ въ этомъ отношеніи достаточно гарантій), а фабриканты порнографическихъ изданій выдѣляются изъ семьи литераторовъ и художниковъ и караются, какъ уголовные преступники.

Въ теченіе послѣдующихъ десяти лѣтъ (указанный сейчасъ законъ изданъ былъ 2 августа 1882 г.) парламентъ неизмѣнно отвергалъ всѣ предложенія, клонившіяся къ измѣненію режима печати. [1]) Понадобилось возрожденіе анархизма,

[1]) Наиболѣе сильная аттака на этотъ режимъ произведена была во время буланжизма, когда Жозефъ Рейнакъ, игравшій впослѣдствіи такую видную роль въ дѣлѣ Дрейфуса, предложилъ совсѣмъ отмѣнить законъ 1881 г. и подвергнуть печать дѣйствію общаго права, слегка смягчивъ и приспособивъ для этой спеціальной цѣли соотвѣтствующія статьи уголовнаго кодекса. Въ палатѣ депутатовъ это предложеніе никогда даже не обсуждалось, но за то въ сенатѣ было сдѣлано почти аналогичное предложеніе Бартомъ. Сенатъ, послѣ долгой и ожесточенной борьбы, принялъ его, подвергнувъ его значительнымъ измѣненіямъ, но оно было отвергнуто палатой депутатовъ.

въ началѣ 90-хъ гг. ознаменовавшееся рядомъ безсмысленно-жестокихъ преступленій (вплоть до взрывовъ въ частныхъ домахъ, въ ресторанахъ, переполненныхъ пришедшей отдохнуть и развлечься публикой)—съ одной стороны, и воцареніе реакціи, вызванной разрывомъ между радикалами и оппортунистами и сближеніемъ послѣднихъ съ монархистами — съ другой, чтобы палата депутатовъ согласилась измѣнить въ нѣкоторыхъ пунктахъ режимъ печати. Я говорю о законахъ 12 декабря 1893 г. и особенно—28 іюля 1894 г., извѣстныхъ подъ названіемъ «разбойничьихъ законовъ» («lois scélérates»). Уже самое названіе ихъ показываетъ, что законы эти встрѣтили и въ парламентѣ и въ странѣ ожесточенную оппозицію. И дѣйствительно, тогда всѣ думали, что воцарявшаяся реакція желаетъ, подъ предлогомъ борьбы съ анархизмомъ, держать въ своихъ рукахъ всю оппозиціонную печать и уничтожить, такимъ образомъ, главное орудіе общественнаго контроля надъ нимъ. Быть можетъ или, лучше сказать, весьма вѣроятно, что она прекрасно знала, что возстановитъ этимъ противъ себя все общественное мнѣніе и сдѣлаетъ невозможнымъ самое существованіе свое.

Въ общемъ, новые законы, направленные, по смыслу своего текста, противъ анархистовъ, даютъ право правительству въ нѣкоторыхъ случаяхъ подвергать привлекаемыхъ къ суду журналистовъ предварительному заключенію, подвергать предварительной конфискаціи инкриминируемыя произведенія печати и, сверхъ того, усиливаютъ наказанія за извѣстныя преступленія.

Но—повторяемъ—«разбойничьи законы», можно сказать, совсѣмъ не примѣняются на практикѣ: за десять лѣтъ ихъ существованія они были *частью* примѣнены всего 2—3 раза, да и то въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Неограниченная свобода печати вошла въ число тѣхъ учрежденій во Франціи, которыя не оспариваются больше даже реакціей, необходимость которыхъ сознается всей массой народной, и поэтому всякая попытка ограничить эту свободу встрѣтила-бы единодушный отпоръ всего населенія, ибо, говоря словами Чернышевскаго, «если публика многочисленна и проникнута живыми стремленіями, нѣтъ въ мірѣ силы, которая могла бы

остановить развитіе печати [1]), нѣтъ затрудненій, которыя не были бы побѣждены требованіями общества». И—думается намъ—въ этихъ словахъ русскаго писателя заключается главный выводъ, который можно сдѣлать изъ разсказанной на предыдущихъ страницахъ исторіи французскаго законодательства о печати.

VIII.

Когда въ 1849 году былъ возстановленъ залогъ съ періодическихъ политическихъ изданій и созданъ былъ для нихъ рядъ другихъ фискальныхъ затрудненій, въ числѣ другихъ газетъ должна была прекратить свое многострадальное существованіе и газета Ламеннэ, и знаменитый аббатъ-борецъ простился со своими читателями въ страстной статьѣ, которую закончилъ слѣдующими горькими словами: «Въ настоящее время нужно золото, нужно много золота, чтобы издавать газету. Silence aux pauvres!»

Во многомъ-ли измѣнилось положеніе теперь, черезъ полстолѣтія, когда съ газетъ сняты всѣ административныя и всѣ фискальныя путы? Каждый гражданинъ и каждая группа гражданъ имѣютъ неотъемлемое право создавать трибуны, съ которыхъ они могутъ ежедневно говорить свободно обо всѣхъ явленіяхъ политической, общественной, культурной и научной жизни своей родины и всего міра. Въ состояніи-ли дѣйствительно всѣ граждане въ одинаковой мѣрѣ пользоваться этимъ правомъ, добытымъ, какъ мы видѣли, столь продолжительной и упорной борьбою, каждый шагъ которой связанъ былъ съ неисчислимыми жертвами? Какую роль играетъ пресса теперь, когда она формально совершенно свободна?

Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы прежде всего должны прослѣдить хотя-бы главные моменты нѣкоторыхъ другихъ сторонъ эволюціи французской періодической печати. Мы постараемся сдѣлать это возможно короче, потому что нашъ очеркъ и безъ того принялъ уже широкіе размѣры.

И прежде всего приходится отмѣтить техническую эволюцію прессы. Въ не разъ цитированной уже нами книгѣ, изданной

[1]) У Чернышевскаго сказано: литературы.

газетою «Journal des Débats» въ столѣтнюю годовщину ея существованія, помѣщены снимки нѣкоторыхъ номеровъ этой газеты въ первый періодъ ея изданія. Сравните одинъ изъ этихъ снимковъ съ первымъ попавшимся номеромъ «Journal des Débats» современной намъ эпохи, — и передъ вами развернется постепенно вся картина техническихъ измѣненій, произошедшихъ въ газетномъ дѣлѣ. Небольшое изданіе въ 4 страницы in 4⁰ почти обыкновеннаго листа плохой писчей бумаги; скверная печать; коротенькій отчетъ о послѣднемъ засѣданіи Національнаго собранія; нѣсколько послѣднихъ новостей политическаго характера; запоздалыя (на нѣсколько дней, если не на цѣлую недѣлю) свѣдѣнія о важныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ провинціи; скудныя и прямо смутныя извѣстія изъ двухъ-трехъ городовъ крупныхъ сосѣднихъ странъ о томъ, что тамъ происходило двѣ и три недѣли тому назадъ,— вотъ физіономія «Journal des Débats» 1791 или 1792 года. Для изданія такой «газеты» нужны были одинъ, много два сотрудника, маленькая типографія и очень небольшія средства. Не то въ настоящее время. Огромный номеръ современнаго «Journal des Débats», въ которомъ имѣются подробныя телеграммы о событіяхъ, происходившихъ нѣсколько часовъ тому назадъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ земного шара, въ которомъ можно найти самыя разнообразныя статьи и замѣтки о самыхъ разнообразныхъ вопросахъ политики, общественной жизни, науки, литературы, искусства, промышленности, финансовъ,—этотъ огромный номеръ требуетъ для своего составленія самой обширной и сложной организаціи разнообразныхъ и технически подготовленныхъ силъ, требуетъ огромныхъ средствъ [1]).

---

[1]) Сравненіе будетъ еще болѣе характернымъ, если рядомъ съ «Journal des Débats» конца 18-го ст. поставить, напр., наиболѣе распространенныя въ настоящее время газеты во Франціи, «Le Petit Journal» и «Le Petit Parisien». Вотъ нѣкоторыя данныя, дающія представленіе о размѣрахъ предпріятія «Petit Journal». Въ типографіи этой газеты работаетъ 50 наборщиковъ, набирающихъ статьи для шести ежедневныхъ, различныхъ другъ отъ друга, изданій этой газеты. Для печатанія этихъ изданій (въ количествѣ свыше 1.000.000 экземпляровъ) изготовляется каждый день 300 клише, для которыхъ употребляется свыше 7.000 килограммовъ металла. Типо-

Въ 90-хъ годахъ 18-го столѣтія, если не каждый гражданинъ, то каждая группа гражданъ, желавшихъ оказывать то или другое вліяніе на общественное мнѣніе своей родины, были въ состояніи приступить къ осуществленію своего желанія. Техника газетнаго дѣла была такъ мало развита, что даже очень скромное въ матеріальномъ отношеніи изданіе не могло особенно опасаться конкурренціи других изданій. Въ началѣ 20-го вѣка та-же группа лицъ формально имѣетъ тоже право повести изданіе, съ цѣлью оказывать вліяніе на общественное мнѣніе своей страны, но осуществить это вліяніе она фактически можетъ лишь въ томъ случаѣ, если поставитъ свое предпріятіе на ту техническую высоту, которой достигли его существующіе уже соперники. Дѣло въ томъ, что съ теченіемъ времени газета становится промышленнымъ предпріятіемъ, предметомъ спекуляціи, такимъ-же объектомъ купли-продажи, какъ и всякій другой товаръ. Какъ и другія промышленныя предпріятія, она постепенно расширяетъ свой рынокъ, усложняетъ свою технику. Подобно другимъ отраслямъ промышленности, и эта отрасль все болѣе и болѣе концентрируется въ рукахъ крупнаго капитала, который, среди другихъ привилегій, стремится, такимъ образомъ, монополизировать и привилегію формированія общественнаго мнѣнія. И этой метаморфозой обусловливаются, какъ мы увидимъ ниже, глубокія измѣненія въ соціально-политической роли періодической печати.

До начала 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія газета оставалась во Франціи лишь орудіемъ соціально-политическаго вліянія, чуждымъ всякаго промышленнаго характера. Каждая партія имѣла свою газету, во главѣ которой находился избранный партіею человѣкъ. Рѣдкая газета приносила прибыль, и издатели ея мало объ этомъ заботились. Въ газетахъ работали люди, которые хотѣли такимъ путемъ отстаивать свои взгляды

графія «Petit Journal» потребляетъ въ годъ свыше 14.000.000 килограммовъ бумаги и свыше 250.000 килограммовъ чернилъ. 65 рабочихъ заняты упаковкой экземпляровъ газеты для транспортировки ихъ за-границу и въ департаменты Франціи, гдѣ 18.000 агентовъ продаютъ ее даже въ самыхъ глухихъ селахъ и деревушкахъ. Предпріятіе «Petit Journal» оцѣниваютъ въ 60.000.000 франковъ.

и убѣжденія — политическіе, соціальные, научные, литературные и пр., и пр. Газетная дѣятельность была формой общественнаго служенія, которое иногда вело къ богатству и почестямъ (если авторъ защищалъ взгляды господствующей партіи), но чаще всего навлекало преслѣдованія, тюрьму, разореніе и пр. Газеты вѣрно отражали настроеніе своихъ партій, и каждая изъ нихъ, разъ она дѣйствительно представляла какое-нибудь живое общественное теченіе, имѣла свой органъ, даже когда законодательство затрудняло всякими фискальными мѣрами (залогъ, штемпельный сборъ, налогъ на бумагу, высокій почтовый тарифъ и пр.) созданіе газетъ, потому что сторонники всякаго новаго теченія охотно приносили тѣ жертвы, съ которыми связано было существованіе ихъ органа. Такой характеръ газетъ нисколько не мѣшалъ совершенствованію техники газетнаго дѣла; каждая партія, стремясь къ расширенію сферы своего вліянія, старалась дѣлать свою газету болѣе интересной, болѣе содержательной. Даже тѣ органы печати, которые составляли частную собственность (какъ «Journal des Débats», принадлежавшій семьѣ Бертеновъ), фактически являлись выразителями интересовъ какой-нибудь партіи и рѣдко останавливались даже передъ крупными жертвами, когда этого требовали интересы партіи: примѣромъ можетъ служить исторія того-же «Journal des Débats», который не разъ уплачивалъ огромные штрафы, отсидѣлъ, въ лицѣ своихъ сотрудниковъ, не мало лѣтъ въ тюрьмѣ, конфисковывался въ пользу правительства, пріостанавливался то на время, то совсѣмъ, потомъ снова возрождался и т. д. Въ своей бѣглой характеристикѣ газетъ того времени я нарочно привожу въ примѣръ «Journal des Débats», хотя могъ-бы ссылаться и на другія газеты: органъ Бертеновъ, какъ извѣстно, являлся выразителемъ интересовъ одной только крупной буржуазіи, мало склонной къ жертвамъ въ пользу своихъ соціально-политическихъ идеаловъ; но даже и этотъ органъ былъ только орудіемъ въ рукахъ данной партіи, чуждымъ характерныхъ чертъ промышленнаго предпріятія.

То былъ золотой вѣкъ періодической печати. Но то былъ и золотой вѣкъ крупной буржуазіи, которой ея политическій вождь бросилъ извѣстный лозунгъ: «Обогащайтесь!» Захватывая

своими щупальцами все, что могло служить къ «обогащенію», крупная буржуазія не могла оставить внѣ сферы своего вліянія и такое могучее орудіе, какое представляла собою періодическая печать. Она уже пользовалась ею, какъ факторомъ политическаго господства. Но этого было мало: нужно было ее самое превратить въ источникъ прибыли, сдѣлать ее предметомъ спекуляціи, объектомъ купли-продажи. Но и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, она оказалась неспособной самой придумать что-нибудь, — она въ состояніи была лишь эксплуатировать чужія идеи.

Настоящимъ реформаторомъ французской періодической печати, подготовившимъ почву для захвата ея капиталистами, явился талантливый журналистъ, Эмиль де-Жирарденъ. Человѣкъ самостоятельный, иниціативный, часто мѣнявшій свою политическую программу и не разъ переходившій изъ одного лагеря въ другой, Эмиль де-Жирарденъ хотѣлъ быть единоличнымъ главою своей газеты и не подчиняться ни одной изъ существующихъ партій [1]). Для этого прежде всего необходимо было, чтобы газета ни отъ кого въ матеріальномъ отношеніи не зависѣла и вполнѣ сама себя окупала. Вѣрнѣе всего можно было достигнуть этого путемъ увеличенія числа абонентовъ, а это, въ свою очередь, требовало сильнаго сокращенія подписной платы, которая тогда была непомѣрно высока (80 фр. въ годъ). Но при тогдашнихъ большихъ издержкахъ производства (залогъ, штемпельный сборъ, налогъ на бумагу и т. д.), можно было достигнуть сокращенія подписной платы лишь при томъ условіи, если газета найдетъ себѣ какой-нибудь другой источникъ дохода. И вотъ, Эмиль де-Жирарденъ рѣшилъ, въ подражаніе англійскимъ газетамъ, завести въ своей газетѣ. «La Presse», отдѣлъ коммерческихъ объявленій и понизить подписную плату съ 80 до 40 фр. въ годъ и въ то же время значительно повысить гонораръ сотрудникамъ. Въ рядѣ статей онъ доказывалъ практичность и выгодность своего плана, который большинствомъ публицистовъ осмѣивался, какъ несбыточный. Правымъ оказался Жирарденъ: черезъ три мѣсяца

[1]) См. Georges Fonsegrive, «Comment lire les journaux?», Paris, 1903, pp. 5—9. Ср. также G. Avenel, «Histoire de la presse française», pp. 364—370.

его газета насчитывала уже свыше 10.000 подписчиковъ, а черезъ годъ—свыше 20.000, и одинъ предприниматель взялъ объявленія «La Presse» въ откупъ за 150.000 фр. въ годъ. Всѣ газеты, за исключеніемъ одного лишь «Journal de Débats», который распространялся исключительно среди очень богатой публики, должны были послѣдовать примѣру Жирардена и понизить плату до 40 фр., возмѣщая убытки доходами съ объявленій [1]).

Газета стала промышленнымъ предпріятіемъ. Она стала приносить доходъ—и крупная буржуазія протянула, разумѣется, руки, чтобы себѣ его присвоить. Съ этого времени капиталисты начинаютъ все болѣе принимать участіе въ газетномъ издательствѣ. Сперва, впрочемъ, они эксплуатировали, главнымъ образомъ, объявленія.

Долгое время убѣжденные писатели не могли, однако, примириться съ этой новой ролью печати. Такъ, еще въ 1848 г., когда въ Національномъ собраніи обсуждался вопросъ о возстановленіи залога и нѣкоторые ораторы ссылались на то, что газета все болѣе и болѣе превращается въ прибыльное промышленное предпріятіе, Луи Бланъ говорилъ: «Нужно признать, милостивые государи, что за послѣдніе годы пресса, или часть ея, представляла собою печальное зрѣлище; мы видѣли, что нѣкоторыя газеты искали средствъ успѣха въ увеличеніи дани со всѣхъ отраслей промышленности, которыя дѣлаютъ себя извѣстными, уплачивая за это деньги; мы видѣли, что нѣкоторыя газеты становились какъ бы глашатаями спекуляціи. Мѣсто, которое должны занимать въ періодической прессѣ науки, философія, литература, искусства, все, что радуетъ сердца людей, что возвышаетъ мысль, захватывается лживыми возвѣщеніями и платными рекомендаціями. Это огромное зло».

---

[1]) Пониженіе подписной платы вызвало, разумѣется, большее распространеніе газетъ. По даннымъ Атена (Hatin, «Histoire de la presse»), штемпельный сборъ съ газетъ былъ уплаченъ въ 1828 г. за 28.000.000 листовъ; въ 1836 г. (когда подписная плата была понижена) число листовъ поднялось до 42 милліоновъ, а въ 1846 г.— до 80 милл. Число подписчиковъ газетъ поднялось въ одномъ только Парижѣ за тотъ же промежутокъ времени съ 70.000 до 200.000.

Но эволюція въ этомъ направленіи шла гигантскими шагами. Лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ этой рѣчи Луи Блана трудно было уже найти въ Парижѣ большую вліятельную газету, которая не только не была бы «глашатаемъ спекуляціи», но которая, сама по себѣ, не представляла бы предмета спекуляціи въ рукахъ того или другого предпринимателя. Если Эмиль де-Жирарденъ, писатель, все же имѣвшій убѣжденія, которыя онъ временами отстаивалъ даже цѣною жертвъ, считалъ возможнымъ брать плату за коммерческія объявленія, за содержаніе которыхъ онъ снималъ съ себя всякую отвѣтственность, то для капиталиста - предпринимателя, захватившаго мѣсто писателя, идеаломъ является такая газета, въ которой ни одна строчка, начиная съ «руководящей статьи» и «городскихъ происшествій» и кончая телеграммами, описаніями всякихъ празднествъ, художественной и литературной критикой, научной хроникой и пр., и пр., не была бы напечатана безъ соотвѣтствующей платы отъ заинтересованныхъ лицъ. Разсказываютъ, что извѣстный де Вилльмессанъ (Villemessant), основатель «Figaro», выйдя однажды изъ своего директорскаго кабинета въ общую редакціонную залу, торжественно заявилъ, потирая руки отъ удовольствія: «Сегодня мы выпустимъ лучшій номеръ за все время существованія нашей газеты: въ немъ нѣтъ ни одной неоплаченной строчки» [1])—неоплаченной заинтересованными лицами. И компетентные люди увѣряютъ, что этотъ «лучшій» номеръ «Figaro» былъ не единственнымъ.

«Возьмите, въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ уже цитированный нами Фонсгривъ, хорошо изучившій газетное дѣло во Франціи, въ своей любопытной книжкѣ «Какъ читать газеты?» [2]),— возьмите передовую статью такой газеты: это критическая статья объ одномъ романѣ—и подписана она: Альберъ Вольфъ [3])

---

[1]) Georges Fonsegrive, l. c., p. 12.

[2]) Ibid., p. 12, 13.

[3]) Извѣстный «хроникеръ», пользовавшійся большой извѣстностью во времена второй имперіи среди парижскихъ boulevardiers. Фонсгривъ называетъ давно умершаго писателя, чтобы избѣжать опасности быть привлеченнымъ къ суду исправительной полиціи, гдѣ обвиняемый лишенъ права представить доказательства. Но онъ могъ бы сослаться и на многихъ живущихъ первоклассныхъ «критиковъ». Одинъ мой пріятель и соотечественникъ, только что на-

или какъ-нибудь иначе. Она стоила автору или издателю романа по меньшей мѣрѣ 2000 франковъ, изъ которыхъ 1000 фр. попали въ карманъ Вольфа, а другая тысяча — въ кассу газеты. Вотъ échos (разныя замѣтки о «новостяхъ дня»), вотъ свѣтская хроника,—каждая вещь имѣетъ свой тарифъ: художники, музыканты, актеры, великосвѣтскія дамы и дамы низкаго свѣта, иностранцы сомнительной знатности и знатные господа, упомянутые въ газетѣ, всѣ внесли плату за честь увидѣть свои имена, напечатанныя въ большомъ органѣ. И не думайте, что можно платить только приглашеніями и другими любезностями,—это, само собою разумѣется, полагается для сотрудниковъ, но кассиръ требуетъ болѣе звонкой монеты. Вы читаете, напр., разсказъ о такой-то свадьбѣ или о такомъ-то обѣдѣ, описаніе туалетовъ съ именами цвѣточниковъ, ювелировъ и портныхъ: хозяйка дома уплатила за разсказъ, большинство тѣхъ, чьи имена вы читаете,—и цвѣточница, и ювелиръ, и портной,—всѣ или почти всѣ уплатили щедро и жирно. Даже и трауръ имѣетъ свой тарифъ, какъ и все остальное. Говорятъ лишь о тѣхъ мертвецахъ, которые платятъ... И не нужно жаловаться на сотрудниковъ, — они бы сами хотѣли дѣйствовать иначе,—но они вынуждены дѣлать то, для чего ихъ нанимаютъ, и не имѣютъ права давать даромъ то, изъ чего газета можетъ извлечь выгоду...»

«И не возмущайтесь—прибавляетъ буржуазный авторъ:— если вы платите 20 фр. за объявленіе на 4-й страницѣ, благодаря которому вы продаете на 100 фр. вашего товара, то почему отъ васъ не потребовать 1000 фр. за статью на первой страницѣ, благодаря которой вы продадите книгъ на

чавшій сотрудничать въ одной французской газетѣ, попробовалъ было написать очень хвалебную замѣтку о дѣйствительно интересной книгѣ одного своего знакомаго. Проходитъ нѣсколько дней,— замѣтка не появляется. Мой пріятель обращается къ редактору,— тотъ даетъ уклончивый отвѣтъ. Тогда онъ въ недоумѣніи обращается къ секретарю редакціи, съ которымъ былъ въ хорошихъ личныхъ отношеніяхъ, и получилъ слѣдующій, разъяснившій всѣ его недоумѣнія, отвѣтъ: «Эхъ вы, наивный новичокъ! Хотите вы, чтобы ваша замѣтка была напечатана? Скажите издателю вашего знакомаго, чтобы онъ предварительно побывалъ въ нашей кассѣ. Развѣ можно даромъ дѣлать такую рекламу?»

5.000 фр. и распродадите, можетъ быть, въ одинъ день все ваше изданіе?... Развѣ вы не должны выразить свою признательность критику, умному профессіональному человѣку, который рискуетъ своей репутаціей, расхваливая васъ, совершенно неизвѣстнаго писателя, который, быть можетъ, совершенно не оправдаетъ этихъ похвалъ? «*Дѣло прежде всего!*» [1]).

Платная реклама, однако, этимъ не ограничивается,—продолжаетъ дальше свои наблюденія нашъ компетентный авторъ. Она распространяется даже и на политическія газеты и въ вопросахъ, очень близко соприкасающихся съ политикой. «Ибо нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, почти ни одного политическаго вопроса, который такъ или иначе не отражался бы на промышленности и торговлѣ: законы о напиткахъ, о привилегіяхъ мелкаго домашняго винокуренія, о хлѣбной торговлѣ, о сахарномъ производствѣ, о таможенныхъ тарифахъ, о желѣзныхъ дорогахъ, объ организаціи труда, о вооруженіяхъ, о военномъ продовольствіи, о судостроительствѣ,—всѣ эти и многіе другіе законы связаны съ промышленностью и торговлей. Тѣмъ болѣе это вѣрно по отношенію къ финансовому законодательству, къ тѣмъ законамъ, которые разрѣшаютъ или организуютъ займы... Интересы коммерсантовъ, промышленниковъ и, въ особенности, финансистовъ тѣсно связаны съ этими законами. Въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ ихъ предписаній эти предприниматели могутъ нажить огромныя состоянія или совсѣмъ разориться; они, поэтому, приложатъ всѣ свои старанія, чтобы посредствомъ печати дѣйствовать на общественное мнѣніе, дабы законы заключали въ себѣ такіе пункты, какіе имъ выгодны. Затѣмъ, какъ только законы провотированы и акціи выпущены, финансисты играютъ на акціи частныхъ предпріятій, на государственныя бумаги. Чтобы дѣйствовать на общественное мнѣніе, чтобы вызывать, смотря по надобностямъ

---

[1]) Курсивъ всюду мой.—Одинъ журналистъ, де-Нуссанъ (de Noussanne) опубликовалъ въ «Revue hebdomadaire» очень интересныя статистическія данныя о мѣстѣ, занимаемомъ въ каждой изъ двадцати главныхъ парижскихъ газетъ открытою и замаскированною рекламою. По его вычисленіямъ, оказывается, что изъ средняго числа 63.900 строкъ въ день рекламѣ отводится 27.585 строкъ, т. е. 27,5% («Revue hebdomadaire» отъ 7 іюня 1902 г.).

ихъ спекуляціи, то повышеніе, то пониженіе этихъ бумагъ, они нуждаются въ поддержкѣ прессы—и они покупаютъ мнѣніе газетъ по этимъ различнымъ вопросамъ, какъ они покупаютъ коммерческія объявленія на 4-й страницѣ. Они платятъ, чтобы газеты говорили, они платятъ и для того, чтобы газеты молчали. Игорный домъ въ Монако платитъ всѣмъ крупнымъ газетамъ мѣсячное жалованье, чтобы онѣ замалчивали факты самоубійства, разореній и всякихъ драмъ, вызываемыхъ азартною игрою; онъ даетъ, сверхъ того, огромныя суммы, чтобы свѣтскія газеты отъ времени до времени расхваливали Ривьеру, гостинницы, театры, климатъ Монте-Карло. *Есть газеты, въ которыхъ даже самый извѣстный экономистъ не могъ бы напечатать статьи по какому-нибудь экономическому вопросу, если эта статья предварительно не принята была банкомъ, купившимъ въ этихъ газетахъ соотвѣтствующую рубрику* [1]). Желѣзныя дороги принадлежатъ въ нихъ такой-то фирмѣ или такому-то обществу, золотопромышленность — такому-то синдикату, сахарное производство—другому, алкоголь и хлѣбъ такому-то торговому дому, обществу или синдикату. *Нѣкогда газета связана была съ тѣмъ или другимъ политическимъ ученіемъ, съ той или другой партіей; теперь она принадлежитъ синдикату, пускаетъ въ ходъ или сама дѣлаетъ различныя дѣла...* Финансисты, подъ вліяніе которыхъ все болѣе и болѣе подпадаютъ вся торговля и всѣ промышленныя предпріятія, разумѣется, не преминули воспользоваться этимъ орудіемъ вліянія на общественное мнѣніе. Они не только покупаютъ рубрики въ газетахъ, — они покупаютъ и самыя газеты. Ни для кого не составляетъ тайны, что газеты, наиболѣе яро нападающія на капиталъ, какъ, напр., «La Fronde», «La Lanterne» и «La Petite République», составляютъ собственность капиталистовъ».

И Фонсгривъ дѣлаетъ слѣдующее энергичное заключеніе: «Такимъ образомъ, пресса является въ настоящее время рабою, хотя, повидимому, и пользуется самой обширной свободой».

---

[1]) Georges Fonsegrive, op. cit., pp. 12—18.

Въ такой энергичной и категорической формѣ выводъ Фонсгрива является, несомнѣнно, сильно преувеличеннымъ, потому что авторъ совершенно не принимаетъ во вниманіе, что противъ тѣхъ общественныхъ отношеній, которыя порождаютъ такое положеніе печати, ведется борьба, и силы, которыя эту борьбу ведутъ, создаютъ свою печать, постепенно, хотя и съ большимъ трудомъ, освобождающуюся отъ подчиненнаго положенія, картину котораго даетъ намъ Фонсгривъ.

Но пока, въ настоящее время, въ Парижѣ нѣтъ ни одной ежедневной газеты, которая не составляла-бы собственности капиталистовъ; даже и выходящія тамъ ежедневныя соціалистическія газеты—какъ, напр., «La Petite République»—принадлежатъ не рабочей партіи, органами которой онѣ являются, а капиталистамъ, и не капиталистамъ-идеологамъ, сочувствующимъ цѣлямъ рабочей партіи, а просто капиталистамъ, смотрящимъ на это, какъ на болѣе или менѣе выгодное «помѣщеніе» своего капитала. Но на газетной отрасли промышленности (если позволительно такъ выразиться) вы можете прослѣдить, какъ и на всякой другой отрасли французской промышленности, всѣ недостатки французскаго капитализма. Вы не увидите здѣсь колоссальныхъ американскихъ предпріятій, съ ихъ бѣшеными расходами, смѣлыми затѣями, съ ихъ предпріимчивыми корреспондентами и репортерами, съ ихъ безпрестаннымъ улучшеніемъ «техники производства»,—французъ не любитъ рисковать своимъ капиталомъ, онъ вкладываетъ въ предпріятіе лишь самую необходимую сумму, сводитъ свои издержки до минимума и ведетъ свое дѣло рутиннымъ способомъ, но зато, въ этихъ предѣлахъ, онъ не уступитъ ни одного средства, чтобы извлекать изъ своего предпріятія возможно больше барыша. Гдѣ, какъ не во Франціи, увидите вы, напр., слѣдующее явленіе? Въ Парижѣ существуютъ двѣ газетки съ огромнымъ тиражемъ: «Le Petit Journal» (1.000,000 экземпляровъ) и «Le Petit Parisien» (500.000 экз.). Обѣ эти газетки, въ особенности первая, во всѣхъ отношеніяхъ дрянныя: скудость фактическихъ извѣстій, литературныя бездарности, безталанные политическіе хроникеры. Правда, онѣ ловко умѣютъ завлекать публику бульварными романами, но какая парижская, какая вообще французская газета не

пользуется этимъ отвратительнымъ средствомъ для увеличенія своей розничной продажи? Стало быть, не въ этомъ секретъ ихъ успѣха, который скорѣе объясняется, съ одной стороны, привычкой публики, а съ другой — умѣлой постановкой дѣла сбыта товара: въ 9 час. вечера завтрашній нумеръ спеціальнаго провинціальнаго изданія этихъ газетъ готовъ и немедленно же посылается во всѣ концы Франціи и, такимъ образомъ, появляется въ продажѣ задолго до прибытія другихъ газетъ. Казалось бы, что такія газетки, приносящія большіе барыши своимъ собственникамъ, должны бы были вызвать сильную конкурренцію. А между тѣмъ ни «Petit Journal», ни «Petit Parisien» до сихъ поръ не имѣютъ ни одного серьезнаго конкуррента, — и долго еще «Petit Journal», который раньше былъ совершенно безцвѣтной газеткой, а въ послѣдніе годы всецѣло перешелъ на сторону реакціи, будетъ разносить во всѣ концы Франціи свой смертоносный ядъ клерикализма и шарлатанскаго шовинизма, принося гг. Маринони и Жюдэ сотни тысячъ годового дохода, и не найдется ни одного капиталиста, который рискнулъ бы объявить имъ войну просто потому, что для такой конкурренціи нужно было бы оставить рутину и создать новую форму газеты и новыя средства борьбы.

Такое положеніе вещей естественно вызвало и особые способы изготовленія «газетныхъ издѣлій». Оставимъ пока въ сторонѣ полдюжины болѣе или менѣе крупныхъ газетъ и посмотримъ, какъ составляется большинство ежедневныхъ изданій, т.-е., по крайней мѣрѣ, 70 изъ существующихъ въ Парижѣ 79-ти ежедневныхъ политическихъ органовъ. Зайдите въ любую редакцію этихъ 70-ти газетъ. Вы прежде всего съ удивленіемъ констатируете, что весь день редакція пуста. Лишь въ 5—5½ час. веч. является секретарь редакціи, а за нимъ два, три, максимумъ полдюжины сотрудниковъ, включая сюда и репортеровъ, и «интервьюеровъ», если таковые имѣются, потому что, какъ вы сейчасъ увидите, можно обойтись и безъ оныхъ. Въ 6½—7 час., т.-е., черезъ какіе-нибудь полтора часа, нумеръ готовъ, при чемъ, по меньшей мѣрѣ, половина этого времени проведена въ разговорахъ. Остается лишь прибавить «передовицу» главнаго редактора, «chronique» (нѣчто вродѣ небольшого фельетона), или какой-нибудь раз-

сказъ и «ночныя депеши», которыя телеграфное агентство пришлетъ часамъ къ 12-ти. Какимъ же образомъ эти нѣсколько человѣкъ могутъ за какой-нибудь часъ составить номеръ большой газеты? Слѣдите за этими людьми въ теченіе ихъ часовой работы—и вы получите отвѣтъ на свой вопросъ. Придя въ редакцію, секретарь находитъ уже на своемъ столѣ нѣсколько пакетовъ, присланныхъ телеграфнымъ агентствомъ («Гавасъ», «Національное агентство» и пр.); тамъ онъ имѣетъ и заграничныя депеши, и выписки изъ иностранныхъ газетъ, и оффиціозныя и оффиціальныя извѣщенія правительства и отдѣльныхъ видныхъ политическихъ дѣятелей, и отчеты о «происшествіяхъ дня», о судебныхъ процессахъ, дуэляхъ и пр., и пр. Быстрымъ, опытнымъ взглядомъ пробѣгаетъ онъ печатные или гектографированные листки агентства и отбираетъ все, что ему нужно, а остальное распредѣляетъ между сотрудниками; затѣмъ онъ запасается только что появившимся номеромъ «Temps» и принимается за работу, т.-е. беретъ въ руки ножницы. Ловкимъ, привычнымъ движеніемъ рѣжетъ онъ листки агентства, склеиваетъ ихъ съ вырѣзками изъ «Temps», иногда изъ другихъ газетъ, и отъ времени до времени беретъ перо въ руки, чтобы зачеркнуть то или другое слово, скрыть источникъ, изъ котораго взято то или другое извѣстіе, замѣнить заглавіе или связать между собою какою-нибудь фразой различныя вырѣзки; въ то же время онъ откладываетъ въ сторону нѣсколько телеграммъ, которыя онъ помѣститъ подъ рубрикою «отъ нашихъ собственныхъ корреспондентовъ». Сотрудники, со своей стороны, продѣлываютъ ту же самую работу; и у нихъ на долю ножницъ приходится большая часть дѣла. Лишь двое-трое изъ нихъ, которымъ поручено вести полемику съ другими газетами или «отдѣлывать» тѣхъ или другихъ политическихъ дѣятелей, или выражать «мнѣніе редакціи», набрасываютъ нѣсколько хлесткихъ «filets» (небольшія замѣтки). Черезъ часъ вся «copie» (рукописи) сдана, а еще черезъ полчаса редакція снова пустѣетъ, и лишь секретарь возвращается часамъ къ 11-ти, чтобы помѣстить послѣднія депеши агентства и слѣдить за работой ментранпажа. Я далъ, такъ сказать, редакцію-типъ. На практикѣ, разумѣется, бываютъ отклоненія. Если газета очень «боевая», она даетъ

больше «filets» и уснащаетъ вырѣзки крѣпкими словами или многозначительными замѣчаніями; другая окружаетъ эти вырѣзки «литературными украшеніями»; третья замѣняетъ ихъ скабрезными анекдотами и разсказами; четвертая, желающая прослыть серьезнымъ органомъ общественнаго мнѣнія, раскошеливается на то, чтобы печатать каждый день передовицу какого-нибудь депутата или кандидата въ депутаты; пятая, претендующая на званіе «литературной», даетъ небольшіе пустяшные разсказы модныхъ беллетристовъ. Но всѣ эти литературныя и политическія знаменитости остаются совершенно посторонними редакціи людьми, и вся газета, за исключеніемъ ихъ статей, составляется все тѣмъ же манеромъ, т.-е., главнымъ образомъ, при помощи ножницъ и гумми-арабика. Вотъ почему парижскія газеты, не считая нѣсколькихъ болѣе или менѣе крупныхъ изданій, такъ похожи другъ на друга; за исключеніемъ первой страницы, иногда лишь нѣсколькихъ столбцовъ ея, вся остальная часть состоитъ изъ одного и того же матеріала, часто редактированнаго въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ; ни спеціальныхъ извѣстій, ни спеціальнаго круга вопросовъ, которые бы систематически разрабатывались, ни даже оригинальнаго распредѣленія матеріала [1]).

«Капитализированіе» газетнаго дѣла привело, однако, къ еще болѣе упрощенному способу изготовленія газетнаго товара. Если газеты отличаются другъ отъ друга лишь передовицами и нѣсколькими полемическими «филе», то естественно должна была возникнуть мысль о возможности избѣгнуть лишнихъ расходовъ по набору одного и того же матеріала для каждой газеты отдѣльно. Отсюда—ассоціація нѣсколькихъ газетъ въ одной и той же типографіи, при чемъ для каждой газеты на-

[1]) Лишь въ самое послѣднее время нѣкоторыя парижскія газеты завели собственныхъ корреспондентовъ, которые передаютъ имъ по телеграфу главныя изъ получаемыхъ большими англійскими органами телеграфическихъ извѣстій. Нѣкоторыя изъ нихъ заключили, сверхъ того, контракты съ «Times'омъ» и другими Лондонскими «левіаѳанами», дающіе имъ право воспроизводить одновременно съ ними всѣ главныя извѣстія. Такъ поступили «Matin», «Le Journal», «L'Echo de Paris», которые, поэтому, и слывутъ необыкновенно «освѣдомленными» органами. Благодаря этому, имъ удалось значительно увеличить число своихъ подписчиковъ.

бирается отдѣльно лишь первая страница или даже лишь нѣсколько столбцовъ. Одно время, напр., существовала подобная ассоціація между такими различными и часто даже полемизировавшими между собою органами, какъ радикально-соціалистическая «Justice», оппортунистско-реакціонная «Estafette», умѣренно-радикальный «Voltaire», безцвѣтно-радикальная «Nation» и радикальный съ патріотически-шовинистскимъ духомъ «Français Quotidien». Еще одинъ шагъ—и вы увидите концентрацію газетно-предпринимательскаго дѣла въ рукахъ однихъ и тѣхъ же капиталистовъ. Есть, напр., въ Парижѣ одинъ уголокъ въ rue du faubourg Montmartre, который я одно время наблюдалъ съ большимъ интересомъ. Это крупная фирма, составляющая собственность одного разбогатѣвшаго агента по собиранію объявленій (agent de publicité). Фирмѣ этой принадлежитъ около дюжины газетъ [въ томъ числѣ и роялистская (нѣкогда пользовавшаяся такимъ огромнымъ вліяніемъ «Constitutionel»), и бонапартистская («Le Petit Caporal»), и умѣренно-республиканская съ антиклерикальнымъ направленіемъ («La Paix») и чисто-клерикальная («L'Ordre) и пр.], которыя она сдаетъ «въ аренду». Все, что не носитъ рѣзко-политическаго характера, вплоть до литературныхъ обозрѣній и неизбѣжныхъ бульварныхъ романовъ, одинаково помѣщается во всѣхъ этихъ газетахъ,—мѣняются лишь заглавія и подписи. «Издержки производства» доводятся при этомъ до минимума: сотруднику платятъ только одинъ разъ, наборъ одинъ и тотъ же; остаются лишь расходы на верстаніе, бумагу и печатаніе. Все это стоитъ такъ дешево, что подобнымъ предпринимателямъ выгодно, напр., имѣть газеты, которыя печатаются въ какихъ-нибудь двухъ, трехстахъ экземплярахъ и которыя приносятъ имъ небольшой доходъ отъ объявленій (печатающимъ объявленія и разсылаются выпускаемые экземпляры) и отъ продажи даровыхъ билетовъ въ театры и на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ. Для курьеза отмѣчу еще слѣдующій фактъ, переданный мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ однимъ пріятелемъ журналистомъ. Въ то время (а можетъ быть и теперь еще) одна подобная «фирма» имѣла въ числѣ своихъ «газетъ» и такую, которая поддерживала свое существованіе лишь тѣмъ, что одна великосвѣтская дама помѣщала въ ней по пятницамъ,

подъ псевдонимомъ, фельетоны объ искусствѣ и въ этотъ день покупала тысячу экземпляровъ.

«Концентрація производства» идетъ, однако, еще дальше. Укажу на два факта изъ области провинціальной французской прессы. Просмотрите. напримѣръ, «l'Annuaire de la presse»—и васъ невольно поразитъ огромное число существующихъ въ Парижѣ агентствъ по газетнымъ дѣламъ. Большинство этихъ агентствъ занимается «крупнымъ производствомъ» газетнаго матеріала. Вотъ, напримѣръ. одно изъ нихъ, которое само себя рекламируетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Агентство изготовляетъ рукописныя корреспонденціи, которыя оно посылаетъ газетамъ въ видѣ писемъ. Статьи составляются сотрудниками изъ всѣхъ партій такимъ образомъ, чтобы точно придерживаться направленія абонированной газеты. Рисунки, гравюры и клише всѣхъ родовъ. Корреспонденціи литературныя, научныя, коммерческія и пр.». Конечно, вы понимаете, что упоминаніе о «сотрудникахъ изъ всѣхъ партій» дѣлается лишь для «пущей важности»: въ сущности, это одни и тѣ же сотрудники составляютъ статьи для газетъ всевозможныхъ направленій, «точно придерживаясь направленія абонированной газеты». А вотъ другой фактъ иного рода. За послѣдніе годы крупныя парижскія газеты завели еженедѣльныя иллюстрированныя прибавленія. Чтобы выдержать конкурренцію и не отставать отъ столицы, провинціальнымъ газетамъ пришлось пойти по ихъ стопамъ, но это нововведеніе требуетъ значительныхъ расходовъ, а провинціальныя газеты бѣдны. И вотъ нашелся въ Парижѣ одинъ газетныхъ дѣлъ предприниматель, который устроилъ крупное производство иллюстрированныхъ прибавленій. Онъ собралъ около сотни газетъ, для которыхъ изготовляетъ одно и то же прибавленіе, варьируя лишь названіе газеты. Разумѣется, это крупное производство должно было отразиться на характерѣ этихъ прибавленій: такъ какъ абонированныя газеты принадлежатъ къ самымъ различнымъ направленіямъ, начиная съ клерикальныхъ и реакціонныхъ и кончая крайне радикальными съ соціалистической закваской. то нужно при составленіи номеровъ подыскивать такой матеріалъ, который не шокировалъ бы ни одной категоріи этого разнороднаго состава читателей.

Приведенные факты бросаютъ, мнѣ кажется, яркій свѣтъ на парижскую прессу, но, прежде чѣмъ указать на тѣ выводы, которые можно сдѣлать изъ нихъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о крупныхъ газетахъ и телеграфныхъ агентствахъ. Прежде всего приходится выдѣлить самый большой и наилучше освѣдомленный парижскій органъ—«Le Temps». Какъ я уже сказалъ, очень мало газетъ не обкрадываетъ «Temps» самымъ безцеремоннымъ образомъ, никогда, замѣтьте, не указывая при этомъ источника. Есть редакціи, покупающія, по меньшей мѣрѣ, 3—4 экземпляра этой газеты; загляните въ нихъ къ $6^1/_2$—7 час. веч.—и вы увидите, во что превратились эти экземпляры: отъ одного остались лишь разрозненные клочки, другой представляетъ собою бумажную рѣшетку, въ третьемъ вырѣзаны депеши, оффиціозныя извѣщенія и «послѣднія извѣстія», въ четвертомъ—заграничныя корреспонденціи; кажется, изъ всѣхъ этихъ остатковъ вы не составили бы ни одного цѣльнаго экземпляра. Что же представляетъ собою этотъ источникъ, изъ котораго черпаютъ всѣ, этотъ всѣми обкрадываемый «Temps»? Независимо отъ направленія, котораго я сейчасъ не касаюсь, ни отъ качественнаго состава сотрудниковъ,—этотъ крупнѣйшій органъ французской печати нельзя сравнить, по богатству фактическихъ свѣдѣній и разнообразію матеріала, не только съ «Times'омъ», но даже съ «Neue Freie Presse», «Frankfurter Zeitung» или «Kölnische Zeitung»; онъ уступаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже и «Новому Времени» (хотя, несомнѣнно, превосходитъ его въ другихъ). Его составъ заграничныхъ корреспондентовъ очень бѣденъ, ихъ телеграфическія и почтовыя корреспонденціи недостаточны, скудны и поверхностны, обстоятельныя и—какъ говорятъ здѣсь—«документированныя» статьи по отдѣльнымъ вопросамъ—крайняя рѣдкость, о провинціальной жизни—ничего или почти ничего. Зато «Temps» имѣетъ одно крупное достоинство: это одна изъ рѣдкихъ парижскихъ газетъ, гдѣ внимательно читаютъ иностранныя газеты; другое его преимущество то, что онъ имѣетъ обширныя связи въ правительственныхъ сферахъ, оффиціознымъ органомъ которыхъ онъ и состоитъ, что ему даетъ возможность давать интересныя свѣдѣнія. Но если самъ «левіаѳанъ» таковъ, то что сказать о другихъ, менѣе крупныхъ органахъ?

Одни изъ нихъ стараются походить на «Temps», но не успѣваютъ въ этомъ, другіе выдаютъ переводы изъ иностранныхъ газетъ за извѣстія отъ «собственныхъ корреспондентовъ», передаваемыя по «собственной телеграфной проволокѣ», третьи—наконецъ—пересыпаютъ обычный матеріалъ другихъ газетъ «разговорами съ видными міра сего» и поверхностнымъ изложеніемъ парламентскихъ докладовъ.—При такомъ положеніи дѣлъ и телеграфныя агентства не могутъ заводить дорого стоющихъ корреспондентовъ въ разныхъ концахъ земного шара: добрая половина ихъ депешъ—и даже по наиболѣе крупнымъ событіямъ—представляетъ собою телеграфическую передачу извѣстій англійской прессы, а вторая половина состоитъ въ значительной степени изъ получаемыхъ правительствомъ депешъ, которыя послѣднее, по той или другой причинѣ, считаетъ нужнымъ доводить до свѣдѣнія общественнаго мнѣнія, не выдавая при этомъ источника.

Такая организація газетнаго дѣла, вызванная отчасти указанными выше причинами, отчасти и другими, служитъ, въ свою очередь, причиною многихъ явленій; къ нѣкоторымъ изъ нихъ мы и перейдемъ теперь. Если вѣрно, что французскій народъ представляетъ собою «le peuple le plus facile à gouverner», то, сдается мнѣ, немаловажную роль играетъ въ этомъ отношеніи пресса. Ни въ одной странѣ съ большей или меньшей свободой печати нельзя, кажется, такъ легко скрыть что-нибудь отъ общественнаго мнѣнія или отравлять его ложными тенденціозными свѣдѣніями, какъ во Франціи. Телеграфныя и информаціонныя агентства бѣдны своими собственными корреспондентами и свѣдѣніями и находятся въ сильной зависимости отъ правительства не только въ денежномъ отношеніи (ибо главныя изъ нихъ получаютъ правительственныя субсидіи), но и въ отношеніи полученія свѣдѣній. То же самое приходится сказать о наиболѣе крупныхъ газетахъ, которыя, помимо того, что онѣ монополизированы господствующими классами, сплошь либо въ самомъ дѣлѣ оффиціозныя газеты, либо стараются прослыть таковыми. Изъ крупныхъ органовъ лишь два-три принадлежатъ оппозиціи—монархическій «Soleil», «Le Gaulois», «La République» и пр.,—но и эти послѣдніе даютъ одностороннія, тенденціозныя свѣдѣнія, да къ тому же имѣютъ

только опредѣленный кругъ читателей. И такъ какъ мы видѣли выше, какъ составляется большинство парижскихъ газетъ, то достаточно, чтобы главныя два агентства и нѣсколько крупныхъ газетъ замолчали какое-либо событіе, чтобы вся пресса не говорила о немъ. Долго убивали армянъ въ Турціи, а французское общественное мнѣніе ровно ничего не знало объ этомъ, и не потому, что рѣшительно вся пресса была подкуплена, а, главнымъ образомъ, потому, что агентствамъ было «рекомендовано» молчать, «Temps», по той или другой причинѣ, не печаталъ телеграммъ и статей своего константинопольскаго корреспондента, «Journal des Débats» извѣстенъ своими «симпатіями» къ Портѣ, «Matin», органъ банкировъ, заинтересованныхъ въ финансахъ Турціи, конечно, старательно замалчивалъ турецкія звѣрства, нѣкоторые другіе также имѣли свои резоны молчать, а остальная пресса или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая часть ея, не читающая иностранныхъ газетъ и не имѣющая собственныхъ корреспондентовъ, находилась въ полномъ невѣдѣніи относительно всего того, что происходило въ Константинополѣ и въ Арменіи. Нужно было, чтобъ этотъ вопросъ былъ поднятъ въ палатѣ депутатовъ, чтобъ тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, г. Ганото, заставили признать дѣйствительность турецкихъ звѣрствъ, чтобы нѣкоторыя газеты *впервые признали*, а другія *впервые повѣрили*, что эти звѣрства не выдумка «коварнаго Альбіона», а дѣйствительный фактъ. Что меня интересуетъ въ приведенномъ фактѣ, это не то, что болѣе или менѣе значительная часть газетъ *сознательно* замалчивала турецкія событія,—подобные факты можно наблюдать во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, и они вовсе не характерны спеціально для Франціи,—а именно то,—а это несомнѣнно,—что были такія газеты, которыя ничего объ нихъ не знали и лишь потому не говорили о нихъ, а если до нихъ и доходили какіе-нибудь слухи, то въ исковерканномъ видѣ. Этотъ фактъ покажется, вѣроятно, не столь неправдоподобнымъ, если вспомнить, что даже по отношенію къ событіямъ, происходящимъ внутри самой Франціи, можно прослѣдить то же самое явленіе. Большинство парижскихъ газетъ не имѣетъ корреспондентовъ не только за границей, но даже и въ провинціи. За провинціальной жизнью, мимоходомъ ска-

зать, не слѣдитъ ни одна парижская газета; вы можете нѣсколько лѣтъ кряду читать парижскія газеты самымъ внимательнымъ образомъ и не имѣть никакого представленія о томъ, чѣмъ живетъ, чѣмъ болѣетъ и радуется французская провинція; для парижскаго журналиста, вообще, весь міръ кончается у городскихъ фортификацій. Поэтому, въ провинціи могутъ происходить очень важныя событія, но если правительство или господствующіе классы заинтересованы въ томъ, чтобы они не дошли до свѣдѣнія общественнаго мнѣнія, имъ нужно лишь постараться, чтобы объ нихъ не заговорили ни информаціонныя агентства, ни нѣсколько крупныхъ газетъ, а остальная пресса, пользующаяся лишь извѣстіями этихъ агентствъ и газетъ, не будетъ говорить о нихъ просто потому, что они ей будутъ неизвѣстны. Такія явленія происходятъ здѣсь на каждомъ шагу, и доказательствомъ тому, что это нельзя объяснить лишь подкупностью газетъ, а именно данной организаціей дѣла освѣдомленія газетъ, составляющаго монополію господствующихъ классовъ, и отсутствіемъ у газетъ самостоятельнаго способа полученія свѣдѣній,—можетъ служить слѣдующее обстоятельство. Лѣтъ десять тому назадъ, когда рабочія силы были плохо организованы и отдѣльныя рабочія организаціи почти не были связаны между собою, въ провинціи могли происходить очень крупныя стачки, сопровождавшіяся даже волненіями, а въ парижскихъ газетахъ, даже несомнѣнно сочувствующихъ рабочимъ, объ этомъ не было иногда ни слова, а иногда лишь самое глухое извѣстіе въ нѣсколько строкъ. Сейчасъ же такое явленіе уже невозможно: рабочая партія болѣе или менѣе организована, и сочувствующія газеты получаютъ непосредственныя извѣстія съ мѣста событій, говорятъ объ нихъ подробно и, такимъ образомъ, заставляютъ агентства и враждебныя газеты удѣлять имъ больше мѣста.—Наконецъ, вы можете прослѣдить то же явленіе даже по отношенію къ фактамъ, имѣющимъ мѣсто въ стѣнахъ самого Парижа. Конечно, въ демократической странѣ съ полною свободою печати все, въ концѣ концовъ, узнается и иногда общественное мнѣніе можетъ еще оказать свое давленіе, но иногда зло сдѣлано—и его не поправишь, а если и поправишь, то лишь съ большою тратою силъ.

Такой способъ изготовленія газетъ отразился самымъ невы-

годнымъ образомъ на качественномъ уровнѣ тѣхъ, кто ихъ изготовляетъ, т.-е. журналистовъ. Я, опять-таки, не буду говорить ни о «Temps», ни о «Journal des Débats», ни, пожалуй, еще о двухъ-трехъ газетахъ, въ которыхъ работаютъ сравнительно знающія и компетентныя, а иногда и прямо выдающіяся силы: эти газеты читаются сравнительно небольшимъ кругомъ имущей и образованной публики. Масса читаетъ не эти газеты, а совсѣмъ другія, и эти-то послѣднія меня больше всего и интересуютъ въ настоящемъ очеркѣ. Очевидно, что, подобно тому, какъ машинизмъ вытѣсняетъ искусныхъ ремесленниковъ и замѣняетъ ихъ рабскими прислужниками автоматическихъ машинъ, подобно тому и система крупнаго производства газетнаго матеріала агентствами и обкрадыванія большихъ газетъ понижаетъ необходимый уровень профессіональной подготовки журналистовъ. Я не стану проводить дальше эту аналогію, потому что «области производства» слишкомъ отличаются другъ отъ друга, но я не могу не настаивать на томъ громадномъ вліяніи, какое оказываютъ все растущее значеніе монополизированныхъ имущими классами агентствъ и обкрадываніе большихъ, также монополизированныхъ имущими классами, органовъ на здѣшнія газеты и здѣшнихъ газетчиковъ. Мы уже видѣли, что дѣло полученія заграничныхъ извѣстій находится исключительно въ рукахъ агентствъ, правительства и нѣсколькихъ крупныхъ органовъ. Прямымъ слѣдствіемъ этого положенія дѣлъ является то, что отъ журналистовъ не требуется ни знанія иностранныхъ языковъ, ни знанія всего, что происходитъ внѣ Франціи. И дѣйствительно, невѣжество парижскихъ журналистовъ въ этомъ отношеніи поражаетъ всякаго иностранца. Они, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, никакого понятія не имѣютъ о томъ, что происходитъ не только въ Германіи (нельзя же въ этомъ отношеніи считаться съ коротенькими телеграммами агентствъ о перемѣнахъ въ личномъ составѣ правящихъ сферъ, о скандалахъ, о новыхъ вооруженіяхъ и рѣчахъ Вильгельма II), которую они, однако, какъ врага, должны были бы знать, не только въ Англіи, на которую нѣкоторыя правящія сферы и патріоты-шовинисты очень долго натравляли общественное мнѣніе и съ которою въ настоящее время происходитъ сближеніе,

не только въ Россіи, которою, какъ союзницею, они, казалось бы, должны были бы особенно интересоваться, но даже и въ Эльзасѣ и Лотарингіи, этихъ «дорогихъ провинціяхъ», по которымъ «отечество носитъ трауръ» и имена которыхъ не сходятъ съ устъ гг. Деруледовъ. Читайте газеты,—это единственное чтеніе, если не считать бульварныхъ романовъ, по крайней мѣрѣ, 95% французовъ,—и вы не найдете въ нихъ рѣшительно ничего ни объ общественной и культурной жизни «дорогихъ братьевъ», ни объ ихъ экономическихъ условіяхъ, ни объ успѣхахъ или неудачахъ германизаціи, ни объ ихъ школахъ, ни объ ихъ прессѣ, ни даже обстоятельныхъ статей о распредѣленіи политическихъ силъ,—а вѣдь, казалось бы, что это самое элементарное средство для поддержанія живой связи съ утерянными провинціями. До чего доходитъ невѣжество французской прессы по отношенію ко всему иностранному, можетъ вамъ показать слѣдующій фактъ, сильно смахивающій на анекдотъ, но имѣвшій, однако, мѣсто въ Парижѣ не дальше, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ Парижѣ гостилъ одинъ нашъ соотечественникъ, о которомъ пресса говорила тогда по поводу одного изъ нашихъ займовъ. И вотъ, «Figaro»,—замѣтьте, «Figaro», одинъ изъ крупныхъ органовъ!—желая похвастать своими познаніями по части русскихъ нравовъ и оказать любезность русскому гостю, помѣщаетъ на первой страницѣ слѣдующую замѣтку: «Извѣстно, что въ русскомъ бомондѣ очень развиты разныя тайныя секты въ родѣ франкмасонскихъ ложъ... Нашъ гость... принадлежитъ къ secte des prokhvosti». Вы думаете, что нашлась хотя бы одна газета, которая показала бы «Figaro», что какой-то злой шутникъ посмѣялся надъ нимъ? Это «écho documenté» было воспроизведено,—конечно, какъ водится, безъ указанія источника, чтобы, въ свою очередь, похвастаться знаніемъ Россіи,—по крайней мѣрѣ, 70-ю изъ 79-ти существующихъ въ Парижѣ ежедневныхъ органовъ.

Но средній парижскій журналистъ можетъ обойтись не только безъ знанія всего, что существуетъ и живетъ внѣ предѣловъ французской территоріи, — ему не нужно знать даже своей родной страны,—потому что ни одна парижская газета не интересуется жизнью провинціи,—ему не нужно знать эко-

номическихъ и соціальныхъ вопросовъ, волнующихъ весь міръ, ему не нужно ни научной, ни даже настоящей литературной подготовки. Зато онъ долженъ досконально знать имена всѣхъ депутатовъ и видныхъ политическихъ дѣятелей и чиновниковъ, имена всѣхъ актеровъ и актрисъ и вообще всѣхъ выдающихся людей Парижа, долженъ знать ихъ закулисную жизнь, ихъ прошлое («il sait son monde politique sur le bout du doigt» или «il sait son Tout Paris sur le bout du doigt» — вотъ высшая похвала, какую можно сдѣлать такому журналисту [1]), долженъ быть хорошимъ сыщикомъ и умѣть написать статейку на заданную тему по двумъ-тремъ даннымъ ему фактамъ. И надобно отдать эту справедливость парижскому журналисту: дайте ему два три факта изъ совершенно незнакомой ему области, и онъ, порывшись въ «Ларуссѣ» (энциклопедическій словарь Ларусса — источникъ учености большинства здѣшнихъ журналистовъ; его безцеремонно списываютъ, никогда, конечно, не указывая источника), набросаетъ легкую, живую, занятную статейку.

Вспомните, что эти журналисты работаютъ въ газетахъ, сплошь принадлежащихъ капиталистамъ и разнымъ промышленнымъ и финансовымъ компаніямъ, что, при низкомъ уровнѣ требуемой профессіональной подготовки, въ журналисты зачастую попадаютъ люди, ничего общаго съ литературой не имѣющіе (какъ тотъ шефъ тайной полиціи, который, уволенный со службы, занимался нѣкоторое время финансовыми дѣлами, а теперь подвизается на столбцахъ одной распространенной «литературной» газеты), что газета превратилась въ буквальномъ смыслѣ слова въ лавочку, — и вы получите полное понятіе о томъ, что представляетъ собою средній парижскій журналистъ [2]), во что онъ превратилъ ежедневную прессу,

[1]) Кромѣ тѣхъ журналистовъ, о которыхъ я говорю, т.-е. тѣхъ, которые «изготовляютъ» газету, есть еще и категорія «хроникеровъ», пишущихъ небольшія статейки, главнымъ образомъ, на художественныя и литературныя темы. Хотя и эта категорія очень характерна, но такъ какъ «хроникеры» обыкновенно являются посторонними редакціи людьми и не имѣютъ никакого вліянія на остальное содержаніе газеты, то, за недостаткомъ мѣста, я нахожу возможнымъ совсѣмъ не говорить о нихъ.

[2]) Трудно вообразить, какіе нравы господствуютъ въ этомъ

какое деморализующее вліяніе эта послѣдняя имѣетъ на массу читателей. Я знаю молодыхъ людей, образованныхъ, умныхъ, владѣющихъ перомъ, которые, начиная свою журналистскую карьеру въ распространенныхъ среди рабочихъ и широкой публики газетахъ, пробовали писать не такъ, какъ пишутъ здѣшніе журналисты, пробовали обстоятельно говорить о серьезныхъ вопросахъ текущей жизни, знакомить читателя съ общественнымъ и умственнымъ движеніемъ въ другихъ странахъ,—ихъ «copie» бросалась въ редакціонную корзину или возвращалась имъ, потому что это «скучно», «тяжело», потому что «ce n' est pas drôle», потому что это «не интересуетъ читателя». Это скучно, не интересуетъ читателя, не интересуетъ толпу,—вотъ единственный критерій, которымъ руководится здѣсь какъ газетчикъ при составленіи своей газеты, такъ и ораторъ, когда всходитъ на трибуну въ народномъ собраніи, такъ и агитаторъ при агитаціи и организаціи своей партіи. И что всего характернѣе, это то, что этимъ критеріемъ руководятся не только журналисты жеманфутисты, которые становятся журналистами, какъ стали бы тайными агентами полиціи или пошли бы на службу къ какой-нибудь подозрительной финансовой компаніи, но и журналисты убѣжденные, смотрящіе на свою профессію, какъ на общественное служеніе. И рѣдкій изъ нихъ пытается развить, поднять эту «толпу», расширить ея умственный кругозоръ, пріучить ее, вмѣсто поверхностной декламаціи, къ серьезному, обстоятельному анализу фактовъ. Мнѣ это даже кажется настолько характернымъ, что если бы мнѣ нужно было въ

мірѣ, въ которомъ Дрюмоны, Мильвуа, Верворты и Артуры Мейеры занимаютъ первыя мѣста. Вотъ вамъ одинъ, правда единичный, но въ высшей степени характерный примѣръ. Одинъ изъ сотрудниковъ газеты Верворта, «Le Jour», дрался на дуэли съ адвокатомъ-«дрейфусаромъ», котораго ранилъ. Черезъ два дня послѣ дуэли въ «Jour» появляется слѣдующая замѣтка: «Мы съ большимъ удовольствіемъ узнали, что рана X. (при чемъ названа фамилія раненаго) гораздо серьезнѣе, чѣмъ думали. Можно надѣяться, что эта рана, усложненная старой скверной болѣзнью X., будетъ имѣть серьезныя послѣдствія». Ни одинъ изъ журналистскихъ синдикатовъ, въ которыхъ Вервортъ и его сотрудникъ состоятъ членами, ровно ничѣмъ не отозвались на это...

[redacted]

нѣсколькихъ словахъ охарактеризовать парижскую ежедневную прессу, я бы остановился именно на этой сторонѣ дѣла. Не въ высшей ли степени характеренъ, въ самомъ дѣлѣ, слѣдующій фактъ? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (сейчасъ, подъ вліяніемъ роста самосознанія рабочихъ, дѣла обстоятъ нѣсколько лучше въ этомъ отношеніи), когда во главѣ «Petite République» находился одинъ видный депутатъ, нѣсколько разъ пытались молодые журналисты. проживавшіе въ Германіи, Италіи и Англіи, писать въ эту газету, не требуя за то никакого вознагражденія, о выдающихся явленіяхъ общественной жизни этихъ странъ. Ни одна изъ ихъ интересныхъ корреспонденцій не была напечатана, между тѣмъ какъ «Petite République» ежедневно посвящала скабрезнымъ анекдотамъ, разсказамъ объ убійствахъ, воровствахъ и дракахъ, скачкамъ и отвратительнымъ бульварнымъ романамъ, по крайней мѣрѣ, три четверти своего содержанія.

* * *

Я говорилъ до сихъ поръ проимущественно объ отрицательныхъ сторонахъ французской прессы. Но ошибочно былобы думать, что я этимъ хочу умалить ея положительныя стороны. Даже при поверхностномъ анализѣ приведеныхъ выше фактовъ можно видѣть, что указанные недостатки французской прессы являются прямымъ порожденіемъ общественныхъ отношеній Франціи. Но эти же отношенія вырабатываютъ и другіе элементы, подъ вліяніемъ которыхъ эта пресса начинаетъ измѣняться къ лучшему.

И прежде всего—нужно ли особенно распространяться о томъ, какую пользу можетъ приносить, какую пользу уже приносила и приноситъ даже и эта пресса въ странѣ, гдѣ существуетъ полная свобода печати? Нужно ли говорить о томъ, что въ странѣ, гдѣ буржуазія господствуетъ съ поистинѣ невѣдомою другимъ странамъ силою, положеніе народа было-бы неизмѣримо хуже, если бы не было этой прессы, не было бы полной гласности, не было-бы возможности изобличать произволъ преступленія какъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ классовъ, выяснять общественному мнѣнію значеніе тѣхъ или другихъ фактовъ, тѣхъ или другихъ мѣропріятій?

Какъ часто спасается жизнь, устраняются несчастья, возстановляется честь людей, которые погибли бы окончательно, если бы печать не имѣла права и возможности изобличать произволъ, раскрывать и освѣщать факты! Какъ часто устраняются, благодаря свободѣ печати, очень сложныя недоразумѣнія въ экономической, соціальной и политической жизни страны, которыя, въ противномъ случаѣ, приводили бы къ острымъ, быть можетъ—даже кровавымъ столкновеніямъ!

Однимъ изъ основныхъ условій нормальнаго теченія общественно-политической жизни въ демократической странѣ является подготовленность народныхъ массъ къ той роли, которую онѣ въ такой странѣ должны играть. До недавняго времени пресса мало въ состояніи была выполнять свою миссію въ этомъ отношеніи. Во Франціи политическія партіи были всегда такъ рѣзко отдѣлены другъ отъ друга, находились между собою въ такомъ рѣзкомъ антагонизмѣ, что даже тогда, когда газеты были только выразительницами интересовъ соотвѣтствующихъ партій, онѣ не являлись дѣйствительными воспитательницами общественнаго мнѣнія: онѣ были для этого слишкомъ партійны, и эта партійность доходила до того, что редакторъ одной роялистской газеты могъ однажды сказать: Il y a une façon légitimiste de raconter l'histoire d'un chien ecrasé [1]). Въ этомъ было еще полбѣды, пока газеты не были монополизированы исключительно только господствующими классами. Но положеніе еще болѣе ухудшилось въ этомъ отношеніи, когда газета, сама по себѣ, стала предметомъ спекуляціи. Продолжая фактически защищать интересы только одного класса, она хотѣла казаться безпристрастной, безпартійной.

Въ послѣдніе годы это положеніе значительно измѣняется. Все болѣе обостряющаяся борьба постепенно втягиваетъ рѣшительно всѣ общественные элементы. Даже такой писатель, какъ Фонсгривъ, долженъ признать, что «становится невозможнымъ не занять опредѣленной позиціи въ окружающей насъ свалкѣ. Политическій дѣятель или журналистъ, которые

---

[1]) «Даже сообщеніе о томъ, какъ раздавили собаку, можетъ быть изложено въ легитимистскомъ духѣ».

пожелали-бы остаться нейтральными, были-бы всѣми осмѣяны, а газету, которая попробовала-бы сохранить нейтралитетъ, никто бы не читалъ» [1]).

Эта все болѣе обостряющаяся борьба, какъ нельзя лучше, просвѣщаетъ общественное мнѣніе, и она-же, хотя и съ большимъ трудомъ, мѣняетъ характеръ прессы. Каждая партія обзаводится своими органами, которые должны дѣлать свое содержаніе болѣе разнообразнымъ и болѣе интереснымъ, чтобы расширять и укрѣплять сферу своего вліянія.

Въ послѣдніе годы было сдѣлано нѣсколько попытокъ въ этомъ отношеніи. Нельзя сказать, чтобы онѣ были вполнѣ удачны. Но ихъ успѣхъ не подлежитъ сомнѣнію для тѣхъ, кто умѣетъ наблюдать общественную жизнь. Сознательная масса нуждается въ хорошей политической прессѣ — и она сумѣетъ ее создать.

* * *

Вотъ нѣкоторыя статистическія данныя о движеніи и распредѣленіи газетъ въ Парижѣ и всей Франціи по спеціальности и политическому направленію [2]).

Ежедневныхъ газетъ было въ

Годы.	Парижѣ.	Департаментахъ.	Всей Франціи.
1865	12	16	28
1875	25	27	52
1885	62	75	137
1890	120	100	220
1895	135	210	345
1897 [3])	137	334	471

[1]) Fonsegrive, op. cit, p. 47.

[2]) Составлено на основаніи данныхъ «Annuaire de la presse française et du monde politique».

[3]) У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ рукою болѣе свѣжихъ данныхъ, но, насколько помнится, колебанія за послѣднія нѣсколько лѣтъ были незначительныя.

По направленію 137 ежедневныхъ изданій въ Парижѣ подраздѣлялись такъ:

104—республиканскихъ
29—консервативныхъ
4—безъ опредѣленнаго направленія.

Общее число періодическихъ изданій въ Парижѣ достигало въ

1895 г.—2.401
1896 г.—2.291
1897 г.—2.327

Въ отношеніи періодичности парижскія изданія распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

130	выходили ежедневно				
651	»	1	разъ	въ	недѣлю
32	»	2	»	»	»
12	»	3	»	»	»
776	»	1	»	»	мѣсяцъ
331	»	2	»	»	»
20	»	3	»	»	»
109	»	1	»	»	3 мѣсяца
6	»	1	»	»	6 мѣсяцевъ
260	имѣли неправильную періодичность.				

Что касается парижскихъ политическихъ изданій, то они выходили:

76—ежедневно
1—3 раза въ недѣлю
43—еженедѣльно
5—2 раза въ мѣсяцъ
4—1 разъ » »
8—нерегулярно.

Журналовъ насчитывалось въ Парижѣ 141. Въ отношеніи періодичности они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

9	выходили	еженедѣльно
26	»	2 раза въ мѣсяцъ
48	»	1 разъ » »
28	»	1 » » 3 мѣсяца
14	»	6 » » годъ.
16	»	нерегулярно.

Наконецъ, въ отношеніи спеціальности парижскія изданія подраздѣлялись такъ:

295	посвящены	были	наукамъ
179	»	»	промышленности
58	»	»	сельскому хозяйству
87	»	»	юриспруденціи
27	»	»	музыкѣ
76	»	»	религіознымъ вопросамъ
30	»	»	синдикальнымъ вопросамъ
43	»	»	спорту
27	»	»	театру
38	»	»	литературѣ
81	»	»	просвѣщенію
99	»	»	модамъ
178	»	»	финансамъ
134	иллюстрированныхъ изданія и т. д.		

Что касается департаментовъ, то общее число періодическихъ изданій достигало въ нихъ 3.493. Они выходили:

318—ежедневно
148—3 раза въ недѣлю
331—2 » » »
1.527—1 » » »
573—1 » » мѣсяцъ
176—2 » » »
99—3 » » »
46—6 » » годъ
284 съ неправильною періодичностью.

По направленію они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1.081—республиканскихъ
337—консервативныхъ
2.075—разныхъ.

Среди послѣднихъ насчитывалось 60 «листковъ объявленій», 152 сельскохозяйственныхъ изданія, 46 научныхъ, 114 религіозныхъ, 8 географическихъ, 145 литературныхъ, 50 посвящены были почти исключительно вопросамъ торговли, 10—вопросамъ просвѣщенія, 16—спорту и т. д.

Е. Смирновъ.

Американская печать.

Нигдѣ въ мірѣ періодическая печать не достигла такого развитія и распространенія, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Это было установлено еще статистическимъ изслѣдованіемъ въ связи съ X цензомъ (1880 г.). За истекшія двадцать слишкомъ лѣтъ ростъ американской печати былъ громадный. Нѣтъ закоулка въ Америкѣ, куда не заходило-бы печатное слово; нѣтъ человѣка, который не читалъ-бы газетъ; чтеніе газетъ рекомендуется даже дѣтямъ въ школѣ. Печать является здѣсь болѣе важнымъ воспитательнымъ органомъ, чѣмъ школа.

При столь широкомъ распространеніи печати и при интенсивной конкуренціи, которая вынуждаетъ редакторовъ приноравливаться ко вкусамъ и понятіямъ читателей, пресса здѣсь является болѣе или менѣе вѣрнымъ отраженіемъ общественнаго мнѣнія. Конечно, есть и модифицирующіе факторы,— о которыхъ ниже, но при всемъ томъ изученіе американской печати даетъ ключъ къ уразумѣнію соціальной психологіи американскаго народа.

Приведемъ прежде всего сравнительныя данныя о количествѣ и срокахъ выхода періодическихъ изданій въ 1880, 1890 и 1900 гг. Данныя эти извлечены изъ отчетовъ X и XII цензовъ (1880 и 1900 гг.) и пополнены свѣдѣніями изъ публикуемыхъ здѣсь ежегодниковъ и адресъ-календарей періодической печати.

Сроки выхода:	Число изданій:		
	1880 г.	1890 г.	1900 г.
Ежедневно	971	1616	2226
2-жды и 3-жды въ недѣлю . .	206	228	699
Еженедѣльно	8633	10814	12979
Ежемѣсячно	1167	1734	1817

	1880 г.	1890 г.	1900 г.
Разъ въ 3 мѣсяца	116	225	237
Въ другіе сроки	221	290	268
Неизвѣстно[1])	—	1182	3046
Итого . . .	11314	17616	21272

Преобладающими типами изданій оказываются ежедневныя, еженедѣльныя и ежемѣсячныя; на первомъ планѣ стоятъ еженедѣльныя изданія. За два десятилѣтія общее число изданій почти удвоилось, тогда какъ населеніе за это время возросло лишь на 50%. Наибольшій ростъ обнаруживаютъ ежемѣсячныя и ежедневныя изданія; еще быстрѣе ростъ газетъ, выходящихъ дважды и трижды въ недѣлю, но значительная часть изъ нихъ лишь перепечатки большихъ ежедневныхъ газетъ, предназначаемыя для деревенскихъ участковъ. Всѣ изданія по характеру своему распредѣлялись въ 1880 г. слѣдующимъ образомъ:

Газетъ	7892
Другихъ изданій . .	2451
Всего . . .	10343[2])

Изъ этого видно, что преобладающимъ типомъ періодическаго изданія является газета; къ этому типу принадлежитъ и большинство еженедѣльныхъ изданій; подъ газетой (newspaper) американскій цензъ понимаетъ всякое періодическое изданіе, посвященное, главнымъ образомъ, передачѣ текущихъ новостей. За исключеніемъ малонаселенныхъ окраинъ, нѣтъ городка или болѣе или менѣе значительнаго села, гдѣ не было бы газеты. О распространеніи мѣстной печати свидѣтельствуетъ слѣдующая табличка:

[1]) По справкѣ съ адресъ-календаремъ американской печати за 1901 г. (American Newspaper Directory) видно, что это были, главнымъ образомъ, еженедѣльныя и частью ежемѣсячныя изданія: первыхъ показано 15475, послѣднихъ 2369 названій.

[2]) Въ XII цензѣ нѣтъ данныхъ для такой классификаціи.

Годы:	Графствъ: Всего въ С. Ш.	Безъ мѣстной газеты.	Городовъ и селеній съ мѣстной газетой:
1880	2605	532	4398
1900	2748	108	8713 [1])

Въ 1880 г. еще около одной пятой всѣхъ графствъ не имѣло своей мѣстной печати, въ 1900 г. такихъ захолустій уже оставалось не болѣе 4%; число поселеній съ мѣстными изданіями удвоилось. По даннымъ послѣдняго (XII) ценза, въ 1900 г. въ Соединенныхъ Штатахъ считалось 10602 города и селенія, въ томъ числѣ съ населеніемъ не менѣе 500 душъ— 6284. Слѣдовательно, всякое поселеніе, въ которомъ было не менѣе 500 жителей, имѣло свою газету, но и болѣе мелкіе поселки большею частью имѣли свой мѣстный листокъ. Среднимъ счетомъ на каждое поселеніе приходилось въ 1900 г. слишкомъ по 2 изданія, уже въ 1880 г. изъ 4398 городовъ и селеній считалось 1939, т. е. около половины, гдѣ было по два изданія и болѣе; быстрый ростъ печати за истекшія два десятилѣтія заставляетъ думать, что въ настоящее время въ большинствѣ населенныхъ мѣстъ имѣется по два изданія, представляющихъ обѣ большія политическія партіи.

Въ 1880 году ежедневныя газеты выходили въ 389 городахъ и селахъ, въ томъ числѣ было одно поселеніе въ Невадѣ, съ населеніемъ въ 752 души, гдѣ выходила одна ежедневная газета, и другое въ Аризонѣ, съ населеніемъ въ 973 души, гдѣ выходили двѣ.

О развитіи періодической печати свидѣтельствуетъ слѣдующая таблица, показывающая отношеніе средняго числа расходящихся экземпляровъ каждаго выпуска всѣхъ изданій въ совокупности къ 1000 жителей:

Сроки выхода:	1880 г.	1890 г.	1900 г.
Ежедневно	71	133	199
Еженедѣльно	324	460	524
Ежемѣсячно	162	312	520

Это значитъ, что на каждаго жителя безъ различія пола

[1]) По даннымъ American Newspaper Directory.

и возраста, включая и грудныхъ младенцевъ, въ 1900 г. приходилось болѣе чѣмъ по одному экземпляру періодическаго изданія. Въ частности одинъ экземпляръ ежедневной газеты приходится на 5 жителей, т. е. приблизительно на каждую семью, одинъ экземпляръ еженедѣльной на двухъ жителей, т. е. *по два на семью*, и точно также одинъ экземпляръ ежемѣсячнаго изданія на двухъ жителей. Иными словами, большая часть американскаго населенія, кромѣ газеты, читаетъ еще и какой-нибудь журналъ.

При такомъ развитіи мѣстной печати послѣдняя совершенно естественно носитъ провинціальный характеръ. Даже большія американскія газеты, выходящія въ Нью-Іоркѣ, Чикаго или Филадельфіи, удѣляютъ очень мало мѣста извѣстіямъ изъ другихъ городовъ; читая однѣ нью-іоркскія газеты, вы очень мало знаете о жизни сосѣдней Филадельфіи, которая находится только въ двухъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, и уже совсѣмъ ничего не знаете о томъ, что дѣлается въ С. Франциско,—развѣ случится большой пожаръ, выдающееся своей необычностью убійство, или новая политическая партія одержитъ верхъ на выборахъ городского головы или губернатора. Такой уѣздный характеръ печати обусловливается всѣмъ складомъ здѣшней политической и общественной жизни: въ мѣстныхъ дѣлахъ каждый читатель имѣетъ голосъ, тогда какъ къ тому, что дѣлается на другомъ концѣ страны, у него можетъ быть только платоническій интересъ. Тѣмъ не менѣе развитіе большихъ городовъ произвело въ этомъ отношеніи огромную перемѣну. Около четырехъ пятыхъ всѣхъ экземпляровъ ежедневныхъ газетъ печаталось въ десяти наиболѣе населенныхъ штатахъ Союза (въ 1880 г.—78,1%, въ 1900 г.—78,9%). Въ 1880 году было только 7 газетъ съ обращеніемъ свыше 50,000 экземпляровъ, въ 1897 году насчитывалось уже 27 съ обращеніемъ свыше 75,000 экземпляровъ. Общее число ежедневныхъ газетъ съ обращеніемъ свыше 15,000 экз. въ 1880 году равнялось 50; въ 1897 году число газетъ съ обращеніемъ свыше 17,500 экз. достигало уже 131 [1]). Мало того,

[1]) The American Newspaper. A study in social psychology. By Delos F. Wilcox. Annals of the American Academy of Polit. and Social Science. 1900.

ежедневная газета вторгается и въ сферу еженедѣльной; въ 1880 г. выходило 804 еженедѣльныхъ изданія ежедневныхъ газетъ, сверхъ того 41 изданіе — дважды въ недѣлю и 41 трижды въ недѣлю; иными словами, почти каждая ежедневная газета выпускала спеціальное изданіе, предназначенное для тѣхъ отдаленныхъ угловъ, куда почта не доставляется ежедневно. Такія изданія обходятся издателю очень дешево: изъ ежедневной газеты выбрасывается мѣстная хроника, хроника мелкихъ происшествій, мѣстныя объявленія и т. п. и наборъ переверстывается для еженедѣльнаго изданія, очень часто даже безъ перемѣны формата. Подписная цѣна обыкновенно очень низка—рѣдко болѣе одного доллара въ годъ. Понятно, эти изданія успѣшно конкурируютъ съ мѣстными еженедѣльными газетами: среднее обращеніе первыхъ достигало въ 1880 г. 5,317 экз., а послѣднихъ—лишь 2,125 экз.

Средній размѣръ ежедневной газеты равнялся въ 1880 г. 48 страницамъ обыкновеннаго книжнаго формата, т. е. приблизительно 6 страницамъ русской ежедневной газеты, а размѣръ еженедѣльной газеты—37 страницамъ книжнаго формата, т. е. приблизительно меньшимъ русскимъ ежедневнымъ газетамъ. Но съ тѣхъ поръ большія газеты въ Нью-Іоркѣ, Чикаго, Филадельфіи, Бостонѣ, С.-Луи, Балтиморѣ, Санъ-Франциско, Вашингтонѣ и др. городахъ разрослись до чудовищныхъ размѣровъ. Въ ежедневномъ изданіи такой газеты обыкновенно 12 страницъ въ 7 столбцовъ, а воскресный нумеръ—это цѣлая книга.

Несмотря на такую конкуренцію, мѣстная ежедневная печать обнаруживаетъ болѣе быстрый ростъ, нежели пресса большихъ центровъ. Это видно изъ слѣдующей сравнительной таблички развитія печати въ 19 большихъ городахъ, въ которыхъ уже въ 1880 г. было свыше 100,000 жителей, и во всѣхъ остальныхъ городахъ и селеніяхъ:

Число изданій:

	Въ 19 городахъ.	Въ прочихъ мѣстахъ.	Всего.
Въ 1880 г.	207	764	971
» 1890 »	257	1359	1616
» 1900 »	271	1955	2226

Всего печаталось:

	Тысячъ	экземпляровъ.	
Въ 1880 г.	2530	1020	3570
» 1890 »	5590	2800	8390
» 1900 »	8770	6330	15100

То-же въ °/₀°/₀:

Въ 1880 г.	72	28	100
» 1890 »	67	33	100
» 1900 »	58	42	100

На 1 изданіе приходилось:

	Среднее	число экземпляровъ.	
Въ 1880 г.	12000	1300	3700
» 1890 »	22000	2100	5209
» 1900 »	32000	3200	6784

Эта таблица обнаруживаетъ децентрализацію ежедневной печати: почти весь приростъ числа изданій приходится на провинціальную печать: среднее обращеніе провинціальныхъ газетъ возросло въ той-же пропорціи, какъ и обращеніе большихъ газетъ, относительно-же кругъ читателей провинціальной печати расширился насчетъ большой прессы. Объясненіе этому явленію, находящемуся, повидимому, въ противорѣчіи съ общей тенденціей американской соціальной жизни, мы находимъ въ томъ, что процентъ роста ежедневной печати за оба десятилѣтія совпадалъ съ процентомъ роста городского населенія на счетъ сельскаго [1]). Развитіе мѣстной печати, не взирая на конкуренцію большихъ ежедневныхъ газетъ, выходящихъ въ крупныхъ центрахъ, объясняется тѣмъ, что она удовлетворяетъ спеціальной потребности, о чемъ уже было сказано выше. Ежедневная газета, выходящая въ большомъ мѣстномъ центрѣ, не можетъ давать мѣстныхъ новостей,—послѣднія составляютъ удѣлъ мѣстной прессы. Ограниченность района послѣдней обусловливаетъ собою форму ея организаціи.

[1]) XII Census of the United States, vol. IX. p. 1040.

По даннымъ X ценза, совокупный персоналъ редакцій и сотрудниковъ всѣхъ періодическихъ изданій составлялъ 16,600 человѣкъ, т. е. среднимъ счетомъ по $1^1/_2$ человѣка на изданіе. Большинство изданій принадлежало къ тому типу, который здѣсь въ насмѣшку называютъ «однолошадными газетами» (one hoss paper въ простонародномъ произношеніи вмѣсто — one horse paper). Такія газеты обыкновенно основываются наборщиками; издатель самъ-же и редакторъ, и наборщикъ, и печатникъ. Многія изданія подобнаго рода обходятся совсѣмъ безъ наемнаго труда; редактору-издателю помогаютъ его дѣти. На основаніе такой газеты требуется самый ничтожный капиталъ, не болѣе 500 долларовъ; при томъ-же и шрифтъ, и печатный станокъ, и бумагу можно получить здѣсь въ разсрочку. Многія изъ мѣстныхъ изданій имѣютъ кочевой характеръ. Предпріимчивый наборщикъ, а часто наборщикъ, оставшійся за штатомъ вслѣдствіе введенія наборной машины, основываетъ газету и типографію въ городкѣ или селеніи, гдѣ до того не было ни той, ни другой. Расчетъ на типографскіе заказы составляетъ немаловажное соображеніе: при огромномъ развитіи всякаго рода общественныхъ учрежденій,—обществъ взаимопомощи, кооперативныхъ обществъ, клубовъ, политическихъ союзовъ, церковныхъ попечительствъ и т. п., спросъ на всякаго рода объявленія огромный; сверхъ того, постоянно наѣзжаютъ то купцы съ «распродажами», то странствующія труппы актеровъ, цирки и проч.; наконецъ, въ каждомъ графствѣ есть казенныя объявленія. Посидитъ такой редакторъ на одномъ мѣстѣ, не повезетъ — онъ укладываетъ свои пожитки и ѣдетъ искать удачи въ другомъ мѣстѣ.

Само собою разумѣется, что скудости матеріальныхъ средствъ соотвѣтствуетъ и скудость содержанія мѣстной прессы. Вотъ что мы читаемъ объ этомъ въ статистическомъ обзорѣ X ценза: «нѣкоторые изъ вопросныхъ бланковъ, выполненныхъ собственноручно издателями и возвращенныхъ въ бюро ценза, обнаруживаютъ крайнее невѣжество» (стр. 93). Послѣднее, впрочемъ, какъ мы увидимъ, справедливо и по отношенію къ большой печати.

Главнымъ источникомъ газетнаго дохода являются объявленія. Газеты здѣсь такъ дешевы, что розничная продажа и

подписка окупають лишь расходъ на бумагу [1]). Въ захолустной глуши самымъ надежнымъ видомъ объявленій представляются газетныя объявленія. «Во многихъ городахъ и графствахъ изъ-за нихъ идетъ непрекращающаяся борьба; раздача ихъ опредѣляется партійными соображеніями; въ этомъ—объясненіе тѣсной связи между политическими партіями и прессой и препятствіе развитію независимой печати» (тамъ-же, стр. 87).

Въ 1880 году двѣ трети всѣхъ газетъ были оффиціозами той или другой партіи. «Оффиціальные» органы партіи, т. е. такіе, которые находились-бы подъ непосредственнымъ контролемъ партіи, въ Америкѣ вывелись. Исключеніе составляютъ только соціалистическія партіи, у которыхъ есть свои «оффиціальные» органы, но и тѣ плохо прививаются: независимая соціалистическая газета «Appeal to Reason», составляющая частную собственность издателя и не подчиненная ничьему контролю, расходится въ большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ всѣ остальныя соціалистическія газеты, вмѣстѣ взятыя.

Приводимъ изъ статьи Вилкокса табличку, показывающую распредѣленіе по политическимъ оттѣнкамъ 135 важнѣйшихъ ежедневныхъ газетъ, въ концѣ девяностыхъ годовъ:

Республиканскихъ	42
Демократическихъ	29
«Независимыхъ» республиканскихъ	9
» демократическихъ	11
Вполнѣ независимыхъ	44
Всего	135

Такимъ образомъ, одна треть большихъ ежедневныхъ газетъ совершенно свободна отъ партійнаго ярма; если-же прибавить сюда и «независимыя» республиканскія и демократическія газеты, т. е. такія, которыя отстаиваютъ политику той или другой партіи, не обязываясь защищать всякую гнусность, совершенную партіей или ея вожаками, тогда независимыхъ газетъ окажется около половины.

[1]) XII Census, vol. IX, p. 1090.

Если матеріальную основу политической зависимости прессы составляютъ казенныя объявленія, то эмансипація части большой ежедневной прессы отъ подчиненности политиканамъ обусловлена тѣмъ, что въ ея бюджетѣ казенныя объявленія отошли на задній планъ. Это доказывается цифрами, которыя мы находимъ въ цитированной статьѣ Вилкокса. Онъ взялъ 147 газетъ, выходящихъ въ 21 городѣ, и вычислилъ распредѣленіе по отдѣламъ содержанія ихъ за недѣлю. Оказалось, что въ среднемъ счетѣ подъ объявленія отдано было 32,1$^0/_0$ газеты, на казенныя-же въ томъ числѣ только 2$^0/_0$, иными словами, казенныя объявленія составляли только 6$^0/_0$ всѣхъ объявленій. Но этотъ процентъ подверженъ былъ значительнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ распространенности газеты, какъ видно изъ слѣдующей таблички:

Число экземпляровъ:	$^0/_0{}^0/_0$ къ объему газеты:
Свыше 75000	0,5
Отъ 40000 до 75000	1,4
» 12500 » 40000	1,7
» 7500 » 12500	5,3

Мы видимъ отсюда, что съ ростомъ газеты падаетъ значеніе для нея казенныхъ объявленій: мелкія газеты извлекали изъ этого источника въ десять разъ больше дохода, нежели крупныя. «New York Journal» совсѣмъ не имѣлъ казенныхъ объявленій, въ «Chicago Times-Herald» они занимали 0,5$^0/_0$ всего объема, а въ «San Francisco Chronicle»—только 0,1$^0/_0$. Но освобожденіе отъ партійнаго подхалимства покупается цѣною порабощенія частной рекламѣ, которая оказываетъ еще болѣе деморализующее вліяніе на прессу.

Объявленія печатаются на всякой страницѣ, вперемежку съ извѣстіями и статьями. Нѣкоторыя объявленія пишутся въ формѣ занимательныхъ разсказовъ и, только прочитавши все, вы въ концѣ находите адресъ торговой фирмы, изъ котораго вы узнаете, что имѣете дѣло съ рекламой. Но цѣль достигнута—вы прочитали рекламу до конца. Конечно, въ большой газетѣ опытный глазъ сразу отличитъ по печати рекламу отъ обыкновенныхъ извѣстій; но въ захолустной газетѣ шрифтъ

такъ однообразенъ и плохъ, что сразу и не отличишь. Есть еще здѣсь особый родъ объявленій, такъ назыв. «редакціонныя замѣтки»,—«редакція продаетъ за деньги свое одобреніе», какъ выражается отчетъ ценза (стр. 89). Давленіе капитала, особенно крупныхъ акціонерныхъ обществъ, на прессу чрезъ посредство объявленій—громадно.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе естественнаго подбора огромное большинство американскихъ газетъ—прислужницы капитала и господствующихъ партій.

Дешевая популярная газета, коммерческій расчетъ которой — въ симпатіи массъ, вынуждена прибѣгать къ поддержкѣ другого рода объявленій, такъ наз. «медицинскихъ». Это рекламы о разнаго рода патентованныхъ лекарствахъ отъ всѣхъ болѣзней и объявленія спеціалистовъ по такъ наз. «женскимъ болѣзнямъ».

По вычисленію Вилкокса, такъ наз. «медицинскія объявленія» составляютъ въ среднемъ для 147 газетъ около одной восьмой части всѣхъ объявленій.

Чикагская газета «Dispatch» нѣсколько лѣтъ тому назадъ избрала своею спеціальностью объявленія домовъ терпимости. Въ концѣ концовъ федеральныя власти возбудили противъ редактора-издателя уголовное преслѣдованіе, и онъ угодилъ на два года въ тюрьму.

Не нужно думать, однако, что подобныя объявленія составляютъ исключительную принадлежность уличной прессы,— и здѣсь не обходится безъ конкуренціи большихъ газетъ. Піонеръ американской сенсаціонной прессы «New York Herald» имѣетъ спеціальный отдѣлъ «личныхъ» объявленій (personal), которыя мало чѣмъ отличаются отъ чикагской «Dispatch». Вотъ образчикъ: «Замужняя дама 29-ти лѣтъ ищетъ дружбы господина, который въ состояніи оказывать ей матеріальную помощь». Адресъ указанъ въ конторѣ газеты.

Говоря о рекламѣ, необходимо также упомянуть о зазывательствѣ американскихъ газетъ. Здѣсь «аржаная каша сама себя хвалитъ» во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности, а потому газетное самовосхваленіе никого не поражаетъ. Къ нему прибѣгаютъ рѣшительно всѣ газеты, даже претендующія на респектабельность. Сенсаціонныя газеты прибѣгаютъ ко всякимъ

средствамъ, чтобы обратить на себя вниманіе; напр., года два тому назадъ «New York Journal» послалъ двухъ гимназистовъ въ кругосвѣтное путешествіе въ противоположныхъ направленіяхъ (они побывали и въ Россіи) и ежедневно печаталъ телеграммы о томъ, гдѣ они ѣли яичницу съ колбасой; въ то же время здѣсь былъ назначенъ призъ тому, кто пришлетъ точный отвѣтъ, гдѣ и когда они встрѣтятся. Понятно, тысячи людей слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за движеніями юныхъ путешественниковъ и покупали газету. Такія рекламы по силамъ только крупнымъ газетамъ.

Такимъ образомъ, все способствуетъ концентраціи въ области ежедневной печати и успѣшной конкуренціи большой прессы съ мѣстною еженедѣльною печатью. Тѣмъ не менѣе потребность въ мѣстной газетѣ и въ то же время безвыгодность ея для издателя отмежевали эту область мелкому предпринимателю. Но и здѣсь вторженіе капитала уже весьма ощутительно. Тутъ имѣются компаніи, которыя печатаютъ внутреннюю сторону газетнаго листа и продаютъ ее мѣстнымъ газетамъ; мѣстный редакторъ выполняетъ наружную сторону листа мѣстными извѣстіями, передовыми статьями, замѣтками и мѣстными объявленіями. Такіе полулисты продаются издателямъ чуть-ли не по цѣнѣ бумаги; главная выгода компаніи въ доходѣ съ объявленій, которыя она печатаетъ на внутренней сторонѣ листа. Первое такое учрежденіе основано было на западѣ, въ Милвоки, еще въ 1864 году. Въ 1880 году такихъ компаній считалось 21; онѣ снабжали печатной бумагой 3238 изданій, въ томъ числѣ 32 ежедневныхъ и 3089 еженедѣльныхъ; стало быть около половины всѣхъ еженедѣльныхъ газетъ до извѣстной степени находилось въ рукахъ 21 компаніи. На каждую компанію приходилось по 150 газетъ. Это были все мелкія газетки, печатавшіяся, среднимъ числомъ, въ количествѣ 600 экземпляровъ; слѣдовательно, каждая компанія имѣла кругъ читателей въ 90,000 человѣкъ, считая по одному читателю на экземпляръ. Съ тѣхъ поръ это дѣло значительно разрослось и подверглось дальнѣйшей централизаціи. Въ 1900 г., по даннымъ переписи, такихъ газетъ было 7749. Одна компанія печатала круглымъ счетомъ 2,600 газетъ; въ своей рекламѣ она объявляла, что ея полулисты расходятся

въ 8,000,000 экземпляровъ. Затѣмъ другая компанія имѣла свыше 1,800 газетъ, третья составляетъ синдикатъ изъ 9 мелкихъ компаній и имѣетъ въ общемъ около 1,500 газетъ.

Въ большинствѣ случаевъ это не болѣе, какъ макулатура: «очень немного такого рода газетъ, которыя дѣлали бы честь отечественной печати», читаемъ мы въ статистическомъ обзорѣ ценза (стр. 95).

Помимо этой концентраціи сверху, происходитъ еще и концентрація снизу; въ гуще населенныхъ мѣстностяхъ нѣсколько газетъ для окрестныхъ мѣстечекъ издается тѣмъ же самымъ издателемъ и печатается въ одной и той же типографіи; мѣняется только заголовокъ и столбецъ чисто мѣстныхъ новостей или, вѣрнѣе, сплетенъ, которыми наполнена всякая мѣстная газетка. Видное мѣсто отводится новостямъ, въ родѣ нижеслѣдующихъ: «г-жа Смитъ съ дѣтьми, изъ Нью-Іорка, гоститъ теперь у своего брата, г-на Джонза». Ни г-жа Смитъ, ни г-нъ Джонзъ рѣшительно ничѣмъ не замѣчательны; г. Джонзъ обыкновенный фермеръ,—по нашему «крестьянинъ-собственникъ», а г-жа Смитъ—базарная торговка; но г. Джонзъ, видите-ли, подписчикъ, и долгъ редактора оказать ему почетъ и уваженіе. Свадьбы, родины, крестины, именины, — все это событія, которыя съ подобающею подробностью заносятся въ столбецъ «свѣтскихъ новостей». Вотъ эта-то мѣстная хроника и составляетъ единственное отличіе между мѣстными газетками, выходящими изъ одной и той же типографіи.

Ежедневныя газеты, какъ мы видѣли, рѣдко пользуются отпечатанными полулистами. Но и здѣсь процессъ централизаціи подвинулся очень далеко. Самую крупную статью расхода составляютъ телеграммы. Всѣ иногороднія извѣстія доставляются по телеграфу,—корреспонденціи по почтѣ здѣсь не въ ходу. Поэтому изданіе утренней газеты требуетъ огромныхъ затратъ на телеграммы. Существующее здѣсь телеграфное агентство, Associated Press,—въ полномъ смыслѣ слова трёстъ. Это союзъ издателей большихъ ежедневныхъ газетъ, которыя пользуются исключительнымъ правомъ на полученіе телеграммъ; новой газетѣ это право можетъ быть предоставлено лишь съ согласія другихъ мѣстныхъ газетъ. Это равносильно фактическому запрещенію основанія новыхъ утреннихъ газетъ.

Пробовали съ телеграфнымъ агентствомъ бороться судебнымъ порядкомъ. Въ Чикаго судъ призналъ его противозаконной стачкой; въ Нью-Іоркѣ, напротивъ того, въ немъ не усмотрѣно было ничего противозаконнаго. Но дѣло въ томъ, что сила агентства въ огромномъ капиталѣ, который требуется для учрежденія другого такого же предпріятія, а если найдется капиталъ, то спустя нѣкоторое время конкуренты придутъ къ соглашенію. Такъ случилось недавно съ United Press, которая послѣ нѣсколькихъ лѣтъ успѣшной конкуренціи слилась съ Associated Press.

Благодаря телеграфной монополіи, большинство ежедневныхъ газетъ—вечернія газеты. Съ 1890 по 1900 г. число утреннихъ газетъ возросло съ 559 до 595, вечернихъ-же—съ 1051 до 1631; т. е. за цѣлое десятилѣтіе основано было только 36 утреннихъ газетъ, тогда какъ вечернихъ за то же время основалось 580. Вечернія газеты перепечатываютъ телеграммы изъ утреннихъ и послѣобѣденныхъ газетъ. De facto, такимъ образомъ, весь репортажъ въ рукахъ одного могущественнаго трёста. Если политическія партіи считаютъ важной поддержку мелкой мѣстной газетки, то не трудно себѣ представить, какое значеніе для большой политической партіи имѣетъ доброжелательство подобнаго трёста: умолчать объ успѣхахъ враждебной партіи, преувеличить шансы другой, гдѣ прикрасить, гдѣ затушевать,—все это пріемы, которыми здѣсь не брезгаетъ въ политической борьбѣ рѣшительно ни одна партія, не исключая и самыхъ ультра-передовыхъ. Что Associated Press находится въ тѣсномъ союзѣ съ республиканской партіей, ни для кого не тайна; противъ этого агентства раздаются громкія обвиненія въ пристрастной передачѣ извѣстій. Единственное средство борьбы съ этой тактикой—содержаніе штата спеціальныхъ корреспондентовъ; но это по силамъ только самымъ большимъ газетамъ. Такимъ образомъ, и это способствуетъ росту большихъ газетъ насчетъ мелкихъ утреннихъ газетъ. Большія газеты въ Нью-Іоркѣ, Чикаго, Филадельфіи, Бостонѣ расходятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Необходимо еще упомянуть о другихъ формахъ газетныхъ синдикатовъ. Мѣстная хроника происшествій, судебная хроника, кромѣ causes célèbres, и т. п. составляются въ большихъ

городахъ мѣстными синдикатами и передаются во всѣ мѣстныя газеты. Есть, затѣмъ, синдикаты для поставки фельетоновъ, статей по текущимъ вопросамъ, финансовымъ, политическимъ, соціальнымъ, городского хозяйства и т. п. Но эти синдикаты не имѣютъ характера монополій; это—частныя предпріятія, доставляющія газетный матеріалъ по дешевой цѣнѣ всякому, кто заплатитъ. Этимъ пользуются въ особенности мелкія провинціальныя ежедневныя газеты. Такимъ образомъ, и здѣсь проявляется процессъ централизаціи.

Все предыдущее относится къ редакціонному отдѣлу. Въ конторской части централизація проявляется еще рѣзче.

Подписки на большія ежедневныя газеты, собственно говоря, не существуетъ: онѣ расходятся почти исключительно въ розничной продажѣ. Дѣло это организовано слѣдующимъ образомъ. По выходѣ газеты ее немедленно хватаютъ разносчики, большею частью мальчики съ десятилѣтняго возраста, часто и меньше. Кромѣ того, въ отдаленные кварталы газета развозится по лавочкамъ, торгующимъ газетами; въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ есть уличные лотки, на которыхъ продаются газеты; торгуютъ газетами и въ книжныхъ и писчебумажныхъ лавкахъ, и въ табачныхъ лавочкахъ, и въ аптекахъ и т. п. Большею частью, однако, конторы газетъ этимъ не занимаются сами, а предоставляютъ дѣло особымъ компаніямъ, которыя берутъ на себя доставку газетъ различнымъ торговцамъ, городскимъ и иногороднимъ. Для газетъ это удобнѣе, такъ какъ избавляетъ отъ излишняго счетоводства, переписки и т. п. Наглядное представленіе объ организаціи продажи газетъ даетъ слѣдующая табличка, извлеченная изъ книгъ нью-іоркской газеты «Sun» за одинъ день въ 1880 г. (годъ X ценза):

Продано въ конторѣ	792	экз.
» разносчикамъ	12237	»
Послано загороднымъ газетчикамъ . .	14443	»
» по почтѣ	5221	»
» черезъ компаніи	101165	»
Итого	133858	экз.

Такимъ образомъ, три четверти всей розничной продажи сосредоточено въ рукахъ нѣсколькихъ компаній.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о періодическихъ изданіяхъ на иностранныхъ языкахъ. Большой процентъ пришлаго населенія, которое во многихъ большихъ городахъ включаетъ большинство всѣхъ взрослыхъ жителей, понятно, создаетъ потребность въ періодической печати на иностранныхъ языкахъ. Въ 1880 году въ Соединенныхъ Штатахъ выходило 799 изданій на 15 иностранныхъ языкахъ, и за истекшія 20 лѣтъ иноязычная пресса значительно разрослась. Въ 1900 году выходили періодическія изданія на 25 языкахъ.

Русскимъ изданіямъ въ Америкѣ не повезло. Русское печатное слово здѣсь имѣетъ давнюю исторію. По пріобрѣтеніи Аляски американское правительство въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издавало оффиціальный листокъ «The Alaska Herald» на англійскомъ и русскомъ языкахъ. По прекращеніи этого листка, редакторъ русскаго отдѣла его, о. Гончаренко, выпустилъ нѣсколько нумеровъ, но за отсутствіемъ русскихъ читателей изданіе прекратилось. Русско-еврейская эмиграція перебросила въ Америку много интеллигентныхъ евреевъ, получившихъ образованіе въ русскихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ концѣ 80-хъ г.г. и въ первой половинѣ 90-хъ г.г. затѣвались въ разное время русскія газеты, но всѣ онѣ прекратились по недостатку средствъ. На удовлетвореніе взыскательнаго вкуса интеллигентнаго читателя требовались средства, которыхъ не могла давать подписка и продажа въ количествѣ 1500 экз. при американскихъ цѣнахъ на газеты. Еврейская-же масса имѣетъ свою еврейскую печать. Въ настоящее время въ Нью-Іоркѣ выходитъ еженедѣльный листокъ «Русско-Американскій Церковный Вѣстникъ», который издается русскимъ епархіальнымъ вѣдомствомъ. Листокъ печатается въ 1000 экземпляровъ и распространяется духовными властями среди православныхъ русинъ.

Отмѣтимъ три изданія на индѣйскихъ нарѣчіяхъ,—2 ежемѣсячныхъ и 1 еженедѣльное; они расходятся приблизительно въ 3000-хъ экземпляровъ. И въ среду этихъ полукочевыхъ сыновъ природы американская культура вмѣстѣ съ водкой и сифилисомъ принесла газету!

Особое мѣсто среди инородческой печати занимаетъ негритянская пресса. Негры или, вѣрнѣе, цвѣтнокожіе—паріи аме-

риканскаго общества. На югѣ ихъ ненавидятъ, на сѣверѣ ихъ презираютъ. На югѣ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія у нихъ отняли всѣ политическія права; въ гражданскихъ правахъ они, правда, не ограничены, но общественный остракизмъ закрываетъ имъ доступъ не только къ свободнымъ профессіямъ, но и къ лучше оплачиваемымъ отраслямъ физическаго труда. И все же прогрессъ, сдѣланный этой гонимой расой, только 40 лѣтъ тому назадъ вышедшей изъ рабства, по сравненію съ которымъ меркнутъ всѣ худшія злоупотребленія нашего крѣпостничества, поистинѣ изумителенъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ на югѣ еще преслѣдовали людей, которые учили негровъ грамотѣ. Въ 1901 г. въ Соединенныхъ Штатахъ было 139 періодическихъ изданій, отстаивающихъ интересы цвѣтнокожихъ и выходящихъ при исключительномъ участіи негровъ-сотрудниковъ. Въ томъ числѣ есть ежемѣсячный журналъ «The Colored American Magazine» съ 15,000 подписчиковъ, одна еженедѣльная газета, выходящая въ Чикаго, съ такою-же приблизительно подпискою (свыше 12,500 экз.), и даже одна ежедневная газета въ Вашингтонѣ, имѣющая до 1000 подписчиковъ. Въ общей сложности, нужно полагать, спеціально-негритянская печать имѣетъ не менѣе 200,000 подписчиковъ. Само собою разумѣется, что цвѣтнокожіе читаютъ и общіе газеты и журналы.

II.

На этомъ мы покончимъ съ внѣшней, описательной стороной и перейдемъ къ содержанію и характеру американской печати. Предоставимъ слово обозрѣвателю ея въ юбилейномъ выпускѣ двухнедѣльнаго критико-библіографическаго обозрѣнія «The Dial»:

«Большинство (большихъ газетъ) ищетъ лишь сокровенной тропы къ карманамъ публики. Ихъ основатели и руководители готовы на что угодно, лишь-бы удовлетворить тому, въ чемъ они видятъ вкусъ или безвкусіе публики... Способные люди готовы проституировать свои таланты; люди, повидимому, почтенные продаютъ свою совѣсть и убѣжденія, чтобы найти эту извилистую тропу».

Воскресныя «журнальныя» приложенія («Sunday magazines»)

къ ежедневнымъ газетамъ обозрѣватель характеризуетъ, какъ «настоящіе магазины взрывчатыхъ веществъ, имѣющихъ весьма смутное сродство съ искусствомъ и литературой, но обладающихъ нѣкоторыми непріятными свойствами лиддита, если позволительно сравненіе зловонія невещественнаго съ вещественнымъ» [1]).

Въ этой характеристикѣ нѣтъ ни капли преувеличенія. Большая ежедневная газета стремится замѣнить читателю и журналъ, и финансовое обозрѣніе, и книгу, словомъ, беретъ на себя роль всеобщаго поставщика духовной пищи. За вычетомъ одной трети объема на объявленія, въ ежедневномъ изданіи остается 8 страницъ мельчайшаго шрифта (бриллiанта), а въ воскресномъ, по меньшей мѣрѣ, втрое больше. Это выходитъ по цѣлой книгѣ въ день. Американская печать ставитъ высшимъ критеріемъ рыночный законъ спроса и предложенія: газета не пытается воспитывать читателя, а приспособляется къ «вкусу или безвкусію» читателя. Поэтому, по содержанію газеты можно судить о томъ, чего требуетъ читатель. Вилкоксъ приводитъ слѣдующее опредѣленіе «дѣльнаго радактора газеты», которое принадлежитъ прежнему редактору большой сэнтъ-луиской газеты «Globe-Democrat»,—эта газета расходится ежедневно въ 90,000 экз., а еженедѣльное изданіе въ 140,000:—«самый дѣльный редакторъ это человѣкъ, который лучше всѣхъ знаетъ, гдѣ сейчасъ начнется пандемоніумъ и уже заранѣе запасся репортеромъ на мѣстѣ» (стр. 81).

Таково руководящее правило сенсаціонной, т. наз. «желтой» печати. Что желтая печать имѣетъ большій успѣхъ въ публикѣ, чѣмъ болѣе солидныя газеты, показываетъ слѣдующая табличка, составляющая резюме изслѣдованій Вилкокса по этому вопросу:

Распространеніе газетъ:	Желтыя.	Солидныя.
Свыше 20,000 экз. . . .	39	20
Менѣе » »	8	25

Эти 92 газеты выходятъ въ главныхъ городскихъ центрахъ;

[1]) American Periodicals.—„The Dial“. 20-th anniversary number May 1, 1901.

среди наиболѣе распространенныхъ газетъ оказывается вдвое больше желтыхъ, чѣмъ другихъ; среди менѣе распростаненныхъ—втрое больше послѣднихъ, чѣмъ желтыхъ. Ясно, что желтая газета побѣждаетъ. Что-же такое желтая газета? Наша «Краса Демидрона» объ этомъ даетъ лишь самое отдаленное и несовершенное представленіе. Самое видное мѣсто въ такой газетѣ занимаетъ хроника преступленій и скандаловъ, затѣмъ дешевыя и плохенькія иллюстраціи.

Вилкоксъ произвелъ тщательный учетъ содержанія за недѣлю 147 главныхъ газетъ, выходящихъ въ 21 городѣ, и приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ. Объявленія занимали 32,1% всего объема; изъ остающихся 67,9%, новости занимали 55,3%, на все остальное оставалось лишь 12,6%, т. е. менѣе одной пятой всего содержанія газеты. Такъ какъ газеты взяты за время испанско-американской войны, то совершенно естественно, военныя извѣстія занимали первое мѣсто—17,9%. За вычетомъ военныхъ извѣстій и объявленій, обычное содержаніе газеты распредѣлится слѣдующимъ образомъ (вычисленіе процентовъ сдѣлано мною):

Смѣсь	22,2 %	100
Торгово-промышленная и биржевая хроника	16,4 »	
Политическія извѣстія	12,8 »	
Спортъ	10,2 »	
Хроника преступленій и скандаловъ	6,2 »	
Иллюстраціи	6,2 »	
Свѣтскія сплетни	4,6 »	
Иностранныя извѣстія	2,4 »	
Переводныя статьи	7,8 »	
Обзоръ печати и письма въ редакцію	6,4 »	
Литературный отдѣлъ	4,8 »	

Такимъ образомъ, четыре пятыхъ газеты отводится новостямъ дня, но на торгово-промышленныя извѣстія, политику и иностранныя извѣстія отводится вмѣстѣ 31,6%, а на спортъ, преступленія и скандалы, сплетни,—сюда-же относятся и иллюстраціи,—и другой вздоръ, не поддающійся классифи-

кацiи,—49,4%, т. е. половина газеты. Самое послѣднее мѣсто удѣляется иностраннымъ извѣстiямъ, около столбца ежедневно, который обыкновенно состоитъ изъ однѣхъ телеграммъ и не даетъ никакого понятiя объ иностранной жизни. Безъ всякаго преувеличенiя, изъ получаемой мною второстепенной русской газеты я узнаю больше о томъ, что дѣлается въ З. Европѣ, нежели изъ нѣсколькихъ большихъ нью-iоркскихъ и вашингтонскихъ газетъ, которыя я просматриваю ежедневно.

Литературный отдѣлъ занимаетъ столько-же мѣста, сколько описанiе бальнаго платья г-жи Асторъ, списокъ гостей, приглашенныхъ на вечеръ къ г-жѣ Вандербильтъ, описанiе ванной г-жи Огденъ Милзъ и т. п. Спортъ, не считая иллюстрацiй, занимаетъ больше мѣста, чѣмъ передовыя статьи; иллюстрацiи рисуютъ кулачнаго бойца во всѣхъ выдающихся позахъ и сопровождаются обстоятельнымъ описанiемъ, исполненнымъ тончайшихъ подробностей, какъ «парнюга» Макъ Кой (Kid Mc. Coy) «звѣзданулъ подъ микитки» Яшку такого-то, и какъ и куда Яшка «заѣхалъ» (landed) ему лѣвой, и какъ тотъ, изловчившись, «саданулъ» Яшку и проч.,—тутъ цѣлая «научная» (scientific) терминологiя!

Приведенныя процентныя отношенiя—среднiя для 147 газетъ, но они подвержены рѣзкимъ колебанiямъ въ частныхъ случаяхъ. Распредѣляя газеты по степени распространенности, мы получаемъ слѣдующую весьма поучительную табличку:

Число экземпляровъ.	Содержанiе, въ %% къ всему объему газеты.			
	Иллюстрацiи.	Преступленiя и скандалы.	Политическ. извѣстiя.	Передовыя ст. и отзывы печ.
Свыше 75,000 . . .	7,6	4,1	5,4	5,2
Отъ 20,000 до 75,000	3,2	3,8	5,7	6,5
Менѣе 20,000 . . .	2,4	2,7	6,8	8,6

Изъ этой таблицы видно, что, чѣмъ лучше расходится газета, тѣмъ меньше вниманiя она удѣляетъ политикѣ и руководящимъ статьямъ и, наоборотъ, тѣмъ больше мѣста она отводитъ хроникѣ преступленiй, скандаламъ и иллюстрацiямъ. Въ Америкѣ, какъ и въ древнемъ Римѣ, чернь требуетъ «зрѣлищъ».

Тотъ-же авторъ даетъ распредѣленiе 703 передовыхъ ста-

тей (въ среднемъ по 5 статей на каждый нумеръ) по содержанію. Около половины было посвящено войнѣ (344), изъ остальныхъ—около двухъ третей (218) политикѣ, прочія—другимъ предметамъ. Но редакціонныя мнѣнія еще во времена Токвиля ни во что не ставились въ Америкѣ; это положеніе съ тѣхъ поръ не измѣнилось. Оно и понятно. Всякій знаетъ, что мнѣнія газеты продиктованы не убѣжденіемъ, а коммерческимъ расчетомъ. Газетныя статьи здѣсь анонимны, читатель не знаетъ про автора и авторъ не чувствуетъ никакой нравственной отвѣтственности за то, что онъ пишетъ. Газетный сотрудникъ и даже редакторъ—литературный батракъ, нанятый затѣмъ, чтобы дѣлать всякую работу, какую укажетъ хозяинъ. О личныхъ убѣжденіяхъ литератора здѣсь не справляются; умѣешь писать по заказу на заданную тему въ такомъ духѣ, какъ велятъ,—вотъ и все, что нужно!

Оставляя вопросъ объ убѣжденіяхъ, нужно сказать, что преподносимый публикѣ изъ-за редакціоннаго прилавка литературный товаръ и добротностью не отличается.

Причины лежатъ въ постановкѣ газетнаго дѣла. Редакція большой ежедневной газеты—фабрика новостей и общественнаго мнѣнія, съ сотней-другой постоянныхъ литературныхъ рабочихъ и строго проведеннымъ раздѣленіемъ труда. Сторонніе сотрудники,—литературные кустари, какъ у насъ,—здѣсь рѣдкое исключеніе. Литературный фабричный начинаетъ съ литературныхъ мальчиковъ и при благопріятныхъ условіяхъ и умѣніи приспособляться—«примѣнительно къ подлости», какъ говоритъ Щедринъ, — мало-по-малу доползаетъ до редакторскаго мѣстечка. Очень рѣдкіе до поступленія въ газетное «заведеніе» получили какое-нибудь образованіе; среди редакторовъ большихъ газетъ люди, учившіеся въ гимназіи (колледжѣ), а тѣмъ паче въ университетѣ,—исключенія. Эксплуатація репортерскаго труда хуже, чѣмъ на другихъ фабрикахъ, потому что рабочій день репортера не имѣетъ предѣловъ: репортеръ долженъ быть на бѣгу или на чеку во всякое время дня и ночи. Когда-же тутъ пополнять свое образованіе?

Очевидно, научиться изъ передовыхъ статей можно немногому. Простительно, если масса читателей не особенно цѣнитъ

ихъ въ газетѣ. Газета—не учитель, не истолкователь явленій, а протоколистъ, рапортующій читателю о текущихъ происшествіяхъ. Но и въ этой роли газета, безпристрастно говоря, не исполняетъ своей обязанности. Вилкоксъ раздѣляетъ всѣ извѣстія на двѣ категоріи: общія и спеціальныя. Послѣднія состоятъ изъ торгово-промышленныхъ и биржевыхъ извѣстій, спорта и свѣтскихъ сплетенъ. «Общія извѣстія сообщаются неточно и часто невѣрно; спеціальныя извѣстія передаются точно и на нихъ полагаются въ дѣлахъ» (стр. 62). Такимъ образомъ, только справочныя извѣстія торгово-промышленнаго характера, новости спорта и свѣтскія сплетни заслуживаютъ довѣрія въ газетѣ. Иному читателю покажется неяснымъ, какія «дѣла» дѣлаются на основаніи извѣстій о спортѣ и свѣтскихъ событіяхъ. Это очень просто. Здѣсь идутъ азартнѣйшія пари за того или другого кулачнаго бойца, гребца, скакуна и проч.; состязаніе двухъ знаменитыхъ бойцовъ, двухъ университетовъ въ игрѣ въ мячъ, велосипедная гонка,—это событія такого-же всепоглощающаго интереса, какъ выборы президента республики. Въ пари принимаютъ участіе сотни тысячъ людей всѣхъ общественныхъ положеній. Въ каждомъ порядочномъ кабакѣ есть юзовскій телеграфный пріемникъ, на которомъ непрерывно разворачивается лента съ телеграфными извѣстіями о ходѣ состязаній.

Передъ окнами редакцій желтыхъ газетъ на высотѣ пятаго этажа выстраивается помостъ съ гигантской черной доской, на которой поминутно пишутся полуаршинными буквами послѣднія извѣстія съ театра дѣйствій. Передъ зданіемъ цѣлый день стоитъ непроходимая толпа народу. Каждый часъ выпускаются «экстренныя» изданія съ магическими формулами, напечатанными вершковыми литерами: Harvard—15, Gale—11. Газеты расходятся, «какъ горячіе блины» (like hot cakes).

А свѣтскія событія? Всякая американка любитъ наряжаться; богатыя заказываютъ себѣ платья у знаменитыхъ портныхъ обоихъ полушарій, а бѣдныя и средне-состоятельныя шьютъ себѣ сами,—американская образованная женщина не считаетъ ниже своего достоинства шить на себя и на дѣтей; прочитаетъ она въ газетѣ подробное описаніе лифа г-жи Гульдъ, или рукавовъ миссъ Дэйзи Лайтеръ, обыкно-

венно написанное съ тонкимъ знаніемъ дѣла,—тутъ-же еще и иллюстрація.—вотъ она и сошьетъ себѣ и своей дочери платье ничуть не хуже. Милліонерши платятъ за покрой, за фирму портного и за свой собственный санъ: года три-четыре тому назадъ, во время стачки дамскихъ портныхъ въ Нью-Іоркѣ, къ ужасу царицъ бомонда, выяснилось, что фешенебельные портные поставляютъ имъ матеріалъ, вполнѣ доступный по цѣнѣ обыкновеннымъ смертнымъ. Ка́къ видите, въ свѣтскихъ новостяхъ есть чисто-дѣловой интересъ. Это—своего рода демократическое равенство, которое, по опредѣленію ирландца въ извѣстномъ анекдотѣ, заключается въ томъ, что здѣсь «одинъ человѣкъ не хуже другого, и даже лучше» (one man is as good as another and even better).

Что-же касается до другихъ новостей, то кому, въ самомъ дѣлѣ, какая забота, все-ли правда въ какой-нибудь скандальной исторіи, или нѣтъ? Это читается, какъ пикантный романъ,—главное, было-бы занятно и чтобы оно появилось раньше, чѣмъ въ другой газетѣ,—куда тамъ гоняться за правдою!

Отдѣломъ новостей во всякой большой газетѣ завѣдуетъ особый редакторъ,—«городской редакторъ» (city editor). Въ газетѣ «Brann's Iconoclast» за 1898 г. находимъ характеристику типическаго городского редактора, принадлежащую перу стараго репортера, который тридцать лѣтъ работалъ въ большихъ газетахъ Нью-Іорка, Бостона, Чикаго, С. Франциско и др. Изъ каждой строчки этой статьи дышетъ наболѣвшее чувство человѣка, вынужденнаго изъ года въ годъ попирать свое чувство человѣческаго достоинства изъ-за куска насущнаго хлѣба.

«Чтобы сдѣлаться городскимъ редакторомъ, нужно предварительно пройти черезъ стадію репортера. Нужно быть изъ того сорта репортеровъ, которые идутъ въ гору, благодаря искусству добывать новости. Для этого онъ долженъ доставать новости всякимъ способомъ, какимъ только возможно. Репортеръ, въ которомъ таятся задатки городского редактора, репортеръ, который стремится выйти въ городскіе редакторы, не задумается подслушивать въ замочную скважину, спрятаться подъ кровать, украсть бумаги, лгать безъ зазору, и готовъ снести какое угодно униженіе и оскорбленіе... Такія

личности держать въ своихъ рукахъ репутацію гражданъ,— мужчинъ и женщинъ. Отъ помѣщенія доставленныхъ имъ извѣстій ихъ не удержитъ ни жалость, ни чувство справедливости. Все зависитъ исключительно отъ того, способна-ли жертва дать отпоръ. Если извѣстіе компрометтируетъ человѣка богатаго или вліятельнаго, то оно будетъ обойдено молчаніемъ; если-же дѣло идетъ о человѣкѣ маленькомъ, то какъ-бы оно ужасно ни было, появленіе его такъ-же неизбѣжно, какъ восходъ и заходъ солнца. Городской редакторъ прежде всего заботится о цѣлости своей шкуры. Удостовѣрившись въ томъ, что заинтересованное лицо не въ силахъ упрятать его въ тюрьму или добиться, чтобы ему дали по шапкѣ, онъ сдаетъ извѣстіе въ печать. Что онъ этимъ, быть можетъ, губитъ человѣка, женщину, цѣлую семью,—въ его глазахъ вѣситъ меньше перышка. Онъ даже не справляется, правда-ли это; довольно, если оно правдоподобно. Сколько разъ на моихъ глазахъ репортеру приказывали написать цѣлый столбецъ о какой-нибудь несчастной покупательницѣ, которую накрыли на кражѣ въ магазинѣ модъ. И зато, сколько разъ мнѣ приходилось видѣть, съ какой поспѣшностью выбрасывалось сообщеніе о «клептоманіи» важной дамы! Сколько разъ мнѣ доводилось видѣть жестокіе заголовки жирными литерами о томъ, какъ какая-нибудь приказчица сбилась со стези добродѣтели! И сколько случаевъ я знаю, что мѣстная хроника не заключала въ себѣ ни намека о пьяномъ дебошѣ знатной дамы, о которомъ трубилъ весь городъ,—потому что мужъ ея помѣщаетъ крупныя объявленія въ газетѣ... Городской редакторъ— кабальный холопъ завѣдующаго конторой, во-первыхъ, потому, что онъ боится потерять мѣсто, если станетъ перечить человѣку, который доставляетъ средства, чѣмъ платить жалованье, а, во-вторыхъ, потому, что онъ самъ въ глубинѣ души убѣжденъ, что цѣль и миссія газеты—прежде всего наживать деньги, а затѣмъ ужъ быть приличнымъ органомъ печати».

Отсюда до прямого шантажа—только одинъ шагъ. Въ Чикаго одно время на этомъ поприщѣ подвизалась вышеупомянутая газета «Dispatch». Явится, бывало, сотрудникъ этой газеты къ намѣченной жертвѣ, представится и предъявитъ корректуру «статьи» біографическаго характера: «потруди-

тесь-де просмотрѣть, все-ли здѣсь вѣрно изложено». Обыкновенно это приводило къ искомому результату: жертва покупала молчаніе за деньги.

Если такія агрессивныя формы шантажа исключительны, то-есть другая, болѣе мягкая, форма, которая составляетъ нормальное явленіе; жертвы ея—служители искусства. За отчеты о спектакляхъ, концертахъ, картинахъ, за портреты артистовъ и артистокъ, съ послѣднихъ взимается опредѣленная плата. Не заплатишь—обойдутъ молчаніемъ.

III.

Такова ежедневная пресса. Мы видѣли, что въ Соединенныхъ Штатахъ большое развитіе получили журналы: здѣсь можно сказать, всякій читаетъ журналъ. Журналовъ въ русскомъ смыслѣ здѣсь нѣтъ; нѣсколько приближается къ типу русскаго журнала только «Atlantic Monthly». Этотъ журналъ, основанный въ Бостонѣ въ 1857 году, когда-то пользовался большою популярностью, но въ послѣднее время подписка его значительно упала. Типъ общаго журнала, дающаго и беллетристику, и научныя, и публицистическія статьи, очевидно, осужденъ на исчезновеніе; рыночный спросъ создалъ дифференціацію ежемѣсячниковъ, трехмѣсячниковъ и проч. на журналы для легкаго чтенія, неизмѣнно иллюстрированные, публицистическіе, и научные; среди послѣднихъ дифференціація проведена еще дальше: есть журналы философскіе, этическіе, экономическіе, естественно-научные и проч. Разсмотримъ всѣ эти типы по порядку.

На первомъ планѣ по числу читателей стоятъ дешевыя ежемѣсячныя изданія романовъ, выходящія въ размѣрѣ отъ 1 до 2 листовъ (16—32 стр.) формата русскихъ еженедѣльныхъ изданій; подписная цѣна на эти «журналы» отъ 25 до 50 сентовъ въ годъ. Подписка на эти шесть наиболѣе распространенныхъ изданій превышаетъ 2,200,000 экземпляровъ; есть еще много другихъ. Такимъ образомъ, не менѣе двухъ съ половиною милліоновъ экземпляровъ «журнальной» литературы, которою питаются читатели,—просто на просто т. наз. «detective stories», или «полицейско-сыщиковскіе романы», какъ покойный Зайцевъ выразился когда-то о «Петербург-

скихъ Трущобахъ». Въ Америкѣ предубѣжденія противъ сыщиковъ не существуетъ. Въ вагонахъ городской желѣзной дороги въ Нью-Іоркѣ вы можете прочесть объявленіе издательской фирмы «G. B. Lippincott C°» подъ заголовкомъ, напечатаннымъ жирными красными литерами: «Что сыщики говорятъ»; далѣе слѣдуютъ отзывы бывшаго филадельфійскаго полицеймейстера и завѣдующаго однимъ изъ многочисленныхъ здѣсь частныхъ сыскныхъ агентствъ о какой-то повѣсти, напечатанной въ продаваемомъ этой фирмой журналѣ «Lippincott's Magazine». «Это одна изъ лучшихъ сыскныхъ повѣстей, какія я когда либо читалъ», пишетъ первый; «что болѣе всего поразило меня, это знакомство автора съ сыскнымъ дѣломъ», говоритъ другой. Издатели, платящіе крупныя деньги за объявленіе въ вагонѣ, очевидно, знаютъ, что это хорошая реклама для привлеченія публики. Одна изъ наиболѣе распространенныхъ ежедневныхъ газетъ прямо называется: «Вустэрскій Шпіонъ».

Слѣдующее мѣсто занимаютъ ежемѣсячные иллюстрированные журналы. Самый распространенный изъ нихъ—«Munsey's Magazine»; этотъ журналъ основанъ позже другихъ извѣстныхъ ежемѣсячниковъ той-же категоріи и за 15 лѣтъ своего существованія достигъ цифры въ *615.000* подписчиковъ (въ сентябрѣ 1901 г.).

Посмотримъ содержаніе одной книжки этого журнала. Книжка открывается статьею о предстоящей коронаціи англійскаго короля. Статья состоитъ изъ ряда картинокъ и описаній выдающихся историческихъ зданій Лондона, съ анекдотическими подробностями о прежнихъ коронаціяхъ, и заключается размышленіемъ о значеніи предстоящаго торжества, какъ выраженія «тенденціи современной исторіи вообще и англо-саксонскаго развитія въ особенности».—«Британская корона нынѣ—символъ Британской Имперіи,—говоритъ авторъ.—Болѣе того, она представляетъ собою ту общую связь, которая объединяетъ это великое «разнородное цѣлое» съ его обширною территоріею и многочисленными народностями, съ его многообѣщающимъ будущимъ. Въ 1837 году королева Викторія короновалась, какъ номинальная правительница двухъ островковъ въ сѣверныхъ моряхъ. Въ 1902 году государственные мужи и воины изъ Ка-

нады и Австраліи, изъ Индіи, изъ колоній и владѣній во всѣхъ странахъ свѣта, собираются въ Вестминстеръ, чтобы привѣтствовать ея сына, какъ владыку всемірной имперіи».

Затѣмъ, замѣтка: «Сильный человѣкъ въ сенатѣ»—около страницы, портретъ — тоже около страницы; этотъ «сильный человѣкъ»—сенаторъ Элкинзъ, желѣзнодорожникъ и гешефтмахеръ, замѣшанный во всѣхъ хищеніяхъ испанско-американской войны; замѣтка прочитъ его въ преемники Розевелту. Далѣе: «Биржевой король», съ портретомъ, всего полторы страницы,—краткая характеристика Джеймза Кина, главнаго специалиста по части биржевой игры.

Остальное—смѣсь, состоящая изъ мелкихъ замѣтокъ газетнаго характера о хозяйкахъ частныхъ пріемовъ, оказанныхъ принцу Генриху прусскому, о воспитаніи наслѣдныхъ принцевъ, о дочери президента и дочеряхъ министровъ, о театральныхъ звѣздахъ и т. п. Все это не болѣе, какъ объяснительный текстъ къ иллюстраціямъ, въ которыхъ самое главное—дамскіе туалеты.

Единственная статья во всей книжкѣ, стоющая вниманія, это—коротенькая замѣтка въ двѣ съ половиною страницы: «О свѣтскихъ женщинахъ», гдѣ авторъ слегка осмѣиваетъ претензіи царицъ «салоновъ», съ ихъ болтовнею объ искусствѣ и литературѣ и погонею за знаменитостями.

Остальное, около 90 страницъ, занято романами, разсказами, анекдотами и стихотвореніями, въ которыхъ вы напрасно стали-бы искать какого-бы то ни было содержанія или смысла, — романтическаго, реалистическаго, символистическаго, декадентскаго, или какого угодно.

Таковъ самый распространенный журналъ. Остальные общіе журналы можно раздѣлить на двѣ категоріи: иллюстрированные съ беллетристикой и общественно-политическіе безъ беллетристики и иллюстрацій. По свѣдѣніямъ ежегодника періодической печати (Annual), журналы первой категоріи расходились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Журналы второй категоріи— «North American Review», «Forum», «Arena», «Popular Science Monthly», по свѣдѣніямъ адресъ-календаря періодической печати (Directory), расходятся въ количествѣ не свыше 12,500 экземпляровъ каждый. Эти журналы, видимо

падаютъ. «Forum», основанный въ 1886 году, лѣтъ десять тому назадъ дистигъ цифры въ 20,000 подписчиковъ, но съ тѣхъ поръ его подписка упала на половину. «Popular Science Monthly» посвящена преимущественно естествознанію и философіи естествознанія; остальные помѣщаютъ статьи подобнаго рода лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія.

Американскій журналъ даетъ статьи лишь по вопросамъ минуты; помѣстивши одну статейку по вопросу, редакція уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ по тому-же вопросу статьи ни въ какомъ случаѣ не помѣститъ. Статейки, обыкновенно, коротенькія; норма—5,000 словъ, т. е. около печатнаго листа. Статья не имѣетъ цѣлью исчерпать вопросъ — это дѣло спеціальнаго журнала, или книги; задача статьи—дать «взглядъ и нѣчто». Нужно сознаться, что въ этомъ есть и хорошая сторона: американскій журналъ пріучаетъ сотрудниковъ писать сжато, безъ излишнихъ повтореній и воды, которою такъ изобилуютъ статьи нѣкоторыхъ корифеевъ русской публицистики.

Американскій журналъ не имѣетъ такого множества сотрудниковъ, какъ русскій; въ каждой редакціи есть ограниченное число постоянныхъ сотрудниковъ для немногихъ постоянныхъ отдѣловъ, чтенія рукописей и т. п., большинство-же статей пишется «спеціалистами» по каждому вопросу. Журналъ старается заручиться статьею лица, которое почему-либо въ данный моментъ наиболѣе «прикосновенно» къ данному вопросу. Напр., по вопросу о трёстахъ «North American Review» въ прошломъ году помѣстилъ статью предсѣдателя стального трёста Шваба. Швабъ — человѣкъ безъ всякаго образованія, говоритъ даже неправильно по-англійски; онъ вышелъ изъ мальчиковъ на побѣгушкахъ въ милліонеры, благодаря, главнымъ образомъ, молчалинскимъ качествамъ; это—практикъ, хорошо знакомый со своимъ дѣломъ, но ожидать отъ такого человѣка обобщеній было-бы нелѣпо. Редакція этого и не ожидала, но имя Шваба — приманка для публики. Очень часто подобная статья только подписана носителемъ громкаго имени, а «за неграмотностью и по его личной просьбѣ» написана кѣмъ-либо другимъ. Здѣсь существуютъ особыя литературныя бюро, которыя за установленную плату изготовляютъ по заказу статьи и рѣчи на какую угодно тему.

Само собою разумѣется, что при подобной организаціи дѣла журналъ не имѣетъ никакого направленія: «воспѣвъ Гарибальди, воспѣлъ и Франческо» [1])—общее правило. Въ тѣхъ случаяхъ, когда редакція считаетъ нужнымъ выразить свое мнѣніе, оно всегда умѣренно-консервативно—это считается самымъ приличнымъ тономъ. Исключеніе составляетъ «Cosmopolitan», который въ подобныхъ случаяхъ умѣренно-прогрессивенъ.

Единственный журналъ съ направленіемъ — «Arena», служащій выразителемъ всѣхъ оттѣнковъ передовой американской мысли. Нынѣшній редакторъ Флауръ (Flower)—приверженецъ спиритизма, и потому журналъ отводитъ много мѣста всякому чернокнижію. Несмотря на невысокую цѣну журнала—два съ половиною доллара въ годъ,—онъ идетъ довольно плохо, хотя и основанъ еще въ 1889 году. Въ 1895 году, въ разгаръ популистскаго (народническаго) движенія, подписка его достигла 24,000 экземпляровъ, но съ тѣхъ поръ она упала на половину, если не болѣе. По достоинству статей «Arena» не пойдетъ въ сравненіе даже съ самымъ слабымъ русскимъ журналомъ.

Всѣ многочисленные оттѣнки прогрессивной мысли въ Соединенныхъ Штатахъ, судя по результатамъ выборовъ за послѣдніе годы, насчитываютъ свыше милліона послѣдователей,—это по самому умѣренному расчету; и всѣ эти прогрессисты не въ состояніи дать журналу болѣе 12,500 подписчиковъ. Это показываетъ, какъ не высоки умственные запросы даже передового, мыслящаго американца.

Особое мѣсто занимаетъ журналъ «Review of Reviews». Онъ былъ первоначально основанъ въ Англіи Стэдомъ; въ 1889 году основано было американское изданіе того-же журнала, сначала въ видѣ простой перепечатки съ небольшими измѣненіями; впослѣдствіи американское изданіе отдѣлилось отъ англійскаго и стало самостоятельнымъ журналомъ. Журналъ имѣетъ громадный успѣхъ. Въ Америкѣ такое множество журналовъ, люди такъ заняты, что имъ некогда читать все; «Review of Reviews» имъ даетъ сжатый обзоръ всего, что по-

[1]) Добролюбовъ въ «Свисткѣ».

является въ журналахъ, кромѣ беллетристики; иногда тамъ помѣщается одна-другая самостоятельная статья, написанная настоящимъ, а не рекламнымъ спеціалистомъ. Редакторъ Альбертъ Шо—образованный и передовой человѣкъ, и знаетъ, къ кому обращаться. Журналъ имѣетъ около полутораста тысячъ подписчиковъ.

Американскіе журналы гораздо дешевле русскихъ: самый дорогой не дороже пяти долларовъ въ годъ, но есть, какъ мы видѣли, и такіе, которые высылаются за одинъ долларъ въ годъ. Такая дешевизна возможна только при огромномъ числѣ подписчиковъ; сверхъ того, важную статью дохода въ каждомъ журналѣ составляютъ объявленія. Въ каждой книжкѣ популярнаго журнала ихъ наберется до сотни страницъ и болѣе.

Какъ уже было замѣчено выше, серьезныя научныя работы не находятъ себѣ мѣста въ общихъ журналахъ. Для этого существуютъ спеціально-научные журналы. Въ 1901 году такихъ изданій насчитывалось 72. По предметамъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

по естественнымъ наукамъ	29
» соціальнымъ »	13
» психологіи	3
» филологіи	2
» философіи	1
» антропологіи	1
» прочимъ наукамъ	23

Такимъ образомъ, естественныя науки преобладали надъ «гуманитарными». Распространеніе такихъ журналовъ крайне незначительно: самая высокая объявленная цифра—2500 экземпляровъ; всѣ журналы. вмѣстѣ взятые, не имѣютъ и 100,000 подписчиковъ. Большинство ихъ издается университетами и имѣетъ столько-же читателей, какъ наши «Университетскія извѣстія», «Записки», или «Труды». Всѣ они издаются въ убытокъ, статьи большею частью пишутся преподавателями университета, при которомъ издается журналъ, — понятно, безъ всякаго гонорара. Благодаря этому. не рѣдки примѣры, что редакторъ университетскаго журнала самые цѣнные свои труды отдаетъ въ чужой журналъ, — nomina sunt odiosa.

Въ общемъ числѣ періодическихъ изданій всѣ научные журналы составляютъ около $^{1}/_{3}$%, но кругъ читателей ихъ гораздо меньше; на одно періодическое изданіе въ 1900 г. приходилось 6271 подписчикъ, тогда какъ подписка на научный журналъ рѣдко достигаетъ 1000 экземпляровъ. Кромѣ того, значительная часть выписывается многочисленными здѣсь публичными библіотеками, гдѣ эти журналы безмятежно покоятся на полкахъ. Благодаря условіямъ ихъ изданія, они отличаются крайнею оторванностью отъ жизни; помѣщаемыя въ нихъ статьи очень рѣдко цитируются въ общей печати, даже «Review of Reviews» ограничивается перечнемъ ихъ въ алфавитномъ указателѣ въ концѣ книжки. Очевидно, судя по періодической печати, наука лишь въ крайне микроскопическихъ дозахъ проникаетъ въ общественную жизнь страны.

Самое вѣрное понятіе объ американскомъ читателѣ можно составить себѣ по такъ называемымъ «классовымъ» изданіямъ, предназначеннымъ для спеціальнаго круга читателей или для спеціальной цѣли.

На первомъ мѣстѣ по распространенности стоятъ изданія «для домашняго чтенія»,—главнымъ образомъ, для женщинъ. Въ числѣ ихъ имѣются два, которыя расходятся въ количествѣ свыше милліона экземпляровъ каждое, нѣсколько другихъ—въ сотняхъ тысячъ. Всего наберется около сотни изданій. Въ общей совокупности подписка на всѣ журналы «для домашняго чтенія», по достовѣрному исчисленію, превышаетъ шесть милліоновъ экземпляровъ; это значитъ, что круглымъ счетомъ одна изъ каждыхъ трехъ взрослыхъ женщинъ состоитъ подписчицей подобнаго журнала.

Нужно замѣтить, что сюда не входятъ спеціально-модные журналы, которые также расходятся въ громадномъ числѣ. Всѣхъ журналовъ, посвященныхъ модамъ—34; изъ нихъ два, наиболѣе популярные, продаются въ количествѣ свыше полумилліона экземпляровъ каждое.

Въ общей сложности подписка на всѣ модные журналы превышаетъ *четыре съ половиною милліона* экземпляровъ, т. е. по одному на каждыхъ четырехъ взрослыхъ женщинъ. Кромѣ того, всѣ журналы для домашняго чтенія и воскресныя газеты тоже даютъ модныя картинки. Мало того, газета «New-

York Herald» ежедневно сообщаетъ по телеграфу описанія послѣднихъ парижскихъ модъ; по этимъ описаніямъ въ газетѣ воспроизводятся картинки. Наконецъ, компаніи, печатающія полулисты для мелкихъ провинціальныхъ газетъ, тоже даютъ въ нихъ моды.

Обѣ категоріи женскихъ изданій въ совокупности имѣютъ свыше десяти милліоновъ подписчицъ, т. е. большинство взрослыхъ женщинъ получаетъ какой-нибудь женскій журналъ.

Важное, если не первенствующее, мѣсто, занимаемое женщиною въ рядахъ читающей публики, конечно, не могло не привлечь къ себѣ вниманія общей прессы. Всякая газета имѣетъ спеціальную «женскую страницу»; воскресныя газеты даютъ въ видѣ приложенія особый «женскій журналъ». Образчикомъ веденія такого женскаго отдѣла можетъ служить страница, отведенная ему въ вечернемъ изданіи стремящагося потрафить всѣмъ и каждому «New-York Journal». Первое мѣсто занимаетъ отдѣлъ: «Совѣты влюбленнымъ», выходящій подъ редакціей миссъ Фэрфэксъ. Онъ состоитъ изъ писемъ юныхъ читательницъ (порою влюбленныхъ читателей) и отвѣтовъ премудрой менторши. Одна дѣвица пишетъ: «Милая миссъ Фэрфэксъ! Я слышала, какое участіе вы принимаете въ затрудненіяхъ влюбленныхъ! Обращаюсь къ вамъ за помощью. Мнѣ 21 годъ и на свѣтѣ только одинъ молодой человѣкъ, котораго я люблю. Я хочу узнать, любитъ-ли онъ меня. Какъ это сдѣлать? Онъ очень милъ въ обращеніи, когда мы бываемъ вмѣстѣ. Въ надеждѣ найти путь къ пріобрѣтенію его любви, остаюсь» (инниціалы). На это слѣдуетъ отвѣтъ: «Будьте скромны и женственны при встрѣчѣ съ нимъ и, если вы ему дороги, онъ это выскажетъ. Нельзя торопить чувство, потому что это губитъ его». Другая дѣвица задаетъ болѣе обыденный вопросъ: «Милая миссъ Фэрфэксъ! Такъ какъ мнѣ не съ кѣмъ подѣлиться моими заботами, я обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ. Когда приходитъ молодой человѣкъ и приноситъ коробку конфектъ, что болѣе подходитъ молодой барышнѣ—открыть ихъ сейчасъ-же, или подождать немножко, такъ какъ мы часто дома одни?» Просимый совѣтъ гласитъ: «Если вамъ очень хочется конфектъ, откройте сразу; если нѣтъ, можете открыть,

когда вамъ нравится. Это всецѣло зависитъ отъ васъ, этикета на это нѣтъ».

Съ другой стороны, періодическихъ изданій, посвященныхъ спеціально женской равноправности, всего около десятка, большею частью ежемѣсячныхъ; только одно двухнедѣльное изданіе рѣшилось объявить точную цифру подписки—3,000 экземпляровъ; изъ остальныхъ одно, по приблизительному расчету адресъ-календаря, расходится въ количествѣ отъ 12,500 до 17,500 экз., остальныя влачатъ жалкое существованіе. Всего расходится не болѣе 23,000 экземпляровъ. Иными словами, на каждыхъ двухсотъ женщинъ, выписывающихъ модный журналъ, найдется одна, правильно слѣдящая за успѣхами движенія въ пользу женской равноправности. Остальныя довольствуются случайными замѣтками, появляющимися отъ времени до времени въ женскихъ изданіяхъ и общей прессѣ.

Слѣдующее мѣсто по числу подписчиковъ занимаетъ духовно-нравственная печать, по числу же изданій она занимаетъ даже первое мѣсто среди спеціальной печати. Развитіе религіозной прессы выражалось слѣдующими цифрами:

въ	1850	г.	выходило	191	издан.
»	1860	»	»	277	»
»	1870	»	»	407	»
»	1880	»	»	553	»
»	1890	»	»	1025	»
»	1900	»	»	952	»

Въ 1880 году всѣ религіозныя изданія расходились въ 2.596,000 экземпляровъ; въ 1901 г. 173 изданія, сообщившія точныя цифры подписки, имѣли 2.494,000 подписчиковъ; считая на каждое изъ остальныхъ только по 1000 экземпляровъ, и то наберется около трехъ съ половиною милліоновъ экземпляровъ. Это показываетъ, какую огромную силу въ Америкѣ представляетъ церковь.

Клерикальное вліяніе до извѣстной степени парализуется многочисленностью сектъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторые органы церковной прессы достигли значительнаго распространенія, далеко превышающаго подписку на неиллюстрированные общіе журналы. Такъ, самый популярный журналъ у методистовъ

расходится въ 114,000 экземпляровъ, у конгрегаціоналистовъ— въ 76,000, у баптистовъ—въ 73,000 и т. д. Замѣтную тенденцію духовно-нравственной печати въ новѣйшее время составляетъ уклоненіе отъ темъ догматическо-богословскихъ. Уже въ 1880 г. изъ 553 изданій было 96, не принадлежавшихъ ни къ какой сектѣ; подписка на эти изданія достигла 395,000 экземпляровъ. Съ тѣхъ поръ число этихъ изданій возросло, и въ настоящее время они составляютъ первенствующую группу среди духовно-нравственныхъ изданій; самыя распространенныя изданія принадлежатъ къ этой группѣ; изъ нихъ одно еженедѣльное изданіе, выходящее въ Нью-Iоркѣ, имѣетъ 222,000 подписчиковъ, другое, выходящее въ Чикаго,—117,000. Въ общей сложности подписка на «несектантскія» изданія превышаетъ 600,000 экземпляровъ.

Съ другой стороны, унитаріанская секта, которая представляетъ крайній предѣлъ религіознаго раціонализма, имѣетъ только два изданія, изъ которыхъ одно насчитываетъ менѣе 12.500 подписчиковъ, а другое и того меньше. Далѣе, органы «свободныхъ мыслителей» составляютъ тоже очень небольшую группу, всего 23 изданія, изъ которыхъ 5 имѣли въ совокупности въ 1901 г. 21,000 подписчиковъ; остальныя изданія не пожелали огласить цифры подписки. Въ общей сложности подписка на всѣ такія изданія не превышала 40,000 экз.

На основаніи этихъ данныхъ можно всю духовно-нравственную печать раздѣлить на три категоріи:

	Тысячи экз.	%%
Ортодоксально-сектантскія . . .	2875	81
Этическо-христіанскія	600	17
Раціоналистическія	25	1
Свободомыслящія	40	1
Итого . . .	3540	100

Наряду съ духовно-нравственной нужно поставить педагогическую печать, относя сюда дѣтскіе журналы, изданія для юношества и т. п. Въ 1880 году развитіе этой печати выражалось слѣдующими цифрами:

Воспитательныхъ журналовъ	88
Дѣтскихъ журналовъ	23
Ученическихъ и студенческихъ журналовъ	160
Изданій воскресныхъ школъ	194
Всего	465

Особеннаго вниманія заслуживаетъ развитіе школьной прессы, издаваемой самими учащимися. Не говоря уже объ университетахъ и колледжахъ, не мало такихъ журналовъ издается учениками гимназій (high schools) и даже городскихъ училищъ. Начальство съ этими изданіями не имѣетъ ничего общаго и въ веденіе ихъ не вмѣшивается. Эти изданія составляютъ ту подготовительную школу, изъ которой выходятъ многочисленные работники американской печати.

За истекшія со времени X ценза два десятилѣтія педагогическая печать значительно развилась: чисто воспитательныхъ изданій теперь около сотни, дѣтскихъ—58, въ томъ числѣ 30 свѣтскихъ и 28 духовныхъ. Самое распространенное—«Youth's Companion», основанное въ 1826 году и имѣющее 545,000 подписчиковъ; изъ духовныхъ самое распространенное имѣетъ 227,000 подписчиковъ и чуждо сектантскаго духа. Въ общемъ. подписка на всѣ свѣтскіе журналы этого рода достигала 1.093,000 экземпляровъ, а на духовные—846,000. не считая раздаваемыхъ безплатно милліоновъ листковъ воскресныхъ школъ. По цензу 1900 г. населеніе школьнаго возраста (отъ 5 до 20 лѣтъ) превышало 26 милліоновъ, такъ что 1 экземпляръ дѣтскаго журнала приходился приблизительно на 13 человѣкъ школьнаго возраста—цифра довольно высокая.

Слѣдующее мѣсто по значенію занимаетъ земледѣльческая печать. Развитіе этой печати въ высокой степени поучительно и составляетъ одну изъ выкупающихъ чертъ въ непривлекательной картинѣ американской прессы. Среди этой печати есть агрономическія изданія, предназначенныя для ученыхъ спеціалистовъ, но это исключенія, вся же масса земледѣльческихъ журналовъ издается для фермеровъ, т. е. говоря по-русски—для мужиковъ. Первый журналъ, «The American Farmer», былъ основанъ въ 1818 году. Ростъ этой печати виденъ изъ слѣдующей таблички:

Годы.	Число изданій.	Число подписчиковъ.
1870	93	770,000
1880	133	1.022,000

Въ 1900 году по переписи значилось 307 земледѣльческихъ изданій, но эта цифра значительно ниже той, которую даетъ ежегодникъ печати. Подписка на семь главнѣйшихъ журналовъ простиралась отъ 81 тысячи до 468.000 экземпляровъ.

Есть и спеціально женскій земледѣльческій журналъ «Woman's Farm Journal», имѣющій 83,000 подписчицъ. Всего расходится свыше трехъ милліоновъ экземпляровъ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ менѣе шести милліоновъ фермеровъ; слѣдовательно, болѣе половины американскихъ земледѣльцевъ выписываетъ земледѣльческій журналъ. При этомъ нужно замѣтить, что и общая пресса отводитъ видное мѣсто практическимъ сельско-хозяйственнымъ свѣдѣніямъ. Особенное вниманіе удѣляетъ предметамъ, интересующимъ сельскаго хозяина, мѣстная печать, разсчитанная на деревенскую подписку.

Такимъ образомъ. можно безошибочно сказать, что большинство американскихъ фермеровъ правильно слѣдитъ за новостями въ области сельскохозяйственной техники; каждый фермеръ, выписывающій земледѣльческій журналъ, это—опытная агрономическая станція для сосѣда. Нужно-ли объяснять громадное значеніе этого фактора для техническаго прогресса земледѣлія?

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія началось и вскорѣ получило огромное развитіе среди фермеровъ кооперативное движеніе; по вычисленіямъ статистика земледѣльческаго департамента, Джорджа Холмза (George K. Holmes) — еще не опубликованнымъ—въ настоящее время фермерскія кооперативныя общества для разныхъ надобностей насчитываютъ круглымъ числомъ семь милліоновъ членовъ, т. е. почти каждый фермеръ состоитъ членомъ, по крайней мѣрѣ, одного такого общества. Результатъ этого движенія сказался въ томъ, что во многихъ мѣстностяхъ скупщикъ совершенно изгнанъ съ рынка,—фермерскіе союзы сбываютъ продукты своихъ членовъ прямо оптовымъ покупателямъ. О преимуществахъ этого спо-

соба продажи здѣсь не мѣсто распространяться. Это все — плоды дѣятельности земледѣльческой печати. Изданія, посвященныя спеціально коопераціи, крайне немногочисленны и такъ мало распространены (всего 9 изданій, расходящихся въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ каждое), что не они, очевидно, служили проводниками кооперативныхъ идей въ фермерской средѣ.

Слѣдующее, затѣмъ, мѣсто, занимаютъ органы многочисленныхъ здѣсь братствъ взаимопомощи. Такихъ органовъ, по даннымъ ценза—200, а по свѣдѣніямъ ежегодника печати,—около 400, и общее число подписчиковъ не менѣе полутора милліона. Одно изданіе, «Modern Woodman», органъ братства «Лѣсныхъ Людей», имѣетъ свыше 600,000 подписчиковъ, другой, «Bee Hive», органъ «Рыцарей и Дамъ Маккавейскихъ» — около 250,000; женское изданіе того-же ордена, «Lady Maccabee», имѣетъ 57,000 подписчицъ. Франкъ-массоны издаютъ 35 газетъ, нѣкоторыя другія братства приблизительно столько-же. Эти цифры показываютъ, какую важную роль эти братства играютъ въ соціальной жизни Америки. По формѣ они имѣютъ средневѣковой характеръ; это все «тайныя общества» съ церемоніаломъ, клятвами, іерархіей, мундирами и проч., что въ нашъ прозаическій вѣкъ должно казаться смѣшнымъ такимъ практическимъ людямъ, какъ американцы. Но эти братства выполняютъ важную соціальную функцію: въ ультра-индивидуалистическомъ строѣ американской жизни, гдѣ человѣкъ можетъ умереть съ голоду на улицѣ при полномъ равнодушіи окружающихъ, эти «братства» представляютъ организованное осуществленіе принципа *братства* во всѣхъ его проявленіяхъ. Если вы въ бѣдѣ или въ нуждѣ, каждый «братъ», которому вы показали тайный сигналъ братства, обязанъ притти къ вамъ на помощь и призвать на помощь остальныхъ членовъ ложи. Формы помощи самыя разнообразныя, лишь въ исключительныхъ случаяхъ принимающія форму благотворительности. Въ американской жизни много гораздо лучшихъ способовъ оказать братскую поддержку человѣку, нежели денежная помощь. Если вы врачъ, адвокатъ, архитекторъ, лавочникъ,—нравственный долгъ вашихъ «братьевъ» при прочихъ равныхъ условіяхъ оказы-

вать вамъ предпочтеніе предъ вашими конкурентами: если вы ищете мѣсто, вы въ правѣ разсчитывать на протекцію вліятельнаго брата и т. д. Конечно, и эти братства далеки отъ идеала на нашей грѣшной землѣ, но не надо забывать, что внѣ ихъ «человѣкъ человѣку волкъ».

Рядомъ съ органами братствъ нужно поставить изданія другихъ обществъ: такихъ изданій здѣсь наберется около 200; одно изъ нихъ, «National Tribune of Patriotic Societies», имѣетъ 110,000 подписчиковъ. Среди этихъ «патріотическихъ обществъ» первое мѣсто занимаютъ общества ветерановъ междоусобной войны, которыя представляютъ довольно значительную политическую силу; далѣе слѣдуютъ «сыны американской революціи» и «дщери» оной, которые ведутъ свою родословную отъ дѣятелей 1776 года, хотя ни въ какомъ духовномъ родствѣ съ ними не состоятъ. Американцы вообще чрезвычайно чванятся происхожденіемъ отъ «отцовъ-пилигримовъ»; въ старѣйшихъ штатахъ существуютъ т. наз. «историческія общества», которыя издаютъ «историческіе и біографическіе» журналы; такихъ журналовъ насчитывается около двухъ десятковъ; это подобія VI родословной книги, въ которую вносятся генеалогіи «доблестію предковъ прославленныхъ родовъ».

Развитіе всякаго рода обществъ въ Соединенныхъ Штатахъ такъ велико, что здѣсь существуютъ три справочные листка, посвященные спеціально извѣщеніямъ о предстоящихъ съѣздахъ; одинъ изъ этихъ листковъ имѣетъ 1200 подписчиковъ. Эта, повидимому, скромная цифра весьма значительна, такъ какъ заурядный членъ какого бы то ни было общества не нуждается въ такомъ листкѣ; послѣдній представляетъ интересъ только для устроителей съѣздовъ, стало быть, лишь для представителей большихъ обществъ, которыя имѣютъ развѣтвленія въ различныхъ городахъ, или для секретарей центральныхъ комитетовъ политическихъ партій, пожалуй, еще для содержателей большихъ отелей. Такимъ образомъ, организаціонный механизмъ съѣздовъ всякаго рода обществъ и союзовъ достаточно многочисленъ, чтобы обезпечить этимъ справочнымъ листкамъ нѣсколько тысячъ подписчиковъ.

На ряду съ этою группой по числу изданій слѣдуетъ поставить профессіональную печать: финансовую, торговую, про-

мышленную, техническую, медицинскую и юридическую,—хотя по числу подписчиковъ эти органы далеко уступаютъ предыдущимъ. Ихъ наберется въ общей сложности около 700; они выписываются ради справочныхъ свѣдѣній: банкиру необходимы точныя свѣдѣнія о биржевыхъ курсахъ и т. п., юристу — очередные списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію и т. п.

Слѣдующую группу по числу изданій представляетъ рабочая пресса всѣхъ родовъ и оттѣнковъ. По классификаціи адресъ-календаря, собственно «рабочихъ» изданій—142. Самое высшее число подписчиковъ имѣетъ журналъ кочегаровъ «Locomotive Firemen's Magazine»,—43,000; 18 другихъ изданій въ общей сложности имѣютъ 104,000 подписчиковъ; остальныя точной цифры подписки объявить не пожелали, но, по приблизительному расчету адресъ-календаря, изъ нихъ 18 имѣютъ не свыше 170,000, остальныя 105—не болѣе 1,000 каждое; итого—428,000. Сюда нужно еще присоединить изданія соціалистическія, синглъ-таксерскія (послѣдователи Генри Джорджа) и проч., всего около 50, въ томъ числѣ 7 ежедневныхъ: 4 на нѣмецкомъ языкѣ и по одному на англійскомъ, еврейскомъ и чешскомъ. Общее число подписчиковъ на эти изданія не превышаетъ 240,000, въ томъ числѣ одно еженедѣльное изданіе, «Appeal to Reason», имѣетъ 115,000 подписчиковъ, т. е. болѣе, чѣмъ всѣ остальныя англійскія изданія, вмѣстѣ взятыя. Это—типическій американскій «однолошадный» листокъ, поверхностный, крикливый, полный рекламы и самовосхваленія.

Въ общей сложности вся рабочая и родственная ей по направленію печать имѣетъ около 700,000 подписчиковъ, т. е. впятеро менѣе, нежели фермерская печать, несмотря на то, что число рабочихъ приблизительно равняется численности фермерскаго класса. То же отношеніе существуетъ между рабочею прессой и церковною печатью. Распространеніе органовъ рабочихъ союзовъ не достигаетъ и трети того, какое приходится на долю органовъ братствъ. Нужно имѣть въ виду, что неграмотный рабочій, не читающій газетъ, здѣсь рѣдкое исключеніе. Но огромное большинство рабочихъ не обнаруживаетъ интереса къ рабочей прессѣ. Общая же пресса удѣляетъ очень мало мѣста интересамъ рабочихъ, а большею

частью, по указаннымъ экономическимъ причинамъ, служитъ вѣрой и правдой капиталу.

Одинаковое мѣсто по числу подписчиковъ съ рабочею печатью занимаютъ изданія, посвященныя спорту и всякаго рода играмъ. Такихъ изданій здѣсь наберется около сотни, въ томъ числѣ три ежедневныхъ, и общая цифра подписчиковъ превышаетъ полмилліона. Нужно еще принять во вниманіе, что спортъ занимаетъ видное мѣсто въ общей ежедневной печати; такимъ образомъ, подписка на эти изданія указываетъ на существованіе полумилліона записныхъ спортсмэновъ. Очевидно, что спортъ играетъ гораздо болѣе важную роль въ умственной жизни американскихъ читателей, нежели рабочій вопросъ.

Движеніе въ пользу трезвости непосредственно слѣдуетъ за спортомъ: общее число изданій 113, а подписка достигаетъ приблизительно 400,000 экземпляровъ.

Самый популярный ихъ органъ—«The New Voice», выходящій въ Чикаго, имѣетъ 52,000 подписчиковъ. Общее число голосовъ, поданныхъ за кандидата партіи трезвости на постъ президента въ 1900 г., равнялось 208,000 голосовъ; это показываетъ, что около половины сторонниковъ этого движенія—женщины, которыя не имѣютъ права голоса на президентскихъ выборахъ.

Съ другой стороны, и питейное дѣло имѣетъ свои органы печати, всего 31 изданіе, съ подпискою въ 122,000 экземпляровъ. Это цѣлая армія, для которой дѣло идетъ о ихъ личныхъ матеріальныхъ интересахъ.

Послѣднюю обширную группу составляетъ музыкальная печать, насчитывающая свыше полусотни изданій и круглымъ счетомъ около 380,000 подписчиковъ; одно изданіе расходится въ 50,000 экз.

Затѣмъ, имѣются изданія, въ которыхъ находятъ себѣ выраженіе всѣ многообразные интересы американской жизни: искусство, танцы, кулинарное дѣло, изобрѣтенія, пожарное дѣло, полицейскій сыскъ, похороны, бальзамированіе и проч.

Видное мѣсто занимаютъ 15 изданій, посвященныхъ филантропіи, покровительству животныхъ и т. п., со 130,000 подписчиковъ. Есть 12 газетъ для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ; въ прошломъ году выходила даже газета для умалишенныхъ,

которая издавалась при мэрилэндскомъ сумасшедшемъ домѣ подъ редакціей одного изъ паціентовъ. Во многихъ тюрьмахъ имѣются свои газеты, которыя издаются, редактируются и печатаются уголовными арестантами.

Имѣется 8 матримоніальныхъ изданій съ весьма заманчивыми названіями: «Купидонъ», «Рука помощи», «Посланецъ», «Развязка», «Свадебные Колокола» и т. п. Эти изданія расходятся въ количествѣ 50,000 экземпляровъ.

Есть 20 военныхъ изданій; это почти все частныя предпріятія; высшая цифра подписки около 5,000 экземпляровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ считается въ регулярной арміи, флотѣ и милиціи 12,600 офицеровъ: изъ этого очевидно, что военные журналы читаются и солдатами; въ милиціи при казармахъ обыкновенно имѣются читальни, гдѣ выписываются военные журналы.

Далѣе, нужно отмѣтить изданія, служащія всякаго рода суевѣріямъ, а именно: «таинственнымъ явленіямъ» (occultism) и теософіи—11, спиритизму—8, астрологіи, ясновидѣнію, гаданію на рукахъ и френологіи—8; нѣкоторыя изъ этихъ изданій имѣютъ отъ двухъ до пяти тысячъ подписчиковъ; въ общей сложности расходится отъ двадцати до тридцати тысячъ экземпляровъ.

Предыдущая классификація выясняетъ передъ нами физіономію американскаго читателя. На первомъ планѣ стоятъ интересы «домоводства»; церковь и воспитаніе занимаютъ слѣдующее мѣсто; далѣе идутъ сельскохозяйственные интересы, взаимопомощь, торговопромышленные интересы; рабочій вопросъ и борьба съ пьянствомъ стоятъ на заднемъ планѣ. Прогрессивныя идеи не встрѣчаютъ сочувствія, наука—въ загонѣ.

И. Гурвичъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Очеркъ исторіи развитія англійской журналистики.

Путь англійской журналистики далеко не былъ усыпанъ розами; ей пришлось перенести тяжкую и трудную борьбу, которая потребовала не мало жертвъ всякаго рода. Первые борцы за свободу слова въ Англіи подвергались страшнымъ преслѣдованіямъ, и не мало ихъ погибло на висѣлицѣ и каторгѣ во времена «Звѣздной палаты», издавшей знаменитые ордонансы 1585 года, ограничивавшіе, или вѣрнѣе, совершенно уничтожавшіе всякую свободу печати въ Англіи. Но даже позднѣе, когда ордонансы эти были отмѣнены, положеніе печати стало немногимъ лучше. Отсутствіе настоящихъ законовъ о печати, деспотизмъ парламента и полный произволъ, господствовавшій въ мѣропріятіяхъ, касавшихся журналистики, дѣлали положеніе ея крайне труднымъ. То и дѣло возникали политическіе процессы, журналисты подвергались преслѣдованіямъ, ихъ присуждали къ штрафамъ, къ тюремному заключенію, на журналы налагались взысканія, учреждались налоги, стѣснявшіе матеріальное существованіе журналовъ, и т. п. Но писатели дѣлали свое дѣло, хотя надъ ихъ головою постоянно висѣлъ Дамокловъ мечъ. На смѣну однимъ являлись другіе, и неуклонно, неустанно проводили въ общественное сознаніе идею свободы слова, пока, наконецъ, не освободили журналистику отъ всѣхъ путъ, стѣснявшихъ ея развитіе.

Въ изданныхъ «Звѣздной палатой» ордонансахъ указывалось на «безчинства и злоупотребленія распутныхъ людей, обладающихъ искусствомъ книгопечатанія и продающихъ книги» (enormities and abuses of disorderly persons possessing the art of printing and selling books). Число типографій въ Англіи было ограничено до 20, включая тѣ, которыя разрѣшалось имѣть Оксфордскому и Кембриджскому университе-

тамъ, и все, что выходило изъ подъ типографскаго станка, подвергалось самому строгому пересмотру. Ничего нельзя было напечатать безъ разрѣшенія Кентерберійскаго или Лондонскаго архіепископа, и только то избѣгало ихъ контроля, что печаталось въ королевской типографіи по приказанію королевской власти. Въ 1637 году изданы были еще болѣе строгіе законы, и какъ писатели, такъ и книгопродавцы и издатели газетъ подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ. Такъ продолжалось до паденія «Звѣздной палаты» въ 1641 году. Печать вздохнула нѣсколько свободнѣе въ періодъ «Долгаго парламента» и республики, но съ реставраціей снова вернулись тяжелыя времена.

Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы и въ царствованіе Іакова I въ Англіи распространены были летучіе листки или афиши, носившіе названіе «Новостей—News». Въ этихъ листкахъ сообщались разныя извѣстія, преимущественно заимствованныя изъ голландскихъ газетъ. Задолго до появленія первыхъ печатныхъ листковъ «Новостей», въ англійскомъ обществѣ были распространены рукописныя собранія новостей. Существовала цѣлая профессія людей, занимавшихся собираніемъ новостей въ разныхъ мѣстахъ и затѣмъ составленіемъ бюллетеней, въ которыхъ заключались сообщенія о событіяхъ дня, слухахъ и т. п. Бюллетени эти разсылались за извѣстную плату. Многіе сановники, министры и богатые купцы держали у себя на жалованьи такихъ собирателей новостей, которые и составляли для нихъ рукописную газету.

Къ числу такихъ собирателей новостей принадлежалъ Натаніель Беттеръ, сообщавшій письменно за извѣстную плату разныя новости. Впослѣдствіи онъ началъ печатать и издавать собраніе новостей изъ разныхъ иностранныхъ государствъ. Эти новости переводились съ голландскаго языка. Но тутъ мало кто интересовался тѣмъ, что дѣлается за предѣлами Англіи; внѣшняя политика считалась дѣломъ королей и министровъ, и никто ея не касался. Религіозныя войны положили конецъ этому индифферентизму. Возникли общіе международные интересы. Борьба за религію была борьбою всѣхъ протестантовъ и католиковъ всѣхъ странъ. Каждое сраженіе повергало въ горе одну часть Европы, возбуждая радость другой. Извѣ-

стія изъ самыхъ отдаленныхъ странъ стали возбуждать жгучее любопытство, и въ Англіи явилась настоятельная потребность получать эти извѣстія какъ можно скорѣе.

Беттеръ, начавъ издавать свой листокъ новостей, «Weekly News», выходившій еженедѣльно, не пользовался такимъ могущественнымъ покровительствомъ, какъ, напримѣръ, Ренодо во Франціи, а поэтому его газета едва прозябала. Онъ давалъ новости, сообщая одни только голые факты и не позволяя себѣ никакихъ комментаріевъ, дабы не навлечь на себя гнѣвъ сильныхъ міра. Прошло много времени, прежде чѣмъ печатной газетѣ удалось вытѣснить рукописную. Въ Англіи, такъ же, какъ и на континентѣ, всѣ важныя особы имѣли вездѣ своихъ корреспондентовъ, которые и сообщали имъ все, что дѣлается на свѣтѣ, и притомъ зачастую рѣшались высказывать свои сужденія, чего въ печатной газетѣ нельзя было дѣлать. Понятно, что такого рода «News letters», какъ ихъ называли, были много интереснѣе печатной газеты. Вообще газета составляла необычное явленіе въ то время. Бенъ Джонсонъ изобразилъ ее въ 1625 году въ комедіи, называемой: «Снабженіе новостями», и осмѣялъ Беттера подъ именемъ господина Цимбала, въ бюро котораго является крестьянка и проситъ дать ей новостей на два ліарда. Ее просятъ обождать, такъ какъ, еслибъ ее удовлетворили тотчасъ же, то публика могла бы подумать, что новости фабрикуются въ бюро, а не собираются отовсюду. «Эти люди, говоритъ Ширли про продавцовъ новостей, если вы дадите имъ часъ времени, опишутъ вамъ битву въ какомъ бы то ни было уголкѣ Европы, а между тѣмъ они не выходили изъ таверны. Они будутъ описывать города, крѣпости, силы непріятеля, его союзниковъ и его дѣйствія шагъ за шагомъ. Солдатъ не можетъ потерять ни одного волоса со своей головы, не можетъ получить ни одной, хотя бы самой ничтожной, раны, безъ того, чтобы объ этомъ не написали въ газетѣ».

Вообще газетѣ Беттера не удалось заинтересовать публику, да ему и трудно было сдѣлать ее интересной при существовавшихъ тогда неблагопріятныхъ условіяхъ. О парламентскихъ преніяхъ онъ не могъ сообщать ничего и даже весьма рѣдко упоминалъ о нихъ. О публичныхъ собраніяхъ онъ также не

могъ говорить, хотя на этихъ собраніяхъ обсуждались часто весьма важные вопросы. Пустоту газеты приходилось заполнять разнаго рода извѣстіями, часто вымышленнаго характера, разсказами о сиренахъ и разныхъ морскихъ чудовищахъ. Когда совсѣмъ не хватало матеріала, газету наполняли текстами изъ Библіи, изъ которой иногда перепечатывались цѣлыя главы. Беттеръ часто жаловался на цензуру, вырѣзывавшую у него въ иностранныхъ извѣстіяхъ многое и лишавшую ихъ всякаго интереса. Несмотря на всѣ старанія Беттера, публика продолжала холодно относиться къ его предпріятію и не поддерживала его.

Однимъ изъ многихъ благихъ послѣдствій паденія «Звѣздной палаты», въ февралѣ 1641 года, было нѣкоторое освобожденіе печати. Цензура хотя и не была фактически уничтожена, но дѣйствіе ея было пріостановлено, и въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ типографщики и авторы почти не подвергались никакому контролю. Это не замедлило отразиться на развитіи печати. Появилась масса книгъ всякаго рода, но особенно много памфлетовъ, касавшихся всевозможныхъ вопросовъ дня. Самъ «Долгій парламентъ» подалъ, такъ сказать, примѣръ оживленію печати и введенію гласности, начавъ печатать правильные отчеты о своихъ засѣданіяхъ «Duirnal occurences in Parliament». Печатаніе этихъ отчетовъ не прекращалось вплоть до реставраціи Стюартовъ. Въ Лондонѣ и провинціяхъ стали возникать газеты (въ 1643 г.—20 газетъ), и впервые въ нихъ заговорили о политикѣ, печатая отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ. Наконецъ смѣлость дошла до того, что стали уже помѣщаться извѣстія о внутреннихъ дѣлахъ съ комментаріями. Во время гражданской войны расплодилось особенно много памфлетовъ, въ которыхъ политическіе противники яростно нападали другъ на друга. Разумѣется, нападки, которымъ подвергался «Долгій парламентъ» со стороны своихъ противниковъ, не понравились ему, и онъ рѣшилъ опять ограничить свободу печати, подвергнувъ ее предварительной цензурѣ. Въ 1643 году парламентъ усилилъ цензуру и увеличилъ взысканія за нарушенія закона о печати. По постановленіямъ этого закона «ни одна книга, брошюра или листокъ, не могли быть преданы тисненію, пока не будутъ

предварительно просмотрѣны и одобрены назначенными для этого людьми или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ таковыхъ».

Противъ этого закона возсталъ Мильтонъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ «Areopagitica» *), въ которомъ онъ выступаетъ передъ англійскимъ парламентомъ въ защиту свободы печати. Мильтонъ напечаталъ свою рѣчь въ 1644 году безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія и всесторонне разобралъ вопросъ о мѣрахъ противъ свободы печати, горячо возставая противъ всякихъ стѣсненій литературы и доказывая, что общественное мнѣніе должно выражаться совершенно свободно, не стѣсняемое искусственными преградами. «Убить хорошую книгу, говорилъ Мильтонъ, то же, что убить хорошаго человѣка. Тотъ, кто убиваетъ человѣка, убиваетъ разумное созданіе, подобіе Божіе: но тотъ, кто уничтожаетъ хорошую книгу, убиваетъ самый разумъ, дѣйствительное, истинное подобіе Господа».

Представивъ въ своей рѣчи историческій обзоръ стѣсненій печати, Мильтонъ доказываетъ, что стѣсненіе это было порождено «самымъ противохристіанскимъ учрежденіемъ—инквизиціей, наиболѣе тираническимъ изъ всѣхъ судилищъ, которыя когда либо существовали. До тѣхъ поръ книги могли такъ же свободно появляться, какъ и все рожденное на свѣтѣ: произведеніе мозга такъ же не стѣснялось, какъ и произведеніе чрева...» Говоря о качествахъ, которыя требуются отъ цензоровъ, Мильтонъ прибавляетъ: «Никто не станетъ отрицать, что тотъ, кто является судьей надъ жизнью и смертью книгъ, непремѣнно долженъ стоять выше обыкновеннаго уровня людей; онъ долженъ быть и трудолюбивъ, и ученъ, и справедливъ, иначе въ его сужденіяхъ о томъ, что годно или негодно, будутъ непремѣнно ошибки, а это должно имѣть въ высшей степени пагубныя послѣдствія. Если же онъ соединяетъ въ себѣ всѣ необходимыя условія, можетъ ли быть болѣе скучная, непріятная ежедневная работа, бóльшая потеря времени, какъ вѣчное перечитыванье негодныхъ книгъ и памфлетовъ? Всякую книгу можно читать только въ извѣстное

*) «Areopagitica» была переведена на русскій языкъ и напечатана въ журналѣ «Современное Обозрѣніе» въ 1868 году.

время; но быть принужденнымъ читать постоянно, притомъ въ плохихъ рукописяхъ, — такая тягость, которую едва ли способенъ вынести человѣкъ, цѣнящій свое время и свои занятія, и обладающій чувствомъ и пониманіемъ изящнаго. За такого рода мнѣніе я прошу цензоровъ, присутствующихъ здѣсь, простить меня; безъ сомнѣнія, всѣ они приняли на себя эти обязанности изъ угожденія парламенту и считали ихъ весьма нетрудными, но что самое непродолжительное испытаніе было уже для нихъ утомительно, это доказываютъ ихъ извиненія передъ тѣми, кто иногда принужденъ подолгу ходить къ нимъ, чтобы добиться пересмотра своей рукописи. Если же мы видимъ, что занимающіе теперь эти должности обнаруживаютъ желаніе покинуть ихъ, и что ни одинъ достойный человѣкъ, не желающій губить свое время, не соглашается быть ихъ преемникомъ, если только его не привлекаетъ вознагражденіе, назначаемое цензору, то мы можемъ легко себѣ представить, будутъ ли у насъ другого рода цензора, кромѣ невѣжественныхъ и корыстолюбивыхъ людей. Это то я и хотѣлъ показать, когда говорилъ, что это учрежденіе не достигаетъ своей цѣли. Доказавъ, что оно не приноситъ никакой пользы, я теперь перейду къ тому злу, которое оно причиняетъ и которое, прежде всего, состоитъ въ томъ, что цензура представляетъ собою злѣйшее насиліе и оскорбленіе, какое только можетъ быть нанесено наукѣ и ученымъ людямъ». Далѣе Мильтонъ восклицаетъ: «И какое же преимущество имѣетъ взрослый человѣкъ передъ мальчикомъ, еще сидящимъ въ школѣ, если онъ, избавившись отъ школьной ферулы, подпадаетъ подъ указку цензора? Если серьезныя, совершенныя съ великимъ трудомъ ученыя работы, подобно грамматическимъ упражненіямъ школьника, не могутъ быть обнародованы безъ заботливаго глаза, урѣзывающаго ихъ и приноравливающаго ихъ къ своему пониманію цензора?.. Если свой трудъ, сопряженный съ ночными бдѣніями, человѣкъ долженъ подвергать поверхностному суду заваленнаго дѣлами цензора, быть можетъ, болѣе юнаго годами, быть можетъ, стоящаго далеко ниже его по развитію, быть можетъ, никогда не испытавшаго, что значитъ писать ученыя сочиненія — если трудъ этотъ, не будучи отвергнутъ или уничтоженъ, можетъ

появиться въ печати не иначе какъ. въ видѣ мальчика, сопровождаемаго своимъ дядькой, съ помѣткой цензора на оборотѣ заглавнаго листа, служащей гарантіей и ручательствомъ, что авторъ не идіотъ, и не распространитель разврата,—развѣ же все это не безчестіе и не униженіе для автора, для его сочиненія, для самого права и достоинства науки? Гдѣ же тогда будетъ сила авторитета, которая необходима для того, чтобы учить другихъ? Всякій, понимающій дѣло читатель при первомъ взглядѣ на помѣтку цензуры, долженъ отбросить книгу со словами: «мнѣ не надо недозрѣлыхъ учителей, я не терплю наставниковъ, которые являются ко мнѣ подъ ферулою наблюдающаго за ними кулака; я не знаю этого цензора, его подпись здѣсь ручается за его строгость, кто же поручится мнѣ за вѣрность его сужденія? Правительство можетъ ошибиться въ выборѣ цензора такъ же, какъ цензоръ можетъ ошибиться относительно автора!.. Истина и разумъ не такого рода товары, на которые можетъ существовать монополія и которыми можно торговать при посредствѣ ярлыковъ, торговыхъ уставовъ и указанныхъ мѣръ. Мы не должны считать всю нашу научную дѣятельность за складочное мѣсто, гдѣ нужно клеймить и браковать научныя работы, какъ сукна и тюки съ шерстью».

Мильтонъ настоятельно указываетъ, что такое недовѣріе и подозрѣніе служатъ безчестьемъ для всего англійскаго общества и для тѣхъ, кто не заявлялъ себя съ дурной стороны. «Должники и преступники могутъ всюду ходить безъ надсмотрщика, а безобидныя книги не могутъ поступить въ обращеніе, если не видно тюремщика на ихъ заглавномъ листѣ. Если мы не рѣшаемся дать гражданамъ какой-нибудь памфлетъ на англійскомъ языкѣ, то, это значитъ, мы считаемъ всѣхъ ихъ за легкомысленныхъ, порочныхъ и безразсудныхъ людей... Подобная мѣра преграждаетъ только одинъ источникъ распространенія безнравственности, да и то дѣлаетъ плохо; испорченность, которую не хотятъ пустить къ себѣ этимъ путемъ, гораздо сильнѣе и успѣшнѣе входитъ въ другія ворота, которые вы не въ силахъ запереть... Лорды и общины! неужели вы хотите подавить цвѣтущую жатву науки и просвѣщенія, только что взошедшую и продолжающую всходить у

насъ? Неужели вы хотите поставить надъ всѣмъ олигархію двадцати монополистовъ, чтобы лишить пищи наши умы и не давать намъ ничего сверхъ того, что будетъ отмѣрено ихъ мѣрой? Вѣрьте, тѣ, кто совѣтуетъ вамъ такое угнетеніе ближнихъ, ведутъ васъ къ тому, что вы явитесь угнетателями самихъ себя!»

Однако, страстная и убѣжденная рѣчь Мильтона не произвела должнаго дѣйствія. Свобода печати, попрежнему, казалась страшилищемъ, и правительство видѣло въ ней зло, съ которымъ надо бороться всѣми средствами. Распоряженіе парламента, стѣсняющее свободу печати, оставалось въ силѣ около полустолѣтія, подвергаясь то измѣненіямъ, то добавленіямъ, и служило не малою помѣхою развитію журналистики въ Англіи. Но, какъ предсказывалъ Мильтонъ въ своей «Areopagitica», всѣ эти мѣры оказывались совершенно безсильными помѣшать распространенію разнаго рода не разрѣшенныхъ парламентскою властью изданій, нападки которыхъ на эту власть сдѣлались еще яростнѣе и рѣзче прежняго. Журналистика дозволенная сгибалась подъ тяготѣвшею надъ нею мощною дланью, а недозволенная развивалась пышнѣе черпая новыя силы въ борьбѣ. Впрочемъ, требованія времени были въ данномъ случаѣ лучшею защитою журналистовъ. Парламентъ и королевская власть находились въ открытой враждѣ другъ съ другомъ и поэтому невольно съ обѣихъ сторонъ стали искать поддержки въ общественномъ мнѣніи, обѣ партіи стали вести войну при помощи перьевъ. За этотъ промежутокъ времени, вплоть до реставраціи Стюартовъ, народилось въ Англіи около 200 періодическихъ изданій, впрочемъ, такъ же быстро исчезавшихъ, какъ и нарождавшихся. Нѣкоторымъ изъ журналистовъ удалось все-таки за это время достигнуть славы и богатства, и однимъ изъ таковыхъ былъ Меримонтъ Нэдгемъ—типъ литературнаго хамелеона.

Нэдгемъ былъ врачъ по профессіи, но бросилъ медицину и вступилъ на поприще журналистики, быть можетъ, находя это болѣе выгоднымъ. Ему было 23 года, когда онъ основалъ «Mercurius Britannicus», сдѣлавшійся органомъ парламентской партіи. Тогда онъ былъ ожесточеннымъ противникомъ двора. Но въ 1647 году онъ попалъ подъ судъ и вымо-

лилъ себѣ прощеніе у короля, измѣнилъ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ и сталъ «поклоняться тому, что сжигалъ». Въ новомъ своемъ журналѣ «Mercurius Pragmaticus» Нэдгемъ открыто перешелъ на сторону королевской власти и объявилъ войну пресвитеріанцамъ. «Mercurius Pragmaticus» просуществовалъ 18 лѣтъ, но въ концѣ концовъ Нэдгемъ попалъ въ Ньюгэтъ. Его спасли Ленталль, президентъ палаты общинъ, и Брэдто, президентъ суда, которые не довѣряли парламентской партіи и желали имѣть хорошее перо къ своимъ услугамъ. Тогда Нэдгемъ въ третій разъ перемѣнилъ свои политическія убѣжденія и основалъ новый журналъ «Mercurius Politicus», который просуществовалъ около десяти лѣтъ и пользовался благосклонностью Кромвеля. Этотъ журналъ имѣлъ огромное распространеніе и вліяніе въ Англіи. Къ удивленію, даже Мильтонъ, поступившій на службу въ первый же годъ существованія республики, не только покровительствовалъ Нэдгему, но даже помогалъ ему въ его литературныхъ работахъ. Мильтону пришлось по своей должности исполнять и роль цензора печати, что, разумѣется, очень странно, если вспомнить Ареопагитику. Надо полагать, однако, что отправленіе обязанностей цензора было для него не особенно пріятно и, конечно, онъ не могъ итти въ разрѣзъ со своими убѣжденіями и притѣснять печать. Поэтому за время его службы журналистика не была такъ стѣснена, какъ послѣ его ухода. Мильтонъ только пользовался своею властью для наложенія узды на Нэдгема, и дѣйствительно тонъ статей въ «Mercurius Politicus» носитъ на себѣ явные слѣды вліянія Мильтона. Въ «Mercurius Politicus» за это время встрѣчаются серьезныя, глубокообдуманныя статьи. Съ реставраціей Стюартовъ для Нэдгема опять наступили трудные дни, и онъ долженъ былъ не только бросить свое ремесло журналиста, но и скрыться на нѣкоторое время въ Голландію, гдѣ его преслѣдовали его роялистскіе современники, но уже не силою, а насмѣшками. Однако, Нэдгемъ успѣлъ и тутъ вывернуться, но на этотъ разъ уже, вернувшись въ Англію, навсегда отказался отъ журналистики и сталъ заниматься медицинской практикой, при чемъ также не безъ успѣха.

Въ періодъ своей борьбы съ парламентской партіей и из-

данія «Mercurius Pragmaticus» Нэдгемъ явился косвенною причиною усиленія строгости мѣропріятій противъ печати. По предложенію лорда Ферфакса, въ 1647 году строгости законовъ о печати 1643 года были еще усилены, и нѣкто Джильбертъ Мабботъ, снискавшій довѣріе парламента, какъ строгій исполнитель законовъ, былъ назначенъ цензоромъ. Однако. эти строгости не мѣшали Нэдгему аккуратно каждую недѣлю выпускать свой журналъ, мѣняя только постоянно свое мѣстожительство и своихъ типографщиковъ. Точно также эти строгія мѣропріятія не мѣшали появленію массы разныхъ другихъ журналовъ и памфлетовъ, съ которыми приходилось возиться цензору. Черезъ полтора года Маббот, убѣдившись въ безплодности своихъ усилій помѣшать развитію непріятной правительству печати, подалъ въ отставку. Въ высшей степени характерны мотивы, которые выставилъ Маббот въ своемъ прошеніи объ отставкѣ. Онъ прежде всего указываетъ на то, что его должность была совершенно безполезной и вредной, такъ какъ тысячи скандальныхъ и злостныхъ памфлетовъ появлялись въ печати за его подписью, какъ цензора, хотя онъ никогда не видалъ ихъ въ глаза и не давалъ на ихъ публикацію никакого разрѣшенія. Какъ онъ полагаетъ, это дѣлалось съ цѣлью повредить ему въ глазахъ честныхъ людей. Во всякомъ случаѣ такого рода факты служатъ доказательствомъ, что власть цензора не можетъ помѣшать появленію и распространенію вредныхъ произведеній печати. Затѣмъ Маббот высказываетъ взгляды, аналогичные тѣмъ, которые высказалъ Мильтонъ въ своей «Areopagitica», и прямо говоритъ, что цензура больше приноситъ зла, покрывая злоупотребленія и держа въ невѣдѣніи народъ, нежели добра, мѣшая распространенію вредныхъ идей и взглядовъ.

При Кромвелѣ, выразившемся такъ: «Мое правительство ничего бы не стоило, если-бъ не могло выдержать бумажнаго выстрѣла» — печать пользовалась нѣкоторою относительною свободою. Однако, послѣ того, какъ Мильтонъ ослѣпъ и пересталъ исполнять должность секретаря государственнаго совѣта и вмѣстѣ цензора, цензура сдѣлалась строже. Въ 1655 году былъ изданъ приказъ, по которому никто не имѣлъ права ничего печатать или издавать безъ разрѣшенія секретаря госу-

дарственнаго совѣта, и журналистика попала въ строгія руки. Во времена протекторства благосклонностью правительства пользовались только два журнала «Mercurius Politicus» Нэдгема и «Public Intelligencer», считавшіеся оффиціальными органами. Въ послѣднемъ сообщались главныя событія, происходившія внутри государства, въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи, а также и важнѣйшія политическія событія въ различныхъ частяхъ Европы. Эту газету также издавалъ Нэдгемъ, только выходила она по четвергамъ, тогда какъ «Mercurius Politicus» выходилъ по понедѣльникамъ. Впослѣдствіи, изданіе «Public Intelligencer» было отнято отъ Нэдгема, въ видѣ наказанія, впрочемъ, всего лишь на нѣсколько мѣсяцевъ.

Одновременно съ «Mercurius Politicus» имѣлъ успѣхъ въ Англіи «Mercurius Rusticus»—газета сатирическая и шуточная, издававшаяся наполовину въ стихахъ. Но самымъ серьезнымъ соперникомъ Нэдгема на почвѣ журналистики былъ Джонъ Биркенгэдъ, оксфордскій профессоръ, приверженецъ роялистовъ, блестящій придворный, осыпавшій насмѣшками парламентскую партію. Биркенгэдъ издавалъ «Mercurius Aulicus», въ чемъ ему помогалъ извѣстный талантливый проповѣдникъ Петръ Гейлинъ.

Несмотря на стѣсненія, журналы все-таки пріобрѣтали все большее значеніе и силу въ обществѣ, но они все еще походили на памфлеты. Періодъ борьбы королевской власти съ парламентомъ былъ для журналистики очень полезенъ. Обѣ партіи вели между собою ожесточенную полемику при помощи печати. Журналъ былъ не предметомъ торговли, а политическимъ орудіемъ, и въ немъ участвовали настоящіе писатели и образованные люди. Прогрессъ обнаружился даже въ самомъ способѣ изданія журналовъ. При Кромвелѣ учрежденіе почтовой службы вынудило журналы выходить съ большею аккуратностью, ради правильной отправки въ провинцію. Наконецъ, на страницахъ газетъ стали появляться объявленія. Первое объявленіе появилось въ 1649 году въ газетѣ «Impartial Intelligencer»: какой то джентльменъ изъ Кэндиша предлагалъ вознагражденіе за украденныхъ у него лошадей. Однако, прошло все-таки не мало времени, прежде чѣмъ объявленія

заняли то мѣсто, которое они занимаютъ теперь въ англійской печати. Сначала объявленія касались только книгъ и лекарствъ, но въ 1657 году предпріимчивый книгопродавецъ Ньюкомбъ догадался, что объявленія могутъ служить предметомъ выгодной спекуляціи, и сталъ издавать газету «Public Advertiser», почти исключительно состоящую изъ однихъ объявленій. Въ другихъ газетахъ объявленія все еще были очень немногочисленны. Въ 1658 году впервые упоминается о чаѣ, какъ о предметѣ торговли; чай рекомендуется, какъ превосходный напитокъ, вывезенный изъ Китая и очень одобряемый врачами. Чаще всего въ объявленіяхъ говорится о пропажахъ, побѣгахъ и т. п. При Карлѣ II, большомъ любителѣ собакъ, въ «Mercurius Politicus», считавшемся придворнымъ органомъ, попадались объявленія сатирическаго характера, авторомъ которыхъ считали самого короля. Въ одномъ изъ такихъ объявленій сообщалось о пропажѣ любимой собаки короля, при чемъ нашедшему предлагалось прійти во дворецъ справиться о ея примѣтахъ. «Собака была болѣе извѣстна при дворѣ, чѣмъ тѣ, кто укралъ ее, говорилось въ объявленіи. Неужели никогда не перестанутъ обворовывать короля? Развѣ онъ не можетъ держать собаки? Мѣсто этой собаки единственное, котораго никто не добивается и о которомъ никто не проситъ короля, хотя оно гораздо лучше, чѣмъ это предполагаютъ многіе».

Нѣкоторыя изъ объявленій очень скоро приняли характеръ настоящихъ рекламъ, мало чѣмъ отличающихся отъ рекламъ нашего времени; затѣмъ стали появляться объявленія матримоніальнаго характера, приглашающія ко вступленію въ бракъ, и вызовы на кулачный бой. Кулачныя сраженія происходили въ тѣ времена не только между мужчинами, но и между женщинами. Вотъ образчикъ подобнаго объявленія: «Вызовъ.— Такъ какъ я, Елизавета Вилькинсонъ изъ Клеркенуэлля, поссорилась съ Анною Райфильдъ и желаю получить удовлетвореніе, то и приглашаю ее боксировать со мною публично на три гинеи; каждая изъ насъ должна держать въ рукѣ полкроны и та проиграетъ, которая первая выронитъ деньги».

«Отвѣтъ.—Я, Анна Райфильдъ изъ Ньюмаркета, получивъ вызовъ Елизаветы Вилькинсонъ, разумѣется, не премину, волею Господа, надавать ей больше ударовъ, нежели словъ, и

сама не желаю отъ нея пощады; она можетъ поэтому разсчитывать на хорошую потасовку».

Подобнаго рода объявленія бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на состояніе культуры тогдашняго общества. Между прочимъ, изъ этихъ объявленій можно видѣть, какъ распространена была тогда вѣра въ чудодѣйственную цѣлебную силу королевскаго прикосновенія, излечивающаго золотушныя страданія. Въ оффиціальной газетѣ печатались объявленія о томъ, въ какое время больные могутъ являться во дворецъ, для того, чтобы королевское прикосновеніе излечило ихъ отъ золотухи. Любопытно, что даже многіе изъ выдающихся врачей того времени вѣрили въ чудодѣйственную силу этого прикосновенія.

Реставрація Стюартовъ нанесла журналистикѣ тяжелый ударъ. Число журналовъ уменьшилось и возобновлены были строгія постановленія «Звѣздной палаты», касающіяся печати. Просмотръ книгъ историческаго и политическаго содержанія былъ возложенъ на государственнаго секретаря, всѣ же остальныя произведенія подлежали вѣдѣнію лорда-канцлера; сочиненія же по философіи, религіи и физическимъ наукамъ поступали на просмотръ епископовъ Кентерберійскаго и Лондонскаго. У Нэдгема скоро была отнята его газета «Mercurius Politicus» и передана его старинному сопернику въ ранніе періоды гражданской войны, Джону Биркенгэду, который былъ назначенъ цензоромъ.

Какъ ни скудны были газеты, которымъ было дозволено существовать въ первые годы царствованія Карла II, но властямъ онѣ все-таки казались слишкомъ содержательными и вольнодумными, поэтому Биркенгэдъ былъ вскорѣ замѣненъ въ должности цензора другимъ, гораздо болѣе строгимъ.

Рожеръ Лестранжъ, заступившій мѣсто Биркенгэда, былъ извѣстенъ, какъ ярый роялистъ, приверженецъ Карла I. Приговоренный къ смерти, онъ былъ помилованъ Кромвелемъ и отдѣлался четырехлѣтнимъ заключеніемъ въ Ньюгетской тюрьмѣ и затѣмъ велъ жизнь, полную приключеній, пока реставрація не выдвинула его снова на сцену. Лестранжъ былъ яростный противникъ свободы печати. Съ цѣлью выдвинуться и обратить на себя вниманіе, онъ напечаталъ памфлетъ, въ которомъ

доказывалъ, что постановленія, касающіяся печати, выполняются не съ достаточною строгостью, и предлагалъ рядъ мѣропріятій къ полному приниженію печати.

Уловка Лестранжа имѣла успѣхъ, и вскорѣ по выходѣ памфлета онъ былъ назначенъ надзирателемъ надъ типографіями, при чемъ былъ облеченъ широкою властью. Лестранжъ былъ именно такой цензоръ, какой былъ нуженъ тогда англійскому правительству, и не останавливался ни передъ чѣмъ въ своей борьбѣ съ печатнымъ словомъ.

Сдѣлавшись редакторомъ бывшей газеты Нэдгема «Mercurius Politicus», Лестранжъ сталъ издавать ее подъ двумя названіями; она выходила два раза въ недѣлю, и въ понедѣльникъ называлась «Public Intelligencer», а въ четвергъ—«News». Обѣ эти газеты, какъ значилось въ заголовкѣ, издавались «для удовольствія и поученія народа» (for the satisfaction and information of the poeple), которому сообщалось, разумѣется, только то, что Лестранжъ находилъ нужнымъ доводить до его свѣдѣнія. Лестранжъ, не стѣсняясь, заявилъ въ первомъ же номерѣ, что онъ вообще не сочувствуетъ идеѣ изданія газеты, «такъ какъ это дѣлаетъ толпу слишкомъ фамильярной и нахальной и даетъ ей возможность судить и рядить о дѣйствіяхъ начальства, но въ виду необходимости избавить толпу отъ прежнихъ заблужденій и предупредить распространеніе ложныхъ извѣстій, газета можетъ оказаться очень полезной, конечно, если она будетъ издаваться съ должною осторожностью».

Можно себѣ представить, принимая во вниманіе такіе взгляды Лестранжа, каковы должны были быть газеты, издававшіяся имъ «для удовольствія и поученія читателей». Разумѣется, такое положеніе вещей не только не мѣшало, но, пожалуй, даже способствовало распространенію незаконной печати, хотя Лестранжъ и преслѣдовалъ ее всѣми способами, тѣмъ болѣе, что, какъ монополистъ, онъ видѣлъ въ ней ущербъ личнымъ выгодамъ. Это было одно изъ самыхъ тяжелыхъ временъ для англійской журналистики.

Образчикомъ жестокости, съ которою преслѣдовались нарушители закона о печати, можетъ служить страшная казнь, которой подвергся типографщикъ Твинъ, осмѣлившійся тайно

напечатать политическій памфлетъ, не дозволенный цензоромъ. На Твина былъ сдѣланъ доносъ Лестранжу, который распорядился произвести у него ночью обыскъ и, поймавъ его съ поличнымъ, предалъ суду. Несчастный типографщикъ сознался въ своемъ ужасномъ преступленіи, но привелъ въ свое оправданіе, что онъ не зналъ содержанія памфлета и считалъ его совершенно безвреднымъ, а такъ какъ онъ очень бѣденъ и ему надо заботиться о кускѣ хлѣба для своей семьи, то онъ и рискнулъ напечатать памфлетъ, чтобы заработать деньги. Судъ нашелъ его виновнымъ. Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни: его должны были предварительно повѣсить за руки, затѣмъ вскрыть ему животъ, выпустить внутренности и, на его глазахъ, пока онъ живъ, изжарить ихъ, послѣ того его четвертовать, отрѣзать голову, и части тѣла выставить въ разныхъ мѣстахъ—«to be disposed of at the pleasure of the King's Majesty»—такъ сказано въ приговорѣ, который и былъ буквально приведенъ въ исполненіе.

Въ теченіе всего періода властвованія Лестранжа надъ печатью, журналисты и типографщики подвергались самымъ жестокимъ преслѣдованіямъ, хотя, впрочемъ, ни одинъ не подвергался такой страшной казни, какая была произведена надъ Твиномъ «для примѣра». Но кнутъ, висѣлица, позорный столбъ, каторжныя работы и т. п. были обычными способами наказанія для нарушителей закона о печати. Время управленія Лестранжа можетъ быть названо «временемъ террора» для англійской журналистики.

Монополія Лестранжа въ дѣлѣ изданія газеты продолжалась впрочемъ, не долго. Осенью 1665 года Карлъ II вмѣстѣ со своимъ дворомъ перебрался въ Оксфордъ, спасаясь отъ чумы, и такъ какъ лондонскія газеты, изъ опасенія заразы, не доставлялись ко двору, то Карлъ II приказалъ Леонарду Литчвильду, университетскому типографщику, издавать новую газету «Oxford Gazette», которая также начала выходить два раза въ недѣлю и скоро сдѣлалась опасною соперницею газетѣ Лестранжа, такъ какъ типографщикъ Ньюкомбъ получилъ привилегію воспроизводить ее въ Лондонѣ, въ меньшемъ форматѣ, «для купцовъ джентльменовъ». Когда дворъ переѣхалъ въ Лондонъ, по миновании эпидеміи, оксфордская газета пере-

именовалась въ Лондонскую газету, которая осталась оффиціальнымъ органомъ правительства [1]).

Какъ ни сердился Лестранжъ на такое нарушеніе его прерогативъ, но на этотъ разъ долженъ былъ уступить. Его газета перестала существовать, но мѣсто цензора осталось за нимъ, и поэтому онъ могъ давить и преслѣдовать печать сколько ему вздумается. Однако, время все-таки брало свое. Ни Лестранжъ съ его строгостью, никакія преслѣдованія свободы слова и мысли не могли задержать развитіе общественнаго мнѣнія въ Англіи. Срокъ закона о цензурѣ, вотированнаго вскорѣ послѣ реставраціи Стюартовъ, истекъ въ 1679 году, и какъ разъ тогда, когда Карлъ II вздумалъ подражать своему отцу и управлять страною безъ парламента, печать получила на нѣкоторое время свободу. Каждый получилъ право печатать на свой рискъ, что ему угодно, безъ предварительнаго разрѣшенія властей, только право это не распространялось на газеты, такъ какъ по закону политическія извѣстія нельзя было печатать безъ согласія короны. Однако, пока партія виговъ была въ силѣ, правительство закрывало глаза на нарушеніе этого правила. Журналы были тогда средствомъ борьбы, и поэтому обѣ партіи пользовались ими. Лестранжъ снова долженъ былъ взяться за перо для защиты двора отъ нападокъ независимой печати. Но лишь только партія виговъ вновь была побѣждена, тотчасъ же прерогативы печати были уничтожены, и право печатать политическія извѣстія безъ предварительнаго разрѣшенія власти было оставлено только одной оффиціальной газетѣ. Снова начались тяжелые дни для англійской журналистики, хотя законъ о цензурѣ и не былъ возобновленъ, но Карлъ II и его любимцы въ теченіе шести лѣтъ обходились и безъ него, издавъ въ 1680 году прокламацію, запрещающую печатаніе и изданіе неразрѣшенныхъ властями книгъ, газетъ и памфлетовъ. Нарушившіе это распоряженіе подвергались суду; нѣкоторые отдѣлывались штрафомъ, другіе тюремнымъ заключеніемъ или выставкою у позорнаго столба; однако, все же общественное мнѣніе настолько уже пріобрѣло значеніе въ то

[1]) Она существуетъ и въ настоящее время, какъ органъ, въ которомъ печатаются правительственныя распоряженія и оффиціальныя сообщенія.

время, что нарушителей королевскаго распоряженія судъ не рѣшался подвергать смертной казни или тѣлеснымъ наказанiмъ, подобно тому, какъ это дѣлалось прежде. Но, разумѣется, при такихъ условiяхъ журналистика не могла процвѣтать и развиваться правильнымъ образомъ. Маколей говоритъ, что въ 1685 году въ Англiи нельзя было найти ни капитала, ни нужныхъ талантовъ для ежедневной печати. Оффиціальная газета была суха и формальна. О парламентскихъ преніяхъ и государственныхъ дѣлахъ ничего не сообщалось въ газетахъ. Въ столицахъ кофейни замѣняли до нѣкоторой степени газеты и дѣлались ареною для политическихъ разсужденiй и центромъ распространенiя политическихъ новостей. Въ кофейни стекались всѣ, кто интересовался политикой и общественными дѣлами, тамъ обсуждались текущія событія, сообщались новости дня, однимъ словомъ, кофейни дѣлались чѣмъ то вродѣ политическихъ клубовъ. Были кофейни виговъ и кофейни торіевъ, и вошло въ обычай, послѣ церковной службы, заходить въ кофейню и выслушивать и сообщать тамъ различныя новости. Это замѣняло газеты. Впрочемъ, несмотря на всѣ старанія раболѣпныхъ судей, постоянно приговаривавшихъ къ разнаго рода взысканіямъ журналистовъ и писателей, недозволенная литература все-таки продолжала существовать, и искоренить ее не удавалось никакими средствами. Одинъ изъ судей жаловался, что народъ такъ пріохотился къ чтенію, что скорѣе готовъ отказаться отъ хлѣба, нежели отъ газеты, и послѣдній пенни готовъ истратить на покупку памфлета.

Когда на престолъ вступилъ Яковъ II, то немедленно былъ возобновленъ законъ о цензурѣ на семь лѣтъ и, такимъ образомъ преслѣдованія печати получили законную санкцію. Журналистика стала влачить печальное существованіе, но такое положеніе не могло уже долго продолжаться. Съ воцареніемъ Вильгельма Оранскаго для журналистики наступили лучшія времена. Революція 1688 года поставила, по выраженію Маколея, правительство подъ контроль печати. Газеты распространились, значеніе ихъ поднялось, и правительство уже не имѣло достаточно силъ, чтобы стѣснить ихъ свободу. Двѣ могущественныя партіи стали сражаться при помощи гласности. Съ 1688 года по 1692, т. е. въ четыре года возникли 26 но-

выхъ журналовъ, тогда какъ въ теченіе 26 лѣтъ реставраціи, съ 1661 по 1688 годъ, было основано всего 70 журналовъ, да и тѣ просуществовали не долго. Всѣ политическія партіи стали основывать свои органы, но хотя законъ, требовавшій для журналовъ предварительнаго разрѣшенія власти, и продолжалъ существовать, Вильгельмъ III не рѣшался имъ пользоваться. Однако, когда въ 1693 году истекъ срокъ закона о цензурѣ, законъ этотъ былъ возобновленъ, хотя и не безъ оппозиціи, которая какъ ни была слаба, но все-таки служила доказательствомъ, что въ общественное мнѣніе стало проникать, хотя и не совсѣмъ еще ясное представленіе о томъ, что гражданская свобода и свобода совѣсти находятся въ тѣсной связи со свободою слова. Законъ о цензурѣ былъ возобновленъ еще только на два года, но за это время цензура успѣла возбудить противъ себя большинство. Многіе изъ виговъ пришли къ убѣжденію, что цензура составляетъ зло, отъ котораго слѣдовало отдѣлаться, и дѣйствительно черезъ два года цензура навсегда исчезла съ политической сцены Англіи. Въ февралѣ 1695 года палата общинъ рѣшила почти единогласно не возобновлять закона о цензурѣ. Палата лордовъ была другого мнѣнія, и поэтому возникъ споръ между двумя палатами. Однако, въ концѣ концовъ палата лордовъ уступила, и, такимъ образомъ, путь къ дальнѣйшему прогрессу журналистики былъ освобожденъ отъ загромождавшихъ его препятствій.

Газеты, однако, очень медленно прогрессировали послѣ революціи 1688 года. Правда, число ихъ увеличилось и онѣ достигли нѣкоторой независимости даже въ періодъ царствованія цензуры, но тѣмъ не менѣе газеты того времени представляли не что иное какъ маленькіе листки, грубаго вида, выходящіе два или три раза въ недѣлю, крайне безсодержательные и довольствовавшіеся лишь сухимъ изложеніемъ фактовъ, да и то не всегда вѣрныхъ. Злобы дня почти не затрогивались газетами или же затрогивались вскользь, и преимущественно сообщались заграничныя новости. Но даже и въ такомъ несовершенномъ видѣ газеты пользовались большою популярностью.

Тотчасъ же послѣ отмѣны цензуры возникло нѣсколько новыхъ газетъ. Однако, съ уничтоженіемъ цензуры, печать

все-таки не отъ всѣхъ стѣсненій избавилась. Парламентъ не дозволялъ газетамъ печатать пренія палатъ или даже политическія корреспонденціи. Журналисты подвергались строгимъ взысканіямъ, если осмѣливались печатать отчеты о засѣданіи палаты и особенно если они называли по имени ораторовъ. Поэтому-то, несмотря на возникновеніе довольно большого числа газетъ, все-таки имъ было трудно конкурировать съ политическими корреспонденціями. Нѣкоторыя изъ газетъ придумали вслѣдствіе этого выходить двумя листками, одинъ — печатный, другой — чистый. Этотъ послѣдній предназначался для письма и, такимъ образомъ, газета отправлялась вмѣстѣ съ письмомъ. Газеты съ такимъ удобнымъ приспособленіемъ стоили два пенса (около 8-ми копеекъ). Самою распространенною газетою этого рода въ тѣ времена была «Dawk's Hews letter». Издатель ея, Дайеръ, однако, не избѣгъ преслѣдованій. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ два раза не задолго до упраздненія цензуры и затѣмъ, послѣ ея упраздненія, его призывали въ палату общинъ, гдѣ ему было сдѣлано внушеніе по поводу того, что онъ «позволилъ себѣ разсуждать о парламентскихъ засѣданіяхъ». Это былъ первый случай выведенія на сцену «парламентскихъ привилегій», которыя, какъ увидимъ ниже, привели къ многочисленнымъ распрямъ и разнымъ мелочнымъ преслѣдованіямъ, сдѣлавшимъ своею жертвою журналистику. Палата общинъ не ограничилась только внушеніемъ: она вотировала резолюцію, по которой ни одинъ писатель не имѣлъ права касаться въ своихъ статьяхъ преній въ парламентѣ или иныхъ парламентскихъ дѣйствій.

На Дайера это внушеніе, впрочемъ, не очень сильно подѣйствовало. Такъ же мало оказали дѣйствія и другія внушенія, которымъ онъ подвергся со стороны нѣкоторыхъ изъ парламентскихъ дѣятелей, чьи имена были имъ упомянуты въ газетѣ. Лордъ Мохунъ и нѣкоторые другіе, оскорбленные въ своемъ парламентскомъ достоинствѣ Дайеромъ, пустили въ ходъ самый убѣдительный аргументъ—палку, чтобы заставить замолчать неугомоннаго журналиста.

Парламентъ, хотя и не желалъ (или не могъ) возстановить прежнюю тиранію, тѣмъ не менѣе стремился наложить узду на печать и особенно настаивалъ на своей неприкосновенности

для печати, не дозволялъ не только критиковать свои поступки, но даже просто сообщать о нихъ въ печати. Редакторы подвергались аресту и штрафамъ. Въ парламентѣ даже поднималась рѣчь о возобновленіи цензуры и даже внесенъ былъ соотвѣтствующій билль, но времена были уже не тѣ, и билль провалился. Но тѣмъ не менѣе парламентъ поступалъ совершенно въ духѣ этого билля, и по смерти Вильгельма III, въ мартѣ 1702 года, торіи, пользовавшіеся покровительствомъ королевы Анны, тиранизовали печать насколько могли, но, по счастью, они не могли сдѣлать многаго.

Несмотря, однако, на враждебное отношеніе парламента къ журналистикѣ, она все же продолжала развиваться, и царствованіе королевы Анны можно считать началомъ настоящихъ политическихъ газетъ. Много способствовали этому извѣстныя общественныя условія. Война за испанское наслѣдство занимала умы, общественное любопытство было возбуждено, двѣ могущественныя партіи, виги и торіи, оспаривали власть. и такъ какъ борьба велась не только при дворѣ, но и въ парламентѣ, то общественное мнѣніе должно было принять участіе въ этой борьбѣ, и это естественнымъ образомъ отразилось на журналистикѣ. Въ 1702 году появилась первая ежедневная газета «Daily courant». Правда, газета эта была очень скромнаго вида, печаталась лишь на одной сторонѣ въ двухъ столбцахъ и содержала лишь переводныя статьи, да внѣшнія извѣстія безъ всякихъ комментаріевъ. Издатель ея Маллетъ объявилъ въ первомъ номерѣ своимъ читателямъ, что онъ уменьшилъ объемъ своей газеты наполовину затѣмъ, чтобы предохранить публику, по крайней мѣрѣ, хоть отъ половины того безстыдства, которымъ отличались обыкновенныя газеты. Что же касается того, что онъ сообщаетъ внѣшнія извѣстія безъ всякихъ комментаріевъ, то дѣлаетъ онъ это потому, что считаетъ такіе комментаріи совершенно лишними, полагая, что каждый обладаетъ достаточнымъ умомъ, чтобы сдѣлать ихъ самому.

Маллетъ преслѣдовалъ, главнымъ образомъ, цѣли удешевленія изданія, но все же не могъ продержаться долго и черезъ полтора мѣсяца уступилъ свою газету типографщику Самюэлю Боклею, который расширилъ ее. сталъ печатать на двухъ

страницахъ и помѣщалъ не одни только внѣшнія извѣстія, а и внутреннія. и иногда критическія статьи. Газета въ такомъ видѣ существовала болѣе 30 лѣтъ и затѣмъ слилась съ другою газетой «Daily Gazettes». ·

Въ провинціяхъ особенно нуждались въ газетахъ и поэтому онѣ мало по малу стали появляться во всѣхъ большихъ провинціальныхъ городахъ. Въ Лондонѣ выходило 18 политическихъ газетъ, и какъ прежде въ названіяхъ газетъ преобладало слово «Mercurius», такъ теперь большинство газетъ называлось «Post» «Postboy». «Flying Post», «English Post», «Postman» и т. д. Но газеты все же продолжали заниматься гораздо болѣе заграницей. нежели Англіей. и лишь робко позволяли себѣ говорить объ общественныхъ дѣлахъ. опасаясь навлечь на себя гнѣвъ парламента. Вообще журналисты того времени находились въ постоянной опасности и не разъ даже платились жизнью за то, что осмѣливались упомянуть въ своей статьѣ о комъ нибудь изъ сильныхъ міра сего. которые безъ церемоніи. въ такихъ случаяхъ, посылали наемныхъ убійцъ къ провинившемуся писателю. Но всеобщее движеніе умовъ, вызванное политическою борьбою, помогло журналистикѣ сбросить свою сдержанность и робость и открыто заговорить о государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Первый примѣръ правильной полемики по поводу государственныхъ дѣлъ былъ поданъ Даніелемъ Дефоэ. но, къ сожалѣнію, Дефоэ, выступившій на арену политической журналистики вполнѣ честнымъ борцомъ за правду, въ концѣ концовъ сдѣлался продажнымъ журналистомъ и сталъ служить той партіи, которая находилась въ силѣ. Но все же заслуги Дефоэ въ началѣ его писательской дѣятельности были настолько велики. что ихъ не могло смыть его позднѣйшее предательство. Дефоэ началъ издавать свой журналъ «Revue», находясь въ Ньюгетской тюрьмѣ. гдѣ онъ искупилъ свой памфлетъ: «Способъ всего скорѣе покончить съ диссидентами», за который ему пришлось также простоять у позорнаго столба. «Revue» выходилъ разъ въ недѣлю отдѣльными номерами, составленными по весьма широкому плану: реформа нравовъ, обсужденіе государственныхъ мѣропріятій. статьи противъ пьянства, игры. дуэли. распущенность общества и театра, политическіе вопросы—все это входило въ програму

журнала Дефоэ. Журналъ просуществовалъ девять лѣтъ, пока Дефоэ снова не попалъ въ Ньюгетъ. Съ появленіемъ этого журнала собственно и начинается политическая роль печати въ Англіи. Увеличеніе значенія журналистики въ ту эпоху подтверждается тѣмъ, что многіе знаменитые писатели и высокопоставленныя лица выступали на ея поприщѣ и принимали участіе въ политической борьбѣ посредствомъ журнальной полемики. Многіе изъ выдающихся писателей того времени были даже редакторами газетъ. Лордъ Болингброкъ печаталъ статьи противъ правительства въ «Examiner», и ему отвѣчалъ самъ лордъ-канцлеръ въ другой газетѣ. Выйдя изъ министерства, Болингброкъ печаталъ полемическія статьи въ газетѣ «Craftsman» за подписью «An occasional writer» (Случайный писатель). Вмѣстѣ съ Болингброкомъ выступали и другія знаменитости на журнальномъ поприщѣ: Свифтъ, Стиль, Аддисонъ и др. Литература, философія, этика и искусство занимали въ журналахъ столько же мѣста, сколько и полемика. Большимъ вліяніемъ и распространеніемъ пользовался журналъ «Tatter» (болтунъ), основанный Стилемъ, прибѣгнувшимъ къ хитрости для того, чтобы обезпечить успѣхъ своего журнала— онъ заимствовалъ псевдонимъ у Свифта (Isaac Bickerstaff), подъ которымъ послѣдній издалъ свои три юмористическія брошюры, имѣвшія огромный успѣхъ. Свифтъ тоже сначала принималъ участіе въ газетѣ Стиля, но затѣмъ, соблазненный выгодными обѣщаніями, примкнулъ къ торіямъ и сталъ, вмѣстѣ съ Болингброкомъ, издавать политическую газету «Examiner». Стиль также, поощренный успѣхомъ своего журнала «Tatter», основалъ ежедневную газету «Spectator», въ скоромъ времени получившую всемірную извѣстность. Успѣхъ этой газеты съ самаго начала превзошелъ даже смѣлыя ожиданія Стиля.

Возростающее вліяніе печати очень не нравилось парламенту, въ рукахъ котораго сосредоточивалась тогда власть. Палата общинъ, ставившая Стюартамъ въ упрекъ ихъ преслѣдованія печати, сама, въ свою очередь, возстала противъ гласности. Малѣйшій намекъ на парламентскія пренія, появлявшійся въ печати, всякое обсужденіе рѣчей и неодобреніе парламентскихъ мѣропріятій вмѣнялось въ преступ-

леніе. наказуемое штрафами, тюремнымъ заключеніемъ и позорнымъ столбомъ. Въ такихъ случаяхъ не спасала даже парламентская неприкосновенность. Парламентъ исключилъ изъ своей среды одного изъ своихъ членовъ за то, что тотъ издалъ книгу, которая была признана оскорбительной для христіанской религіи. Почти ни одна сессія не обходилась безъ того, чтобы кто-нибудь изъ журналистовъ не былъ препровожденъ въ Ньюгетъ. Конечно, и Стиль не могъ не поплатиться за свои сарказмы. Въ декабрѣ 1712 г. онъ смѣло выступилъ на политическую арену и былъ выбранъ въ слѣдующемъ году въ парламентъ. Тогда-то онъ сталъ издавать новый журналъ, выходившій три раза въ недѣлю, «Englishman», который отличался особенною смѣлостью рѣчей. Въ одномъ изъ нумеровъ этого журнала, онъ, напримѣръ, писалъ: «Я не могу приписать политическія бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ страна, ничему другому, какъ только привычкѣ министровъ льстить честолюбію принцевъ и внушать имъ мнѣніе, что они выше законовъ, которые собственно предназначены лишь для того, чтобы связывать слабыя руки глупыхъ подданныхъ могущественнаго монарха, а никакъ не его самого...»

Такая манера министровъ, по словамъ Стиля, неминуемо должна повести къ тому, что какъ народъ, такъ и принцъ начнутъ испытывать безпокойство, возникнетъ недовѣріе другъ къ другу, а когда нарушится окончательно взаимное довѣріе, то мѣсто его заступитъ враждебность — принцъ рѣшитъ, что народъ не стоитъ его покровительства, а народъ придетъ къ убѣжденію, что ему надо самому защищать свою свободу...

Разумѣется, это были очень смѣлыя рѣчи для того времени, когда, въ виду приближающейся смерти королевы Анны, составлялись, съ вѣдѣнія Болингброка, самые отчаянные планы для ниспроверженія существующаго акта о престолонаслѣдіи и возведенія на престолъ Англіи наслѣдника Якова II, Георга Ганноверскаго, вмѣсто принцессы Софіи или ея сына. Неудивительно, что Стиль былъ привлеченъ парламентомъ къ отвѣтственности за эти рѣчи, и его не спасла отъ исключенія изъ состава парламента даже поддержка Уальполя и всей партіи виговъ. Мы нѣсколько остановимся на дѣлѣ Стиля, такъ какъ оно очень характерно для той эпохи.

Въ февралѣ 1714 года королева, открывая парламентъ тронною рѣчью, пожаловалась на инсинуаціи, появлявшіяся въ печати, и въ мартѣ того же года палатѣ общинъ было предложено принять во вниманіе эту часть тронной рѣчи и подумать о мѣрахъ «къ пресѣченію безчинствъ печати». Аудиторъ Фолей прибавилъ къ этому, что если не будетъ найдено средство къ обузданію печати и къ огражденію лицъ, имѣющихъ честь находиться въ администраціи, отъ злобной и скандальной клеветы, то эти лица, обладающія всѣми нужными качествами и способностями для того, чтобы служить королевѣ и странѣ, откажутся отъ общественныхъ должностей и службы. Другой членъ парламента, сэръ Уильямъ Уиндгэмъ, прямо указалъ на произведенія Стиля, какъ на такія, которыя заключаютъ въ себѣ много оскорбительныхъ выраженій по отношенію къ королевѣ и проникнуты духомъ возмущенія. Затѣмъ въ палату общинъ была представлена уже формениая жалоба отъ имени правительства на Стиля за его писанія, и Стиль получилъ приказаніе явиться для объясненій. Слѣдующій день была суббота, и парламентъ былъ переполненъ публикой, явившейся послушать, какъ будутъ читать и обсуждать выдержки изъ инкриминированныхъ статей Стиля. Послѣ того, какъ нѣсколько ораторовъ произнесли рѣчи, строго осуждающія поведеніе Стиля, онъ былъ приглашенъ представить свои объясненія. Вызванный Стиль сказалъ, что такъ какъ на него нападаютъ съ разныхъ сторонъ, то онъ проситъ парламентъ дать ему недѣлю отсрочки для того, чтобы приготовить свою защиту. Но противъ отсрочки возстали аудиторы Фолей и Гарлей, требовавшіе немедленнаго обсужденія. Такъ какъ они оба въ молодости были пресвитеріанцами, то до сихъ поръ сохранили привычку говорить нараспѣвъ, эта привычка какъ то особенно рельефно выразилась въ ихъ громоносныхъ рѣчахъ противъ Стиля, которыя они произнесли какимъ то пѣвучимъ, жалобнымъ тономъ. Искушеніе сдѣлать ихъ посмѣшищемъ было слишкомъ велико для Стиля, и онъ не могъ сдержаться, чтобы не выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ передъ палатою. Искусно подражая ихъ тону. Стиль началъ говорить, что онъ видитъ себя вынужденнымъ «съ покорностью и сокрушеніемъ сердца признать себя великимъ грѣшникомъ». Но онъ надѣется, что

«члены парламента, говорившіе передъ этимъ, пользующіеся вполнѣ заслуженною репутаціей примѣрнаго благочестія, не захотятъ участвовать въ увеличеніи числа тяготѣющихъ надъ нимъ грѣховъ, заставляя его нарушить субботній день, принадлежащій Господу Богу, чтеніемъ профанирующихъ статей, которыя могутъ служить ему для его оправданія».

Остроумная выходка Стиля такъ развеселила палату, что его просьба была принята во вниманіе, и разбирательство его дѣла было отложено до вторника. Въ этотъ день въ парламентъ не допустили никого изъ постороннихъ, за исключеніемъ Аддисона и еще нѣсколькихъ лицъ, которымъ было дозволено принимать участіе въ допросѣ. Стиля спросили, признаетъ ли онъ себя авторомъ инкриминированныхъ статей. Стиль безъ всякаго колебанія заявилъ, что да, и такъ же весело и смѣло прочелъ въ палатѣ всѣ тѣ мѣста статей, которыя навлекли на себя гнѣвъ властей. Послѣ того въ палатѣ возникли горячія пренія. Сначала рѣшено было удалить Стиля и не позволить ему присутствовать при преніяхъ, но затѣмъ это рѣшеніе было отмѣнено и Стилю разрѣшили выслушать доводы своихъ противниковъ и затѣмъ сказать рѣчь въ свою защиту. Стиль сказалъ блестящую рѣчь, длившуюся три часа, и опровергнулъ всѣ доводы своихъ противниковъ, но, разумѣется, убѣдить заранѣе предубѣжденныхъ не могъ.

Уальполь произнесъ краснорѣчивую рѣчь въ защиту Стиля. «Развѣ долженъ авторъ отвѣчать передъ парламентомъ за тѣ вещи, которыя онъ пишетъ, какъ частное лицо?—воскликнулъ Уальполь.—Если онъ подлежитъ за это наказанію закономъ, то и предоставьте это закону. Вѣдь, такимъ путемъ парламентъ, который долженъ служить лишь бичомъ дурныхъ министровъ, скоро сдѣлается въ рукахъ министровъ бичомъ для подданныхъ. Но, вѣдь, министры и такъ обладаютъ достаточною властью. Они могутъ награждать и наказывать, могутъ располагать средствами секретнаго фонда, могутъ миловать и могутъ присуждать къ позорному столбу за мятежныя писанія... Свобода печати не подлежитъ ограниченію никакимъ закономъ. Какъ же законодательное собраніе можетъ брать на себя наказывать, какъ преступленіе, то, что не признается таковымъ ни однимъ изъ законовъ, установленныхъ парламентомъ? Съ какой

стати палата становится орудіемъ для такой отвратительной цѣли?»

Но краснорѣчіе Уальполя не помогло — Стиль былъ изгнанъ изъ парламента. Впрочемъ, никакому другому наказанію онъ не подвергся. Все это ясно указываетъ, какая перемѣна произошла въ журналистикѣ за тѣ двадцать лѣтъ, которыя протекли со времени упраздненія цензуры. Корона уже не высказывала притязаній подвергнуть печать своему контролю, но зато палата общинъ яростно возмущалась противъ новой силы, явившейся въ лицѣ журналистики, противъ контроля печати, у которой парламентъ оспаривалъ право руководить политическимъ мнѣніемъ. Наскучивъ преслѣдовать журналистовъ и видя, что это мало помогаетъ, парламентъ рѣшилъ непосредственно дѣйствовать на журналы. Ежегодно въ парламентѣ обсуждались проекты разныхъ мѣръ противъ «Grub-street»—ироническое прозвище журналовъ,—имѣющихъ въ виду положить предѣлъ ихъ «злословію о дѣлахъ государства». Опять возбужденъ былъ вопросъ о цензурѣ, но возобновить ее не рѣшились. Предложено было требовать подписи автора подъ каждою статьею, но и эта мѣра была отвергнута. Въ 1712 году придумали, наконецъ, «наидѣйствительнѣйшій» способъ стѣснить журналистику—это обложить тяжелою пошлиною всѣ журналы и брошюры. Палата вотировала штемпельный сборъ со всѣхъ журналовъ въ полъ-листа и въ одинъ листъ и съ объявленій.

Дѣйствительно, эта мѣра сразу отразилась неблагопріятно на журналистикѣ. Мелкія газеты тотчасъ же прекратили свое существованіе, и Аддисонъ охарактеризовалъ этотъ періодъ «паденіемъ газетъ». Но затѣмъ придумали способъ обходить законъ. Нѣкоторыя газеты стали выходить въ форматѣ, представляющемъ нѣчто среднее между цѣлымъ листомъ и полълистомъ, и на этомъ основаніи отказывались платить штемпельный сборъ, опираясь на то, что, вѣдь, въ законѣ ничего не упоминается о журналѣ именно такого формата. Число такихъ газетъ, избавлявшихся хитростью отъ уплаты штемпельнаго сбора, такъ возросло, что парламентъ счелъ нужнымъ сдѣлать добавленіе къ прежней редакціи закона и присоединить еще налогъ на объявленія и на бумагу. Это уже дѣй-

ствительно нанесло тяжелый ударъ журналистикѣ. Многіе журналы тотчасъ же прекратили свое существованіе, другіе должны были повысить цѣну и тѣмъ лишились части своихъ кліентовъ; нѣкоторые слились вмѣстѣ. Существованіе журналовъ сдѣлалось непрочнымъ вслѣдствіе фискальныхъ тягостей. Мало по малу газаты замѣнились листками, въ которыхъ печатались разныя извѣстія; политическіе же и литературные журналы уменьшились въ объемѣ, стали выходить еженедѣльно и даже ежемѣсячно. Нѣкоторые изъ нихъ стали помѣщать каррикатуры и превратились въ сборники, называвшіеся «Magazine».

Но какъ ни тяжело отразился законъ о штемпельномъ сборѣ, остававшійся въ силѣ въ теченіе 32 лѣтъ, на положеніи журналистики, все-таки онъ не могъ совершенно задержать ея развитіе. Въ эпоху Уальполя политическое значеніе журналистики особенно возросло, чему много способствовалъ Уальполь, который предпочиталъ подкупъ преслѣдованію и не только имѣлъ свой собственный органъ—«Daily Gasetter», но выдавалъ субсидіи многимъ газетамъ, полагая, что наградами онъ скорѣе привлечетъ на свою сторону печать, нежели притѣсненіями и наказаніями. Когда послѣ паденія Уальполя секретный комитетъ, назначенный парламентомъ, занялся разслѣдованіемъ его дѣйствій, то оказалось, что онъ роздалъ газетамъ въ теченіе десяти лѣтъ болѣе 50,000 фунтовъ стерлинговъ. Однако, несмотря на то, что Уальполь способствовалъ увеличенію политическаго значенія журналистики, практиковавшійся имъ подкупъ въ широкихъ размѣрахъ дѣйствовалъ на нее въ то же время растлѣвающимъ образомъ, и много понадобилось времени, прежде чѣмъ продажность перестала занимать выдающееся мѣсто въ журналистикѣ.

Самымъ ярымъ и опаснымъ противникомъ Уальполя въ журналистикѣ былъ лордъ Болингброкъ, основавшій газету «Craftsman», въ которой, подъ псевдонимомъ «Гемфри Ольдкэстль», онъ писалъ статьи противъ Уальполя и противъ системы подкупа, которую тотъ ввелъ въ журналистикѣ. «Craftsman» былъ аккредитованнымъ органомъ торіевъ и помогъ имъ одержать побѣду на выборахъ и явиться въ парламентъ въ довольно опасномъ большинствѣ.

Парламентъ очень долго и упорно велъ борьбу съ печатью, не допуская ни малѣйшей гласности своихъ преній. Всякій отчетъ о парламентскихъ преніяхъ, напечатанный въ газетахъ, считался прямымъ нарушеніемъ прерогативъ парламента. Въ 1729 году парламентъ издалъ постановленіе, воспрещающее даже отдалённѣйшій намекъ на дѣйствія парламента. Однако, это постановленіе нарушалось постоянно, и въ газетахъ, то тамъ, то сямъ, появлялись кой-какія скудныя свѣдѣнія о засѣданіяхъ парламента. Но и въ такомъ видѣ они не нравились ему и поэтому въ парламентѣ постоянно поднимался вопросъ о томъ, какъ заставить молчать печать. Въ защиту печати выступилъ Уальполь, въ бытность свою первымъ министромъ, и высказался въ пользу того, чтобы печати было предоставлено право помѣщать парламентскія пренія, ибо запрещать ей это—значитъ посягать на ея свободу. Мало по малу и парламентъ долженъ былъ уступить давленію общественнаго мнѣнія.

Первымъ журналомъ, начавшимъ печатать правильные отчеты о засѣданіяхъ, былъ «Gentleman's Magazine», выходившій разъ въ мѣсяцъ. Вначалѣ эти отчеты были очень скудны. Обыкновенно приводилось резюме рѣчей двухъ-трехъ главныхъ ораторовъ, о другихъ не упоминалось вовсе. Отчеты печатались въ безличной формѣ, во избѣжаніе называть по имени ораторовъ, что считалось оскорбленіемъ парламентскихъ привилегій. Вмѣсто именъ ставились лишь заглавныя буквы и т. д., и хотя все-это было очень прозрачно, но тѣмъ не менѣе форма была все-таки соблюдена. Разумѣется, такіе отчеты оставляли желать многаго и тѣмъ болѣе лишались значенія, что появлялись слишкомъ поздно. Издатель «Gentleman's Magazine», чтобы помочь дѣлу, пустилъ въ ходъ разныя средства и ему удалось придумать остроумный способъ обойти парламентскія строгости. Прежде всего онъ добился,—вѣроятно, посредствомъ подкупа,—того, что двое его друзей получили доступъ въ парламентъ, гдѣ, притаившись въ укромномъ уголкѣ, они записывали все, что видѣли и слышали въ парламентѣ. Затѣмъ въ ближайшей гостиницѣ они читали свои записи и затѣмъ уже эти записи поступали къ Гуттри, который составлялъ изъ нихъ правильные отчеты. Но для того, чтобы оградить

себя отъ возможныхъ непріятностей, издатель «Gentleman's Magazine» предпосылалъ своимъ отчетамъ примѣчаніе, въ которомъ говорилось, что все, что печатается въ журналѣ о парламентскихъ преніяхъ, относится къ царству лиллипутовъ. Врядъ ли кого нибудь могла обмануть эта уловка издателя, но, такъ или иначе, она дѣйствительно служила ему защитою отъ парламентскаго гнѣва,—до того англичане придерживаются формы! Подъ прикрытіемъ царства лиллипутовъ издатель могъ уже болѣе или менѣе безнаказанно помѣщать свои отчеты. Къ этому же времени относится слѣдующій курьезный анекдотъ.

Должность Гуттри, состоявшая въ составленіи правильныхъ отчетовъ изъ отрывочныхъ свѣдѣній, доставляемыхъ ему, была съ теченіемъ времени передана извѣстному лексикографу доктору Джонстону, который, какъ оказалось потомъ, давалъ широкую волю своей фантазіи, составляя отчеты. Такъ однажды на обѣдѣ, который былъ данъ актеромъ Футъ разнымъ литературнымъ знаменитостямъ, зашла рѣчь объ изумительномъ краснорѣчіи, которое выказалъ старшій Питтъ, судя по отчету въ «Gentleman's Magazine». Всѣ восхищались этою рѣчью, напечатанною въ журналѣ, и цитировали изъ нея отрывки. Докторъ Джонстонъ, присутствовавшій на обѣдѣ, сначала слушалъ и молчалъ, но затѣмъ, когда толки и восхищеніе сдѣлались особенно восторженными, онъ сказалъ: «Эту рѣчь я написалъ, находясь на чердакѣ одного дома въ «Exeterstreet». Общество было поражено этимъ заявленіемъ и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ всѣ глядѣли другъ на друга въ молчаливомъ изумленіи. Затѣмъ кто-то спросилъ Джонстона, какъ онъ могъ написать такую рѣчь. «Сэръ, отвѣчалъ Джонстонъ, я только однажды былъ въ галлереѣ палаты общинъ. Издатель Кавъ подкупилъ привратника и поэтому могъ попадать туда вмѣстѣ со своими друзьями. Они то и сообщили мнѣ предметъ преній, имена ораторовъ, ихъ точку зрѣнія, порядокъ произнесенія рѣчей, вмѣстѣ съ примѣчаніями относительно различныхъ аргументовъ, выдвинутыхъ на сцену во время преній. Изъ всего этого я и составилъ рѣчи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были напечатаны въ журналѣ».

Присутствующіе разсыпались въ похвалахъ доктору Джон-

стону. Кто-то воскликнулъ: «Да вы превзошли самого Демосѳена!» Другіе хвалили его за безпристрастіе, за то, что онъ поровну распредѣлилъ между обѣими противными сторонами умъ и краснорѣчіе. На это Джонстонъ скромно замѣтилъ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ, но все-таки онъ позаботился о томъ, чтобы преимущество не было на сторонѣ виговъ.

Впослѣдствіи докторъ Джонстонъ нѣсколько раскаивался въ этихъ поступкахъ и передъ смертью заявилъ, что если онъ о чемъ и сожалѣетъ въ своей жизни, то лишь о парламентскихъ отчетахъ, которые прежде составлялъ.

Несмотря на то, что «царство лиллипутовъ» служило хорошимъ прикрытіемъ Каву, онъ все-таки, вмѣстѣ съ издателемъ другого журнала «London Magazine», навлекъ на себя гнѣвъ палаты лордовъ, за напечатаніе отчета о процессѣ одного лорда, обвинявшагося въ государственной измѣнѣ. Обоихъ призвали въ палату лордовъ, гдѣ они должны были повиниться, просить прощенія и обѣщать исправиться. Продѣлавъ все, что отъ него требовали, Кавъ все-таки не угомонился и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, печатать свои отчеты. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ парламентъ смотрѣлъ на это сквозь пальцы, затѣмъ въ 1760 году снова возобновилъ резолюцію 1729 года, согласно которой нарушители парламентскихъ привилегій должны были подвергаться строжайшимъ взысканіямъ. На этомъ основаніи издатели четырехъ главныхъ газетъ должны были явиться въ палату, выслушать выговоръ и на колѣняхъ принести покаяніе. Однако, все же парламентъ чувствовалъ, что ему трудно долѣе противиться давленію общественнаго мнѣнія, требовавшаго гласности парламентскихъ преній, такъ какъ, несмотря ни на какія взысканія, парламентскіе отчеты продолжали печататься въ газетахъ. Послѣдняя попытка парламента удержать свои привилегіи окончилась довольно таки несчастливо для него и отбила у него охоту къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ въ этомъ направленіи. Парламентъ отдалъ приказаніе арестовать издателя газеты «Evening Post», который не явился принести покаяніе въ палатѣ. Но тутъ парламентъ столкнулся съ лордъ-мэромъ, который не разрѣшилъ арестъ издателя, какъ гражданина Сити, иначе, какъ если приказъ объ арестѣ будетъ подписанъ кѣмъ-нибудь изъ членовъ

магистрата Сити. Сопротивленіе лордъ-мэра дало поводъ къ крайне бурнымъ дебатамъ въ палатѣ и въ первый моментъ парламентъ грозилъ всевозможными наказаніями и взысканіями тому, кто осмѣливается итти наперекоръ его авторитету, но въ концѣ концовъ результатомъ этой борьбы была все-таки побѣда корпораціи Сити, и съ этого времени вопросъ о правѣ газетъ печатать отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ совершенно сошелъ со сцены; право это было безмолвно признано, хотя формальнаго заявленія объ этомъ и не было сдѣлано.

Отчеты о судебныхъ засѣданіяхъ впервые начали появляться въ «Coventgarden Journal» въ 1746 году. Журналъ этотъ былъ основанъ Генри Фильдингомъ, извѣстнымъ писателемъ и романистомъ. Послѣ возмущенія 1745 года Фильдингъ основалъ одинъ за другимъ четыре журнала, преслѣдовавшіе всѣ одну и ту же цѣль—поддержаніе царствующей династіи.

Съ воцареніемъ Георга III политическое значеніе печати не только упрочилось, но въ годы долгой и упорной борьбы за политическую свободу журналистика явилась не только выразительницею общественнаго мнѣнія, но и защитницею народныхъ правъ, въ виду усилій короны и ея совѣтниковъ удержать власть и учрежденія, сдѣлавшіяся совершенно невыносимыми для всей націи. Къ выдающимся журналамъ этого періода слѣдуетъ причислить: «Middlesex Journal», смѣло проповѣдывавшій самыя либеральныя идеи, всеобщую подачу голосовъ и т. д.—и «Monitor», бывшій настоящею грозою министровъ. Но самая выдающаяся роль въ яростныхъ политическихъ распряхъ того времени принадлежитъ газетамъ: «Briton», «North Briton» и «Public Advertiser».

«Briton» былъ правительственнымъ органомъ и ни для кого не было тайной, что эта газета, будто бы издававшаяся Смоллетомъ, въ сущности, служила лишь цѣлямъ фаворита, шотландскаго лорда Бьюта, дававшаго деньги на ея изданіе. Газета эта, впрочемъ, просуществовала недолго, всего лишь полгода, но значеніе она пріобрѣла потому, что вызвала появленіе въ свѣтъ своего антагониста—газеты «North Briton», во главѣ которой стоялъ Джонъ Уилькзъ, выдвинутый условіями той эпохи на первое мѣсто и стяжавшій репутацію защитника народа отъ произвола королевской власти и министровъ. Какъ

извѣстно, Георгъ III былъ очень высокаго мнѣнія о королевской власти и ставилъ для себя образцомъ нѣмецкихъ государей, желая такъ же, какъ и они, управлять государствомъ. Его вмѣшательство въ государственныя дѣла вызвало, какъ извѣстно, удаленіе старшаго Питта изъ министерства и вообще дало поводъ къ ожесточенной внутренней борьбѣ и къ проведенію такихъ мѣръ, которыя породили недовѣріе въ народѣ и къ королю, и къ министерству, и къ самому парламенту, такъ какъ нѣкоторые министры, изъ угожденія королю, проводили въ парламентѣ желаемыя имъ мѣропріятія, пользуясь поддержкою своихъ друзей.

Джонъ Уилькзъ, на долю котораго выпала такая замѣтная роль, происходилъ изъ зажиточной семьи диссидентовъ. Отецъ его былъ такъ преданъ революціоннымъ принципамъ, что не пожелалъ отдать своего сына ни въ одинъ изъ англійскихъ университетовъ, гдѣ онъ могъ бы пріобрѣсти политическую окраску, а воспитывалъ его дома, и затѣмъ, когда ему минуло двадцать два года, его женили на весьма благочестивой и богатой леди, бывшей на десять лѣтъ старше его. Мать этой леди хозяйничала у нихъ въ домѣ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что пылкій и живой юноша нашелъ семейную жизнь при такихъ условіяхъ очень тягостной для себя и сталъ искать развлеченій на сторонѣ. Скоро онъ примкнулъ къ обществу молодыхъ безпутныхъ членовъ англійской аристократіи, предоставлявшихъ старшимъ «дѣлать политику» и проводившихъ время въ оргіяхъ и самыхъ разнузданныхъ увеселеніяхъ. Уилькзъ пустился во всѣ тяжкія и былъ членомъ основаннаго сэромъ Френсисъ Детвудъ «клуба повѣсъ». Написанная имъ въ то время поэма «опытъ о женщинахъ», конечно, принадлежитъ къ числу такихъ произведеній, которыхъ долженъ стыдиться каждый порядочный человѣкъ. Но Уилькзъ явился въ ней лишь вѣрнымъ изобразителемъ распущенныхъ взглядовъ и развратныхъ наклонностей, господствовавшихъ въ англійской аристократіи въ ту эпоху. Поворотъ жизни Уилькза произошелъ тогда, когда онъ промоталъ все свое состояніе и его знатные товарищи, какъ это всегда бываетъ, отвернулись отъ него. Ему, впрочемъ, помогли сдѣлаться членомъ парламента, даже шерифомъ Бекингемскаго графства, но все это не могло удо-

влетворить честолюбивыхъ стремленій Уилькза. Онъ просилъ о мѣстѣ посланника въ Константинополѣ или губернатора въ Квебекѣ, но не добился ничего и, приписавъ свою неудачу, справедливо или нѣтъ, лорду Бьюту, удерживавшему всѣ лучшія мѣста для торіевъ и шотландцевъ, рѣшилъ отмстить ему и въ отместку основалъ газету «North Briton». Съ этого момента Уилькзъ становится великимъ демагогомъ и начинаетъ играть выдающуюся политическую роль.

Газета «North Briton» весьма скоро пріобрѣла значеніе, благодаря смѣлости своего языка и своихъ нападокъ на правительство. Уилькзъ не одинъ писалъ въ своей газетѣ; ему помогали его друзья и въ числѣ ихъ находились лордъ Тэмпль и поэтъ Черчилль. Газета быстро получила большое распространеніе во всей странѣ. Для того, чтобы противодѣйствовать ея вліянію, правительство основало еще, кромѣ «Briton», новый журналъ «Auditor», но ни тотъ, ни другой успѣха не имѣли и скоро прекратили свое существованіе. Между тѣмъ популярность «North Briton» росла не по днямъ, а по часамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастала и его смѣлость. Популярность эта достигла своего апогея, когда Уилькзъ возсталъ въ ноябрѣ 1762 года противъ отсрочки открытія парламента, прежде чѣмъ будутъ объявлены условія, на которыхъ покончена семилѣтняя война. Уилькзъ осуждалъ правительство за его антипатріотическое и антиконституціонное поведеніе въ этомъ случаѣ. «Какъ! восклицалъ Уилькзъ. Неужели на рубежѣ мира, и такого мира, который долженъ или упрочить страну, или же погубить ее навсегда, возможно откладывать великій совѣтъ націи?.. Правда, что этотъ совѣтъ не имѣетъ права заключать миръ, но онъ имѣетъ несомнѣнное право изслѣдовать условія мира и если найдетъ ихъ невыгодными или же безчестящими, то имѣетъ право посовѣтовать тѣмъ, кто предлагаетъ такой миръ, глубже вникнуть въ это дѣло».

Несмотря, однако, на энергичный протестъ Уилькза, парламентъ все-таки былъ отложенъ. Однако, онъ снова собрался въ концѣ ноября для обсужденія Парижскаго мира, на который сильно нападала оппозиція. Благодаря королевскому и придворному давленію на членовъ парламента, политика министерства была одобрена большинствомъ почти всѣхъ голосовъ

на одинъ голосъ оппозиціи, такъ что не помогло и краснорѣчіе Питта. «Въ самомъ дѣлѣ, мой сынъ—король!» воскликнула мать Георга III, узнавъ о результатѣ, и дѣйствительно Георгъ III былъ довольно близокъ въ этотъ моментъ къ осуществленію своей мечты абсолютизма. Однако, если члены парламента и оказались не на высотѣ положенія, то во всякомъ случаѣ иначе отнеслась къ этому нація и особенно граждане Лондона. Послѣ Парижскаго мира негодованіе противъ лорда Бьюта въ обществѣ такъ возросло, что онъ долженъ былъ уступить и отказаться отъ управленія министерствомъ. Конечно, Уилькзъ не мало способствовалъ его удаленію своими рѣзкими статьями. Когда на мѣсто лорда Бьюта вступилъ Гренвилль, то Уилькзъ выразилъ надежду, что въ политикѣ министерства произойдетъ перемѣна. Гренвилль былъ младшимъ братомъ лорда Тэмпля, участвовавшаго въ газетѣ Уилькза, и поэтому понятны надежды Уилькза на перемѣну направленія. Но надежды оказались несбыточными: Гренвилль пошелъ по стопамъ прежняго министерства. Убѣдившись въ этомъ изъ тронной рѣчи, Уилькзъ напечаталъ въ 45-мъ номерѣ своей газеты достопамятную статью, въ которой смѣло, рѣзко и убѣдительно, разбирая по пунктамъ тронную рѣчь, обвинялъ короля и министровъ въ недобросовѣстности и публичной лжи передъ парламентомъ.

Статья вызвала бурю. Разумѣется, министры и король желали примѣрно наказать дерзкаго журналиста, но ослѣпленные гнѣвомъ, нарушили въ своемъ преслѣдованіи Уилькза нѣкоторыя формальности и тѣмъ самымъ вручили ему оружіе противъ себя. Лордъ Галифаксъ, государственный секретарь, такъ же, какъ и министры, по внушенію которыхъ онъ дѣйствовалъ, забылъ, что въ Англіи уже нельзя было поступать съ журналистами такъ, какъ поступали съ ними въ то время вездѣ въ другихъ странахъ. Уилькзъ же былъ, кромѣ того, членомъ парламента и, слѣдовательно, поступать такъ съ нимъ было еще труднѣе. Все это было забыто въ гнѣвѣ, и государственный секретарь отдалъ приказаніе арестовать издателя, типографщика и редактора газеты, произвести у нихъ обыскъ и конфисковать документы и бумаги, какъ у виновныхъ въ государственномъ преступленіи и возбужденіи къ мятежу. Первое упущеніе заключалось въ томъ, что въ приказѣ объ арестѣ

не было обозначено ни имени Уилькза, ни преступленія, въ которомъ онъ обвиняется и которое служило бы оправданіемъ его ареста. Притомъ лордъ Галифаксъ поторопился и вмѣсто того, чтобы передать дѣло Уилькза, т. е. его статьи, разсмотрѣнію судебныхъ лицъ, которыя затѣмъ уже должны были постановить рѣшеніе о преданіи его суду, онъ просто на просто приказалъ разыскать авторовъ инкриминированныхъ статей и типографщика и арестовать ихъ. Уилькза арестовали, но его сотоварищъ по изданію, Черчилль, избѣжалъ ареста, благодаря уловкѣ Уилькза. Пока Уилькзъ спорилъ съ посланными короля о томъ, что они не имѣютъ права сажать его подъ арестъ, такъ какъ онъ членъ парламента, вошелъ къ нему Черчилль, тоже разыскиваемый властью. Посланные его не знали въ лицо, а поэтому Уилькзъ, какъ только увидалъ его, воскликнулъ: «Здравствуйте, мистеръ Томсонъ! Какъ поживаетъ ваша жена? Гдѣ она обѣдаетъ сегодня?» Черчилль понялъ намекъ и началъ отвѣчать въ тонъ Уилькзу. Такимъ образомъ, онъ могъ уйти совершенно безпрепятственно и, придя домой, забралъ свои бумаги и скрылся.

Уилькзъ былъ отправленъ въ Тоуэръ, а у него произведенъ обыскъ и захвачены всѣ бумаги. Друзья Уилькза, конечно, не замедлили воспользоваться тѣми несоблюденіями формальностей, въ которыхъ провинились власти, спѣша отмстить Уилькзу. Они потребовали, чтобы дѣло Уилькза было разсмотрѣно обыкновеннымъ судомъ (Court of Common Pleas), т. е. чтобы судья рѣшилъ вопросъ о законности его ареста. Потому ли, что судья, какъ и всякій англичанинъ, отличался пристрастіемъ къ формализму, или же потому, что онъ былъ на сторонѣ Уилькза—онъ рѣшилъ дѣло въ его пользу, объявивъ арестъ его, какъ члена парламента, незаконнымъ, вслѣдствіе несоблюденія тѣхъ-то и тѣхъ-то формальностей, и Уилькзъ былъ выпущенъ на свободу.

Король и министры должны были покориться, и въ этомъ дѣлѣ блистательно подтвердилось владычество закона въ Англіи. На основаніи этого закона верховный судья постановилъ, что членъ парламента не можетъ быть арестованъ за памфлетъ, который онъ пишетъ, какъ частное лицо, а лишь за уголовное преступленіе и открытый бунтъ. Выпущенный изъ Тоуэра,

Уилькзъ, съ помощью лорда Тэмпля и другихъ пріятелей, возбудилъ противъ правительства судебное преслѣдованіе за свое незаконное заключеніе въ тюрьму и захватъ своихъ бумагъ. Послѣ долгихъ отлагательствъ дѣло это, наконецъ. было рѣшено въ пользу Уилькза, и такъ какъ, кромѣ него, еще издатель и типографщикъ возбудили процессъ противъ правительства, то общая сумма, къ уплатѣ которой было приговорено правительство, достигла 100.000 ф. ст. Такимъ образомъ, правительству пришлось довольно дорого заплатить за свое необдуманное увлеченіе гнѣвомъ.

Одержанная надъ правительствомъ побѣда, конечно, еще только раззадорила Уилькза, популярность котораго, благодаря преслѣдованіямъ, сильно возросла въ Лондонѣ. Для лондонскихъ гражданъ Уилькзъ сдѣлался настоящимъ героемъ и его прежнее непохвальное поведеніе было забыто. Парламентъ, однако, не захотѣлъ признать себя побѣжденнымъ и, уже соблюдая всѣ формы, возбудилъ снова процессъ противъ Уилькза по обвиненію его въ клеветѣ. Уилькзъ опять таки попробовалъ выдвинуть на сцену свою неприкосновенность, какъ члена парламента, но это не помогло. Министры потребовали отъ преданнаго имъ парламента, чтобы былъ изданъ особый законъ, по которому 45-й номеръ «North Briton», заключавшій въ себѣ нападки на короля и министровъ, былъ бы признанъ пасквилемъ и присужденъ къ сожженію рукою палача. Отъ парламента требовалось укрощеніе «своевольнаго духа, противнаго началамъ прекрасной англійской конституціи» («our happy constitution») и возбуждавшаго народъ къ мятежу. Несмотря на все краснорѣчіе Питта и др., парламентъ большинствомъ голосовъ принялъ предложеніе, обвинявшее Уилькза, послѣ очень долгихъ и бурныхъ преній.

Дѣло Уилькза сильно волновало умы, тѣмъ болѣе, что король сдѣлалъ изъ него личное дѣло и тѣмъ самымъ увеличилъ политическое значеніе Уилькза. Напримѣръ, король объявилъ, что лица, принимавшія участіе въ пиршествахъ и торжествахъ въ честь Уилькза, не будутъ принимаемы на службу, такъ же, какъ и тѣ, кто выражалъ удовольствіе по поводу того, что судъ не страшится ни министерства, ни его агентовъ. Разумѣется, все это способствовало тому, что весь

англійскій народъ волновался и возводилъ Уилькза на пьедесталъ. Когда палачъ собрался привести въ исполненіе приговоръ парламента и сжечь 45-й номеръ «North Briton», то толпа выхватила у него изъ рукъ этотъ номеръ и съ тріумфомъ понесла его, а вмѣсто газеты бросила въ огонь ботфорты и женскую юбку, какъ эмблему лорда Бьюта и матери короля Георга, съ которой лордъ Бьютъ находился въ связи.

Изъ важныхъ резолюцій, принятыхъ противъ Уилькза парламентомъ, одна касалась его исключенія изъ парламента. Во время преній по поводу этой резолюціи, нѣкто Самюэль Мартонъ, орудіе министерства, такъ отзывался объ Уилькзѣ, что послѣдствіемъ этого явилась дуэль, въ которой Уилькзъ былъ тяжело раненъ, и жизнь его находилась нѣкоторое время въ большой опасности. Нѣсколько оправившись, Уилькзъ уѣхалъ въ Парижъ, и уже во время его отсутствія состоялось его исключеніе изъ парламента, и приговоромъ суда королевской скамьи, преслѣдовавшаго его, какъ автора пасквильной и грязной поэмы «опытъ о женщинахъ», Уилькзъ былъ объявленъ внѣ закона.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ эти постановленія были вызваны непосредственнымъ вліяніемъ самого короля Георга, а также лорда Бьюта и другихъ лицъ въ министерствѣ, обиженныхъ Уилькзомъ. Уилькзъ пробылъ въ изгнаніи четыре года и затѣмъ снова вернулся въ Лондонъ, что дало поводъ къ новымъ волненіямъ. Уилькзъ требовалъ отмѣны указа, объявляющаго его внѣ закона. Посаженный въ маѣ въ тюрьму, онъ былъ освобожденъ толпой, и послѣ того не разъ происходили по его поводу столкновенія между толпою и военною властью. Однако, Уилькзъ добровольно сдался, и по старому обвиненію (за 45-й номеръ «North Briton» и поэму) былъ приговоренъ къ 22-хъ мѣсячному тюремному заключенію и уплатѣ тысячи фунтовъ. Пока онъ отбывалъ свой срокъ въ тюрьмѣ, «North Briton» издавался его пріятелемъ, книгопродавцемъ Бинглеемъ, который, впрочемъ, скоро также попалъ въ тюрьму, вмѣстѣ со многими другими приверженцами Уилькза. Находясь въ тюрьмѣ, Уилькзъ написалъ въ «St. James Chronicle» очень рѣзкое письмо, обвинявшее Уеймузса за его приказаніе войскамъ произвести нападеніе на толпу, устраивав-

шую демонстраціи въ честь Уилькза. За эту смѣлую замѣтку Уилькзъ былъ снова привлеченъ къ отвѣтственности, когда вышелъ изъ тюрьмы. Послѣ того Уилькзъ нѣсколько разъ попадалъ въ парламентъ, такъ какъ Миддльсексъ выбиралъ его своимъ представителемъ, но вслѣдъ затѣмъ немедленно же изгонялся оттуда. Такимъ образомъ, эта «трагикомедія, по выраженію Берка, была разыграна нѣсколько разъ».

Посаженный въ тюрьму вторично, Уилькзъ предоставилъ своимъ друзьямъ вести агитацію въ его пользу. Въ лондонскомъ Сити, гдѣ Уилькзъ былъ избранъ альдерменомъ, устроилась для него подписка, и митинги, поддерживающіе его претензіи, становились съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе бурными. Вообще волненіе было сильно, и даже палата лордовъ обратила вниманіе на Уилькза. Нѣкоторые изъ перовъ высказали даже порицаніе тѣмъ произвольнымъ мѣрамъ, которыя примѣнялись палатою общинъ къ Уилькзу. Лордъ Чэтемъ высказалъ мнѣніе, что Уилькзъ, какъ и всякій англійскій подданный, пользуется извѣстными правами, данными ему закономъ, и поэтому только законъ и можетъ отнять у него эти права, а никакъ не произволъ парламента.

Вообще раздраженіе лондонскихъ гражданъ противъ парламента было очень велико. Въ 1769 году они отправили петицію къ королю, указывающую на противозаконныя дѣйствія парламента. Отвѣта не послѣдовало. Тогда они снова составили петицію и, пользуясь правомъ личной аудіенціи у монарха, отправили лордъ-мэра Бекфорда, шерифовъ и двѣсти альдерменовъ къ королю, съ тѣмъ, чтобы эта грандіозная депутація словесно заявила ему, что палата общинъ лишаетъ народъ его самыхъ дорогихъ правъ и т. д. и что поэтому граждане требуютъ, чтобы король возстановилъ конституціонное правительство и успокоилъ народъ, распустивъ парламентъ, и навсегда удалилъ бы отъ себя своихъ дурныхъ министровъ.

Король Георгъ отвѣтилъ на это, что считаетъ такое требованіе неуважительнымъ для себя, оскорбительнымъ для парламента и несогласнымъ съ конституціей, и затѣмъ повернулся къ пришедшимъ спиной и громко расхохотался Это было въ мартѣ, а въ маѣ лордъ-мэръ снова отправился къ королю съ

петиціей, составленной въ еще болѣе рѣзкихъ и смѣлыхъ выраженіяхъ, и когда король опять поднялъ его на смѣхъ, то лордъ-мэръ отвѣтилъ ему тѣми самыми смѣлыми словами, которыя вырѣзаны золотыми буквами на памятникѣ, сооруженномъ ему благодарными лондонскими гражданами. Бѣдный лордъ-мэръ черезъ недѣлю послѣ того умеръ, и весьма вѣроятно, что смерть его была ускорена тѣми волненіями, которыя выпали на его долю въ этой борьбѣ. Надо замѣтить, что Бекфордъ находился уже въ это время въ довольно преклонномъ возрастѣ.

Но Уилькзъ былъ живъ, хотя и находился въ тюрьмѣ, и поэтому было кому продолжать борьбу. Какъ только онъ вышелъ изъ тюрьмы, то немедленно возобновилъ борьбу съ королемъ и парламентомъ. Сначала онъ былъ выбранъ шерифомъ Лондона и Миддльсекса и затѣмъ, въ свою очередь—что было явнымъ выраженіемъ протеста противъ тираніи двора и парламента—былъ сдѣланъ лордъ-мэромъ въ 1774 году. Въ томъ же году была распущена палата общинъ, изъ состава которой онъ былъ исключенъ четыре раза. Состоялись новые выборы, и онъ опять, какъ представитель Миддльсекса, былъ возвращенъ въ палату. На этотъ разъ враги его уже не рѣшились болѣе изгонять его. Конечно, онъ прежде всего потребовалъ, чтобы резолюція парламента была вычеркнута изъ журналовъ палаты, какъ «противорѣчащая правамъ всего корпуса избирателей». Предложеніе Уилькза не прошло въ палатѣ, онъ тогда послѣдовательно вносилъ его во всѣ слѣдующіе года, 1776, 1777, 1779 и 1781 и, наконецъ, въ 1782 году его упорство побѣдило и предложеніе было принято. Уилькзъ могъ считать себя удовлетвореннымъ, такъ какъ добился признанія тѣхъ правъ, которыя до этой поры произвольно игнорировались парламентомъ.

Уилькзъ прожилъ до 1797 года, но дальнѣйшая дѣятельность его не дѣлаетъ ему много чести (какъ извѣстно, онъ покинулъ прежнюю партію) и во всякомъ случаѣ не имѣетъ значенія для исторіи журналистики. Впрочемъ, его собственная роль въ журналистикѣ кончилась съ послѣднимъ номеромъ «North Briton'a» и улаженіемъ споровъ и столкновеній, вызванныхъ его знаменитою статьей. Но заслуги его въ

исторіи журналистики велики уже потому, что онъ первый поднялъ политическое значеніе печати на небывалую высоту и принудилъ парламентъ уступить напору общественнаго мнѣнія и окончательно признать право печати судить о парламентскихъ дѣлахъ. Въ періодъ самой ожесточенной борьбы Уилькза съ парламентомъ, одна изъ газетъ, «London Evening Post», попробовала, сначала робко, затѣмъ все смѣлѣе и смѣлѣе, печатать разныя подробности о бурныхъ засѣданіяхъ парламента. Сначала парламентъ, въ пылу борьбы, не обратилъ на это вниманія, но затѣмъ вдругъ спохватился, когда и другія газеты послѣдовали примѣру «London Evening Post», и немедленно издалъ указъ объ арестѣ типографщиковъ и издателей провинившихся газетъ. Уилькзъ тогда былъ альдерменомъ лондонскаго Сити и побудилъ лордъ-мэра выпустить на свободу арестованныхъ, ибо парламентъ поступилъ съ ними незаконно, нарушая привилегіи лондонскаго Сити. Конечно это вызвало бурныя пренія въ парламентѣ, но въ концѣ концовъ парламентъ уступилъ, и такъ какъ новая палата не возобновляла борьбы, то право печатать парламентскіе дебаты осталось навсегда за журналистикой. Отношеніе самихъ парламентскихъ дѣятелей къ журналистикѣ постепенно измѣнилось и вскорѣ молчаніе печати о комъ нибудь изъ парламентскихъ ораторовъ стало считаться обиднымъ, тогда какъ прежде, наоборотъ, оскорбительнымъ признавалось даже одно только упоминаніе въ газетахъ имени ораторовъ.

II.

Въ самый разгаръ распри Уилькза съ парламентомъ, на сценѣ политической журналистики въ Англіи появился писатель-публицистъ, сила таланта котораго, краснорѣчіе и прекрасный слогъ сразу выдвинули его на первое мѣсто и пріобрѣли ему громкую извѣстность не только въ Англіи, но и въ Европѣ. Въ январѣ 1769 года въ журналѣ «The public Advertiser» появился рядъ писемъ, направленныхъ противъ короля и его министровъ и написанныхъ человѣкомъ, какъ видно, не только хорошо знакомымъ со всѣми условіями жизни при

дворѣ короля Георга III и отношеніями окружающихъ его лицъ, но прекрасно знающимъ англійскіе государственные законы и частное право. Настоящее имя автора этихъ писемъ, подписывавшагося псевдонимомъ «Юніусъ», такъ и осталось неизвѣстнымъ, хотя для рѣшенія вопроса: кто былъ Юніусъ? и была исписана масса книгъ и сдѣлано множество изысканій. Но Юніусъ унесъ свою тайну въ могилу. Что самъ онъ не желалъ раскрытія своего псевдонима и ревниво оберегалъ свою тайну, доказывается слѣдующими словами въ его обращеніи къ англійскому народу: «Если я тщеславный человѣкъ, то во всякомъ случаѣ тщеславіе мое удовлетворяется въ очень узкомъ кругу—я одинъ только обладаю своею тайной и она умретъ вмѣстѣ со мной».

Письма Юніуса произвели впечатлѣніе удара грома на англійское общество и, конечно, еще подлили масла въ огонь. Они были такъ превосходно написаны, такъ были проникнуты революціоннымъ духомъ и съ неслыханною смѣлостью выводили истину на чистую воду и разоблачали дѣянія даже самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, что, разумѣется, появленіе ихъ должно было составить эпоху въ исторіи англійской журналистики, поднявшейся, вслѣдствіе этого, на небывалую высоту. Журналъ, печатавшій эти письма, сдѣлался самымъ распространеннымъ въ Англіи и получилъ громкую извѣстность, но даже самому издателю журнала не было извѣстно имя замѣчательнаго публициста, осчастливившаго журналъ своимъ сотрудничествомъ.

Юніусъ вступилъ на поприще журналистики въ самую благопріятную минуту, когда политическая борьба достигла своего апогея и все населеніе Лондона находилось почти въ открытомъ возстаніи противъ министерства и парламента. Положеніе, существовавшее тогда въ Англіи, вполнѣ характеризуется слѣдующими словами Бокля: «Ученія, направленныя къ ниспроверженію принциповъ свободы, лично одобрялись королемъ, открыто признавались парламентомъ, и законы, согласовавшіеся съ этими ученіями, насильственно проводились судами». Несмотря на то, что составъ министерства былъ смертельно ненавистенъ народу, это министерство продолжало держаться и управлять страной. Король Георгъ, ограниченный и упрямый,

былъ просто орудіемъ въ рукахъ своихъ министровъ, хотя и былъ преисполненъ стремленіями къ абсолютизму и считалъ свое дѣло чуть ли не дѣломъ Господа Бога, смотря на себя, какъ на Помазанника Божія. Естественно, что при такихъ условіяхъ вызовъ, брошенный Юніусомъ министрамъ, и даже самому королю, произвелъ громадное впечатлѣніе. Въ своемъ первомъ письмѣ Юніусъ говоритъ: «Гибель народа или его процвѣтаніе настолько зависятъ отъ правительства, что для того, чтобы правильно судить о какомъ нибудь министерствѣ, надо изслѣдовать положеніе народа. Если мы видимъ, что народъ послушенъ законамъ, что промышленность процвѣтаетъ, что внутри онъ спокоенъ и пользуется уваженіемъ извнѣ, то мы можемъ допустить съ полною справедливостью, что его дѣлами управляютъ люди опытные, талантливые и честные. Если же, наоборотъ, мы замѣчаемъ духъ всеобщаго недовѣрія и недовольства въ народѣ, быстрое паденіе торговли, раздѣленіе на партіи во всѣхъ частяхъ государства и полную потерю уваженія въ глазахъ иностранныхъ державъ, то можемъ, безъ всякаго колебанія, высказать мнѣніе, что правительство этой страны слабо, безразсудно и испорчено. Во всѣхъ странахъ народныя массы до извѣстнаго пункта терпѣливы. Дурное обращеніе можетъ усилить неудовольствіе и довести до эксцессовъ, но все же первоначальная причина, породившая неудовольствіе, заключается въ правительствѣ». Затѣмъ Юніусъ указываетъ на плачевное состояніе Англіи, на паденіе ея торговли, обремененіе долгами, испорченность, проникшую во всѣ слои администраціи и т. д. «Если вслѣдствіе непосредственнаго вмѣшательства Провидѣнія, прибавляетъ Юніусъ, намъ удастся избѣжать кризиса, преисполненнаго ужасовъ и отчаянія, то потомство не повѣритъ исторіи нашей эпохи; оно выведетъ заключеніе, что—или наши страданія были воображаемыя, или же мы имѣли счастье находиться подъ управленіемъ людей признанной честности и мудрости. Никогда оно не въ состояніи будетъ допустить, что въ самомъ дѣлѣ мы могли пережить такое отчаянное положеніе, или же выйти изъ него, въ то время, когда герцогъ Грэфтонъ былъ первымъ министромъ, Лордъ Норзсъ—канцлеромъ казначейства, Уеймузсъ и Гильсбороу—государственными секретарями, Гренби—

главнокомандующимъ и Мэнсфильдъ—главнымъ уголовнымъ судьею королевства».

Сэръ Уилльямъ Дрэнеръ попробовалъ было выступить въ защиту Грэфтона и его коллегъ по министерству, но борьба оказалась ему не подъ силу. Бичующее краснорѣчіе Юніуса, адресовавшаго ему лично нѣсколько писемъ въ «Public Advertiser», заставило его не только отступить, но даже скрыться въ Америку, гдѣ онъ искалъ убѣжища отъ мѣткихъ ударовъ своего противника. Но Юніусъ не ограничился имъ однимъ; онъ производилъ нападенія и на другихъ и отвѣчалъ разнымъ другимъ лицамъ, попробовавшимъ было послѣдовать примѣру Дрэнера и возражать ему. Смѣлость и горечь нападокъ Юніуса все возрастала. Онъ выступилъ въ защиту не столько самого Уилькза, дѣло котораго доставило ему богатый матеріалъ для публицистическихъ нападокъ, сколько въ защиту принциповъ, попиравшихся министерствомъ въ данномъ случаѣ. Грэфтонъ, которому особенно сильно доставалось отъ Юніуса, въ концѣ концовъ не выдержалъ и отказался отъ своего поста. Рѣзкія нападки Юніуса такъ дѣйствовали на него, что всякій разъ, по прочтеніи новаго письма Юніуса въ журналѣ, онъ приходилъ въ сильнѣйшее волненіе и рѣшительно дѣлался неспособнымъ заниматься государственными дѣлами.

Но самымъ смѣлымъ, хотя и не самымъ рѣзкимъ, изъ всѣхъ писемъ Юніуса, безспорно, слѣдуетъ считать то, которое появилось въ декабрѣ 1769 года. За недѣлю до появленія этого письма, Юніусъ въ одномъ изъ предшествовавшихъ писемъ говорилъ: «Я теперь обдумываю капитальную и, надѣюсь, послѣднюю главу».

Дѣйствительно, это была капитальная глава—письмо къ самому королю. Юніусъ начинаетъ его слѣдующими словами: «Несчастье всей вашей жизни и первоначальная причина всѣхъ упрековъ, дѣлаемыхъ вашему правительству, и бѣдствій, которыя его постигли, заключается въ томъ, что раньше вы никогда не слышали голоса правды, прежде чѣмъ не услышали его въ жалобахъ вашего народа. Однако, еще не поздно исправить ошибки вашего воспитанія». Затѣмъ Юніусъ смѣло излагаетъ свои взгляды, указываетъ королю его провинности и нѣсколько саркастически совѣтуетъ ему, чтобы онъ отдалилъ

«любезнаго и отъ природы хорошо одареннаго принца отъ безразсудныхъ и вѣроломныхъ министровъ и выдѣлилъ бы частныя добродѣтели принца, какъ человѣка, отъ пороковъ его правительства». Въ этомъ письмѣ специально упоминается объ Уилькзѣ. «Уилькзъ принесъ съ собою въ политику тѣ же самыя легкомысленныя воззрѣнія, какими онъ руководствовался въ своей частной жизни, говоритъ Юніусъ, и, повидимому, онъ полагаетъ, что какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ существуетъ очень мало такихъ безпутствъ, которыя не можетъ позволить себѣ англійскій дворянинъ, то и въ выборѣ своихъ политическихъ принциповъ и въ способѣ ихъ примѣненія въ жизни ему предоставлена такая же свобода. Я хочу лишь объяснить его поведеніе, но далеко не намѣренъ защищать его во всѣхъ отношеніяхъ. Въ своей горячности онъ позволилъ себѣ кое-какіе непростительные намеки. Онъ сказалъ больше, чѣмъ допускается умѣренными людьми, но все же недостаточно для того, чтобы это могло оправдать ту честь, которую вы доставили ему своимъ личнымъ неудовольствіемъ. Лучи королевскаго неудовольствія, собравшіеся вокругъ его головы, только образовали сіяніе, но погубить его не могли. Воспламененный благосклонностью народа, съ одной стороны, и разгоряченный преслѣдованіями—съ другой, Уилькзъ измѣнилъ свои намѣренія и воззрѣнія, согласно перемѣнѣ своего положенія. Едва ли искренній въ самомъ началѣ, онъ теперь сдѣлался энтузіастомъ. Самыя холодныя тѣла разогрѣваются сопротивленіемъ и самыя твердыя тѣла извергаютъ искры отъ столкновенія. Въ политикѣ, какъ и въ религіи, убѣждая другихъ, мы убѣждаемъ и себя. Страсти выступаютъ на сцену и вызываютъ въ насъ чувство материнской нѣжности, заставляющее насъ любить то дѣло, за которое намъ приходится страдать. Неужели эта распря достойна короля?...»

«Единственную задачу вашего правительства въ теченіе уже многихъ лѣтъ составляетъ истребленіе этого одного человѣка, говоритъ дальше Юніусъ, и—что можетъ быть постыднѣе!—для этой цѣли были пущены въ ходъ крайнія вліянія исполнительной власти и всевозможныя министерскія уловки—и все-таки безуспѣшно!»

Письмо Юніуса къ королю можетъ быть названо настоя-

щимъ предостереженіемъ. Юніусъ говоритъ королю, что онъ рискуетъ расположеніемъ своихъ подданныхъ и даже подвергаетъ опасности свое положеніе и положеніе своей семьи, и все это ради ничтожныхъ преимуществъ власти; онъ указываетъ королю на все возрастающее неудовольствіе его подданныхъ, на Ирландію, постоянно подвергающуюся разграбленію и притѣсненіямъ всякаго рода и ежедневно заявляющую свое нерасположеніе правительству; на американскія колоніи, враждебно настроенныя противъ Англіи и т. д. Юніусъ говоритъ королю, что онъ не можетъ ждать поддержки ни отъ Ирландіи, ни отъ Америки, ни отъ своего войска, и тѣмъ менѣе отъ народа, оспаривающаго свои права у правительства. «Вамъ придется, можетъ быть, узнать на опытѣ, восклицаетъ Юніусъ, въ какомъ тѣсномъ родствѣ находятся рабъ и тиранъ между собою!»

«Одно лишь различие именъ не можетъ долго вводить насъ въ заблужденіе, говоритъ Юніусъ, заканчивая свое письмо къ королю. Имя Стюартовъ возбуждаетъ въ насъ только презрѣніе, но вооруженные монаршею властью принципы ихъ становятся для насъ страшны. Государь, подражающій поступкамъ Стюартовъ, долженъ быть предупрежденъ ихъ примѣромъ и, гордясь основательностью своихъ правъ на корону, не долженъ забывать, что какъ одна революція доставила ему эту корону, такъ другая—можетъ ее отнять».

Отвѣтъ короля на петицію гражданъ лондонскаго Сити и презрительное обращеніе его съ лордъ-мэромъ и депутаціей, конечно, должны были вызвать горячій протестъ со стороны Юніуса, точно такъ же, какъ произвольный поступокъ парламента, въ четвертый разъ исключившаго Уилькза, выбраннаго почти единогласно въ Миддльсексѣ, и даже вычеркнувшаго его имя изъ избирательнаго акта. Юніусъ не могъ обойти молчаніемъ этотъ фактъ и, называя его возмутительнымъ произволомъ, заявилъ Грэфтону, что онъ самъ повредилъ себѣ, прибѣгнувъ къ такому способу избавленія отъ Уилькза. «Вы перевернули вопросъ, говоритъ Юніусъ, или—лучше—создали новый, который касается каждаго англичанина столько же, сколько и самого Уилькза. Вы соединили противъ себя всю страну, такъ какъ отъ рѣшенія этого великаго конституціон-

наго вопроса безусловно зависитъ все существованіе наше, какъ свободнаго народа».

«Тягости народа увеличиваются вслѣдствіе поношеній, которыя ему приходится терпѣть—пишетъ Юніусъ въ другомъ мѣстѣ,—его жалобы не только оставляются безъ вниманія, но и устраняются властью, и все то, противъ чего возстаетъ народъ, пользуется рѣшительною поддержкою короля. Въ такую минуту ни одинъ честный человѣкъ не долженъ молчать или оставаться пассивнымъ. Какъ бы ни раздѣляли насъ положеніе и богатство, все же мы всѣ равны, когда дѣло касается правъ свободы. И потому, что мы англичане, то самый послѣдній изъ насъ столько же заинтересованъ въ законахъ и конституціи страны, сколько наиблагороднѣйшій лордъ, и такъ же готовъ защищать ихъ всѣми имѣющимися у него въ распоряженіи средствами, душою сочувствуя этому дѣлу, разумомъ—руководя защитой или же руками—содѣйствуя ей. Это общее дѣло, въ которомъ мы всѣ заинтересованы и всѣ должны принимать участіе. Человѣкъ, бросающій это дѣло въ минуту тревожнаго кризиса—врагъ своего отечества и—что я считаю безконечно менѣе важнымъ—измѣнникъ своему королю. Подданный, дѣйствительно преданный главѣ государства, никогда не посовѣтуетъ королю произвольныхъ мѣропріятій и никогда не подчинится этимъ мѣропріятіямъ. Сити Лондона подало примѣръ, которому, безъ сомнѣнія, послѣдуетъ все королевство».

«Положеніе націи естественнымъ образомъ приводитъ насъ къ обсужденію положенія короля, говоритъ далѣе Юніусъ. Особенный классъ людей пользуется разрѣшеніемъ называть себя «друзьями короля», какъ будто бы весь остальной народъ—враги короля, или же какъ будто бы король вынужденъ искать помощи и утѣшенія въ привязанности немногихъ своихъ любимцевъ, вслѣдствіе того, что остальные подданные относятся къ нему съ неуваженіемъ и недоброжелательствомъ. Эдуардъ и Ричардъ II дѣлали такое же различіе между народомъ и презрѣнною партіей, окружавшею тронъ. Результаты ихъ поведенія могли бы послужить предостереженіемъ ихъ потомкамъ. Но ихъ заблужденіямъ можно найти извиненіе. У нихъ было не меньше фальшивыхъ друзей, чѣмъ у нашего теперешняго

милостиваго короля... Къ поведенію короля нельзя примѣнять обычныхъ правилъ. Его положеніе исключительное. Существуютъ ошибки, которыя ему дѣлаютъ честь, и добродѣтели, которыя для него постыдны. Безцвѣтная индифферентность характера не можетъ быть названа ни добродѣтелью, ни порокомъ сама по себѣ. но она обезпечиваетъ подчиненіе короля лицамъ, которыхъ онъ уважаетъ по привычкѣ, и дѣлаетъ изъ него опасное орудіе честолюбивыхъ замысловъ этихъ лицъ. Отдѣленный отъ всего остальнаго міра съ самаго дѣтства, наставляемый извѣстнаго рода людьми въ извѣстнаго рода понятіяхъ, король не можетъ открыть своего сердца для новыхъ связей и своего ума для лучшаго ученія. Такого рода характеръ представляетъ самую удобную почву для проведенія въ политику и религію упрямаго ханжества, которое начинается восхваляемымъ принесеніемъ въ жертву разума и кончается возведеніемъ королевскаго мученика на эшафотъ».

Однако, Юніусъ, несмотря на революціонный тонъ своихъ писемъ, не былъ сторонникомъ республиканскихъ идей. Онъ говорилъ, что гораздо болѣе восхищается свободною мыслью и искреннею честностью, нежели здравомысліемъ тѣхъ людей, которые предпочитаютъ республиканскую форму правленія ограниченной монархіи, обставленной такъ, какъ она обставлена въ Англіи. Но, желая сохраненія монархической формы англійской конституціи, Юніусъ въ то же время желалъ, чтобы нравы и обычаи народа имѣли строго республиканскій характеръ, т. е. чтобы заботы объ общемъ благѣ вытѣсняли всякіе личные и частные интересы, чтобы безусловное повиновеніе проявлялось только по отношенію къ законамъ и чтобы вездѣ царилъ принципъ честности и справедливости и не на одной только бумагѣ богатые и бѣдные подданные государства пользовались одинаковыми правами передъ закономъ и государственныя тягости распредѣлялись болѣе правильно, а не обрушивались только на однихъ бѣдныхъ тружениковъ.

Приведенные отрывки изъ писемъ Юніуса въ достаточной степени указываютъ, что свобода печати въ Англіи была уже настолько прочно установившимся учрежденіемъ, что ни король, ни парламентъ не могли рѣшиться посягнуть на нее. Юніусъ, не стѣсняясь, высказывалъ рѣзкую, безпощадную правду въ

глаза министрамъ и даже самому королю, и первый въ такихъ широкихъ размѣрахъ воспользовался свободою печати, возведя этимъ англійскую журналистику на небывалую высоту и сдѣлавъ изъ нея могущественное орудіе въ политикѣ. Онъ прекратилъ свое сотрудничество по неизвѣстнымъ причинамъ въ 1772 году, но вліяніе его не исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Его публицистическая дѣятельность не только оставила яркій слѣдъ въ исторіи англійской журналистики, но отчасти должна была отразиться и въ другихъ странахъ, гдѣ свобода печати могла существовать развѣ только въ мечтахъ немногихъ смѣльчаковъ. Французскія и особенно нѣмецкія газеты охотно помѣщали отчеты о распряхъ съ парламентомъ и королевскою властью въ Англіи, печатали извлеченія изъ писемъ Юніуса, и, конечно, какъ французскіе, такъ и нѣмецкіе читатели должны были поражаться смѣлостью рѣчей Юніуса и проводить параллели между собственною печатью, которая не смѣетъ «свое сужденіе имѣть»—и англійскою, смѣло выступающею въ защиту того, что она считаетъ своимъ правомъ.

Какъ бы то ни было, но въ царствованіе Георга III, хотя онъ и не любилъ газетъ, журналистика сдѣлала огромные успѣхи, частью именно вслѣдствіе усилій его самого и его совѣтниковъ стѣснить ея свободное развитіе. Борьба за политическую свободу продолжалась и послѣ смерти Георга III, и хотя она не выдвинула болѣе ни одного столь же сильнаго писателя-публициста, какъ Юніусъ, въ послѣдующія эпохи но тѣмъ не менѣе способствовала дальнѣйшему прогрессу журналистики. Газеты пріобрѣли вліяніе на общественное мнѣніе и этого вліянія уже нельзя было ихъ лишить.

Въ числѣ людей, способствовавшихъ успѣху журналистики въ эпоху Георга III, нельзя не упомянуть о братьяхъ Вудфолль; старшій былъ издателемъ журнала «Public Advertiser», которому сотрудничество Юніуса доставило всемірную извѣстность, младшій же, Уилльямъ Вудфолль, отличался на поприщѣ парламентскаго репортерства. Онъ обладалъ удивительною памятью и вмѣстѣ съ тѣмъ изумительною физическою выносливостью. Когда онъ выступилъ на поприщѣ журналистики, то парламентъ еще очень ревниво оберегалъ свои прерогативы и не допускалъ никакой гласности преній. Однако, эти преро-

гативы постоянно нарушались газетами, несмотря на всякія взысканія и преслѣдованія. Печать, въ данномъ случаѣ, уступала давленію общественнаго мнѣнія, требовавшаго гласности парламентскихъ преній.

Разными косвенными путями издателямъ газетъ удавалось таки доставать отчеты о парламентскихъ засѣданіяхъ, но, разумѣется, эти отчеты зачастую грѣшили неточностью. Появленіе ихъ въ газетахъ обыкновенно вызывало цѣлую бурю. Въ парламентѣ возникали по этому поводу бурныя пренія и обсуждались мѣры, какъ прекратить злоупотребленіе гласностью. Но прекратить было нельзя. Парламентскіе отчеты отъ времени до времени продолжали появляться въ газетахъ, и парламентъ продолжалъ свою безплодную борьбу съ гласностью. Въ самый разгаръ борьбы съ Уильксомъ, Фоксъ заявилъ однажды въ парламентѣ, что онъ считаетъ «единственнымъ способомъ предупредить всякія искаженія парламентскихъ преній въ печати, это—сдѣлать парламентскія пренія и резолюціи какъ можно болѣе гласными». Фоксъ ратовалъ за то, чтобы публикѣ данъ былъ широкій доступъ въ парламентъ. Парламентъ долженъ былъ уступить. Вмѣстѣ съ публикою проникли въ парламентъ и репортеры, но имъ строго на строго воспрещалось дѣлать какія бы то ни было замѣтки во время преній. Любопытно, что это правило очень долго держалось въ силѣ, и еще въ 1807 году одинъ изъ членовъ палаты лордовъ привелъ въ волненіе все собраніе, обративъ вниманіе на то, что какой то «посторонній слушатель сдѣлалъ какія то замѣтки во время преній».

Разумѣется, при такихъ условіяхъ изумительная память Вудфолля должна была сослужить ему огромную службу. Не дѣлая ни одной замѣтки, Вудфолль просиживалъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ парламентѣ и затѣмъ, по окончаніи засѣданія, тотчасъ же принимался за работу, не давая себѣ ни минуты отдыха, и писалъ зачастую шестнадцать столбцовъ парламентскихъ рѣчей, передавая ихъ почти слово въ слово: до того изумительна была его способность запоминанія.

Онъ очень гордился этою способностью, которая, къ слову сказать, приносила ему болѣе славы, нежели матеріальной выгоды. Но, благодаря этой способности, онъ имѣлъ огромное

преимущество надъ своими товарищами на поприщѣ парламентскаго репортерства и первый ввелъ въ журналистикѣ правильное и раннее печатаніе парламентскихъ отчетовъ, которые появлялись въ его газетѣ «Morning Chronicle» всегда на другой же день послѣ засѣданія парламента. Современникъ Вудфолля, Джонъ Тэйлоръ, разсказываетъ, что во время преній Вудфолль всегда сидѣлъ съ закрытыми глазами и облокотившись обѣими руками на свою палку. Ему такъ хорошо знакомы были тонъ и манера различныхъ ораторовъ палаты, что онъ нарушалъ свою позу лишь тогда, когда выступалъ какой-нибудь новый парламентскій дѣятель; Вудфолль узнавалъ его имя и затѣмъ уже болѣе ничего о немъ не спрашивалъ. Стоило ему только разъ послушать его рѣчь и онъ уже дѣлался для него такимъ же старымъ знакомцемъ, какъ и всѣ прочіе. Вудфолль не имѣлъ соперниковъ на этомъ поприщѣ и очень гордился своею дѣятельностью. Между прочимъ, Тэйлоръ разсказываетъ, что онъ былъ такого высокаго мнѣнія о себѣ, что искренно удивлялся, какъ это парламентъ не принимаетъ въ соображеніе его удобствъ. Одному пріятелю, который высказалъ ему соболѣзнованіе по поводу его огромнаго труда, Вудфолль замѣтилъ: «Да, сэръ, а вотъ Чарльзъ Фоксъ назначилъ пренія еще на субботу; что же онъ думаетъ, что репортеры сдѣланы изъ желѣза».

Другая область, въ которой Уилльямъ Вудфолль былъ главнымъ піонеромъ,—это была область театральной критики. Если онъ не былъ въ галлереяхъ парламента, то непремѣнно сидѣлъ въ театрѣ или въ кофейняхъ, посѣщаемыхъ Гаррикомъ, Футомъ, и др. театральными знаменитостями его времени. Въ теченіе сорока лѣтъ онъ не пропустилъ ни одного перваго представленія какой-нибудь пьесы, и публика такъ довѣряла ему, что высказаннаго имъ сужденія было достаточно для того, чтобы обезпечить будущность какой-нибудь пьесы, или же погубить ее.

Никакія мѣропріятія и притѣсненія со стороны двора и парламента не мѣшали, какъ мы видѣли, развиваться англійской журналистикѣ. Не помѣшали этому и фискальныя тягости, хотя цѣль ихъ была задержать развитіе журналистики. Въ 1757 году штемпельный сборъ и налогъ на объявленія былъ

удвоенъ; въ 1776 и 1789 годахъ онъ еще поднялся, но число газетъ непрерывно возрастало и возрастало вмѣстѣ съ этимъ и число распространяемыхъ экземпляровъ. Штемпельный сборъ прогрессивно увеличивался вплоть до 1815 года, когда онъ доведенъ былъ до высшей нормы—четырехъ пенсовъ. Въ 1853 году онъ былъ отмѣненъ окончательно.

Къ концу XVIII вѣка газеты уже далеко ушли впередъ и представляли большое разнообразіе содержанія, рѣзко отличаясь отъ своихъ предшественницъ начала XVIII столѣтія. Въ пятидесятилѣтній промежутокъ времени число газетъ почти утроилось и въ нихъ стали появляться передовыя руководящія статьи, внутреннія и иностранныя извѣстія, парламентскіе отчеты, театральныя рецензіи, статьи по разнымъ вопросамъ и т. д. и вскорѣ введены были спеціальныя корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ. Однимъ словомъ, богатствомъ содержанія и живостью англійскія газеты того времени почти уже не уступали современной намъ печати.

Несмотря на все значеніе, которое уже успѣла пріобрѣсти политическая печать во второй половинѣ XVIII вѣка, положеніе ея все-таки было не очень завидное. По почину лорда Мэнсфильда, государственнаго уголовнаго судьи, котораго Юніусъ назвалъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ «худшимъ и опаснѣйшимъ человѣкомъ во всемъ королевствѣ», стали возникать судебные процессы противъ печати; газеты обвинялись въ диффамаціи и не было ни одного издателя, отличавшагося смѣлостью и либеральными взглядами, которому не пришлось бы поплатиться за это денежными штрафами, а иногда даже заключеніемъ въ тюрьмѣ. Лордъ Мэнсфильдъ создалъ опасный прецедентъ, отъ котораго печать вынесла не мало непріятностей, присвоивъ правительству и коронѣ право рѣшать, даетъ ли поводъ та или другая, указанная въ жалобѣ, газетная статья къ возбужденію судебнаго преслѣдованія противъ издателя по обвиненію въ диффамаціи. Присяжнымъ же лордъ Мэнсфильдъ предоставлялъ лишь право рѣшать, дѣйствительно ли виновенъ обвиняемый въ опубликованіи статьи. Такимъ путемъ лордъ Мэнсфильдъ давалъ въ руки придворнымъ и министрамъ опасное орудіе противъ печати. Судебные процессы по жалобѣ частныхъ лицъ возникали лишь въ такомъ

случаѣ, если эти лица пользовались милостью двора или правительства, но зато, съ другой стороны, правительство и дворъ пользовались широкимъ правомъ притягивать къ суду всѣхъ тѣхъ, кто осмѣливался высказывать о нихъ неблагопріятные отзывы въ печати.

Въ парламентѣ пренія по поводу доктрины Мэнсфильда, касающейся права короны и правительства возбуждать обвиненія въ диффамаціи, имѣли очень бурный характеръ, но все же Мэнсфильдъ одержалъ побѣду, хотя всего лишь большинствомъ *шести голосовъ*. Правило получило силу закона, и правительство и корона, конечно, не замедлили воспользоваться полученнымъ оружіемъ противъ печати. То и дѣло возникали процессы и налагались денежныя взысканія на злополучныхъ издателей. Любопытнѣе всего, что даже тѣ самыя лица, которыя всегда горячо ратовали за свободу слова, тотчасъ же призывали ко всей строгости законовъ, лишь только дѣло касалось ихъ и въ газетахъ появлялась какая-нибудь болѣе или менѣе рѣзкая критика ихъ образа дѣйствій. Такъ, лордъ Чэтемъ возбудилъ процессъ противъ Вудфолля, издателя «Public Advertiser», и такъ же поступилъ Беркъ, тотъ самый Беркъ, который въ парламентѣ горячо возставалъ противъ закона Мэнсфильда и требовалъ признанія права націи критиковать дѣйствія парламента. Число судебныхъ процессовъ уменьшилось лишь тогда, когда, по предложенію Джемса Фокса, парламентъ вотировалъ законъ, по которому право рѣшать—заключаетъ ли данная статья диффамацію, предоставлялось суду присяжныхъ. Законъ этотъ былъ утвержденъ парламентомъ и вступилъ въ силу въ 1792 году, но до этого времени злосчастнымъ издателямъ и книгопродавцамъ пришлось вытерпѣть не мало преслѣдованій со стороны правительства, которое пользовалось своимъ правомъ возбуждать диффамаціонные процессы въ весьма широкихъ размѣрахъ. Джонъ Ольмонъ, сотрудничавшій въ «London Evenig Post» и весьма часто подвергавшійся судебному преслѣдованію во время Мэнсфильда, высказалъ однажды такое мнѣніе: «Лучше своего сына сдѣлать ремесленникомъ, нежели типографщикомъ, журналистомъ или книгопродавцемъ. Ремесленные законы понятны каждому, но законъ о диффамаціи имѣетъ совершенно неопредѣленный характеръ.

Сегодня онъ одно, завтра—другое. Никто не въ состояніи опредѣлить, что это такое. Иногда это то, что вздумается королю или королевѣ, иногда же то, что вздумается министрамъ, а иногда—генеральному атторнею. Каждый можетъ находить въ этомъ законѣ то, что ему хочется!»

Привлеченные къ суду за диффамацію никогда не имѣли возможности оправдаться. Ольмонъ однажды вмѣстѣ съ издателемъ газеты былъ присужденъ къ уплатѣ 2000 ф. ст. за статью, напечатанную имъ противъ графа Сэндуича, перваго лорда адмиралтейства. И хотя Ольмонъ подтвердилъ свои слова о графѣ Сэндуичѣ неопровержимыми доказательствами, да и репутація графа была такова, что никто не сомнѣвался въ томъ, что онъ способенъ на самые безчестные поступки, тѣмъ не менѣе лордъ Мэнсфильдъ настоялъ на томъ, чтобы къ подсудимымъ была примѣнена высшая мѣра наказанія, такъ какъ, по его словамъ, старанія Ольмона доказать, что онъ говорилъ правду, обвиняя графа Сэндуича въ безчестномъ поступкѣ, только усиливаютъ его вину. Вообще размѣры взысканій опредѣлялись, главнымъ образомъ, не степенью вины, а тѣмъ, насколько было угодно правительству и двору лицо, возбудившее процессъ. Поэтому, напримѣръ, по жалобѣ Фокса, взысканіе было назначено лишь въ 100 ф., а по жалобѣ Болингброка и того меньше—20 ф.

Какъ разъ въ то время, когда по предложенію Фокса парламентомъ былъ принятъ извѣстный уже билль о диффамаціи (Libel Bill), расширяющій права суда присяжныхъ, правительство издало прокламацію, направленную противъ «зловредныхъ и возмутительныхъ» произведеній печати, возбудившую презрительныя насмѣшки Фокса, Чарльза Грея и др., но за то вызвавшую восторженный энтузіазмъ въ парламентскомъ большинствѣ. Прокламація эта была частью, если не вполнѣ, направлена противъ Томаса Пэна и его брошюры «Rights of Man» (права человѣка) и дала поводъ къ новымъ преслѣдованіямъ, но на этотъ разъ преслѣдованія касались болѣе отдѣльныхъ брошюръ революціоннаго характера, которыхъ расплодилось множество, нежели періодической печати. Несмотря на то, что число газетъ возросло и журналистика уже пріобрѣла вліяніе и заняла видное мѣсто въ общественной жизни,

она все-таки нѣсколько отступила на второй планъ въ этотъ періодъ времени, вслѣдствіе того, что часть ея работы взяли на себя разнаго рода общественные агитаторы и политическія ассоціаціи. Буря, разразившаяся во Франціи и снесшая ея феодальныя учрежденія съ королемъ во главѣ, отразилась на всей Европѣ. Искры революціоннаго пожара залетали и въ Англію, гдѣ революціонное движеніе выразилось въ образованіи ассоціацій съ различными наименованіями (Revolution Society, Society of Constitutional information, Protestant Society, Rights Societies и т. п.), устройствѣ митинговъ, изданіи прокламацій и памфлетовъ и въ народныхъ волненіяхъ. Внутреннее положеніе Англіи въ этотъ періодъ времени было полно опасностей, недовольство возрастало, интриги при дворѣ увеличивались вслѣдствіе образованія еще новой придворной партіи—принца Уэльскаго, и, казалось, Англіи грозила революція. Однако гроза миновала, и быть можетъ, именно вслѣдствіе того, что, несмотря на всяческія преслѣдованія, свобода печати и свобода слова существовали въ Англіи и играли въ данномъ случаѣ роль предохранительнаго клапана, давая выходъ накопившемуся пару негодованія и предупреждая взрывъ государственнаго котла.

Многіе выдающіеся политическіе дѣятели начинали свое поприще въ журналистикѣ. Эдмондъ Беркъ, напримѣръ, сотрудничалъ въ еженедѣльномъ журналѣ «Englishman», прежде чѣмъ выступить ораторомъ въ парламентѣ, и завоевалъ себѣ репутацію, какъ авторъ многихъ политическихъ брошюръ. Шериданъ также издавалъ, въ товариществѣ съ нѣкоторыми другими лицами, еженедѣльный журналъ «The Iesuit», цѣль котораго была—борьба съ ультра-торійскою администраціей лорда Шельборна. Шериданъ былъ фанатическимъ защитникомъ свободы слова и печати и однимъ изъ выдающихся членовъ «общества друзей народа» (Society of friends of the people). Въ одной изъ своихъ самыхъ замѣчательныхъ, сильныхъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ парламентѣ въ 1810 году, онъ сказалъ: «пусть министерство беретъ себѣ продажную палату лордовъ, раболѣпную и развращенную палату общинъ, пусть оно владѣетъ правомъ раздавать должности, пусть сохранитъ все могущество министерскаго вліянія, всю власть, которую

можетъ предоставить ему его положеніе, для того, чтобы добиться покорности и сломить сопротивленіе—но, вооруженный свободою печати, я безъ страха выйду къ нему навстрѣчу и аттакую могущественную фабрику, воздвигнутую имъ, еще болѣе могущественнымъ орудіемъ, которое у меня будетъ въ рукахъ. Я сброшу съ высоты, на которую она взобралась, продажность и оставлю ее валяться возлѣ развалинъ тѣхъ злоупотребленій, которымъ она служила прикрытіемъ»...

Въ концѣ XVIII столѣтія, какъ мы уже говорили выше, англійскія газеты по формѣ и разнообразному содержанію, начали приближаться къ современнымъ образцамъ. Однако, все же тонъ ихъ часто отличался чрезвычайною грубостью. Шутки, остроты и разныя пикантныя замѣчанія, появлявшіяся въ печати въ то время, отличались особенною безцеремонностью выраженій, и врядъ ли кто нибудь теперь рѣшился бы прочесть въ обществѣ вслухъ то, что появлялось въ тѣ времена на страницахъ распространенныхъ журналовъ и никого, повидимому, не приводило въ смущеніе. Особенно нѣкоторые журналы отличались въ этомъ отношеніи свободою выраженій и между ними довольно распространенный журналъ «Oracle», издававшійся Стюартомъ. Характернымъ для тогдашней журналистики было также печатаніе разныхъ сплетенъ и слуховъ, касающихся великосвѣтскаго общества, въ сопровожденіи насмѣшливыхъ и сатирическихъ примѣчаній. Этотъ отдѣлъ существовалъ тогда во всѣхъ газетахъ, и легкомысленное поведеніе и эксцентричности англійскаго общества доставляли для него богатый матеріалъ; только однѣ газеты ограничивались лишь краткими сатирическими примѣчаніями, другія же печатали цѣлыя сатирическія статьи, въ которыхъ осмѣивалась какая нибудь черта англійскаго высшаго общества. Надо правду сказать, что нѣкоторыя изъ такихъ статей и по сіе время не совсѣмъ еще потеряли характеръ современности, напримѣръ, статья «о національной нравственности и женской одеждѣ», напечатанная въ «Morning Chronicle» въ 1801 году.

Политическая сторона печати, какъ мы уже видѣли, очень скоро достигла высокаго развитія, и въ этомъ отношеніи англійская журналистика уже со временъ Юніуса не уступитъ современной журналистикѣ, но зато репортерское дѣло очень

отстало и долго находилось въ зачаточномъ состояніи. Не оставляющія желать ничего лучшаго въ политическомъ отношеніи, газеты доставляли лишь очень скудныя свѣдѣнія о событіяхъ общаго характера, судебныхъ и полицейскихъ процессахъ и дѣлахъ, общественныхъ собраніяхъ всякаго рода и т. п. Но это еще было впереди.

Спустя почти сто лѣтъ послѣ революціи въ 1788 году была основана газета «Times», до сихъ поръ еще занимающая выдающееся мѣсто въ англійской журналистикѣ. «Times» вначалѣ назывался «Daily Universal Register». Издатель этой газеты Джонъ Вальтеръ, прадѣдъ теперешняго издателя, основалъ въ 1785 году «Daily Universal Register», но черезъ три года нашелъ это названіе неудобнымъ и переименовалъ свою газету въ «Times». Это переименованіе принесло счастье газетѣ и она сразу пріобрѣла большой кругъ читателей. Въ программѣ, напечатанной еще въ «Daily Universal Register», издатель изложилъ свои планы и, указывая на то, что всѣ газеты, выходящія въ Лондонѣ, имѣютъ въ виду лишь свой спеціальный кругъ читателей и приспособляются къ его вкусамъ, объявилъ, что онъ стремится сдѣлать свою газету такою, чтобы она была похожа на «уставленный яствами столъ, на которомъ каждый могъ бы найти, чѣмъ удовлетворить требованія своего вкуса».

Честность и любовь къ своему дѣлу, которыми отличался Вальтеръ, много помогли ему поставить газету на должную высоту. Въ первое время «Times» дѣйствительно держался въ сторонѣ отъ всякихъ партій и старался оставаться независимымъ, оставляя за собою право критики дѣйствій какъ правительства, такъ и всѣхъ партій. Однако, все же «Times» уже тогда могъ быть названъ торійскою газетою, хотя торійскіе принципы «Times» и отличались отъ тѣхъ, которые были приняты при дворѣ. Представителемъ придворнаго торіизма былъ «Morning Post», а органомъ виговъ—«Morning Chronicle».

Вальтеръ, подобно всѣмъ издателямъ своего времени, не избѣжалъ также преслѣдованія. За статью, напечатанную въ «Times» осенью 1789 года, въ которой высказывалось порицаніе герцогу Іоркскому, Вальтеръ былъ приговоренъ къ уплатѣ 50 ф. штрафа и къ позорному столбу на одинъ часъ, а затѣмъ

къ тюремному заключенію на одинъ годъ. Но отъ позорнаго столба его избавили и только посадили въ тюрьму. Сидя въ Ньюгэтѣ, онъ продолжалъ, насколько могъ, руководить изданіемъ газеты, но въ это время въ «Times» появились двѣ новыя статьи, навлекшія на Вальтера гнѣвъ властей. Статьи были направлены противъ герцоговъ Іоркскаго и Кларанскаго и принца Уэльскаго. За это Вальтеръ былъ присужденъ еще на годъ въ тюрьму и къ уплатѣ 200 ф. Заступничество друзей при дворѣ и вмѣшательство знаменитаго адвоката, сэра Томаса Эрскина, помогли Вальтеру и, отсидѣвъ шестнадцать мѣсяцевъ въ Ньюгэтѣ, онъ былъ выпущенъ на свободу.

Сынъ Джона Вальтера, наслѣдовавши своему отцу, долженъ былъ выдержать не малую борьбу, прежде чѣмъ ему удалось поставить газету на ту высоту, на которой она находится въ настоящее время. Молодому Вальтеру было всего лишь девятнадцать лѣтъ, когда отецъ его умеръ и онъ очутился самостоятельнымъ руководителемъ газеты. Несмотря на свои молодые годы, онъ оказался вполнѣ на высотѣ завѣщаннаго ему дѣла и съ такимъ же рвеніемъ и настойчивостью продолжалъ вести газету, какъ и его покойный отецъ. Любопытно въ этомъ отношеніи одно столкновеніе, которое ему пришлось имѣть съ правительствомъ и въ которомъ онъ остался побѣдителемъ, благодаря своей энергіи и находчивости. Съ самаго начала онъ сталъ заботиться о томъ, чтобы доставлять англійской публикѣ наиболѣе раннія и наиболѣе вѣрныя извѣстія изъ за границы. Съ этою цѣлью онъ завязалъ сношенія съ редакціями французскихъ газетъ, откуда вырѣзывались подробныя извѣстія о дѣйствіяхъ французскихъ войскъ и т. п. и затѣмъ отправлялись Вальтеру съ первымъ отходящимъ судномъ. Правительство, однако, находило неудобнымъ для себя появленіе такихъ подробныхъ свѣдѣній въ газетѣ, и поэтому пакеты, адресованные въ «Times», безъ всякой церемоніи конфисковались властями. Какъ только въ которомъ нибудь изъ портовъ являлось иностранное судно, правительственный чиновникъ отбиралъ у капитана пакеты для «Times». Вальтеръ протестовалъ противъ такого произвола властей, но все, чего онъ могъ добиться, такъ это отвѣта, что «онъ можетъ получить *въ видѣ любезности* свои иностранныя бу-

маги, но лишь въ обмѣнъ на другую любезность со своей стороны», т. е., что онъ долженъ былъ обѣщать придерживаться извѣстнаго образа мыслей въ своихъ публикаціяхъ иностранныхъ извѣстій и, слѣдовательно, придавать имъ извѣстную окраску. Вальтеръ снова протестовалъ и снова получилъ отвѣтъ, что «прежде онъ долженъ объявить, какую партію въ политикѣ онъ будетъ поддерживать, и тогда только онъ получитъ обратно свои бумаги». Возмущенный Вальтеръ наотрѣзъ отказался связывать себя какими нибудь обѣщаніями въ политическомъ отношеніи и сталъ изыскивать другіе способы добывать извѣстія съ мѣста войны. И это удалось ему настолько, что очень скоро въ его газетѣ всѣ извѣстія стали появляться сутками раньше, чѣмъ въ министерскихъ органахъ печати, что было очень непріятно правительству, но на этотъ разъ оно не могло повредить Вальтеру, ибо источникъ, откуда онъ добывалъ свои извѣстія, былъ не извѣстенъ никому. Вальтеръ, такимъ образомъ, способствовалъ уничтоженію обычая, практиковавшагося въ лондонскомъ почтовомъ управленіи, систематически задерживать всякія иностранныя извѣстія для газетъ, съ тѣмъ, чтобы они раньше появлялись въ министерской печати.

Стремленія Вальтера сдѣлать свою газету какъ можно болѣе привлекательной для публики выразились еще въ одномъ случаѣ. Онъ отправилъ въ 1807 году въ Альтону Робинсона въ качествѣ спеціальнаго корреспондента. Впослѣдствіи Робинсонъ былъ сдѣланъ Вальтеромъ чѣмъ то въ родѣ политическаго редактора, который долженъ былъ писать статьи по вопросамъ иностранной политики и переводить изъ иностранныхъ газетъ. Въ 1808 году онъ снова былъ отправленъ въ качествѣ спеціальнаго корреспондента въ Испанію.

Въ то время какъ «Times» и другія молодыя газеты пробивали себѣ дорогу къ извѣстности, старѣйшіе представители англійской журналистики постепенно сходили со сцены. Въ числѣ этихъ послѣднихъ знаменитостей, отживавшихъ свой вѣкъ, находился и «Public Advertiser», прославившійся сотрудничествомъ Юніуса. «Public Advertiser» прекратилъ свое существованіе въ 1794 году. Мѣсто его до нѣкоторой степени занялъ «Morning Advertiser», выдвинувшій на сцену новый

родъ журналистики—промышленный, который въ настоящее время имѣетъ также большое значеніе въ Англіи. Это былъ органъ торговцевъ съѣстными припасами и поэтому, главнымъ образомъ, занимался вопросами торговли и только такими политическими и соціальными вопросами, которые интересовали его кліентовъ. «Morning Advertiser» былъ основанъ на кооперативныхъ началахъ обществомъ торговцевъ и имѣлъ довольно большой успѣхъ. По примѣру его были основаны и другіе торговые органы, но они имѣли не такое большое распространеніе, какъ «Morning Advertiser».

Война съ Франціей, имѣвшая для Англіи такія вредныя послѣдствія какъ въ финансовомъ, такъ и въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, принесла пользу только журналистикѣ, которая сдѣлала большіе успѣхи, несмотря на то, что ей не мало пришлось вынести за это время. Еще раньше, чѣмъ во Франціи вспыхнула революція, причины, вызвавшія ее, оказали свое дѣйствіе на англійское общественное мнѣніе. Руссо, Вольтеръ и другіе піонеры французской революціи имѣли послѣдователей и въ Англіи, и хотя возникшія въ англійскомъ обществѣ «ереси»—какъ называли соціалистскія и республиканскія воззрѣнія противники этихъ воззрѣній—выражались, главнымъ образомъ, въ памфлетахъ, поэмахъ и рѣчахъ на митингахъ и различныхъ демократическихъ собраніяхъ, но онѣ находили все-таки отголосокъ и въ періодической печати. Открывая парламентъ въ декабрѣ 1792 г., Георгъ III въ тронной рѣчи заявилъ, что «проповѣдники возмущенія и подстрекатели, находящіеся въ союзѣ съ французскими революціонерами, замышляютъ разрушеніе прекрасной англійской конституціи (our happy constitution)»—и хотя Фоксъ горячо возсталъ противъ такой возмутительной клеветы на англійскую націю, тѣмъ не менѣе обѣ палаты, Верхняя и Нижняя, присоединились къ воззрѣніямъ короля и одобрили прокламацію, которая, въ виду обилія проповѣдниковъ смутъ и возмущенія, предлагаетъ милиціи учинять съ ними короткую расправу. Такія дѣйствія правительства увеличили и, пожалуй, даже создали опасность, призракъ которой такъ пугалъ ихъ, такъ какъ многочисленныя преслѣдованія, порожденныя прокламаціей правительства, только усилили волненіе умовъ: тю-

ремныя заключенія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже смертная казнь, далеко не дѣйствовали устрашающимъ образомъ, и многіе изъ тѣхъ, кто при другихъ условіяхъ смиренно покорился бы правителямъ, поставленнымъ надъ ними, прониклись духомъ протеста и заговорили о необходимости перемѣны.

Конечно, на журналистику прежде всего посыпались обвиненія въ пропагандѣ вредныхъ идей. Однако, существовавшіе законы о печати не давали министерству возможности прямо придавить печать и заставить ее замолчать, поэтому оно прибѣгло къ косвеннымъ путямъ. Въ 1798 году Питтъ провелъ въ парламентѣ новый законъ, касающійся газетъ, который имѣлъ въ виду «предупредить вредъ, наносимый газетами, печатаемыми и издаваемыми неизвѣстными лицами, и вообще регулировать изданіе газетъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ». Вотъ въ этихъ то «другихъ отношеніяхъ» и заключалась вся суть, такъ какъ новыя правила были такъ искусно составлены, что давали возможность министрамъ тиранически дѣйствовать противъ печати и налагать на нее самыя тяжелыя взысканія по малѣйшему поводу.

До сихъ поръ мы говорили только о лондонской печати, такъ какъ только эта печать въ дѣйствительности руководила общественнымъ мнѣніемъ и принимала дѣятельное участіе въ борьбѣ за свободу. Провинціальная печать очень долго была лишь отраженіемъ лондонской печати и руководствовалась ея взглядами. Собственно провинціальная печать начала существовать лишь послѣ 1695 года и упраздненія закона о цензурѣ. Тотчасъ же по введеніи свободы печати возникла первая провинціальная газета въ Англіи «Lincoln Rutland and Stamford Mercury», но лишь въ концѣ XVIII столѣтія провинціальная печать начала сильно размножаться; въ 1782 г. было 50 провинціальныхъ газетъ, а въ 1795—72.

Въ Шотландіи, которая управлялась своими собственными законами, предшествовавшими акту уніи, первая газета «Mercurius Caledonius» начала издаваться въ 1660 году, но она просуществовала недолго. Вообще газетное дѣло развивалось въ Шотландіи довольно медленно. Въ 1820 году число шотландскихъ газетъ достигало 31. Въ Ирландіи же, въ томъ же

году, издавалось уже 56 газетъ. До акта уніи вся ирландская печать проповѣдывала антианглійское направленіе. Ни одинъ защитникъ англійскаго правительства не осмѣливался открыто выступить въ печати. Въ 1780 году цѣлый штабъ журналистовъ и типографовъ со станками былъ отправленъ изъ Лондона въ Дублинъ для того, чтобы основать тамъ газету «The Voluntier Evening Post», и сначала эта газета пользовалась симпатіями ирландскихъ читателей, но какъ только она сняла маску и политика ея сдѣлалась ясна читателямъ, сразу произошла перемѣна, и народъ такъ возмутился этимъ лицемѣріемъ, что толпа напала на редакцію и типографію и разгромила все. Издатель спасся бѣгствомъ, и этимъ кончилось существованіе газеты. Съ введеніемъ уніи тонъ ирландскихъ газетъ измѣнился, но эта перемѣна зависѣла больше отъ щедраго подкупа, практиковавшагося правительствомъ, нежели отъ дѣйствительнаго измѣненія чувствъ ирландскаго народа. Изданіе ирландскихъ газетъ сдѣлалось прибыльнымъ ремесломъ, но, разумѣется, не для тѣхъ, кто служилъ выразителемъ чувствъ ирландскаго народа. Такія газеты, не измѣнявшія своимъ убѣжденіямъ, должны были не только запастись мужествомъ, чтобы вынести всяческія преслѣдованія, но и достаточными денежными средствами, для того, чтобы многочисленныя денежныя взысканія не поколебали самаго ихъ существованія.

Исторія англійской печати американскихъ колоній до ихъ отпаденія заключаетъ въ себѣ немало интереснаго и поучительнаго. Первая американская газета «The Boston News Letter» была основана въ 1704 году Джономъ Кэмпбеллемъ, который помѣщалъ въ ней европейскія и мѣстныя новости и объявленія. Послѣ двухъ лѣтъ существованія этой газеты Джонъ Кэмпбелль объявилъ публикѣ, что онъ потерялъ деньги въ этомъ предпріятіи. Затѣмъ, въ 1715 году, онъ снова обратился къ публикѣ съ заявленіемъ, что если ему будетъ сдѣлано соотвѣтствующее поощреніе, въ видѣ ли денежной суммы или же обезпеченія извѣстнаго числа подписчиковъ, то онъ будетъ прибавлять къ объявленіямъ еженедѣльный листокъ новостей и постарается о томъ, чтобы европейскія новости не запаздывали болѣе, чѣмъ на пять мѣсяцевъ—въ январѣ 1719 года онѣ запоздали на тринадцать мѣсяцевъ! — Бостонцевъ,

однако, такая перспектива не очень то прельщала, и поэтому отсталая газета Кэмпбеля не только не получила желаемой поддержки, но въ 1719 году была основана новая, конкурирующая съ нею газета «The Boston Gasette», которую началъ печатать Джемсъ Франклинъ, старшій братъ Веньямина Франклина. Впослѣдствіи Джемсъ Франклинъ издавалъ другую газету «The New England Courant», и Веньяминъ Франклинъ, которому было тогда 15 лѣтъ, былъ у него ученикомъ въ типографіи.

Газета Франклина отличалась смѣлостью рѣчи, юморомъ и сарказмомъ и поэтому не могла не навлечь преслѣдованій на своего издателя. Дѣйствительно, ему пришлось предстать въ судъ, по обвиненію въ кощунствѣ, за то, что въ одной изъ статей, напечатанныхъ въ его газетѣ, находились такія фразы: «слишкомъ много религіи хуже, чѣмъ ея полное отсутствіе. Міръ изобилуетъ плутами всякаго рода, но изъ всѣхъ плутовъ самый худшій тотъ, который дѣйствуетъ подъ прикрытіемъ сутаны. Вся страна страдаетъ отъ такихъ волковъ въ овечьей шкурѣ и т. д.» Американскій судъ только лишилъ Джемса Франклина права издавать газету, но, разумѣется, онъ бы не отдѣлался такъ дешево, если бы его судили въ Англіи. Братъ его, Веньяминъ Франклинъ, былъ уже достаточно великъ для того, чтобы руководить газетой, и поэтому приговоръ суда, въ сущности, не имѣлъ никакого вліянія на изданіе.

Постепенно газеты начали возникать и въ другихъ городахъ Америки, наперекоръ желанію, выраженному нѣкогда губернаторомъ Виргиніи, Беркли, который однажды воскликнулъ: «Слава Богу, у насъ тутъ нѣтъ ни свободныхъ школъ, ни типографій, и я надѣюсь, что, по крайней мѣрѣ, еще сто лѣтъ ихъ здѣсь не будетъ, такъ какъ образованіе только народило въ мірѣ сомнѣнія, ереси и сектантство, а книгопечатаніе прибавило къ этому злу еще нападки на существующій «порядокъ вещей».

Американская печать развивалась необыкновенно быстро. Въ первой половинѣ XVIII вѣка американскія газеты далеко уступали англійскимъ, но двухъ-трехъ десятилѣтій оказалось достаточно, чтобы поднять ихъ на должную высоту, и въ борьбѣ за независимость американская печать играла не только

достойную, но и важную роль. И долго еще послѣ того, какъ Соединенные Штаты заняли независимое и подобающее имъ мѣсто среди цивилизованныхъ націй и могли справедливо гордиться успѣхами своей журналистики, журналистамъ въ Англіи приходилось вести отчаянную борьбу за свободу слова и отстаивать свои права всѣми возможными средствами.

Политическая борьба, однако, не мѣшала прогрессу журналистики, и финансовыя тягости, лежавшія на газетахъ, не мѣшали ихъ издателямъ стремиться не только къ усовершенствованію внутренняго содержанія, но и внѣшняго ихъ вида. Въ ноябрѣ 1814 года произошло событіе, которое должно было произвести настоящій переворотъ въ техникѣ газетнаго дѣла: это—примѣненіе пара къ книгопечатанію. Первый, воспользовавшійся силою пара въ цѣляхъ усовершенствованія техники печатанія, былъ Вальтеръ, издатель «Times». 29-го Ноября 1814 г. вышелъ первый номеръ «Times», отпечатанный посредствомъ паровой машины. Въ этомъ номерѣ находилось обращеніе къ читателямъ, въ которомъ издатель сообщалъ о важномъ нововведеніи въ техникѣ печатнаго дѣла и описывалъ дѣйствіе новой типографской машины, двигающейся паромъ и значительно упрощающей дѣло книгопечатанія. Нововведеніе, однако, вызвало серьезный протестъ со стороны наборщиковъ, но Вальтеръ былъ не такой человѣкъ, чтобы испугаться угрозъ. Онъ давно уже сознавалъ непригодность ручныхъ типографскихъ станковъ, и такъ какъ газета его все разрасталась и число читателей у нея увеличивалось, то онъ увидѣлъ необходимость усовершенствовать способъ печатанія, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ скоро не въ состояніи былъ бы удовлетворить всѣхъ поступавшихъ требованій. Поэтому то, когда одинъ изъ его наборщиковъ сдѣлалъ модель самодѣйствующаго типографскаго станка, то онъ далъ ему денегъ и всячески поддерживалъ его производить дальнѣйшіе опыты. Наконецъ, въ 1814 году онъ пріобрѣлъ патентованный печатный станокъ отъ изобрѣтателя, саксонца Кенига, и тайно, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, производилъ въ отдѣльномъ зданіи опыты съ этимъ станкомъ, подъ руководствомъ изобрѣтателя и его помощниковъ. Тотъ день, когда рѣшено было впервые отпечатать газету на этомъ станкѣ, былъ, конечно,

знаменательнымъ днемъ для Вальтера. Наборщики его, хотя и не знали, что имъ готовится такой сюрпризъ, но подозрѣвали, конечно, и поэтому волновались довольно сильно и объявляли, что убьютъ каждаго, кто своимъ изобрѣтеніемъ повредитъ ихъ труду. Но вотъ въ шестомъ часу утра, 29-го ноября, когда они по обыкновенію собрались въ типографіи, вошелъ Вальтеръ и объявилъ, къ ихъ величайшему изумленію, что «Times» уже отпечатанъ при помощи паровой машины, и затѣмъ прибавилъ, что если они перейдутъ къ насиліямъ, то повредятъ только себѣ, ибо и съ ними поступятъ такъ же, если же они будутъ спокойны, то жалованье имъ будетъ выплачиваться, попрежнему, до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ найдено соотвѣтствующаго занятія. Наборщики подумали и покорились неизбѣжному, и, такимъ образомъ, важное нововведеніе въ техникѣ книгопечатнаго дѣла прошло гораздо спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать на основаніи нѣкоторыхъ первоначальныхъ тревожныхъ признаковъ.

Царствованіе Георга IV не вызвало никакой перемѣны къ лучшему въ положеніи журналистики. Связь Георга IV съ торіями стала еще тѣснѣе, когда онъ вступилъ на престолъ, и поэтому всѣ десять съ половиною лѣтъ его царствованія были періодомъ непрерывной борьбы за политическую свободу—борьбы, въ которой журналистика, конечно, играла не послѣднюю роль. Разительнымъ доказательствомъ значенія журналистики и невозможности совладать съ нею и подчинить ее окончательно, несмотря на всѣ средства, которыя находились въ рукахъ двора и министровъ, служитъ ея вмѣшательство въ распрю короля и королевы, поглощавшую общественное вниманіе въ первые годы царствованія Георга IV. Печать, за исключеніемъ, конечно, оффиціальныхъ и торійскихъ органовъ, почти вся приняла сторону королевы противъ короля, какъ и наиболѣе слабой и какъ менѣе виновной стороны. Даже «Times», обыкновенно поддерживавшій министерство, въ этомъ вопросѣ очутился на сторонѣ оппозиціи, хотя, конечно, онъ тутъ дѣйствовалъ скорѣе подъ вліяніемъ извѣстныхъ матеріальныхъ соображеній, не дозволявшихъ ему итти наперекоръ могущественному натиску общественнаго мнѣнія, нежели изъ внутренняго убѣжденія.

Король и его царедворцы прибѣгли также къ помощи журналистики въ своей борьбѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, высказывавшимся въ пользу королевы, и съ этою цѣлью была основана газета «John Bull», занявшая совершенно особое и позорное мѣсто въ англійской журналистикѣ. Газета была основана исключительно для того, чтобы порочить королеву и всѣхъ ея сторонниковъ, и поэтому надо было найти человѣка, достаточно безстыднаго и безчестнаго, но обладающаго въ то же время бойкимъ и ѣдкимъ перомъ, который бы согласился играть постыдную роль клеветника и писать пасквили въ газетѣ, прикрываясь чужимъ именемъ и чужою спиной. Человѣкъ такой былъ найденъ въ лицѣ Теодора Гука, который согласился служить своимъ ядовитымъ перомъ королю и его партіи, но, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы не подвергаться никакому риску, а лишь получать барыши. Найденъ былъ номинальный издатель и затѣмъ еще одинъ субъектъ, по имени Шекелль, который согласился взять на себя отвѣтственность за клеветы, печатаемыя въ газетѣ, съ тѣмъ, чтобы авторъ ихъ. Гукъ, дѣлилъ съ нимъ барыши.

Такимъ образомъ, все было устроено такъ, чтобы Гукъ могъ безъ всякихъ опасеній изливать свой ядъ на столбцахъ газеты. И онъ дѣйствительно не стѣснялся дѣлать это. Газета въ началѣ второго мѣсяца своего существованія уже начала печататься въ количествѣ десяти тысячъ экземпляровъ. Успѣхъ предпріятія былъ, слѣдовательно, обезпеченъ. «John Bull» явился самымъ страшнымъ и могущественнымъ антагонистомъ королевы. Король былъ въ восторгѣ и говорилъ впослѣдствіи, что «ни онъ самъ, ни его министры, ни его парламентъ и суды не принесли столько пользы, сколько принесъ «John Bull».

Всѣ взысканія и преслѣдованія, которымъ подверглась газета, выпадали лишь на долю ея номинальнаго издателя и подставного лица, согласившагося считаться авторомъ статей, вызывавшихъ нападки. Гукъ всегда оставался въ сторонѣ, и хотя всѣмъ были прекрасно извѣстны его отношенія къ газетѣ, но тѣмъ не менѣе легальнымъ путемъ его участіе доказать было нельзя и поэтому нельзя было подвергнуть его преслѣдованію.

Но, разумѣется, взысканія, къ которымъ присуждался «John Bull», все же не были такъ строги, какъ тѣ, которыя примѣнялись къ радикальной печати, оппозиціонной правительству. Тѣмъ не менѣе оппозиція не складывала оружія и борьба велась съ обѣихъ сторонъ съ ожесточеніемъ. Крайніе торіи находили, что правительство недостаточно энергично преслѣдуетъ оппозицію, и поэтому образовали общество, названное «Конституціонной Ассоціацей», въ составъ котораго вошли сорокъ пэровъ и много духовныхъ лицъ, для борьбы съ оппозиціей и «обезпеченія строгаго примѣненія законовъ ко всѣмъ тѣмъ, кто осмѣливается подвергать сомнѣнію мудрость Георга IV и его министровъ». Король поддерживалъ и одобрялъ эту ассоціацію, извѣстную подъ именемъ «Bridge Street Gang», но тѣмъ не менѣе она просуществовала не долго, такъ какъ политики изъ партіи виговъ подняли въ парламентѣ и въ печати цѣлую бурю противъ злоупотребленій этой ассоціаціи.

Противники правительства пользовались каждымъ поводомъ, чтобы досаждать ему, и для этого часто употребляли его же собственное оружіе. Такъ, Джонъ Ньюпортъ возбудилъ въ парламентѣ вопросъ о нарушеніи привилегій оффиціальнымъ органомъ «London Gasette», напечатавшей, что между петиціями, представленными королю, находилась одна, присланная духовенствомъ изъ Демфи, въ которой заключались жалобы на «рѣзкія и антиконституціонныя рѣчи оппозиціи въ обѣихъ палатахъ парламента и на гнусныя непристойности и искаженія разнузданной печати». На возраженіе, что это былъ лишь простой отчетъ, послѣдовалъ отвѣтъ, что изъ упомянутой петиціи были цитированы разныя мѣста, тогда какъ о другихъ петиціяхъ не сообщалось никакихъ подробностей. Лорду Кастльрафъ пришлось извиняться передъ парламентомъ за проступокъ оффиціальной газеты. Но онъ отмстилъ за это въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ, представивъ жалобу на «Morning Chronicle» за то, что тамъ былъ напечатанъ списокъ именъ тѣхъ членовъ парламента, которые поддерживали предложеніе о принятіи петиціи отъ одного заключеннаго, жаловавшагося на судей. Списокъ былъ напечатанъ въ газетѣ безъ всякихъ комментаріевъ, но подъ слѣдующимъ заголов-

комъ: «Списокъ меньшинства, вотировавшаго противъ замѣчанія лорда Кастлерафа, сдѣланнаго имъ англійскому народу за то, что онъ мѣшаетъ и отнимаетъ время у палаты общинъ своими петиціями». Лордъ Кастлерафъ, конечно, не могъ не понять сарказма, который заключался въ этихъ нѣсколькихъ словахъ, и объявилъ въ парламентѣ, что «худшей и болѣе злобной клеветы еще никогда не появлялось на столбцахъ газетъ». Однако, несмотря на бурныя пренія, которыя произошли вслѣдствіе этого въ парламентѣ, правительство все же не вышло побѣдителемъ изъ этого столкновенія.

Большія и распространенныя газеты, въ родѣ «Morning Chronicle», только выигрывали отъ злобныхъ усилій короля и министровъ повредить имъ. «Morning Chronicle» въ тѣ времена была самою смѣлою и достойною газетой и много выносила преслѣдованій за свою честность. Ея издатель, Джонъ Блэкъ, первый мужественно возсталъ противъ господствовавшаго въ Англіи убѣжденія, что англійскіе законы, англійское судопроизводство и англійскіе судьи представляютъ образецъ совершенства. Блэкъ постоянно указывалъ на недостатки законовъ, судовъ и т. п., пока, наконецъ, ему не удалось пробить кору предубѣжденій и заставить общественное мнѣніе проникнуться сознаніемъ, что англійскій строй далеко не такъ хорошъ, какъ думаютъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Георга IV радикалы, хотя еще весьма немногочисленные, впервые выступили въ парламентѣ въ видѣ совершенно отдѣльной партіи и сдѣлали слабыя попытки вліять на рѣшеніе различныхъ вопросовъ, подвергнутыхъ обсужденію парламента. Въ журналистикѣ же они уже заняли выдающееся положеніе, благодаря смѣлости своихъ рѣчей и неподкупной честности. Кромѣ «Morning Chronicle», руководителемъ общественнаго мнѣнія, въ царствованіе Георга IV и послѣ него, можетъ считаться «Examiner», главнымъ политическимъ сотрудникомъ котораго былъ Фонбланкъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся издателемъ этой газеты. Фонбланкъ, такъ же, какъ и его предшественникъ въ «Examiner» Лей Гунтъ, былъ безстрашнымъ проповѣдникомъ истинныхъ радикальныхъ воззрѣній и ни разу не уклонялся со своего пути. Въ одной изъ своихъ статей въ «Examiner» онъ написалъ

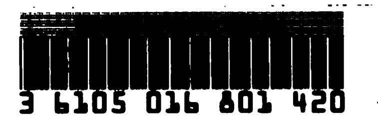
слѣдующее: «Однажды одинъ путешественникъ замѣтилъ, что какой-то бѣдный англичанинъ изо дня въ день, не переставая, шагаетъ по улицамъ Женевы, обнаруживая при томъ сильнѣйшее уныніе. Путешественникъ подошелъ къ англичанину и спросилъ его о причинѣ его горя. Англичанинъ отвѣчалъ, что онъ хочетъ уѣхать на родину, но у него нѣтъ средствъ для этого. «Мой другъ, замѣтилъ ему путешественникъ, еслибы вы ежедневно проходили такое же разстояніе по направленію къ предмету вашихъ желаній, какое вы совершаете по улицамъ Женевы, то вы были бы уже близки къ своей цѣли». Будемъ разумнѣе этого бѣдняги и вмѣсто того, чтобы приходить въ отчаяніе отъ громадности разстоянія, отдѣляющаго насъ отъ нашей цѣли, будемъ неуклонно и упорно стараться пройти хоть то маленькое пространство, которое лежитъ непосредственно передъ нами, и не будемъ приходить въ уныніе отъ дѣйствительныхъ затрудненій или же обманывать себя ложными надеждами, а будемъ довѣрять только своей собственной энергіи и постоянству, которыя помогутъ намъ съ малыми средствами достигнуть огромныхъ результатовъ».

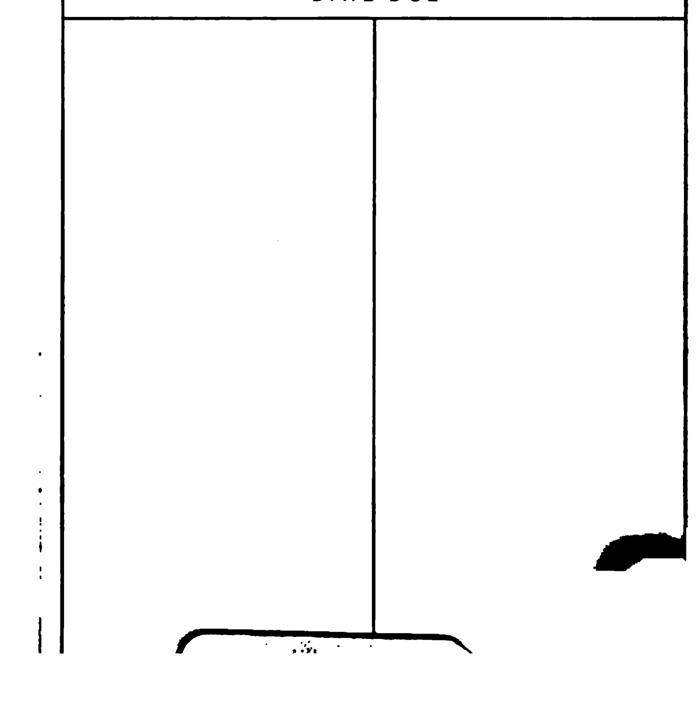
Въ такомъ духѣ работалъ Фонбланкъ въ теченіе болѣе чѣмъ четверти столѣтія. Впрочемъ, вся исторія англійской журналистики есть неуклонное шествіе къ извѣстной цѣли. Возникаютъ препятствія—упорство англичанина въ преслѣдованіи своей цѣли преодолѣваетъ ихъ. Проникнувшись сознаніемъ того, что онъ считаетъ своимъ правомъ, англичанинъ уже не уступитъ изъ этого права ни іоты. Въ вѣковой борьбѣ, которую вели англичане за свою политическую свободу и свободу печати, эта характерная черта англійской націи выступаетъ особенно ярко. Въ противоположность Франціи, откуда раздалась восторженная проповѣдь, пробудившая и увлекшая всю Европу, но гдѣ за взрывомъ горячаго энтузіазма всегда слѣдовала реакція и даже обращеніе вспять, Англія не стремилась никого увлечь своимъ примѣромъ. Въ сущности, до другихъ націй Англіи не было дѣла. Пусть всякій самъ устраивается, какъ находитъ лучше! Поэтому то въ Англіи не раздавалось словъ, которыя могли бы потрясти весь старый міръ до основанія, какъ это сдѣлали слова, раздавшіяся во Франціи. Не будетъ несправедливостью, если мы скажемъ,

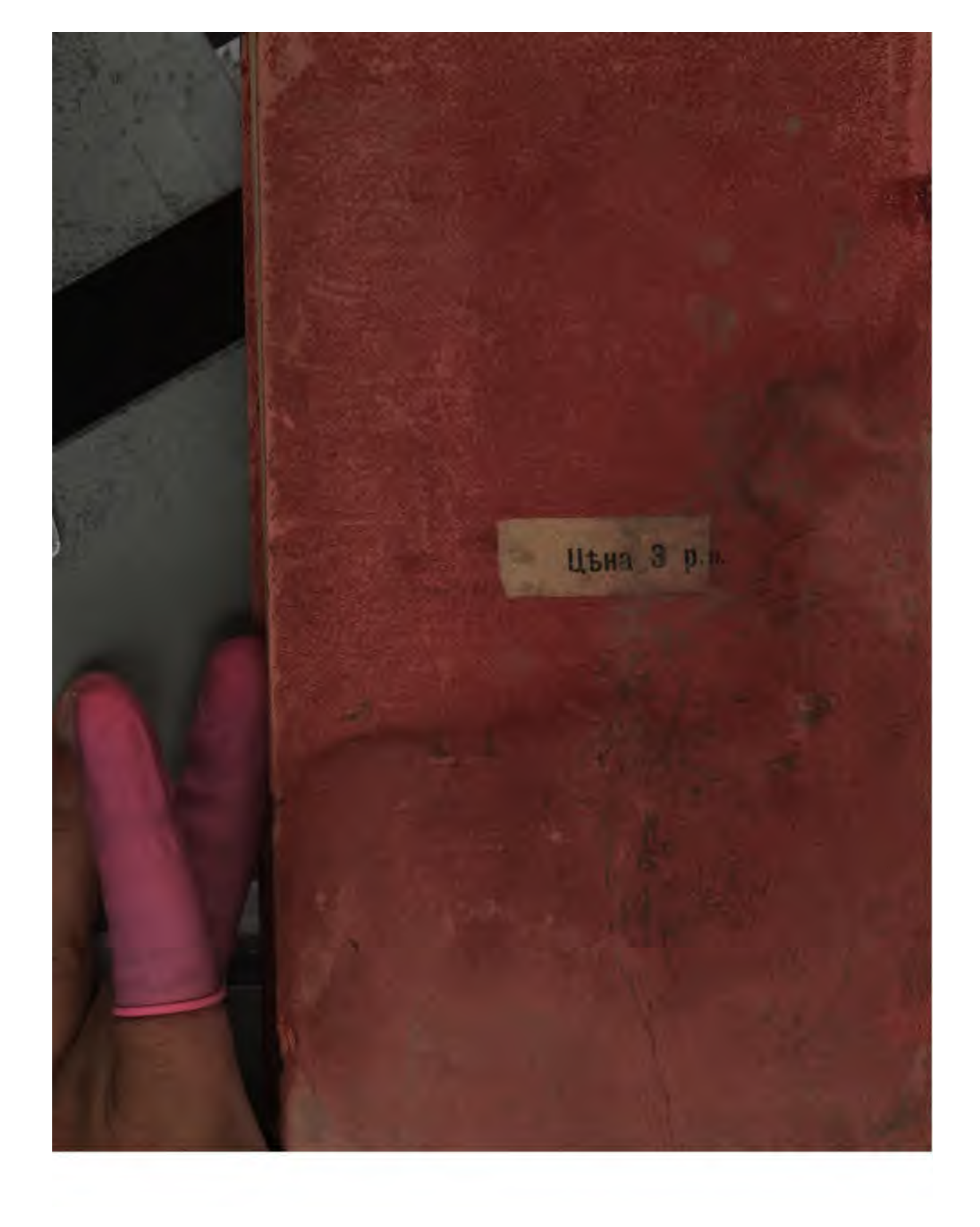
что англійскій прогрессъ, гораздо болѣе ранній и прочный, нежели французскій, не имѣлъ идейнаго характера. Мы видѣли, что проповѣдь Мильтона въ пользу свободы печати не имѣла сначала успѣха, но когда англичане прониклись, наконецъ, убѣжденіемъ, что существующіе законы о печати посягаютъ на ихъ достоинство гражданъ свободной страны, что они стѣсняютъ ихъ и мѣшаютъ ихъ правильному развитію, то безъ вспышекъ, но дѣйствуя твердо и неуклонно, они скоро добились отмѣны этихъ законовъ, разъ навсегда. Свобода печати сдѣлалась правомъ, и посягать на это право англичанинъ уже не давалъ никому.

Э. Пименова.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

3 6105 016 801 420

Цѣна 3 р.